

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

The Fear of the Pandemic and Advertising

The Popular Print about the Chameleon
Beast

Bureaucracy and Crimes in the History
of Punishments

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 10 | 2022 | № 1

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина, Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Guest Editor* – Prof. **Manfred Schruba** (Italy, University of Milan); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).
Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); приглашенный редактор – проф. **М. Шруба** (Италия, Миланский университет); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запартый** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-Ж. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

Vox redactoris

<p><i>Larisa Soboleva, Dmitry Redin.</i> Fear – Punishment – Resistance 7</p>	<p><i>Larisa Soboleva, Dmitry Redin.</i> Fear – Punishment – Resistance 7</p>
---	---

Problema voluminis

<p>COVID-19. Реклама и религиозный дискурс</p> <p><i>Лилия Неведова, Елизавета Сотникова.</i> COVID-19: рекламное противостояние в разных странах. 19</p> <p><i>Ирина Вепрева.</i> Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае . . 35</p> <p><i>Наталья Дьячкова.</i> Альтернативные мнения о вакцинации в религиозном дискурсе 53</p> <p><i>Мария Войтак.</i> Рождественский пастыр- ский визит во время пандемии в Поль- ше: изменение дискурсивных страте- гий и коммуникативных сценариев . 70</p> <p><i>Анна Петрикова.</i> COVID-19 и опыт виртуальной коммуникации греко- католического владыки с паствой . . 84</p> <p>Мир зверей в русской культуре: визульно-вербальный аспект</p> <p><i>Манфред Шруба.</i> Западноевропейская традиция изображения хамелеона в русской народной картинке 96</p> <p><i>Мария Кристина Брагоне.</i> Бестиарий в «Букваре» Кариона Истомина и воспитание царевича Алексея. . 116</p> <p><i>Микела Вендитти.</i> Фауна в поэтическом мировидении Гаврилы Державина . 132</p> <p>Наказание, принуждение и функционеры: российский вектор</p> <p><i>Константин Костромин.</i> Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике. 151</p> <p><i>Светлана Васильева.</i> Проект «Устава о тюрьмах» Екатерины Второй в контексте европейской пенитенциарной мысли 168</p>	<p>COVID-19. Advertising and Religious Discourse</p> <p><i>Liliya Nefedova, Elizaveta Sotnikova.</i> COVID-19: The Advertising Confrontation in Different Countries . . 19</p> <p><i>Irina Vepreva.</i> The National Peculiarities of Coronavirus-Related Social Advertising in Russia and China 35</p> <p><i>Natalia Dyachkova.</i> Alternative Opinions about Vaccination in Religious Discourse 53</p> <p><i>Maria Wojtak.</i> A Christmas Pastoral Visit during the Pandemic in Poland: Changing Discursive Strategies and Communicative Scripts 70</p> <p><i>Anna Petrikova.</i> COVID-19 and a Greek Catholic Hierarchy's Experience of Virtual Communication with Parishioners . . . 84</p> <p>The Animal World in Russian Culture: The Visual and Verbal Aspects</p> <p><i>Manfred Schruba.</i> The Western-European Tradition of Depicting the Chameleon in Russian Popular Prints. 96</p> <p><i>Maria Cristina Bragone.</i> Karion Istomin's Bestiary and the Upbringing of Tsarevich Alexei 116</p> <p><i>Michela Venditti.</i> Fauna in the Poetic Worldview of Gavril Derzhavin . . . 132</p> <p>Punishment, Enforcement, and Functionaries: The Russian Route</p> <p><i>Konstantin Kostromin.</i> Heavenly and Earthly Princes in Old Rus': From Theological Reflection to Practice. 151</p> <p><i>Svetlana Vasilieva.</i> The Draft of Catherine II's <i>Penal Regulations</i> in the Context of European Penitentiary Thought 168</p>
--	---

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Попп. Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России185

Олег Тарасов. Конфликт в карательной системе Рязани и побег политзаключенных в 1921 году ...204

Сергей Красильников. Охранители: коменданты спецпоселков Западной Сибири в довоенный период.221

Юрий Пилявец, Роман Иваняков. Борьба с преступными группировками в исправительно-трудовых лагерях и колониях послевоенного Советского Союза 238

CONTENTS

Ivan Popp. Volost Clerks in Judicial Bureaucracy: The Myths and Reality of Post-Reform Russia185

Oleg Tarasov. Confrontation in the Punitive System of Ryazan and the Escape of Political Prisoners in 1921.....204

Sergey Krasilnikov. Custodians: Commandants of the Special Settlements of Western Siberia in the Inter-War Period 221

Yuri Piliavets, Roman Ivanyakov. Fighting Criminal Groups in Corrective Labour Camps and Penal Colonies in the Post-War USSR238

Origines

Олег Русаковский. *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia:* неизвестное англоязычное описание России и проблема авторства. 255

Oleg Rusakovsky. *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia:* An Unknown English Description of Russia and Its Author . 255

Disputatio

Елена Приказчикова. Ванька Каин в культурном пространстве России: семиотика поведения.275

Марина Накишова. Комендант северной столицы Яков Хрисанфович Бахмеотов: исполнение служебного долга в петровское время.290

Алексей Раздорский. Казенная торговля табаком в России петровского времени: Курск и Вязьма 306

Андрей Усачев. Время и причины ухода Федора Колычева в Соловецкий монастырь.....319

Сергей Азаренко, Андрей Келлер. Своеобразие Уральского старопромышленного региона: социально-топологический аспект.....335

Elena Prikazchikova. Vanka Kain in Russia's Cultural Space: The Semiotics of Behaviour.....275

Marina Nakishova. Yakov Khrisanfovich Bakhmeotov, Commandant of the Northern Capital: Performance of Duty under Peter the Great.290

Aleksey Razdorsky. The State Tobacco Trade in Russia during the Petrine Era: Kursk and Vyazma306

Andrey Usachev. The Time and Reasons for Fyodor Kolychev's Retreat to the Solovetsky Monastery.....319

Sergey Azarenko, Andrey Keller. The Regional Peculiarities of the Ural Old Industrial District: Socio-Topological Aspects335

Controversiae et recensiones

Дмитрий Буланин. Русская графическая среда в изложении британского ученого.....355

Oleg Larionov. Regional Literary History: The Case of the Urals 365

Об авторах.....372

Сокращения379

Dmitrii Bulanin. The Russian Graphosphere: The Perspective of a British Scholar.....355

Oleg Larionov. Regional Literary History: The Case of the Urals 365

On the Authors.....372

Abbreviations379

Fear – Punishment – Resistance

Shame arises from the fear of men, conscience from the fear of God.
Samuel Johnson

As a natural instinct, fear helps save people and other living creatures from extinction. However, fear is also a state that can be characteristic of society as a result of common experiences during natural or social disasters. The more fear hurts mass feelings, the more destructive it is, darkening the mind and instigating madness in the crowd. The feeling of fear is used as a most profound control mechanism, since it is based on unconscious emotions, the origins of which, as well as their scale and depth, cannot be fully comprehended until some time has passed. Understanding fear not only in its emotional manifestations, but also as an abstract phenomenon that plays an important role in human life was one of the basic concepts of nineteenth-century existentialism, namely that of Kierkegaard [Кьеркегор] and his followers (Heidegger, Camus, Sartre, Wilson). The experience of fear has entered the conceptual sphere of Russian culture as “a deep, painful feeling that affects the soul” [Страх, с. 266].

The current *Problema voluminis* section explores the historical and modern aspects of fear from different perspectives, as well as the search for resistance to fear and the mechanisms to manipulate and overcome it. A well-known phrase from Samuel Johnson’s correspondence coins an important property of overcoming fear – the translation of everyday feeling into responsibility (“conscience”) in the face of eternity.

COVID-19, as we see it, is a real test for people’s fear of illness and death, as well as a test of humanity’s capacity for concerted action. *Quaestio Rossica* was one of the first academic journals in Russia to respond to changes in the pandemic situation in the main “mirror” of life, language [COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран]. The current issue examines the possibilities of confronting this catastrophe with the help of social advertising and its successes and failures in different countries. *Lilia Nefedova* and *Elizaveta Sotnikova* (Chelyabinsk, Russia) emphasize the special role of structural and semantic compression as a result of the combination of expressiveness in verbal and non-verbal means. The “coronavirus” experience allows us to trace more precisely the linguistic and cultural characteristics for dealing with fear and record them at their peak. This theme is continued by *Irina Vepreva* (Yekaterinburg, Russia), who compares Chinese and Russian social advertising aimed at combating

coronavirus. Russian advertising's lack of effectiveness, according to the article, is one of the factors behind low vaccination rates. Formalism, the bureaucratization of language, and the sparse use of nationally expressive images are dominant. In contrast, Chinese Covid-themed social advertising turns to metaphor, mythology, and playing with specific events and historical realities (the outlines of a bat, images of revolution, an academic on the frontline, etc.) in the hope of creating an emotional response among citizens and pushing them towards vaccination.

The second block of articles in this section deals with the religious response to the pandemic. *Natalia Dyachkova* (Yekaterinburg, Russia) explores alternative opinions about the behavior of parishes and priests who had the opportunity to support positive attitudes to vaccination with their sermons. The theme of responsibility, clearly understood in the clerical environment, is continued in the articles by *Maria Wojtak* (Lublin, Poland) and *Anna Petrikova* (Prešov, Slovakia). The former considers new behavior patterns among believers and changes in church rites in the Catholic Church (the institution of the "home church"), while the latter analyses the speeches of the Greek Catholic Archbishop Milan Chatur in Slovakian social networks. Observations on the linguistic features of priests' sermons allow both authors to identify the discursive dominants aimed at supporting people in their family and personal lives. Creating hope and mutual assistance in order to overcome fear is recognized as highly important in contemporary religious life.

Colleagues from Italy offer landmark material about the figurative embodiment of the "bestial" world in various spheres of Russian culture. As stated by *Manfred Schrubba* (Milan, Italy), images of the never-seen "Chameleon Beast" depicted in *lubok* drawings based on the Western European engraving tradition were aimed not so much at frightening the Russian reader as surprising them. The world as presented in these drawings offered a new face to readers; fantasies looked like reality, and terrible beasts became home entertainment enacted by the *lubok* artist. The "bestiary" of Karion Istomin, a seventeenth-century Russian poet, is the subject of research by *Maria Cristina Bragone* (Pavia, Italy): this work was for use in a primer intended for Tsarevich Alexei Petrovich, the failed heir of the Russian emperor Peter the Great. The author considers the primer's imagery, which repeats symbols from the coats of arms of various Russian territories: this was a technique used to educate the future emperor. *Michela Venditti* (Naples, Italy) examines the symbolic meaning of fauna and studies the modernization of animal images in the work of the eighteenth-century Russian lyricist Gavrila Derzhavin. In bestial imagery, the author finds the embodiment of the sensual and emotional spheres of the poet's heritage.

Getting rid of fear is an important task for state institutions, although it is often accompanied by the generation of another fear, that of punishment. The section's third topic seeks to conceptualize the essence and process of punishment in Russian history. For a multidimensional review of this problem, the journal gives the floor to *Konstantin Kostromin* (St Petersburg, Russia), who compares theological ideas about religious

and secular punishment with practices in the judicial and penitential law of medieval Russia. Empress Catherine II's analysis of new aspects in the system of punishments has attracted the attention of *Svetlana Vasilyeva* (Ryazan, Russia). In her opinion, the *Penal Regulations* reflects both European legislators and Russian practice, which were creatively reworked by the empress.

The research interest in actors within the judicial and punitive systems corresponds to the anthropological turn in thinking about history. On the basis of archival writings, *Ivan Popp* (Yekaterinburg, Russia) studies *volost* clerks, small “cogs” in the imperial bureaucracy on whom the popular idea of justice and accessibility of the law seemed to have depended. Inconspicuous at first glance, the clerk was often the only thread connecting two worlds, the authorities and the people. In the end, the quality of a clerk's performance served as some guarantee of protection against arbitrariness of institutions. I. Popp studies these clerks through materials from the post-reform period.

A study of *Oleg Tarasov* (Ryazan, Russia) considers post-Civil War political prisoners, exploring the escape of more than 30 prisoners from a Ryazan prison. This fearless flight occurred as a result of the pro-active position of some political prisoners who had been recently active in the revolutionary events and of confusion and bureaucratic mishap in the local and central penal systems. Characteristically, corporate cooperation worked on both sides, helping the prisoners to arrange the escape and the guards to avoid punishment for negligence and blatant irresponsibility. The topic of professional readiness in places of detention and the influence of occupations on people's fate in the dramatic times of the late 1930s is studied by *Sergey Krasilnikov* (Novosibirsk, Russia). The use of prosopography allows the author to reconstruct a “group portrait” of prison camp commandants in Western Siberia. The ability to adapt and communication skills in relation to the authorities and inmates alike were prerequisites for a long career in this profession. At the same time, according to the article, the lines between legal and illegal methods of governance were blurred, which was facilitated by the Stalinist system of punishment. The topic ends with a dramatic article by *Roman Ivanyakov* and *Yuri Pilyavets* (Pskov, Russia) that researches the long, cruel, and unprecedentedly large-scale confrontation between criminal groups in post-war Soviet correctional camps, the so-called “*such'ya*” conflict (or conflicts). The authors consider the struggle for camp resources to be the cause of this protracted conflict, which stretched from 1947 to 1954. The usual practice of the penitentiary administration of using the confrontation between criminal groups for their own benefit did not bring about their mutual weakening, but rather provoked an increase in violence and destabilized the entire penitentiary system. The article is based upon a solid range of sources.

The *Origines* section in the current issue of *Quaestio Rossica* is quite extraordinary. *Oleg Rusakovsky* (Moscow, Russia) offers a text previously unknown to academic readership, the anonymous work *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia* (approx. 1634). This piece is interesting because of the identity of the alleged author – George Reed, nephew of Sir Francis Windebank, secretary of state of England. Reed

is known as a prominent resident of Virginia, the oldest British colony in North America. If we consider him the author of the published manuscript, then his stay in Russia is a curious, newly discovered part of his biography. The content of the manuscript is remarkable for the descriptions of life in Russia at that time and the characteristics of the foreign community's morals in the Russian capital (the English and the Scots), which the author seems to hold in low esteem. The publication presents the author's translation of this text into Russian.

The *Disputatio* section offers looks at deviant and normative behavior and their public assessment. *Elena Prikazchikova* (Yekaterinburg, Russia) compares two eighteenth-century criminals, Ivan Osipov (Vanka Kain) and Louis Dominique Bourguignon (Cartouche). Both personalities were distinguished by their attitude to publicity – Osipov openly used connections with the police in his own interest and bragged about his impunity, while the French fraudster turned robberies into performances and bribing law enforcement officers. According to the article's conclusions, the image of the “noble robber”, so attractive in secular European culture, never took root in the Russian understanding of justice. An example of honest service to the state and city is provided by *Marina Nakishova* (Yekaterinburg, Russia). The hero of the article, the commandant of St Petersburg Yakov Bakhmeotov, performed official duties to the best of his ability, embodying the role of a business functionary. Through his efforts, the city's infrastructure grew and St Petersburg's status as a capital increased. Archival materials reveal the versatility of the commandant's activities and personal qualities.

The reconstruction of a little-studied but important stage in the life of Fyodor Kolychev, who later became Metropolitan Filipp (1566–1658), is the subject of an article by *Andrey Usachev* (Moscow, Russia). Analyzing Filipp's *Life*, acts from the period, and other sources, the author proves that Fyodor's departure to the Solovetsky monastery was not due to either participation in the Staritsky rebellion of 1537 or repressions against his relatives, but was rather the result of his own spiritual journey. The future monastic life of Fyodor-Filipp in the Solovetsky Islands was mainly connected with his economic activities: under Filipp's governance, the initially modest northern monastery underwent an economic expansion.

Two articles in this section belong to the economic history of Russia. *Alexey Razdorsky* (St Petersburg, Russia) offers a comparative analysis of Kursk and Vyazma tobacco customs books from the 1720s, exploring the history of the legal trade in this product and reconstructing its structure, technologies, and profitability. The tobacco trade was subject to indirect taxes, which had a large, if not critical, importance in the total income of the Russian state in the first third of the eighteenth century; however, Russia occupied a very modest place in this sector. This was due to the rather low consumption of tobacco in Russia, which was under a strict ban until the 1690s. *Sergey Azarenko* and *Andrey Keller* (Yekaterinburg, Russia), in their turn, consider a better explored topic, i. e. the evolution of the Ural mining industry over almost two centuries. Assessing the influence of regional specificities on the forms of management

and social practices, the authors theorize this material by using both the economic views of cameralists and modern approaches to social topology.

In this issue of the journal, two articles summarize publications from major research projects (*Controversiae et recensiones*). *Dmitry Bulanin* (St Petersburg, Russia) reviews the work of the British historian Simon Franklin on Russian writing culture from the mid-fifteenth to the mid-nineteenth centuries. The reviewer notes Franklin's undoubted success in tracing and summarizing the development of this aspect of Russian culture, while at the same time making comments that seek to constructively clarify further reflections. Meanwhile, *Oleg Larionov* (St Petersburg, Russia) assesses a study of regional Russian literature, the two-volume work *A History of Literature in the Nineteenth-Century Urals* (published in 2020). The review deeply analyses the relationship between the articles featured in this history and contemporary critical theory.

Larisa Soboleva

Dmitry Redin

Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia

Translated by Anna Dergacheva

Стыд – это страх перед людьми, совесть – страх перед Богом.

Сэмюэл Джонсон

Страх как природный инстинкт спасает людей и любое живое существо от исчезновения. Но страх – это и состояние, которое может быть свойственно социуму в результате общих переживаний природных и социальных катастроф. Чем более страх задевает массовые чувства, тем более он деконструктивен, затемняет разум и порождает безумие толпы. Чувство страха используется в манипуляциях как наиболее глубокий механизм управления, поскольку в его основе лежат бессознательные эмоции, истоки которых, масштаб и подлинность осознаются по истечении времени. Понимание страха не только в эмоциональной сущности, а как абстрактного явления, играющего важную роль в жизни человека, становится в XIX в. одним из базовых понятий философии экзистенциализма С. Кьеркегора [Кьеркегор] и продолжает обсуждаться в философии его последователей (М. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Уилсон). Переживание страха входит в концептосферу отечественной культуры как «глубокое мучительное чувство, затрагивающее душу» [Страх, с. 266].

Материалы рубрики *Problema voluminis* в разных ракурсах раскрывают исторические и современные аспекты ощущения страха, поиск противостояния и механизмы манипуляций и преодоления. В известной фразе из переписки С. Джонсона отмечено важное свойство

преодоления страха – перевод обыденного чувства в ответственность («совесть») перед лицом вечности.

COVID-19 становится настоящим испытанием людей страхом болезни и смерти и проверкой человечества на согласованность действий. Журнал *QR* одним из первых в России отозвался на изменения в ситуации с пандемией в главном зеркале жизни – языке [COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран]. В этом номере рассматриваются возможности противостояния катастрофе с помощью социальной рекламы, ее успехи и провалы в пространстве разных стран. *Лилия Нефедова* и *Елизавета Сотникова* (Челябинск, Россия) подчеркивают особую роль структурной и семантической компрессии как результат сочетания выразительности вербальных и невербальных средств. «Коронавирусный» опыт позволяет ярче проследить лингвокультурные национальные особенности и зафиксировать их на пике проявлений. Тема продолжена в статье *Ирины Вепревой* (Екатеринбург, Россия), сопоставившей китайскую и российскую социальную рекламу, направленную на борьбу с коронавирусом. Недостаточная эффективность российской рекламы оказалась одним из факторов, повлиявших на низкие темпы вакцинации.

Формализм, канцеляризм и скупое использование национально-выразительных образов, связанных с жизнелюбием и спасением, оказались доминантными в сравнении с локальным творчеством в удачном использовании просоветских клише или других оригинальных приемов. Китайская реклама в своих средствах воздействия обращается к метафоре, мифологии, обыгрыванию конкретных событий и исторических реалий (очертания летучей мыши, образы революции, академик на передовом рубеже и т. п.) в надежде вызвать эмоциональный отклик у жителей Поднебесной и вакцинироваться.

Второй блок статей касается религиозного отклика на пандемию. Альтернативные мнения о поведении не только верующих, но и служителей храмов, имеющих возможность словом подкрепить у прихожан положительное отношение к вакцинации, демонстрируют материалы *Наталии Дьячковой* (Екатеринбург, Россия). Тема ответственности, особенно четко осознаваемой в клерикальной среде, поддерживается статьями *Марии Войтак* (Люблин, Польша) и *Анны Петриковой* (Прешов, Словакия). Они рассматривают новые грани поведения верующих и проведения церковных обрядов, сформированные в реагирующей на изменение условий католической церкви (институт домашней церкви), и выступления восточно-католического архиепископа М. Хаутура в социальной сети Словакии. Наблюдения за лингвистическими особенностями его посланий дают основание выделить основные дискурсивные доминанты, которые направлены на поддержку человека в его семейном быту и личной жизни. Забота о формировании вектора надежды и взаимопомощи, ведущая к преодолению страха, осознается как важнейшая составляющая современной религиозной жизни.

Коллеги из Италии предложили знаковый материал об образном воплощении «звериного» мира в разных сферах русского культурного пространства. Невиданный «хамелеон-зверь», очертания которого на лубочной картинке восходят к западноевропейской гравюре, как следует из статьи *Манфреда Шрубы* (Милан, Италия), должен был не столько испугать, сколько удивить русского читателя. Мир предстал перед читателями новыми гранями, где фантазии смотрелись как реальность, а страшные звери становились домашним развлечением в исполнении художника лубка. «Бестиарий» русского поэта XVII в. Кариона Истомина, использованный им в букваре, предназначенном для царевича Алексея Петровича, несостоявшегося наследника российского императора, становится предметом исследования *Кристины Брагоне* (Павия, Италия). Автор предлагает рассмотреть оформление букваря через образы животных, повторяющих символы гербов российских территорий, как прием, использованный для воспитания будущего императора. Обращение к символическому значению фауны и модернизация трактовки образов животного мира в творчестве русского поэта XVIII в. Г. Р. Державина отражены в статье *Микелы Вендитти* (Неаполь, Италия). Автор находит в них воплощение чувственно-эмоциональной сферы человека, так разнообразно представленной в наследии поэта.

Избавление от страха – одна из важных задач государственных институтов, оно сопровождается также порождением другого страха – страха наказания. Третья проблема рубрики представляет процесс осмысления качества и процесса наказания в российской истории. Для стереоскопического обзора данной проблемы журнал предоставил слово *Константину Костромину* (Санкт-Петербург), сопоставившему теологические представления о наказании в религиозном и мирском измерении с практикой в судебном и покаянном праве Древней Руси. Новые повороты в системе наказаний, бывшие предметом размышлений императрицы Екатерины II, привлекают внимание исследователя *Светланы Васильевой* (Рязань, Россия). По ее мнению, в «Уставе о тюрьмах» нашли отражение как размышления европейских законодателей, так и российская практика, творчески переработанные в кругу единомышленников императрицы.

Исследовательский интерес к актерам судебной и карательной систем соответствует современному антропологическому повороту в размышлениях об истории. Малые «винтики», от которых зависело представление массы людей о степени справедливости и доступности исполнения закона – волостные писари, – на основании архивных документов и характеристик вышестоящих властей представлены в работе *Ивана Понна* (Екатеринбург, Россия). Незаметная на первый взгляд фигура писаря в реальности была зачастую единственной ниточкой, связующей два мира – власть и народ. Качество исполнения писцом прямых обязанностей оказывалась хоть какой-то гарантией защиты от произвола и самоуправства. Состо-

яние этого института исследуется историком на материалах пореформенного периода.

Сюжет из истории политзаключенных периода после окончания Гражданской войны стал предметом внимания *Олега Тарасова* (Рязань, Россия). В его работе раскрывается подоплека побега более 30 заключенных из рязанской тюрьмы. Он стал реальностью в результате активной позиции «политических», сравнительно недавно бывших непосредственными участниками революционных процессов, а также неразберихи и бюрократической волокиты в местных и центральных органах исполнения наказаний. Характерно, что корпоративная сплоченность работала в обоих лагерях, помогая одним устроить побег, а другим – избежать наказания за халатность и неприкрытую безответственность. Тема профессиональной подготовленности к работе в местах заключения и влияния такого рода занятий на судьбы людей в драматическое время конца 1930-х гг. раскрывается в статье *Сергея Красильникова* (Новосибирск, Россия). Использование метода просопографии позволяет автору реконструировать «групповой портрет» комендантов в конкретных условиях Западной Сибири. Способность к адаптации, коммуникативные навыки в отношении власти и жителей были непеременимыми условиями продолжительной карьеры и служебного успеха. Вместе с тем происходило стирание граней между законными и незаконными методами управления, чему способствовала сталинская система наказаний. Тему завершает полная драматизма статья *Романа Иванякова* и *Юрия Пилявца* (Псков, Россия), посвященная длительному, жестокому и невиданному по масштабам противостоянию криминальных группировок в советских исправительных лагерях послевоенного времени – так называемой «сучьей войне» (или войнам). Авторы считают борьбу за лагерные ресурсы причиной этого беспрецедентного затяжного конфликта, продолжавшегося с 1947 по 1954 г. Практика пенитенциарной администрации, использовавшей противостояние криминальных группировок, не принесла их взаимного ослабления, а спровоцировала рост насилия и дестабилизацию всей уголовно-исправительной системы. Проблема рассматривается на основе солидной источниковой базы.

Ярко представлена в номере рубрика *Origines*. *Олег Русаковский* (Москва, Россия) предлагает вниманию читателей текст неизвестного ранее в научной среде анонимного сочинения *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia* (ок. 1634 г.). Оно интересно судьбой предполагаемого автора – Джорджа Рида, племянника государственного секретаря Англии сэра Ф. Уиндебэнка. Дж. Рид известен как видный член Вирджинии, старейшей английской колонии в Северной Америке. Если считать его автором публикуемой рукописи, то пребывание англичанина в России становится любопытным вновь открытым фактом биографии. Содержание сочинения интересно описаниями жизни в России того времени и характеристиками

нравов иностранной общины русской столицы (англичан и шотландцев). Публикация снабжена авторским переводом на русский язык.

В разделе *Disputatio* развивается тема девиантного и нормативного поведения и их оценки общественным сознанием. В статье *Елены Приказчиковой* (Екатеринбург, Россия) сопоставляются две преступные личности XVIII в. – Иван Осипов (Ванька Каин) и Луи Доминик Бургильон (Картуш). Оба героя отличались установкой на публичность – Осипов откровенно спекулятивно использовал связи с полицией и бравировал безнаказанностью, французский мошенник превращал грабежи в спектакли, долгое время подкупая правоохранителей. По выводам автора, образ «благородного разбойника», столь привлекательный в светской европейской культуре, так и не прижился на российской почве. Пример честного служения государству и городу открывает статья *Марины Накишовой* (Екатеринбург, Россия). Герой статьи комендант Санкт-Петербурга Я. Х. Бахмеотов в меру своих возможностей и характера выполнял служебные обязанности, воплощая тип делового функционера. Его усилиями происходило становление инфраструктуры города и возрастал «столичный» статус Петербурга, что отвечало интересам страны. Архивные материалы раскрывают многогранность деятельности коменданта в соединении с его личными качествами.

Реконструкции малоизученного, но важного этапа жизни Федора Кольчева, впоследствии предстоятеля Русской православной церкви митрополита Филиппа (1566–1658), посвящена статья *Андрея Усачева* (Москва, Россия). Анализируя текст жития Филиппа, аутентичные акты и другие источники, автор доказывает, что уход Федора в Соловецкий монастырь не был обусловлен ни участием в Старицком мятеже 1537 г., ни репрессиями против его однородцев, а стал результатом его духовных исканий. Дальнейшая иноческая карьера Федора-Филиппа на Соловках была связана главным образом с его хозяйственной деятельностью: на годы игуменства Филиппа приходится экономический подъем изначально скромной северной обители.

Две статьи в рубрике можно отнести к экономической истории страны. *Алексей Раздорский* (Санкт-Петербург) на основе сравнительного анализа табачных таможенных книг Курска и Вязьмы 1720-х гг. исследует историю развития легальной торговли этим товаром, реконструирует ее структуру, ассортимент, технологии изготовления курительного и нюхательного табака, доходность от сбыта продукции. Относясь к косвенным налогам, имевшим большое, если не основное значение в общем казенном доходе России первой трети XVIII в., табачная торговля занимала в их структуре очень скромное место. Это было связано с достаточно низким уровнем потребления табака, находившегося под жестким запретом вплоть до 1690-х гг. К давней теме – оценке эволюции уральской горнозаводской промышленности в динамике почти двухвекового развития – обратились *Сергей Азаренко* и *Андрей Келлер* (Екатеринбург, Россия). Давая оценки влиянию регионально-

го своеобразия на формы управления и социальные практики в этом регионе России, авторы прибегают к теоретическим интерпретациям материала, используя как наследие экономических взглядов камералистов, так и современные подходы социальной топологии.

В этом выпуске журнала две статьи подводят итоги публикации крупных исследовательских проектов (рубрика *Controversiae et recensione*s). В поле зрения *Дмитрия Буланина* (Санкт-Петербург, Россия) оказалась работа британского ученого С. Франклина о графической среде русской культуры на протяжении большого временного периода (середина XV – середина XIX в.). Рецензент отмечает несомненный успех исследователя, сумевшего увидеть и обобщить последовательность развития этой стороны русской культуры, одновременно высказывая замечания, вносящие конструктивные уточнения и придающие перспективу дальнейшим размышлениям. В статье *Олега Ларионова* (Санкт-Петербург, Россия) оценивается уникальность исследования регионального аспекта русской литературы: речь идет об «Истории литературы Урала XIX в.» двух томах, вышедшей в 2020 г. Оригинальность и востребованность статьи обусловлены авторской установкой выявить в опубликованных материалах соотношение с современными литературными теориями.

Лариса Соболева

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Список литературы

- Кьеркегор С.* Страх и трепет : Диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио / пер. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М. : Академ. проект, 2020. 154 с.
- Страх // Антология концептов : в 2 т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 247–266.
- COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран / Мустайоки А., Зорихина-Нильссон Н. и др. // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

References

- Kierkegaard, S. (2020). *Strakh i trepet. Dialekticheskaya lirika Iokhannesa de Silentsio* [Fear and Trembling. Dialectical Lyric by Johannes de Silentio] / transl. by N. V. Isaeva, S. A. Isaev. Moscow, Akademicheskii projekt. 154 p.
- Mustajoki, A., Zorikhina-Nil'sson, N. et al. (2020). COVID-19: katastrofa v yazykovom izmerenii raznykh stran [COVID-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.
- Strakh [Fear]. (2005). In Karasik, V. I., Sternin, I. A. (Eds.). *Antologiya kontseptov v 2 t.* Volgograd, Paradigma. Vol. 1, pp. 247–266.

Problema voluminis

COVID-19: ADVERTISING AND RELIGIOUS DISCOURSE

THE ANIMAL WORLD IN RUSSIAN CULTURE: THE VISUAL AND VERBAL ASPECTS

PUNISHMENT, ENFORCEMENT, AND FUNCTIONARIES: THE RUSSIAN ROUTE

Problema voluminis

COVID-19: РЕКЛАМА И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС

МИР ЗВЕРЕЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВИЗУЛЬНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

НАКАЗАНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНЕРЫ: РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР

COVID-19: ADVERTISING AND RELIGIOUS DISCOURSE

DOI 10.15826/qr.2022.1.656

УДК 659.131.2 + 616.9COVID:[338:364] + 004.032.6:070.1 + 316.776 + 81'42

COVID-19: рекламное противостояние в разных странах*

Лилия Нефедова

Елизавета Сотникова

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

COVID-19: The Advertising Confrontation in Different Countries**

Liliya Nefedova

Elizaveta Sotnikova

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

This article examines the peculiarities of the public advertising discourse of five cultures (Russia, the USA, the UK, France, and Australia) based on advertising campaigns concerning the COVID-19 pandemic. The main object of the research is poly-code structures that contain the interaction of multilevel and multidimensional components that appeared as a result of an interaction of elements belonging to different semiotic systems, both verbal and visual. The authors carry out complex multilevel discourse analysis, paying close attention to structural, semantic, communicative, and pragmatic features, including conceptual space. The article explores factors that ensure the efficiency of such influence on the mass addressee due to existing social procurement, taking a closer look at the pragmatics of lexical and grammatical means in the chosen interaction strategy of verbal and visual

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20–412–740001.

** *Citation*: Nefedova, L., Sotnikova, E. (2022). COVID-19: The Advertising Confrontation in Different Countries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 19–34. DOI 10.15826/qr.2022.1.656.

Цитирование: Nefedova L., Sotnikova E. COVID-19: The Advertising Confrontation in Different Countries // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 19–34. DOI 10.15826/qr.2022.1.656 / Нефёдова, Л., Сотникова Е. COVID-19: рекламное противостояние в разных странах // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 19–34. DOI 10.15826/qr.2022.1.656.

components in Russian and non-Russian social advertising texts. The author also studies the mechanisms of influence in various cognitive processes that are part of information perception and processing and analyses linguo-creative parameters of such texts, such as pragmatic aspects of the use of wordplay and its influence on the semantic structure of an advertising text. The research makes it possible to detect the semantic mechanisms of the increasing communicative effectiveness of public advertising. The structural and semantic compression that plays an important role in it is possible thanks to the use of nonverbal expressive means: print text features (size, colour, and other features of the font, kerning, and typography), expressive images, and their interaction with the printed text. The functioning of advertising texts is connected with a whole series of basic concepts that appear in advertising space, get into the public and personal mentality, and modify it. On the other hand, to increase their impact, advertisements use a range of pervasive stereotypes that can be observed in the way brands react to social changes in their logos and slogans.

Keywords: social advertising, advertising discourse, communicative strategies, coronavirus, linguistic creativity

Рассматриваются особенности дискурса социальной рекламы в пяти лингвокультурах (Россия, США, Великобритания, Франция и Австралия) на основе рекламных кампаний, посвященных пандемии COVID-19. Главным объектом анализа являются поликодовые образования, в которых взаимодействуют многоуровневые и многопланные составляющие, выраженные как в вербальной, так и в визуальной форме. В рамках комплексного многоуровневого анализа дискурса социальной рекламы значительное внимание уделено структурно-семантическим и коммуникативно-прагматическим особенностям. Существующим социальным заказом обусловлено определение факторов, обеспечивающих эффективность подобного воздействия на массового адресата. Исследуется прагматика лексических и грамматических средств в выбранной стратегии взаимодействия вербальных и визуальных компонентов в русско- и иноязычном рекламном тексте, рассматриваются механизмы взаимодействия различных процессов, участвующих в восприятии и обработке рекламной информации, поступающей по разным каналам. Выявлено влияние лексической составляющей рекламного текста на параметры коммуникативной эффективности исследуемых текстов. Проанализированы лингвокреативные параметры подобных текстов, прагматические аспекты использования игры слов и их влияние на смысловую организацию рекламного текста. Проведенное исследование дает возможность выявить семантические механизмы повышения коммуникативной эффективности социальной рекламы. Особую роль в рекламных текстах играет структурная и семантическая компрессия, которая достигается с помощью выразительных невербальных средств – использования характеристик печатного

текста (размер, цвет и иные особенности шрифта, кернинг, типографика). Функционирование рекламных текстов связано с появлением новых понятий, которые, возникнув в рекламном пространстве, проникают в массовое и индивидуальное сознание, определенным образом модифицируя его. С целью усиления эффекта воздействия реклама оперирует рядом устойчивых стереотипов, что проявляется в том, как бренды реагируют на социальные изменения в своих слоганах и логотипах.

Ключевые слова: социальная реклама, рекламный дискурс, коммуникативные стратегии, коронавирус, лингвокреативность

Политические, экономические, культурные процессы находят свое отражение в дискурсе социальной рекламы [Ruelland, Lafortune, Rhéaume, p. 1]. В 2020 г. ситуация с пандемией COVID-19 освещалась рекламными кампаниями в средствах массовой информации, поскольку требовалось информировать население о заболевании и замедлить распространение вируса путем продвижения профилактических мер.

Правительства разных стран озаботились оповещением населения о мерах предосторожности, и основной площадкой для этого послужил Интернет, источником информации о пандемии стали также социальные сети и специально созданные сайты. В России таким официальным источником является сайт «Стопкоронавирус.рф», где публикуются оперативные данные о статистике заболеваемости, рекомендации для населения, а также собраны рекламные постеры и ролики, посвященные проблеме [Стопкоронавирус.рф]. Аналогичные сайты появились и в англоязычных странах: в США – *Coronavirus Disease 2019* [Coronavirus Disease 2019], в Великобритании – раздел *Coronavirus* на сайте правительства [Coronavirus], в Австралии – *Coronavirus (COVID-19) – Official Australian Government Information* [Coronavirus (COVID-19)]. Во Франции информация размещается на сайте *EpicoRem*, а также в соответствующем разделе правительственного сайта [EpicoRem; Gouvernement]. И хотя сами сайты являются лишь информационными ресурсами, часть информации, размещенной на них, можно охарактеризовать как социальную рекламу. По этой причине в некоторых случаях информационный дискурс и дискурс социальной рекламы пересекаются и дополняют друг на друга.

Для понимания тех или иных посылов, заложенных в рекламных сообщениях, важно знать текущую эпидемиологическую обстановку в рассматриваемых странах. Мы анализируем рекламные материалы двух периодов – первой и второй волн эпидемии, в связи с чем нами изучены данные начала сентября 2020 г. и начала марта 2021 г. (табл. 1).

**Статистика пандемии в рассматриваемых странах
[Яндекс; Worldometers]**

Страна	Население, млн	Период	Зарегистрировано случаев, всего	% общего числа людей	В активной фазе, чел.	Число умерших	Новых случаев в день
Россия	145,9	09.2020	1 млн	0,600	184 тыс.	18 тыс.	5–6 тыс.
		03.2021	4,3 млн	2,900	400 тыс.	89 тыс.	9–10 тыс.
Франция	65,2	09.2020	309 тыс.	0,400	220 тыс.	31 тыс.	8–9 тыс.
		03.2021	3,9 млн	6,000	3,5 млн	89 тыс.	5 тыс.
США	331	09.2020	6 млн	1,800	4 млн	188 тыс.	40–50 тыс.
		03.2021	29,7 млн	8,900	8 млн	538 тыс.	50 тыс.
Великобритания	67,8	09.2020	350 тыс.	0,500	Большая часть	41 тыс.	2–3 тыс.
		03.2021	4,2 млн	6,200	820 тыс.	124 тыс.	4–5 тыс.
Австралия	25,5	09.2020	26 тыс.	0,040	4 тыс.	Более 700	200
		03.2021	29 тыс.	0,046	2 тыс.	909	15

На начало сентября 2020 г. самая критичная ситуация сложилась в США: отмечены наибольшее количество случаев и высокий показатель активной фазы, значительный процент заболевших и устойчивое пребывание на первых местах в рейтинге суточного прироста. Обстановка в России, Великобритании и Франции характеризовалась как достаточно стабильная. В Австралии был зафиксирован наименьший процент заболевших, а также очень низкий суточный прирост.

В марте 2021 г. мы наблюдаем резкий скачок заболеваемости во Франции, США и Великобритании, стабильный прирост в России и значительное снижение роста заболеваемости в Австралии [Яндекс; Worldometers]. Помимо этого, в начале 2021 г. в мире началась вакцинация. Эти данные находят отражение в рекламных материалах.

Материалом нашего исследования стали рекламные постеры, размещенные на улицах и в общественных местах, а также на различных интернет-ресурсах, как официальных, так и неофициальных. Мы рассматриваем и вышеупомянутые официальные сайты, поскольку они также содержат в себе черты социальной рекламы, имеют схожие функции и являются поликодовыми образованиями.

Под социальной рекламой мы понимаем «информацию, распространяемую любым способом... адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на достижение... общественно полезных целей» [О рекламе]. Социальная реклама не имеет коммерческой основы, то есть не направлена на продажу товаров и услуг, и имеет общепризнанную социальную ценность. Создателями социальной рекламы могут быть как государственные, так и частные некоммерческие и коммерческие организации.

В рекламном тексте наблюдается взаимосвязь языкового и неязыкового компонентов [Лазарева, с. 83], что значительно упрощает и ускоряет процесс познания [Нефедова, с. 7]. Это важная черта социальной рекламы, поскольку воздействие на реципиента достигается именно благодаря комплексу текста и графики. По мнению Л. В. Уховой, «визуальный ряд рекламного текста сам по себе не несет нужного смысла рекламного послания: вектор рефлексии при интерпретации текста поликодовой природы задает вербальный компонент текста... и зависит от грамотного расположения и семантического наполнения знаков» [Ухова, с. 222]. Некоторые исследователи отмечают, что рекламный дискурс – это путь от визуального компонента к мышлению, который включает в себя несколько уровней, доступных для анализа: анализ текста, анализ процесса и анализ социума [Baig, p. 129].

Анализируя текст, сам процесс и лингвокультурные особенности социума разных стран, можно отметить, что в текстах, размещенных на вышеуказанных официальных сайтах, с точки зрения лингвистического компонента явных различий нет, поскольку официальные источники используют официальный или нейтральный язык изложения. Однако встречаются небольшие различия, обусловленные, вероятнее всего, культурными особенностями. Так, например, на главной странице раздела британского сайта можно наблюдать указания, выраженные через модальный глагол *must* (выражает идею обязанности), а на остальных рассматриваемых ресурсах рекомендации даются в более мягкой форме.

Экстралингвистический компонент сайтов представляется более интересным для анализа. В первую очередь привлекает внимание цветовая гамма. Психологи говорят о семантике цвета – о тех значениях, которые представители культуры ассоциируют с ним [Кудрина, Мещеряков, с. 2]. Российский сайт оформлен в сине-красной гамме на белом фоне. Помимо очевидной отсылки к главному символу государства – флагу РФ, синий цвет, по мнению А. В. Кудриной и В. Г. Мещерякова, считается этноцветом России, а в приадресной области его семантического пространства есть такие значения, как спокойствие, положительные эмоции. Красный цвет – это общепринятый символ опасности, запрета, смерти [Там же, с. 11]. Синий цвет призван создать впечатление общей стабильности ситуации, исключить возможную панику, а красный используется на сайте для привлечения внимания, выделения наиболее важной и негативной информации. Так, например, в строке со статистикой красным выделено количество заболевших за все время и за сутки.

В англо- и франкоязычной культуре синий цвет имеет схожие значения: в приадресной области семантического пространства есть значения «спокойствие», «мир», а одним из культурно-специфичных значений является предпочитаемый цвет [Кудрина, Мещеряков, с. 12]. Американский, австралийский и французский сайты оформлены в синей гамме. На сайте Австралии также используется красный – для привлечения вни-

мания к информации в шапке. На британском ресурсе текст заголовков также выдержан в синей гамме, но основное оформление черно-желтое. Черный цвет в англоязычной культуре ассоциируется со смертью, отрицательными эмоциями, чем-то плохим, а желтый – с болезненностью и предупреждением об опасности. Связь этих двух цветов заложена в природе: черно-желтый окрас пчел и ос сигнализирует об опасности; кроме того, эти цвета контрастны и привлекают внимание.

Рекламные кампании, запущенные в разных странах, имеют схожие послы: мойте руки, соблюдайте дистанцию, оставайтесь дома, носите маски, не трогайте лицо. При этом формат рекламы и способы лингвистического выражения идей различаются.

Поиск в Google по запросам *социальная реклама, коронавирус, Россия, social advertisement USA coronavirus, coronavirus PSA, social advertisement coronavirus UK, social advertisement coronavirus Australia, publicité sociale française Covid* позволил вычлнить распространенные рекламные материалы, посвященные теме коронавируса.

Материалы, выпущенные до начала второй волны (март – сентябрь 2020 г.), характеризуются информативностью и многочисленными призывами оставаться дома и соблюдать правила гигиены.

В России источником официальной рекламной кампании против коронавируса является сайт «Стопкоронавирус.рф». Кампания включает в себя несколько тематических серий постеров и подборку видео на официальном Youtube-канале. Постеры предназначены как для веб-публикации, так и для размещения в общественных местах. Первая серия плакатов содержит краткие призывы (например: *Мойте руки!*; *Держите дистанцию*), которые подкрепляются минималистичными изображениями идеи на ярком однотонном фоне (ил. 1 на цв. вклейке). Еще одна серия постеров задействует врачей: призыв *Оставайтесь дома* подкрепляется изображениями врачей из российских больниц как авторитетных советчиков (ил. 2 на цв. вклейке). Помимо этого, Роспотребнадзор выпустил серию памяток в виде брошюр и плакатов, где собраны основные рекомендации по профилактике новой коронавирусной инфекции.

Основная коммуникативная стратегия, использованная в данных рекламных кампаниях, – призыв к действию [Сотникова, с. 177]. Она выражается через простые императивные предложения: *Оставайтесь дома; Используйте индивидуальные средства личной гигиены* и др.

При выделении коммуникативных стратегий мы основываемся на классификации, предложенной Е. С. Сотниковой. Согласно данной классификации, в дискурсе социальной рекламы реализуются следующие речевые стратегии:

- запугивание,
- побуждение к действию,
- диалог,
- высмеивание,
- демонстрация очевидного [Сотникова, с. 177].

При этом в разных вариантах рекламы наблюдаются разные ходы. Так, в первом примере основной упор делается на минимализм языкового и графического компонентов (см. ил. 1 на цв. вклейке). Минимализм ускоряет процесс декодирования рекламного сообщения, поскольку семантика текста легко считывается, а графические дополнения содержат простые и понятные всем идеи. Серия рекламных изображений с врачами – это попытка приблизиться к целевой аудитории. В каждом городе на таких постерах показаны реальные врачи из местных больниц. Это делает рекламное сообщение персонализированным. Данный рекламный баннер является скорее посланием, эффективность которого повышается благодаря композиции, общему впечатлению и запоминаемости. Использование хештега, который выступает в виде «слова-эха», вносит нотку доверительности, и здесь начинают активнее действовать такие когнитивные процессы, как восприятие, память, внимание и мышление. Повышается рефлексия, и человек начинает задумываться над важными для него и общества проблемами. В плакате Роспотребнадзора используются выделение цветом, а также языковая игра: первые буквы каждого пункта складываются в слово *ЗАЩИТИ*, что дублирует заголовок плаката. Этот повтор-плеоназм усиливает интенсивность воздействия и придает тексту эмоциональный оттенок.

Помимо постеров, в Интернете были запущены хештеги *#этоспасаетжизни* и *#мывместе*. Хештеги помогают продвигать идеи в социальных сетях и облегчают для пользователей поиск необходимой информации. Хештег *#этоспасаетжизни* привязан к рекламной кампании с врачами, а *#мывместе* – это масштабная волонтерская акция взаимопомощи для поддержки маломобильных и пожилых граждан, а также врачей в условиях пандемии [*#МыВместе*]. Оба хештега апеллируют к важным культурным концептам – безопасности и единению, готовности помочь. По мнению А. Поляковой, российские материалы, касающиеся коронавируса, характеризуются продвижением идеи сплочения, что выражается через местоимения и глаголы в форме первого лица (*мы можем, #мывместе, защитим себя и близких* и др.) [Полякова], прогосударственные цвета в оформлении рекламных и информационных материалов и охват всех групп населения путем смысловой, стилистической и графической адаптации материалов. Так, на сайте «Стопкоронавирус.рф» представлены различные виды социальной рекламы, направленные на разные социальные и возрастные группы: понятные для детей мультфильмы об опасностях эпидемии, официальная информация для взрослых, инициативы по поддержке пожилых людей, в то время как соцсети и хештеги направлены на информирование молодежи. При этом содержание сообщений глобально не отличается, но информация подается в форме и стиле, близких и понятных для отдельных социальных и возрастных групп.

В США большая часть рекламных материалов по коронавирусу – это всевозможные плакаты-памятки по мерам профилактики болезни, причем с более точной информацией. В подобных материалах широко реализуется стратегия побуждения к действию, как и в российских примерах. Основной способ выражения – односоставные императивные конструкции. Часть материалов апеллирует к определенным группам населения, реализуя стратегию диалога:

Are you over 65? You're at a higher risk for Coronavirus¹.

History of lung disease? You're at a higher risk for Coronavirus².

Для реализации данной стратегии используются вопросительные предложения, направленные на реципиента, а также местоимения второго лица.

Основным хештегом и лозунгом кампании против коронавируса в США стал *#stopthespread*, который также является примером реализации стратегии побуждения. Помимо этого, получил распространение хештег *#alonetgether*, где в форме оксюморона подчеркивается, что, хотя люди разделены ограничениями и социальным дистанцированием, они по-прежнему вместе и борются с проблемой.

Интересный пример языковой игры – рекламный постер (ил. 3 на цв. вклейке). В данном примере мы видим вариант проявления лингвкреативности: непереводаемая игра слов делает акцент на том, что в слове *coronavirus* есть «мы» (*us*), что еще раз подтверждается фразой *We're in this together*³. Помимо этого, *us* можно трактовать еще и как *U. S. – United States*, что вызывает к чувству патриотизма. Таким образом, данный пример иллюстрирует языковую игру на морфологическом и лексическом уровнях.

Подводя итог особенностям рекламных кампаний в США, стоит отметить использование жанра инструкции. Для США характерны текстовые пояснения к указаниям. В штате Орегон даже вышла инструкция, посвященная безопасной половой жизни в период коронавируса. Необходимость подробного объяснения основывается на том факте, что США относятся к культурам низкоконтекстного типа, где главными требованиями к коммуникации являются ее прямолинейность и многословность.

В Великобритании официальное информирование о коронавирусе сопровождается лозунгом *Stay home. Protect the NHS. Save lives*⁴. Данный лозунг используется в подавляющем большинстве материа-

¹ «Вам больше 65 лет? Вы больше подвержены риску заразиться коронавирусом».

² «Имеете в анамнезе заболевания легких? Вы больше подвержены риску заразиться коронавирусом».

³ «Мы вместе во всем этом».

⁴ «Оставайтесь дома. Защищайте национальную службу здравоохранения. Спасайте жизни».

лов, он заключен в ярко-желтую рамку с красно-желтым обрамлением, что выделяет его на фоне остальной информации. Как и лозунг, многие рекламные тексты реализуют стратегию побуждения к действию: *Stay home this weekend*⁵; *Celebrate Eid at home*⁶; *Wash your hands more often for 20 seconds*⁷ и др. Еще один лозунг, встречающийся на постерах, – *Protect yourself, others and the NHS*⁸. При этом NHS (*National Health Service*) выступает в качестве явного культурного компонента: реципиентам полагается думать не только о себе и окружающих, но и о системе здравоохранения, то есть о государстве.

Однако более любопытна реализация стратегии запугивания, которая не использовалась первоначально при распространении болезни ни в одной из рассматриваемых лингвокультур. Несмотря на то, что данная стратегия в целом характерна для социальной рекламы, связанной с негативными общественными явлениями и пагубными привычками (терроризмом, курением, злоупотреблением алкоголем и др.), многие страны не стали использовать ее для борьбы с коронавирусом. Это можно объяснить тем, что основная задача социальной рекламы о коронавирусе – предупредить, но при этом не создавать панику среди населения, не сгущать краски. Однако в Великобритании в середине марта 2020 г. были резко приняты многочисленные ограничения, и это стало отражаться в социальной рекламе. Думается, что использование данной стратегии в целом коррелирует с изменением британской противоковидной политики, контрастируя с тем, что изначально премьер-министр Борис Джонсон вообще не рассматривал идею введения каких-либо ограничений, типичных для Европы (закрытие заведений, ограничение въезда в страну и т. д.).

Ниже представлены несколько постеров из рекламной кампании Великобритании; они реализуют стратегию запугивания и различные ее тактики, такие как демонстрация последствий: *Anyone can get it. Anyone can spread it*⁹; *If you go out, you can spread it. People will die*¹⁰. Тактика демонстрации последствий в данном случае выражается через придаточные условия и последовательность простых предложений. Помимо этого, стратегия запугивания может выражаться через статистику, сравнение и употребление слов с негативной коннотацией [Сотникова, с. 178]. Последнее также находит реализацию в рассмотренных примерах: *spread* («распространять»), *die* («умирать») (ил. 4 на цв. вклейке). На основе изложенных фактов мы можем сделать вывод о том, что дискурс социальной рекламы о коронавирусе в Великобритании более эмоционально окрашен и дает более жесткие предписания, что уже отмечено при сравнении контента сайтов.

⁵ «Останьтесь дома на этих выходных».

⁶ «Отметьте Ураза-байрам дома».

⁷ «Мойте руки чаще и по 20 секунд».

⁸ «Защищайте себя, других и национальную службу здравоохранения».

⁹ «Каждый может заболеть. Каждый может заразить других».

¹⁰ «Если вы выйдете из дома, вы можете заразить других. Погибнут люди».

1. Франкоязычный плакат с антикоронавирусными рекомендациями. 2020
French poster with anti-coronavirus recommendations. 2020

Во Франции выпуском информации и социальной рекламы на тему коронавируса занимается не только штаб по коронавирусу, но и Министерство культуры. Французская социальная реклама лаконична и информативна, в ней преобладает жанр памятки (ил. 1).

Министерство культуры Франции объявило конкурс молодых талантов, направленный против пандемии фейков о коронавирусе *Stop aux Infox COVID 19*, появился хештег *#StopAuxInfox #Covid_19*. Возникло новое слово *Infodémie*, обозначающее слухи, которые циркулируют в социальных сетях о коронавирусе.

Появление новых слов *Covidiot*, *ковидиот* (человек, неадекватно воспринимающий эпидемию коронавируса), *Coronaphobia*, *коронафобия* (страх перед коронавирусом), *Coronator* (человек, излечившийся от коронавируса), *Coronavacation* (пребывание в самоизоляции во время пандемии коронавируса) и др. – это проявление стратегии лингвокреативности, которая реализуется в данном случае через телескопию, словосложение и суффиксацию. Лингвокреативность предполагает нестандартное использование языковых средств для создания новых языковых единиц или формирования новых значений с позиций техноэстетизма современного информационно-коммуникационного обмена. Отобранные средства являются попыткой использовать язык с целью достижения намерений говорящего. Слова, употребляемые в определенной рекламе, являются продуктом тщательного и осознанного выбора, что показывает влияние лексической составляющей рекламного текста на параметры коммуникативной эффективности исследуемых текстов.

В Австралии социальная реклама о коронавирусе очень немногочисленна, что связано, скорее всего, с низким уровнем заболеваемости. Как уже говорилось, в среднем в сутки выявляется не более 200 заболевших, что для страны с численностью более 25 млн чел. совсем немного.

Рекламная кампания, запущенная правительством, представляет собой серию постеров с простыми инструкциями, сформулированными и оформленными в максимально позитивной манере. Так, жителям страны рекомендуется сделать приоритетом свое душевное здоровье, вести активный образ жизни и хорошо питаться. Помимо этого, даются рекомендации о мытье рук и правильном способе кашля и чихания.

В рамках данной рекламной кампании реализуются такие коммуникативные стратегии, как побуждение к действию и информирование. Через простые побудительные предложения выражено обращение к реципиенту. В слогане данной кампании – *Help stop the spread and stay healthy*¹¹ – проявляется забота о каждом отдельном человеке. Идея социального дистанцирования в Австралии была продемонстрирована через культурный компонент, а именно через отсылки к австралийским животным. Для наглядной иллюстрации рекомендуемой дистанции полтора метра показаны один взрослый кенгуру и три взрослые коалы (ил. 5 на цв. вклейке). В данных примерах реализуется стратегия высмеивания – попытка представить что-то важное и опасное как несерьезное [Сотникова, с. 179], но делается это для сохранения позитивного настроения населения. В целом можно сказать, что австралийская кампания против коронавируса не позиционирует вирус как нечто крайне опасное и отрицательное. Вместо этого делается упор на жителей и их благополучие. Основной посыл: *все будет хорошо, заботьтесь о себе*. Все это прекрасно отражает дружелюбие и сплоченность австралийцев [Кириллова, с. 179].

Однако не только государственные органы стали адресантами социальной рекламы о коронавирусе. Многие мировые бренды оперативно отреагировали на угрозу и внедрили черты социальной рекламы в свои коммерческие рекламные проекты [Насонова, с. 106], а за ними потянулись и локальные компании.

Так, *Coca-Cola*, *Audi*, *Яндекс* и некоторые другие бренды транслировали идею социального дистанцирования и свою вовлеченность в мировую проблему путем изменения кернинга – интервала между символами. Многие российские бренды («Мегафон», «НТВ», «Киви», «Ситимобил», Челябинский государственный университет) стилизовали свои логотипы, добавив символы-«домики», чтобы отразить идею *Останься дома*. Графический компонент поликодового сообщения в данном случае выступает доминирующим и читается без сопровождающего текста.

¹¹ «Помогите остановить распространение и не болейте».

Из-за коронавируса меняются и слоганы. Так, сеть ресторанов общественного питания *KFC* размыла часть своего известного слогана *it's finger lickin' good*, оставив только *it's good*, намекая на то, что облизывание пальцев в период пандемии может быть опасным. В такой ситуации графическое оформление текста несет дополнительный социальный посыл для реципиентов, уже знакомых со слоганом *KFC*.

С самого начала кризиса, связанного с COVID-19, бренды укрепляли свою позицию и свою роль в обществе, больше сообщая о своих обязательствах с точки зрения корпоративной социальной ответственности (КСО) [Publicité]. Компания *Lamoda* на некоторое время меняла логотип на *Ladoma*, создав окказионализм с социальным посылом, а *Дом.ру* запустил на домофонах бегущую строку *Побудьте дома*, которую жители видят каждый раз, открывая дверь в подъезд. *ИКЕА* опубликовала в одном из своих аккаунтов в соцсетях шуточный пост *Раз Блохэй, два Блохэй* о том, что социальная дистанция, которую необходимо соблюдать в магазинах, равна 1,5–2 м, или двум акулам Блохэй, культовой игрушке бренда. Аналогичный подход мы уже наблюдали в рамках официальной противоковидной рекламной кампании в Австралии. Все эти призывы, разумеется, не только поддержали всеобщие настроения, но и положительно сказались на имидже брендов, продемонстрировав их социальную ответственность.

Но самое главное изменение состоит в том, что коммерческие бренды стали вовлекаться в сферу здравоохранения. Многие компании, которые раньше спонсировали спортивные и развлекательные шоу и мероприятия, сейчас делают крупные пожертвования, перепрофилируют производства и запускают фонды помощи пострадавшим от коронавируса. Компании-конкуренты в сферах производства автомобилей, косметики, телеиндустрии объединились, чтобы подчеркнуть важность соблюдения правил гигиены и социального дистанцирования. Так, компания *Dove* призвала всех мыть руки вне зависимости от того, какое мыло используется, а представители популярных российских телеканалов заявили: «Неважно, что ты сморишь, важно, что ты сидишь дома» [Бельченко].

С развитием пандемии стиль рекламы стал жестче. В России в октябре 2020 г. появились плакаты с лозунгом *Не нравится носить маску? Твоим близким понравится кутья*. Данный пример можно охарактеризовать как шоковую рекламу, которую выделяет А. Н. Солодовникова [Солодовникова, с. 5]. Здесь можно наблюдать реализацию стратегии запугивания, которая выражается через тактику демонстрации результата при помощи сарказма.

Вторая волна пандемии была более значительной по количеству заболевших, но в это время начались успешное тестирование и дальнейшее массовое производство вакцин, что также отразилось в социальной рекламе. В России представлены четыре препарата – «Спутник V» и «Спутник Лайт», которые приняли и используют Белоруссия, Аргентина, Венесуэла и др., а также «ЭпиВакКорона» и «КовиВак».

Вакцина *Pfizer*, разработанная Германией и США, используется в Канаде, Европе и на Ближнем Востоке. Еще одна американская вакцина, *Moderna*, также получила распространение в Канаде, Великобритании и Швейцарии. Британская версия *AstraZeneca* разрешена к использованию в Аргентине, Индии, Марокко, Доминикане. К началу марта в США полностью вакцинированы (то есть получили нужное количество доз вакцины) 31,5 млн чел., во Франции – 1,93 млн, в России – 1,53 млн, в Великобритании – 1,14 млн. Официальные данные по Австралии отсутствуют, но было заказано более 150 млн доз *Pfizer* и *AstraZeneca* [Coronavirus (COVID-19) Vaccinations].

Тематика социальной рекламы о коронавирусе сместилась с идеи информирования и предостережения населения к пропаганде вакцинации. В начале 2021 г. стали выпускаться рекламные материалы, посвященные российским вакцинам, их особенностям и отличиям. В американском штате Калифорния была запущена рекламная кампания *Vaccinate ALL 58* с обращением ко всем 58 округам штата. Основной посыл – вакцинация помогает завершить эпидемию.

* * *

Исследование показало, что особенности социальной рекламы о коронавирусе обусловлены уровнем заболеваемости и лингвокультурной спецификой. Текст постеров социальной рекламы является поликодовым, то есть он неоднороден, взаимосвязан с графическим компонентом, который придает дополнительные смыслы и расставляет акценты. Языковая сторона максимально упрощена, используются короткие простые предложения, 1-е и 2-е лицо глаголов и местоимений. Внеязыковой компонент включает в себя характеристики шрифтов, цветовую гамму оформления и изображения. Цвета выбираются в соответствии с их психологическим восприятием, кернинг и иные характеристики шрифта могут использоваться для передачи дополнительных значений, а изображения иллюстрируют идеи.

Социальная реклама, посвященная пандемии COVID-19, имеет культурную специфику. Подчеркнуто реализуется категория вежливости как фактор успешности коммуникативных стратегий и тактик благодаря использованию выражений, смягчающих категоричность, что проявляется как индикатор социального настроения и социальных состояний, отражающих ментальные и социальные сдвиги, происходящие в обществе.

В России основными чертами являются персонализация рекламных сообщений и призывы к сплочению, выражающиеся через стратегию диалога с реципиентом и использование соответствующих лексических и синтаксических конструкций. В Великобритании дискурс социальной рекламы приобрел яркую эмоциональную окраску, а доминирующей коммуникативной стратегией стала стратегия запугивания. В США широкое распространение получил жанр памятки, что

основано на низкоконтекстуальности культуры. Наконец, австралийская реклама характеризуется ориентацией на реципиента и формированием положительного настроения при помощи стратегии высмеивания и использования соответствующей цветовой гаммы.

Социальная реклама отражает состояние общества, его ценности и интересы. Пандемия COVID-19 вызвала поток социальной рекламы в разных формах и выражениях, а также повлияла на формат коммерческой рекламы, наделив ее чертами рекламы социальной. Основной чертой рекламного дискурса социальной рекламы о коронавирусе можно назвать сочетание стратегии побуждения к действию с идеей формирования нейтрального или положительного настроения, что в целом нехарактерно для социальной рекламы, посвященной острым проблемам, где в основном стратегия побуждения реализуется совместно со стратегией запугивания. Результат удачной социальной рекламы – выработка и закрепление в сознании людей социально важных стереотипов, формирование жизненно значимых в условиях пандемии норм поведения. Социальная реклама о коронавирусе призвана информировать население о мерах предосторожности и сформировать мнение о том, что данная проблема решаема при должном подходе; срабатывает фактор, призванный зацепить реципиента, заставить его задуматься, встрепетаться, внять призывам и сделать правильные выводы. Языковая репрезентация актуализируется в виде названия предметов и явлений, отражающих национально-культурную ориентацию социума.

Список литературы

Бельченко П. До/после: как коронавирус изменил рекламу брендов // vc.ru : [сайт]. 2020. 26 мая. URL: <https://vc.ru/marketing/128914-do-posle-kak-koronavirus-izmenil-reklamu-brendov> (дата обращения: 15.09.2021).

Кириллова О. О. Австралийский характер – дух бунтарский // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Пльзень ; М. : Градиент : Западночеш. ун-т в г. Пльзень, 2016. С. 174–180.

Кудрина А. В., Мецераков Б. Г. Семантика цвета в разных культурах // Дубна : психол. журн. Междунар. ун-та природы, о-ва и человека. 2011. № 1. С. 1–18.

Лазарева Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика : бюл. Урал. лингвистич. о-ва. 2003. Т. 9. С. 82–121.

#МыВместе : [сайт]. URL: <https://мывместе2020.рф> (дата обращения: 15.09.2021).

Насонова И. А. Мировой рынок рекламы 2020: влияние COVID-19 // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 5-2 (63). С. 105–108. DOI 10.24411/2411-0450-2020-10437.

Нефедова Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2010. № 1 (177). С. 4–9.

О рекламе : федер. закон № 38-ФЗ от 13 марта 2006 года // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 15.09.2021).

Полякова А. Три типа рекламы, которую бренды запускают во время вспышки коронавируса // RB.RU : [сайт]. 2020. 3 апр. URL: <https://rb.ru/story/coronavirus-advertising/> (дата обращения: 15.09.2021).

Солодовникова А. Н. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов : [Б. и.], 2013. 22 с.

Иллюстрации к статье:
Лилия Неведова, Elizaveta Sotnikova. COVID-19: рекламное
противостояние в разных странах

Illustration for the article:
Liliya Nefedova, Elizaveta Sotnikova. COVID-19: The Advertising Confrontation
in Different Countries

1. Российская рекламная кампания. 2020 [Стопкоронавирус.рф]
Russian advertising campaign. 2020 [Стопкоронавирус.рф]

2. Российская рекламная кампания. 2020 [Стопкоронавирус.рф]
Russian advertising campaign. 2020 [Стопкоронавирус.рф]

3. Ландон Стулл. “There is US in CoronavirUS”. Американский постер. 2020
 Landon Stull. “There is US in CoronavirUS”. American poster. 2020

4. Британская рекламная кампания. 2020 [Coronavirus]
 British advertising campaign. 2020 [Coronavirus]

5. Иллюстрация социальной дистанции на австралийских плакатах. 2020
 Illustration of social distancing in Australian posters. 2020

Сотникова Е. С. Коммуникативные стратегии в дискурсе социальной рекламы // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. С. 177–180.

Стопкоронавирус.рф : [сайт]. URL: <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 15.09.2021).

Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста: синергетический подход // Ярослав. пед. вестн. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 1, № 1. С. 218–223.

Яндекс : [интернет-портал]. URL: <https://yandex.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

Baig M. Analyzing the Advertising Discourse – A Journey from Sight to Mind // Intern. J. of Applied Linguistics and English Literature. 2013. Vol. 1 (2). P. 126–135.

Coronavirus (COVID-19) : Official Australian Government Information : [website]. URL: <https://www.australia.gov.au/> (accessed: 15.09.2021).

Coronavirus (COVID-19) Vaccinations // Our World in Data : [website]. URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations> (accessed: 15.09.2021).

Coronavirus // GOV.UK : [website]. URL: <https://www.gov.uk/coronavirus> (accessed: 15.09.2021).

Coronavirus Disease 2019 : [website]. URL: <https://www.coronavirus.gov/> (accessed: 15.09.2021).

EpicoRem : [website]. URL: <https://coronavirus.fr> (accessed: 15.09.2021).

Gouvernement : [website]. URL: <https://www.gouvernement.fr/info-coronavirus> (accessed: 15.09.2021).

Publicité : avec la COVID, le discours des marques a changé // The Conversation [website]. 2020. Oct. 22. URL: <https://theconversation.com/publicite-avec-la-covid-le-discours-des-marques-a-change-147932> (accessed: 15.09.2021).

Ruelland I., Lafortune J.-M., Rhéaume J. L'intervention en milieux organisés : fondements et enjeux communicationnels // Communiquer: L'intervention en milieux organisés : fondements et enjeux communicationnels. 2020. № 30. P. 1–9. DOI 10.4000/communiquer.7396.

Worldometers : Real Time World Statistics : [website]. URL: <https://www.worldometers.info> (accessed: 15.09.2021).

References

Baig, M. (2013). Analyzing the Advertising Discourse – A Journey from Sight to Mind. In *Intern. J. of Applied Linguistics and English Literature*. Vol. 1 (2), pp. 126–135.

Bel'chenko, P. (2020). Do/posle: kak koronavirus izmenil reklamu brendov [Before and after: How Coronavirus Has Changed Brand Advertising]. In *vc.ru* [website]. May 26. URL: <https://vc.ru/marketing/128914-do-posle-kak-koronavirus-izmenil-reklamu-brendov> (accessed: 15.09.2020).

Coronavirus (COVID-19) Vaccinations. (N. d.). In *Our World in Data* [website]. URL: <https://ourworldindata.org/Covid-vaccinations> (accessed: 15.09.2021).

Coronavirus (COVID-19). Official Australian Government Information [website]. (N. d.). URL: <https://www.australia.gov.au/> (accessed: 15.09.2021).

Coronavirus Disease 2019 [website]. (N. d.). URL: <https://www.coronavirus.gov/> (accessed: 15.09.2021).

Coronavirus. (N. d.). In *GOV.UK* [website]. URL: <https://www.gov.uk/coronavirus> (accessed: 15.09.2021).

EpicoRem [website]. (N. d.). URL: <https://coronavirus.fr> (accessed: 15.09.2021).

Gouvernement [website]. (N. d.). URL: <https://www.gouvernement.fr/info-coronavirus> (accessed: 15.09.2021).

Kirillova, O. O. (2016). Avstraliiskii kharakter – dukh buntarskii [Australian Character Means Rebellious Spirit]. In *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya*. Plzeň, Moscow, Gradient, Zapadnocheshskii universitet v g. Plzeň, pp. 174–180.

Kudrina, A. V., Meshcheryakov, B. G. (2011). Semantika tsveta v raznykh kul'turakh [Colour Semantics in Different Cultures]. In *Dubna. Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka*. No. 1, pp. 1–18.

Lazareva, E. A. (2003). Reklamnyi diskurs: strategii i taktiki [Advertising Discourse: Strategies and Tactics]. In *Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva*. Vol. 9, pp. 82–121.

#MyVmeste [#WearTogether] [website]. (N. d.). URL: <https://myvmeste2020.rf> (accessed: 15.09.2021).

Nasonova, I. A. (2020). Mirovoi rynek reklamy 2020: vliyanie COVID-19 [The Global Advertising Market of 2020: The Influence of COVID-19]. In *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. No. 5-2 (63), pp. 105–108. DOI 10.24411/2411-0450-2020-10437.

Nefedova, L. A. (2010). Kognitivnye osobennosti komiksa kak kreolisovannogo teksta [The Cognitive Peculiarities of Comics Strips as Creolised Texts]. In *Byulleten' Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No. 1 (177), pp. 4–9.

O reklame. Federal'nyi zakon № 38-FZ ot 13 marta 2006 goda [Federal Act on Advertising from 13 March 2006]. (2006). In *Konsul'tantPlyus* [website]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (accessed: 15.09.2020).

Polyakova, A. (2020). Tri tipa reklamy, kotoruyu brendy zapuskayut vo vremya vspyshki koronavirusa [Three Types of Advertising Launched during the Coronavirus Pandemic]. In *RB.RU* [website]. Apr. 3. URL: <https://rb.ru/story/coronavirus-advertising/> (accessed: 15.09.2020).

Publicité : avec la Covid, le discours des marques a changé. (2020). In *The Conversation* [website]. Oct. 22. URL: <https://theconversation.com/publicite-avec-la-Covid-le-discours-des-marques-a-change-147932> (accessed: 15.09.2021).

Ruella, I., Lafortune, J.-M., Rhéaume, J. (2020). L'intervention en milieux organisés : fondements et enjeux communicationnels. In *Communiquer: L'intervention en milieux organisés : fondements et enjeux communicationnels*. No. 30, pp. 1–9. DOI 10.4000/communiquer.7396.

Solodovnikova, A. N. (2013). *Sovremennaya sotsial'naya reklama: sposoby vozdeistviya na adresata* [Modern Public Advertising: Ways of Influencing the Recipient]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, S. n. 22 p.

Sotnikova, E. S. (2017). Kommunikativnye strategii v diskurse sotsial'noi reklamy [Speech Strategies in Social Advertising Discourse]. In *Voprosy filologii i mezhkul'turnoi kommunikatsii. Sbornik nauchnykh statei*. Cheboksary, Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 177–180.

Stopkoronavirus.rf [website]. (N. d.). URL: <https://stopkoronavirus.rf> (accessed: 15.09.2021).

Ukhova, L. V. (2012). Effektivnost' reklamnogo teksta: sinergeticheskii podkhod [The Effectiveness of an Advertising Text: Synergetic Approach]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 1. No. 1, pp. 218–223.

Worldometers. Real Time World Statistics [website]. (N. d.). URL: <https://www.worldometers.info> (accessed: 15.09.2021).

Yandex [internet-portal]. (N. d.). URL: <https://yandex.ru/> (accessed: 15.09.2021).

The article was submitted on 15.03.2021

Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае*

Ирина Вепрева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The National Peculiarities of Coronavirus-Related Social Advertising in Russia and China

Irina Vepreva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The relevance of the global problem of confronting the coronavirus infection has made it possible for a whole scholarly direction to appear, i. e. the COVID humanities. This has brought together scholars from different countries who study the social, psychological, and linguistic behaviour of people in the new crisis. Its philological branch appeals to linguistic issues during the struggle against COVID-19. This article deals with the reflection of the pandemic in Russian and Chinese social advertising. Comparative analysis reveals a thematic similarity between the advertisements of the two countries. Social advertising as an effective tool of interaction between the country and its population has become a natural platform for educational hygiene and dissemination of scholarly knowledge about people's behaviour during the pandemic. In addition, advertising in Russia and China is a powerful mobilisation resource for ensuring social solidarity, promoting a common collective destiny, expressing gratitude to doctors who are perceived as heroes of our time, and raising the level of collectivist culture that facilitates the implementation of anti-COVID measures. At the same time, the thematic similarity of advertisements released in the two countries has a different

* *Citation:* Vepreva, I. (2022). The National Peculiarities of Coronavirus-Related Social Advertising in Russia and China. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 35–52. DOI 10.15826/qr.2022.1.657.

Цитирование: Вепрева И. Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 35–52. DOI 10.15826/qr.2022.1.657 / Вепрева И. Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 35–52. DOI 10.15826/qr.2022.1.657.

national meaning. Chinese advertisements demonstrate a high degree of ideologisation and figurativeness. The material of Russian advertisements studied makes it possible to trace the use of linguo-creative techniques at different stages of the pandemic and the development of shock methods for influencing the target audience. China's special place as the epicenter of the spread of the new virus has caused China-specific topics to appear (support for Wuhan and appeals to the population to abstain from consuming wild animal meat).

Keywords: social advertising, COVID-19, pandemic, verbal communication, non-verbal communication, Russia, China

Актуальность проблемы противостояния коронавирусной инфекции позволила сложиться целому научному блоку – «ковидной» гуманитаристике, которая объединила ученых разных стран, изучающих социальное, психологическое и языковое поведение людей в новой кризисной ситуации. Филологическая ветвь направления обращается к проблемам языкового существования в период борьбы с COVID-19. В статье рассматривается реакция на пандемию в русской и китайской социальной рекламе. Сопоставительный анализ выявил тематическое сходство рекламного текста двух стран. Социальная реклама как действенный инструмент взаимодействия государства с населением страны стала естественной площадкой для воспитательной гигиены, распространения научного знания о поведении людей в период пандемии. В рекламе России и Китая заложен мощный мобилизационный ресурс для укрепления социальной солидарности, для пропаганды общности коллективной судьбы, для выражения благодарности медикам, для поднятия уровня коллективистской культуры, которая облегчает реализацию антиковидных мер, укрепляет веру в государственную заботу. Тематическое сходство рекламного текста двух стран имеет разное национальное осмысление. Выявлена высокая степень идеологизированности и образности китайского рекламного текста. Исследуемый материал русской рекламы дает возможность проследить динамику использования лингвокреативных приемов на разных этапах коронавирусного времени, развитие шоковых методов воздействия рекламного текста на целевую аудиторию. Особое место Китая как эпицентра распространения вируса нового типа спровоцировало наличие тем, специфических только для китайского рекламного дискурса.

Ключевые слова: социальная реклама, COVID-19, пандемия, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация, Россия, Китай

Научный гуманитарный ландшафт пандемии коронавируса

Пандемия COVID-19 с начала ее распространения попадает в фокус внимания ученых. Помимо профессионального медицинского освещения, коронавирусная тема активно разрабатывается

специалистами гуманитарного направления. Первые опыты междисциплинарного анализа социологов и психологов появились на страницах научных журналов в первой половине 2020 г. Перед учеными стояла задача противопоставить непрофессиональному обсуждению в Интернете академический формат анализа ситуации COVID-19 в терминах научной «пандемической социологии». Социологи и психологи «стремятся применить теоретически обоснованные подходы к осмыслению феномена “неожиданного социального кризиса”, каковым считается текущая пандемия, а также методологический инструментарий наличного социального знания в надежде приостановить хаос в массовом восприятии происходящего» [Якимова, с. 13]. Исчерпывающий обзор концепций и методов социальных и социопсихологических наук, которые могли бы стать подспорьем для формирования и необходимых изменений массовых поведенческих паттернов в связи с пандемией COVID-19, предложил, например, авторский коллектив, координатором которого является профессор психологии и нейробиологии Джей Ван Бавел (Нью-Йоркский университет, США) [Using Social and Behavioral Science]. В авторском проекте участвовало более 40 чел., по преимуществу психологи разного профиля, а также специалисты в сфере нейробиологии и социальной нейронауки из ведущих университетов США и Европы, Канады, Австралии, Бразилии и КНР. Авторы выделили пять направлений социально-практической работы, существенных для формирования адекватной общественной реакции и массового социального восприятия феномена COVID-19, среди которых активно обсуждается социальный контекст пандемии: формирование новых социальных норм на фоне традиций межличностного общения, неравенство и дискриминация, наличие культурного фона, политической дифференциации и соперничества [Ibid., p. 461]. Ученые считают, что поведенческие перемены в социальном контексте пандемии требуют более продуманной адресной популяризации новых социальных норм, и предлагают различные действенные меры.

Пандемия также активизировала желание философов быть экспертами и разобраться в экзистенциальных проблемах. Философский дискурс о пандемии, в отличие от социологического, оказался амбивалентным. Работами философов было задано биополитическое измерение COVID-19. Одной из острых тем развернувшихся философских дискуссий стала «футлярность социальных отношений, направленная на изоляцию человека в его собственном бытии» [Попова, с. 13]. «И тогда Беликов станет восприниматься не только как сатира на удушающую казенщину конца 19 в., но, быть может, и как провозвестник эпохи самоизоляции 21 в., – первопроходец новых путей к спасению человечества» [Эпштейн, с. 26].

При описании медикализированной пандемической реальности итальянский философ Дж. Агамбен усмотрел в усилении властных притязаний современной биополитики тотальность «голой жертвы»,

то есть абсолютной жертвы всех своих прав, ради возможности сохранить здоровье, когда «жизнь сведена к чисто биологическому состоянию, утратившему не только социальное и политическое измерение, но даже сочувствие (здесь и далее перевод мой. – И. В.)» [Agamben].

С другой стороны, пафос неотложного философствования, путь от лица субъекта речи, выражающего протест против биополитической десубъективации, был противопоставлен традиционно философской модальности молчания как особой онтологической нише философа, имеющей значение для осознания экзистенциальных проблем. Практика осознанного молчания стала особенностью философского подхода к осмыслению пандемии [Harman]. В частности, Кэтрин Малабу вводит понятие *двойной карантин* – карантин в карантине, это изоляция от коллективной изоляции как право философа остаться наедине с собой, как неотъемлемая составляющая поиска философской истины [Malabou].

Объектами многочисленных научных филологических исследований стали интернет- и медиадискурс периода пандемии COVID-19. Кроме отдельных публикаций, обращенных к различным аспектам анализа, были реализованы крупные исследовательские проекты, посвященные пандемийной проблематике.

Наиболее значимые результаты изложены в специальном выпуске журнала «Коммуникативные исследования» (2020, № 4). В предисловии к номеру приглашенный редактор выпуска профессор Э. Лассан пишет, что пандемия сыграла парадоксальную роль в жизни общества: «человек эпохи пост- и постпостмодерна, живущий в состоянии экзистенциального одиночества и социальной атомарности, вдруг ощутил свою общность с социумом перед лицом возникшей опасности» [Лассан, с. 731]. Это единство сказалось в ощущении новой «зуммированной» эпохи [Кронгауз], в ее новоязе и языковой игре [Зайцева; Северская], в характерной для ковид-эпохи военной метафоре [Балашова], в восприятии языковой картины мира как неадекватной: новая концептуальная единица *самоизоляция* эвфемизирует принудительные действия властей по отношению к индивиду [Радбиль].

Коллективная монография «Русский язык коронавирусной эпохи» [Русский язык коронавирусной эпохи] и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [Словарь русского языка коронавирусной эпохи] являются двумя частями одного издания Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), посвященного описанию динамических процессов в русском языке периода пандемии. В монографии отмечается уникальность языковой ситуации пандемийной эпохи, которая определяется как количественной интенсивностью неологизации словарного состава¹, так и ее скоростью: традиционные для языкового развития процессы (появление новых слов и значений, развитие многозначности, синонимии и пр.) стали

¹ «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», являясь ярким достижением российских ученых-лексикографов, включает 3,5 тыс. слов.

происходить с невероятной быстротой. Кроме того, процессы неологизации и интенсивной языковой игры оказались синхронными в той или иной степени для многих языков мира, что подтверждает социальную тенденцию к глобализации в эпоху Интернета и цифровых технологий. Языковая ситуация, вызванная пандемией, как отмечается в предисловии, позволяет «запечатлеть момент языкового развития в его очень концентрированной форме» [Русский язык коронавирусной эпохи, с. 12]: на фоне проанализированных ключевых слов ковидной эпохи языковая картина мира охарактеризована как эпоха раскола и противостояния, в которой особое место занимает человек (ему посвящена отдельная глава). COVID-19 также представлен в зеркале языковой игры и ковидного фольклора.

Как победить коронавирус: социальная реклама в поисках ответа

В меняющийся научный ландшафт ковидного времени вписывается и исследовательский опыт осмысления рекламного дискурса, семиотически осложненного типа коммуникации, поликодовая структура которого усиливает воздействующий эффект. В эпоху пандемии своеобразный ренессанс переживает социальная реклама, суть которой – быть занятой «пропагандой общественно значимых ценностей и трансформацией точки зрения общественности на какую-либо социальную проблему» [Соколова, с. 104]. В конечном итоге социальная реклама нацелена на «провоцирование поведенческой реакции в виде участия людей в решении общезначимой проблемы» [Хлопунова, Цаканян, с. 3]. Злободневность проблем, связанных с COVID-19, укладывается в русло важных государственных интересов, поэтому напрямую отражается в социальной рекламе. Особое внимание исследователи обращают на сопоставительный межъязыковой аспект рекламного текста [Котельникова, Леонтович; Специфика социальной рекламы; Умеренкова и др.].

Описание прагматического потенциала текстов социальной рекламы двух стран, России и Китая, предполагает анализ рекламного текста как лингвoseмиотического гибрида, состоящего из национально ориентированных вербальных средств и визуального образа, используемых адресантом для конструирования.

Материал исследования – плакатная форма рекламы, с исключением рекламных видеороликов в силу разной основы материальных носителей, несмотря на продуктивную форму продвижения в них социальных идей. «В условиях короткого акта коммуникации (например, наружная реклама) смысл сообщения кристаллизуется, а послание упрощается. Невербальная часть сообщений становится более яркой и заметной в ущерб глубине и натуральности образов... В относительно длительных актах коммуникации (видеоролики) в вербальной части используется развернутая аргументация, а в невербальной – глубокие эмоциональные образы» [Рюмин, с. 17].

Материал отобран из официальных источников (российский интернет-ресурс *Стопкоронавирус.рф* и китайский 中华人民共和国国家卫生健康委员会 – *Государственный комитет по делам здравоохранения КНР*)², а также с других интернет-сайтов и из социальных сетей (*Weibo, CCTV, Sohu* и др.) в период с января 2020 по декабрь 2021 г. Анализируемый материал показывает тематическое сходство российской и китайской социальной рекламы.

В обеих странах главная ее цель – донести до населения мысль о необходимости соблюдения профилактических мер (ношения маски, частого мытья рук, соблюдения дистанции, проветривания помещений и др.). На начальной стадии пандемии в первой половине 2020 г. для российской социальной рекламы были характерны лапидарность и элементарная простота предлагаемых дидактических предписаний. Основной акцент делается на внедрении в сознание граждан правильных привычек. Происходит насаждение новой гигиенической сознательности, передача и массовое распространение объективного научного знания, способного оградить человека от опасностей, заключенных в коронавирусе (ил. 1 на цв. вклейке). Создается санитарно-гигиеническая модель, конструируемая врачами и воплощающая идеал бытового поведения человека в период пандемии. Гигиенизация социума в этот период напоминает массовое обучение населения нормам телесной чистоты в СССР в 1920–1930-е гг., когда чистоплотность была названа одной из личностных характеристик образцового советского человека.

Советская дидактическая реклама санитарно-гигиенической направленности представляла собой простые четкие инструкции: *Долой рукопожатия! Без рукопожатий встречайте друг друга и прощайтесь; Запомните – надо спать в проветренной комнате; Мой руки после работы и перед едой; Культурная привычка, приобрети ее – ходи еженедельно в баню и меняй белье; Меняй трусы ежедневно; Зубы чисти дважды в день. Каждое утро и каждый вечер!* В докладе В. В. Маяковского о художественной пропаганде на Первом Всероссийском съезде работников РОСТА отмечалось: важно, чтобы «ударность наших идей не ослаблялась бы туманностью и запутанностью формы» [Маяковский, с. 240–241].

Императив гигиены складывается с помощью прямых форм побудительных конструкций – включением в структуру высказывания глаголов в форме повелительного наклонения и модальной лексики долженствования. Слоганы представляют собой структурно простые фразы, включающие обращения и призывы при минимальном присутствии вербального образа. Рядом со слоганом могут быть размещены фотографии местных врачей, работающих

² Благодарю за помощь в отборе китайских источников магистранта филологического факультета УрФУ Ян Чжибин.

с ковид-пациентами. Апелляция к мнению специалистов должна усилить доверие к лозунгам.

В китайском материале практически отсутствуют слабореализованные тексты³. Известное положение, что в Китае мыслят образами, а на Западе – логикой, реализовано в социальной рекламе Китая. Дидактические правила, как правило, поддержаны визуальными образами метафорического характера (ил. 2 на цв. вклейке, ил. 1).

В дальнейшем директивность инструкций ослабляется при усложнении приемов речевого воздействия: создатели рекламы уходят от простых императивных форм, «бьющих в лоб», к более сложным элементам творчества. Происходит развитие креативного подхода к формируемым мерам безопасности. Приемы могут быть различными. В России становится популярной форма советского плаката, сохраняющего визуальный образ при смене слогана на актуальный (ил. 3, 4 на цв. вклейке). Этот прием стал использоваться и в тематической зоне вакцинации.

Возможна опора и на прецедентные тексты классической литературы, живописи, художественных фильмов. Хрестоматийная фраза Родиона Раскольникова про тварь дрожащую из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» трансформируется в наружной рекламе г. Ставрополя как *Тварь ли я дрожащая или антитела имею?* Вдохновленная фильмом А. Балабанова «Брат» (1997) реклама вакцинации появилась в московском метро: *В чем сила, медбрат? – В вакцине!*

Приведем еще один прием креативного насаждения новой гигиенической сознательности. Минприроды России измерило социаль-

1. «Маска заботится о нашей безопасности». Китайский социальный плакат. 2020
‘The mask takes care of our safety’. Chinese social poster. 2020

³ О понятии «креолизованный текст» см.: [Сорокин, Тарасов].

2. «Соблюдайте дистанцию не менее 1,5 м друг от друга». Российский социальный плакат. 2020
 'Keep a distance of at least 1.5 m from each other.'
 Russian social poster. 2020

ную дистанцию между представителями животного мира (ил. 2).

Социальная дистанция может получать метафоризацию, опирающуюся на ценностную основу, например: *2 метра заботы друг о друге*.

Кроме гигиенического культурпросвета, социальная реклама одновременно акцентирует внимание целевой аудитории на актуальных социальных ценностях.

Сквозной идеей как в России, так и в Китае в пандемийном рекламном тексте стала идея единения, сплоченности в борьбе

с коронавирусной инфекцией. В общественном пространстве России и Китая формируется модель новой коллективной солидарности. В марте 2020 г. в России в рамках акции #МыВместе заработал соответствующий сайт *мывместе2020.рф* (ил. 3). Практически во все социальные плакаты Китая, посвященные мерам профилактики, включаются слоганы: 从我做起, 共同战“疫” (*Начните с себя, вместе боремся с эпидемией*); 共克时艰 共度难关 (*Вместе преодолеем временные трудности*); 众志成城 抗击疫情 (*В единстве – сила, давайте все сообща дадим отпор эпидемии*); 我们在一起 (*Мы вместе*) (ил. 5, 6 на цв. вклейке).

Несмотря на лексическое тождество слоганов в русском и китайском рекламном тексте при вербализации концепта *коллективизм* (*мы вместе против COVID-19*), прослеживается национальное различие данного мировоззренческого принципа.

Традиционно в российском дискурсе представления о духе коллективизма тесно переплетаются с «русской идеей», подкрепленной коллективизмом советского типа, но происходящая на современном этапе ломка стереотипов национального мировидения, их трансформация привели к активному формированию эгоцентрической культуры на русской почве. Кроме того, коллективизм русских всегда имел двойственный характер: «на микросоциальном уровне, в повседневной жизни, в бытовой сфере русские более коллективисты.

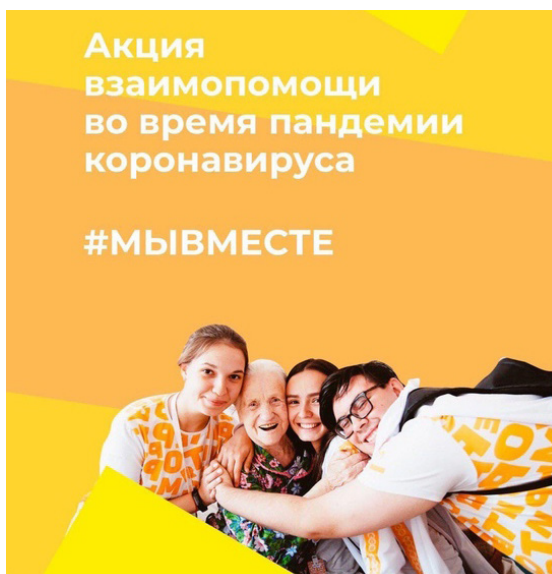
На макросоциальном уровне, в социальной и политической жизни, население России скорее индивидуалисты, мало способные к совместным действиям для достижения общих целей» [Скворцов, с. 28]. Поэтому задача государства в новых пандемийных условиях – укрепить социальную солидарность без идеологического привкуса, без покушения на индивидуальную свободу. Российский социальный плакат эксплуатирует ценности «ближнего круга», связанного отноше-

ниями душевной близости и бескорыстной поддержки между конкретными людьми своего круга, – семьи, друзей, соседей, объединенными общими смыслами постоянства и надежности.

Парадоксальным образом идея сплочения в России стала работать преимущественно в среде «антиваксеров», сформировавших протестную составляющую дискурса пандемии. Антипрививочный настрой как среди населения, так и в рядах скептиков-«специалистов» во многом порожден общественным недоверием к официальной информации о течении пандемии. Психологическая усталость от страха заражения перешла в протесты против обязательных прививок.

Чувство патриотизма китайских граждан, высокая степень их коллективной ответственности и дисциплинированности, с одной стороны, носят идеологически обусловленный характер, что облегчает реализацию антиковидных мер. В китайском контексте призыв к единению с обществом перед лицом новой угрозы указывает на импликацию: ты член китайского сообщества, и вся твоя поведенческая программа, включающая повседневные здоровые привычки, идет на пользу этому обществу. Прочитывается и другой скрытый смысл *долга перед обществом*: ты во всем должен соответствовать нормам социалистического общежития, только тогда ты полезен.

С другой стороны, идея единства опирается на китайский «активный коллективизм». «Его оформление не было результатом давления надстройки общества в виде «спущенных сверху» закона или религиозных догм. <...> Для каждого индивида было характер-

3. «#Мывместе». Российский социальный плакат. 2020

“#WeAreTogether.” Russian social poster. 2020

но не желание оградить себя от давления общества, а, напротив, поступательно нарастающая экстравертность. Каждый индивид идентифицировал себя через создаваемую им уникальную сеть контактов, которую он, если позволял его потенциал, непрестанно расширял, следуя в русле диктуемой китайской традицией установки на перманентное сплочение, объединение, углубление существующих в обществе взаимосвязей» [Сухомлинова, с. 98]. Суровые коронавирусные ограничения поддерживает большинство китайцев, которые убеждены, что индивидуальная свобода может быть принесена в жертву коллективному благу.

Тематической точкой пересечения социальной рекламы в России и Китае стала самоотверженная работа медицинских работников в период эпидемии. Российские и китайские врачи в государственной пропаганде обрели статус героев. Реклама опиралась на традиционные общественные представления о героическом поведении, связанном с защитой и сохранением базовых общечеловеческих ценностей, высшей из которых является жизнь. Педалировалась идея повседневного героизма медиков, в работе которых выделялись самопожертвование, личное мужество в преодолении экстремальных обстоятельств.

4. «Ангелы в белых одеждах, спасибо вам!..»
Китайский социальный плакат. 2020
'Angels in white scrubs, thank you!..'
Chinese social poster. 2020

Ореол героизма врачей Китая, их идеализация создаются с помощью метафорической номинации с позитивной коннотацией: врачей называют ангелами в белых одеждах. Стратегии героизации способствует также использование средств невербального ряда. В социальной рекламе Китая очень часто наблюдается опора на традиционные для китайской культуры образы. Так, на плакате представлен вырезанный из папиросной бумаги рисунок (ил. 4). Вырезание узоров из бумаги – цзяньчжи – один из видов народ-

ного декоративно-прикладного искусства Китая. Рядом со словами благодарности – призыв к единению.

Образ героя-врача в Китае персонифицирован (ил. 7 на цв. вклейке). Здесь формировалось благоговейное отношение к ключевой фигуре в борьбе с коронавирусом – академику Чжун Наньшань (85 лет). Известный эпидемиолог и пульманолог получил международную известность за управление вспышкой атипичной пневмонии в 2003 г. Он был назван одним из ста самых влиятельных людей в мире в 2020 г. Его вклад в борьбу с коронавирусной инфекцией трудно переоценить. Узнав о вспышке новой инфекции, Чжун отправился в Ухань. Согласно легенде, он не смог достать билет на самолет, и 18 января 2020 г. его заметили в поезде на Ухань. Фотография спящего в кресле поезда академика сразу распространилась в китайских соцсетях. С тех пор вся страна следила за действиями и словами этого «святого человека». Несомненной заслугой ученого является его выступление 20 января 2020 г. в эфире Центрального телевидения Китая (CCTV), в котором он заявил, что коронавирус может передаваться от человека к человеку (хотя официальные источники в Ухане утверждали обратное), что привело к радикальным мерам: 23 января 11-миллионный мегаполис был закрыт на жесткий карантин. Его слова «Конечно же, мы справимся, если объединим силы. Ухань – это город-герой» стали основой для слоганов в китайской социальной рекламе.

Русский социальный плакат, наоборот, старается снизить героический пафос рекламы, используя обращение к конкретной повседневности. На плакате со слоганом *Врачи – герои нашего времени* в невербальной части рекламного пространства размещена фотография реального медицинского работника с указанием имени, фамилии и места работы в конкретном городе, где висит этот плакат. Налицо тенденция к героизации обычного «своего» человека в контексте этической ценности скромности и исполнения профессионального долга.

Еще один прием снижения пафоса демонстрирует социальная реклама в Москве, в которой под хештегом # *Герои горожан по всей Москве* размещены простые и теплые по своей смысловой наполненности фразы врачей из разных московских ковидных госпиталей со слоганами: *Слова, которые лечат; Слова, которым веришь; Слова, которые греют душу*. Производители рекламы явно стремились вызвать сопереживания, воздействуя на эмоционально-чувственную сферу людей.

Тема героизации имела горький привкус и не стала успешным проектом, так как государственная пропаганда расходилась с реальным положением дел. Возникшие в пандемийный период социально-экономические проблемы, связанные с медициной, также оказались общими для всех стран. Впервые в истории движений масштабный размах приобрели протесты медиков. Пик выступлений в странах Европы и Америки пришелся на апрель – июнь 2020 г., в России – на сентябрь – октябрь 2020 г. Общими причинами недовольства стали нехватка медицинских средств и персонала в условиях борьбы с коронавирусом, низкие зарплаты, сокращение бюджета на медицину.

В России одна из задач протестных акций – вернуть в центр внимания проблемы с ковидными выплатами медикам.

«Особенностью протеста медиков стало также отсутствие поддержки со стороны населения. Те люди, которые аплодировали по вечерам врачам и медицинским сестрам в городах Европы и Америки, не только не вышли их поддержать на улицы, например, Мадрида, к чему призывал профсоюз медиков жителей города, но и активно осудили “голую” акцию немецких докторов в Интернете» [Епифанова, Закаурцева, с. 73]. В Китае всякая протестная активность во время пандемии жестко пресекается вплоть до уголовной ответственности.

Кроме общей проблематики российской и китайской социальной рекламы, выделяются темы, которые являются специфическими только для китайского дискурса в силу того, что распространение нового заболевания началось с китайского города Ухань. В декабре 2019 г. произошла вспышка инфекционного заболевания, официальной датой начала которой считается 31 декабря – день, когда Пекин уведомил ВОЗ о пневмонии неизвестного типа.

Главный символ китайской рекламы – это образ летучей мыши. В январе 2020 г. в прессе появилась информация о том, что источником нового вирусного заболевания стали летучие мыши, которых в южных регионах Китая употребляют в пищу. Одними из важных

призывов к китайскому населению стали лозунги *Откажитесь от дичи; Откажитесь есть диких животных.*

Интересен визуальный ряд китайской социальной рекламы, использующий образ летучей мыши: кроме привычного всему миру облика коронавируса в виде круглой сферы с отростками, похожими на корону, в Китае вирус предстает в виде стаи летучих мышей (ил. 5). Пораженные вирусом легкие человека – это рас-

5. «Вирус». Китайский социальный плакат. 2020
'Virus' Chinese social poster. 2020

пластанная летучая мышь, медицинская маска часто изображается в виде летучей мыши и др.

Авторы рекламы работают и с вербальной частью текста. В социальном плакате часто используются в качестве слоганов трансформированные китайские пословицы со словом *счастье*. Языковая игра строится

на омонимии двух китайских слов-омофонов с одинаковым произношением, но разным написанием и значением: 福 (fú) *счастье* и 蝠 (fú) *летучая мышь*. Так, в пословице 祸兮福所倚, 福兮祸所伏 (*В несчастье живет счастье, а в счастье таится несчастье*) слово *счастье* заменено на омонимичное слово *мышь*. Таким образом рождается новый слоган: 莫让福变腹中物 (*Летучие мыши таят в себе несчастье*). Еще одна трансформация другой китайской пословицы, основанной на омонимии данных лексем: 福祸相依 (*Нет худа без добра, досл. Нет беды без счастья*) → 祸蝙蝠相依 (*Бедой и летучая мышь всегда рядом*).

Другой ведущей идеей китайского социального плаката является поддержка Уханя, знакового топонима как для всего мира (первая точка и эпицентр распространения вируса нового типа), так и для Китая. Беспрецедентная и первая в мире 76-дневная полная самоизоляция города-многомиллионника стала для китайцев образцом поведения. Китай оказался не только первичным очагом инфекции, но и страной, которой первой удалось взять ситуацию под контроль. Карантин, объявленный 23 января, официально завершился 8 апреля 2020 г., когда в городе по официальным данным не было зарегистрировано ни одного смертельного случая от коронавируса. Правительство не преминуло воспользоваться сложившейся ситуацией с должным пафосом. Этот день в Китае был объявлен Днем победы. Си Цзиньпин, глава государства и компартии, присвоил Уханю титул города-героя. К героизму медиков (на помощь уханьским врачам из других районов приехали Китая 2 300 специалистов) прибавляются героически короткие сроки строительства больниц по типу полевых госпиталей (10 и 15 дней): это больницы Хошэньшань на 1 000 коек и Лейшеншань на 1 600 коек. Слоган *Ухань, вперед!* стал самым частотным в социальной рекламе Китая.

Главным словом следующего «ковидного» 2021 г., по мнению англоязычных экспертных групп, стало слово *вакцина*, а также другие близкие по семантике слова: рус. *спутник*, нем. *Wellenbrecher* (букв. *волнорез*), которым в немецком языке обозначают меры, которые были приняты, чтобы остановить четвертую волну пандемии. Социальная реклама в России и Китае активно отреагировала на актуальные запросы реального времени, и главной темой года стала вакцинация населения. Новый поворот, характерный для российской действительности, состоял в использовании шоковой рекламы⁴. Эпатирующая агрессивная реклама основывается на эмоционально-воздействующей функции, вызывающей страх за собственную жизнь, а также за жизнь родных и близких.

В массмедиа широко обсуждался проект шоковой антиковидной рекламы г. Благовещенска, выпущенной в октябре 2020 г., в создание которой заложена модель движения адресата к негативно оцениваемому образу будущего (ил. 8 на цв. вклейке). Реклама актуализирует

⁴ См. о шоковой рекламе: [Косова; Тихомирова, Кыркунова, Мялицина; Шомова].

парадигму «образ прошлого – образ будущего», реализованную как визуальным, так и вербальным способами. В образе прошлого адресат вписывается в ситуацию, в которой невыполнение необходимых противовирусных мер неизбежно ведет к смерти. Смерть получает свои локусные визуальные характеристики: в правой или нижней части рекламного изображения – фотографии венков, кладбищенской ограды, поминальной еды.

В 2021 г. идея «танатостремительности» ковидного мира, включение концепта *смерть* в рекламный текст о вакцинации становится продуктивной. Наряду с привычными лозунгами-призывами *Приди на вакцинацию; Поставь прививку; Сделай прививку – опереди инфекцию; Прививайтесь, и будете здоровы* мы встречаем в наружной рекламе тексты следующего содержания: *Сколько должно умереть, чтобы ты привился? Вакцинируйтесь!* (наружная реклама в Ставропольском крае); *Смерть от ковида не лечится. Вакцинируйтесь!* (наружная реклама в Москве).

Приведенные тексты логически парадоксальны, поэтому их мотивирующая функция проблематична. Они нацелены на особую интерпретационную деятельность со стороны целевой аудитории, требуют когнитивных усилий по формированию дополнительных смыслов, поскольку вызывают разногласие между мнением, которое сформировано у общества по определенному вопросу, и новым мнением, которое высказывается автором. В риторическом вопросе *Сколько должно умереть, чтобы ты привился?* массовому адресату практически вменяется убийство. Выражается новый взгляд на прививку: своим нежеланием вакцинироваться ты убиваешь другого. Прямой призыв, который сформирован у общества, должен звучать так: *Ты же не хочешь умереть? Тогда прививайся.* Во втором слогане *Смерть от ковида не лечится* при ложности умозаключения легко прочитывается импликатура рекламного текста: лечить можно только живого человека, поэтому ты должен вакцинироваться, чтобы не умереть от ковида.

Таким образом, российский социальный плакат демонстрирует динамическое переакцентирование своих функций в пандемийное время. Мы наблюдаем переход от информационно-просветительской функции с типичным для медицинского дискурса набором стандартных бюрократических формул гигиенического культпросвета на начальном этапе к эмоционально-воздействующей функции, крайней реализацией которой является «шоковая терапия» в виде агрессивного рекламного текста, эксплуатирующего тему смерти.

* * *

В течение двух лет эпидемия коронавирусной инфекции стала важнейшей темой обсуждений на повседневном и официальном уровнях во всем мире. Складывается целое научное направление, которое можно назвать ковидной гуманитаристикой, в нем обсуждаются про-

блемы, связанные с социальным, психологическим и языковым поведением людей во время пандемии. Филологическая ветвь направления обращается к проблемам языкового существования в кризисный период борьбы с COVID-19. Языковая картина мира адекватно отражает современное состояние общества, его умение осмыслять обстоятельства и даже противостоять им. При этом анализ социального рекламного текста показал, что государство использует рекламу как высокоэффективный инструмент, моделирующий формирование новых поведенческих привычек и новых ценностных установок. Аксиологический ресурс, закладываемый в моделирование концептуального пространства рекламы в критической ситуации, позитивно воздействует на общественное сознание. Сопоставительный межъязыковой анализ российского и китайского рекламного дискурса продемонстрировал межкультурную тематическую общность перед лицом глобальной угрозы. В то же время реклама не свободна от национальной специфики осмысления опасности. В Китае достаточно ярко проявляется идеологическая окрашенность рекламного текста, что обусловлено китайской политической системой. В России эта коммуникация более индивидуализирована. Реклама обеих стран мощно использует культурные национальные коды, но для китайской социальной рекламы в большей степени характерна образность, связанная с традиционными мифологическими мотивами.

Список литературы

- Балашова Л. В.* Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В. В. Путина // *Коммуникат. исслед.* 2020. Т. 7, № 4. С. 777–800. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800.
- Епифанова Т. В., Закаурцева Т. А.* Социальные движения в период пандемии COVID-19: новейшая история протестов // *Вестн. Дип. акад. МИД России. Россия и мир.* 2020. № 4 (26). С. 69–78.
- Зайцева И. П.* «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // *Коммуникат. исслед.* 2020. Т. 7, № 4. С. 801–813. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.
- Косова Д. А.* Шоковая реклама в коммерческой сфере: российский и зарубежный опыт // *Гуманитарные науки. Вестн. Фин. ун-та.* 2015. № 2 (18). С. 82–90. DOI 10.12737/11602.
- Котельникова Н. Н., Леонтович О. А.* Эпидемия коронавируса через призму русского и китайского языкового сознания // *Уч. зап. Нац. о-ва прикладной лингвистики.* 2020. № 4 (32). С. 81–97.
- Кронгауз М. А.* Screenlife в эпоху карантина // *Коммуникат. исслед.* 2020. Т. 7, № 4. С. 735–744. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
- Лассан Э.* Предисловие приглашенного редактора // *Коммуникат. исслед.* 2020. Т. 7, № 4. С. 731–734.
- Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1959. Т. 12. 716 с.
- Попова О. В.* Пандемия и фигура философа // *Человек.* 2020. Т. 31, № 6. С. 11–30. DOI 10.31857/S023620070013079-3.
- Радбиль Т. Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникат. исслед.* 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистич. исслед. РАН, 2021. 610 с.

Рюмин Р. В. Социальная реклама как речевой жанр : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск : [Б. и.], 2012. 23 с.

Северская О. И. Ковидиоты на карантикулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникат. исслед. 2020. Т. 7, № 4. С. 887–906. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

Скворцов И. П. К вопросу о соотношении коллективизма и индивидуализма в отечественной социальной культуре // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 1 (62). С. 27–30.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистич. исслед. РАН, 2021. 550 с.

Соколова О. В. Языковые технологии «антивирусной» социальной рекламы: от «испанского гриппа» до “COVID-19” // Вопр. психолингвистики. 2020. № 4 (46). С. 102–121. DOI 10.30982/2077-5911-2020-46-4-102-121.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. С. 180–186.

Специфика социальной рекламы в условиях пандемии COVID-19 : международный контекст / Е. Ю. Потапчук, Ю. Е. Лабзина, М. А. Маркова, Д. М. Мамаева // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8 (88). С. 59–67. DOI 10.24158/spp.2021.8.7.

Сухомлинова В. В. Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 93–99. DOI 10.30853/manuscript.2018-9.20.

Тихомирова Л. С., Кыркунова Л. Г., Мяслицина И. П. Шоковая реклама как новизна социальной рекламы // Вестн. Север. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 138–143. DOI 10.17238/issn2227-6564.2016.6.138.

Умеренкова А. В. Культурно-релевантный контент дискурса социальной рекламы (на материале русско- и англоязычной рекламы по борьбе с коронавирусом) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2021. № 1. С. 39–48. DOI 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48.

Хлопунова О. В., Цаканян А. А. Реклама в СМИ: механизмы влияния и эффекты // Вестн. Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 4. С. 1–7.

Шомова С. А. Шоковые технологии современной рекламы // Медиаскоп. 2011. № 4. С. 11.

Эпштейн М. Н. Пандемия: философский диагноз // Koinon. 2021. Т. 2, № 1. С. 20–37. DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.001.

Якимова Е. В. Пандемия COVID-19: первые опыты междисциплинарного анализа в дискурсе социальных наук : (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки : Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2021. № 2. С. 13–31. DOI 10.31249/rsoc/2021.02.02.

Agamben G. The Invention of an Epidemic // Foucault M., Agamben G., Nancy J. L. et al. Coronavirus and Philosophers // Europ. J. of Psychoanalysis : [website]. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> (accessed: 25.12.2021).

Harman G. Lockdown and the Sense of Threat // Baykuş: Felsefe Yazıları : [website]. 2020. May 6. URL: <https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/> (accessed: 25.12.2021).

Malabou C. To Quarantine from Quarantine: Rousseau, Robinson Crusoe, and “I” // Critical Inquiry : [website]. 2020. March 23. URL: <https://critinq.wordpress.com/2020/03/23/to-quarantine-from-quarantinerousseau-robinson-crusoe-and-i/> (accessed: 25.12.2021).

Using Social and Behavioral Science to Support COVID-19 Pandemic Response / Van Bavel J. J., Baicker K., Boggio P. S. et al. // Nature : Human Behaviour. 2020. Vol. 4. May. P. 460–471. DOI 10.1038/s41562-020-0884-z.Epub2020Apr30.

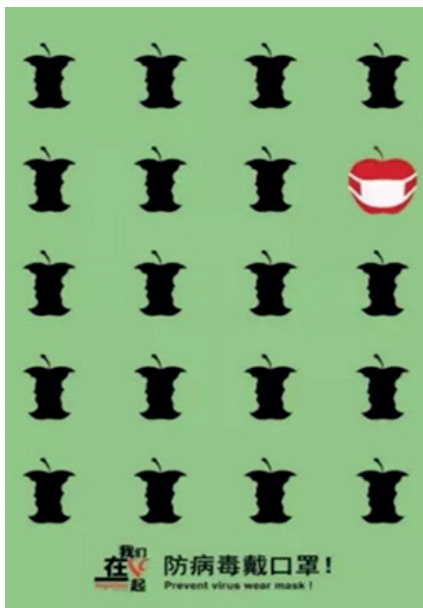
Иллюстрации к статье:
Ирина Вепрева. Национальная специфика социальной рекламы
о коронавирусе в России и Китае

Illustration for the article:
Irina Vepрева. The National Peculiarities of Coronavirus-Related Social
Advertising in Russia and China

1. «Как правильно носить медицинскую маску». Российский социальный плакат. 2020

‘How to wear a medical face mask correctly’,
Russian social poster. 2020

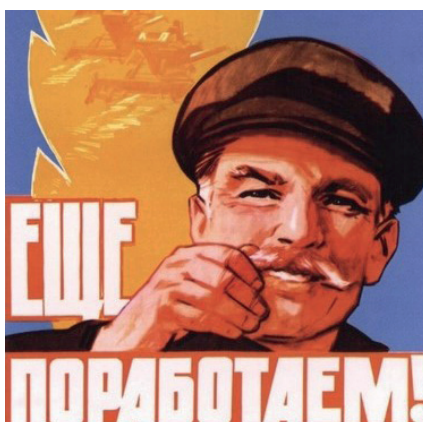
2. «Носите маску, чтобы предотвратить заражение вирусом!» Китайский социальный плакат. 2020

‘Wear a mask to prevent contracting the virus!’ Chinese social poster. 2020

3. «Трогать лицо руками опасно». Российский социальный плакат. 2020

‘Touching your face with your hands is dangerous.’ Russian social poster. 2020

4. Б. Зеленский. «Еще поработаем!» Плакат. 1964

B. Zelensky. ‘We will continue working!’
Poster. 1964

5. «Единство – великая сила...»
Китайский социальный плакат. 2020
‘Unity is a great force...’ Chinese social
poster. 2020

6. «Сообща преодолеем несчастье...»
Китайский социальный плакат. 2020
‘Together we will overcome misfortune...’
Chinese social poster. 2020

7. «Чсть академику Чжун Наньшаню!..»
Китайский социальный плакат. 2020
‘Honour to Academician Zhong Nanshan!..’
Chinese social poster. 2020

8. «Не нравится носить маску? Твоим
близким понравится кутья». Российский
социальный плакат. 2020. Фото AMUR.LIFE
‘Don't like wearing a mask? Your loved ones
will like kutia.’ Russian social poster. 2020.
Photograph by AMUR.LIFE

References

- Agamben, G. (N. d.). The Invention of an Epidemic. In Foucault, M., Agamben, G., Nancy, J. L. et al. *Coronavirus and Philosophers*. In *Europ. J. of Psychoanalysis* [website]. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> (accessed: 25.12.2021).
- Balashova, L. V. (2020). Militar'naya metafora kak sposob formirovaniya kontsepta COVID-19 v rechi V. V. Putina [Military Metaphor as a Way of Forming a COVID-19 Concept in Vladimir Putin's Speech]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. Vol. 7. No. 4, pp. 777–800. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800.
- Epifanova, T. V., Zakaurtseva, T. A. (2020). Sotsial'nye dvizheniya v period pandemii COVID-19: noveishaya istoriya protestov [Social Movements during the COVID-19 Pandemic: A Modern History of Protests]. In *Vestnik Diplomaticheskoi akademii Ministerstva inostrannykh del Rossii. Rossiya i mir*. No. 4 (26), pp. 69–78.
- Epstein, M. N. (2021). Pandemiya: filosofskii diagnoz [The Pandemic: A Philosophical Diagnosis]. In *Koinon*, Vol. 2. No. 1, pp. 20–37. DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.001.
- Harman, G. (2020). Lockdown and the Sense of Threat. In *Baykuş: Felsefe Yazıları* [website]. May 6. URL: <https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/> (accessed: 25.12.2021).
- Khlopunova, O. V., Tsakanyan, A. A. (2020). Reklama v SMI: mekhanizmy vliyaniya i efekty [Advertising in the Media: Mechanisms of Influence and Effects]. In *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*. Vol. 1. No. 4, pp. 1–7.
- Kosova, D. A. (2015). Shokovaya reklama v kommercheskoi sfere: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Shock Advertising in the Commercial Sphere: Russian and Non-Russian Experience]. In *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. No. 2 (18), pp. 82–90. DOI 10.12737/11602.
- Kotel'nikova, N. N., Leontovich, O. A. (2020). Epidemiya koronavirusa cherez prizmu russkogo i kitaiskogo yazykovogo soznaniya [The Coronavirus Epidemic through the Prism of Russian and Chinese Linguistic Consciousness]. In *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki*. No. 4 (32), pp. 81–97.
- Krongaus, M. A. (2020). Screenlife v epokhu karantina [Screen Life in the Age of the Coronavirus Lockdown]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. Vol. 7. No. 4, pp. 735–744. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
- Lassan, E. (2020). Predislovie priglasennogo redaktora [From the Guest Editor]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. Vol. 7. No. 4, pp. 731–734.
- Malabou, C. (2020). To Quarantine from Quarantine: Rousseau, Robinson Crusoe, and “I”. In *Critical Inquiry* [website]. March 23. URL: <https://critinq.wordpress.com/2020/03/23/to-quarantine-from-quarantinerousseau-robinson-crusoe-and-i/> (accessed: 25.12.2021).
- Mayakovski, V. V. (1959). *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t.* [Complete Works. 13 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 12. 716 p.
- Popova, O. V. (2020). Pandemiya i figura filosofa [The Pandemic and the Figure of the Philosopher]. In *Chelovek*. Vol. 31. No. 6, pp. 11–30. DOI 10.31857/S023620070013079-3.
- Potapchuk, E. Yu., Labzina, Yu. E., Markova, M. A., Mamaeva, D. M. (2021). Spetsifika sotsial'noi reklamy v usloviyakh pandemii COVID-19: mezhdunarodnyi kontekst [The Peculiarities of Social Advertising in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Context]. In *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 8 (88), pp. 59–67. DOI 10.24158/spp.2021.8.7.
- Priemysheva, M. N. (Ed.). (2021). *Russkii yazyk koronavirusnoo epokhi* [The Russian Language of the Coronavirus Era]. St Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 610 p.
- Priemysheva, M. N. (Ed.). (2021). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi* [A Vocabulary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. St Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 550 p.
- Radbil, T. B. (2020). “Samoizolyatsiya” kak noveishii russkii kul'turnyi kontsept: kognitivno-diskursivnyi aspekt [“Self-Isolation” as the Newest Russian Cultural Concept:

Cognitive-Discursive Aspect]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. Vol. 7. No. 4, pp. 759–774. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

Ryumin, R. V. (2012). *Sotsial'naya reklama kak rechevoi zhanr* [Social Advertising as a Speech Genre]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, S. n. 23 p.

Severskaya, O. I. (2020). Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyi slovar' kak diagnosticheskoe pole aktual'nykh diskursivnykh praktik [Covidioty on Coronacation: Coronaviral Lexicon as a Diagnostic Field for Relevant Discursive Practices]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. Vol. 7. No. 4, pp. 887–906. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

Shomova, S. A. (2011). Shokovye tekhnologii sovremennoi reklamy [Shock Technologies of Modern Advertising]. In *Mediaskop*. No. 4, pp. 11.

Skvortsov, I. P. (2012). K voprosu o sootnoshenii kolektivizma i individualizma v otechestvennoi sotsial'noi kul'ture [On the Question of the Correlation of Collectivism and Individualism in Russian Social Culture]. In *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. No. 1 (62), pp. 27–30.

Sokolova, O. V. (2020). Yazykovye tekhnologii “antivirusnoi” sotsial'noi reklamy: ot “ispanskogo grippa” do “COVID-19” [The Language Technologies of “Anti-Virus” Social Advertising: From “Spanish Flu” to “COVID-19”]. In *Voprosy psikhologivistiki*. No. 4 (46), pp. 102–121. DOI 10.30982/2077-5911-2020-46-4-102-121.

Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolised Texts and Their Communicative Function]. In *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya*. Moscow, Nauka, pp. 180–186.

Sukhomlinova, V. V. (2018). Al'ternativnyi kolektivizm: glubinnye kharakteristiki traditsionnogo kitaiskogo obshchestva [Alternative Collectivism: The Deep Characteristics of Traditional Chinese Society]. In *Manuskript*. No. 9 (95), pp. 93–99. DOI 10.30853/manuskript.2018-9.20.

Tikhomirova, L. S., Kyrkunova, L. G., Myalitsina, I. P. (2016). Shokovaya reklama kak raznovidnost' sotsial'noi reklamy [Shock Advertising as a Kind of Social Advertising]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 6, pp. 138–143. DOI 10.17238/issn2227-6564.2016.6.138.

Umerenkova, A. V. (2021). Kul'turno-relevantnyi kontent diskursa sotsial'noi reklamy (na materiale russko- i angloyazychnoi reklamy po bor'be s koronavirusom) [The Culturally Relevant Content of the Social Advertising Discourse (Based on the Material of Russian- and English-Language Anti-Coronavirus Advertising)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No. 1, pp. 39–48. DOI 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48.

Van Bavel, J. J., Baicker, K., Boggio, P. S. et al. (2020). Using Social and Behavioral Science to Support COVID-19 Pandemic Response. In *Nature: Human Behaviour*. Vol. 4. May, pp. 460–471. DOI 10.1038/s41562-020-0884-z.Epub2020Apr30.

Yakimova, E. V. (2021). Pandemiya COVID-19: pervye opyty mezhdistsiplinarnogo analiza v diskurse sotsial'nykh nauk. (Obzor) [The COVID-19 Pandemic: The First Experiences of Interdisciplinary Analysis in the Discourse of Social Sciences. (Overview)]. In *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*. No. 2, pp. 13–31. DOI 10.31249/rsoc/2021.02.02.

Zaitseva, I. P. (2020). “Koronapsikhoz”, “koronaskeptiki”, “covidism”, “covidophobia” i drugie sotsiolingvisticheskie markery 2020 g. [“Corona Psychosis”, “Corona Skeptics”, “Covidism”, “Covidophobia” and the Other Sociolinguistic Markers of 2020]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. Vol. 7. No. 4, pp. 801–813. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.

The article was submitted on 12.11.2021

Альтернативные мнения о вакцинации в религиозном дискурсе*

Наталья Дьячкова

Миссионерский институт,
Екатеринбург, Россия

Alternative Opinions about Vaccination in Religious Discourse

Natalia Dyachkova

Missionary Institute,
Yekaterinburg, Russia

This article examines speech strategies and tactics in religious communication in the context of the coronavirus pandemic. The purpose of the work is to consider the features of the speech behaviour of communicants during the pandemic crisis. The research methodology is based on the theory of speech communication to some extent present in modern works on the study of discourses of various types, the study of the peculiarities of religious communication, communicative/speech strategies, and tactics applied to different speech material. The researcher refers to texts published in Orthodox media and on Orthodox websites: sermons, comments in Orthodox forums, and posts in social networks. As a result, the author reveals the polemical nature of this segment of religious discourse. For instance, it contains neologisms with evaluative connotations, such as *цифровой концлагерь* (digital concentration camp), *псевдопандемия* (pseudo-pandemic), *коронабесие* (corona-frenzy), *коронакризис* (corona-crisis), *ковид-диссиденты* (covid-dissidents), *антипрививочники* (anti-vaccinators), *антиваксеры* (anti-vaxers), *ковидиоты* (covididiots), *антивакс-сектанты* (anti-vax sectarians), *ковидофобы* (covidophobes), *вакциноборцы* (vaccine fighters), *вакцина каннибала* (cannibal vaccine), *вакциноскептики* (vaccine sceptics), etc. The author characterises two types of addressees: 1) those denying the existence of the pandemic and/or the need for preventive measures and/or vaccination; 2) those recognising the fact of the pandemic and/or the need for preventive measures

* *Citation:* Dyachkova, N. (2022). Alternative Opinions about Vaccination in Religious Discourse. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 53–69. DOI 10.15826/qr.2022.1.658.

Цитирование: Дьячкова Н. Альтернативные мнения о вакцинации в религиозном дискурсе // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. № 1. P. 53–69. DOI 10.15826/qr.2022.1.658 / Дьячкова Н. Альтернативные мнения о вакцинации в религиозном дискурсе // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 53–69. DOI 10.15826/qr.2022.1.658.

and/or vaccination. The former are characterised by a confrontational type of communication, as they choose strategies of discrediting and manipulation by means of accusations, insults, slander, sarcasm, appeals to “authority”, etc. They violate the principles of cooperative communication and show verbal aggression. The various phobias that the communicants of this group demonstrate are due to a misunderstanding of the soteriological and eschatological teachings of the Church. The addressees of the second group use a speech strategy of persuasion through interpretation, explanation, references to their own experience, and the authority of the Church. The communicants of this group obviously aim for conflict-free communication.

Keywords: religious communication, polemical discourse, speech strategies, speech tactics

Исследуются речевые стратегии и тактики религиозной коммуникации в условиях пандемии коронавируса. Цель работы – рассмотрение особенностей речевого поведения коммуникантов в кризисной ситуации пандемии. Методология исследования базируется на принципах теории речевой коммуникации, в той или иной мере представленных в современных работах, посвященных исследованиям дискурсов разного типа, изучению специфики религиозной коммуникации, коммуникативных (речевых) стратегий и тактик применительно к разному речевому материалу. Источниками исследования являются тексты, опубликованные в православных СМИ и на православных сайтах, проповеди, комментарии на православных форумах, посты в соцсетях. Констатируется полемический характер данного сегмента религиозного дискурса. В нем представлены неологизмы с оценочной коннотацией: *цифровой концлагерь, псевдопандемия, коронобесие, коронокризис, ковид-диссиденты, антипрививочники, антиваксеры, ковидиоты, антивакс-сектанты, ковидофобы, вакциноборцы, вакцина каннибала, вакциноскептики* и др. Охарактеризованы два типа адресантов: 1) отрицающие наличие пандемии, необходимость профилактических мер и/или вакцинации; 2) признающие факт пандемии, необходимость профилактических мер и/или вакцинации. Для первых характерен конфронтационный тип общения, они избирают речевые стратегии дискредитации и манипулирования, которые реализуются в речевых тактиках обвинения, оскорбления, клеветы, сарказма, апелляции к авторитету и др. Они нарушают принципы кооперативного общения, проявляют речевую агрессию. Различные фобии, которые демонстрируют коммуниканты этой группы, обусловлены неправильным пониманием сотериологического и эсхатологического учений Церкви. Адресанты второй группы используют речевую стратегию убеждения, реализуемую речевыми тактиками интерпретации, разъяснения, свидетельства очевидцев и др. У коммуникантов этой группы очевидна установка на бесконфликтное общение.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, полемический дискурс, речевые стратегии, речевые тактики

Пандемия коронавируса COVID-19 – событие, которое затрагивает все стороны жизни человечества, и не в последнюю очередь сферу языка и речи. Лингвисты из разных стран уже приступили к изучению этого феномена [COVID-19: катастрофа в языковом измерении]. В исследовательское поле они включают самые разные вопросы, связанные с лингвистической и социокоммуникативной проблематикой. Сегодня уже очевидно, что «пандемия оказала влияние на устоявшиеся формы речевой коммуникации» [Там же, с. 1370].

В сфере религиозной коммуникации это влияние также заметно. Как отмечает Т. В. Ицкович, «процессы, происходящие сегодня в религиозной коммуникации и обусловленные экстралингвистическими факторами, развиваются одновременно по нескольким направлениям: коммуникативно-прагматическому, жанровому, языковому» [Там же, с. 1387].

Религиозный дискурс изначально обладает конфликтогенной природой, поскольку «субъекты религиозной активности не имеют достаточного опыта трансакций» [Гаврилов, Гаврилов, 2015, с. 198]. Градус конфликтогенности религиозного дискурса возрастает в периоды социальной нестабильности. Участники религиозного дискурса осознают его полемичность. Характерны в этом отношении рассуждения члена Синодальной библейско-богословской комиссии и Межсоборного присутствия Русской православной церкви А. М. Малера: «Сегодняшние дискуссии среди православных между противниками и сторонниками вакцинации лично мне сильно напомнили аналогичные баталии нулевых годов между так называемыми миссиофобами и миссиофилами. <...> Но если в тех дискуссиях я горячо участвовал... то от этих пытаюсь воздерживаться, потому что я ничего не понимаю в вирусологии и вакцинологии. Я просто доверяю нашему государству и официальной медицине, которые при всех их недостатках уж точно не заинтересованы в сокращении своего населения» [Малер]. Обратим внимание на неологизмы *миссиофилы*, *миссиофобы*. В периоды социальной нестабильности в обществе появляются новые слова и фразеологизмы с оценочной коннотацией. Например: *цифровой концлагерь*, *псевдопандемия*, *коронабесие*, *коронакризис*, *ковид-диссиденты*, *антипрививочники*, *ваксеры*, *антиваксеры*, *антиваксы*, *ковиваксеры*, *ковидиоты*, *антивакс-сектанты*, *ковидофобы*, *домушники* ('те, кто призывает во время карантина молиться не в храме, а дома'), *ложкари* ('те, кто обрабатывают ложку спиртом'), *вакциноверующие*, *вакциноборцы*, *вакцина каннибала*, *вакциноскептики*.

В религиозном дискурсе эти неологизмы – собственно словообразовательные и семантические – представлены широко. Например:

Я буду говорить о коронабесии как об абсурдно резкой и потому саморазрушительной реакции на коронавирус, которая охватила весь мир (здесь и далее разрядка в примерах моя. – Н. Д.) [Мир, коронованный вирусом]; лучше всего с коронакризисом справляются дисципли-

нированные народы Восточной Азии, где принято исполнять веления властей¹; «Патриарх Кирилл примером из Евангелия призвал ковид-диссидентов не искушать Бога»²; Во время пандемии среди россиян усилились страхи перед вакцинацией. Причиной тому активная пропагандистская деятельность так называемых антипрививочников [Чем запугивают антипрививочники православных].

Для массового профанного сознания появление компьютеров, Интернета, ИНН, штрих-кодов, технологии 5G становится источником разного рода фобий, обусловленных неправильным пониманием сотериологического и эсхатологического учений Церкви. Например:

Пора осознать, что для христиан вопрос о технике имеет прямое отношение к спасению души [Пущаев]; ИНН в православном сознании большей части верующих стал воплощением антихристовой печати [Алексий Скала, свящ.]; Я не даю своего согласия на доставку пенсии по новому бланку, содержащему личный страховой номер и штрих-код. Я отказываюсь ставить свою подпись в бланке с антихристовыми символами [Бирюкова]; 5G – технология антихриста, описанная в Библии... через 5G будет достаточная скорость Интернета, чтобы обеспечить не только просмотр роликов... но вести контроль за человеком 24 часа в сутки [Pravdoiskanie].

К перечню источников фобий сегодня прибавились события, связанные с пандемией. Например: «На фоне пандемии многие христиане невольно, но справедливо задумываются о пришествии антихриста и конце света» [Котов]. Список источников фобий широк и разнообразен. Здесь и «традиционные страхи»: печать (начертание антихриста, число зверя), гонения на Церковь. И «модернизированные», наукообразные: переформатирование человечества, чипирование, цифровизация населения, изменение генома человека. И «медицинские»: изготовление вакцины из abortивного материала, жертвоприношение сатане под видом вакцинирования.

В пандемийной истерии не обошлось и без политического субстрата – «электронного концлагеря», «нового мирового порядка», «мирового правительства», тотального контроля. Например:

А теперь новая буря – по поводу чипирования и облучения, по поводу всеобщей вакцинации, посредством которой чипирование... будет осуществляться. По поводу электронного концлагеря и нашей неминуемой гибели в нем. Спровоцирована она, безусловно, ситуацией с коронавирусом [Нектарий (Морозов), игумен]; На наших с вами глазах происходит переформатирование чело-

¹ См. комментарий на интернет-форуме к ст.: [Стеняев Олег, прот.].

² Заголовок редакционной статьи в журнале «Фома» [Патриарх Кирилл].

вещества с помощью глобальных катаклизмов [Григорьев А.]; Многие с тревогой восприняли происходящее, кто-то даже пытался сказать, что это чуть ли не новые гонения на Церковь [Легойда, 2020]; Мы как люди православные допускаем, что [в вакцине] могут быть наночастицы, можете проверить, те, кто вакцинирован: на плечо положили ключ или монету, и в этом месте, как магнит, оно держит эту монету [Алиев]; Похоже на массовое жертвоприношение детей для призыва сил зла в этот мир... специально закрывали церкви на Пасху в 2020 году, ввели ношение масок – искажение человеческого лица³; В связи с информацией о том, что папа одобряет вакцины от COVID, даже если они включают компоненты, полученные из тканей абортированных младенцев... возникают дополнительные вопросы, как к этому относится православная церковь [Отказ митрополита Серафима Китирского].

Для усиления аргументации участники полемики ссылаются на авторитет Священного Писания. В их речи парадоксально соединяются библейские и псевдонаучные образы: антихрист и ДНК, апокалипсис и геном человека, ад и цифровая вакцинация. Не обходится и без политических аллюзий: Люцифер и холокост, демоны и новое мировое правительство, кагал и наноконпоненты, Каин и Билл Гейтс. Например:

Преступная антихристова власть готовит массовый холокост, т. е. жертвоприношение сатане населения России. <...> Будет проводиться не вакцинирование от коронавируса, а заражение населения страны заранее заготовленной билл-гейтсовской отравой, начиненной наноконпонентами и прочей отравой. Еврей Гинцбург со своим кагалом... использует то, что ему даст мировое правительство [Косолапов]; [Вакцина] нацелена на изменение генома... изменение образа и подобия Божия... <...> Это и есть... число зверя, которое ведет уже только в ад... Я как православный христианин... заявляю: нужно отказываться... от этой вакцины ради спасения своей души! Я рассматриваю принуждение к вакцине через 13 главу Откровений св. апостола Иоанна Богослова о том, что печать антихриста будет навязана всему миру... Я не могу рассматривать глобальное принуждение к цифровой вакцине отдельно от замысла сатаны... [Солей];

В вакцине есть ДНК Нимрода... Нимрод – потомок Каина и падшего ангела... Люцифер хочет путем изменения ДНК погубить род человеческий [Григорьев И.]; Они хотят скрестить ДНК дьявола с человеческой ДНК... превратить людей в нефилимов, или исполинов, т. е. демонов... Будут рефаимы с шестью пальцами на ногах и на руках. Это будут зомби...⁴

³ См. комментарий к публикации: [Сузова].

⁴ См. комментарий к публикации: [Алексеева].

Недобросовестные коммуниканты для продвижения своих идей эксплуатируют вполне земные страхи: люди опасаются бесплодия, снижения уровня образования при переходе на дистантное обучение в связи с карантином, того, что вакцина якобы экспериментальная, и т. п. В качестве аргументов коммуниканты выдвигают обвинения в адрес фармкомпаний, чиновников, правительства, спекулируя антикоррупционными настроениями общества. Например:

Деньги будут освоены, фармкомпании получают прибыли, и никто через года не будет виновен в бесплодии поколения⁵.

Новый учебный 2021/2022 год стартовал с массовыми нарушениями прав детей на образование в очной форме и нарушениями прав в сфере здравоохранения, связанными с необоснованным введением карантинов и принуждением к ПЦР-тестам [Общественный уполномоченный по защите семьи].

Население подвергают психологической обработке и биологическим экспериментам... Все это происходит от имени правительства [Вакцинация. Доктор Боровских].

Эсхатологические настроения переплетаются с конспирологическими, например:

По поводу коронавируса, третьей волны... могу сказать, что она искусственная... людям создали условия для того, чтобы они вакцинировались... создали принудительную вакцинацию для всех под страхом увольнения [Алиев].

По мнению православных конспирологов, эти ужасы исходят от врагов человечества. Информация о них подается иногда эксплицитно: это люцифер, сатана, предтечи антихриста, преступная антихристова власть, правительство, кагал, Билл Гейтс. Однако чаще указание на врагов имплицитно, используются местоимение «они» и неопределенно-личные предложения: «они хотят превратить людей в нефилимов»; «специально закрывали церкви на Пасху», «ввели ношение масок».

Извлечение информации, поданной косвенным образом, требует от адресата интеллектуальных усилий – «додумывания и развертки» [Кубрякова, с. 48], он становится соучастником ее порождения и таким образом солидаризируется с мнением адресанта. Это свойство имплицитной информации часто используется при манипулировании как один из приемов усиления аргументации [Оганезова, с. 191].

Распространение подобных утверждений привело к необходимости того, чтобы представители Русской православной церкви высказали свое отношение к происходящему:

⁵ См. комментарий на интернет-форуме к ст.: [Нектарий (Морозов), игумен].

Участники круглого стола считают недопустимым и греховным распространение ложных учений, отождествляющих вакцинацию с «принятием печати антихриста», равно как и конспирологических утверждений о якобы производимом посредством вакцинации тайном чипировании человечества [Вакцинация: этические проблемы].

В полемике адресант направляет свои усилия на то, чтобы корректировать модель мира адресата [Жумагулова, с. 142; Космодемьянская, с. 101], чему способствуют, в частности, приемы манипулирования его сознанием. Адресант создает, например, образ войны и тем самым воздействует на эмоциональную сферу адресата:

Сегодня... происходит то же самое, что и в годы Великой Отечественной войны. Вероломно, без объявления войны фашисты вторглись на территорию нашей страны. Страна превратилась в концлагерь... Не щадят ни стариков, ни беременных женщин, ни детей. Много людей от страха остаться без средств к существованию соглашались на эти опыты над собой (на вакцинацию. – Н. Д.) [Вакцинация. Доктор Боровских].

Для полемического дискурса характерен конфронтационный тип общения [Павлова, с. 6], например:

Намедни... состоялось... сражение антиваксеров с ковидиотами. <...> Ковидиоты общались вежливо, на «вы», не переходя на личности и стараясь сгладить дикость оппонентов. Антиваксеры орали, плевались... и постоянно оскорбляли соперников [Mysea].

В полемическом дискурсе нарушаются принципы кооперативной коммуникации, широко представлена речевая агрессия, которая имеет различные формы проявления: от угрозы и прямого оскорбления до насмешки и сарказма [Щербинина, с. 9–10]. Речевая агрессия в большей мере характерна для маргинальных субъектов религиозной активности. Они оскорбляют оппонентов, проклинают их, используют политические лозунги. Например:

Тем, кто не пустит народ в храм Пасху встречать (в связи с карантином. – Н. Д.), – а н а ф е м а , а н а ф е м а , а н а ф е м а . Ж и д ы забрали ваши храмы, сколько же в России п...сов развелось! Коронавируса нет, ко р о н о б е с и е есть. Я – в политике, кто вам сказал, что монах вне политики? [Афанасий, монах]; И на Валааме отцы отказались вакцинироваться, и в городе Серпухов учителя отказались вакцинироваться, и в одном из магазинов «Пятерочка», и полиция в Сочи. Народное содружество за объединение России. Когда мы едины, мы непобедимы... [Алиев].

Вопросы вероисповедания в этом случае уходят на второй план, а на первый выдвигаются вопросы борьбы с действующей властью – церковной и светской. Деятельность таких религиозных организаций становится экстремистской, речевое поведение выходит за пределы собственно религиозного пространства [Жукова, Коцюмбас, Ярощук, с. 75].

Речевая агрессия реализуется с помощью речевых стратегий дискредитации и манипулирования. Например:

Какая лукавейшая мерзость. Они сами кричали, что дети, мол, самый опасный контингент, потому что НЕ БОЛЕЮТ! Типа переносчики. И вдруг эта лисица вкрадчивая тыквоголовая рапортует сладким голосом: нет у маленьких побочечек, ни одной!!! В носики насадочкой впрыскивают, заботушкин елей аж капает. Это ведь с 15-го [сентября] без согласия родителей, которым до лампы или не хочется с учителями отношения портить, всех беззащитных доверчивых детей начнут незаконно накачивать экспериментальным зельем. И училки построят их, маленьких, парами и в медкабинеты классом поведут⁶.

Адресант дискредитирует сторонников вакцинации при помощи тактик обвинения, оскорбления, насмешки, сарказма, клеветы. Используя антитезу, то есть противопоставляя образ жестоких лукавых создателей вакцины, равнодушных родителей и глупых учителей образу беззащитных детей, адресант воздействует на эмоциональную сферу адресата. В качестве индикаторов речевых тактик обвинения, оскорбления, насмешки, сарказма, клеветы выступают языковые, риторические и даже графические средства: элятив, диминутивы, лексика с отрицательной оценочностью, риторические восклицания и риторические вопросы, графика *Caps Lock*, пунктуация. При помощи «эмоциональной адресности» [Щукина, Хазанжи, с. 42] адресату внушаются мысли, необходимые для достижения цели адресанта.

Стратегия манипулирования может быть реализована также при помощи следующих тактик:

1. Апелляция к авторитету: «Все ведущие эксперты и специалисты однозначно заявили, что вакцины против постоянно мутирующего коронавируса нет и она не может быть создана» [Не вакцинируйтесь от Covid 19]; «Многие академики говорят, что... если бы инфекция была бы настолько опасна, в павильонах возводили бы отдельные боксы»⁷; «... святой Паисий Святогорец еще несколько десятилетий назад предупредил: "...когда человеку будут делать прививку, ему будет ставиться и печать"» [Особенно важно!].

2. Свидетельство очевидца: «У моей жены только что умер родной брат... от последствий вакцинирования! Он вел здоровый образ жизни...»⁸

⁶ См. комментарий к публикации: [Христов].

⁷ См. комментарий на интернет-форуме к ст.: [Нектарий (Морозов), игумен].

⁸ См. комментарий на интернет-форуме к ст.: [Российский разработчик].

3. Имитация ухода от спора: «Не надо ждать антихриста. Надо ждать Господа, быть со Христом. Прочее – такая же иллюзия и мечта, как “волшебная вакцина”. Такой же обман» [Нектарий (Морозов), игумен].

При этом достоверность фактов не верифицируется (*многие академики говорят*), а благочестивые призывы (*надо быть со Христом*) маскируют непримиримую позицию (*вакцина – обман*).

Другая группа коммуникантов, разделяющих иную точку зрения, использует речевую стратегию убеждения, которая реализуется при помощи тактики интерпретации. Ее суть состоит в том, чтобы, сопоставив две точки зрения на одно явление, прямо или косвенно указать на правильную [Салахова, с. 174]. Например:

Народ сегодня... смотрит... «за» и «против» вакцинации. Если есть противопоказания, никто не заставляет (вакцинироваться. – Н. Д.), нужно стараться собрать все необходимые справки, предоставить их для медотвода... Если каких-то противопоказаний... нет, каждый пусть сам принимает свое решение... что касается меня, то я нашему главнокомандующему доверяю... Но каждый при этом пусть еще сам выбирает... всякие варианты предлагаются. Либо законным образом добиваться конституционного права, [либо] оставаться... со своим иммунитетом, такой путь тоже не запрещен [Артемий Владимиров, прот.].

Автор проповеди интерпретирует факт конфронтации мнений «за» и «против». Декларируя принцип свободы выбора, он, тем не менее, предлагает правильный вариант, используя косвенный речевой акт: «я нашему главнокомандующему доверяю». Семантическим индикатором тактики выступают имплицитный компонент (*главнокомандующий – это президент*) и пресуппозиция (*всем известно, что президент вакцинировался одним из первых*). Семантика выбора выражена в тексте соответствующей лексикой (*варианты, выбирать, предлагаться* и др.).

В следующем фрагменте также интерпретируется факт конфронтации двух мнений. Автор дает им оценку и предлагает возможное альтернативное решение:

Некоторые наши коллеги активно называют всех несогласных с вакцинацией «наемниками производителей западных вакцин». Другие наши коллеги называют... вакцину «Спутник V» не иначе, как «вакцина каннибала»... <...> В обоих случаях мы имеем дело с пропагандой. <...> Ради изготовления вакцины аборт не совершался. <...> [Но] историческая связь... с абортивным материалом все же есть. Пользоваться ли данной вакциной... этическая дилемма. Человек... должен сам принять решение. <...> В России уже зарегистрированы вакцины, в которых подобные линии не использовались [«Вакцина каннибала» и черный пиар].

Успешной реализации стратегии убеждения способствуют тактика декларирования своей принципиальной невовлеченности в полемику, установка на понижение собственной роли с целью снизить градус конфронтации, что усиливает коммуникативную позицию адресанта. Например:

От этих (дискуссий. – Н. Д.) пытаюсь воздерживаться, потому что я ничего не понимаю в вирусологии и вакцинологии. Я просто доверяю нашему государству и официальной медицине [Малер].

В рамках стратегии убеждения используется разъясняющая тактика:

Нужно следовать рекомендациям врачей. Самая главная защита от вируса – это... изоляция. <...> Постоянная гигиена... дезинфицировать руки, мыть их с мылом... обязательно используйте одноразовые перчатки... аккуратно их снимайте и выкидывайте... Это главные принципы... [Священник-вирусолог].

Языковыми индикаторами разъясняющей тактики являются модальная семантика необходимости и императива и соответствующая лексика (*главный, постоянный, обязательно*).

В рамках стратегии убеждения тактики интерпретации и разъяснения могут сочетаться. Например:

Вопрос отношения к эпидемии коронавируса является догматическим, поэтому он не может и не должен разделять Церковь. И внутри Церкви, и вне ее есть разные суждения о степени опасности, которые несет в себе коронавирусная инфекция... Мы должны с любовью и терпением относиться к нашим братьям независимо от того, что они думают про это поветрие. Важно следовать всем предписаниям священноначалия, не подвергать друг друга угрозе заражения, и использовать средства защиты... [Легойда, 2021].

Интерпретируется факт разного отношения к эпидемии, предлагается правильное решение, в то же время дается разъяснение сути вопроса (*он не является догматическим*). Языковые индикаторы тактики интерпретации представлены как на грамматическом, так и на лексико-грамматическом и лексическом уровнях (*не должен разделять, отношение к...; внутри Церкви; разные суждения* и др.)

В рамках стратегии убеждения используется тактика «свидетельство очевидца»:

Я знаю, что все знакомые мне люди, умершие от коронавируса, не были привиты, а все привитые выжили [Малер];

Я сам лечусь от ковида, рассказал всем друзьям и подписчикам, какие ужасы в ковид-госпитале на ВДНХ, как умирают в реанимации [Евгений Агеев, свящ.]⁹.

Тактика «апелляция к авторитету Священного Писания и опыту Церкви» также способствует реализации стратегии убеждения, например:

Библия – это первая книга на планете, которая определила такое понятие, как карантин... Об этом говорит нам Книга Левит, она входит в Пятикнижие [Олег Стеняев, прот.].

Использовать средства защиты – это наш общий христианский долг... Церковь никогда не выступала против прививок как таковых [Легойда, 2021].

Анализируя речевое поведение коммуникантов-оппонентов, нельзя не заметить определенное сходство в избираемых ими речевых тактиках. И те, и другие используют, например, тактику «апелляция к авторитету». Однако если у первых достоверность источника не верифицируется (*все ведущие специалисты; многие академики*), то вторые называют имена ученых, на мнение которых ссылаются (*как нам прокомментировал ситуацию профессор НИЦЭМ имени Н. Ф. Гамалеи Анатолий Альтиштейн; согласно заявлению НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи*) и приводят конкретные факты (*понятие карантин определила Библия*). То же и в отношении тактики «свидетельство очевидца»: одни говорят о третьих лицах (*у моей жены от вакцинирования умер брат*), другие – о себе (*я сам лечусь от ковида*).

Можно отметить сходство и в использовании образных средств. Так, коммуниканты противоположных групп в качестве аргумента используют образ войны. Но если у первых в основе образа лежит созданная для манипулирования ложная оппозиция «люди – правительство», то у вторых оппозиция объективная – «люди – вирус». Ср.:

Фашисты вторглись на территорию нашей страны... Многие люди от страха... соглашаются на эти опыты над собой (на вакцинацию. – Н. Д.)... это происходит от имени правительства [Вакцинация. Доктор Боровских].

Первопричина наших коронавиральных бед – вирусы. В этой войне люди на одной стороне фронта... Допустим спор о средствах достижения победы над COVID-19, но не о самой цели¹⁰.

Итак, в полемическом сегменте религиозного дискурса, связанного с темой коронавируса, отчетливо просматриваются два лагеря:

⁹ См. комментарий к публикации: [Евгений Агеев, свящ.].

¹⁰ См. комментарий к ст.: [Нектарий (Морозов), игумен].

коммуниканты, не признающие факт пандемии и/или отрицающие необходимость профилактических мер и/или вакцинации, и коммуниканты, признающие факт пандемии и/или необходимость соблюдения профилактических мер и/или обязательность вакцинации. Первые для продвижения своих идей используют речевые стратегии дискредитации и манипулирования. При этом участники этой группы часто нарушают принципы кооперативного общения, для них характерно агрессивное речевое поведение. Вторые используют речевую стратегию убеждения; у коммуникантов этой группы очевидна установка на бесконфликтное поведение, уход от конфронтационного типа общения.

Список литературы

Алексеева Е. 7 августа в г. Орле состоялась общерегиональная конференция «Вакцинация: вопросы и ответы» // ВКонтакте : [сайт]. 2021. 8 авг. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 23.02.2022).

Алексий Скала, свящ. Размышление священника : ИНН – печать антихриста или обычный номер? // Чистый Интернет : [сайт]. 2012. 26 мая. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_3995/ (дата обращения: 08.02.2022).

Алиев С. Валаамские монахи и серпуховские учителя как пример победы единства! // YouTube : [видеохостинг]. 2021. URL: <https://www.youtube.com/> (дата обращения: 08.02.2022).

Артемий Владимиров, прот. «Будьте совершенны...» // Протоиерей Артемий Владимиров – живое слово пастыря : [сайт]. 2021. 26 июня. URL: <https://www.oartemislovo.ru/zapoved-bozhya-o-sovershenstve> (дата обращения: 10.02.2022).

Афанасий, монах. Апокалипсис уже начался // YouTube : [видеохостинг]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/> (дата обращения: 09.02.2022).

Бирюкова М. Губит не штрих, а грех // Православие.Ru : [интернет-портал]. 2012. 5 июня. URL: <https://pravoslavie.ru/54018.html> (дата обращения: 08.02.2022).

«Вакцина каннибала» и черный пиар // Азбука веры : [интернет-форум]. 2021. 22 янв. URL: <https://azbyka.ru/forum/threads/vladyka-savva-tutunov-razrushaja-chernyj-piar-pro-vakcinu-sputnik-v.24642/> (дата обращения: 10.02.2022).

Вакцинация. Доктор Боровских // Rutube : [видеохостинг]. 2021. URL: <https://rutube.ru/> (дата обращения: 09.02.2022).

Вакцинация: этические проблемы в свете православного вероучения : круглый стол // Русская православная церковь : офиц. сайт Моск. патриархата. 2021. 20 мая. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5811676.html> (дата обращения: 25.08.2021).

Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Особенности религиозной коммуникации в современной России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 1-2 (61). С. 198–202.

Григорьев А. Фотографии немерцающий свет // ВКонтакте : [сайт]. 2021. 27 марта. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 09.02.2022).

Григорьев И. «Это все комета Гамалея» // Восточно-Сибирская правда : [сайт]. 2021. 13 июля. URL: <https://www.vsp.ru/2021/07/13/eto-vsyo-kometa-gamaleya/> (дата обращения: 09.02.2022).

Евгений Агеев, свящ. Похоже, началась нешуточная полемика «за» и «против» вакцинации // ВКонтакте : [сайт]. 2021. 19 июля. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 10.02.2022).

Жукова Н. А., Коцюмбас С. М., Яроуцук И. А. Лингвистическая экспертиза текстов экстремистско-религиозной коммуникации в сети Интернет // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 2, № 4. С. 73–80.

Жумагулова Б. С. Особенности полемического дискурса // Успехи современного естествознания. 2013. № 7. С. 142–145.

Космодемьянская В. И. Стратегии и тактики в аргументативном полемическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 1 (55). С. 99–103.

Косолапов П. Готовится массовое убийство // ВКонтакте : [сайт]. 2020. 25 мая. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 23.02.2022).

Котов А. На фонде пандемии и стремительных потрясений многие христиане невольно, но справедливо задумываются // ВКонтакте : [сайт]. 2021. 7 февр. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 08.02.2022).

Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка : (Памяти проф. Л. Н. Мурзина) : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 1998. С. 45–51.

Легойда В. Р. Священник, как и врач, верен своей присяге // Русская православная церковь : офиц. сайт Моск. патриархата. 2020. 7 дек. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5730224.html> (дата обращения: 08.02.2022).

Легойда В. Р. Отношение к COVID-19 не должно разделять Церковь // Русская православная церковь : офиц. сайт Моск. патриархата. 2021. 20 янв. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5755256.html> (дата обращения: 10.02.2022).

Мир, коронованный вирусом // Бизнес Online : [сайт]. 2020. 23 окт. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485612> (дата обращения: 08.02.2022).

Не вакцинируйтесь от Covid 19 // Чистый Интернет : [сайт]. 2021. 9 янв. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_23446/ (дата обращения: 09.02.2022).

Нектарий (Морозов), игумен. Ждать не антихриста, а Христа // Православие.Ru : [интернет-портал]. 2020. 28 мая. URL: <https://pravoslavie.ru/131424.html> (дата обращения: 08.02.2022).

Общественный уполномоченный по защите семьи // ВКонтакте : [сайт]. 2021. 3 окт. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 09.02.2022).

Оганезова Т. С. Причины имплицирования информации в процессе коммуникации // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. С. 187–193.

Олег Стеняев, прот. Карантин: взгляд Священного Писания // Православие.Ru : [интернет-портал]. 2020. 6 нояб. URL: <https://pravoslavie.ru/135110.html> (дата обращения: 08.02.2022).

Особенно важно! Антихристово начертание – это еще и укол, и укусы змеи // Москва – III Рим : [сайт]. 2021. 10 нояб. URL: <https://3rm.info/main/85362-osobenno-vazhno-antihristovo-nachertanie-jeto-ukol-vakcinacija-jeto-pechat-djavola.html> (дата обращения: 09.02.2022).

Отказ митрополита Серафима Китирского сделать прививку еще больше подчеркивает злоеший состав вакцины, разработанной компанией Pfizer // Трость Скорописца : [сайт]. 2021. 3 янв. URL: <http://myrophoros.blogspot.com/2021/01/pfizer.html> (дата обращения: 23.02.2022).

Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика. М. : Просвещение, 1991. 124 с.

Патриарх Кирилл примером из Евангелия призвал ковид-диссидентов не искушать Бога // Фома : [сайт]. 2021. 11 янв. URL: <https://foma.ru/patriarh-kirill-primerom-iz-evangelija-prizval-kovid-dissidentov-ne-iskushat-boga.html> (дата обращения: 08.02.2022).

Пуцаев Ю. Коммуникационная техника как враг духа // Православие.Ru : [интернет-портал]. 2015. 18 авг. URL: <https://pravoslavie.ru/81411.html> (дата обращения: 08.02.2022).

Российский разработчик вакцины от коронавируса не смог внедрить ни одной векторной вакцины за 11 лет // Яплакаль : [сайт]. 2021. 26 июня. URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/topic2288043.html> (дата обращения: 09.02.2022).

Салахова А. Г.-Б. Стратегичность религиозной коммуникации в кризисной ситуации // Коммуникат. исслед. 2017. № 4 (14). С. 165–180. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.165-180.

Священник-вирусолог: изменимся – и все это закончится, как кошмарный сон // РИА «Новости» : [сайт]. 2021. 15 марта. URL: <https://ria.ru/20200422/1570429914.html> (дата обращения: 10.02.2022).

- Солей Д.* «Почему-то все звездные ковид-диссиденты...» // Telegram : [мессенджер]. 2021. 29 июля. URL: <https://telegram.org/> (дата обращения: 23.02.2022).
- Сузова Е.* 24 000 детей вакцинируют на одном из стадионов Австралии на следующей неделе // ВКонтакте : [сайт]. 2021. 18 авг. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 08.02.2022).
- Христов Д.* В Якутии сгорело и продолжает гореть более 13 млн гектаров // ВКонтакте : [сайт]. 2021. 20 авг. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 08.08.2021).
- Чем запугивают антипрививочники православных // Азбука веры : [интернет-портал]. 2021. 6 марта. URL: <https://azbyka.ru/zdorovie/chem-zapugivajut-antiprivivochniki-pravoslavnyh> (дата обращения: 08.02.2022).
- Щербинина Ю. В.* Русский язык : Речевая агрессия и пути ее преодоления : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2004. 221 с.
- Щукина И. Н., Хазанжи Е. И.* Средства воздействия в православном дискурсе // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1 (25). С. 36–47.
- COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран / А. Мустайоки, Н. Зорихина-Нильссон и др. // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.
- Mysea.* Антиваксеры против ковидиотов // Livejournal : [блог-платформа]. 2021. 13 июля. URL: <https://mysea.livejournal.com/5519751.html> (дата обращения: 09.02.2022).
- Pravdoiskanie.* Сказание, что описанная в Библии технология Антихриста есть 5G: по течению в погибель плывете вы? // Livejournal : [блог-платформа]. 2019. 6 мая. URL: <https://pravdoiskanie.livejournal.com/4321884.html> (дата обращения: 08.02.2022).

References

- Afanasii, monk. (2020). Apokalipsis uzhe nachalsya [The Apocalypse Has Already Begun]. In *YouTube* [video hosting]. URL: <https://www.youtube.com/> (accessed: 09.02.2022).
- Alekseeva, E. (2021). 7 avgusta v g. Orle sostoyalas' obshcheregional'naya konferentsiya "Vaktsinatsiya: voprosy i otvety" [On 7 August, a Region-Wide Conference "Vaccination: Questions and Answers" Was Held in Orel]. In *Vkontakte* [website]. 2021. August 8. URL: <https://vk.com/> (accessed: 23.02.2022).
- Aleksii Skala, priest. (2012). Razmyshlenie svyashchennika : INN – pechat' antikhrista ili obychnyi nomer? [A Priest's Reflection: Is the Personal Text Reference Number the Seal of the Antichrist or a Regular Number?]. In *Chisty Internet* [website]. May 26. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_3995/ (accessed: 08.02.2022).
- Aliev S., (2021). Valaamskie monakhi i serpukhovskie uchitelya kak primer pobedy edinstva! [Valaam Monks and Serpukhov Teachers as an Example of the Victory of Unity!]. In *YouTube* [video hosting]. URL: <https://www.youtube.com/> (accessed: 08.02.2022).
- Artemii Vladimirov, archpriest. (2021). "Bud'te sovershenny..." ["Be Perfect..."]. In *Protoierei Artemii Vladimirov – zhivoe slovo pastyrya* [website]. June 26. URL: <https://www.oartemi-slovo.ru/zapoved-bozhiya-o-sovershenstve> (accessed: 10.02.2022).
- Biryukova, M. (2012). Gubit ne shtrikh, a grekh [It is Not the Stroke that Destroys, but the Sin]. In *Pravoslavie.Ru* [internet-portal]. June 5. URL: <https://pravoslavie.ru/54018.html> (accessed: 08.02.2022).
- Chem zapugivayut antiprivivochniki pravoslavnykh [How Anti-Vaccinators Intimidate Orthodox Believers]. (2021). In *Azbyka very* [internet-portal]. March 6. URL: <https://azbyka.ru/zdorovie/chem-zapugivajut-antiprivivochniki-pravoslavnyh> (accessed: 08.02.2022).
- Evgenii Ageev, priest. (2021). Pokhozhe, nachalas' neshutochnaya polemika "za" i "protiv" vaktsinatsii [It Seems that a Serious Debate Has Begun "For" and "Against" Vaccination]. In *Vkontakte* [website]. 19 July. URL: <https://vk.com/> (accessed: 10.02.2022).
- Gavrilov, O. F., Gavrilov, E. O. (2015). Osobnosti religioznoi kommunikatsii v sovremennoi Rossii [Features of Religious Communication in Modern Russia]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1-2 (61), p. 198–202.

Grigor'ev, A. (2021). Fotografii nemertsayushchii svet [The Non-Flickering Light of a Photograph]. In *VKontakte* [website]. March 27. URL: <https://vk.com/> (accessed: 09.02.2022).

Grigor'ev, I. (2021). "Eto vse kometa Gamaleya" ["It's All Because of Gamaleya's Comet"]. In *Vostochno-Sibirskaya pravda* [website]. July 13. URL: <https://www.vsp.ru/2021/07/13/eto-vsyo-kometa-gamaleya/> (accessed: 09.02.2022).

Khristov, D. (2021). V Yakutii sgorelo i prodolzhaet goret' bolee 13 mln gektarov [In Yakutia, More than 13 Million Hectares Have Burned and Continue to Burn]. In *VKontakte* [website]. Aug. 20. URL: <https://vk.com/> (accessed: 08.08.2021).

Kosmodem'yanskaya, V. I. (2016). Strategii i taktiki v argumentativnom polemicheskom diskurse [Strategies and Tactics in Argumentative Polemic Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. Iss. 1 (55), pp. 99–103.

Kosolapov, P. (2020). Gotovitsya massovoe ubiistvo [Mass Murder is Being Prepared]. In *VKontakte* [website]. May 25. URL: <https://vk.com/> (accessed: 23.02.2022).

Kotov, A. (2021). Na fonde pandemii i stremitel'nykh potryaseniim mnogie khristiane nevol'no, no spravedlivo zadumyvayutsya [At the Foundation of the Pandemic and Rapid Upheavals, Many Christians Unwittingly, but Rightly, Think]. In *VKontakte* [website]. Febr. 7. URL: <https://vk.com/> (accessed: 08.02.2022).

Kubryakova, E. S. (1998). Kognitivnye aspekty protsessov derivatsii [Cognitive Aspects of Derivation Processes]. In *Faticheskoe pole yazyka. (Pamyati professora L. N. Murzina). Mezhdunarodskii sbornik nauchnykh trudov*. Perm, Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, pp. 45–51.

Legoida, V. R. (2020). Svyashchennik, kak i vrach, veren svoei prisyage [A Priest, Like a Doctor, is Faithful to His Oath]. In *Russkaya pravoslavnaya tserkov'. Ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata*. Dec. 7. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5730224.html> (accessed: 08.02.2022).

Legoida, V. R. (2021). Otnoshenie k COVID-19 ne dolzhno razdelyat' Tserkov' [The Attitude towards COVID-19 Should Not Divide the Church]. In *Russkaya pravoslavnaya tserkov'. Ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata*. Jan. 20. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5755256.html> (accessed: 10.02.2022).

Mir, koronovannyi virusom [A World Crowned by a Virus]. (2020). In *Biznes Online* [website]. Oct. 23. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485612> (accessed: 08.02.2022).

Mustajoki, A., Zorikhina Nilsson, N. et al. (2020). COVID-19: katastrofa v yazykovom izmerenii raznykh stran [COVID-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

Mysea. (2021). Antivaksery protiv kovidiotov [Antivaxxers against Covidiots]. In *Livejournal* [blog-platform]. July 13. URL: <https://mysea.livejournal.com/5519751.html> (accessed: 09.02.2022).

Ne vaksinirovaite' ot Covid 19 [Do Not Get Vaccinated against COVID-19]. (2021). In *Chisty Internet* [website]. Jan. 9. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_23446/ (accessed: 09.02.2022).

Nektarii (Morozov), abbot. (2020). Zhdat' ne antikhrista, a Khrista [Wait Not for the Antichrist, but for Christ]. In *Pravoslavie.Ru* [internet-portal]. May 28. URL: <https://pravoslavie.ru/131424.html> (accessed: 08.02.2022).

Obshchestvennyi upolnomochennyi po zashchite sem'i [Public Commissioner for Family Protection]. (2021). In *VKontakte* [website]. Oct. 3. URL: <https://vk.com/> (accessed: 09.02.2022).

Oganezova, T. S. (2011). Prichiny implitsirovaniya informatsii v protsesse kommunikatsii [Reasons for Implicating Information in the Communication Process]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. No. 4, pp. 187–193.

Oleg Stenyaev, archpriest. (2020). Karantin: vzglyad Svyashchennogo Pisaniya [Quarantine: A View of the Holy Scriptures]. In *Pravoslavie.Ru* [internet-portal]. Nov. 6. URL: <https://pravoslavie.ru/135110.html> (accessed: 08.02.2022).

Osobenno vazhno! Antikhrystovo nachertanie – eto eshche i ukol, i ukus zmei [Especially Important! The Antichrist Inscription is Also a Shot and a Snake Bite]. (2021). In *Moskva – III Rim* [website]. URL: <https://3rm.info/main/85362-osobenno-vazhno-antikhrystovo-nachertanie-jeto-ukol-vakcinacija-jeto-pechat-djavola.html> (accessed: 09.02.2022).

Otkaz mitropolita Serafima Kitirskogo sdelat' privivku eshche bol'she podcherkivaet zloveshchii sostav vaksiny, razrabotannoi kompaniei Pfizer [The Refusal of Metropolitan Serafim of Kythera to Be Vaccinated Further Highlights the Ominous Composition of the Vaccine Developed by Pfizer]. (2021). In *Trost' Skoropistsa* [website]. Jan. 3. URL: <http://myrophoros.blogspot.com/2021/01/pfizer.html> (accessed: 23.02.2022).

Patriarkh Kirill primerom iz Evangelija prizval kovid-dissidentov ne iskushat' Boga [Patriarch Kirill, Using an Example from the Gospel, Urged Covid Dissidents Not to Tempt God]. (2021). In *Foma* [website]. Jan. 11. URL: <https://foma.ru/patriarkh-kirill-primerom-iz-evangelija-prizval-kovid-dissidentov-ne-iskushat-boga.html> (accessed: 08.02.2022).

Pavlova, L. G. (1991). *Spor, diskussiya, polemika* [Dispute, Discussion, Controversy]. Moscow, Prosveshchenie. 124 p.

Pravdoiskanie. (2019). Skazanie, chto opisannaya v Biblii tekhnologiya Antikhrista est' 5G: po techeniyu v pogibel' plyvete vy? [The Legend that the Antichrist Technology Described in the Bible is 5G: Are You Going with the Flow to Perdition?]. In *Livejournal* [blog-platform]. May 6. URL: <https://pravdoiskanie.livejournal.com/4321884.html> (accessed: 08.02.2022).

Pushchaev, Yu. (2015). Kommunikatsionnaya tekhnika kak vrag dukha [Communication Technology as an Enemy of the Spirit]. In *Pravoslavie.Ru* [internet-portal]. Aug. 18. URL: <https://pravoslavie.ru/81411.html> (accessed: 08.02.2022).

Rossiiskii razrabotchik vaksiny ot koronavirusa ne smog vnedrit' ni odnoi vektornoj vaksiny za 11 let [The Russian Developer of the Coronavirus Vaccine Has Not Been Able to Introduce a Single Vector Vaccine in 11 Years]. (2021). In *Yaplakal* [website]. June 26. URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/topic2288043.html> (accessed: 09.02.2022).

Salakhova, A. G.-B. (2017). Strategichnost' religioznoi kommunikatsii v krizisnoi situatsii [Strategic Religious Communication in a Crisis Situation]. In *Kommunikativnye issledovaniya*. No. 4 (14), pp. 165–180. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.165-180.

Shcherbinina, Yu. V. (2004). *Russkii yazyk. Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya. Uchebnoe posobie* [Russian Language. Speech Aggression and Ways to Overcome It. Study Guide]. Moscow, Flinta, Nauka. 221 p.

Shchukina, I. N., Khazanzhi, E. I. (2014). Sredstva vozdeistviya v pravoslavnom diskurse [Means of Influence in Orthodox Discourse]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. Iss. 1 (25), pp. 36–47.

Solei, D. (2021). “Pochemu-to vse zvezdnye kovid-dissidenty...” [“For Some Reason, All Celebrities are Covid Dissidents...”]. In *Telegram* [messenger]. July 29. URL: <https://telegram.org/> (accessed: 23.02.2022).

Suzova, E. (2021). 24 000 detei vaksiniroyut na odnom iz stadionov Avstralii na sleduyushchei nedele [24,000 Children Will Be Vaccinated at One of Australia's Stadiums Next Week]. In *Vkontakte* [website]. Aug. 18. URL: <https://vk.com/> (accessed: 08.02.2022).

Svyashchennik-virolog: izmenimsya – i vse eto zakonchitsya, kak koshmarnyi son [A Priestly Virologist: Let's Change – and It Will All End in a Nightmare]. (2021). In *RIA “Novosti”* [website]. March 15. URL: <https://ria.ru/20200422/1570429914.html> (accessed: 10.02.2022).

“Vaksina kannibala” i chernyi piar [“Cannibal Vaccine” and Black PR]. (2021). In *Azbyka very* [internet-forum]. Jan. 22. URL: <https://azbyka.ru/forum/threads/vladyka-savva-tutunov-razrushaja-chernyj-piar-pro-vakcinu-sputnik-v.24642/> (accessed: 10.02.2022).

Vaksinatsiya. Doktor Borovskikh [Vaccination. Dr Borovskikh]. (2021). In *Rutube* [video hosting]. URL: <https://rutube.ru/> (accessed: 09.02.2022).

Vaksinatsiya: eticheskie problemy v svete pravoslavnom veroucheniya. Kruglyi stol [Vaccination: Ethical Problems in the Light of Orthodox Doctrine. Round Table]. (2021). In *Russkaya pravoslavnaya tserkov'. Ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata*. May 20. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5811676.html> (accessed: 25.08.2021).

Zhukova, N. A., Kotsyumbas, S. M., Yaroshchuk, I. A. (2020). Lingvisticheskaya ekspertiza tekstov ekstremistsko-religioznoi kommunikatsii v seti Internet [Linguistic Examination of Texts of Extremist Religious Communication on the Internet]. In *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*. Vol. 2. No. 4, pp. 73–80.

Zhumagulova, B. S. (2013). Osobennosti polemicheskogo diskursa [Features of Polemical Discourse]. In *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. No. 7, pp. 142–145.

The article was submitted on 10.12.2021

**Рождественский пастырский визит во время пандемии
в Польше: изменение дискурсивных стратегий
и коммуникативных сценариев***

Мария Войтак

Университет Марии Кюри-Склодовской,
Люблин, Польша

**A Christmas Pastoral Visit during the Pandemic in Poland:
Changing Discursive Strategies and Communicative Scripts****

Maria Wojtak

Maria Curie Skłodowska University,
Lublin, Poland

The aim of this article is to present changes in the Catholic religious discourse in the pandemic. The author carries out a detailed analysis of pastoral visits to parishioners. The article's topicality is justified by the analysis of issues within discourse studies and genology. This study of religious discourse focuses on a set of communication practices typical of Polish Catholics making a discourse community united by a vision of the world created in this case by the Catholic Church. The parameters of the religious discourse presented in the article include ritualised communication scenarios, dynamically configured discursive roles and its immersion in both tradition and contemporary culture. The author refers to selected dialogue and monologue prayers promoted and recommended in parishes as a form of home prayer replacing pastoral visits forbidden during the pandemic. The event whose scenario is preserved in liturgy agendas provided for Polish dioceses, assuming contact between the rector of a parish church and specific home churches, changed both discursive and generic formulas. In 2020, this became a home prayer performed according to the scenario recommended

* Перевод с польского языка выполнен М. Видел-Игнашчак, кандидатом филологических наук, адъюнктом кафедры переводоведения и славянских языков Люблинского католического университета Иоанна Павла II.

** *Citation*: Wojtak, M. (2022). A Christmas Pastoral Visit during the Pandemic in Poland: Changing Discursive Strategies and Communicative Scripts. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 70–83. DOI 10.15826/qr.2022.1.659.

Цитирование: Wojtak M. A Christmas Pastoral Visit during the Pandemic in Poland: Changing Discursive Strategies and Communicative Scripts // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 70–83. DOI 10.15826/qr.2022.1.659 / Войтак М. Рождественский пастырский визит во время пандемии в Польше: изменение дискурсивных стратегий и коммуникативных сценариев // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 70–83. DOI 10.15826/qr.2022.1.659.

to believers prepared in particular parishes. The genological analysis of selected prayers, including their structure, intentions, their vision of the world, and style, demonstrates the inclination of the institutional Church to promote and preserve traditional prayer formulas.

Keywords: Catholic Church, religious discourse, religious style, prayer, pandemic

Цель статьи – показать трансформации в религиозном католическом дискурсе во время пандемии. Подробно проанализированы рождественские пастырские визиты к прихожанам. Актуальность работы обусловлена современными вопросами дискурсологии и генологии. Исследование религиозного дискурса фокусируется на наборе коммуникативных практик, характерных для польских католиков, которые образуют дискурсивное сообщество, объединенное представлением о мире, созданным в том числе католической церковью. Параметры религиозного дискурса, представленные в данной работе, включают ритуализированные коммуникативные сценарии, динамически конфигурируемые дискурсивные роли и погружение как в традицию, так и в современную культуру. Материалом анализа стали избранные диалогические и монологические молитвенные высказывания, распространяемые и рекомендуемые в приходах как форма домашней молитвы, заменяющая запрещенный во время пандемии рождественский пастырский визит. Событие, обычный сценарий которого зафиксирован в литургических сборниках польских епархий и предполагает контакт священника приходской церкви с некоторыми домашними церквями, изменило как дискурсивную, так и жанровую формулу. В 2020 г. она стала домашней молитвой, осуществляемой, однако, по предписанному верующим сценарию, подготовленному в отдельных приходах. Генологический анализ выбранных молитв, включая их структуру, набор намерений, видение мира и стиль, показал тенденцию институциональной церкви к продвижению и сохранению традиционных молитвенных формул.

Ключевые слова: католическая церковь, религиозный дискурс, религиозный стиль, молитва, пандемия

Религиозный дискурс¹ представляет собой набор коммуникативных практик, вытекающих из специфических верований, организованных и институционально закрепленных. Особенность феномена состоит в расширении дискурсивного пространства за счет сферы трансцендентности, что позволяет пересечь границу между миром людей и миром сверхъестественного [см.: Wojtak, 2010, s. 20; Wojtak, 2015, s. 58]. В настоящем исследовании рамки этого понятия сужаются до коммуникативных привычек польского католического сообщества верующих.

¹ Термин «дискурс» в данной работе понимается как способ организации человеческой деятельности, то есть коммуникативных практик, характерных для определенного общества, которое в ходе различных взаимодействий устанавливает и согласовывает актуальное для себя содержание [см.: Wojtak, 2010, s. 15; Wojtak, 2018, s. 47]. Дискурс не является сугубо лингвистической категорией, поэтому он подвержен процессам операционализации в различных научных дисциплинах, см. на эту тему: [Czachur].

Выявим основные параметры религиозного дискурса:

- доктринальное формирование видения мира;
- определение глобальных целей формулой *спасительная миссия*;
- центральное место трансцендентных ценностей в аксиологическом пространстве;
- динамическая система дискурсивных ролей;
- многообразие сценариев ритуализированной коммуникации;
- полиморфизм категорий дискурса и размытость границ между субдискурсами (литургия, богослужение, проповедь, таинства, катехизация, евангелизация и т. д.);
- погружение в культуру и традиции, с одной стороны, а с другой – открытость к светским способам коммуникации и массовой культуре [см.: Wojtak, 2010, s. 20–21; Wojtak, 2015, s. 58–59].

Дискурсивное сообщество формируется в рассматриваемом случае католиками, выступающими в качестве участников различных видов деятельности, включая коммуникацию. Они представляют собой группу верующих, которым покровительствует институциональная церковь – хозяин дискурса², совместно создавая интегрированное сообщество, которое придерживается определенных представлений о мире как основы убеждений, взглядов и форм деятельности.

Католическая церковь охраняет доктрину, совершает религиозный культ и ведет пастырскую деятельность. Вышеупомянутые виды деятельности составляют основу наиболее важных коммуникативных сценариев, реализуемых дискурсивным сообществом. Их отличают ритуализация многочисленных сценариев и их постоянный характер, который не исключает вариативных реализаций: (1) установленных местной церковью; (2) поведения, инициированного верующими.

В институциональной церкви можно выделить, во-первых, Вселенскую церковь, во-вторых, местную (локальную) церковь, действующую в рамках какой-либо географической или административной территории и таким образом связанную с конкретным сообществом, например, с народом, а в дальнейшей дифференциации – с епархией или приходом, в-третьих, домашнюю церковь, то есть сообщество, ограниченное, как правило, лицами, связанными семейными узами или живущими в общем доме. Поскольку в богословских науках церковь как институт подвергается различным классификациям [см.: Bartnik, k. 1021; Kasjaniuk, k. 1333], в настоящем исследовании речь идет о епархиальной, приходской и домашней церквях.

Отношения между такими организованными сообществами определяются законом или обычаем. Пандемия стала, однако, периодом коммуникативной и дискурсивной переоценки. Церковь как институт разработала способы адаптации поведенческих сценариев к ограничениям

² Предложенный автором термин используется как название операционального понятия, обозначающего одно из значений лексемы <хозяин>. Ср.: «Хозяином района, предприятия, города и т. д. называется тот, кто осуществляет в них власть или управление» [Słownik języka polskiego, s. 44].

из-за пандемии, включая коммуникации³. Например, освобождение от обязательного посещения воскресного богослужения – диспенсация⁴, повышение значимости онлайн-трансляций богослужений⁵ и других культовых или пастырских мероприятий⁶, таких как духовное причастие (в отличие от реального)⁷, а также совершенное раскаяние⁸, пасхальное благословение пищи или рождественские пастырские визиты.

³ О похожем ситуативном обосновании делегирования полномочий от священника мирянам, которые находятся в другом, нецерковном пространстве, говорит Татьяна Ицкович относительно православного дискурса: «До пандемии богослужение осуществлялось в пространстве храма в реальном времени. Сейчас богослужebная коммуникация стала дистантной, опосредованной. Целый ряд богослужebных жанров начали функционировать в онлайн-режиме достаточно безболезненно, например, молитвы: молебен, панихида, лития, вечерня и литургия» [COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран, с. 1386].

⁴ В католической церкви диспенсация означает «освобождение от обязанности соблюдать закон в конкретном случае и по справедливой причине» [см.: Grzywacz, s. 446]. Во время пандемийных ограничений архиепископы или епископы выдавали диспенсации на посещение мессы, ссылаясь на указы государственных властей. Например, в своем декрете от 17 октября 2020 г. архиепископ Марек Ендрашевский, митрополит Краковский, написал в п. 2: «Поскольку не все верующие... смогут посетить мессу в воскресенье... на основании кан. 87 § 1 Кодекса канонического права я предоставляю освобождение от обязанности посещения мессы в воскресенье и святые дни (кан. 1247 Кодекса канонического права) для всех верующих. Пользование диспенсацией означает, что отсутствие на мессе в установленный день не является грехом. Это решение действует до дальнейших распоряжений» [Dekret dotyczący dyspensy].

⁵ Указания иерархов католической церкви относительно передачи литургии через СМИ принимали форму сообщений мирянам (подробный список возможных источников и форм передачи), просьб и поощрений. См.: [Chmielewski, Nowak, Staniszc et al., s. 83].

⁶ В Декрете после введения чрезвычайного эпидемического положения от 14 марта 2020 г. архиепископ Марек Ендрашевский написал в п. 5: «Я призываю верующих пользоваться трансляцией месс по телевидению, радио и Интернету и принимать святое причастие духовно» [Dyspensy w związku z epidemią]. Он также наставлял верующих о том, как участвовать в передачах, объяснял, что такое духовное причастие, и называл соответствующие молитвы для его принятия. См., например: [Jak dobrze przeżyć Mszę św. za pośrednictwem mediów?].

⁷ Духовное причастие – это «желание получить святое причастие, выраженное молитвенной просьбой, вытекающей из любви к Богу» [Misiurek, k. 494]. «Во время опосредованного участия в Евхаристии желание получить духовное общение может быть выражено в простых словах личной молитвы. Например, таких: “Господи, я жажду соединиться с Тобой, но у меня нет возможности принять тело и кровь Твоя в святом причастии. Я верю в Тебя и люблю Тебя, поэтому, пожалуйста, даруй мне плод общения с Тобой”» [Aktualności].

⁸ Поясним, что в католической церкви раскаяние – это душевное состояние человека, возникающее в результате осознания совершенных им грехов. Как важный компонент таинства покаяния и примирения раскаяние должно побуждаться мотивами веры. Если оно рождено любовью к Богу, его называют совершенным (*contritio*); если основано на других мотивах, его называют несовершенным [Pałubska, k. 1565]. Во время пандемии, когда не было возможности исповедоваться в грехах перед священником, рекомендовалось следующее: (1) пробудить желание принять таинство покаяния, (2) провести испытание совести (как при подготовке к традиционной исповеди), (3) пробудить совершенное раскаяние в грехах ради любви Господа. «Такое сокрушение смывает обыденные грехи; оно принесит также прощение смертных грехов, если оно сопровождается твердым решением при первой же возможности прибегнуть к таинственной исповеди» [Katechizm Kościoła Katolickiego, s. 347]. Таким образом, во время онлайн-трансляций мессы стало возможным духовное причастие.

Характеристика ряда трансформаций в религиозном дискурсе предлагается в рамках следующих вопросов:

– Каким образом дискурсивные стратегии, выбранные местной церковью, повлияли на лингвистическую (стилистическую) форму религиозной коммуникации во время пандемии?

– Какую дискурсивную стратегию можно выделить как основную в отношении коммуникации, осуществляемой в рамках деятельности домашней церкви?

– Какие сценарии коммуникации, касающиеся отдельных аспектов дискурса, были предложены местной церковью?

– Каким образом были трансформированы жанровые модели высказываний?

В статье представлена реализация дискурса в сценарии рождественского пастырского визита (польск. *wizyta duszpasterska*, или в обиходном католическом дискурсе *kolęda*), поскольку он претерпел значительные изменения во время пандемии.

Рождественский пастырский визит – это, согласно определению в «Католической энциклопедии», «обычай, берущий начало в средневековой традиции, когда священники посещают своих прихожан на Рождество с пастырскими целями» [Janowski, k. 348]. Среди целей этой формы деятельности местной (приходской) церкви можно найти установление более глубоких контактов с верующими, «благодаря чему возрастает взаимное чувство единства, а также живая связь домашней церкви с местной церковью в приходе и епархии, а через них – со Вселенской церковью» [Żyźniewski, k. 350]. Общая форма такого визита определяется обычаями, соответствующими литургическим предписаниям, а также местными традициям (ил. 1).

Сценарий, содержащийся в *обрядах благословения, адаптированных к обычаям польских епархий* (1994) [см.: Żyźniewski, k. 350], а значит, классический применительно к церкви в Польше, включает следующий порядок последовательных действий:

- чтение отрывка из Евангелия;
- чтение или пение псалма;
- совместные заступнические молитвы⁹;
- окропление святой водой помещений в доме;
- благословение.

⁹ Поясним, что в католической церкви заступническая молитва является актом молитвы относительно других людей. «Заступническая молитва – это молитва за кого-то или за группу людей, это также молитва всей Церкви за всех людей доброй воли» [Szczerba, s. 157]. Приведем примеры: (1) за больных членов семьи: «Отец Небесный, посмотри на [имя больного], члена нашей семьи, который заболел» [Z Bogiem przez życie, s. 142]; (2) молитва о больных и страждущих: «Господи Иисусе, я молюсь за тех, кто страдает, за печальных и пожилых людей» [Chleba naszego powszedniego, s. 319]; (3) за правящих: «Я прошу (мы просим) Тебя, Господи, за тех, кто правит, чтобы они ответственно осуществляли власть» [Modlitewnik czcicieli męczenników z Peru, s. 300].

1. Рождественский пастырский визит. Фото niedziela.pl
Christmas pastoral visit. Photograph by niedziela.pl

Ситуационный фон представляет собой стол, покрытый белой скатертью, крест, установленный на нем, два подсвечника со свечами, сосуд со священной водой и кропило. Этот тип сценария, опубликованный в литургических сборниках (требниках) для конкретных епархий, включает в себя следующие этапы:

- исполнение предварительных обрядов (описано поведение священника и домочадцев, включая предопределенные, а значит, уместные высказывания);
- чтение цитат из Евангелия (священник может выбрать конкретный отрывок для чтения);
- молитвенные высказывания, которые образуют диалог между священником и членами домашней церкви;
- текст благословения.

Во время визита эти тексты читаются либо произносятся священником или верующими. Сценарий упорядочивает высказывания участников события. В нем также содержатся комментарии по поводу сценографии (подготовки помещения), реквизитов, жестов и невербального поведения участников. В «Литургическом требнике» высказаны такие рекомендации: к посещению следует тщательно подготовиться, обратив внимание верующих на цель пастырского визита, его ход (общая молитва, пение колядок, благословение, целование креста, окропление святой водой, беседа с домочадцами) и под-

готовку дома (стол, покрытый белой скатертью, крест, две свечи, священная вода, кропило) [Tarnów, s. 271]. Таким образом, ритуализация и стереотипизация являются основными детерминантами сценария, проектирующими соответствующую реализацию как вербальных, так и невербальных компонентов.

Характеризуя в дискурсивной перспективе рождественский пастырский визит, разработанный местной церковью, я хотела бы обратить внимание на следующие особенности:

– Определенное и сценографически оформленное пространство – дом, квартира (место деятельности домашней церкви).

– Дискурсивные роли: представитель местной (приходской) церкви – священник, проводящий обряд, члены семьи как верующие, участвующие в событии.

– Общность коммуникативных целей – *частичные иллюкации* (приветствие домочадцев священником, провозглашение Слова Божьего, молитвенные прошения, благословение) и *глобальная иллюкация* (пастырское взаимодействие, особенно образование молитвенной общины).

– Аксиологическое пространство, состоящее из трансцендентных ценностей – единение и любовь, основанные на вере в миссию Христа Спасителя, семья как место освящения ее членов.

– Постоянная форма сценария коммуникации – это молитва, возносимая участниками и воспроизводимая во время конкретной встречи.

Во время пандемии традиционный рождественский пастырский визит священника был запрещен. Вместо этого существовали заменявшие его субститутивные сценарии, одобренные местными церквями, которые назывались *благословение дома*, *домашняя молитва* и т. д. Произошло изменение дискурсивной стратегии в связи с активизацией принципа вариативных сценариев. В приходах по-разному реализовывались домашние молитвы и сопутствующие культовые действия – например, совершалась святая месса для определенной местной общины верующих. Произошла значительная модификация сценариев традиционного рождественского пастырского визита, в частности, замена роли ведущего молитву и изменения в выборе конкретных жанров выражения, наполняющих новые сценарии. Весь обряд – и это самая важная модификация – должен был проводиться в рамках деятельности домашней церкви, то есть мирянами, домочадцами без участия священника.

Отсутствие исчерпывающей документации по формам исполнения рождественского пастырского визита в пандемическом варианте предполагает некоторую гипотетичность выводов. В собранном материале диалогическая и монологическая формы предстали как важнейшие компоненты субститутивного по сути пандемического рождественского пастырского визита.

В качестве примера я сначала представляю общий анализ конкретного высказывания под заглавием *Домашняя молитва*. Это ва-

риант, рекомендуемый в кафедральном приходе города Кошалина. Он представляет собой событие, реализованное в рамках деятельности домашней церкви, с новым распределением ролей по отношению к канону. Священник местной церкви отсутствует, и молитвенное сообщество создают в соответствии со сценарием ведущий молитву и члены семьи. Отличительными особенностями события являются диалогическая структура и коммуникативная театрализация, поскольку сценарий молитвы включает в себя следующие этапы:

1. Диалогические реплики между ведущим молитву и членами семьи, а также монологические высказывания ведущего как компоненты молитвы.

2. Обучающие части (дидаскалии / ремарки сценария), определяющие:

– действия (*В этот момент можно спеть одну из традиционных колядок; Минута молчания*);

– действия и вербальное поведение (*Сначала мы зажигаем свечу, затем ведущий молитву говорит...; Ведущий складывает руки и произносит молитву благословения; Затем члены семьи окунают руку в святую воду и совершают крестное знамение, произнося слова...*);

– вербальное поведение (*слова ведущего*).

Компонентами основного сегмента анализируемой *домашней молитвы* являются следующие высказывания и невербальное поведение:

– ритуализированное начало, заменившее приветствие;

– молитва ведущего, подчеркивающая необычную ситуацию;

– отрывок из Евангелия;

– диалогическая молитва;

– молитва благословения;

– завершающие действия: погружение рук в священную воду, крестное знамение, молитва ведущего и завершающее *Аминь*.

Весь текст пронизан формулами, характерными для молитвы, установленной церковью. Основной иллокуцией является желание восхвалять Бога, поклоняться Ему. Второе важное намерение, молитвенная просьба, делится на несколько различных типов высказываний. Атмосферу сакральности усиливает чтение фрагмента Евангелия.

Фрагмент наполнен интертекстуальными формулами, известными из других священных изречений, что придает событию ритуальную окраску. Оно представляется как необычное, торжественное¹⁰ и возвышенное, но осуществляемое только членами домашней церкви. Прочитываем отрывок:

Ведущий. Свет Христа!

Верующие. Благодарение Богу!

¹⁰ Все установленные молитвы, то есть изречения, подготовленные церковью для использования различными группами верующих, которые в конкретных молитвенных ситуациях относятся к ним как к своим собственным подходящим формам диалога с Богом, стилизованы аналогичным образом, см.: [Wojtak, 2019, s. 37].

Ведущий. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да пребудет со всеми нами!

Верующие. Аминь!

Молитва ведущего, подчеркивающая необычность ситуации, отсылает к аналогичным молитвам, в которых верующий воспринимает коммуникативный сценарий как акт встречи с безмолвным, но присутствующим Христом [см.: Wojtak, 2019, s. 41]:

Ведущий. Господи Иисусе Христе, мы стоим в Твоем присутствии, чтобы отдать под Твою опеку наш дом, нашу семью и все, чем мы владеем. В этом году с нами нет священника, который всегда приходил благословить нас во имя Твое. Но мы смиренно просим Тебя о благословении, потому что глубоко верим, что Ты добр к нам и жаждешь нашего счастья. Пусть мы хорошо переживем этот момент совместной молитвы!

К стандартному порядку проведения рождественского пастырского визита относится чтение отрывка из Евангелия. Аналогичной по происхождению является и диалогическая молитва, которой была придана форма литании [Wojtak, 2019, s. 127–147]. Части, произносимые ведущим, отличаются постоянной формой – это композиция анамнесиса и молитвенной просьбы, а части, произносимые домочадцами, клишированные. Анамнесис является относительно постоянным компонентом установленных молитв и имеет фиксированную синтаксическую форму (вводное предложение, начинающееся с *Ты*, или относительное предложение с союзным словом *Который*) и называет события истории спасения (действия Бога), мотивирующие просьбу [Wojtak, 2019, s. 28–31]¹¹. Диалогические реплики в молитве следующие:

Ведущий. Ты, подвластный Марии и Иосифу, освятил семейную жизнь; освяти и нашу семью Своим присутствием!

Верующие. Господи, даруй нашей семье Твой мир!..

Ведущий. Ты любил своих близких и был любим ими, храни все семьи в мире и взаимной любви!

Верующие. Господи, даруй нашей семье Твой мир!

Ограничение действий пространством домашней церкви придает другой характер компонентам молитвенного события, отличающимся от стандартного сценария проведения рождественского пастырского визита, то есть молитве благословения и действиям, завершающим событие. Сначала процитируем фрагмент, относящийся к благосло-

¹¹ Вот примеры реализации анамнесиса из традиционных молитв (в скобках приводится апостроф): (1) «(Бог), Ты уничижением Своего Сына возвысил падшее человечество»; (2) «(Господь Иисус), Ты избрал Петра первым папой»; (3) «(Святой Дух), Ты освящаешь нас и помогаешь нам работать над собой»; (4) «(Наш Бог и Господь), Ты лучше всех знаешь, что нам нужно для жизни».

вению, который содержит инструктивную вставку и молитвенное высказывание:

(Ведущий складывает руки и произносит молитву благословения)

Ведущий. Боже, Творец Своего народа и милосердный искупитель, Ты завещал, чтобы семья, основанная на брачном союзе, была таинством Христа и Церкви. Мы просим Тебя послать Свое обильное благословение на нашу семью, собранную во имя Твое.

Даруй, Господи, чтобы мы, объединенные единой любовью, были воспламенены духом и пребывали в молитве, заботясь друг о друге и спеша на помощь всем нуждающимся. Мы просим, Господи, чтобы словом и делом мы исповедовали веру. Через Христа, Господа нашего...

Верующие. Аминь!

Механизм коммуникативного субститутивного замещения позволяет заменить благословение установленной молитвой, а действие окропления святой водой священником местной церкви – другими действиями, завершающими всю церемонию. Сценарий визита предусматривает следующие действия и высказывания:

Ведущий. Пусть эта вода напоминает нам о крещении, которое мы приняли, и о нашей принадлежности к Христу, искупившему наши грехи Своими страстями и Своим воскресением.

Члены семьи окунают ладони в святую воду и совершают над собой крестное знамение, произнося слова:

Верующие. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа аминь!

Доктринальная правильность и интертекстуальность могут рассматриваться как отличительные черты анализируемой молитвы. Для нее характерен формальный консерватизм, типичный для молитв, рекомендуемых церковью. Стиль сформированного высказывания имеет следующие особенности: структурно мотивированная шаблонность, присутствие формул-клише, апеллятивность как прагматически обусловленная черта и многостильность, связанная с генезисом используемых средств. Однако это не многостильность, подчеркивающая контрасты. В тексте преобладают грамматические и лексические торжественные формы, характеризующиеся молитвенной иератичностью, возвышенностью.

Диалогическая версия молитвы домашней церкви как молитвенный акт в целом напоминает сценарий рождественского пастырского визита. В качестве примера монологической версии можно привести текст под заглавием *Благословение дома*. Это молитва в виде распечатки, выданная верующим в одном из приходов г. Сопота. Можно

предположить, что это мог быть какой-то старинный молитвенник, графический облик которого отличается от современного¹².

Текст состоит из трех молитвенных сегментов и благословения. Молитвенные сегменты – это реализация чередующихся моделей установленной молитвы в результате сокращения стандартных компонентов, изменения последовательности и добавления компонентов в рамках аддитивного сложения [см.: Makuchowska, s. 102–104]. В классическом варианте такой молитвы применяется следующая схема: *Боже, Который... (Ты), соверши, мы молим Тебя о том, чтобы... [содержание просьбы]. Через Христа, Господа нашего, аминь!* В анализируемом тексте последующие сегменты могут иметь измененную форму. Они могут начинаться с просьбы: *Молим Тебя, Господи, посети дом сей...* В начале сегмента может стоять расширенная апострофа: *О сладчайший Господь Иисус Христос, Всемогущий Царь Неба и Земли, Сын Давидов, Иисус из Назарета, распятый за нас, Сын Бога Живого, помилуй дом сей...* Они также могут принимать форму пожелания, например: *Святые архангелы пусть охраняют его, святые апостолы пусть будут дарителями его благосостояния...* [Wojtak, 2019, s. 29].

Прагматический аспект осуществляется конвенционально по образцу молитвы-прошения. Отношения между коллективным отправителем и получателями из сакральной сферы формируются стандартным образом. Обращения к адресатам, о чем свидетельствуют процитированные выше фрагменты молитвы, подобраны в соответствии с правилами молитвенного этикета [Makuchowska, s. 95–100]. Просьбы бывают прямыми или косвенными, с указанием на конкретный результат просьбы. В дополнение к формулам, перечисленным выше, приведем такие: *Помилуй этот дом и защити его обитателей; Пусть пресвятая Дева Мария покроет его мантией [sic!] своего материнства.*

Аксиологическое пространство включает в себя трактовку трансцендентных ценностей как основных детерминант добра, а также прямое наименование зла, опасностей, от которых должно защитить вмешательство лиц из сакральной сферы. Наиболее ярко это иллюстрирует следующий фрагмент:

Господи Иисусе, святая Мария, святой Иосиф и все наши святые покровители и вы, святые ангелы-хранители, даруйте, чтобы Бог в Святой Троице Единый сохранил этот дом от молнии, огня, града, наводнения, нападения злых людей, разврата, неверия, ереси и любого духовного или физического несчастья.

Стиль представляется типичным для установленной молитвы, поскольку высказывание характеризуют структурная шаблонность, стандартно реализуемая апеллятивность, иератический характер,

¹² Это касается не только шрифта, но и использования прописных букв и знаков препинания.

связанный с выбором лексики и архаичных синтаксических структур (*да просветит Святой Дух наши мысли и сердца; да будут святые апостолы дарителями его благосостояния; пусть святые евангелисты утвердят и укрепят его; пусть крест Христов будет кровом этого дома*) [Wojtak, 2019, s. 38].

* * *

Анализ обрядов, проводимых в рамках домашней церкви, показывает, что во многом стандартизированные взаимодействия по решению хозяина дискурса, то есть местной церкви, реализуются в соответствии с новыми сценариями. Однако это не сценарии, созданные *ad hoc*.

Происходит изменение дискурсивных стратегий в связи с признанием механизма субститутивного замещения в качестве основного инновационного процесса. Суть замещения в общем плане взаимодействия заключается в подмене одного сценария на другой, поощряемый приходской церковью. Предписанные конкретные монологические молитвы являются субституционным замещением всего события; в сценариях молитв, имеющих диалогическую форму, замещение включает следующие составляющие:

– дискурсивные роли – ведущий молитву (член домашней церкви) появляется вместо священника (представителя церкви);

– отдельные коммуникативные действия (жесты и слова), разработанные в сценарии события и относящиеся только к членам домашней церкви.

Событие, совершаемое по сценарию, выбранному приходской церковью, становится новым жанром высказывания, диалогической домашней молитвой или монологическим благословением дома. Термины *домашняя молитва* и *благословение дома* функционируют как названия жанров и названия конкретных высказываний. Ранее в литургических сборниках использовался термин *рождественский пастырский визит – благословение семей*. Эта субституция сопровождается уменьшением пастырских аспектов рождественского пастырского визита и акцентом на его молитвенном характере.

Благодаря выбору дискурсивных стратегий и коммуникативных сценариев местная церковь как хозяин дискурса сохраняет традиционную версию религиозного стиля в польском языке, версию, которая в значительной степени отличается не только от повседневного коммуникативного поведения верующих, но и от модернизированной формы этого стиля после реформ Второго Ватиканского собора.

Представители отечественной церкви должны были следовать стратегии: «Мы так разговаривали с Богом на протяжении веков, и это правильно».

Список литературы

- Aktualności // Archidiecezja krakowska : [website]. URL: <https://diecezja.pl/aktualnosci/how-do-you-receive-communion/> (accessed: 30.12.2021).
- Bartnik Cz.* Kościół. VII. Jeden Kościół a wielość kościołów // Encyklopedia katolicka : 20 t. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2002. T. 9. K. 1020–1023.
- Chleba naszego powszedniego... : modlitewnik dla rolników. Włocławek : Wydawnictwo Duszpasterstwa Rolników, 2008. 432 s.
- Chmielewski M., Nowak M. et al.* Komunikacja Kościoła katolickiego w Polsce w okresie pandemii COVID-19 : Raport z badań interdyscyplinarnych. Kraków : Scriptum, 2022. 325 s.
- COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран / Мустаёки А., Зорихина-Нильссон Н. и др. // Quaestio Rossica. 2020. T. 8, № 4. С. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.
- Czachur W.* Lingwistyka dyskursu jako integracyjny program badawczy. Wrocław : Oficyna Wydawnicza ATUT – Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe, 2020. 313 s.
- Dekret dotyczący dyspensy od obowiązku uczestnictwa we Mszy św // Archidiecezja krakowska : [website]. URL: <https://diecezja.pl/aktualnosci/dekret-dotyczacy-dyspensy-od-uczestnictwa-we-mszy-sw/> (accessed: 31.12.2021).
- Dyspensa w związku z epidemią : dekret // Diecezja sandomirska : Dioecesis sandomiriensis : [electronic resource]. 2020. Nr 22. URL: https://diecezja.pl/wp-content/uploads/2020/03/dekret_pdf (accessed: 31.12.2021).
- Grzywacz J.* Dyspensa // Encyklopedia katolicka : 20 t. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1983. T. 4. K. 446–447.
- Jak dobrze przeżyć Mszę św. za pośrednictwem mediów? // Archidiecezja krakowska : [website]. 2020. 13 marca. URL: <https://diecezja.pl/aktualnosci/jak-dobrze-przezyc-msze/> (accessed: 30.12.2021).
- Janowski P.* Kolęda, wizyta duszpasterska // Encyklopedia katolicka : 20 t. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2002. T. 9. K. 348–349.
- Kasjaniuk E.* Lokalny Kościół // Encyklopedia katolicka : 20 t. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2004. T. 10. K. 1333.
- Katechizm Kościoła Katolickiego. Poznań : Pallottinum, 1994. 738 s.
- Makuchowska M.* Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole : Wydawnictwo TiT, 1998. 127 s.
- Misiurek J.* Komunia duchowa // Encyklopedia katolicka : 20 t. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2002. T. 9. K. 494.
- Modlitewnik czcicieli męczenników z Peru. Kraków : Bratni Zew, 2017. 324 s.
- Pałubska Z.* Żal // Encyklopedia katolicka : 20 t. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2014. T. 20. K. 1564–1565.
- Słownik języka polskiego / red. M. Bańko. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. T. 2. 850 s.
- Szczerba D.* Praktyczny leksykon modlitwy. Kraków : Wydawnictwo m., 2008. 406 s.
- Wojtak M.* Dyskurs religijny w mediach. Próba rekonstrukcji // Dyskurs religijny w mediach / red. D. Zdunkiewicz-Jedynak. Tarnów : Wydawnictwo Diecezji Tarnowskiej Biblos, 2010. S. 7–30.
- Wojtak M.* Kulturowe uwikłania współczesnego dyskursu (stylu) religijnego (zarys problematyki) // Stylistyka. T. 24. 2015. S. 55–74.
- Wojtak M.* O wybranych translokacjach komunikacyjnych w dyskursie religijnym // Stylistyka. T. 27. 2018. S. 47–63.
- Wojtak M.* Do Boga..., O Bogu..., Przed Bogiem... Gatunki przekazu religijnego w analizie filologicznej. Tarnów : Wydawnictwo Diecezji Tarnowskiej Biblos, 2019. 379 s.
- Z Bogiem przez życie. Modlitewnik dla młodzieży. Ząbki : Apostolicum, 2010. 352 s.
- Żyżniewski Z.* Kolęda, wizyta duszpasterska. 3. Praktyka współczesna // Encyklopedia katolicka : 20 t. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2002. T. 9. K. 349–350.

References

- Aktualności. (N. d.). In *Archidiecezja krakowska* [website]. URL: <https://diecezja.pl/aktualnosci/how-do-you-receive-communion/> (accessed: 30.12.2021).
- Bańko, M. (Ed.). (2007). *Słownik języka polskiego*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN. Vol. 2. 850 s.
- Bartnik, Cz. (2002). Kościół. VII. Jeden Kościół a wielość kościołów. In *Encyklopedia katolicka*. 20 t. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Vol. 9, columns 1020–1023.
- Chleba naszego powszedniego... Modlitewnik dla rolników*. (2008). Włocławek, Wydawnictwo Duszpasterstwa Rolników. 432 s.
- Chmielewski, M., Nowak, M. et al. (2022). *Komunikacja Kościoła katolickiego w Polsce w okresie pandemii COVID-19. Raport z badań interdyscyplinarnych*. Kraków, Scriptum. 325 s.
- Czachur, W. (2020). *Lingwistyka dyskursu jako integracyjny program badawczy*. Wrocław, Oficyna Wydawnicza ATUT – Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe. 313 s.
- Dekret dotyczący dyspensy od obowiązku uczestnictwa we Mszy św. (N. d.). In *Archidiecezja krakowska* [website]. URL: <https://diecezja.pl/aktualnosci/dekret-dotyczacy-dyspensy-od-uczestnictwa-we-mszy-sw/> (accessed: 31.12.2021).
- Dyspensa w związku z epidemią. Dekret. (2020). In *Diecezja sandomirska. Dioecesis sandomiriensis* [electronic resource]. No. 22. URL: https://diecezja.pl/wp-content/uploads/2020/03/dekret_pdf (accessed: 31.12.2021).
- Grzywacz, J. (1983). Dyspensa. In *Encyklopedia katolicka*. 20 t. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Vol. 4, columns 446–447.
- Jak dobrze przeżyć Mszę św. za pośrednictwem mediów? (2020). In *Archidiecezja krakowska* [website]. 13 March. URL: <https://diecezja.pl/aktualnosci/jak-dobrze-przezyc-msze/> (accessed: 30.12.2021).
- Janowski, P. (2002). Kolęda, wizyta duszpasterska. In *Encyklopedia katolicka*. 20 t. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Vol. 9, columns 348–349.
- Kasjaniuk, E. (2004). Lokalny Kościół. In *Encyklopedia katolicka*. 20 t. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Vol. 10, columns 1333.
- Katechizm Kościoła Katolickiego*. (1994). Poznań, Pallottinum. 738 s.
- Makuchowska, M. (1998). *Modlitwa jako gatunek języka religijnego*. Opole, Wydawnictwo TiT. 127 s.
- Misiurek, J. (2002). Komunia duchowa. In *Encyklopedia katolicka*. 20 t. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Vol. 9, column 494.
- Modlitewnik czcicieli męczenników z Peru*. (2017). Kraków, Bratni Zew. 324 s.
- Mustajoki, A., Zorikhina Nilsson, N. et al. (2020). COVID-19: katastrofa vazykovom izmerenii raznykh stran [COVID-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, No. 4, pp. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.
- Pałubska, Z. (2014). Żal. In *Encyklopedia katolicka*. 20 t. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Vol. 20, columns 1564–1565.
- Szczerba, D. (2008). *Praktyczny leksykon modlitwy*. Kraków, Wydawnictwo m. 406 s.
- Wojtak, M. (2010). Dyskurs religijny w mediach. Próba rekonesansu. In Zdunkiewicz-Jedynak, D. (Ed.). *Dyskurs religijny w mediach*. Tarnów, Wydawnictwo Diecezji Tarnowskiej Biblos, pp. 7–30.
- Wojtak, M. (2015). Kulturowe uwikłania współczesnego dyskursu (stylu) religijnego (zarys problematyki). In *Stylistyka*. Vol. 24, pp. 55–74.
- Wojtak, M. (2018). O wybranych translokacjach komunikacyjnych w dyskursie religijnym. In *Stylistyka*. Vol. 27, pp. 47–63.
- Wojtak, M. (2019). *Do Boga..., O Bogu..., Przed Bogiem... Gatunki przekazu religijnego w analizie filologicznej*. Tarnów, Wydawnictwo Diecezji Tarnowskiej Biblos. 379 s.
- Z Bogiem przez życie. Modlitewnik dla młodzieży*. (2010). Ząbki, Apostolicum. 352 s.
- Żyźniewski, Z. (2002). Kolęda, wizyta duszpasterska. 3. Praktyka współczesna. In *Encyklopedia katolicka*. 20 t. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Vol. 9, columns 349–350.

COVID-19 и опыт виртуальной коммуникации греко-католического владыки с паствой*

Анна Петрикова

Прешовский университет,
Прешов, Словакия

COVID-19 and a Greek Catholic Hierarch's Experience of Virtual Communication with Parishioners

Anna Petrikova

University of Prešov,
Prešov, Slovakia

In this article, the author carries out a communicative and pragmatic analysis of texts and a stylistic analysis of the keywords of religious discourse. The object of the research is the discourse of the Greek Catholic Church in Slovakia. The subject of the research is the keywords and main topics in the corpus of Archbishop Milan Chatur's publications on social networks. The research methodology is based on the principles of discourse analysis, computational linguistics, linguistics 2.0, and quantitative linguistics. To realise the purpose of the research, the author uses the linguistic tool *Sketch Engine*, a fourth-generation concordancer, which provides quick search and statistical processing of data. For the corpus, the author refers to material from Chatur's Internet messages in the profile named "Vladyka Milan odpovedá" (Vladyka Chatur responds) over one year of the pandemic, i. e., between 2020 and 2021. Using the Simple Maths method, the author extracts keywords based on two corpora – the main one (created by the user) and the background one (built into the system). Vladyka's web-communication fits the modern trend of active communication through social networks, where it is not only used by representatives of the secular world, but also by the clergy. Considering the fact that the background corpus of *Slovak Web 2011 (skTenTen11)*

* *Citation*: Petrikova, A. (2022). COVID-19 and a Greek Catholic Hierarch's Experience of Virtual Communication with Parishioners. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 84–95. DOI 10.15826/qr.2022.1.660.

Цитирование: Petrikova A. COVID-19 and a Greek Catholic Hierarch's Experience of Virtual Communication with Parishioners // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 84–95. DOI 10.15826/qr.2022.1.660 / Петрикова А. COVID-19 и опыт виртуальной коммуникации греко-католического владыки с паствой // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 84–95. DOI 10.15826/qr.2022.1.660.

is a language model, the author singles out the following keywords: *isus* (Jesus), *Christ* (Christ), *pandémia* (pandemic), *kovid* (Covid), *bohorodička* (Virgin Mary), *cerkov* (Church), *vakcinácium* (vaccinacium), and *eparchia* (diocese). These words have the highest coefficient of semantic similarity (Score) of words from the studied and background corpora. Using the linguistic criterion for isolating keywords, it is possible to single out the cognitive components of the archbishop's discursive field, such as discursive dominants: *human life, the Church on earth and in heaven, family*.

Keywords: internet communication, social network, discourse, genre, keywords, pandemic

Представлены коммуникативно-прагматический анализ текстов и статистический анализ ключевых слов религиозного дискурса. Объект исследования – дискурс восточно-католической церкви византийской литургической традиции в Словакии. Предмет исследования – ключевые слова и основные темы в корпусе публикаций архиепископа М. Хаутура в социальных сетях. Методология исследования базируется на принципах дискурс-анализа, компьютерной лингвистики, лингвистики 2.0, квантитативной лингвистики. Для реализации обозначенной цели используется лингвистический инструмент *Sketch Engine*, конкордансер четвертого поколения, обеспечивающий быстрый поиск и статистическую обработку данных. Выборка материала для корпуса осуществлена из интернет-коммуникации М. Хаутура в профиле с названием «Vladyka Milan odpovedá» («Владыка Хаутур отвечает») за 2020–2021 гг. При помощи метода *Simple maths* выделены ключевые слова на базе двух корпусов – главного и фонового. Web-коммуникация архиепископа подчеркивает современную тенденцию в активном общении посредством социальных сетей представителей не только светского мира, но и духовенства. В результате автоматической обработки материалов фонового корпуса *Slovak Web 2011 (skTenTen11)* были выделены следующие ключевые слова: *isus* (Иисус), *Christ* (Христос), *pandémia* (пандемия), *kovid* (ковид), *bohorodička* (Богородица), *cerkov* (церковь), *vakcinácium* (вакцинация), *eparchia* (епархия). Они имеют самый высокий коэффициент семантической близости (*Score*) слов из исследуемого и фонового корпусов. Руководствуясь лингвистическим критерием вычленения ключевых слов, автор на их основе выделяет когнитивные составляющие дискурсивного поля, например, дискурсивные доминанты: *жизнь человека, церковь земная и небесная, семья*.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, социальная сеть, дискурс, жанр, ключевые слова, пандемия

Пандемия коронавируса как экстралингвистическая реальность довольно существенно повлияла на словарный запас практически всех языков в мире. В словацком языке появились такие слова, как *práca z domu* («удаленный режим работы», от англ.

homeoffice), *dodržiavanie odstupu* («соблюдение дистанции», от англ. *socialdistancing*), *koronavírus* («коронавирус», от англ. *coronavirus*), *domáce vzdelávanie* («удаленное обучение», от англ. *homeschooling*) и многие другие. Рафаэль Гусман Тирадо справедливо отметил: «С большой степенью вероятности можно утверждать, что слово *coronavirus* прочно вошло в наш лексикон» [COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран, с. 1378]. Среди всех слов периода пандемии COVID-19 самыми частотными, по данным поискового браузера *Google*, являются такие как *pandemia* («пандемия»), *epidemia* («эпидемия»), *karanténa* («карантин»), *koronavirus* («коронавирус») [Pandemia].

Социальные изменения представляют интерес также для анализа религиозной коммуникации, поскольку «богослужбная коммуникация стала дистантной, опосредованной» [Там же, с. 1386]. На сегодняшний день возникли такие вопросы:

– Как происходит организация религиозной виртуальной коммуникации во время пандемии?

– Что изменяется при переносе традиционных жанров в цифровую среду?

– Существует ли преемственность между этими жанрами?

Наблюдения показывают, что в Словакии религиозный тип дискурса греко-католической конфессии репрезентируется в пространстве социальных сетей. Во время пандемии коронавируса социальные сети особенно активно содействовали пастве в возможности виртуальной коммуникации с духовенством. Представители церкви используют их как форму коммуникации не только для распространения информации, но и для организации прямых эфиров богослужений. Для такого медиаконтента соцсетей [Jenkins], в отличие от традиционных каналов его распространения, характерны следующие особенности:

– «визуализация (визуальные формы все больше доминируют над текстовыми либо подменяют их);

– информационная конденсация (уменьшение информационной нагрузки сообщения, причем как текстового, так и визуального);

– конвергенция (визуальный и текстовый элементы стремятся к слиянию в единую форму)» [Зайцев, с. 65].

Медиаконтент рассматривается с учетом его формы, которая напрямую воздействует на то, как коммуниканты взаимодействуют с жанрами и текстами, причем как в цифровом формате, так и в бумажном [Wesch]. Анализируя жанровую форму медиаконтента социальной сети, мы исходим из того, что такие жанры в лингвистике 2.0 принято определять как «жанры 2.0» [Горошко]. Следовательно, в рамках дискурсивного подхода возможно под жанром 2.0 понимать относительно устойчивый вид речевой деятельности, опосредованный каналом связи и служащий для социального взаимо-

действия людей. Такое теоретико-методологическое обоснование жанровой природы текстового веб-контента опирается на четыре базовых принципа Эми Девитт:

1. Жанровые формы имеют смысл только при их рассмотрении в полном контексте – как социокультурном, так и личностном.

2. Жанровые формы могут широко варьироваться как в синхронии, так и в диахронии и не могут рассматриваться только через односторонние статические подходы.

3. Жанровые формы могут меняться в зависимости от каждого определенного жанра, но все эти жанры имеют общую основу (формат).

4. Жанровые формы по сути межжанровы, и они взаимодействуют с формами других жанров [Devitt, p. 35].

Действительно, жанровые формы религиозного дискурса на цифровом и бумажном носителях взаимодействуют и преследуют всегда определенные коммуникативные цели – это трансляция информации религиозного характера, приобщение к вере посредством жанра проповеди, трансляция мистического опыта живой веры, поиск решений во время преодоления трудностей в жизни согласно заповедям и т. д. [Войскунский]. Для жанровых форм характерны такие общие знаки: присутствие адресанта и адресата; выраженность событийного содержания в определенной социокультурной ситуации; изменение прагматических и иллокутивных критериев; взаимодействие разговорной и письменной речи; следование определенным коммуникативно-поведенческим сценариям и (или) их модификациям [Компанцева]. В них задействованы факторы коммуникативного времени и пространства, выдержана формальная структура, лингвистический дизайн детерминирован принципами членения текста, его лингвостилистическими и функциональными особенностями [Асмус].

Рассмотрим веб-контент архиепископа М. Хаутура за период пандемии коронавируса с 2020 по 2021 г. Материал извлечен методом сплошной выборки из профиля с названием «Vladyka Milan odpovedá»¹. Анализ показал, что веб-контент профиля архиепископа как жанр 2.0 соцсетей используется для реализации религиозной коммуникации, для передачи церковного вероучения, укрепления верующих в их вере на пути к живому Богу. Приведем пример: *Ak človek veľmi po niečom túži, tak neváha dávať aj svoje prísluby dopredu, akoby prejav svojej vďačnosti za nádejné splnenie túžob. Tradícia hovorí o sv. Anne i sv. Joachimovi, že v túžbe po dieťati dali svoj príslub Bohu, že ak sa im narodí dieťa, zasvätia ho jeho službe. Keďže sv. Anna počala dievčatko – Máriu, tak to nemohla byť kňazská služba, lež služba pri chráme. Preto pri slávení sviatku Uvedenia P. Márie do chrámu, v utierňi východná cirkev spieva: „Bola si zasvätená Bohu, ó Čistá, ešte pred svojím*

¹ «Владыка Милан отвечает» (здесь и далее перевод со словацкого мой. – А. П.).

počatím...“ *Dnes slávime sviatok Nepoškvrnene Počatej* («Тúžба a sľub». 08.12.2021. Sviatok Nepoškvrneného Počatia Panny Márie)².

Текст с названием «Тúžба a sľub» («Жажда/желание и обещание») был опубликован к богородичному празднику Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. При анализе текста мы установили присутствие знаков религиозного дискурса: это конструирование социальных смыслов, реконструирование социокультурной реальности. Подчеркивается догматический аспект религиозного дискурса: *Непорочное зачатие у католиков* – это догмат; совокупность устойчивых формальных и неформальных норм – *богородичный праздник*. В сообщении полностью воспроизводится сакральный текст Священного Писания. Можно выделить знаки дискурса восточно-католической церкви византийской литургической традиции – *утреня, Восточная церковь* (*v utierňi východná cirkev spieva: „Bola si zasvätená Bohu, ó Čistá, ešte pred svojím počatím...“*).

Таким образом, жанр имеет неподвижную макроструктуру, поскольку текст по случаю праздника написан в виде мини-проповеди с целью толкования его значения, функции, цели для всех читающих. Композиция текста построена по единому принципу: событие, привязка к Священному Писанию, толкование, проживание мистического опыта в профанном мире.

Для извлечения ключевых слов [Carpene, Bernaola-Galván et al.] из веб-контента архиепископа за год пандемии мы выбрали метод корпусной лингвистики. Смысл такого подхода заключается в том, что можно наблюдать языковые явления, которые непосредственно не наблюдаемы, так как они находятся на далеком расстоянии друг от друга и четко видны только после статистической обработки [Большакова, Клышинский и др.]. Мы учитываем общепринятые принципы построения корпусов, которые основаны на стремлении к репрезентативности исследуемых текстов, предполагают доступ исследователя к большому количеству текстов отдельных лиц в определенных областях, жанрах [Ландэ].

На первом этапе исследования мы обратились к информационно-поисковой системе *InfoStream* [InfoStream], которая позволяет «оперативно получать необходимую информацию по мере ее появления в Интернете, анализировать события, своевременно на них реагировать» [Григорьев, с. 3], и ввели в поисковик запрос: *пандемия ко-*

² «Если человек чего-то очень сильно желает, он не стесняется давать обещания заранее как бы в знак благодарности за надежду на исполнение желаний. Традиция говорит о святой Анне и святом Иоакиме, которые в своем стремлении иметь ребенка дали обещание Богу о том, что если у них родится ребенок, то они посвятят его служению Ему. Поскольку святая Анна зачала девочку Марию, это не могло быть священническим служением, но стало служением при храме. Поэтому, отмечая праздник Введения Пресвятой Девы Иоакиме в храм, в Восточной церкви поют: “Ты была посвящена Богу, о Пречистая, еще до своего зачатия...” Сегодня мы отмечаем праздник Непорочного зачатия» («Желание и обещание». 08.12.2021. Праздник Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии).

ронаривуса. В качестве географического параметра были выбраны страны Европейского союза. Актуальность полученных результатов на запрос неоспорима, поскольку одно из преимуществ системы – это оперативность ее базы данных, пополняющейся каждые 15 минут так, что «источники сканируются в Сети по мере их обновления, в то время как период индексации традиционных информационно-поисковых систем может измеряться днями или даже неделями» [Там же]. В центре сети понятий находятся лексемы *коронавирус*, *вакцина*, *вирус*, *вирусолог*, *ВОЗ*; недалеко от центра размещены лексемы *заболеваемость*, *заражаемость*, *заражение*, *иммунитет*, *омикрон*, *штамм*, *COVID*, *человек*, *дельта*, *доза*. На периферии сети находятся слова *прививка*, *мир*, *сутки*, *мутации*, *год*, *симптом*, *случай*, «*Спутник*», *смертность*. Данные слова являются самыми распространенными ассоциатами актуальной темы пандемии коронавируса.

Далее проследим ключевые слова при помощи инструмента *Sketch Engine* и выявим, появились ли среди них вышеперечисленные ключевые слова.

В настоящее время *Sketch Engine* (SkE) имеет в наличии разнообразный набор инструментов, которыми мы и воспользовались. Созданный нами корпус текстов получил название «*Korpus_vladyka Chautur*» («Корпус_владыка Хаутур»). Порядок текстов в корпусе произвольный. В данном корпусе объем текста N представлен следующим образом: N = 69,734. Здесь N – это число лексических единиц (ЛЕ)³.

Архитектура корпуса содержит 69,734 токена, 57,640 слов, предложений – 2,375.

Мы хотим получить ответ на дескриптивный вопрос: какие ключевые слова выделит SkE в результате автоматической обработки корпуса с названием «*Korpus_vladyka Chautur*» за год пандемии (2020–2021) коронавируса COVID-19?

Ключевые слова (КС) играют значительную роль в нашем исследовании веб-контента, поскольку это помогает извлечь наиболее важную информацию, содержащуюся в тексте [Ягунова, с. 84].

В результате этих процедур исследователь получает наборы КС, которые помогают установить различия информационных структур в фоновом и референтном корпусах, в качестве которых выступает словацкий корпус «*Slovak Web 2011 (skTenTen11)*», содержащий 656,067,998 токена, 540,112,634 слова, 37,371,473 предложения, 1,024,798 документа [Slovak Web Corpus].

По мнению Е. Г. Ягуновой, сравнивая исследуемый и репрезентативный корпуса, можно выделить: «1) различия между текстами внутри одного функционального стиля, 2) различия между текстами (информационными структурами) в зависимости от функционального стиля текста, 3) ядерное или периферийное положение текста в рассматри-

³ Здесь и далее данные приведены в соответствии с теми, что предоставляет база данных [Sketch Engine].

ваемом корпусе или корпусах (с точки зрения структуры, предметной области и т. п.) и т. д.» [Ягунова, с. 88]. Наше внимание сосредоточено на ядерном положении ключевых слов в исследуемом корпусе.

После загрузки корпуса «Korpus_vladyka Chautur» в систему и применения функции «Keywords and terms» получаем ранжированный список словосочетаний с указанием абсолютной и относительной частоты в главном и фоновом корпусах (табл. 1). Результаты представлены в порядке уменьшения количества ключевых словосочетаний.

Таблица 1

Анализируемые словосочетания (*Sketch Engine*)

№	Слова и выражения	Частота употребления	Частота на миллион	
			относительная (фокус)	относительная (эталонная)
1	život človeka (жизнь человека)	3,385	200.76	0.33
2	večný život (вечная жизнь)	2,976	157.74	0.29
3	boží syn (Божий сын)	2,376	215.10	0.23
4	slobodná vôľa (свободная воля)	1,840	86.04	0.18
5	celé ľudstvo (все человечество)	1,815	71.70	0.18
6	vlastná rodina (своя семья)	1,509	114.72	0.15
7	ľudské srdce (человеческое сердце)	1,370	100.38	0.13
8	dnešný človek (современный человек)	1,368	186.42	0.13
9	veriaci človek (верующий человек)	1,365	71.70	0.13
10	kresťanský život (христианская жизнь)	1,364	71.70	0.13
11	osobný vzťah (личные отношения)	1,360	86.04	0.13
12	rozemský život (жизнь на земле)	1,323	129.06	0.13
13	ján krstiteľ (Иоанн Креститель)	1,297	86.04	0.13
14	zlý duch (злой дух)	1,119	157.74	0.11
15	Božie požehnanie (Божье благословение)	1,196	86.04	0.12
16	boží zákon (Божий закон)	1,067	243.78	0.10
17	náboženská sloboda (свобода вероисповедания)	1,057	86.04	0.10
18	história ľudstva (история человечества)	1,018	71.70	0.10

Окончание табл. 1

№	Слова и выражения	Частота употребления	Частота на миллион	
			относительная (фокус)	относительная (эталонная)
19	kresťanská rodina (христианская семья)	739	114.72	0.07
20	nová nádej (новая надежда)	690	100.38	47.3
21	dnešné evanjelium (сегодняшнее Евангелие)	643	344.16	0.06
22	východná cirkev (Восточная церковь)	533	143.40	0.05
23	svätá rodina (святое семейство)	455	100.38	0.04

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы. Доминирующей дискурсивной доминантой анализируемого корпуса⁴ за год пандемии стала *жизнь человека, всего человечества (celé ľudstvo)* в ее двух ипостасях: *профанная, земная жизнь (pozemský život)* и *сакральная, вечная жизнь (večný život)*. Это нашло отражение в таких ключевых словосочетаниях: *жизнь человека (život človeka)*, *земная жизнь (pozemský život)*, *вечная жизнь (večný život)*, *современный человек (dnešný človek)*, *все человечество (celé ľudstvo)*, *верующий человек (veriaci človek)*, *история человечества (história ľudstva)*.

Второй дискурсивной доминантой, выявленной на основании анализируемого корпуса, является *способ реализации человека во время его земной жизни посредством христианской жизни (kresťanský život) и христианской семьи (kresťanská rodina)*. Эта доминанта нашла отражение в таких ключевых словосочетаниях: *свободная воля (slobodná vôľa)*, *своя семья (vlastná rodina)*, *христианская жизнь (kresťanský život)*, *христианская семья (kresťanská rodina)*, *свобода вероисповедания (náboženská sloboda)*.

Третьей дискурсивной доминантой стала *Церковь небесная и земная*, содержащая лексику религиозного дискурса греко-католической конфессии: *Восточная церковь (východná cirkev)*, *сегодняшнее Евангелие (dnešné evanjelium)*, *благословение Бога (Božie požehnanie)*, *закон Божий (boží zákon)*, *Иоанн Креститель (ján krstiteľ)*, *злой дух (zlý duch)*, *новая надежда (nová nádej)*, *святое семейство (svätá rodina)*.

Сравнив полученные токены с ключевыми словами, выделенными поисковой системой *InfoStream*, можно сделать вывод, что общим ключевым словом в данном случае является токен *человек*.

⁴ Под дискурсивной доминантой мы понимаем социально обусловленную доминирующую характеристику религиозного дискурса определенной конфессии, которая реализуется путем повтора лексических единиц, эксплицитного или имплицитного выражения, а также иных языковых средств, действующих в данном институциональном дискурсе.

Далее переходим к анализу ключевых слов односоставной структуры на основе частоты встречаемости слова (класс слов – субстантив) в исследуемом и референтном корпусах. После загрузки корпуса и применения функции *Keywords and terms* получаем ранжированный список слов с коэффициентом семантической близости (*Score*)⁵ и с указанием абсолютной и относительной частоты в корпусах. Результаты представлены в порядке убывания показателя семантической близости ключевых слов (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые слова односоставной структуры

№	Слова и выражения	Коэффициент семантической близости	Частота употребления	Частота на миллион	
				относительная (фокус)	относительная (эталонная)
1	isus	460.6	298	960	1.09
2	christos	292.9	852	960.79	2.28
3	pandémia	247.6	769	860.41	2.48
4	kovid	144.4	0	143.4	0
5	bohorodička	133.7	1,099	516.25	2.87
6	cerkov	118.2	368	243.78	1.07
7	vakcináciум	70.0	22	71.70	0.04
8	eparchia	51.1	710	172.08	2.39

С учетом того, что референтный корпус «Slovak Web 2011 (skTenTen11)» представляет собой модель языка, мы получили следующие результаты автоматической обработки: *isus* (Иисус), *Christos* (Христос), *pandémia* (пандемия), *kovid* (ковид), *bohorodička* (Богородица), *cerkov* (церковь), *vakcináciум* (вакцинация), *eparchia* (епархия). Данные токены имеют самый высокий коэффициент семантической близости (*Score*) слов исследуемого и референтного корпусов.

Исходя из данных, представленных в табл. 2, мы можем констатировать, что при учете семантической близости исследуемого и референтного корпусов токен *пандемия* находится в списке ключевых слов. Токен *ковид* по частоте так незначителен, что инструмент автоматической обработки *Sketch Engine* его не смог идентифицировать и определить в качестве результата. Токен *ковид* присутствует в корпусе всего лишь один раз и построен по грамматической модели *is_obj4_of* в следующем примере:

⁵ Простой математический метод используется для определения показателя как ключевых слов, так и терминов. Он работает с нормализованными (относительными, на миллион) частотами в фокусных и эталонных корпусах [Sketch Engine].

A tak prišiel kovid, aby nás k rodinnému spoločenstvu prinútil nariadením vlády. Kolko napomenutí bude musieť ešte prejsť, aby človek začal brať vážne to, čo treba brať vážne...⁶

Таким образом, в результате сравнительного анализа полученных токенов с ключевыми словами, выделенными поисковой системой *InfoStream*, можно сказать, что общие ключевые слова представлены следующими общими словами: *вакцинация, пандемия, ковид*. Результаты, полученные на материале корпусного анализа, демонстрируют, что двусоставные ключевые слова намного точнее отражают основные дискурсивные доминанты религиозного дискурса. С помощью двусоставных ключевых слов гораздо глубже моделируются извлечение смысловой структуры текста и описание этой структуры, поскольку и распределение ключевых слов по корпусу оказывается более равномерным, чем распределение односоставных ключевых слов. Проведенное статистическое извлечение ключевых слов из корпуса «Slovak Web 2011 (skTenTen11)» при помощи двух систем – *InfoStream* и *Sketch Engine* – показало высокий уровень валидности сравнительного анализа. Результаты исследования возможно использовать в последующем выделении дискурсивных доминант, построении концептуальной сети религиозного дискурса, опосредованного коммуникативной платформой социальной сети.

Список литературы

- Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск : [Б. и.], 2005. 22 с.
- Большакова Е. И., Клышинский Э. С. и др. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика. М. : МИЭМ, 2011. 272 с.
- Войсунский А. Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий : материалы междунар. интернет-конф., проходившей 20.03–14.05.2001 на инфорват.-образоват. портале www.auditorium/tu/ / под ред. А. В. Войсунского. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 232–242.
- Горошко Е. И. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер, или Что нового появилось в виртуальном жанроведении? // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 11–20.
- Григорьев А. Н., Ландэ Д. В. И др. InfoStream. Мониторинг новостей из Интернет: технология, система, сервис : науч.-метод. пособие. Киев : Старт 98, 2007. 40 с.
- Зайцев М. Л. Распространение медиаконтента посредством социальных сетей // Медиалингвистика : материалы II междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Малышев. СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2017. С. 64–65.
- Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика : Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск : Знание, 2008. 528 с.
- Ландэ Д. В. Визуализация статистики вхождения слов // MegaLing'2009. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий : материалы междунар. конф., 21–26 сентября 2009 г., Украина, Киев. Киев : Довіра, 2009. С. 63–64.

⁶ «И вот пришел ковид, чтобы принудить нас к семейному единству правительственным указом. Сколько еще напоминаний должно быть, прежде чем человек начнет серьезно относиться к тому, к чему должен относиться серьезно».

Ягунова Е. В. Эксперимент и вычисления в анализе ключевых слов художественного текста // *Философия языка. Лингвистика. Лингводидактика*. 2010. № 1. С. 83–89.

Carpena P., Bernaola-Galván P. et al. Level Statistics of Words : Finding Keywords in Literary Texts and Symbolic Sequences // *Physical Rev.* 2009. Vol. 79, 035102(R). DOI 10.1103/PhysRevE.79.035102.

COVID-19: катастрофа в языковом измерении разных стран / А. Мустаюки, Н. Зорихина-Нильссон и др. // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

Devitt A. Refusing Form in Genre Study // *Genres in the Internet : Issues in the Theory of Genre* / ed. by J. Giltrow, D. Stein. Amsterdam : John Benjamins Publ., 2009. P. 28–45.

InfoStream : Технология мониторинга новостей : [official website]. URL: <http://infostream.ua/RUS/> (accessed: 12.09.2021).

Jenkins H. *Convergence Culture : Where Old and New Media Collide*. N. Y. : N. Y. Univ. Press, 2006. 318 p.

Pandemia // Google : [official website]. URL: <https://www.google.com/> (accessed: 12.01.2022).

Sketch Engine : [official website]. URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2FAnna_Pet%2Fkorpus_vladyka_chatur (accessed: 22.02.2022).

Slovak Web Corpus Crawled by SpiderLing in 2011 : Encoded in UTF-8, Cleaned and Deduplicated // SpiderLing : [website]. URL: <https://www.zerohero.ca/en/sk/settings> (accessed: 12.01.2021).

Wesch M. Web 2.0... the Machine is us/ing us // YouTube : [official website]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=NLIgopyXT_g (accessed: 25.10.2021).

References

Asmus, N. G. (2005). *Lingvisticheckie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva* [Linguistic Features of Virtual Communicative Space]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, S. n. 22 p.

Bol'shakova, E. I., Klyshinskii, E. S. et al. (2011). *Avtomaticheskaya obrabotka tekstov na estestvennom yazyke i komp'yuternaya lingvistika* [The Automatic Processing of Natural Language Texts and Computational Linguistics]. Moscow, Moskovskii institut elektroniki i matematiki. 272 p.

Carpena, P., Bernaola-Galván, P. et al. (2009). Level Statistics of Words: Finding Keywords in Literary Texts and Symbolic Sequences. In *Physical Rev.* Vol. 79, 035102(R). DOI 10.1103/PhysRevE.79.035102.

Devitt, A. (2009). Refusing Form in Genre Study. In Giltrow, J., Stein, D. (Eds.). *Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre*. Amsterdam, John Benjamins Publ., pp. 28–45.

Goroshko, E. I. (2011) “Chirikayushchii” zhanr 2.0 Twitter, ili Chto novogo poyavilos' v virtual'nom zhanrovedenii? [The “Tweeting” Genre 2.0 Twitter, or What's New in Virtual Genre Studies?]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 11–20.

Grigor'ev, A. N., Lande, D. V. et al. (2007). *InfoStream. Monitoring novostei iz Internet: tekhnologiya, sistema, servis. Nauchno-metodicheskoe posobie* [InfoStream. Monitoring News from the Internet: Technology, System, Service. Scientific and Methodological Guide]. Kiev, Start98. 40 p.

InfoStream. *Tekhnologiya monitoringa novostei* [InfoStream. News Monitoring Technology] [official website]. URL: <http://infostream.ua/RUS/> (accessed: 12.09.2021).

Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. N. Y., N. Y. Univ. Press. 318 p.

Kompantseva, L. F. (2009). *Internet-lingvistika: kognitivno-pragmaticshekii i lingvokul'turologicheskii podkhody* [Internet Linguistics: Cognitive-Pragmatic and Linguocultural Approaches]. Lugansk, Znanie. 528 p.

Lande, D. V. (2009). Vizualizatsiya statistiki vkhozhdeniya slov [A Visualisation of the Statistics of Occurrence of Words]. In *MegaLing'2009. Gorizonty prikladnoi lingvistiki*

i lingvisticeskikh tekhnologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, 21–26 sentyabrya 2009 g., Ukraina, Kiev. Kiev, Dovira, pp. 63–64.

Mustajoki, A., Zorikhina-Nil'sson, N. et al. (2020). COVID-19: katastrofa v yazykovom izmerenii raznykh stran [COVID-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

Pandemia. In *Google* [official website]. URL: <https://www.google.com/> (accessed: 12.01.2022).

Sketch Engine [official website]. URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2FAnna_Pet%2Fkorpus_vladyka_chautur (accessed: 22.02.2022).

Slovak Web Corpus Crawled by SpiderLing in 2011. Encoded in UTF-8, Cleaned and Deduplicated. (N. d.). In *SpiderLing* [website]. URL: <https://www.zerotohero.ca/en/sk/settings> (accessed: 12.01.2021).

Voiskunskii, A. E. (2001). Razvitie rechevogo obshcheniya kak rezul'tat primeneniya Interneta [The Development of Verbal Communication as a Result of the Use of the Internet]. In Voiskunskii, A. V. (Ed.). *Sotsial'nye i psikhologicheskie posledstviya primeneniya informatsionnykh tekhnologii. Materialy mezhdunarodnoi internet-konferentsii, prokhodivshei 20.03–14.05.2001 na informatsionno-obrazovatel'nom portale www.auditorium.ru*. Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, pp. 232–242.

Wesch, M. (N. d.). Web 2.0... the Machine is us/ing us. In *YouTube* [official website]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=NLIgopyXT_g (accessed: 25.10.2021).

Yagunova, E. V. (2010). Eksperiment i vychisleniya v analize klyuchevykh slov khudozhestvennogo teksta [An Experiment and Calculations in the Analysis of Keywords in a Literary Text]. In *Filosofiya yazyka. Lingvistika. Lingvodidaktika*. No. 1, pp. 83–89.

Zaitsev, M. L. (2017). Rasprostranenie mediakontenta posredstvom sotsial'nykh setei [The Distribution of Media Content through Social Networks]. In Malyshev, A. A. (Ed.). *Medialingvistika. Materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, pp. 64–65.

The article was submitted on 03.12.2021

THE ANIMAL WORLD IN RUSSIAN CULTURE: THE VISUAL AND VERBAL ASPECTS

DOI 10.15826/qr.2022.1.661

УДК 769.82 + 745 + 94(470)"17" + 94(4)"17" + 7.042/.043 + 398.21:59

Западноевропейская традиция изображения хамелеона в русской народной картинке*

Манфред Шруба

Миланский университет,
Милан, Италия

The Western-European Tradition of Depicting the Chameleon in Russian Popular Prints

Manfred Schruba

University of Milan,
Milan, Italy

This article examines the iconographical, historical, and cultural context of *On the Chameleon Beast*, a popular Russian print from the first half of the eighteenth century. The print reproduces an illustration from *The Spectacle of Human Life* (Rus. *Zrelishche zhitiia chelovecheskogo*) (1712), a now-lost anthology of fables from the Petrine period. The motif of the chameleon, an exotic animal which does not occur in Russia, is obviously borrowed from a foreign source; nevertheless, the interpretation of this motif is apparently an invention of the Russian artist. Unlike in non-Russian iconography, the Russian chameleon is depicted as a kind of a monster, clumsily walking upon the Earth against a postapocalyptic landscape. The numerous possible paragons of the popular print chameleon examined in the article originate from the depiction of the chameleon in Conrad Gessner's *Historia Animalium* (first published in the album *Icones Animalium* in 1553). Until the late seventeenth century, the illustrations in Gessner's books had a great impact on the iconography of the chameleon, as well as of other

* *Citation*: Schruba, M. (2022). The Western-European Tradition of Depicting the Chameleon in Russian Popular Prints. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 96–115. DOI 10.15826/qr.2022.1.661.

Цитирование: Schruba M. The Western-European Tradition of Depicting the Chameleon in Russian Popular Prints // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 96–115. DOI 10.15826/qr.2022.1.661 / Шруба М. Западноевропейская традиция изображения хамелеона в русской народной картинке // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 96–115. DOI 10.15826/qr.2022.1.661.

animals. The influence can be noted in three different visual contexts: firstly, in emblems (starting with the publication of Marcus Gheeraerts' *De warachtighe fabulen der dieren* (*Truthful Fables on Animals*, 1567) and with the 1591 edition of Andrea Alciato's *Emblemata*); secondly, in illustrated books on natural history (Pierre Belon, Edward Topsell, Ulisse Aldrovandi, Basilius Besler, etc.); and thirdly, in different types of printed graphic arts (from the highly artistic printings of professional academic art (Marcus Gheeraerts, Adriaen Collaert) to the popular prints of mass culture). The genetic connection of the Russian popular print chameleon with Gessner's illustrations can be easily demonstrated by comparisons with a later, more anatomically precise tradition beginning in the second half of the seventeenth century (Claude Perrault, Antonio Tempesta, Cornelis de Bruijn, Antonio Vallisneri, Albertus Seba). In the Russian popular engraving, other images originating from Conrad Gessner's work are the famous *Cat of Kazan* and a series of depictions of poultry, such as the *Kalkun* lubok.

Keywords: Russian popular prints, eighteenth-century Russia, iconography, chameleon, Conrad Gessner

Исследуется иконографический и культурно-исторический контекст русской народной картинки «О хамелеоне звере» первой половины XVIII в., в которой воспроизводится иллюстрация из ныне утерянного сборника басен петровского времени «Зрелище жития человеческого» (1712). Мотив экзотического животного, не встречающегося в России, очевидным образом заимствован из иностранного источника, оформление же является вымыслом русского художника. Хамелеон изображен неким монстром, грузно ступающим по земле среди постапокалиптического ландшафта. Многочисленные возможные прообразы лубочного хамелеона, рассмотренные в статье, восходят к изображению хамелеона в «Истории животных» («*Historia animalium*») Конрада Геснера (впервые – в «*Icones animalium*» 1553 г.). Иллюстрации в книгах Геснера вплоть до конца XVII в. оказали большое влияние на иконографию хамелеона и других животных в трех различных визуальных контекстах: в эмблематике («Правдивые басни о животных» Маркуса Герардса 1567 г., «Эмблемата» Андреа Альчато 1591 г.), в иллюстрированных книгах по естествознанию (Пьер Белон, Эдвард Топсель, Улиссе Альдрованди, Базилиус Беслер и др.), в разнотипной печатной графике – от высокохудожественных эстампов профессионального академического искусства (Маркус Герардс, Адриен Коллерт) до лубочных изделий. В генетической связи русского лубочного хамелеона с иллюстрациями Геснера можно убедиться, сопоставляя его с изображениями хамелеона в более поздней традиции, начиная со второй половины XVII в. (Клод Перро, Антонио Темпеста, Корнелис де Брюйн, Антонио Валлиснери, Альбертус Себа). В русской народной гравюре к труду Конрада Геснера восходят, наряду с картинкой «О хамелеоне звере», знаменитый «Кот казанский», а также серия изображений домашних птиц (лубок «Калкун»).
Ключевые слова: русский лубок, Россия в XVIII в., иконография, хамелеон, Конрад Геснер

Животные нередко изображались в произведениях европейской массовой печатной графики, и русские народные картинки – не исключение¹. На лубочных картинках животные изображены чаще всего как *составная часть обыденного человеческого мира* (лошади на изображениях всадников, кошки и собачки в жанровых сценах, сюжеты охоты и т. п.) или как *орнаментальный элемент ландшафта* (неопределенные птицы на небе или рыбы в воде). Отдельную подкатегорию составляют животные как *необычные зрелища*; это, в частности, выброшенный на берег кит (Ров. 320) или привезенный в Россию слон (Ров. 356).

Иную группу составляют животные как *элемент шутовского мира и мира наизнанку*: таковы картинки «Мыши kota погребают» (Ров. 166–170), «Бык не захотел быть быком» (Ров. 176), «Медведь с козю проклажуются» (Ров. 177), «Обезьяна учитель пения» (Ров. 267).

Третью группу представляют иносказательные картинки, на которых изображены животные как *герои литературно-художественных произведений*:

притча «Лисица и виноград» (Ров. 88), сказка «Медведь и баба» (Ров. 180), древнерусская «Повесть о Ерше Ершовиче» (Ров. 173) и др.

Четвертую группу составляют животные как таковые, то есть *животные в портретных изображениях*: «Попугай» (Ров. 258), «Филин» (Ров. 265) и «Сова» (Ров. 266), а также серия изображений домашних птиц – кур, петуха, индейки (Ров. 260–264). В данную группу входит также народная картинка «О хамелеоне звере» (Ров. 259)², о которой пойдет речь в статье (ил. 1).

1. Лубочная картинка «О хамелеоне звере» (Ров. 259)
On the Chameleon Beast. Popular print (Rov. 259)

¹ См.: [Ровинский, т. 1–5]. В дальнейшем применяем сокращение «Ров. [номер]», отсылающее к нумерации картинок в каталоге Д. А. Ровинского.

² Скан описанного Ровинским экземпляра, хранящегося в РНБ [Ровинский, т. 1, с. 488, № 259], доступен ныне в Интернете на сайте НЭБ. См.: [О хамелеоне-звере].

Портретные изображения животных, особенно домашних (кошек, кур, петухов и т. п.), можно легко обнаружить в корпусах массовой печатной графики голландской, итальянской и других культур. Пристрастие к подобным сюжетам является, по всей видимости, общей типологической чертой массового искусства [Шруба, с. 434]. Остается вопрос о генетической связи русских картинок о животных с европейской графикой. Другими словами, являются ли они копиями, подражаниями, заимствованиями конкретных иностранных образцов и насколько?

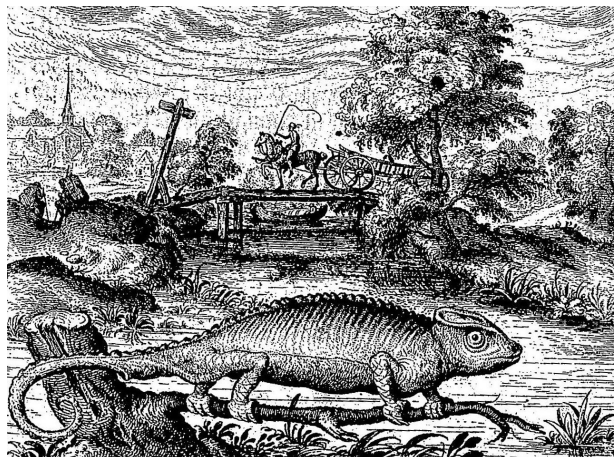
Мотив русской картинке «О хамелеоне звере» очевидным образом заимствован из иностранного источника. Это явствует не столько из стилистических примет подчеркнута западноевропейского типа, сколько из сущности самого мотива, нерусского a priori – в фауне России хамелеонов нет.

Русская ксилография первой половины XVIII столетия воспроизведена, в частности, в альбоме лубка, составленном А. С. Сытовой, где отмечено, что гравюра является одной из иллюстраций из сборника басен петровского времени «Зрелище жития человеческого» [Sytova, № 32].

Лубочная картинка была срисована с ныне затерянного редчайшего книжного издания 1712 г., как явствует из номера «57» в ее левом верхнем углу. В списке басен, помещенном в одной из рукописных копий «Зрелища жития человеческого», под номером 57 значится именно данный мотив, однако с несколько другим зачином: «57) О хамелеоне звери [sic] (“Хамелеон зверь свойство имеет...”») [Быкова, с. 510].

Исследователь «Зрелища» Р. Б. Тарковский сообщает, что текст сборника басен был переведен еще в 1674 г. Андреем Винуисом с немецкого подлинника: «Оригинал перевода – “Theatrum Morum, Artliche gesprach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr”, составленное и напечатанное в 1608 г. в Праге или какое-либо его возможное переиздание» [Тарковский, 1992, с. 179]. Название сборника можно перевести примерно так: «Театр нравов. Искусные разговоры животных вместе с правдивыми рассказами людям на поучение».

Сопоставление изображений хамелеона в пражском издании 1608 г. (ил. 2) и в русской народной картинке обнаруживает не-

2. Изображение хамелеона. Ил. из кн.: Theatrum Morum. Prag, 1608

Depiction of a chameleon in: Theatrum Morum. Prag, 1608

которые сходства в деталях – в частности, круглую плоскость на черепе, хребет животного в виде цепи из шариков и шраффировку туловища. Изменен хабитат (место обитания) животного. Маленький зверек, сидящий на тонкой ветке, в русском варианте превращен в ступающую по земле рептилию или ящерицу непонятной величины.

Существенно изменен фон картинки. В пражском издании изображен западноевропейский сельский ландшафт в духе *locus amoenus*: деревья и кусты, мост на речке, на мосту – селянин верхом на лошади с телегой; у моста криво стоит не то крест, не то дорожный знак; вдали виднеется деревня, там же кирха с высоким шпилем. На русской лубочной картинке хамелеон шагает по почти пустынной земле среди постапокалиптического ландшафта; на заднем плане видны стволы обрубленных или сгоревших деревьев и ряд нестройных зданий.

Следует также отметить, что походка хамелеона на русской картинке изображена неправильным образом (он передвигается, так сказать, иноходью), чем усиливается впечатление некой грузности, неестественности, потенциальной монструозности. В пражском издании 1608 г. изображение осанки животного физиологически корректное: хамелеоны передвигаются, переставляя ноги по диагонали, то есть ступая одновременно левой передней и правой задней ногой, затем правой передней и левой задней ногой и т. д.

Обзор иконографии животного в западноевропейской печатной графике предыдущих столетий может дать ответ на вопрос, ориентировался ли русский художник на еще какое-то другое изображение «наземного» хамелеона, или это плод творческой фантазии.

В статье, посвященной «Зрелищу жития человеческого», Р. Б. Тарковский указывает на возможный источник перевода – сборник «De warachtighe fabulen der dieren» («Правдивые басни [о] животных»), опубликованный в Брюгге в 1567 г. Автором гравюр в нем является Маркус Герардс. И хотя данный сборник остался Тарковскому недоступным, однако им высказано предположение, что гравюры пражского издания 1608 г. – это «зеркальные копии работ М. Герерта» (Герардса) [Тарковский, 1969, с. 250]. Проведенное сопоставление обоих изданий подтверждает это предположение.

Западноевропейскую параллель к «Зрелищу жития человеческого» находит А. Артемчук – это сборник Йюста ван ден Вонделя «Vorstellijcke Warande der Dieren» («Княжеский парк животных»), опубликованный впервые в Амстердаме в 1617 г., содержащий, наряду с гравюрами, «стихотворные басни с прозаическими примерами» [Артемчук, с. 8]. Сборник Вонделя, переизданный в 1682 г., содержит гравюру с изображением хамелеона (точную копию с работы Маркуса Герардса из издания 1567 г.) вместе с подписью прозой и аллегорическими стихами на голландском языке [Vondel, № 62].

Гравюры в брюггском издании 1567 г. снабжены надписями в виде двустийши. Эмблематические заглавия связывают в жанровом отношении голландские «басни» именно с жанром эмблемы. Мотив льстеца

в заглавии-надписи над изображением хамелеона («*Flatteerders natuere, / Es diuersch van coluere*» – «Природа льстеца / Принимает различный цвет») указывает на источник эмблематического концепта. Эмблема с мотивом хамелеона и со схожим заглавием «*In adulatoros*» («О льстецах») появляется уже у основателя жанра Андреа Альчато³.

Согласно итальянскому критическому изданию Альчато, в первом издании 1531 г. имеется лишь эпиграмма о хамелеоне без виньетки; иллюстрация появляется во втором издании 1534 г. [Alciato, р. 456, 686]. Впрочем, изображение хамелеона – ступающего по земле! – представляет собой вымысел художника (ил. 3); это неудачная интерпретация описания животного в восьмой книге *Naturalis historia* Плиния Старшего (где охарактеризованы ноги, бока, спина, морда, хвост, когти и тело хамелеона)⁴.

3. Изображение хамелеона. Ил. из кн.: Andreae Alciati Emblematum libellus. Parisiis, 1534

Depiction of a chameleon in: Andreae Alciati Emblematum libellus. Parisiis, 1534

Отметим мимоходом, что к Плинию в конечном итоге восходит также первая часть текста о хамелеоне в лубочной картинке: «хамелеон зверь свойствомъ ничимъ иным питатися точию от ветра. ѿ имеет же обычаи непрестанно во дни и в ночи вся места преходити. и к своему месту какова цвета приблизится, в такой цвет и применяется ѿ тако

³ О преимущественно отрицательной «карьере» хамелеона как литературного мотива, связанного в первую очередь с морально предосудительной фигурой льстеца, см.: [Just].

⁴ Ср.: «*figura et magnitudo erat lacerti, nisi crura essent recta et excelsiora. latera ventri iunguntur ut piscibus; et spina simili modo eminet. rostrum, ut in parvo, haut absimile suillo, cauda praelonga, in tenuitatem desinens, implicans se viperinis orbibus, ungues adunci, motus tardior ut testudini, corpus asperum ceu crocodilo, oculi in recessu cavo, tenui discrimine, praegrandes et corpori concolores. numquam eos operit nec pupillae motu, sed totius oculi versatione circumaspicit*» (Plin. Nat. 8.53 [Plinius Secundus Gaius]); «Its figure and size are that of a lizard, only that its legs are straight and longer. Its sides unite under its belly, as in fishes, and its spine projects in a similar manner. Its muzzle is not unlike the snout of a small hog, so far as in so small an animal it can be. Its tail is very long, and becomes smaller towards the end, coiling up in folds like that of the viper. It has hooked claws, and a slow movement like that of the tortoise; its body is rough like that of the crocodile; its eyes are deep sunk in the orbits, placed very near each other, very large, and of the same colour as the body. It never closes them, and when the animal looks round, it does so, not by the motion of the pupil, but of the white of the eye» (Plin. Nat. 8.51 [Pliny the Elder]).

тои во всякие цветы изменяется»⁵. Именно Плиний распространил небылицу, что хамелеон якобы питается одним лишь ветром; Плинием же зафиксирована способность животного менять свой цвет⁶.

Третье качество, приписываемое хамелеону (обычай «непрестанно во дни и в нощи вся места преходити»), соответствует необычному изображению зверя, шагающего по земле; однако это плод фантазии русского автора, поскольку ничего подобного нет ни у Плиния, ни в тексте немецкой модели «Зрелища жития человеческого» (то есть сборника «Theatrum Morum» 1608 г.), послужившего, в свою очередь, источником для рассматриваемой здесь народной картинки⁷.

Подпись под лубочным изображением хамелеона («прилагание: темъ являеть, яко много, ч[е]л[о]в[е]цы с какими дружес[т]во сотворят и знаемость сочинять на то время и обычаи приемлють») восходит, по всей видимости, к затерянному изданию «Зрелища» 1712 г., но в какой степени, судить трудно. Слово «прилагание» (у Андрея Виниуса – «прилог» [Тарковский, 1969, с. 249]) – это калька с украинского «приклад» или из польского «przykład» со значением «пример»; так было переведено латинское слово «exemplum», обозначающее жанр прозаических истолкований басен. Подпись в народной картинке связана с текстом «Theatrum Morum» самым общим образом, представляя собой лишь краткий парафраз эмблематического концепта о льстецах, связываемого обычно с хамелеоном.

В лионском издании эмблем Альчато 1550 г. имеется другое, чем в издании 1534 г., но не менее фантастическое изображение хамелеона [Andreae Alciati Emblemata, 1550] (ил. 4). Лишь начиная с лейденского издания 1591 г. в сборниках эмблем Альчато воспроизводятся изображения хамелеона, более-менее корректные с точки зрения зоологии [Andreae Alciati Emblemata, 1591]. Заглавие эмблемы соответствует содержанию эпиграммы-восьмистишия, следуя которому, льстецы, как хамелеоны, питаются ветром (причем пищей льстецов является «populari aura»⁸ – «народный ветер», «ветер популярности»).

⁵ Текст приводится с некоторыми уточнениями по изданию «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского [Ровинский, т. 1, с. 488].

⁶ Ср.: «ipse celsus hianti semper ore solus animalium nec cibo nec potu alitur nec alio quam aeris alimento, rictu terrifico fere, innoxius alioqui. et coloris natura mirabilior: mutat namque eum subinde et oculis et cauda et toto corpore redditque semper quemcumque proxime attingit praeter rubrum candidumque; defuncto pallor est» [Plinius Secundus Gaius]; «It always holds the head upright and the mouth open, and is the only animal which receives nourishment neither by meat nor drink, nor anything else, but from the air alone. Towards the end of the dog-days it is fierce, but at other times quite harmless. The nature of its colour, too, is very remarkable, for it is continually changing; its eyes, its tail, and its whole body always assuming the colour of whatever object is nearest, with the exception of white and red. After death, it becomes of a pale colour» [Pliny the Elder].

⁷ Говорить о «Зрелище» как о переводе «Theatrum Morum» не приходится, как отметил еще Р. Б. Тарковский: «повествовательно-фразовое развертывание фабул в «Зрелище» нередко подобно не переводу, а несколько более пространному параллельному их пересказу» [Тарковский, 1969, с. 250].

⁸ «Sic et adulator populari vescitur aura» («Так же и льстец питается ветром народа») [Alciato, p. 455].

В справочнике А. Хенкеля и А. Шёне указаны наряду с книгой Альчато еще две эмблемы с изображением хамелеона [Emblemata, S. 664–665]. Мотив впервые встречается в книге эмблем нюрнбергского гуманиста Иоахима Камерария Младшего 1595 г. с иконографией по изданию Альчато 1591 г., но с другим девизом – «Nil solidi» («Ничего постоянного») и с эпиграммой о все тех же льстецах, но в виде двустипшия [Camerario].

Хамелеона в виде фантастического животного, срисованного с лионского издания Альчато 1550 г.,

наблюдаем в «Нравственных эмблемах» испанского автора Себастиана де Коваррубиаса Орозко 1610 г. Эмблема снабжена девизом «Tangit quoscunque colorem» («Принимает всякий цвет») [De Covarrubias Orozco]. Испанская эмблема показывает, что еще в начале XVII в. представления европейцев о хамелеоне могли быть весьма неопределенными.

Эмблематическое изображение хамелеона, не учтенное в справочнике А. Хенкеля и А. Шёне, находим в серии гравюр «Devises et emblems d'amour moralisez» фламандского художника Альберта Фламена (1672 г.). Это иллюстрация без эпиграммы, зато с двойным, латинским и французским девизом: «Mutabile semper» («Всегда меняющийся») и «Rien de constant» («Ничего постоянного») [Flamen].

Мотив хамелеона встречается дважды в сборнике «Символы и эмблемата», опубликованном по велению Петра I в Амстердаме в 1705 г. с девизами на восьми языках. В первом случае (№ 59) русский вариант девиза гласит: «Под медом желчь»; русский девиз второй эмблемы (№ 91): «Переменяется по вся мгновения» [Symbola et emblemata, p. 20–21, 32–33]. Интересно отметить, что в обоих случаях хамелеоны, в отличие от сложившейся во второй половине XVI в. иконографической традиции, не сидят на ветке, но шагают по земле.

Вернемся к иконографии хамелеона. Еще в середине XVI столетия представления европейцев о его внешности были фантастическими. Например, в иллюстрации к пассажу о хамелеоне в венецианском издании 1535 г. дидактической поэмы «L'Acerba» («Незрелое») итальянского ученого и поэта Чекко д'Асколи (1257–

4. Изображение хамелеона. Ил. из кн.: Andreae Alciati Emblemata. Lugduni [Lyon], 1550

Depiction of a chameleon in: Andreae Alciati Emblemata. Lugduni [Lyon], 1550

5. Изображение хамелеона.
Ил. из кн.: Cecco d'Ascoli. L'Acerba.
Vinegia, 1535

Depiction of a chameleon in:
Cecco d'Ascoli. L'Acerba. Vinegia, 1535

1327) [Cecco d'Ascoli, 1535]⁹. В соответствии с текстом поэмы («Camaleone che vive ne l'aire...» «Хамелеон, который живет в воздухе...») [Cecco d'Ascoli, 1916, р. 88] животное представлено в виде некой птицы (ил. 5). Не менее фантастичен хамелеон в издании «Emblemata» Альчато 1550 г., похожий на свинью с лисьей головой. Однако уже в голландском издании «De warachtighe fabulen» 1567 г. хамелеон вполне узнаваем. Откуда же в промежутке между 1550 и 1567 гг. в Европе узнали, как выглядит хамелеон?

В это время вышел в свет капитальный четырехтомный труд цюрихского ученого, естествоиспытателя и филолога Конрада Геснера «Historia animalium» («История животных»)¹⁰. Параллельно Геснер опубликовал в 1553 и в 1555 гг. два тома только с иллюстрациями – «Icones animalium» и «Icones avium».

Достоверное изображение хамелеона появляется впервые в альбоме Геснера «Icones animalium» [Gesner, 1553, р. 55] (ил. 6). Не исключено, впрочем, что в книге Геснера из числа свыше 200 видов этого животного изображен так называемый гигантский хамелеон (*Furcifer oustaleti*), обитающий на Мадагаскаре. Год спустя вышел второй том «Истории животных», открывающийся как раз главой о хамелеоне, где помещена схожая иллюстрация [Gesner, 1554, р. 3]. Как представляется, именно ксилографии из трудов Геснера лежат в основе иконографии хамелеона, преобла-

6. Изображение хамелеона. Ил. из кн.: Conrad Gesner.
Icones animalium... Tiguri, 1553

Depiction of a chameleon in: Conrad Gesner. Icones
animalium... Tiguri, 1553

⁹ Ср.: [Cecco d'Ascoli, 1916, р. 23]. Иллюстрация воспроизведена в издании: [Fuoco Acqua Cielo Terra, р. 316].

¹⁰ Первый том 1551 г. посвящен четвероногим живородящим животным, второй том 1554 г. – четвероногим яйцеродящим животным, третий том 1555 г. – птицам, четвертый том 1558 г. – рыбам и водяным животным. Издание объемом свыше 3 тыс. страниц большого формата снабжено многочисленными ксилографиями с изображениями животных (около 830).

давшей в европейской графике вплоть до конца XVII в. Они послужили образцом для многочисленных изображений хамелеона в трех различных визуальных контекстах¹¹. О первом из этих контекстов, то есть об эмблематике и прочих жанрах аллегорического искусства, говорилось выше.

Вторая область – это иллюстрированные книги по естествознанию и зоологии¹². Геснеровский хамелеон перекочевал, в частности, в сочинение французского натуралиста Пьера Белона «Изображения птиц, животных, змей, зелий...» 1557 г. [Belon, f. 108v]¹³; в XVII в. он появляется также во втором, посмертном издании книги «История четвероногих животных» англичанина Эдварда Топселя [Topsell, 1658, p. 673]¹⁴.

Если издатели книг Белона и Топселя буквально скопировали иллюстрацию из книги Геснера, то в исследовании Улиссе Альдрованди о четвероногих пальчатых животных, опубликованном посмертно в 1637 г., изображено сразу несколько хамелеонов, лишь в какой-то степени связанных с геснеровской иконографией [Aldrovandi, 1637a, p. 670–671].

Отметим альбом нюрнбергского ботаника Базилиуса Беслера «Собрание редкостей и достопримечательностей разных видов» 1616 г. Изображенный там хамелеон похож на того, что представлен в иллюстрации Геснера, однако с неестественно раздутыми горлом и туловищем; животное изображено также на титульном листе среди других «достопримечательностей» [Besler, f. 1, 3].

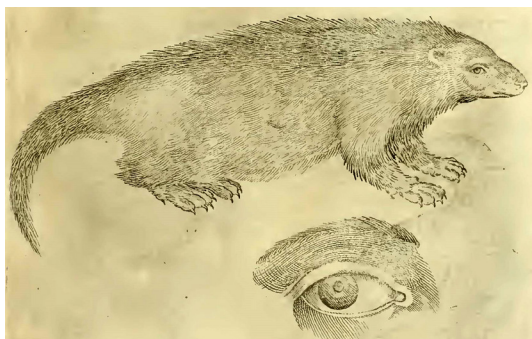
Ради полноты картины упомянем также неаполтанского комедиографа и алхимика Джамбаттисту делла Порта, автора книги о «натуральной магии», пользовавшейся в свое время большим успехом. Многократно переиздавалась также его книга «De humana physiognomonìa» (впоследствии – «physiognomia», «О человеческой физиогномике») 1586 г.; в издании 1602 г. помещено совершенно фантастическое изображение хамелеона, якобы срисованное с натуры («Hęc figura expressa est ex Chamæleontis imagine ad viuum»)

¹¹ О воздействии иллюстраций в трудах Геснера на иконографию животных в различных областях искусства и культуры раннего Нового времени см.: [Egmond, S. 14–16].

¹² О многократном использовании одних и тех же или схожих изображений в разных натуралистических книгах см.: [Tongiorgi Tomasi, Tongiorgi]. Заимствовались, как правило, иллюстрации из авторитетных источников, в первую очередь из произведений Геснера: «Во многих других случаях распространение изображения, как представляется, зависит в первую очередь от авторитетности текстов. Иллюстрации, которыми снабжены монументальная *Historiae animalium* Геснера, произведения Альдрованди и Белона, представляют собой неисчерпаемый и неоспоримый источник в течение столетий» («In molti altri casi la fortuna di una figura sembra derivare soprattutto dall'autorità dei testi. Le immagini che corredano la monumentale *Historiae animalium* di Gesner, le opere di Aldrovandi e di Belon, costituiranno una fonte inesauribile e indiscussa per vari secoli») [Ibid., p. 176].

¹³ Второе издание вышло в 1618 г.

¹⁴ В прижизненном первом издании книги Топселя 1607 г. нет ни раздела о хамелеоне, ни изображения животного.

7. Изображение хамелеона. Ил. из кн.: Io. Batis. Porta. *De humana physiognomia*. Neapoli, 1602
 Depiction of a chameleon in: Io. Batis. Porta. *De humana physiognomia*. Neapoli, 1602

[Della Porta, 1602, p. 25] (ил. 7). В посмертных изданиях этого сочинения, в частности, в итальянском переводе 1644 г., изображение хамелеона заменено другим, плохо срисованным с книги Геснера [Della Porta, 1644, p. 27].

Третий визуальный контекст, испытавший воздействие геснеровских иллюстраций, это разнотипная печатная

графика XVI–XVIII столетий, причем очень широкого диапазона – от высокохудожественных эстампов профессионального академического искусства до лубочных изделий массовой культуры. Геснеровский хамелеон встречается, в частности, в альбоме с гравюрами фламандского художника Маркуса Герардса «Правдивые и искуснейшие изображения четвероногих животных всякого рода» 1583 г. [Gheeraerts]. Хамелеона в той же иконографической традиции изобразил в конце XVI в. еще один фламандский художник – Адриан Коллерт (ил. 8) [Collaert].

В рамках массовой печатной графики геснеровский хамелеон встречается именно в русской традиции народной печати на картинке

8. Adriaen Collaert. *Exotische dieren* [Экзотические животные]. Ок. 1600
 Adriaen Collaert. *Exotische dieren* [Exotic animals]. Ca. 1600

«О хамелеоне звере». Укажем также на французскую гравюру на меди XVIII в. «Valeine, Cameleon, Crocodile» («Кит, хамелеон, крокодил»)¹⁵, принадлежащую скорее к области «imagerie populaire», чем к «сословному искусству»¹⁶. К той же области принадлежит полуфантастический хамелеон, изображенный в итальянском переводе 1765 г. популярно-научной «Современной истории» («Modern History, or the Present State of all Nations») англичанина Томаса Сальмона [Salmon, p. 450–451].

В связи (в конечном итоге генетической) русского лубочного хамелеона с иллюстрациями Геснера можно легко убедиться, сопоставляя его с изображениями хамелеона, принадлежащими к более поздней, анатомически более точной традиции. К данному негеснеровскому иконографическому ряду принадлежит, в частности, изображение хамелеона в книге Клода Перро, сделанное не только *de visu*, а в буквальном смысле по аутопсии (ил. 9) [Perrault, p. 48–49]¹⁷.

Переходное явление представляет собой сборник гравюр 1650 г. «Новое собрание наиболее интересных животных мира» Антонио Темпесты (Antonio Tempesta; 1555–1630).

9. Изображение хамелеона. Ил. из кн.: [Perrault C.]. Description anatomique d'un cameleon... Paris, 1669
Depiction of a chameleon in: [Perrault C.]. Description anatomique d'un cameleon... Paris, 1669

¹⁵ В июне 2018 г. в продаже в парижском антикварном магазине: [Galerie J. C. Martinez].

¹⁶ Термином «сословное искусство» (Standeskunst) как противопоставление лубочному, «массовому искусству» (Massenkunst) пользуется Вильгельм Френгер; см.: [Fraenger, S. 126]. Ср. русский перевод: [Френгер, с. 189].

¹⁷ Данная иллюстрация перекочевала впоследствии в измененном виде (без верхней части с анатомическими деталями) в издание «Memoires de l'Academie royale des sciences. T. 1. Memoires pour servir a l'Histoire naturelle des animaux et des plants» (Amsterdam, 1736); см.: [Библиотека Императорского Царскосельского (Александровского) лицея, ил. 41].

Наряду с традиционным, близким к геснеровскому изображением хамелеона, в конце альбома имеется сравнительно реалистичная иллюстрация с анатомическими деталями, сделанная, очевидно, по собственным наблюдениям [Tempesta, № 34, 198]. Ранний пример изображения хамелеона на основании собственных впечатлений находим в книге нидерландского художника и путешественника Корнелиса де Брюйна 1714 г. [Le Brun, p. 160–161]¹⁸.

Исследование о хамелеоне итальянского врача и биолога Антонио Валлиснери, опубликованное посмертно в 1733 г., снабжено двумя таблицами иллюстраций с анатомическими деталями животного [Vallisneri, p. 450–451, 452–453]. Две таблицы с изображениями хамелеонов встречаются в первом томе исследования немецко-голландского натуралиста Альберта Себы «Богатейшие сокровищницы естественных вещей» (1734) [Seba, tab. 82–83].

Отметим в заключение, что случай русского лубочного хамелеона и его геснеровских корней не уникален; естественнонаучные ксилографии в произведениях Геснера (и в других натуралистических книгах XVI и XVII столетий) использовались, во всей видимости, нередко в качестве источников для портретных изображений животных в массовой печатной графике¹⁹, в том числе и в России.

Другого мнения об источниках изображений животных в ранних русских ксилографиях придерживается Е. А. Мишина: «Когда на рубеже XVII–XVIII веков в гравюре на дереве появились произведения на светские темы, их сюжеты по-прежнему были связаны с литературой. <...> Из древних бестиариев перешли в гравюру изображения животных – коты, петухи, индюки и курицы» [Мишина, с. 29, 30]. По-видимому, имеется в виду переводной сборник «Физиолог», части которого были «известны еще в Киевской Руси» [Белоброва, с. 461]. Иллюстрированные списки перевода древнегреческого «Физиолога» в варианте болгарского книжника XVI в. Дамаскина Студита распространяются в России в XVII и XVIII вв. Иконография животных в этих рукописных сборниках достаточно устойчива²⁰. На наш взгляд, она никак не соответствует манере изображения животных на ксилографиях с русскими народными картинками. Отметим попутно, что, в отличие от наиболее древних редакций «Физиолога» (см.: [Карнеев]), бестиарий Дамаскина

¹⁸ В контексте истории русской культуры Корнелис де Брюйн значим как автор книги о своем пребывании в России в 1701–1703 г. «Reizen over Moskovie, door Persie en Indie» («Путешествие через Московию в Персию и Индию»), опубликованной в Амстердаме в 1711 г.

¹⁹ На связь группы изображений животных в нидерландской популярной графике с иллюстрациями Геснера обращено внимание в изд.: [Voerma et al., p. 678].

²⁰ Ср. публикацию текста «Физиолога» Дамаскина Студита с иллюстрациями по рукописи XVII в. из собрания ОР РНБ в Интернете [Дамаскин Студит, РНБ]. Доступный на сайте НЭБ рукописный сборник XVIII в. из собрания ОР РГБ содержит срисованные копии практически тех же иллюстраций [Дамаскин Студит, РГБ].

Студита содержит, в частности, также статью о хамелеоне, снабженную совершенно фантастической иллюстрацией, не имеющей ничего общего с реальным животным (ил. 10)²¹.

Сопоставление с «Физиологом» Дамаскина Студита подкрепляет вывод о геснеровских корнях не только лубочного хамелеона, но и других ксилографированных животных русской народной картинки XVIII в. Примером может

10. Изображение хамелеона в рукописном «Физиологе» XVIII в. (РГБ)

Depiction of a chameleon in the handwritten *Physiologus*, 18th century (RGB)

послужить изображение кота у Геснера, опубликованное в первом томе «Истории животных» [Gesner, 1551, p. 345], а затем в вышедшем два года спустя альбоме с иллюстрациями [Gesner, 1553, p. 19]. Как и в случае хамелеона, иллюстрацию заимствовал Эдвард Топсель в своей «Истории четвероногих животных» [Topsell, 1607, p. 103; Topsell, 1658, p. 81]. Геснеровский кот повлиял на иконографию животного в массовой печатной графике различных европейских стран. Мотив имел большое распространение в Нидерландах [Voerma et al., p. 676] и в Италии [Toschi, № 125]; он встречается также в испанской популярной графике [Duran i Sanpere, № 187]. К данному иконографическому ряду принадлежит наконец и известный русский «Коть казанской а умь страханской» (Ров. 172).

Примеры можно легко умножить. Например, изображения петуха в иллюстрированных орнитологических изданиях раннего Нового времени [Gesner, 1555, p. 52; Belon, f. 58r; Aldrovandi, 1637b, p. 310] повлияли, в частности, на иконографию петуха в массовой печатной графике Италии [Toschi, № 127], Нидерландов [Voerma et al., p. 677] и России (Ров. 261).

²¹ В словаре «Славянский бестиарий» О. В. Беловой изображение хамелеона, встречающееся в древнерусских рукописных сборниках, описано как «четвероногий зверь с конской (?) мордой и длинным змеевидным хвостом» и как «серое чешуйчатое существо, имеющее две передние ноги» [Белова, с. 261].

11. «Калкун». Лубочная картинка
(Ров. 260)
“Turkey”. Popular print
(Rov. 260)

12. Изображение калкуна. Ил. из кн.:
Conrad Gesner. Icones avium omnium.
Tiguri, 1555
Depiction of a turkey in: Conrad Gesner.
Icones avium omnium. Tiguri, 1555

Д. А. Ровинский зафиксировал в своем каталоге русской народной картинки целую серию портретных изображений домашних птиц. Особо интересен случай картинки «Сеи калкунъ: воспевани- емъ бормотунъ» (ил. 11) (Ров. 260). Слово «калкун», старинное на- менование индюка, заимствовано из немецкого «Kalkuhn» [Фасмер, с. 169], которое, в свою очередь, является сокращением выражения «kalekuttisch hñn», то есть «курица из Калькутты» [Kluge, S. 795]. Это выражение, появившееся в немецкой письменности с 1553 г., встречается, в частности, именно в альбоме Геснера с изображени- ями птиц (ил. 12) [Gesner, 1555, p. 56]. В данном случае этимологиче- ская связь может послужить дополнительным аргументом в пользу центрального тезиса настоящей статьи о генетической связи изо- бражений животных в массовой печатной графике с иллюстриро- ванными натуралистическими книгами раннего Нового времени.

Список литературы

- Артечук А. «Зрелище жития человеческого» А. А. Винуса: источники и вариации // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12, № 1. С. 3–10.
- Белоброва О. А. Физиолог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 461–462.
- Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 318 с.
- Библиотека Императорского Царскосельского (Александровского) лицея в Екате- ринбурге: в 2 т. / под общ. ред. О. М. Кадочиговой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. Т. 2, ч. 1. 572 с.

Быкова Т. А. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого» // Описание изданий гражданской печати : 1708 – январь 1725 г. / сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич ; ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 504–514.

Дамаскин Студит. Физиолог : [рукопись]. [XVIII в.] // НЭБ : [интернет-портал]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009991513/ (дата обращения: 14.03.2021) (РГБ).

Дамаскин Студит. Физиолог : [XVII в.] // Зело : [сайт]. URL: <https://zelomi.ru/damaskin> (дата обращения: 14.03.2021) (РНБ).

Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб. : Имп. о-во любителей древней письменности, 1890. 393, LV, [7] с.

Мишина Е. А. Русская гравюра XVII – начала XVIII века. СПб. : АРС, 2020. 472 с. О хамелеоне-звере : [оттиск с доски первой половины XVIII в.] / Олсуфьев А. В. М. : [Б. и.], 177-. 1 л. // НЭБ : [интернет-портал]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012062757/ (дата обращения: 15.02.2021).

Ровинский Д. А. Русские народные картинки : [в 5 кн.]. СПб. : Имп. акад. наук, 1881.

Тарковский П. Б. «Зрелище жития человеческого» // Тр. Отд. древнерус. лит. Л. : Наука, 1969. Т. 24. С. 249–253.

Тарковский П. Б. Виниус Андрей Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А–З). СПб. : Дмитрий Буланин, 1992. С. 175–181.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. 671 с.

Френгер В. Немецкие образцы русских лубков XVIII века // Народная картинка XVII–XIX веков : материалы и исслед. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 189–217.

Шруба М. Русские народные картинки: западноевропейские образцы и параллели // “A Century Mad and Wise”: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven 2014 / ed. by E. Waegemans [et al.]. Groningen : Netherlands Russia Centre, 2015. С. 421–434.

Alciato A. Il libro degli emblemi secondo le edizioni del 1531 e del 1534 / introd., trad. e comm. di M. Gabriele. Milano : Adelphi, 2009. 731 p.

Aldrovandi U. De quadrupedibus digitatis viviparis libri tres, et de quadrupedibus digitatis oviparis libri duo. Bononiae : Tebaldini, 1637a. 718 p.

Aldrovandi U. Ornithologiae tomus alter. Bononiae : Tebaldini, 1637b. 862, LVI p.

Andreae Alciati Emblemata denuo ab ipso Autore recognita, ac, quae desiderabantur, imaginibus locupletata. Lugduni [Lyon] : Mathias Bonhomme, 1550. 226 p.

Andreae Alciati Emblemata... Editio Qvarta. Lugduni Batavorum [Leiden] : Raphelengius, 1591. 718 p.

Belon P. Portraits d’oyseaux, animaux, serpens, herbes, arbres, hommes et femmes, d’Arabie & Egypte. Paris : Cavellat, 1557. 124 f.

Besler B. Fasciculus rariorum et aspectu dignorum varii generis. Nürnberg : [S. n.], [1616]. 25 f.

Boerma N., Borms A., Thijs A., Thijssen J. Kinderprenten, volksprenten, centsprenten, schoolprenten : Populaire grafiek in de Nederlanden 1650–1950. Nijmegen : Vantilt, 2014. 1004 p.

Camerario I. Symbolorum & emblematum ex animalibus quadrupedibus desumptorum centuria altera collecta. Nürnberg : Excudebat Paulus Kaufmann, 1595. 232 p.

Cecco d’Ascoli. L’Acerba. Vinegia [Venezia] : [S. n.], 1535. 116 p.

Cecco d’Ascoli. L’Acerba / Con prefazione, note e bibliografia di P. Rosario. Lanciano : R. Carabba, 1916. 160 p.

Collaert A. Exotische dieren // Search in Rijksstudio : [website]. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/search/objects?q=RP-P-BI-6041&p=1&ps=12&st=Objects&ii=0#/RP-P-BI-6041,0> (accessed: 15.02.2021).

De Covarrubias Orozco. Emblemas morales. Madrid : [Por Luis Sánchez], 1610. 600 p.

Della Porta G. De humana physiognomia. Neapoli : Longus, 1602. 285 p.

Della Porta G. Della fisionomia dell’huomo. Venezia : Tomasini, 1644. 570 p.

Duran i Sanpere A. Populäre Druckgraphik Europas. Spanien. Vom 15. bis zum 20. Jahrhundert. München : Callwey, 1971. 221 S.

Egmond F. Einführung // Conrad Gessners „Thierbuch“. Die Originalzeichnungen / Hrsg. und eingeleitet von F. Egmond. Darmstadt : Wbg ed., 2018. S. 7–33.

Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts / Hrsg. A. Henkel, A. Schöne. Stuttgart ; Weimar : Metzler, 1996. 2110 S.

Flamen A. Devises et emblesmes d’amovr moralisez. Paris : Etienne Loyson, 1672 // Rijksstudio : [website]. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/collection/RP-P-1926-369> (accessed: 15.02.2021).

Fraenger W. Deutsche Vorlagen zu russischen Volksbilderbogen des 18. Jahrhunderts // Jahrbuch für historische Volkskunde. 1926. Vol. 2. S. 126–173.

Fuoco Acqua Cielo Terra: Stampe popolari profane della “Civica Raccolta Achille Bertarelli” / a cura di A. Rigoli e A. Amitrano Savarese. Vigevano : Diakronia, 1995. 821 p.

Galerie J. C. Martinez : [website]. URL: <http://www.jean-claude-martinez.fr/gravures/monstresdiabls/> (accessed: 15.02.2021).

Gesner C. Conradi Gesneri medici Tigurini Historiae Animalium Lib. I. de Quadrupedibus viviparis. Tiguri : Excudebat C. Froschoverus, 1551. 1104 p.

Gesner C. Icones animalium quadrupedum viviparorum et oviparorum, quae in historia animalium Conradi Gesneri describuntur. Tiguri : Excudebat C. Froschoverus, 1553. 64 p.

Gesner C. Conradi Gesneri medici Tigurini Historiae Animalium Liber II. de Quadrupedibus oviparis. Tiguri : Excudebat C. Froschoverus, 1554. 110, 27 p.

Gesner A. Icones avium omnium, quae in Historia avium Conradi Gesneri describuntur. Tiguri : Excudebat C. Froschoverus, 1555. 127 p.

[*Gheeraerts M.*] Animalium quadrupedum omnis generis verae et artificiosissimae delineationes / Pittore M. G. Brugense ; Antwerpiae : Euerardus Hoeswinckel, 1583. [21] p.

Just K. G. “Chamaeleonte mutabilior”: Literarische Marginalien zu einem Reptil // Antaios. 1970/71. Bd. 12. S. 381–400.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Auflage. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1975. 915 S.

Le Brun C. Voyage au Levant. Paris : Guillaume Cavalier, 1714. 408 p.

[*Perrault C.*]. Description anatomique d’un caméléon, d’un castor, d’un dromadaire, d’un ours, et d’une gazelle. Paris : Frederic Leonard, 1669. 120 p.

Plinius Secundus Gaius. Naturalis Historia / Hrsg. K. Mayhoff. Lipsiae : Teubner, 1906 // Perseus Digital Library : [website]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=urn:cts:latinLit:phi0978.phi001.perseus-lat1:8.53> (accessed: 15.02.2021).

Pliny the Elder. The Natural History / transl. by J. Bostock, H. T. Riley. L. : Taylor and Francis, 1855 // Perseus Digital Library [website]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=urn:cts:latinLit:phi0978.phi001.perseus-eng1:8.51> (accessed: 15.02.2021).

[*Salmon Th.*] Lo stato presente di tutti i paesi e popoli del mondo naturale, politico e morale. Venezia : G. Albrizzi, 1765. Vol. 25. 605 p.

Seba A. Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio : [8 t.]. Amsterdam : Apud Janssonio-Waesbergios [et al.], 1734. T. 1. 178 p.

Symbola et emblemata / Jussu atque auspiciis sacerrimae sae majestatis augustissimi ac serenissimi imperatoris Moschoviae magni domini Czaris et magni ducis Petri Alexeidis totius magnae, parvae et albae Rossiae, nec non aliarum multarum potestatum atque dominiorum orientalium, occidentalium aequilonariumque supremi monarchae. Amstelaedami : Apud Henricum Wetstenium, 1705. 281 p.

Sytowa A. S. Lubok. Russische Volksbilderbogen. 17. bis 19. Jahrhundert. Leningrad : Aurora : Kunstverlag, 1984. № 1–178.

Tempesta A. Nuova raccolta de li Animali piu curiosi del mondo. Roma : [Rossi], 1650. 198 p.

Tongiorgi Tomasi L., Tongiorgi P. Persistenze e “migrazioni” dell’immagine naturalistica // Immagine e natura. L’immagine naturalistica nei codici e libri a stampa delle Biblioteche Estense e Universitaria. Secoli XV–XVII. Modena : Ed. Panini, 1984. P. 173–180.

- Topsell E.* The historie of foure-footed beastes. L. : William Iaggard, 1607. 757 p.
- Topsell E.* The history of four-footed beastes and serpents. L. : E. Cotes, 1658. 1130 p.
- Toschi P.* Populäre Druckgraphik Europas. Italien. Vom 15. bis zum 20. Jahrhundert. München : Callwey, 1967. 258 S.
- Vallisneri A.* Istoria del camaleonte africano, e di varj animali d'Italia // Vallisneri A. Opere fisico-mediche stampate e manoscritte / Raccolte da Antonio suo figliuolo. Venezia : Sebastiano Coleti, 1733. P. 385–456.
- [*Vöndel J. van den.*] Vorstelijcke Warande der Dieren : waer in de zeden-rijcke philosophie, poëtisch, moraal, en historial, vermakelijck en treffelijck wort voorgesteld : mit exempelen uyt de oude historien, in prose : ende uytleggingen, in rijm verklaert. Amsterdam : Sander Wybrantsz [et al.], 1682. [265] p.

References

- Alciato, A. (2009). *Il libro degli emblemi secondo le edizioni del 1531 e del 1534* / introd., trad. e comm. di M. Gabriele. Milano, Adelphi. 731 p.
- Aldrovandi, U. (1637a). *De quadrupedibus digitatis viviparis libri tres, et de quadrupedibus digitalis oviparis libri duo*. Bononiae, Tebaldini. 718 p.
- Aldrovandi, U. (1637b). *Ornithologiae tomus alter*: Bononiae, Tebaldini. 862, LVI p.
- Andreae Alciati Emblemata denuo ab ipso Autore recognita, ac, quae desiderabantur, imaginibus locupletata.* (1550). Lugduni [Lyon], Mathias Bonhomme. 226 p.
- Andreae Alciati Emblemata... Editio Qvarta.* (1591). Lugduni Batavorum [Leiden], Raphelengius. 718 p.
- Artemchuk, A. (2016). “Zrelishche zhitiya chelovecheskogo” A. A. Viniusa: istochniki i variatsii [A. A. Vinius’ *The Spectacle of Human Life: Sources and Variants*]. In *Letnyaya shkola po russkoi literature*. Vol. 12. No. 1, pp. 3–10.
- Belobrova, O. A. (1987). Fiziolog [Physiologus]. In *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Iss. 1 (XI – pervaya polovina XIV v.)*. Leningrad, Nauka, pp. 461–462.
- Belon, P. (1557). *Portraits d’oyseaux, animaux, serpens, herbes, arbres, hommes et femmes, d’Arabie & Egypte*. Paris, Cavellat, 124 f.
- Belova, O. V. (2001). *Slavyanskii bestiarii. Slovar’ nazvanii i simboliki* [Slavonic Bestiary. Dictionary of Names and Symbols]. Moscow, Indrik. 318 p.
- Besler, B. (1616). *Fasciculus rariorum et aspectu dignorum varii generis*. Nürnberg, S. n. 25 f.
- Boerma, N., Borms, A., Thijs, A., Thijssen, J. (2014). *Kinderprenten, volksprenten, centsprenten, schoolprenten. Populaire grafiek in de Nederlanden 1650–1950*. Nijmegen, Vantilt. 1004 p.
- Bykova, T. A. (1955). Zatyannoie izdanie “Zrelishcha zhitiya chelovecheskogo” [The Lost Edition of *The Spectacle of Human Life*]. In Bykova, T. A., Gurevich, M. M., Berkov, P. N. (Eds.). *Opisanie izdaniy grazhdanskoi pechati. 1708 – yanvar’ 1725 g.* Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, pp. 504–514.
- Camerario, I. (1595). *Symbolorum & emblematum ex animalibus quadrupedibus desuntorum centuria altera collecta*. Nürnberg, Excudebat Paulus Kaufmann. 232 p.
- Cecco d’Ascoli (1916). *L’Acerba* / Con prefazione, note e bibliografia di P. Rosario. Lanciano, R. Carabba. 160 p.
- Cecco d’Ascoli. (1535). *L’Acerba*. Vinegia [Venezia], S. n. 116 p.
- Collaert, A. (N. d.). Exotische dieren. In *Search in Rijksstudio* [website]. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/search/objects?q=RP-P-BI-6041&p=1&ps=12&st=Objects&ii=0#/RP-P-BI-6041,0> (accessed: 15.02.2021).
- Damaskin Studit. (N. d.). Fiziolog [Physiologus]. [17th century]. In *Zelo* [website]. URL: <https://zelomi.ru/damaskin> (accessed: 14.03.2021). (RNB).
- Damaskin Studit. (N. d.). Fiziolog. Rukopis’ [Physiologus. Manuscript]. [18th Century]. In *NEB* [internet-portal]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009991513/ (accessed: 14.03.2021). (RGB).
- De Covarrubias Orozco. (1610). *Emblemas morales*. Madrid, [Por Luis Sánchez]. 600 p.

- Della Porta, G. (1602). *De humana physiognomia*. Neapoli, Longus. 285 p.
- Della Porta, G. (1644). *Della fisionomia dell'huomo*. Venezia, Tomasini. 570 p.
- Duran i Sanpere, A. (1971). *Populäre Druckgraphik Europas. Spanien. Vom 15. bis zum 20. Jahrhundert*. München, Callwey. 221 S.
- Egmond, F. (2018). Einführung. In Egmond, F. (Hrsg.). *Conrad Gessners "Thierbuch". Die Originalzeichnungen*. Darmstadt, Wbg ed., S. 7–33.
- Emblemata*. (1996). *Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts* / Hrsg. von A. Henkel, A. Schöne. Stuttgart, Weimar, Metzler. 2110 S.
- Flamen, A. (1672). *Devises et emblesmes d'amovr moralisez*. Paris, Etienne Loyson. In *Rijksstudio* [website]. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/collection/RP-P-1926-369> (accessed: 15.02.2021).
- Fraenger, W. (1926). Deutsche Vorlagen zu russischen Volksbilderbogen des 18. Jahrhunderts. In *Jahrbuch für historische Volkskunde*. Vol. 2, S. 126–173.
- Fraenger, W. (1996). Nemetskie obraztsy russkikh lubkov XVIII veka [German Templates for Eighteenth-Century Russian Popular Prints]. In *Narodnaya kartinka XVII–XIX vekov. Materialy i issledovaniya*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 189–217.
- Galerie J. C. Martinez* [website]. URL: <http://www.jean-claude-martinez.fr/gravures/monstresdiables/> (accessed: 15.02.2021).
- [Gheeraerts, M.] (1583). *Animalium quadrupedum omnis generis verae et artificiosissimae delineationes* / Pittore M. G. Brugense, Euerardus Hoeswinckel. [21] p.
- Gesner, A. (1555). *Icones avium omnium, quae in Historia avium Conradi Gesneri describuntur*. Tiguri, Excudebat C. Froshoverus. 127 p.
- Gesner, C. (1551). *Conradi Gesneri medici Tigurini Historiae Animalium Lib. I. de Quadrupedibus viviparis*. Tiguri, Excudebat C. Froshoverus. 1104 p.
- Gesner, C. (1553). *Icones animalium quadrupedum viviparorum et oviparorum, quae in historia animalium Conradi Gesneri describuntur*. Tiguri, Excudebat C. Froshoverus. 64 p.
- Gesner, C. (1554). *Conradi Gesneri medici Tigurini Historiae Animalium Liber II. de Quadrupedibus oviparis*. Tiguri, Excudebat C. Froshoverus. 110, 27 p.
- Just, K. G. (1970/71). "Chamaeleonte mutabilior": Literarische Marginalien zu einem Reptil. In *Antaios*. Bd. 12, S. 381–400.
- Kadochigova, O. M. (Ed.). (2017). *Biblioteka Imperatorskogo Tsarskosel'skogo (Aleksandrovsikogo) litseya v Ekaterinburge v 2 t.* [The Library of the Imperial Tsarskoye Selo (Alexander) Lyceum in Yekaterinburg. 2 Vols.]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 2. Part 1. 572 p.
- Karneeov, A. (1890). *Materialy i zametki po literaturnoi istorii Fiziologa* [Materials and Remarks on the Literary History of the Physiologist]. St Petersburg, Imperatorskoe Obshchestvo lyubiteli drevnei pis'mennosti. 393, LV, [7] p.
- Kluge, F. (1975). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Auflage*. Berlin, N. Y., De Gruyter. 915 S.
- Le Brun, C. (1714). *Voyage au Levant*. Paris, Guillaume Cavelier. 408 p.
- Mishina, E. A. (2020). *Russkaya gravyura XVII – nachala XVIII veka* [The Russian Engraving, 17th – Early 18th Centuries]. St Petersburg, ARS. 472 p.
- O khameleone-zvere. Ottisk s doski pervoi poloviny XVIII v. [About the Chameleon Beast. Print from a Board of the First Half of the 18th Century] / Olsuf'ev, A. V. (177-). Moscow, S. n. 1 l. In *NEB* [internet-portal]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012062757/ (accessed: 15.02.2021).
- [Perrault, C.] (1669). *Description anatomique d'un caméléon, d'un castor, d'un dromadaire, d'un ours, et d'une gazelle*. Paris, Frederic Leonard. 120 p.
- Plinius Secundus Gaius. (1906). *Naturalis Historia* / Hrsg. K. Mayhoff. Lipsiae, Teubner. In *Perseus Digital Library* [website]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=urn:cts:latinLit:phi0978.phi001.perseus-lat1:8.53> (accessed: 15.02.2021).
- Pliny the Elder (1855). *The Natural History* / transl. by J. Bostock, H. T. Riley. L., Taylor and Francis. In *Perseus Digital Library* [website]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=urn:cts:latinLit:phi0978.phi001.perseus-eng1:8.51> (accessed: 15.02.2021).

- Rigoli, A., Amitrano Savarese, A. (Eds.). (1995). *Fuoco Acqua Cielo Terra: Stampe popolari profane della "Civica Raccolta Achille Bertarelli"*. Vigevano, Diakronia. 821 p.
- Rovinskii, D. A. (Ed.). (1881). *Russkie narodnye kartinki v 5 kn.* [Russian Popular Prints. 5 Books]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.
- [Salmon, Th.] (1765). *Lo stato presente di tutti i paesi e popoli del mondo naturale, politico e morale*. Venezia, G. Albrizzi. Vol. 25. 605 p.
- Schruba, M. (2015). Russkie narodnye kartinki: zapadnoevropeiskie obraztsy i paralleli [Russian Popular Prints: Western European Paragons and Parallels]. In Waegemans, E. [et al.]. (Eds.). *"A Century Mad and Wise": Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven 2014*. Groningen, Netherlands Russia Centre, pp. 421–434.
- Seba, A. (1734). *Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio*. Amstelaedami, Apud Janssonio-Waesbergios [et al.]. Vol. 1. 178 p.
- Symbola et emblemata / Jussu atque auspiciis sacerrimae suae majestatis augustissimi ac serenissimi imperatoris Moschoviae magni domini Czaris et magni ducis Petri Alexeidis totius magnae, parvae et albae Rossiae, nec non aliarum multarum potestatum atque dominiorum orientalium, occidentalium aequilonariumque supremi monarchae.* (1705). Amstelaedami, Apud Henricum Wetstenium. 281 p.
- Sytowa, A. S. (1984). *Lubok. Russische Volksbilderbogen. 17. bis 19. Jahrhundert*. Leningrad, Aurora, Kunstverlag. No. 1–178.
- Tarkovskii, R. B. (1969). "Zrelishe zhitia chelovecheskogo" [The Spectacle of Human Life]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 24, pp. 249–253.
- Tarkovskii, R. B. (1992). Vinius Andrei Andreevich. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Iss. 3 (XVII v.). Part 1 (A–Z)*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 175–181.
- Tempesta, A. (1650). *Nuova raccolta de li Animali piu curiosi del mondo*. Roma, [Rossi]. 198 p.
- Tongiorgi Tomasi, L., Tongiorgi, P. (1984). Persistenze e "migrazioni" dell'immagine naturalistica. In *Immagine e natura. L'immagine naturalistica nei codici e libri a stampa delle Biblioteche Estense e Universitaria. Secoli XV–XVII*. Modena, Ed. Panini, pp. 173–180.
- Topsell, E. (1607). *The historie of foure-footed beastes*. L., William Iaggard. 757 p.
- Topsell, E. (1658). *The History of Four-Footed Beasts and Serpents*. L., E. Cotes. 1130 p.
- Toschi, P. (1967). *Populäre Druckgraphik Europas. Italien. Vom 15. bis zum 20. Jahrhundert*. München, Callwey. 258 S.
- Vallisneri, A. (1733). Istoria del camaleonte affricano, e di varj animali d'Italia. In Vallisneri, A. *Opere fisico-mediche stampate e manoscritte / Raccolte da Antonio suo figliuolo*. Venezia, Sebastiano Coleti, pp. 385–456.
- Vasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [An Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Progress. Vol. 2. 671 p.
- [Vondel, J. van den]. (1682). *Vorstelijcke Warande der Dieren : waer in de zeden-rijcke philosophie, poëtisch, morael, en historiael, vermakelijck en treffelijck wort voorgesteld : mit exempelen uyt de oude historien, in prose : ende uytleggingen, in rijm verklaert*. Amsterdam, Sander Wybrantsz [et al.]. [265] p.

The article was submitted on 20.03.2021

Бестиарий в «Букваре» Кариона Истомина и воспитание царевича Алексея*

Мария Кристина Брагоне

Университет Павии,
Павия, Италия

Karion Istomin's Bestiary and the Upbringing of Tsarevich Alexei

Maria Cristina Bragone

Università di Pavia,
Pavia, Italy

Published in 1694 and intended for the young Tsarevich Aleksei Petrovich, Karion Istomin's *Litsevoy Bukvar'* differs from traditional primers in its content and, in particular, didactic approach, which combines text and illustrations. Each sheet of the *Bukvar'*, dedicated to one letter of the alphabet, contains syllabic verses and various depictions of animals, human beings, plants, and objects whose names begin with the corresponding letter of the alphabet. Taking into consideration manuscript drafts of the *Bukvar'*, the analysis tries to identify the selection criterion for the animal species depicted in the manual. The author puts forward a hypothesis that one of the criteria for the selection of at least some species was the intention to familiarise the tsarevich with the images and appearance of animals present in the coats of arms of Russian lands listed in the *Titulyarnik* (1672), such as the asp, the serpent, the bear, and the gamayun. In this way, the tsarevich could gradually acquire knowledge of coats of arms. The hypothesis is confirmed by a gold plate engraved with eight coats of arms of territories subject to the tsar, a gift given to Aleksei by his grandmother Natalya Kirillovna in 1694. The analysis reveals that while creating his *Bukvar'*, Istomin referred to images of animals in the coats of arms of Smolensk, Kazan, Georgia, and Perm. This didactic principle is in line with the general "craze for coats of arms" that spread in Russian society after the appearance of the *Titulyarnik*.

Keywords: Karion Istomin, illustrated primer, printing in Russia in the late seventeenth century, animal images, *Titulyarnik*, coats of arms

Лицевой букварь Кариона Истомина, напечатанный в 1694 г. и предназначенный для молодого царевича Алексея Петровича, выделяется среди тра-

* *Citation:* Bragone, M. C. (2022). Karion Istomin's Bestiary and the Upbringing of Tsarevich Alexei. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 116–131. DOI 10.15826/qr.2022.1.662.

Цитирование: Bragone M. C. Karion Istomin's Bestiary and the Upbringing of Tsarevich Alexei // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 116–131. DOI 10.15826/qr.2022.1.662 / Брагоне М. К. Бестиарий в «Букваре» Кариона Истомина и воспитание царевича Алексея // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 116–131. DOI 10.15826/qr.2022.1.662.

диционных букварей по содержанию и дидактической установке, предусматривающей тесное взаимодействие текста и иллюстраций. Каждый лист букваря, посвященный одной букве алфавита, включает силлабические стихи и изображения животных, растений и т. п., названия которых начинаются соответствующей буквой. С учетом рукописных списков букваря определены критерии выбора ряда животных для иллюстрирования и предложена гипотеза, согласно которой помещение в книге образов аспида, змия, медведя и гамаюна было обусловлено целью приучить царевича к виду животных, расположенных на гербах русских земель в «Титулярнике» (1672). Через образы букваря царевич мог постепенно знакомиться с визуальным содержанием гербов в перспективе будущего управления государством. Гипотеза подтверждается наличием изображений на золотой тарелке, подаренной в 1694 г. царевичу бабушкой Натальей Кирилловной. На ней воссозданы восемь гербов земель, подчиненных царю. Сопоставление иллюстративного материала букваря и изображений на гербах русских земель продемонстрировало, что Карион Истомин ориентировался на образы животных на гербах Смоленской, Пермской, Казанской и Грузинской земель. Такая дидактическая установка соответствовала общей тенденции «гербомании», распространившейся в русском обществе после появления «Титулярника».

Ключевые слова: Карион Истомин, лицевой букварь, книгопечатание в России конца XVII в., образы животных, «Титулярник», гербы

*Светлой памяти Александры
Алексеевны Гусевой*

Лицевой букварь поэта и иеромонаха Кариона Истомина (конец 1640-х - 1717) («Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и полских, со образованми вещей, и со нравоучительными стихами»), составленный в 1692 г. и напечатанный в Москве в 1694 г.¹, является ценным памятником русской дидактической литературы, выделяющимся среди учебников для начального обучения XVII в. наличием иллюстраций и связанного с ними письменного текста. При этом в нем отсутствуют списки букв, слогов, слов под титлом, основные религиозные сведения и т. д., что было обязательным компонентом подобных учебников. Лицевой, или «малый букварь», был адресован царевичу Алексею Петровичу (1690–1718), для которого Карион Истомин изготовил позднее «большой букварь» (1696), вышедший в Москве в 20 экземплярах².

¹ Биографические и библиографические сведения о личности и творчестве Кариона Истомина см.: [Браиловский; Сазонова]. Описание и исследование букваря см.: [Быкова, Гуревич, с. 52–54; Немировский, Шустова, с. 254–258; Рамазанова, Шустова, с. 89–91]. Факсимильное воспроизведение букваря см.: [Карион Истомин].

² Сведения о букваре 1696 г. см. в работах: [Быкова, Гуревич, с. 58–61; Немировский, Шустова, с. 258–259; Рамазанова, Шустова, с. 91–97].

Сохранилось четыре рукописных списка букваря [Сазонова, с. 143]:

1) черновой список 1692 г., содержащий текст без иллюстраций (ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 1–16, далее – Чуд. 302) [Браиловский, с. 197; Протасьева, с. 174];

2) белой список, март 1692 г., с посвящением Наталье Кирилловне Нарышкиной (ГИМ. Собр. Уварова. № 73. Л. 1–26, далее – Увар. 73) [Леонид, с. 499–501, № 2098];

3) подносный экземпляр 1692 г. с посвящением Наталье Кирилловне Нарышкиной (Музеи Московского Кремля. КН-202. № 47307, далее – ММК); Карион Истомина поднес букварь Наталье Кирилловне, чтобы добиться ее благосклонности и быть принятым в качестве учителя ее внука Алексея Петровича, что ему не удалось;

4) парадный экземпляр, поднесенный в октябре 1693 г. царице Прасковье Федоровне для обучения трех ее дочерей (ГИМ. Собр. Уварова. № 92, далее – Увар. 92) [Леонид, с. 498–499, № 2097]³.

Букварь Кариона Истомина (далее – ПБ) был издан с роскошными гравюрами на меди знаменщика и гравера Оружейной палаты Леонтия Бунина (уп. 1676–1714)⁴. Книга предназначалась для узкого элитарного круга пользователей, в отличие от других печатных азбук и букварей, в большинстве своем лишенных иллюстраций⁵.

ПБ состоит из 44 листов, на лицевых сторонах которых расположено само содержание букваря. Кроме титульного листа и листов с предисловием и молитвами, каждый лист организован следующим образом: на левой стороне верхней части помещены одна или две человеческие фигуры в разных позах и костюмах, изображающие букву, которой посвящен лист. Рядом с фигурным инициалом приведены образцы печатной и скорописной буквы с соответствующими греческими и латинскими образцами и с названием буквы.

Центральную часть листа занимают разные иллюстрации с изображениями людей, животных, растений, предметов и т. д. в сопровождении соответствующих названий, начинающихся на букву листа⁶. В нижней части помещены силлабические стихи, касающиеся, среди прочего, изображаемых предметов, людей, животных и т. д.

Особое внимание исследователями букваря уделено поиску источников, к которым обращался Карион Истомина, и определению этапов процесса обучения, когда лицевой букварь мог применяться. Вряд ли его использовали для начального обучения чтению. Этой цели служили более

³ Описания списков букваря см.: [Тарабрин, с. 2–11]. Удалось просмотреть *de visu* белой список (Увар. 73) и репродукцию на CD черного списка (Чуд. 302). Оказались недоступны парадный экземпляр (Увар. 92), находившийся на реставрации, и подносный экземпляр (ММК). Для их изучения использованы репродукции из книги: [Тарабрин, табл. XV–LIII].

⁴ О Леонтии Бунине см.: [Ровинский, стб. 118–123; Словарь русских иконописцев].

⁵ Некоторым исключением является, например, азбука, изданная Василием Бурцовым (М., 1637), где помещена гравюра, изображающая школу и учеников.

⁶ В Увар. 92 и ММК иллюстрации сопровождаются названием изображенных вещей, животных, людей и т. д., тогда как Увар. 73 содержит иллюстрации без соответствующих названий. Чуд. 302 приводит названия животных, вещей, людей и т. д. без иллюстраций.

традиционные азбуки и буквари. Предполагалось, что лицевой букварь мог служить пособием для обучения на более продвинутом этапе или своего рода «потешной книгой», привлекавшей цветными иллюстрациями⁷.

Исследователи организации материала неоднократно указывали на сочинение Я. А. Коменского «*Orbis sensualium pictus*» (1658), являющееся первым иллюстрированным учебником для детей, в котором широко применялся принцип наглядности⁸. Что касается передачи буквы через фигуры в разных позах, историки предполагали влияние на эти образы работ таких известных граверов, как, П. Флётнер («*Menschenalphabet*», 1534) или Дж. М. Мителли («*Alfabeto in sogno*», 1683) [Шемшурин, с. 15–16; Алексеева, с. 9–10].

Вопрос об источниках, использованных Карионом Истоминным при создании лицевого букваря 1694 г., несомненно, нуждается в дальнейшем изучении. В данной статье обращено внимание на изображения животных. Они придают букварю черты бестиария, задуманного для обучения и забавы Алексея Петровича и, возможно, других детей царской семьи (дочерей Прасковьи Федоровны)⁹. Ученик имел возможность не только тренироваться в чтении, но и знакомиться с видами животных и их символикой¹⁰. Всего в ПБ насчитывается 56 животных, если учесть частичные изображения (чешуи и крылья на листе с буквой *Ы*)¹¹. Их типы для наглядности можно распределить по группам¹², самой большой из которых оказывается группа с изображениями птиц¹³ (табл. 1).

⁷ О потешных книгах см.: [Забелин, с. 173–180; Мурзанова, с. 122–123].

⁸ О судьбе Коменского в России см.: [Чума; Кишкин; Безрогов].

⁹ В предисловии Карион Истомин уточняет: «Изобразися надщцах Ваянием, имущим учиться отроком, и отроковицам мужем и женам писати» [Карион Истомин, л. 2]. Цитаты из букваря Кариона Истомина и из лексикона и букваря Федора Поликарпова даются в упрощенном виде. Сохраняется только буква *ѣ*.

¹⁰ В предисловии Карион Истомин говорит: «Под всяким писменем, ради любезнаго созерцания отрочатом учащихъ предложены виды во удобное звание в складѣ: дачто видить, сие и назоветъ слогом писмене достолѣннаго начертания тѣх. Яко А Адам, Алектор, Аспид... <...> Б Брань, Брада, Бичь... <...> Зане сими писмены вещи в склад, или слог имут начало... <...> И на тѣхъ видообразныя вещи, приличны юнымъ людемъ метафорично сиеть преноснѣ, еже от вещей слово к дѣлу потребну вземлетъ, стихи нравоучительны суть» [Карион Истомин, л. 2, 3].

¹¹ В Чуд. 302 упоминается также хвост (л. 11 об.). Добавим, что в ПБ и в списках несколько фигур, воспроизводящих буквы, сопровождаются изображениями животных (см. прим. 21).

¹² Для составления групп мы пользовались разделением, принятым М. Пастуро в книге о средневековых бестиариях [Pastoureau], за исключением группы насекомых, которых ученый помещает в группу змей и червяков. Несмотря на то, что кит и непопурь принадлежат к отряду млекопитающих, в таблице они включены в группу рыб и птиц на основе знаний того времени. В соответствии с названиями каждой группы животных, упомянутых в ПБ, в таблице приводятся названия животных, отсутствующие в Чуд. 302, Увар. 73, Увар. 92 и ММК или присутствующие в них и отсутствующие в ПБ. Курсивом приведены названия животных, которые встречаются в рукописных экземплярах и отличаются от названий, использованных в ПБ.

¹³ На странице буквы *Ф* наряду с деревом финиксом, для которого дается изображение, в стихотворении упоминается тоже мифическая птица финикс: «финикс ест древо / финикс же и птица».

Таблица 1

Животные в букваре Кариона Истомина

Дикие четвероногие	Домашние четвероногие	Птицы	Рыбы и другие водяные животные	Насекомые	Змеи и червяки
араната коза ¹⁴ бабр выдра единорог заяц (заец) иппокентавр исхниллат лев медведь олень (елень) пифик слон	боран буйвол козел конь корова мышь овца осел хорт	алектор ворон врабий гамаюн голубь жаворонок журавль кокошь кречет лебедь натопырь орел птицы соловей тетерев щегленок ястреб	жаба кит лец линь окунь рак рыба щука язь	жужелица жук мравий овод осва	аспид ехидна змий ящурка
<i>Чуд. 302</i>					
<i>отсутствуют</i> заяц, исхниллат – араната коза во америки – бобр ¹⁵ бабр – иппокентавр полчеловѣка и полконя	<i>отсутствует</i> козел – присутствуют кот, меск, щенок – баран – крава	<i>отсутствуют</i> жаворонок, птицы, соловей, щегленок присутствуют еродий (еродий птиц), финикс (финикс птица) – ворона – воробей – гомоюн птица – нотопырь	<i>отсутствует</i> рак	<i>отсутствуют</i> жужелица, жук	<i>аспид змий</i>
<i>Увар. 73¹⁶</i>					
<i>отсутствуют</i> заяц, исхниллат	–	<i>отсутствуют</i> гамаюн, голубь, жаворонок, птицы, щегленок	<i>отсутствуют</i> рак, язь	<i>отсутствуют</i> жужелица, жук, овод	–
<i>ММК¹⁷</i>					
<i>отсутствует</i> исхниллат араната – коза в америкѣ пифик – обезьяна	–	<i>отсутствуют</i> жаворонок, птицы, щегленок гомоян – птица без ног нетопырь	<i>отсутствуют</i> рак, язь	<i>отсутствуют</i> жужелица, жук, овод, осва	–
<i>Увар. 92</i>					
<i>отсутствуют</i> заяц, исхниллат араната коза в америкѣ пифик – обезьяна	баран	<i>отсутствуют</i> жаворонок, птицы, щегленок ворона гомоюн – птица без ног нетопырь	<i>отсутствуют</i> рак, язь	<i>отсутствуют</i> жужелица, жук, овод, осва	–

¹⁴ И. М. Тарабрин предполагает, что речь идет о каком-то виде обезьяны, например, об орангутанге [Тарабрин, с. 51].

¹⁵ Зачеркивание присутствует в оригинале.

¹⁶ В Увар. 73 отсутствуют листы, посвященные буквам Г и Д.

¹⁷ В ММК листы, посвященные буквам Б и В, дефектны. Лист, посвященный букве Я, отсутствует.

Присутствующие в букваре животные были уже известны по описаниям в таких памятниках, как «Физиолог» или «Собрание от древних философов о неких свойствах естества животных» Дамаскина Студита¹⁸. Наряду с этими сочинениями, можно упомянуть и переводы басен Эзопа, сделанные в XVII в., содержавшие сведения о характерах и видах множества животных, встречающихся в букваре¹⁹.

Рукописные списки букваря включают не всех животных, присутствующих в ПБ: например, заяц не приводится в Чуд. 302, Увар. 73 и Увар. 92, жаворонок отсутствует во всех списках и находится только в ПБ. Кот и щенок, упомянутые в Чуд. 302, пропущены в остальных списках и в ПБ.

Для понимания процесса составления букваря необходимо выявить критерии²⁰, по которым одни животные были включены в рукописные списки и в ПБ, другие были исключены из рукописных списков или из ПБ, третьи вообще не были учтены ни в списках, ни в ПБ. Почему в букваре среди домашних животных не появляется, например, гусь, или почему кот и щенок, присутствующие в Чуд. 302, исчезают из других списков и из ПБ²¹? Или почему среди насекомых отсутствует пчела, а среди диких животных – лисица? И почему автор считал полезным ознакомить маленького царевича с такими животными, как гамаюн и два крылатых дракона (аспид и змий)?

В рамках статьи ограничим анализ небольшой группой зверей: это аспид, змий, гамаюн и медведь²². Объяснение их присутствия не претендует на то, чтобы быть единственным и окончательным, однако может быть применено и к некоторым другим иллюстрациям букваря.

По мнению Г. Маркера, иллюстрации в букваре Кариона Истомина должны были представить молодому царевичу картину богатого упорядоченного мира, противопоставленную жестокой окружающей действительности, полной беспорядков и внутренних распрей, пока-

¹⁸ Для описания и истолкования символики животных в разных источниках мы использовали наблюдения: [Тарабрин, с. 50–76 (прил. 2); Белова, 2001].

¹⁹ Тексты и сведения о переводах Эзопа в России в XVII в. см.: [Тарковский, Тарковская].

²⁰ Одним из критериев, разумеется, была начальная буква названия животного.

²¹ В Чуд. 302, наряду со щенком, упоминается хорт, то есть борзая. Полагаем, что замена «простого» щенка борзым в Увар. 73, ММК, Увар. 92 и ПБ обусловлена желанием направить внимание царевича на благородную породу собак, обычно используемую в охоте. В ПБ хорт носит ошейник. Стихи, размещенные на странице буквы Х, гласят: «Животных разных вид, хорт есть собака, / в досужствѣ своем и та не однака» [Карион Истомин, л. 26]. В «Лексиконе трехязычном» Федора Поликарпова (М., 1704) при лемме «хорт» дается ссылка на «пса ловчего»: «Пес ловчий, или гончий, λαυωδιώκτης κύων, θηρευτικός κύων, venaticus canis, vertagus» [Polikarpov, S. 438, 729]. «Пес ловчий» упоминается также в лексиконе, помещенном в «Славяно-греко-латинском букваре» Федора Поликарпова (М., 1701), включающем названия животных, распределенных по группам (четвероногие животные, птицы, червяки и насекомые, рыбы): «пес ловчий, κύων θηρευτικός, canis, venaticus» [Поликарпов, л. 102 об.]. Следует заметить, что в ПБ на листе буквы Ъ помещена мужская фигура, на которую собака ставит передние ноги [Карион Истомин, л. 32]. В списках букваря на месте собаки находится маленький крылатый дракон, кусающий человека.

²² Данные животные помещены в списках и в ПБ. Изображения гамаюна нет в Увар. 73, поскольку отсутствует лист, посвященный букве Г.

зять ему идеал гармонии для России [Marker, p. 187–188]. Представление о функции букваря Кариона Истомина как «political tutorial to the young tsar» [Ibid., p. 187] является важным элементом, помогающим определить критерий отбора иллюстрированного материала букваря и, в нашем случае, типов животных.

Учитывая мнение Маркера, можно предположить, что аспид, змий, гамаюн и медведь были выбраны не только из соображений значения и символики, но также потому, что они являлись животными, используемыми в гербах земель, помещенных в «Титулярнике» (1672), – Смоленской (гамаюн, ил. 1 на цв. вклейке), Казанской (крылатый дракон, ил. 2 на цв. вклейке), Пермской (ил. 3 на цв. вклейке), Ярославской и Новгородской (медведь)²³. Они играли свою роль в воспитании царевича²⁴. Важно и то, что названия этих земель входили в титул русских царей. Просматривая букварь, Алексей Петрович имел возможность не только проникать в разнообразный привлекательный мир образов известных и неизвестных предметов, растений, животных, людей и т. д., приобщаясь к навыку чтения. Он также мог приучаться к изображениям гамаюна, аспида, змея, медведя, чтобы распознавать их в гербах земель и в перспективе начать ориентироваться в мире гербов, являющихся важным элементом придворной культуры.

Знание геральдики составляло часть воспитания царевича. На золотой гербовой тарелке, изготовленной мастером Оружейной палаты Юрием Фробосом в год напечатания букваря Кариона Истомина (1694) и подаренной 6 января того же года Натальей Кирилловной Алексею Петровичу²⁵, вокруг помещенного в центр двуглавого орла были вырезаны гербы Казанской, Смоленской, Пермской, Новгородской, Астраханской, Псковской, Тверской и Сибирской земель. В совокупности с гербовой золотой тарелкой Алексея Михайловича, изготовленной в 1675 г. Юрием Фробосом²⁶, перед нами свидетельство гербомании, развивавшейся во второй половине XVII в., особенно после появления «Титулярника» [Nilsson, p. 28; Белоброва, с. 79].

²³ «Титулярник» содержал, среди прочего, гербы 33 разных земель. Мы пользовались его фототипическим изданием, изготовленным Санкт-Петербургским археологическим институтом: [Портреты].

²⁴ Согласно свидетельству И. фон Лоэнштейна, обучение Алексея Петровича включало геральдику («In der Welt-Beschreibung / Geschichten aller Voelcker / Geschlecht-Register derer Durchlauchtigsten Haeuser von Europa / Wappen-Kunst / Natur-Wissenschaft / Sitten-Lehre und der Staats-Kunst hat er so eine Wissenschaft gefasset / dass eine dergleichen Gelehrsamkeit an einem Printzen was Verwunderung-wuerdiges») [Lohenstein, T. 1, S. 55].

²⁵ Тарелка хранится в Музее Московского Кремля. Ее описание см.: [Писарская, Платонова, Ульянова, с. 115; Мартынова, с. 242–243, № 302]. Напомним, что списки Увар. 73 и ММК были посвящены Наталье Кирилловне. Посвящения, которые Карион Истомин обратил к ней в надежде быть принятым в качестве учителя царевича, и гербовая тарелка, подаренная Натальей Кирилловной, свидетельствуют о ее активном участии в воспитании внука. См. также стихи Кариона Истомина (Поучение от царя Петра «сыну Алексею и во всю Россию» 1692 г.): «Алексие милый сыне... / <...> / Почти отца самым делом, / И матери в долгу целом. / Бабушку же и царицу / Наталию владычицу / Кирилловну в любви многу, / Молящуся о нас Богу...» [Богданов, с. 570–571].

²⁶ Эта тарелка хранится в Музее Московского Кремля. О Юрии Фробосе и о тарелке 1675 г. см.: [Мартынова, с. 123–124, № 116; Пчелов].

Сравним изображения животных в букваре и на гербах. Первое животное – гамаюн, помещенный на странице буквы Г и на гербе города Смоленска²⁷. Он является райской птицей без ног, которая летает при помощи хвоста. Ее включение в букварь имело особое значение. Гамаюн в небе предвещал счастье и благополучие, его приземление предсказывало смерть правителя. Образ птицы был связан и с придворным церемониалом [см.: Былинин, Магомедова, с. 41–45]²⁸.

Черты гамаюна описаны, например, в «Христианской космографии» Козьмы Индикоплова. В одном из списков второй половины XVII в. говорится:

Въ той же части Азіи въ Симовѣ жребіи острови на восточномъ морѣ, первыи Макаридцкіи близъ блаженнаго рая, потому близъ глаголютъ; что залетають отътуда птицы райскіе гамаюнь и финикъ, и благоуханіе износятъ чудное [Книга глаголемая космография, с. 9; Былинин, Магомедова, с. 42].

Компилятивный сборник «Книга естествословная», приписанный книжнику Николаю Спафарию (1636–1708)²⁹, приводит следующее описание:

Гамаюнь птіца јнако же ј манкорія ея же ј райскою птіцею јменуеть, велічеством поболѣ врабія хвостъ имать семи пядей ногу и крыль у себѣ неймату... паденіем своим провозвѣщает смерть цареи или королеи јли коего князя самодержавнаго [Белова, 2001, с. 84; Тарабрин, с. 54]³⁰.

Образ гамаюна без ног и крыльев, сидящего на пушке и сопровождаемого надписью «смоленский», находится в «Титулярнике» на гербе Смоленска³¹, завоеванного и присоединенного к Московской Руси в 1654 г. [Портреты, л. 36] (см. ил. 1 на цв. вклейке). Подобный образ,

²⁷ Слово «гамаюн» отсутствует в «Лексиконе треязычном» Федора Поликарпова и в лексиконе, помещенном в его «Славено-греко-латинском букваре». Общие сведения о гамаюне и этимологию слова см., например: [Трубачев, с. 58–59; Былинин, Магомедова, с. 41–45].

²⁸ Следует заметить, что название «гамаюн» в дипломатии использовалось для титулования персидских правителей. См., например, в грамоте от Бориса Федоровича к шаху Аббасу (1569): «...сего Бога нашего милостію, властію и хотѣніемъ, и благоволеніем скифетродержателя великого Россійского царствія великого государя царя и великого князя Федора Ивановича... брату восточного предѣла... противнымъ своимъ победителю во царѣхъ свѣтлообразнѣйшему и избранному гамаюну подражателю, иже толкуетца царь царемъ, чеснѣйшему и счастливому высочайшему и славнейшему государю Перситцкіе и Ширванскіе земли началнику Иранскому и Тиранскому Аббасъ шахову величеству...» [Памятники, с. 228; Былинин, Магомедова, с. 42–43].

²⁹ Уместно вспомнить, что Николаю Спафарию приписывается и составление текста «Титулярника».

³⁰ Образ райской птицы присутствует в книге «*Symbola et emblemata*» (Амстердам, 1705) и сопровождается девизом «Высокия ищет», переведенном также на латинский, французский, итальянский, испанский, голландский, английский и немецкий языки [*Symbola et emblemata*, p. 76–77, № 223].

³¹ П. фон-Винклер связывает образ гамаюна без ног, присутствующий в гербе Смоленска, со взятием этого города в 1654 г. у Польши, «так как русская пушка отстрѣлила у нея ноги» [Винклер-фон, с. 21]. О гербе Смоленска см., напр.: [Сперансов; Соболева].

сопровождается надписью «Smolensko», находится в гербе Смоленска в изображении русской государственной печати, размещенной в дневнике («*Diarium itineris in Moscoviam*», 1700) австрийского дипломата И. Г. Корба [Korb]³².

Русская государственная печать [Korb]

Russian state seal [Korb]

В ПБ гамаюн изображен без ног и крыльев, не сидит на пушке и несколько напоминает ежика [Берх, с. 9] (ил. 4 на цв. вклейке). В Увар. 92 и в ММК он без ног, но крылат и похож на птицу [Тарабрин, с. 54–55, XIX]. Сравнение иллюстраций показывает, что изображение птицы в Увар. 92 и ММК больше напоминает образ гамаюна на гербе

³² Мы пользовались экземпляром дневника Корба, который хранится в Австрийской национальной библиотеке.

Смоленска на золотой гербовой тарелке 1694 г. (и в дневнике Корба) (см. ил. 4 на цв. вклейке), тогда как изображение гамаюна в ПБ ближе к образу в «Титулярнике» (см. ил. 1 на цв. вклейке). Об этом уже писал Тарабрин, который считал, что Леонтий Бунин заимствовал изображение гамаюна именно из «Титулярника» [Тарабрин, с. 55].

Крылатый дракон представлен в букваре изображениями аспида и змия. Описание аспида встречаем, например, в «Книге естествословной», где также упоминается змий:

Аспид есть некое животное крылатое... <...> глава бо его и нось птичія подобія суть же, уши зверины подобне суть ꙗ две ноги зверины же имать, крыле же его великіи аки птичи точию непернаты подобны суть нетопыревымъ оперепоны (sic) и кожи состоящая ся. тело же его ꙗ хобот подобно бяше по всему зміи дракону превеличашему... и собственной некоей преиспещренной дивной и накрастѣйшей и весма твердеишею... чешуею покровенно [Белова, 2001, с. 60]³³.

Образ аспида в букваре в целом соответствует этому описанию. В списках и в ПБ он обладает характерным чешуйчатый телом, двумя когтистыми лапами, закрученным хвостом, остроконечными ушами. Он везде изображен с крыльями, за исключением Увар. 92, где он бескрыл. В Увар. 73 у него язык в виде стрелы³⁴. В ПБ он имеет бородку (присутствует также в ММК) и пасть наподобие птичьего клюва (ил. 5 на цв. вклейке).

В «Титулярнике» образ крылатого дракона представлен в трех отдельных гербах. Первый – это герб города Казани; крылатый дракон изображен в короне, сопровождается надписью «царь казанский» и наделен двумя когтистыми лапами, чешуйчатый телом, закрученным поднятым хвостом и остроконечными ушами (см. ил. 2 на цв. вклейке) [Портреты, л. 35]³⁵. Образ крылатого и двулапного дракона в короне помещен также на гербе Казани на золотой тарелке царевича (см. ил. 6 на цв. вклейке). В дневнике Корба крылатый дракон в короне, сопровождаемый надписью «Casan», больше похож на птицу с закрученным хвостом, птичьими лапами и пастью в виде клюва.

Двулапый крылатый дракон находится также на гербе, помещенном на груди двуглавого орла в «Титулярнике» после перечисления 33 гербов. Там же изображен всадник, протыкающий копьем дракона. Сходный герб с надписью «Moscau» находится на груди двуглавого

³³ Об аспиде см.: [Тарабрин, с. 51; Белова, 2001, с. 58–61]. См. воспроизведение изображения аспида на миниатюре, помещенной в списке XVIII в. «Собрания о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита: [Белова, 2009]. Общее описание дракона см.: [Pastoureau, p. 255–261].

³⁴ Мы не смогли различить вид языка аспида в репродукции Увар. 92 [Тарабрин, табл. XVI].

³⁵ В указе Алексея Михайловича об изготовлении гербового знамени 1666–1676 гг. для герба Казани упоминается василиск («Печать Казанская, на ней в каруне Василиск, крылья золото, конец хвоста золот») [цит. по: Арциховский, с. 59]. О гербе Казани см.: [Винклер-фон, с. 38; Арциховский, с. 58–60; Сперансов; Соболева].

орла в дневнике Корба, и без надписи – на гравированном титульном листе Московской Библии 1663 г., где всадник отождествлен с Алексеем Михайловичем [Вилинбахов, Вилинбахова, с. 25–26]³⁶. Этот герб, напротив, отсутствует на тарелке 1694 г., где на его месте вставлен драгоценный камень (см. ил. 6 на цв. вклейке). Второй крылатый дракон в букваре – это змий³⁷, размещенный под буквой S и в целом похожий на аспида, описанного, например, в «Книге естествословной», за исключением некоторых деталей. В отличие от аспида, змий имеет четыре лапы. В ПБ он без бородки, имеет язык в виде стрелы и пасть, как у аспида, в виде птичьего клюва. В Увар. 73 он изображен с двумя лапами и с языком в виде стрелы, но бескрылым. В «Титулярнике» встречаем четырехлапого змия в гербе Карталийской и Грузинской земель. На нем св. Георгий пронзает дракона копьем [Портреты, л. 42]. Этот герб не вырезан на золотой тарелке; он помещен в дневнике Корба вместе с надписью «Cartalinensium»³⁸.

Медведь³⁹ встречается на гербах Ярославля, Перми и Новгорода, помещенных в «Титулярнике». Последние два размещены на золотой тарелке. Гербы Перми, Новгорода и Ярославля воспроизведены в дневнике Корба с соответствующими надписями «Permia», «Novogradia», «Yaroslafsky». На гербе Новгорода изображены два медведя на задних лапах, которые поддерживают золотое кресло; на гербе Ярославля медведь на задних лапах держит в лапе секиру. Особый интерес представляет герб Перми, где изображен идущий влево медведь, на спине которого стоит Евангелие с крестом наверху (см. ил. 3 на цв. вклейке)⁴⁰. Герб Перми на тарелке отличается, поскольку представляет идущего медведя без Евангелия и креста (см. ил. 6 на цв. вклейке).

Списки букваря и ПБ приводят образ медведя без Евангелия и креста, идущего то влево (ММК, Увар. 92), то вправо (Увар. 73) или стоящего на четырех лапах с приоткрытой пастью (ПБ). Сравнение образов показывает, что только изображение в ПБ, несмотря на от-

³⁶ Отождествление всадника со св. Георгием Победоносцем произошло в 1710 г. по решению Петра I. Его утверждение в качестве герба Москвы состоялось в 1781 г. [Вилинбахов, Вилинбахова].

³⁷ В лексиконе, размещенном в букваре Федора Поликарпова, в группе «Червяки и насекомые» встречаются «аспид» (греч. ἡ ἀσπίς, лат. aspis), «змий дракон» (греч. ὁ δράκων, лат. draco, dracena) и «змий василиск» (греч. ὁ βασίλισκος, лат. basiliscus) [Поликарпов, л. 106]. В «Лексиконе трехязычном» Поликарпова, кроме «аспида», упоминаются «василиск» («Василиск, звѣрь взором убивающий, βασίλισκος, basiliscus») и разные виды «змиев» (например: «Змий великий, ὁ δράκων, anguis, coluber, draco») [Polikarpov, S. 93, 238].

³⁸ Вспомним геральдические стихи: «Георгио, умъ в славѣ над страстми владущий, / попирает змия грѣхъ, помня суд будущий» [Nilsson, p. 85].

³⁹ О символике и значении медведя в русском фольклоре см., например: [Винклер-фон, с. 19–20; Белова, 2001, с. 174–175; «Русский медведь»]. О значении медведя в средневековых bestiариях см.: [Pastoureau, p. 65–69]. Медведь упоминается в лексиконе в букваре Поликарпова в группе «О животных четвероногих» («медвѣдь, ὁ καὶ ἡ ἄρκτος, ursus») [Поликарпов, л. 103 об.]. См. также: [Polikarpov, S. 349].

⁴⁰ Геральдические стихи гласят: «Пермско, почитай и Ев(ан)г(е)лие / якъ тебѣ приказали предки всѣ с(вя)тые...» [Nilsson, p. 75].

сутствие Евангелия и креста, напоминает образ медведя на гербе Перми, помещенном в «Титулярнике» (ил. 7 на цв. вклейке). Изображения в списках, наоборот, напоминают не медведя, а скорее неопределенное четырехлапое животное.

* * *

Таким образом, приведенные в ПБ иллюстрации давали возможность расширить его функции в деле воспитания и образования отпрыска царского рода. Образы таких реальных и мифологических животных, как аспид, гамаюн, змей, медведь, помимо их символического значения, несли на себе информацию о гербовом изобразительном ряде, что подтверждается материалами «Титулярника». Пролыстывая букварь и совмещая приятное с полезным, царевич мог не только развлекаться, но и знакомиться с содержанием гербов, чтобы в последующем распознавать их. Лицевой букварь Кариона Истомина становился не только учебником для начального обучения или потешной книгой, но и своеобразным введением в жизнь и обычаи царского двора. Помимо прочего, это свидетельствует о развитии педагогической мысли и формировании методик обучения в зависимости от жизненного целеполагания.

Список литературы

- Алексеева М. А.* Букварь Кариона Истомина – произведение графики конца XVII века // [Карион Истомин]. Букварь составлен Карионом Истоминим, гравирован Леонтием Буныным, отпечатан в 1694 году в Москве : [факс. воспр.]. Л. : Аврора, 1981. С. 9–13.
- Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы // Уч. зап. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. Вып. 93. История. Кн. 1. 1946. С. 43–67.
- Безрогов В. Г.* К вопросу о ранних переводах «Orbis sensualium pictus» Яна Амоса Коменского на русский язык // Вестн. Православ. Св.-Тихон. гуманитар. ун-та. Вып. 45. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2017. С. 11–30. DOI 10.15382/sturIV201745.11-30.
- Белоброва О. А.* Из истории древнерусской геральдической литературы // Тр. Отд. древнерус. лит. Л. : Наука, 1983. Т. 37. С. 79–103.
- Белова О. В.* Славянский бестиарий : словарь названий и символики. М. : Индрик, 2001. 318 с.
- Белова О. В.* Аспид // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл, 2009. Т. 3. С. 616.
- Берх В. Н.* Азбука Кариона Истомина, в 1691 году. СПб. : Тип. Н. Греча, 1822. 27 с.
- Богданов А. П.* Стих торжества : Рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века. М. : Ин-т рос. ист. РАН, 2012. 676 с.
- Браиловский С. Н.* Один из пестрых XVII-го столетия : [Карион Истомин]. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1902. XXXVIII, 494 с.
- Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 402 с.
- Былинин В. К., Магомедова Д. М.* Из наблюдений над бестиарием А. Блока : Птицы Гамаюн, Сирин, Алконост и другие // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве / сост. А. Л. Львова. М. : Intrada, 2012. С. 41–59.
- Вилинбахов Г. В., Вилинбахова Т. Б.* Святой Георгий Победоносец : Образ святого Георгия Победоносца в России. СПб. : Искусство-СПБ, 1995. 158 с.
- Винклер-фон П. П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб. : Тип. И. М. Комелова, 1899. 530 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях : в 2 т. М. : Языки рус. культуры, 2000. Т. 1. Ч. 2. 498 с.

Исаева Е. В. Букварь царевича Алексея Петровича. М. : Гос. ист. музей, 2018. 59 с. [*Карион Истомин.*] Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве. Л. : Аврора, 1981. 43 л.

Кишкин Д. С. Литературное наследие Коменского в России // *Pamiętnik Słowiański*. Т. 21. 1971. S. 193–208.

Книга глаголемая космография // *Временник Императорского московского общества истории и древностей российских*. Кн. 16. М. : Университет. тип., 1853. Смесь. С. 1–14.

Леонид (Кавелин). Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова : в 4 ч. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. 364 с.

Мартынова М. В. Московская эмаль XV–XVIII веков : каталог. М. : Гос. ист.-культ. музей-заповедник Московский Кремль, 2002. 303 с.

Мурзанова М. Н., Бобров Е. И., Петров В. А. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Вып. 1. XVIII век. С. 118–142.

Немировский Е. Л., Шустова Ю. Э. Кириллические Азбуки и Буквари XVII–XVIII вв.: библиографический свод изданий // «В России надо жить по книге» : Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги в XVI–XIX вв. / под ред. М. В. Тендряковой и В. Г. Безрогова. М. : Памятники ист. мысли, 2015. С. 185–338.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изд. под ред. Н. И. Веселовского. Т. 1. Царствование Феодора Иоанновича. СПб. : Т-во Паровой старопечатни Яблонский и Перотт, 1890. 455 с.

Писарская Л. В., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л. Русские эмали XI–XIX вв. из собраний Государственных музеев Московского Кремля, Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа. М. : Искусство, 1974. 239 с.

Поликарпов Ф. Букварь славенскими, греческими, римскими писменами. Москва : Печатный двор, 1701. 159 л.

Портреты, гербы и печати большой государственной книги 1672 г. СПб. : Изд. С.-Петербур. археол. ин-та, 1903. 97 л.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск : Наука, 1980. 232 с.

Пчелов Е. В. Несомненное мастерство и геральдическое «невежество» Юрия Фробоса (тарель 1675 г. из собрания Оружейной палаты: эмблемы и символы) // *Ювелирное искусство и материальная культура* : сб. ст. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 62–66.

Рамазанова Д. Н., Шустова Ю. Э. Кириллические буквари из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг Российской государственной библиотеки : Описание изданий и экземпляров. М. : Пашков дом, 2018. 337 с.

Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. : в 2 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1895. Т. 1. 448 стб.

«Русский медведь» : История, семиотика, политика. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 363 с.

Сазонова Л. И. Карион Истомин // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 1993. С. 140–152.

Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / ред. сост. И. А. Кочетков : [электрон. ресурс]. 2009. URL: http://rusico.indrik.ru/artists/b/bunin_leonty/index.shtml?adm=55d4d501cb5ede2124d1a8fa42aef5c1 (дата обращения: 26.02.2021).

Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М. : Наука, 1981. 263 с.

Сперансов Н. Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М. : Сов. Россия, 1974. 192 с.

Тарабрин И. М. Лицевой букварь Кариона Истомина. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. 83 с.

Тарковский Р. Б., Тарковская Л. П. Эзоп на Руси. Век XVII : Исследования. Тексты. Комментарии. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 546 с.

Иллюстрации к статье:
Мария Кристина Брагоне. Бестиарий в «Букваре» Кариона Истомина
и воспитание царевича Алексея

Illustration for the article:
Maria Cristina Bragone. Karion Istomin's Bestiary and the Upbringing
of Tsarevich Alexei

1. Смоленский герб в «Титулярнике»
[Портреты]
Smolensk coat of arms in Titulyarnik
[Портреты]

2. Казанский герб в «Титулярнике»
[Портреты]
Kazan coat of arms in Titulyarnik
[Портреты]

3. Пермский герб в «Титулярнике»
[Портреты]
Perm coat of arms in Titulyarnik
[Портреты]

4. Изображение гамаюна в «Букваре»
Кариона Истомина [Карион Истомина]
Depiction of Gamayun in Karion Istomin's
Bukvar' [Карион Истомина]

5. Изображение аспида в «Букваре»
Кариона Истомина [Карион Истомин]
Depiction of the asp in Karion Istomin's
Bukvar' [Карион Истомин]

7. Изображение медведя в «Букваре»
Кариона Истомина [Карион Истомин]
Depiction of the bear in Karion Istomin's
Bukvar' [Карион Истомин]

6. Тарелка, пожалованная царевичу Алексею Петровичу его бабушкой Натальей
Кирилловной в 1694 г. Музеи Московского Кремля.
Plate granted to Tsarevich Alexei Petrovich by his grandmother Natalya Kirillovna in 1694.
Moscow Kremlin Museums

Трубачев О. Н. В поисках единства. IV. Смоленские мотивы // Рус. речь. 1992. № 6. С. 51–61.

Чума А. А. Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов XVIII века). Братислава : Slovenské Pedagog. Nakl, 1970. 116 с.

Шемшурин А. А. О гравированном и рукописных лицевых букварях Кариона Истомина. М. : Синод. тип., 1917. 50 с.

Korb J. G. Diarium itineris in Moscoviam. Viennae Austriae : Typis Leopoldi Voigt : Univ. Typog., 1700. 252 S.

L[ohenstein] J. H. von. Des Grossen Herrens / Czaars und Gross Fürstens von Moskau / Petri Alexiewiz... Leben und Thaten... : in 2 Theilen. Franckfurt ; Leipzig : Bey Johann Leonhard Buggeln, 1710. 471, 628 S.

Marker G. A World of Visual Splendor: The Illustrated Texts of Karion Istomin // Seeing Muscovy Anew: Politics – Institutions – Culture : Essays in Honor of Nancy Shields Kollmann / ed. by M. S. Flier, V. A. Kivelson, E. Monahan, D. Rowland. Bloomington, IN : Slavica Publ., 2017. P. 173–188.

Nilsson N. A. Russian Heraldic Virši from the 17th Century : A Manuscript in the Diocesan and County Library at Västerås, Sweden. Stockholm ; Göteborg ; Uppsala : Almqvist & Wiksell, 1964. 93 p.

Pastoureau M. Bestiari del Medioevo / trad. dal franc. di C. Testi. Torino : Einaudi, 2011. 314 p.

Polikarpov F. Leksikon trejazyčnyj Dictionarium trilingue Moskva 1704 / Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. München : Verlag Otto Sagner, 1988. 806 S.

Symbola et emblemata. Amstelaedami : Apud Henricum Wetstenium, 1705. 281 p.

References

Alekseeva, M. A. (1981). Bukvar' Kariona Istomina – proizvedenie grafiki kontsa XVII veka [Karion Istomin's Primer, a Graphic Work from the Late 17th Century]. In Karion Istomin. *Bukvar'sostavlen Karionom Istominym, gravirovan Leontiem Buninym, opechatan v 1694 godu v Moskve.* Leningrad, Avrora, pp. 9–13.

Artsikhovskii, A. V. (1946). Drevnerusskie oblastnye gerby [Old Russian Regional Coats of Arms]. In *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova.* Iss. 93. Istorija. Book 1, pp. 43–67.

Belobrova, O. A. (1983). Iz istorii drevnerusskoi geraldicheskoj literatury [From the History of Old Russian Heraldic Literature]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury.* Leningrad, Nauka. Vol. 37, pp. 79–103.

Belova, O. V. (2001). *Slavyanskii bestiarii. Slovar' nazvanii i simvoliki* [The Old Slavic Bestiary: A Dictionary of Names and Symbols]. Moscow, Indrik. 318 p.

Belova, O. V. (2009). Aspid [The Asp]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya.* Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 3, p. 616.

Berkh, V. N. (1822). *Azbuka Kariona Istomina, v 1691 godu* [Karion Istomin's Primer, 1691]. St Petersburg, Tipografiya N. Grecha. 27 p.

Bezrogov, V. G. (2017). K voprosu o rannikh perevodakh “Orbis sensualium pictus” Yana Amosa Komenskogo na russkii yazyk [Early Unpublished Russian Translations of *Orbis sensualium pictus* by Jan Amos Comenius]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.* Iss. 45. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya, pp. 11–30. DOI 10.15382/sturIV201745.11-30.

Bogdanov, A. P. (2012). *Stikh torzhestva. Rozhdenie russkoi ody, poslednyaya chetvert' XVII – nachalo XVIII veka* [Celebration Verse: Birth of the Russian Ode, the Last Quarter of the 17th – Early 18th Centuries]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 676 p.

Brailovskii, S. N. (1902). *Odin iz pestrykh XVII-go stoletiya. Karion Istomin* [One of the Party of the Mottled of the 17th Century. Karion Istomin]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. XXXVIII, 494 p.

Bykova, T. A., Gurevich, M. M. (1958). *Opisanie izdaniy, napechatannykh kirillitsej. 1689 – yanvar' 1725 g* [Description of Editions Printed in Cyrillic. 1689 – January 1725]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 402 p.

Bylinin, V. K., Magomedova, D. M. (2012). Iz nablyudenii nad bestiariem A. Bloka. Ptitsy Gamayun, Sirin, Alkonost i drugie [Some Observations on A. Blok's Bestiary. The Birds Gamayun, Sirin, Alkonost, and Others]. In L'vova, A. L. (Ed.). *Bestiarii v slovesnosti i izobrazitel'nom iskusstve*. Moscow, Intrada, pp. 41–59.

Chuma, A. A. (1970). *Jan Amos Komenskii i russkaya shkola (do 70-kh godov XVIII veka)* [Jan Amos Komenský and the Russian School (before the 1770s)]. Bratislava, Slovenské Pedagog. Nakl. 116 p.

Isaeva, E. V. (2018). *Bukvar 'tsarevicha Alekseya Petrovicha* [The Primer of Tsarevich Alexei Petrovich]. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 59 p.

Karion Istomin. (1981). *Bukvar 'sostavlenn Karionom Istominym, gravirovan Leontiem Buninym, otpechatan v 1694 godu v Moskve* [The Primer Compiled by Karion Istomin, Engraved by Leontii Bunin, Printed in 1694 in Moscow]. Leningrad, Avrora. 43 l.

Kishkin, D. S. (1971). Literaturnoe nasledie Komenskogo v Rossii [Komenský's Literary Heritage in Russia]. In *Pamiętnik Słowiński*. Vol. 21, pp. 193–208.

Kniga glagolemaya kosmografiya [A Book Named Cosmography]. (1853). In *Vremennik Imperatorskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh*. Book 16. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Smes', pp. 1–14.

Kochetkov, I. A. (Ed.). (2009). *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vekov* [A Dictionary of Russian Icon Painters of the 11th–17th Centuries] [website]. URL: http://rusico.indrik.ru/artists/b/bunin_leonty/index.shtml?adm=55d4d501cb5ede2124d1a8fa42aef5c1 (accessed: 26.02.2021).

Korb, J. G. (1700). *Diarium itineris in Moscoviam*. Viennae Austriae, Typis Leopoldi Voigt, Universit. Typog. 252 S.

L[ohenstein], J. H. von. (1710). *Des Grossen Herrens / Czaars und Gross Fürstens von Moscau / Petri Alexiewiz... Leben und Thaten...* 2 Theilen. Franckfurt, Leipzig, Bey Johann Leonhard Buggeln. 471, 628 S.

Leonid (Kavelin). (1894). *Sistematicheskoe opisanie slavyano-rossiiskikh rukopisei sobraniya grafa A. S. Uvarova v 4 ch.* [A Systematic Description of the Slavic-Russian Manuscripts of the Collection of Count A. S. Uvarov. 4 Parts]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova. 364 p.

Marker, G. (2017). A World of Visual Splendor: The Illustrated Texts of Karion Istomin. In Flier, M. S., Kivelson, V. A., Monahan, E., Rowland, D. (Eds.). *Seeing Muscovy Anew: Politics – Institutions – Culture. Essays in Honor of Nancy Shields Kollmann*. Bloomington, IN, Slavica Publ., pp. 173–188.

Martynova, M. V. (2002). *Moskovskaya emal' XV–XVIII vekov. Katalog* [Moscow Enamel of the 15th–18th Centuries. Catalogue]. Moscow, Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik Moskovskii Kreml'. 303 p.

Murzanova, M. N. (1956). K istorii sobraniya knig tsarevicha Alekseya Petrovicha [A Contribution to the History of Tsarevich Aleksey Petrovich's Collection of Books]. In Murzanova, M. N., Bobrov, E. I., Petrov, V. A. *Istoricheskii ocherk i obzor fondov Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Iss. 1. XVIII vek, pp. 118–142.

Nemirovskii, E. L., Shustova, Yu. E. (2015). Kirillicheskie Azbuki i Bukvari XVII–XVIII vv.: bibliograficheskii svod izdanii [Cyrillic ABC-Books and Primers from the 17th–18th Centuries: Bibliographic Collection of Editions]. In Tendryakova, M. V., Bezrogov, V. G. (Eds.). *“V Rossii nado zhit' po knige”: Nachal'noe obuchenie chteniyu i pis'mu. Stanovlenie uchebnoi knigi v XVI–XIX vv.* Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, pp. 185–338.

Nilsson, N. A. (1964). *Russian Heraldic Virsi from the 17th Century: A Manuscript in the Diocesan and County Library at Västerås, Sweden*. Stockholm, Göteborg, Uppsala, Almqvist & Wiksell. 93 p.

Pastoureau, M. (2011). *Bestiari del Medioevo* / transl. by C. Testi. Torino, Einaudi. 314 p.

Pchelov, E. V. (2015). Nesomnennoe masterstvo i geral'dicheskoe “nevezhestvo” Yuriya Frobosa (tarel' 1675 g. iz sobraniya Oruzheinoi palaty: emblemy i simvoly) [The Undoubted Skill and Heraldic “Ignorance” of Yuri Frobos (Plate from 1675 in the Collection of the Armoury: Emblems and Symbols)]. In *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura: Sbornik statei*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 62–66.

Pisarskaya, L. V., Platonova, N. G., Ul'yanova, B. L. (1974). *Russkie emali XI–XIX vv. iz sobraniy Gosudarstvennykh muzeev Moskovskogo Kremlya, Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya, Gosudarstvennogo Ermitazha* [Russian Enamels of the 11th–19th Centuries from the Collections of the State Museums of the Moscow Kremlin, the State Historical Museum, and the State Hermitage Museum]. Moscow, Iskusstvo. 239 p.

Polikarpov, F. (1701). *Bukvar' slavenskimi, grecheskimi, rimskimi pismeny* [A Primer in Slavic, Greek, and Roman Characters]. Moscow, Pechatnyi dvor. 159 l.

Polikarpov, F. (1988). *Leksikon trejazyčnyj Dictionarium trilingue Moskva 1704*. München, Verlag Otto Sagner. 806 S.

Portrety, gerby i pechaty bol'shoi gosudarstvennoi knigi 1672 g. [Portraits, Coats of Arms, and Seals of the 1672 Large State Book]. (1903). St Petersburg, Izdanie Sankt-Peterburgskogo arkhologicheskogo instituta. 97 l.

Protas'eva, T. N. (1980). *Opisanie rukopisei Chudovskogo sobraniya* [Description of the Chudov Collection Manuscripts]. Novosibirsk, Nauka. 232 p.

Ramazanova, D. N., Shustova, Yu. E. (2018). *Kirillicheskie bukvari iz sobraniya Nauchno-issledovatel'skogo otdela redkikh knig Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. Opisanie izdaniy i ekzempliarov* [Cyrillic Primers from the Collection of the Research Department of Rare Books of the Russian State Library. Description of Editions and Copies]. Moscow, Pashkov dom. 337 p.

Rovinskii, D. A. (1895). *Podrobnii slovar' russkikh graverov XVI–XIX vv. v 2 t.* [A Detailed Dictionary of the 16th–19th Centuries Russian Engravers. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 1. 448 columns.

“Russkii medved”. *Istoriya, semiotika, politika* [The “Russian Bear”: History, Semiotics, Politics]. (2012). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 363 p.

Sazonova, L. I. (1993). Karion Istomin [Karion Istomin]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Iss. 3 (XVII v.). Part 2. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 140–152.

Shemshurin, A. A. (1917). *O gravirovannom i rukopisnykh litsevykh bukvaryakh Kariona Istomina* [On the Engraved and the Handwritten Illustrated Primers by Karion Istomin]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. 50 p.

Soboleva, N. A. (1981). *Rossiiskaya gorodskaya i oblastnaya geraldika XVIII–XIX vv.* [Russian Municipal and Regional Heraldry of the 18th–19th Centuries]. Moscow, Nauka. 263 p.

Speransov, N. N. (1974). *Zemel'nye gerby Rossii XII–XIX vv.* [Land Coats of Arms of Russia in the 12th–19th Centuries]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 192 p.

Symbola et emblemata. (1705). Amstelædami, Apud Henricum Wetstenium. 281 p.

Tarabrin, I. M. (1916). *Litsevoi bukvar' Kariona Istomina* [Karion Istomin's Illustrated Primer]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. 83 p.

Tarkovskii, R. B., Tarkovskaya, L. R. (2005). *Ezop na Rusi vek XVII. Issledovaniya. Teksty. Kommentarii* [Aesop in Russia in the 17th Century. Research, Texts, Comments]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 546 p.

Trubachev, O. N. (1992). V poiskakh edinstva. IV. Smolenskie motivy [In Search of Unity. IV. Smolensk Motifs]. In *Russkaya rech'*. No. 6, pp. 51–61.

Veselovskii, N. I. (Ed.). (1890). *Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei* [Artefacts of Diplomatic and Trade Relations between Moscow Russia and Persia]. Vol. 1. Tsarstvovanie Feodora Ioannovicha. St Petersburg, Tovariščestvo Parovoi staropechatni Yablonskii i Perott. 455 p.

Vilinbakhov, G. V., Vilinbakhova, T. B. (1995). *Svyatoi Georgii Pobedonosets. Obraz svyatogo Georgiya Pobedonosca v Rossii* [St George the Victorious. The Image of St George the Victorious in Russia]. St Petersburg, Iskusstvo-SPB. 158 p.

Vinkler-fon, P. P. (1899). *Gerby gorodov, gubernii, oblastei i posadov Rossiiskoi imperii, vnesennye v polnoe sobranie zakonov s 1649 po 1900 god* [Coats of Arms of the Cities, Provinces, Regions and Townships of the Russian Empire, Included in the Complete Collection of Laws from 1649 to 1900]. St Petersburg, Tipografiya I. M. Komelova. 530 p.

Zabelin, I. E. (2000). *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh v 2 t.* [Domestic Life of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 1. Part 2. 498 p.

Фауна в поэтическом мировидении Гаврилы Державина*

Микела Вендитти

Университет Неаполя Л'Ориентале,
Неаполь, Италия

Fauna in the Poetic Worldview of Gavrila Derzhavin

Michela Venditti

University of Naples L'Orientale,
Naples, Italy

Animal images are ubiquitous in Gavrila Derzhavin's poetry and can be found in works belonging to different stages of his career. This article studies issues connected with the functions that the world of fauna performs in his works and aims to find out whether it evolves over time. The image of the swan in his Horatian ode of the same name (1808) is considered a symbol of the poet's immortality, and unpublished poems on the death of a dog an expression of the burlesque direction in Derzhavin's work. With a view to determining the general typology of animals in Derzhavin's lyrical poetry (with the exception of fables and parables), the article proposes a general classification of animals in order to then turn to a detailed analysis of two little-studied works (*The Magnitude of God* (Rus. *Velichestvo Bozhie*) (1789) and *Morning* (Rus. *Utro*) (1800). Together with the poems, the author examines the illustrations that accompany them in the Grot edition of Derzhavin's works. His poetic bestiary is very rich in comparison with those of other poets of his time, becoming more and more an integral part of his poetic landscape. According to Derzhavin's aesthetic concept, poetry should depict "shining and lively pictures, with nature-like views", including its inhabitants from the world of fauna. However, this function changes at different stages of the poet's work and varies depending on the genre chosen. Derzhavin refers to animal images for different purposes, from symbolic to humorous; the range of animal images corresponds to the idea of the poem and expresses different approaches to language. Due to an archaism of his later poetry, animal images become more and more symbolic and myth-like. The variety

* Citation: Venditti, M. (2022). Fauna in the Poetic Worldview of Gavrila Derzhavin. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 132–150. DOI 10.15826/qr.2022.1.663.

Цитирование: Venditti M. Fauna in the Poetic Worldview of Gavrila Derzhavin // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 132–150. DOI 10.15826/qr.2022.1.663 / Вендитти М. Фауна в поэтическом мировидении Гаврилы Державина // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 132–150. DOI 10.15826/qr.2022.1.663.

and range of animal images in Derzhavin's ode *Morning* connect this work with images of the creation of animals in Western European painting and graphics, primarily with the famous Vatican fresco *The Creation of the Animals* by Raphael.

Keywords: G. R. Derzhavin, eighteenth-century Russian poetry, animal images in art, Psalm 103, Cleanthes, "Hymn to Zeus", Cleanthes, Raphael

Образы животных чрезвычайно распространены в лирике Г. М. Державина и встречаются в произведениях, принадлежащих ко всем его творческим периодам. Исследуются вопросы о том, какую функцию имеет мир фауны в его лирике и меняется ли она в течение времени. При рассмотрении образа лебедя в одноименной гораццианской оде 1808 г. выявлена его символическая природа, обусловленная темой бессмертия, неопубликованные стихи на смерть собаки характеризуют бурлескное направление в творчестве поэта. Предлагается изучить общую типологию животных в лирике Державина (исключая жанр басни и притчи), чтобы затем обратиться к подробному анализу двух малоизученных произведений (*Величество Божье* 1789 г. и *Утро* 1800 г.). Стихотворения рассматриваются с учетом иллюстраций, обрамляющих их в издании К. Я. Грота. Поэтический bestiary Державина очень богат по сравнению с bestiary других поэтов его времени, становясь со временем все более неотъемлемой частью пейзажа. Согласно его эстетической концепции, поэзия должна изображать «блестящие и живые картины, с природой сходственные виды», включая также своих обитателей из мира фауны. Функция образа животных заключается в оживлении пейзажа в противоположность неподвижным картинам классицизма. Однако данная функция меняется на разных этапах творчества поэта и варьируется в зависимости от выбранного жанра. Поэт обращается к образам животных с разными целями, от символической до шутивной; набор зверей соответствует замыслу стихотворения и выражает разные подходы к языку. В частности, в связи с тенденцией к архаизации в позднем творчестве поэта образы животных приобретают все более символический или мифологический характер. Изобилие и сам набор образов животных в оде *Утро* (1800) связывают данное произведение с изображениями сотворения животных в западноевропейской живописи и графике, в первую очередь со знаменитой ватиканской фреской *Сотворение животных* итальянского художника Рафаэля.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, русская поэзия XVIII в., образы животных в искусстве, псалом 103, «Гимн Зевсу», Клеант, Рафаэль Санти

В исследовании о природе в русской поэзии М. Эпштейн замечает: «Образы животных в литературе – это своего рода зеркало гуманистического самосознания» [Эпштейн, 2007, с. 100]. Просветительское мышление XVIII в. в поисках пределов человеческого разума неизбежно сталкивалось с определением места и роли животных в цепи существ. «Естественная история животных» Л. де Бюффона (1749–1783), «Трактат о животных» Э. де Кондильяка (1755), «Система при-

роды» (1758) К. Линнея и работы энциклопедистов (1751–1780-х гг.) ярко выражают стремление к рациональной систематизации знаний и натуры, мира человеческого и мира животных. Наука эпохи Просвещения ставит себе задачу изучения обитающей землю фауны: рождается само понятие «зоология»¹.

Определяя результаты прогресса естественных наук, М. Ломоносов в «Письме о пользе стекла» (1752) восхищается возможностью через микроскоп увидеть и изучить мелких животных:

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок оногo конец имеет сила.
Кроме, что вдалеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не достигает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик Создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!

[Ломоносов, с. 519]

Русские поэты XVIII в. утверждают верховенство человека над животными. А. Сумароков в «Эпистоле о русском языке» (1748) пишет:

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем

[Сумароков, ч. 1, с. 331].

Для Державина в оде «Бог» (1784) человек – это «крайня степень вещества» и «средоточие живущих» [Сочинения Державина, т. 1, с. 201].

В литературе русского классицизма фауна имеет сугубо символический характер, украшает абстрактные пейзажи идеализированного мира; ее многообразие исходит из библейской и классической традиции и из эмблематики. Басни, притчи, анакреонтика, эпиграммы и надписи изобилуют животными, но в аллегорической форме и согласно принципу антропоцентризма. «Эпиграмма к попугаю» К. Дмитриева-Мамонова (1771) [Поэты XVIII в., с. 450], «Журавли» Н. Радищева (1797, 1807) [Венгеров, с. 849], «На карася» В. Петрова [Там же, с. 446], «Птичка» М. Хераскова (1796) [Херасков, с. 138], «Трудолюбивая пчела»

¹ В России новое слово встречается впервые в 1771 г. [СРЯ XVIII в., вып. 8, с. 227; ср.: *Bestiaire des Lumières*, p. 9 и след.].

А. Сумарокова (1759) и прочие многочисленные ласточки, кузнечики, бабочки, голубки, пчелки, заселяющие анакреонтику, являются в основном метафорами человеческих свойств. Часто стихи о животных представляют собой переводы из классической (например, Горация, Эзопа) или современной литературы (например, Лафонтена).

Характерный пример трактовки образа животного можно найти в притче А. Сумарокова «Побежденный на картине лев», переложении басни Лафонтена «Le lion abattu par l'Homme» [Сумароков, ч. 7, с. 321]. В этих стихах особенно ярко выражены не только «свободный комизм и поэзия абсурда» Сумарокова-баснописца [Клейн, с. 179], но и существо отношения поэтов-классицистов к животным в литературе: в лесу появляется живопись с изображением убитого охотником льва (абсурдность ситуации подчеркивается Сумароковым стихами: «Не знаю как; / Но было так»); мимо проходит реальный лев и издевается над «искусственной», «фиктивной» победой человека. В центре внимания притчи – контраст между искусством и реальностью, в ней высмеивается антропоцентризм в отношении к животному миру.

Первые попытки нарисовать лирические картины природы в реалистическом ракурсе принадлежат Г. Державину и М. Ломоносову («Ода на взятие Хотина», 1739):

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел, когда шума летит
И там парит, где ветер не воет;

Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов...

[Ломоносов, с. 26–27].

Державин, прославившийся своими описаниями природы и пиров, цветового и звукового мира, представляет в «Рассуждении о лирической поэзии» оды, как

...блестящие живые картины, то есть с природою сходственные виды, которые мгновенно мягких или чувствительных людей поражают воображение и производят заодно в них фантазию (мечты) или фантастические чувства [Сочинения Державина, т. 7, с. 549–550].

Пестрая фауна в лирике Державина (например, волк, лань и конь в оде «Водопад» 1791 г.) предстает как часть живой природы; ср. также в стихотворении «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797):

Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов...

<...>

Ты видел, как в степи средь зною

Огромных змей стога кишат,

Как блещут пестрой чешуею

И льют, шипя, друг в друга яд

[Сочинения Державина, т. 2, с. 32].

Или в стихотворении «Евгению. Жизнь званская» (1807):

Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,

Рев крав, гром жолн и коней ржанье

[Сочинения Державина, т. 2, с. 635].

Анализ творчества Г. Р. Державина обнаруживает, что образы животных в нем чрезвычайно распространены, встречаясь в поэтических произведениях, принадлежащих ко всем творческим периодам². Возникает вопрос, какую функцию имеет мир фауны в лирике Державина и меняется ли она в течение времени. Державин чаще других поэтов XVIII в. посвящал свои стихи определенному животному. Именно в его творчестве природа приобретает самодовлеющий поэтический интерес [Эпштейн, 1990, с. 208]. Ряд образов (ласточка, змей, лебедь, снегирь и др.) подвергался подробному описанию в исследованиях [Данько; Щеглов; Демин; Ларкович, 2006].

Образы зверей у Державина можно разделить по следующим категориям: первая группа – это животные, упоминаемые в прямом или иносказательном, метафорическом смысле; эту группу (животные как таковые) уместно, в свою очередь, разделить на животных, которым посвящены отдельные стихотворения (например, «Бабочка», «Пчела», «Соловей», «Павлин» и т. п.), и на животных, являющихся частью мира природы или мира человеческого. Вторую группу образуют иносказательные (символические, аллегорические или метафорические) животные. Их, в свою очередь, можно разделить по источникам происхождения соответствующих образов: у Державина это античная литература, Библия, современная иностранная и отечественная литература (в основном поэзия Ломоносова) и эмблематика.

Распределим животных, упоминаемых в лирике Державина, по стихиям пребывания. Державин называет их, употребляя либо коллективное название (пернатые, птицы; рыбы; звери, гады, насекомые), либо точное: соловей, аист (или церковнославянское «еродий»), куропатка, снегирь, орел, лев (или церковнославянское «скимн»), олень, серна, змей, бабочка, пчела, мушка, комар и т. д. Фауна Дер-

² Настоящая статья является частью более обширного исследования о поэтическом бестиарии Державина. Ранее был проанализирован образ лебедя в одноименной горацианской оде (1808 г.) как символ бессмертия поэта [Вендитти, 2013]; другие статьи были посвящены изучению стихотворения «Похвала комару» [Вендитти, 2008] и неопубликованных стихов на смерть собаки [Вендитти, 2021] как выражения бурлескного направления в творчестве поэта.

жавина обитает в трех стихиях: на небе, на земле и в воде. Воздушный мир изобилует птицами (реальными и мифическими). В земном мире встречаются в основном млекопитающие (дикие или домашние животные³); в промежуточном воздушном мире обитают насекомые (их можно найти в первую очередь в анакреонтике). Жителей моря или водного мира у Державина сравнительно мало; обычно поэт не называет рыб их точными именами, он их четко определяет лишь когда они становятся пищей для человека (раки, щука, и т. д.)⁴. Птицы и земные животные могут выполнять функцию метафоры («Львиного сердца, крыльев орлиных / Нет уже с нами!» – «Снигирь», 1800⁵) или сравнения («Как серна, скачуща на горы, / Так мой к тебе стремится дух» – «Ключ», 1779; «И мамонта⁶ костей белее / Прозрачней, чище и светлее / Созидется тебе чертог» – «Песнь брачная чете порфирородной», 1793; «Как мысль моя, подобно пчеле» – «Афинейскому витязю», 1796). Еще один типичный прием – адъективные сравнения (уподобления), ср., например: «Как их брови соболины, / Полный искр соколий взгляд, / Их усмешка – души львины / И орлов сердца разят?» («Русские девушки», 1799).

Рыбы зачастую определяются метонимически (например, дается указание на серебро или чешую, сверкающие под водой). Мифические существа, такие как дракон, гидра, тритон, грифон, чаще упоминаются Державиным в поздних произведениях, что связано с архаизацией его поэтического языка [Ларкович, 2006].

Традиционные «символические» животные, такие как орел (символ отечества, власти, гордости), лев, конь, преобладают в торжественных одах, являясь стандартными образами поэзии классицизма. Однако их упоминания можно найти также в «Анакреонтических песнях» (например, «Заздравный орел», 1795).

Типичный для анакреонтики *locus amoenus* заселен у Державина определенными животными в качестве необходимой части ландшафта («Пчелка», 1797; «Кузнечик», 1802); примером могут послужить насекомые в стихотворении «Гостю» (1795):

Вздремли после стола немножко:
Приятно часик похрапеть;
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь
[Сочинения Державина, т. 1, с. 671].

³ Домашние животные (например, собака, кот, синичка) принимают человеческие черты, то есть становятся частью интимного «пейзажа» их владельца.

⁴ Ср. знаменитые оды «Приглашение к обеду» (1795), «Евгению. Жизнь званская» (1807), «Похвала сельской жизни» (1808).

⁵ Метафора визуально раскрыта в заключительной иллюстрации к стихотворению, где изображена голова льва с орлиными крыльями [Сочинения Державина, т. 2, 348].

⁶ Упоминание мамонта в данных стихах Державина – одно из первых употреблений этого слова в русском языке [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 57].

Соловью, символу поэзии, посвящены два стихотворения: «Соловей во сне» (1797) г. и «Соловей» (1795); последнее вместе с «Павлином» берет свой сюжет из § 58 «Риторики» Ломоносова. В легкой поэзии животные могут служить тому, чтобы выразить авторские мысли. В «Голубке» (1801), например, Державин отправляет послание с помощью птицы, чтобы высказать свое мнение против освобождения крестьян, предложенного Александром I [Сочинения Державина, т. 1, с. 570–573].

В гротовском издании сочинений Державина животные зачастую изображены также в иллюстрациях к стихотворениям, что стоит обсудить отдельно.

Известно, что поэт придавал особое значение рисункам, или «виньеткам» к своим стихотворениям [Данько]. Он разрабатывал планы публикации своих сочинений вместе с друзьями Н. А. Львовым и В. В. Капнистом. Среди бумаг поэта сохранились материалы, «посвященные исключительно объяснению рисунков» [Сочинения Державина, т. 1, с. XXX]. К. Я. Грот утверждал, что «было вообще принято за правило не повторять в рисунках содержания стихотворений, а выражать намеком или аллегорией идеи, находящиеся в близком с ними соотношении» [цит по: там же]. Автор иллюстраций Алексей Оленин («моей поэзии изограф», как пишет Державин в стихотворении «Оленину» 1804 г.), объясняет в своей записке «Значение чертежей»: «старался художник домолвить карандашем то, что словами стихотворец не мог или не хотел сказать» [Там же]; сочетание стихов и рисунков определяется им как «картина для глаз, словесная кисть для разума» [Там же, с. XXXI]. Друг поэта Николай Львов отметил в заметке «К виньетам Г. Р. Державина», что картина дает «тело и силу физическую» для воображения [цит. по: там же].

Основой для иллюстраций к сочинениям Державина послужили античное искусство и эмблематика [Буслаев, с. 112]. Отношение Державина к этой форме синтетического искусства менялось с течением времени. Д. Ларкович, исследовавший поэтику экфрасиса у Державина, показал, каким образом переплетение словесного и визуального видов искусства соответствует его пониманию поэзии [Ларкович, 2010; Ларкович, 2011]. Образы животных тесно связаны с иконическим представлением. В ранних произведениях поэт как будто играет с эмблемами, он их употребляет в дидактическом ключе, но в шутовском тоне.

В стихотворении «Всемила» (1770) лирический субъект – прекрасная девица, которая жалуется на свою судьбу. Поэт утешает ее, утверждая, что «красота владеет миром». Он ее спрашивает:

Почто ж, о милое творенье!
Грустишь и тонешь так в слезах,
Когда царей и царств правленье
В твоих содержится руках?

[Сочинения Державина, т. 1, с. 6].

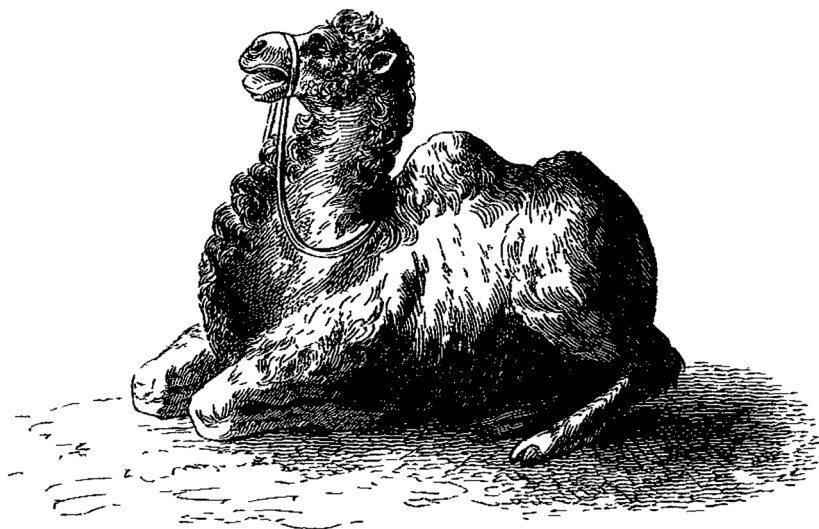
После заключительного четверостишия следует «бесподобная в помпейском стиле виньетка в дополнение той мысли, что красота женская сама по себе, без добродетели, ничтожна» [Буслаев, с. 113] (ил. 1).

1. Козерог [Сочинения Державина, т. 1, с. 6]
Capricorn [Сочинения Державина, т. 1, с. 6]

Основным эмблематическим источником Державина является книга Нестора Максимовича-Амбодика «Емвлемы и символы избранные» (1788). Козерог встречается в ней дважды; в первой он символизирует добродетель [Эмблемы и символы, с. 110], во второй он сопровождает Диану. В «Эмблемах и символах» данный образ снабжен изречением: «Чист и непорочен. Мудрый управляет звездами» [Там же, с. 112]. Примечательно, что Диана изображена в первой иллюстрации к стихотворению «Всемила», а козерог – в последней. Как представляется, конечная иллюстрация имеет явно забавный оттенок: козерог-добродетель бьет по вазе-красоте. Таким образом, заключительная мысль стихотворения (женская красота сильна лишь добродетелью) в виньетке иронически нивелируется.

Двумя иллюстрациями снабжено также стихотворение «Нине» (1770), где речь вновь идет о любви. На первом рисунке изображен Купидон, на заключительном – верблюд (ил. 2). К. Я. Грот поясняет: «Смысл заключительного рисунка виден из предполагавшейся к нему надписи: “Малым доволен”» [Сочинения Державина, т. 1, с. 8]. Имеется в виду характеристика верблюда в «Кратком истолковании означения изображений, кои в Эмблемах и Гербах употребляются» в книге Максимовича-Амбодика: «Верблюд есть знак воздержности и умеренности, ибо он долее прочих животных сносит голод и жажду» [Эмблемы и символы, с. 49].

2. Верблюд [Сочинения Державина, т. 1, с. 8]

Camel [Сочинения Державина, т. 1, с. 8]

В основной части «Эмблем и символов» эмблема № 582 с изображением спящего верблюда сопровождается изречением: «Сверх сил ничего предпринимать не должно» [Эмблемы и символы, с. 216]. Таким образом, заставки с Купидоном в начале и с верблюдом в конце иллюстрируют шуточный пуант стихотворения:

Желаю ль целовать стократно:
 Но ты целуй меня лишь раз,
 И то пристойно, так бесстрастно,
 Без всяких сладостных зараз,
 Как брат сестру свою целует:
 То будет вечен наш союз

[Сочинения Державина, т. 1, с. 8].

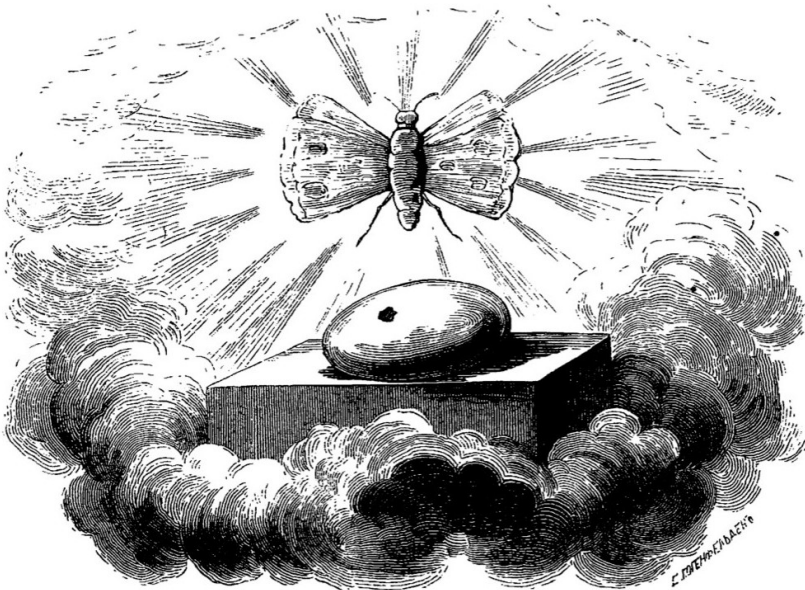
Животные, реальные и мифические, олицетворяют одну из центральных тем в лирике Державина – бессмертие души [Ларкович, 2011, с. 91–154]. Стихотворением «Ласточка» (1792, 1794) Державин открывает традицию, отождествляющую эту птицу с человеческой душой [Фаустов; Щеглов]. Стихотворение в буквальном смысле эмблематично [Щеглов, с. 53], что подчеркивают и обрамляющие его рисунки: в начальной заставке изображен круг вечности, поддерживаемый двумя ласточками; в конечной представлен символ вечности уроборос, окружающий постамент с бюстом Пленеры, то есть первой жены поэта Екатерины Яковлевны, умершей в 1794 г.

Мифический уроборос как символ бесконечности и реальная бабочка – символ души есть еще у Платона. Его упоминания неоднократно встречаются (как в словесной, так в иконической формах) в лирике Державина. В предпоследней строфе оды «Бессмертие души» (1797), особенно любимой Державиным [Остолопов, с. 71], бабочка изображена в своей метаморфозе, символизируя постоянное преобразование:

Как червь, оставя паутину
И в бабочке взяв новый вид,
В лазурну воздуха равнину
На крыльях блещущих летит,
В прекрасном веселясь убранстве,
С цветов садится на цветы:
Так и душа, небес в пространстве
Не будешь ли бессмертна ты?
[Сочинения Державина, т. 2, с. 10]

В сопровождающих оду иллюстрациях начальная заставка изображает женщину с крыльями, летящую к всевидящему оку Божию сквозь уроборос.

Державин объясняет смысл иллюстрации следующим образом: «Душа, отделясь от тленного мира, возлетает к творцу сквозь эмблему вечности». На заставке в конце оды видна бабочка – «символ возрождения и бессмертия» (ил. 3) [Там же, с. 11].

3. Бабочка [Сочинения Державина, т. 2, с. 11]
Butterfly [Сочинения Державина, т. 2, с. 11]

Любопытно, что в иллюстрациях к более позднему стихотворению «Бабочка» (1802–1808) нет ее изображения [Сочинения Державина, т. 2, с. 437]. И здесь насекомое является символом преобразования; Державин воспеваеет ее радостную жизнь и заключает свое двенадцатистишие пожеланием превратиться в бабочку, то есть стать бессмертным:

Я бы пил – и, вновь влюбляясь,
Лишь в веселье дни провел
И, с духами сочетаюсь,
Был нетления символ

[Там же, с. 437–438].

Если в оде «Бессмертие души» метаморфоза бабочки является центральным образом для выражения заглавной темы, то в стихотворении «Бабочка» Державин отождествляется с насекомым, сам превращаясь в символ бессмертия.

В двух произведениях разных периодов – переложении псалма 103 (1789) и стихотворении «Утро» (1800) – налицо образ «чудесной пестроты» фауны в целом, а не отдельно взятых животных. Данные стихотворения содержат картины природы, изобилующие изображениями зверей; второе особенно тесно связано с конкретным визуальным представлением.

Первое произведение, «Величество Божие», является переложением одного из самых лирических псалмов – 103-го («Благослови, душе моя, Господа») [Venditti]. В тексте изображается сотворение мира и дана картина мироздания с его обитателями и пейзажами в соответствии с первой главой Книги Бытия. Животные – птицы небесные, рыбы и звери земные – были созданы Богом в пятый день; человек же был создан в шестой день как их властелин. В псалме 103 дано подробное описание фауны. Состоящий из 35 стихов текст стал поэтическим образцом изображения природы как Богоявления. Его перелагали стихами М. Ломоносов⁷ (1749, 64 стиха, неоконченное), А. Сумароков (1774, 96 стихов), Ф. Козельский (1778, 116 стихов) и Г. Державин (1789, 132 стиха). В Псалтыри упоминаются девять земных животных: «звери селные», «онагри» (дикие ослы), птицы, скот, «еродий» (аист), елень (олень), заяц, «звери дубравны», «скимни» (львы).

Ломоносов и Сумароков сохраняют коллективные названия животных, избегая употребления церковнославянских форм. У Ломоносова находим следующие наименования животных: «звери», «ослы»⁸, «птицы», «стадо»; у Сумарокова – «скот», «птицы», «дикая коза», «кролики», «зверь». Козельский и Державин, напротив, воспроизводят набор всех зверей, упомянутых в псалме. Главным приемом

⁷ Г. Кайпертом установлено, что Ломоносов переводил не из церковнославянской Псалтыри, а из протестантской [Keipert].

⁸ В первоначальном варианте фигурируют онагри.

Державина в переложении из Псалтыри является амплификация; 35 стихов оригинала у него превращаются в 132 стиха. Сопоставим текст псалма со стихами Державина:

Псалом 103

Державин

11. Напаяют вся <i>звери селныя</i>, ждут <i>онагри</i> в жажду свою.	<p>Велишь внутрь гор ключем им бить,
Из дебрей реки проливаешь,
<i>Зверям, онаграм</i> посылаешь
Посвюду жажду утолить.</p>
<p>12. На tych <i>птицы</i> небесныя при-
витают: от среды камня дадят
глас.</p>	<p>А там, по синеве небес
Виясь, <i>пернатые</i> летают,
Из облак гласы испускают
И свищут на ветвях древес.</p>
<p>14. Прозябаяй траву <i>скотом</i>, и злак
на службу человеком, извести хлеб
от земли.</p>	<p>Из недр земных траву <i>скотам</i>
Произращаешь в насыщенье,
На разное употребленье
Различный злак изводишь нам.</p>
<p>17. тамо <i>птицы</i> вогнездытся, <i>еро-
диево</i> жилище предводи-телствует
ими.</p>	<p>Ты мелких <i>птичек</i> умудрил
Свои вить сокровенно гнезды,
<i>Эродий</i> же свое под звезды
Чтобы на соснах возносил.</p>
<p>18. Горы высокия <i>еленем</i>, камень
прибежище <i>заяцем</i>.</p>	<p>По высотам крутых холмов
Ты прядать научил <i>еленей</i>,
А <i>зайцам</i> средь кустов и теней
Ты дал защиту и покров.</p>
<p>20. Положил еси тму, и бысть
нощь, в нейже пройдут вси <i>зверие
дубравнии</i>,</p>	<p>Как день Ты удалишь, и нощь
Покров свой расстилает черный, –
<i>Лесные звери и дубровны</i>,</p>
<p>21. <i>скимни</i> рыкающи восхитити,
и взыскати от Бога пищу себе.</p>	<p>И <i>скимн</i> выходит, яр и тощъ
[Сочинения Державина, т. 1, с. 238–240]</p>

Обратим внимание на ливанский кедр – библейское дерево, символизирующее прочность, нетленность, и на употребление церковнославянских форм: онагри, еродий, скимн. Такие формы и образы встречаются все чаще в позднем творчестве Державина, когда его язык стилизуется под архаику. Например, неудобочитаемые строки стихотворения «Эродий над гробом праведницы» 1806 г., где аист является символом благочестия:

Как урны глиняны, скудельны,
На круговратной жидясь дске...

[Сочинения Державина, т. 2, с. 603].

Интересное и малоизученное второе стихотворение «Утро» (1800) является введением к державинскому переводу «Гимна Зевсу» стоика Клеанта⁹.

В «Рассуждении о лирической поэзии» Державин вслед за Тредиаковским отождествляет оду с псалмом как самое возвышенное произведение, где выражается восторг человека перед Божественным творением:

Человек, из праха возникший и восхищенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим восклицанием. Все его окружающее: солнце, луна, звезды, моря, горы, леса и реки напояли живым чувством и исторгали его гласы. <...> [Ода] не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной... [Сочинения Державина, т. 7, с. 517–518].

Священные псалмы представляют собой самый яркий пример подобной лирической поэзии, и в ней поэт упоминает именно Клеанта:

Из языческих всех ближе подходит к ним [священным гимнам] по очищенным мыслям от идолопоклонства и по высокому своему содержанию гимн греческого стоического философа Клеанта, напечатанный в моих сочинениях [Там же, с. 577].

Вводные стихи оды «Утро» являются реализацией данного понимания поэзии: они изображают Клеанта, который утром выходит из пещеры и смотрит на просыпающийся мир природы. Данное зрелище вдохновляет его сочинить гимн Зевсу. Таким образом, «Утро» является зрительным поэтическим предисловием к переводу гимна Клеанта. В рамках обсуждаемой в статье темы особо интересен пассаж с описанием мира животных. Его образность очевидно восходит к вышеупомянутому псалму 103. При этом Державин, как всегда, расширяет картину:

Там с холма вниз глядит, навесясь, темный *кедр*,
 Там с шумом вержет *кит* на воздух рек стремленье,
 Там челн на парусах бежит средь водных недр;
 Там, выплыв из пучины,
 Играют, резвятся *дельфины*,
 И *рыб* стада сверкают чешуей,
 И блещут *чуды* чрева белизной.
 А там среди лесов гора переступает, –
 Подъемлет хобот *слон* и с древ плоды снимает;

⁹ Оба текста опубликованы отдельной брошюрой под названием «Утро» и «Гимн Клеантов» в 1802 г.

Здесь вместе два холма срослись
И на верблюде поднялись;
Там конь, пусть по ветру гриву,
Бежит и мнет волнисту ниву.
Глазами красными блестит;
Там *серны*, прядая с холма на холм стрелами,
Стоят на крутизнах, висят под облаками;
Тут, взоры пламенны вверх устремляя к ним,
На лапах жилистых сидит зубастый *скимн*;
Здесь пестрый алчный *тигр* в лес крадется дебристый
И ищет, где залег *олень* роговетвистый;
Там к плещущим ключам в зеленый мягкий лог
Стремится в жажде пить *единорог*;
А здесь по воздуху витает
Пернатых *насекомых* рой,
Леса, поля, моря и холмы населяет
Чудесной пестротой

[Сочинения Державина, т. 2, с. 319–320].

Державин добавляет к животным псалма 103 фантастического единорога, «греческих» дельфинов и многих других существ, накладывая на библейский образец классическую картину. Как изобилие, так и набор этой «говорящей живописи» связывают данное стихотворение с изображениями сотворения животных в западноевропейской живописи и графике – в первую очередь со знаменитой ватиканской фреской «Сотворение животных» Рафаэля Санти, созданной в 1518–1519 гг.

В течение XVII столетия был создан ряд гравюр на меди, на которых были воспроизведены сюжет и композиция Рафаэля. Известны, в частности, копии «Сотворения животных» руки Джованни Ланфранко 1607 г., Орацио Борджанни 1615 г., Франческо Вилламена 1626 г. и Чезаре Фантетти 1675 г. [Rijksmuseum]. Произведение итальянского художника, которого в XVIII в. прозвали «божественным», было широко известно.

Державину творчество Рафаэля было знакомо, о чем свидетельствует зачин к оде «Изображение Фелицы» (1789), в котором поэт обращается к нему:

Рафаэль! Живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать...

[Сочинения Державина, т. 1, с. 270–272].

Существует богатая исследовательская литература на тему обращения Державина к творчеству Рафаэля [см., например: Ларкович, 2010]. Известно, что первая иллюстрация к оде «Бог» была нарисована Р. К. Жуковским по картине Рафаэля [Сочинения Державина, т. 1, с. XXXIV]. Кроме того, знаменитый художник итальянского происхождения С. Тончи, написавший известный портрет Державина, учился в Риме и «изучил искусство сам по картинам Рафаэля» [Там же, т. 2, с. 401]; именно ему поэт посвятил стихотворение «Тончию» (1801). Однако до сих пор не была отмечена корреляция между «Сотворением животных» Рафаэля и набором животных в оде «Утро». О значении данного сюжета в творчестве Державина свидетельствует подобранная им заключительная заставка-иллюстрация к оде «Гимн Солнцу» (1802), на которой воспроизведена, судя по всему, только та часть картины Рафаэля, где «под тенистым дровом в полдни покоятся собравшиеся звери и птицы» [Там же, с. 413] (ил. 4).

4. Гимн солнцу [Сочинения Державина, т. 2, с. 417]
Hymn to the Sun [Сочинения Державина, т. 2, с. 417]

Д. Ларкович утверждает, что экфрасис – это часто употребляемый поэтом прием: «Державин, как правило, избегает давать точные отсылки к художественным первоисточникам своих стихотворных экфрасисов, что позволяет ему достаточно вольно интерпретировать живописные и скульптурные изображения, подчас соединяя или используя их лишь в качестве некой отправной точки развития собственного поэтического замысла» [Ларкович, 2010, с. 48].

В лирике Державина животные встречаются в самых разных формах и функциях как в самих стихотворениях, так и в подобранных поэтом иллюстрациях. Поэтический бестиарий Державина очень богат, особенно по сравнению с творчеством других поэтов его времени. Животные постепенно становятся неотъемлемой частью пейзажа; согласно эстетической концепции Державина, поэзия должна изображать «блестящие и живые картины, с природой сходственные виды», включая мир фауны. Одна из функций образа животных у поэта заключается, таким образом, в оживлении пейзажа (в противоположность неподвижным картинам классицизма). Данная функция варьирует на разных этапах творчества поэта в зависимости от выбранного им жанра. Державин обращается к образам животных с разными целями, от символической до шутовой; выбор конкретного животного всегда соответствует замыслу стихотворения. В поздний период творчества в связи с тенденцией к архаизации образы животных у Державина приобретают все более ярко выраженный символический или мифологический характер.

Мир животных в поэзии Державина связан с изобразительным искусством и с эмблематикой; примечательно, что образ животного особо заметен в жанрах, принадлежащих к противоположным стилистическим регистрам, – в бурлескных произведениях и в духовных одах. Ранние эмблематические иллюстрации носят шуточный характер и связаны с любовной тематикой. Животные, наделенные бурлескной функцией, встречаются в таких неопубликованных произведениях, как «Похвала комару» и стихи на смерть собаки. Когда мир животных представляет природу как Богоявление, следуя библейским или классическим источникам, Державин обращается к живописи. Особенно репрезентативным в этом отношении можно считать случай обработки сюжета фрески Рафаэля «Сотворение животных».

Список литературы

- Буслаев Ф. И. Иллюстрация стихотворений Державина // Буслаев Ф. И. Мои досуги : в 2 ч. М. : [Б. и.], 1886. Ч. 2. С. 70–166.
- [Венгеров С. А.] Русская поэзия : собр. произв. рус. поэтов : в 2 т. СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1897. Т. 1. Вып. 1–6. XVIII век. Эпоха классицизма. XXII, 992 с.
- Вендитти М. Похвала комару Державина: интертекстуальность и автосемантическая // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. № 36. 2008. P. 27–46.
- Вендитти М. «Лебедь» Г. Р. Державина: горацанская традиция и образ поэта // History and Literature in Eighteenth-Century Russia / ed. by S. Bogatyrev, S. Dixon. London : Study Group on Eighteenth-Century Russia, 2013. P. 48–60.

Вендитти М. Жанр надписи в творчестве Г. Р. Державина (стихи на смерть собаки) // Рус. лит. 2021. № 2. С. 31–39. DOI 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39.

Данько Е. Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина // XVIII век : ст. и материалы / отв. ред. Г. А. Гуковский. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Сб. 2. С. 218–222.

Демин А. О. О театральных источниках кантаты Г. Р. Державина «Персей и Андромеда» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3. Литературное произведение: сюжет и мотив : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. С. 37–46.

Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М. : Индрик, 2010. 440 с.

Ларкович Д. В. Трансформация змеборческих сюжетов в поэзии Г. Р. Державина // Самобытность таланта (творческая индивидуальность писателя в контексте литературной традиции). Вып. 4. Сургут : РИО СурГПУ, 2006. С. 5–21.

Ларкович Д. В. Экфрасис и проблема творческой интермедийности в поэзии Г. Р. Державина // Искусство и образование. 2010. № 1 (63). С. 42–55.

Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 344 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. 1281 с.

Остолопов Н. Ф. Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта. СПб. : Тип. И. Глазунова, 1822. 108 с.

Поэты XVIII в. : в 2 т. / под ред. сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана. Л. : Сов. писатель, 1972. Т. 1. 629 с.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб. : Наука, 1992–. Вып. 8. 256 с. Вып. 12. 256 с.

Сочинения Державина : в 9 т. / с объяснит. прим. Я. Грота. СПб. : Имп. акад. наук, 1864–1883.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений : в стихах и в прозе : в 10 ч. / собр. и изд. Н. Новиковым. М. : Университет. тип. Н. Новикова, 1781–1782. Ч. 1. 390 с. Ч. 7. 377 с.

Фаустов А. Полет ласточки в русской поэзии // Звери и их репрезентации в русской культуре / под ред. Л. Геллера и А. Виноградовой де ля Фортель. СПб. : Балтийские сезоны, 2010. С. 38–67.

Херасков М. М. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1961. 421 с.

Щеглов Ю. Из иллюстраций поэтической изобретательности Державина («Ласточка») // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 4. Гаврила Державин / под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфильд (Вермонт) : Рус. шк. Норвич. ун-та, 1995. С. 283–292.

Эмблемы и символы = Emblemata et symbola / под ред. А. Е. Махова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНТРАДА, 2000. 368 с.

Эшттейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... : Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.

Эшттейн М. Стихи и стихии : Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара : Бахрах-М, 2007. 351 с.

Bestiaire des Lumières // Rev. des Sciences Humaines. 2009. № 296. 244 p.

Keipert H. «Курица не птица и кит не змий» : Zu M. V. Lomonosovs Preloženie psalma 103 // Tradizione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo. Alessandria : Edizioni dell'Orso, 1999. P. 349–374.

Rijksmuseum : [website]. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/collection/RP-P-2016-692-127> (accessed: 12.01.2021).

Venditti M. Il poeta e l'ineffabile. Le odi duchovnye di G. R. Deržavin. Napoli : M. D'Auria, 2010. 224 p.

References

- Bestiaire des Lumières. (2009). In *Revue des Sciences Humaines*. No. 296. 244 p.
- Buslaev, F. I. (1886). Illyustratsiya stikhotvorenii Derzhavina [Illustration of Derzhavin's Poems]. In Buslaev, F. I. *Moi dosugi v 2 ch.* Moscow, S. n. Part 2, pp. 70–166.
- Dan'ko, E. Ya. (1940). Izobrazitel'noe iskusstvo v poezii Derzhavina [Visual Art in Derzhavin's Poetry]. In Gukovskii, G. A. (Ed.). *XVIII vek. Stat'i i materialy*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Iss. 2, pp. 218–222.
- Demin, A. O. (1999). O teatral'nykh istochnikakh kantaty G. R. Derzhavina "Persei i Andromeda" [On the Theatrical Sources of G. R. Derzhavin's Cantata *Perseus and Andromeda*]. In *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury*. Iss. 3. *Literaturnoe proizvedenie: syuzhet i motiv. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 37–46.
- Epstein, M. (2007). *Stikhi i stikhii. Priroda v russkoi poezii XVIII–XX vv.* [Poems and Elements: Nature in Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. Samara, Bakhrahk-M. 351 p.
- Epstein, M. N. (1990). *Priroda, mir, tainik vselennoi... Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [Nature, the World, the Secret of the Universe... The System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vysshaya shkola. 303 p.
- Faustov, A. (2010). Polet lastochki v russkoi poezii [The Flight of a Swallow in Russian Poetry]. In Geller, L., Vinogradova de La Fortelle, A. (Eds.). *Zveri i ikh reprezentatsii v russkoi kul'ture*. St Petersburg, Baltiiskie sezony, pp. 38–67.
- Grot, Ya. (Ed.). (1864–1883). *Sochineniya Derzhavina v 9 t.* [Works of Derzhavin. 9 Vols.]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.
- Keipert, H. (1999). "Kuritsa ne ptitsa i kit ne zmii". Zu M. V. Lomonosovs Preloženie psalma 103 ["A Chicken is Not a Bird and a Whale is Not a Snake": M. V. Lomonosov's Appendix to Psalm 103]. In *Tradizione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo*. Alessandria, Edizioni dell'Orso, pp. 349–374.
- Kheraskov, M. M. (1961). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 421 p.
- Klein, I. (2010). *Russkaya literatura v XVIII veke* [Russian Literature in the 18th Century]. Moscow, Indrik. 440 p.
- Larkovich, D. V. (2006). Transformatsiya zmeeborcheskikh syuzhetov v poezii G. R. Derzhavina [Transformation of Snake-Fighting Plots in the Poetry of G. R. Derzhavin]. In *Samobytnost' talanta (tvorcheskaya individual'nost' pisatelya v kontekste literaturnoi traditsii)*. Iss. 4. Surgut, RIO Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 5–21.
- Larkovich, D. V. (2010). Ekfrasis i problema tvorcheskoi intermedial'nosti v poezii G. R. Derzhavina [Ekphrasis and the Problem of Creative Intermediality in the Poetry of G. R. Derzhavin]. In *Iskusstvo i obrazovanie*. No. 1 (63), pp. 42–55.
- Larkovich, D. V. (2011). *G. R. Derzhavin i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya* [G. R. Derzhavin and the Artistic Culture of His Time: The Formation of an Individual Author's Consciousness]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 344 p.
- Lomonosov, M. V. (1959). *Polnoe sobranie sochinenii v 11 t.* [Complete Works. 11 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. Vol. 8. Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. 1732–1764 gg. 1281 p.
- Makhov, A. E. (Ed.). (2000). *Emblemy i simvol'y = Emblemata et symbola* [Emblems and Symbols = Emblemata et symbola]. 2nd Ed., add. Moscow, INTRADA. 368 p.
- Makogonenko, G. P., Serman, I. Z. (Eds.). *Poety XVIII veka v 2 t.* [18th-Century Poets. 2 Vols.]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. Vol. 1. 629 p.
- Ostolopov, N. F. (1822). *Klyuch k sochineniyam Derzhavina, s kratkim opisaniem zhizni sego znamenitogo poeta* [The Key to the Works of Derzhavin, with a Brief Description of the Life of This Famous Poet]. St Petersburg, Tipografiya I. Glazunova. 108 p.
- Rijksmuseum* [website]. (N. d.). URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/collection/RP-P-2016-692-127> (accessed: 12.01.2021).

Shcheglov, Yu. (1995). Iz illyustratsii poeticheskoi izobretatel'nosti Derzhavina ("La-stochka") [From Illustrations of Derzhavin's Poetic Ingenuity (*The Swallow*)]. In *Norvichskie simpoziumy po russkoi literature i kul'ture. Vol. 4. Gavriila Derzhavin*. Northfield (Vermont), Russkaya shkola Norvichskogo universiteta, pp. 283–292.

SRYa XVIII v. – Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1992–). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [A Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. St Petersburg, Nauka. Iss. 8. 256 p. Iss. 12. 256 p.

Sumarokov, A. P. (1781–1782). *Polnoe sobranie vsekh sochinenii. V stikhakh i v proze v 10 ch.* [Complete Collection of All Works. In Verse and Prose. 10 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova. Part 1. 390 p. Part 7. 377 p.

Venditti, M. (2008). Pokhvala komaru Derzhavina: intertekstual'nost' i avtosemantichnost' [Praise for Derzhavin's Mosquito: Intertextuality and Autosemantics]. In *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. No. 36, pp. 27–46.

Venditti, M. (2010). *Il poeta e l'ineffabile. Le odi duchovnye di G. R. Derzhavin*. Napoli, M. D'Auria. 224 p.

Venditti, M. (2013). "Lebed'" G. R. Derzhavina: goratsianskaya traditsiya i obraz poeta [*The Swan* by G. R. Derzhavin: The Horatian Tradition and the Image of the Poet]. In Bogatyrev, S., Dixon, S. (Eds.). *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*. L., Study Group on Eighteenth-Century Russia, pp. 48–60.

Venditti, M. (2021). Zhanr nadpisi v tvorchestve G. R. Derzhavina (stikhi na smert' sobaki) [The Genre of Inscription in G. R. Derzhavin's Poetry (Poems on the Death of a Dog)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 31–39. DOI 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39.

[Vengerov, S. A.] (1897). *Russkaya poeziya. Sobranie proizvedenii russkikh poetov v 2 t.* [Russian Poetry. A Collection of Works of Russian Poets. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya I. A. Efrona. Vol. 1. Iss. 1–6. XVIII vek. Epokha klassitsizma. XXII, 992 pp.

The article was submitted on 17.03.2021

PUNISHMENT, ENFORCEMENT, AND FUNCTIONARIES: THE RUSSIAN ROUTE

DOI 10.15826/qr.2022.1.664

УДК 94(47)"8/14" + 340(091) + 343.8 + 27-175.3 + 27-543.8

Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике*

Константин Костромин

Санкт-Петербургская духовная академия,
Санкт-Петербург, Россия

Heavenly and Earthly Princes in Old Rus': From Theological Reflection to Practice

Konstantin Kostromin

St Petersburg Theological Academy,
St Petersburg, Russia

The system of punishment in medieval Russian law cannot be considered sufficiently studied. Researchers single out types of punishments that are not found in legal documents, but, obviously, were applied in practice. Punishments can be divided, with some degree of conventionality, into judicial and extrajudicial. However, God can also punish, both in this life and at the Last Judgment. This article is devoted to the problem of “rivalry” between the earthly and heavenly courts in the ideas of the people of pre-Mongol Rus'. The article resolves the issue of the applicability of the *non bis in idem* principle within the framework of the problem posed and considers key plots from *The Tale of Bygone Years* and *The Kievan Caves Patericon*. This analysis makes it possible to single out issues that were decided by an earthly court and those disasters that befell society and individuals which contemporaries saw as punishment. Among the legal sources, the author refers to the *Russian Pravda* and the Charters of princes Vladimir, Yaroslav, and Vsevolod. The author also compares different methods of punishment with the way they are reflected in the sources. Since the imposition of fines prescribed by legal documents is not reflected in the narrative sources,

* *Citation*: Kostromin, K. (2022). Heavenly and Earthly Princes in Old Rus': From Theological Reflection to Practice. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 151–167. DOI 10.15826/qr.2022.1.664.

Цитирование: Kostromin K. Heavenly and Earthly Princes in Old Rus': From Theological Reflection to Practice // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 151–167. DOI 10.15826/qr.2022.1.664 / Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 151–167. DOI 10.15826/qr.2022.1.664.

an emphasis is made on extrajudicial punishment (the surviving practices of blood vengeance or *“potok i razgrablenie”*). An attempt is made to determine the line after which the imposition of punishment for this or that injustice (and, more often, for the totality of acts) was beyond the rights and opportunities of the princes. This is when the chronicler saw an intervention of God, which could be qualified as “revenge” or “punishment”. In addition, the author reveals a connection with the punishments of the penitentiary discipline of the sacrament of confession. However, it is impossible to completely abstract the earthly court and the punishment it imposes from the punishment imposed by God in medieval Rus’.

Keywords: medieval Rus’, judgment, punishment, reprisal, revenge, Last Judgment, penance

Систему наказаний в древнерусском праве нельзя считать детально разработанной. Исследователи выделяют виды наказаний, которые не встречаются в памятниках права, однако, очевидно, применялись на практике. Наказания можно с некоторой долей условности разделить на судебные и внесудебные. Однако наказать может и Бог, причем как в этой жизни, так и на Страшном суде. Статья посвящена проблеме «соперничества» земного и небесного суда в представлениях людей домонгольской Руси. В ней решен вопрос о применимости принципа «non bis in idem» в рамках поставленной проблемы, а также рассмотрены ключевые сюжеты из Повести временных лет и Киево-Печерского патерика, анализ которых позволяет выделить вопросы, решавшиеся земным судом, и те, наказание за которые современники видели в бедствиях, постигавших общество и отдельных людей. Среди правовых источников использовались Русская Правда, уставы князей Владимира, Ярослава и Всеволода. Автор сопоставляет различные виды наказаний с тем, как их применение представлено в источниках. Поскольку предписанное правовыми памятниками наложение штрафов не отражено в нарративных источниках, акцент сделан на внесудебных расправах (сводимых к реликтам кровной мести или «поток и разgrabлению»). Сделана попытка определить грань, после которой наложение наказания за ту или иную несправедливость (а чаще – по совокупности деяний) оказывалось вне прав и возможностей князей и после которой летописец видел вмешательство Бога, которое могло быть квалифицировано как «месть» или «казнь». Кроме того, выявлена связь с наказаниями пенитенциарной дисциплины таинства исповеди. Однако полностью абстрагировать земной суд и накладываемое им наказание от наказания от Бога в Древней Руси оказывается невозможным.

Ключевые слова: Древняя Русь, суд, наказание, расправа, месть, Страшный суд, епитимия

Принятие христианства Древней Русью привело к быстрой рецепции христианских идей той частью элиты, которая была связана с хранением, передачей и эксплуатацией культуры во всем многообразии ее форм (художественной, политической, бытовой и проч.). Помимо

прочего, среди воспринятых элементов оказались как христианское мировоззрение совместно с христианской книжностью, так и система византийского права, совмещенная с автохтонными и иными внешними (условно)правовыми традициями. Некоторые элементы того и другого должны были войти во внутреннее противоречие в сознании древнерусских христиан с привычными представлениями о справедливости и способами ее достижения или, по крайней мере, создать определенные мировоззренческие затруднения. Рассмотрим один пример такого затруднения – проблему «соперничества» земного и небесного суда в отношении назначения наказания.

Воспринимая христианские идеи, древнерусские книжники и их читатели, проповедники и их слушатели в качестве одной из основных восприняли идею божественного возмездия, как текущего – Бог наказывает за грехи уже в этой жизни, так и посмертного – на Страшном суде. Эта краеугольная христианская идея неизбежно вступала в противоречие с необходимостью земного суда и наказания виновных. Наиболее ярко эта проблема подана на страницах Повести временных лет в описании правления св. князя Владимира после крещения:

И живяше Володимиръ въ страсе Божии. И умножишася разбое-
ве, и рече епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници, почто
не казниши?» Он же рече: «Боюся греха». Они же реша ему: «Ты постав-
ленъ еси от Бога на казнь злымъ, а на милование добрымъ. Достоить ти
казнити разбойника, нъ съ испытаниемъ». Володимеръ же отвергъ виры
и нача казнити разбойники. <...>. И реша епископы и старци: «Рать
много, а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди». И рече Володимеръ:
«Да тако буди». И живяше Володимеръ по устроению дедню и отню
[Повесть временных лет, с. 170].

Даже в этой очень схематично представляющей проблему летописной статье очевидно противоречие, которое можно описать как «соперничество» земного и небесного суда. Ведь правителю трудно навязать самому себе и окружающим теократическую мысль, что он принимает решение о наказании, руководствуясь велениями свыше, если сам в этом не убежден. А ведь, помимо проблемы «соперничества», здесь можно увидеть и еще одну – нарушение принципа «*non bis in idem*» («не дважды за одно и то же»), хорошо известного в римском праве.

С положением «*non bis in idem*» не все просто. Взятое в чистом виде, оно предполагает, что дважды нельзя наказать за любое преступление и в любом суде. С таким смыслом этот принцип заложен в большинство современных законодательных систем, однако в древности его содержание не было столь широким. Как отмечает В. В. Пономарева, «интересующая нас формула римского права звучит совершенно иначе: “*nemo debet bis purini pro uno delicto*” (“никто не должен дважды нести наказание за одно правонарушение”). Немаловажно обратить внимание на термин “*delicto*”, свидетельствующий

о частнопроводимом характере судебного процесса, в рамках которого виновного преследует сам пострадавший» [Пономарева, с. 81].

И действительно, такая формула, идущая из эпохи Римской республики, предполагала куда более узкое специализированное применение: «Исконным правилом римского процесса было то, что, раз дело было доведено до *litis contestatio*, истец после этого не может уже во второй раз вчинить иск о том же, хотя бы по первому процессу разбора и приговора почему-либо не было. Это правило было сформулировано, вероятно, еще республиканскими юристами в виде изречения “*ne bis de eadem re sit actio*”. Осуществляется это правило, однако, различно: при *actiones in personam in jus conceptae* – *ipso jure*, т. е. без особой ссылки на это со стороны ответчика; при *actiones in rem* и при *actiones in factum conceptae* – посредством включения в формулу (вторичного иска) *exceptio rei in iudicium deductae*: ответчик, таким образом, должен заявить об уже состоявшейся *litis contestatio in iure*, иначе потом судья его обвинит» [Покровский, с. 157]. Это означает, что принцип действовал только в рамках частнопроводимого судопроизводства, не касался собственно наказания и распространялся только на взаимоотношения истца и ответчика в пределах судебного разбирательства.

Однако со временем применение принципа расширялось. Например, если у должника было несколько поручителей, то согласно принципу «*non bis in idem*» истец мог предъявить иск только одному из них (то есть не мог подать одновременно иск и в отношении остальных), и решение в отношении одного распространялось и на остальных [Buckland, p. 446, 702]. История государства и права знает прецеденты XVII в., в которых эта норма уже применялась в уголовном разбирательстве и касалась меры пресечения – например, ареста [Старостина, с. 70]. Однако В. Бакленд считал, что уже ко времени Юстиниана Великого этот подход «был не особым правилом для конкретного случая, а применением общего принципа» [Buckland, p. 454].

Вопрос, имели ли эти нормы отношение к древнерусским реалиям, должен быть решен хотя бы в общих чертах. Нельзя однозначно утверждать, что с момента своего появления древнерусская церковная традиция была знакома со всем корпусом римского права, в котором, к примеру, он знаком нам. Исследуемая нами норма содержалась в Дигестах Юстиниана (48.2.14): «*Paulus libro secundo de officio proconsulis: Senatus censuit, ne quis ob idem crimen pluribus legibus reus fieret*» [Domini Nostri Sacratissimi Principis] («Вторая книга Павла о должности проконсула: Сенат проголосовал за то, чтобы никто не был привлечен к суду по нескольким законам за одно и то же преступление»). Была ли известна эта норма на Руси и могла ли учитываться на суде и назначении наказания или хотя бы просто иметься в виду древнерусскими книжниками или архиереями? Насколько можно судить, в составе кормчих книг данная норма отсутствовала [Корогодина, с. 89–94], хотя бы потому, что была гражданской и в число церковных канонов не входила, хотя принцип был в известной степени универ-

сальным. Однако на Руси были те, кто мог транслировать эту норму по крайней мере в правоприменительной практике, – это архиереи, которые были ответственны за знание и трактовку канонических норм (такие как митрополиты Иоанн и Георгий и епископ Нифонт в XI–XII вв. на Руси), трансляцию номоканона (о чем прямо сказано в преамбуле к Церковному уставу князя Владимира) и церковный суд [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 59–62]. Знание этой нормы отразилось в Повести временных лет в рассказе о нападении половцев:

Едиho прещенье, едина казнь, многовещныя имуще раны и различныя печали, и страшныя муки... Душа бо, zde казнима, всяко у будущий векъ обрящемъ милость и лготу от муки: не мьстить бо Господь двоиче о томь [Повесть временных лет, с. 256].

Эти детали необходимо иметь в виду при разрешении вопроса, может ли за один и тот же грех последовать наказание в земном суде, в земном наказании от Бога, а после смерти – еще и на Страшном суде, а также сказаться на судьбе потомков (Исх. 20 : 2–6; 34 : 6–7).

Какие виды наказаний знал земной древнерусский суд? Исследователи выделяют разные их виды, приведем два примера классификации наказаний в общем перечне и один – только для церковного суда:

– (1) Кровная месть (до издания Правды Ярославичей с отголосками еще около столетия)¹; (2) смертная казнь²; (3) «поток и разграбление»; (4) штраф; (5) заключение или изгнание (с оговорками, что заключение – наименее изученная и нечасто налагавшаяся мера); (6) телесные наказания и членовредительство [Рубаник, с. 206–246].

– (1) Проклятие; (2) «поток и разграбление», изгнание; (3) материальное наказание; (4) временное лишение свободы; (5) телесные наказания и членовредительство, в том числе смертная казнь [Зюбанов, с. 111–133].

– (1) Наказания, налагавшиеся на мирян: а) отлучение от церкви, б) епитимья, в) заключение в монастырь, г) денежные штрафы, д) телесные наказания; (2) наказания, налагавшиеся на клириков: а) извержение из сана, б) лишение права священнослужения, в) лишение должности, г) заключение в монастырь, д) денежные штрафы, е) телесные наказания [Николай (Ярушевич), с. 259–287].

Перечень вин, за которые могли назначаться те или иные наказания, можно найти в Законе судном людем, Русской Правде, Правде Ярославичей, Церковном уставе князя Владимира, Церковном уставе Ярослава, а также в византийском церковном законодательстве (Номоканон – Кормчая, Пандекты) и комментариях по вопросам правоприменения (канонические ответы русских иерархов). Большинство выделяемых исследователями наказаний присуждалось по итогам

¹ Следует отметить, что не все исследователи согласны с необходимостью относить кровную месть к числу наказаний и связывать ее с происхождением смертной казни. Например, против выступает Ю. В. Оспенников [Оспенников, 2016].

² Выделяется из расправы как институт не ранее XIII в. Благодаря за это уточнение и ряд других ценных замечаний доктора юридических наук Ю. В. Оспенникова.

суда – княжеского или архиерейского. К таковым не относилась кровная месть, которая деградировала по мере развития христианского самосознания, однако на излете была регламентирована даже в Русской Правде [Рубаник, с. 209–219]. Более того, смертная казнь как таковая (и даже членовредительство) не фигурировала среди видов наказаний в соответствии с правовыми памятниками Древней Руси [Зюбанов, с. 127–133]³, хотя изучение источников показывает, что при необходимости телесные повреждения, битье и даже смерть не только применялись, но и оправдывались необходимостью справедливого возмездия⁴. Но они не могли быть присуждены судом. Таким образом, шла борьба с пережитками языческих времен, где членовредительство и кровная месть были обычным явлением.

Прочие виды наказаний присуждались судом. Реформы суда эпохи князей Владимира и Ярослава предполагали замену иных видов наказания штрафом настолько широко, насколько это было возможно. Читая правовые тексты домонгольского периода, невольно приходишь к мысли, что только если речь идет о штрафе-вире, можно говорить о суде. И такие случаи почти не попадали в нарративные тексты. Все остальные виды наказаний – заключения, изгнания и снижение социального уровня (вплоть до изгойства, обращения в рабы или церковного отлучения) – хотя и упоминались в правовых памятниках, представляли собой внесудебные виды наказания, которые были достаточно широко распространены и назначались простым решением власти (не суда) – князя (иногда – веча) или архиерея (если речь шла об отлучении). Впрочем, противопоставлять суд и решение властей друг другу крайне трудно.

Это и был суд земной. В правовых памятниках почти нет прямых апелляций к суду небесному (если не считать преамбул к некоторым правовым документам)⁵, поскольку в них классифицировались преступления и регламентировались компетенция суда и тяжесть наказания за вину. При этом перечень преступлений, предполагавших судебное разбирательство или внесудебное наказание, кроме мести,

³ Хотя утверждается, что членовредительство не фигурировало в системе наказаний Древней Руси, в Законе судном людем есть несколько статей, предусматривавших урезание носа. Современные юристы исходят из того, что более поздний памятник права отменяет нормы, действовавшие в предыдущем, при их совпадении, однако очевидно, что в Древней Руси этот принцип также применялся, особенно если учесть тот факт, что Закон судный людем входил в состав некоторых кормчих [Корогодина, с. 559–560] и едва ли появился в Древней Руси намного раньше Правды Русской.

⁴ О том, что некоторые убийства можно рассматривать в качестве реализации принципа «потока и разграбления», пишет Ю. В. Оспенников [Оспенников, 2018, с. 11].

⁵ Один из нечастых случаев апелляции к Богу можно видеть в «Уставе великого князя Всеволода о церковных судах и о людех и о мерилах торговых». В этом памятнике права, во-первых, есть редкое предписание применения телесного наказания («А скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти») и, во-вторых, отсутствует земное наказание за оставление наследства незаконнорожденным детям – «а человек ся получает по грехам, прелюбодейнии, а не благословен Богом» [Стадников, с. 41, 43]. Впрочем, некоторые правовые процедуры, прежде всего крестоцелования и жребии, если не упоминать практиковавшихся, но запрещенных форм ордалий, можно квалифицировать как социально-религиозные [Оспенников, 2010].

смертной казни и членовредительства, не сопоставлялся ни в одном государственном памятнике (к числу которых несомненно относятся и церковные уставы) с грехами и наказаниями за них, хотя, если сравнивать пенитенциарные списки для совершения таинства исповеди с перечнями преступлений, можно найти значительную степень совпадения. Можно ли на этом основании сделать вывод, что мировоззрение древнерусского человека (особенно того, который принимал решение о наказании) исходило из следующего принципа: за одно деяние (в случае, если оно становилось известным) человек подвергался суду и наказанию только от земного суда, но не от небесного, и только в случае нераскаянности (или невозможности несения епитимьи ввиду строгости судебного решения, при наложении ее духовником становившейся к тому же еще одним наказанием в дополнение к судебному⁶) – наказанию на Божием суде? Думается, что однозначный положительный ответ на этот вопрос был бы преждевременным.

Итак, проблему нужно решать в двух плоскостях: как совместить наказание, наложенное судом, с епитимьей или нераскаянностью, и как совместить наказание внесудебное – смертную казнь или членовредительство, понижение социального статуса или заключение – с наказанием Бога за грех в этой жизни или после смерти.

Примеров наложения судебного наказания с епитимьей или нераскаянностью не известно. Впрочем, судебное постановление о штрафе не отменяет необходимости духовного роста, исправления своей жизни (если не рассматривать епитимью только как вид наказания, что, впрочем, неочевидно и зависит от личного отношения к епитимье как духовника, так и исправляемого грешника). Что же касается нераскаянности, то в Повести временных лет есть несколько персонажей, которые являются «окаянными» в этом, видимо, значении слова [Успенский, с. 33–39], но суд над ними никто официально не чинил. Это прежде всего Святополк Владимирович/Ярополчич, Горьсер с убийцами Бориса и Глеба, Глеб Всеславич, половцы и сам дьявол [Повесть временных лет, с. 130–131, 176–188, 264–265, 312–313] (интересно, что как только убийства прекратились и к Киеву подошли полки Ярослава, наименование Святополка окаянным в летописи заканчивается). Неизвестно ни одного случая, где бы нераскаянность связывалась с тем, что преступление было судимо или грех был обличен архиереем или духовником. То, что деятель является нераскаянным злодеем, летописец решал, очевидно, сам.

⁶ В качестве образца укажем на ст. 13 Церковного устава Ярослава: «Аще кум с кумою блуд створит, митрополиту 12 гривен, а опитем(и)и указан(и)е от Б(ог)а» [Древнерусские княжеские уставы, с. 87]; далее есть аналогичные статьи. Здесь совмещены штраф и епитимья, хотя по логике «наказание денежным штрафом за церковное преступление могло и не терять связи в своей цели с идеей душевного исправления, очищения – идеей церковных наказаний вообще» [Николай (Ярушевич), с. 273]. Получается, что двойная система судопроизводства – гражданско-церковная – в ряде вопросов требовала и двойного наказания, правда, земного. Однако в летописании или иных литературных памятниках Древней Руси примеров применения таких норм нет.

Ситуация с наказанием внесудебным представляется очень сложной. Существует достаточно много примеров расправы, которые имеют под собой если не правовые основания, то по крайней мере правовые интенции. Холоп Дудика, лишившийся рук по решению епископа Луки Жидяты [Гайденко, 2009, с. 60–61; Оспенников, Гайденко, с. 76–77]⁷, иноки Василий и Федор, герои Киево-Печерского патерика [Гайденко, 2021, с. 173–177]⁸, Федорец, нареченный епископом Ростовским [Оспенников, Гайденко, с. 79–97]⁹, – вот весьма неполный перечень пострадавших, палачи которых считали, что имеют определенные права на расправу. Косвенные указания на то, что эти расправы имели под собой видимость если не законности, то хотя бы субъективной справедливости, дают основание историкам права рассматривать их в контексте правовых традиций Руси или Византии (а может быть, и Западной Европы) либо судебных разбирательств, о которых сохранилось так мало исторических свидетельств. Однако обращает на себя внимание важная деталь: каждое из этих описаний, помимо рассказа о расправе, обязательно включает апелляцию к высшему (небесному) суду.

Наиболее откровенные отсылки к вмешательству Бога при несправедливой расправе встречаются в рассказах о Федорце и печерском иноке Григории. Автор Лаврентьевской летописи так рассуждает о несостоявшемся владимирском епископе:

В то же лето чудо створи Бог и святая Богородица новое в Володимери городе: изгна бо Бог и святая Богородица Володимерьская злаго... лжаго владыку Феодорца [ПСРЛ, т. 1, стб. 355].

Это пример земного проявления Божия суда, поскольку изгнание Федорца стало результатом не столько суда (поскольку наказание не соответствовало ни одному древнерусскому правовому положению), сколько стечения обстоятельств. Однако одного только земного наказания от Бога в виде изгнания (само членовредительство не трактовалось летописцем как небесная кара), очень напоминающего наказание для окаянного Святополка (как «окаянный», то есть подобный Каину, он был фактически изгнан с Руси), было для людей мало, и Федорец, «безъмилостив быв мучитель», был изувечен по решению митрополита Киевского Константина, хотя летописец был уверен, что и при этом он «на суде Божии осудися в муку», поскольку

⁷ Епископ Лука мог судить Дудика как клирика, оговорившего архиерея в блудном грехе, и руководствоваться при том представлениями выхода из дружинной среды.

⁸ Князь должен был считать, что имеет право на часть клада, который якобы был найден в пещере одного из иноков. Отказ иноков давать показания по этому делу привел к членовредительству, окончившемуся смертью подозреваемых.

⁹ Федорец получил от митрополита Константина наказание по совокупности совершенного им в Ростове, однако о суде как таковом в Лаврентьевской летописи не говорится именно потому, что никакая статья канонического или древнерусского права не предполагала такой жестокой санкции.

он «бес покаяния пребысть» [ПСРЛ, т. 1, стб. 356]. В качестве обоснования здесь была приведена фраза из Нагорной проповеди: «каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф 7 : 2) [Там же].

Эта евангельская фраза стояла и в обосновании свершившегося с князем Ростиславом Всеволодовичем несчастья, которое случилось вследствие убийства им инока Григория, поскольку «сътворит Господь въскоре рабомъ своимъ отмщение» [Киево-Печерский патерик, с. 410]. Последнее слово – отмщение – приведено здесь, очевидно, неслучайно. Кровная месть потому и вышла из употребления в древнерусском праве, поскольку право мести в христианской системе координат перешло к Богу. Бог мстит за обиженных, им не нужно заботиться об отмщении, и в этой высшей мести заключен в том числе суд Божий. Та же мысль вложена и в рассказ о гибели иноков Василия и Федора [Там же, с. 456–457].

В истории Каина и Авеля, которая стала хрестоматийной, будучи применена для герменевтического раскрытия истории Бориса, Глеба и Святополка, есть момент:

[Каин сказал:] вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. И сказал ему Господь [Бог]: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его (Быт. 4 : 14–15).

Этот текст был так или иначе знаком русским книжникам, поскольку входил в состав паремийников и читался на второй седмице Великого поста [Каталог памятников древнерусской письменности, с. 18, 62]. На память легко могли прийти слова из 17-го псалма: «Да будет превознесен Бог спасения моего, Бог, мстящий за меня, и покоряющий мне народы, и избавляющий меня от врагов моих!» (Пс 17 : 47–49). Несколько новозаветных текстов прямо перекладывали месть из рук людей в руки Божии: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь”» (Рим. 12 : 19)¹⁰; Божия воля в том, «чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво: потому что Господь – мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали» (1 Фес. 4 : 6). Почему руководители в лице не только князей, но даже и архиереев оправдывались, когда осуществляли от имени пострадавших месть Божию на провинившихся (особенно ярко это видно в истории с Федорцом)? Потому что «начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель

¹⁰ Этот текст был процитирован в приведенной выше статье Киево-Печерского патерика [Киево-Печерский патерик, с. 412–413].

в наказание делающему злое» (Рим. 13 : 4). Этот принцип дважды декларирован в истории ослепления князя Василька: один раз – от имени бояре и людей, и один – от имени самого летописца:

И рекоша бояре и людье: «Да аще есть молвилъ право Давыдъ, да прииметь Василко казнь: аще ли неправо глаголалъ Давыдъ, да прииметь мечь от Бога и отвещаетъ предъ Богомъ. <...> Се второе мьщенье створи, егоже бяше не лепо створити, дабы отместникъ Богъ былъ, и възложити было на Бога отмыщенье свое, якоже рече пророкъ: «И въздамъ мечь врагомъ и ненавиждащимъ мене въздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мьщати и мьстити, и въздасть мечь врагомъ и ненавиждащимъ его въздасть» [Повесть временных лет, с. 272, 280].

Представление о наказании Божиим в виде отмщения, которое может прийти через непредсказуемые обстоятельства (особенно как в случае с героями Киево-Печерского патерика, а также в судьбе Святополка Окаянного), дополняется другим видом наказания в виде «казней Божиих», упоминания о которых можно найти в статьях 6532 (1024), 6600 (1092) и 6618 (1110) Повести временных лет [Добровольский, с. 148]. Д. А. Добровольский попытался противопоставить два разных объяснения природы преодоления «казней Божиих» – «человек выбирает себе путь спасения» и «Бог направляет избранных своих в нужную сторону», то есть активную и пассивную формы отношения к действиям Бога. Трудно согласиться с тем, что вторая несовместима «с самой сущностью христианского учения» [Там же, с. 153]. Радость от осознания совершенного Иисусом Христом спасения человечества «от греха, проклятия и смерти» и деятельное покаяние всегда являлись двумя неразрывными элементами христианского учения, и никакого противоречия между ними нет¹¹. Засуха, войны и мор, а также нашествие иноплеменников (в данном случае половцев) являются наказанием Божиим за грехи людей. Если бы можно было выяснить, за какие конкретно грехи наказывает Бог, найти их в правовых текстах, передать на суд князю или митрополиту, присудить земное наказание и епитимью, привести грешников к покаянию, то Бог, может быть, и не стал бы наказывать дважды за то же самое и отвел бы свой гнев «еже на грешники».

Однако бывают сложные случаи. Так, смертью Святополка «Богъ показа на показание княземъ рускымъ, да аще сице же створять, се слышавше, ту же казнь приимуть, но больши сея, понеже се вѣдуще бывшее, створити такое же зло братоубийство» [Повесть временных лет, с. 188]. Братоубийство не присутствовало в числе уголовных престу-

¹¹ Примеров очень много. Для убедительности возьмем тексты близкого по времени древнерусского автора – святителя Кирилла Туровского. В «Повести Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве...» он прославляет покаяние, а в «Слове Кирилла, недостойного монаха, на Святую Пасху...» говорит о том, что Христос взял на себя грехи мира [Колесов, с. 50, 73].

плений отдельно [Рубаник, с. 184, 186]. С учетом того, что Святополк вынужден был бежать, фактически к нему оказались применены «поток и разграбление», полагавшиеся за «без вины на разбой» (убийство без причины) [Русская Правда, с. 497–498]. Но братоубийство – более тяжелое преступление, наказание за него стало для христианской Древней Руси прецедентным, и поэтому летописец был уверен, что земное наказание, недостаточное в данном случае, было компенсировано максимальным наказанием от Бога:

Его же и по правде, яко неправедна, суду пришедшу по отшествии сего света приаши муки сего, оканьнаго. Святополка показываше яве посланная пагубная рана, въ смерть немилостивно въгна, и по смерти вечно мучимъ есть и связанъ [Повесть временных лет, с. 188].

Другой случай:

[Князь Ярослав] приде к Суждалю, изьима волхвы, расточи, и другия показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грехомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человекъ не вестъ ничтоже» [Там же, с. 190].

Судить за «ведство» должен был митрополит [Древнерусские княжеские уставы, с. 15], однако князь опасался, что митрополит не справится в ситуации восстания волхвов, которые еще и «избиваху старую чадь» [Повесть временных лет, с. 190], то есть совершили преступление и по статьям, судимым князем, и принял решение, чтобы избежать Божьего наказания в виде каких-либо бедствий, по-своему наказать их сразу по совокупности деяний.

У летописца не было однозначного мнения и по поводу того, что спровоцировало приход иноплемennых – половцев – в 1068 г. Понимая, что ситуация как-то связана с поимкой Всеслава, он сопоставил эти сюжеты, в том числе упомянув, что «понеже Изяслав целовавъ крестъ и ят и, темже наведе Богъ поганяя, сего же яве избави крестъ честный» [Повесть временных лет, с. 212]. Ситуация была сложной: Изяслав Ярославич с братьями делал богоугодное дело – предотвращал междоусобную войну, однако, думая, что цель оправдывает средства, он арестовал зачинщика, преступив крестоцелование. Клятвопреступление само по себе было хотя и социально осуждаемым деянием, но не каралось ни по церковному, ни по гражданскому законодательству¹². В случае, если обвиняемого можно было обличить и приговорить ему наказание, это могло быть только церковное наказание

¹² Таких фактов довольно много. Можно, в частности, привести в пример грозные антилатинские предостережения, часто звучавшие в первой половине XII в. Но, попавшие в три канонических сборника, они не содержат ни одной санкции за их нарушение, кроме недолгого церковного отлучения за молитву у варяжского попа [Волужков, Костромин].

в виде десятилетнего отлучения от причастия, в случае вынужденной клятвы – шестилетнего [Кормчая, с. 621, 628–629], однако едва ли нашелся бы иерарх, который решился бы судить князя за такое преступление. Если же суд не решается признавать деяние преступным, то нет и наказания. Однако Бог может осудить князя¹³. Тем не менее, списывание на клятвопреступление казалось летописцу все равно недостаточным, и потому, объясняя казнь Божию в виде нашествия иноплемennых, летописец снова сослался на совокупность деяний, причем не только князя, но и людей:

Видимъ бо игрища утолочена, и людей множество на нихъ, яко упихати начнуть другъ друга, позоры деюще от беса замышленого дела, а церкви стоять... Да сего ради казни приемлемъ от Бога всякыя, нахождение ратныхъ; по Божью повелению приемлемъ казнь грехъ ради нашихъ [Повесть временных лет, с. 210].

Эти деяния будут однозначно осуждены только Владимирским собором 1274 г.

Таким образом, мы видим, что идея прижизненного наказания от Бога взамен наказания от власти предрержащих в древнерусской литературе превалировала. Как же совместить идею прижизненных «казней Божиих» с идеей посмертного наказания на Страшном суде, которого ждали и боялись древнерусские люди [Дергачева, с. 108]? Прижизненные «казни» должны были казаться более актуальными, чем Страшный суд, ведь кто-то должен был реагировать на попрание справедливости в условиях деградации государственных институтов. Развитие правосудия и наказания приостановилось после создания памятников права XI в. вплоть до конца XV в., хотя и с некоторыми оговорками [Юшков, с. 344]. Если Бог наказывает за грехи при жизни в условиях недостаточного правосудия земного, можно надеяться, что удастся избежать наказания на Страшном суде.

Однако нельзя утверждать, что пенитенциарные нормы таинства покаяния прекратили свое развитие в эту же эпоху, как и правовые нормы. В свое время А. И. Алмазов, проследивший историю древнерусского чинопоследования исповеди XV–XVII вв., удивлялся его разнообразию, хотя оно стало результатом развития одного только устава патриарха Иоанна Постника [Алмазов, с. 234–236, 286–302 и др.]. Ситуация кажется сходной с динамикой развития разнообразия в тексте Символа веры, некогда выявленной А. Гезеном и уточненной мною [Костромин]. Развитие чинопоследования таинства исповеди, быстрая его адаптация под требования момента заменяли отсутствие развития системы наказаний в гражданском судебном применении. Ведь в конце концов только истинное покаяние и нравственное исправление могли

¹³ «Богъ же показа силу крестъную на показание земли Русей, да не преступаютъ честнаго креста, целовавше его; аще ли кто преступитъ, то и сде приимуть казнь и на преидущемъ веце казнь вечную» [Повесть временных лет, с. 212].

отменить наказание не в веке сем, но в будущем [Страшный суд Божий, с. 13]¹⁴, а может быть, и отвести «казни Божии». Фактически именно исповедь и ее последствия – епитимья, запрет на причащение – часто заменяли собой судебное или внесудебное наказание.

Итак, как провести грань между карой небесной и наказанием земным? Прежде всего отметим важную деталь: дважды за одно не наказывает только Бог. Земной суд (неважно, формальный или нет) не гарантирует того, что Господь не захочет наказать виновного еще и от Себя. Такое заключение, вполне очевидное из рассмотренного материала, позволяет утверждать: земной суд, присуждающий штрафы, не реализует Божию волю по наказанию виновного, а руководствуется исключительно земными интересами. Поскольку христианская эпоха, вынужденная бороться с господствовавшими жестокими нравами, построенными на почти обязательной мести, запретила членовредительство, его акты перешли во внесудебную форму расплаты, существование которой можно было только ограничить рамками «максимально допустимой справедливости», но не полностью упразднить¹⁵. Фактически летописная история Руси домонгольской эпохи во многом есть история того, как происходила внесудебная расплата с теми, кто казался кому-то виновным, и как современники или потомки оценивали степень «справедливости» таких действий. Поскольку все эти случаи могут быть квалифицированы как экстраординарные, ординарное судопроизводство и его последствия не получили на страницах летописей соответствующего отражения.

Рассмотренные экстралегальные формы расправы сами по себе оказываются в куда более сложной правовой ситуации. Трудно однозначно решить, справедливы они в глазах внешнего наблюдателя (в нашем случае летописца) или нет. Тогда на подмогу приходит комплексный анализ ситуации, который предлагает читателям летописец: в совокупности с внешними угрозами (мор, нашествие иноплемеников) и стечением обстоятельств индивидуальные расправы могут восприниматься как элемент «казней Божиих», грозных самих по себе, но осуществляющих «промежуточный» суд Божий уже на земле и предотвращающих, как казалось летописцу и его современникам, вечное наказание за гробом. В конце концов, в ходе таких «комплексных» наказаний гибнет значительное количество ни в чем не повинных людей, и их грехи смываются переживаемыми напастями, облегчая их загробную участь, а для оставшихся в живых служат

¹⁴ Используем этот текст, поскольку он передает текст из Великих Миней Четых, а, по мнению О. В. Творогова, он соответствует той древнейшей редакции, в которой он попал в древнерусскую книжность [Творогов, с. 142].

¹⁵ Князя, удержавшегося от мести за несправедливость, летописец удостоил смертного панегирика: «Бе же Изяславъ мужь взоромъ красенъ, теломъ великъ, незлобивъ нравомъ, кривды ненавида, любя правду. Клюкъ же в немь не бе, ни лъсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло. Колко бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не възда противу тому зла» [Повесть временных лет, с. 238].

мощным предостережением. Разграничить «казни Божии» и наказание на Страшном суде невозможно хотя бы потому, что последний еще не наступил, и осуждение на вечную погибель кажется людям неотвратимым, хотя они прекрасно понимают, что это не так. Но остается надежда на то, что «казни Божии» на земле и хоть в какой-то мере суд митрополита или князя ослабят вину виноватого и послужат для Бога смягчающим обстоятельством при вынесении решения о наказании в Последний день.

Список литературы

- Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви : Опыт внешней истории : в 3 т. М. : Паломник, 1995. Т. 1. Общий устав совершения исповеди. 596 с.
- Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 496 с.
- Волужков Д. В., Костромин К. А.* К вопросу об отношении антилатинской полемики к церковному праву Древней Руси (XI–XII века) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. Вып. 1 (11). С. 44–56. DOI 10.24411/2618-9674-2019-10003.
- Гайденок П. И.* Еще раз о суде над Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. Вып. 7. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2009. С. 53–63.
- Гайденок П. И.* Княжеская расправа над иноками Василием и Феодором Печерскими (каноническо-правовая сторона совершившегося) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 170–180. DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_170.
- Дергачева И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М. : Кругъ, 2003. 360 с.
- Добровольский Д. А.* «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания : сб. ст. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2011. С. 144–154.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов. М. : Наука, 1976. 240 с.
- Зюбанов Ю. А.* Уголовный закон Древней Руси. М. : Проспект, 2016. 240 с.
- Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги). СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 944 с.
- Киево-Печерский патерик / подг. текста Л. А. Ольшевой, пер. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2016. Т. 4. XII век. С. 296–489.
- Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского : Притчи, слова, молитвы : исслед. и тексты. М. : Палея, 2009. 208 с.
- Кормчая (Номоканон) : Отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб. : Воскресение, 2004. 1481 с.
- Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века : в 2 т. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2017. Т. 2. Описание редакций. 648 с.
- Костромин К.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. № 1. С. 6–97.
- Николай (Ярушевич), иером.* Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). Пг. : Синод. тип., 1917. 666 с.
- Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. 2010. № 1 (11). С. 127–131.
- Оспенников Ю. В.* «Поток» и становление смертной казни в правовой традиции северо-западной Руси // Новгородика – 2015 : От «Правды Русской» к российскому конституционализму : материалы V междунар. науч. конф. Новгород : Изд-во НовГУ, 2016. С. 11–14.

Оспенников Ю. В. Об эволюции системы наказаний в средневековом Новгороде // Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность : материалы VI междунар. науч. конф. : в 2 т. Новгород : Изд-во НовГУ, 2018. Т. 2. С. 9–15.

Оспенников Ю. В., Гайденоко П. И. Церковный суд на Руси XI–XIV веков : Исторический и правовой аспекты. СПб. : Изд-во СПбПДА, 2020. 260 с.

Повесть временных лет / подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2016. Т. 1. XI–XII века. С. 62–315.

Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний сад, 1999. 533 с.

Пономарева В. В. *Ne bis in idem*: правило или принцип римского права? // Актуальные вопросы юридической науки. 2019. № 4 (4). С. 75–84.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М. : Языки рус. культуры, 2001. 496 стб.

Рубаник В. Е. Государство, право и суд в Киевской Руси : ист.-юридич. очерк. М. : Юрлитинформ, 2013. 352 с.

Русская Правда / подг. текста, перев. и коммент. М. Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2016. Т. 4. XII век. С. 490–517.

Стадников А. В. Церковный суд в системе российского правосудия в X – начале XX веков: документы и материалы : хрестоматия. М. : Ин-т повышения квалификации гос. служащих, 2003. 332 с.

Старостина П. В. Принцип «*non bis in idem*» в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 67–71.

Страшный суд Божий : Видение Григория, ученика святого и богоносного отца нашего Василия Нового Цареградского. М. : Рус. вестн., 1994. 77 с.

Творогов О. В. Житие Василия Нового // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.). Л. : Наука, 1987. С. 142–143.

Успенский Б. А. Борис и Глеб : Восприятие истории в Древней Руси. М. : Языки рус. культуры, 2000. 128 с.

Юшков С. В. Правосудие митрополичье // Труды выдающихся юристов: С. В. Юшков / отв. ред. О. И. Чистяков. М. : Юридич. лит, 1989. С. 336–344.

Buckland W. W. *A Text-book of Roman Law from Augustus to Justinian*. 3rd Ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1963. 764 p.

Domini Nostri Sacratissimi Principis Iustiniani Iuris Eucleati Ex Omni Vetere Iure Collecti Digestorum Seu Pandectarum // *The Roman Law Library* : [website]. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/d-48.htm#2> (accessed: 18.01.2022).

References

Almazov, A. (1995). *Tainaya ispoved' v pravoslavnoi vostochnoi tserkvi. Opyt vneshnei istorii v 3 t.* [Secret Confession in the Eastern Orthodox Church. The Experience of External History. 3 Vols.]. Moscow, Palomnik. Vol. 1. Obshchii ustav soversheniya ispovedi. 596 p.

Belyakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. (2017). *Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pechatnomu izdaniyu* [Nomocanon: From Manuscript Tradition to Printed Edition]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p.

Buckland, W. W. (1963). *A Text-book of Roman Law from Augustus to Justinian*. 3rd Ed. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 764 p.

Dergacheva, I. V. (2003). *Posmertnaya sud'ba i "inoi mir" v drevnerusskoi knizhnosti* [Posthumous Fate and the "Other World" in Old Russian Literature]. Moscow, Krug". 360 p.

Dobrovol'skii, D. A. (2011). "Teoriya kaznei Bozh'ikh": ot Nachal'nogo svoda k Povesti vremennykh let ["The Theory of God's Executions": From *The Initial Code to The Tale of Bygone Years*]. In *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniya*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 144–154.

Domini Nostri Sacratissimi Principis Iustiniani Iuris Eucleati Ex Omni Vetere Iure Collecti Digestorum Seu Pandectarum. (N. d.). In *The Roman Law Library* [website]. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/d-48.htm#2> (accessed: 18.01.2022).

Gaidenko, P. I. (2009). Eshche raz o sude nad Lukoi Zhidyatoi (1055–1059 gg.) [Once Again about the Trial of Luka Zhidyata (1055–1059)]. In *Kapterevskie chteniya*. Iss. 7. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 53–63.

Gaidenko, P. I. (2021). Knyazheskaya rasprava nad inokami Vasiliem i Feodorom Pecherskimi (kanonicheskovo-pravovaya storona sovershivshegosya) [The Princely Massacre of Monks Vasilii and Feodor of the Caves (the Canonical-Legal Side of the Act)]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 2, pp. 170–180. DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_170.

Katalog pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv. (rukopisnye knigi) [A Catalogue of Old Russian Literary Works of the 11th–14th Centuries (Handwritten Books)]. (2014). St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 944 p.

Kolesov, V. V. (2009). *Tvoreniya blazhennogo Kirilla Turovskogo. Pritchi, slova, molitvy. Issledovaniya i teksty* [The Works of St Kirill Turovsky. Parables, Words, Prayers. Studies, and Texts]. Moscow, Paleya. 208 p.

Kormchaya (Nomokanon). Otpechatana s podlinnika Patriarkha Iosifa [Kormchaya (Nomokanon). Printed from the Original of Patriarch Iosif]. (2004). St Petersburg, Voskresenie. 1481 p.

Korogodina, M. V. (2017). *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka v 2 t.* [Nomocanons of the 14th – First Half of the 17th Centuries. 2 Vols.]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Vol. 2. Opisanie redaktsii. 648 p.

Kostromin, K. (2011). Problema atributsii “Slova Feodosiya, igumena Pecherskogo, o vere krest'yanskoi i o latyn'skoi” [The Problem of Attribution of *The Words of Theodosius, Abbot of the Caves, about Christian and Latin Faith*]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 1, pp. 6–97.

Nikolai Yarushevich, hieromonk. (1917). *Tserkovnyi sud v Rossii do izdaniya Sobornogo Ulozheniya Alekseya Mikhailovicha (1649 g.)* [Church Trial in Russia before the Publication of the Council Code of Alexei Mikhailovich (1649)]. Petrograd, Sinodal'naya tipografiya. 666 p.

Olshevskaya, L. A., Dmitriev, L. A. (Eds.). (2016). *Kievo-Pecherskii Paterik* [Kievan Caves Patericon]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 4. XII vek, pp. 296–489.

Ospennikov, Yu. V. (2010). Bozhii sud v drevnerusskom prave [Godly Judgement in Old Russian Law]. In *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (11), pp. 127–131.

Ospennikov, Yu. V. (2016). “Potok” i stanovlenie smertnoi kazni v pravovoi traditsii severo-zapadnoi Rusi [Potok and the Establishment of Capital Punishment in the Northwestern Russian Legal Tradition]. In *Novgorodika – 2015. Ot “Pravdy Russkoi” k rossiiskomu konstitutsionalizmu. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Novgorod, Izdatel'stvo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 11–14.

Ospennikov, Yu. V. (2018). Ob evolyutsii sistemy nakazanii v srednevekovom Novgorode [About the Evolution of the System of Punishments in Medieval Novgorod]. In *Novgorodika – 2018. Povsednevnyaya zhizn' novgorodtsev: istoriya i sovremennost'.* Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v 2 t. Novgorod, Izdatel'stvo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 2, pp. 9–15.

Ospennikov, Yu. V., Gaidenko, P. I. (2020). *Tserkovnyi sud na Rusi XI–XIV vekov. Istoricheskii i pravovoi aspekt* [Church Trial in Russia in the 11th–14th Centuries. Historical and Legal Aspects]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii. 260 p.

Pokrovskii, I. A. (1999). *Istoriya rimskogo prava* [A History of Roman Law]. St Petersburg, Letnii sad. 533 p.

Ponomareva, V. V. (2019). Ne bis in idem: pravilo ili printsip rimskogo prava? [Ne bis in idem: Rule or Principle of Roman Law?]. In *Aktual'nye voprosy yuridicheskoi nauki*. No. 4 (4), pp. 75–84.

PSRL [A Complete Collection of Russian Chronicles]. (2001). Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 496 columns.

Rubanik, V. E. (2013). *Gosudarstvo, pravo i sud v Kievskoi Rusi. Istoriko-yuridicheskii ocherk* [State, Law, and Court in Kievan Rus'. A Historical and Legal Essay]. Moscow, Yurlitinform. 352 p.

Shchapov, Ya. N. (Ed.). (1976). *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Statutes of the 11th–15th Centuries]. Moscow, Nauka. 240 p.

Stadnikov, A. V. (2003). *Tserkovnyi sud v sisteme rossiiskogo pravosudiya v X – nachale XX vekov: dokumenty i materialy. Khrestomatiya* [The Church Trial in the System of Russian Justice in the 10th – Early 20th Centuries. Documents and Materials. Reader]. Moscow, Institut povysheniya kvalifikatsii gosudarstvennykh sluzhashchikh. 332 p.

Starostina, P. V. (2013). Printsip “non bis in idem” v administrativnom i ugovnomom prave (mezhdunarodno-pravovye aspekty) [The *non bis in idem* Principle in Administrative and Criminal Law (International Legal Aspects)]. In *Administrativnoe pravo i protsess*. No. 4, pp. 67–71.

Strashnyi sud Bozhii. Videnie Grigoriya, uchenika svyatogo i bogonosnogo ottsa nashego Vasiliya Novogo Tsaregradskogo [The Last Judgment of God. Vision of Gregory, a Disciple of Our Holy and God-bearing Father Basil the Younger of Constantinople]. (1994). Moscow, Russkii vestnik. 77 p.

Sverdlov, M. B. (Ed.). (2016). *Russkaya Pravda [Russkaya Pravda]*. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 4. XII vek, pp. 490–517.

Tvorogov, O. V. (1987). *Zhitie Vasiliya Novogo* [The Life of Basil the Younger]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Iss. 1. (XI – pervaya polovina XIV v.). Leningrad, Nauka, pp. 142–143.

Tvorogov, O. V. (Ed.). (2016). *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 1. XI–XII veka, pp. 62–315.

Uspenskii, B. A. (2000). *Boris i Gleb. Vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb. The Perception of History in Ancient Russia]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 128 p.

Voluzhkov, D. V., Kostromin, K. A. (2019). K voprosu ob otnoshenii antilatinskoii polemiki k tserkovnomu pravu Drevnei Rusi (XI–XII veka) [On the Question of Correlation between Anti-Latin Polemics and Church Law in Old Rus' (11th–12th Centuries)]. In *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Iss. 1 (11), pp. 44–56. DOI 10.24411/2618-9674-2019-10003.

Yushkov, S. V. (1989). *Pravosudie mitropolich'e* [Metropolitan Justice]. In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Trudy vydayushchikhsya yuristov: S. V. Yushkov*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 336–344.

Zyubanov, Yu. A. (2016). *Ugovnyi zakon Drevnei Rusi* [The Criminal Law of Old Russia]. Moscow, Prospekt. 240 p.

The article was submitted on 01.11.2021

Проект «Устава о тюрьмах» Екатерины Второй в контексте европейской пенитенциарной мысли*

Светлана Васильева

Академия ФСИН России,
Рязань, Россия

The Draft of Catherine II's *Penal Regulations* in the Context of European Penitentiary Thought

Svetlana Vasilieva

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryazan, Russia

This article considers the “penitentiary turn” in the ideological content of Catherine II’s penal policy, i. e. the transition from the punitive orientation of justice to the principle of rehabilitation by means of punishment. The author mostly refers to *The State of the Prisons of England and Wales* (1777), a fundamental work by English philanthropist and penologist John Howard and Empress Catherine II’s handwritten draft of the *Penal Regulations* (1787). Relying on the techniques of intellectual history, the article aims to analyse the polemical, historiographical, and legal assessments of Catherine’s legislative initiatives and review debatable issues. The consideration of the ideological content of the *Penal Regulations* in the context of eighteenth-century European (mainly English) penitentiary thought makes it possible to perceive it as an attempt to systematise and summarise the best practices of European countries based on the “principles of love and mercy”. The author compares Catherine’s penitentiary ideas and the basic principles of organising prison affairs promoted by John Howard. The author concludes that their basic positions are similar and were later embodied in the modern principles of the philosophy and practice of corrective punishment. However, the main concepts of penitentiary reform in Howard’s writings are characterized by a personal-psychological approach, with

* *Citation*: Vasilieva, S. (2022). The Draft of Catherine II’s *Penal Regulations* in the Context of European Penitentiary Thought. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 168–184. DOI 10.15826/qr.2022.1.665.

Цитирование: Vasilieva S. The Draft of Catherine II’s *Penal Regulations* in the Context of European Penitentiary Thought // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 168–184. DOI 10.15826/qr.2022.1.665 / Васильева С. Проект «Устава о тюрьмах» Екатерины Второй в контексте европейской пенитенциарной мысли // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 168–184. DOI 10.15826/qr.2022.1.665.

a pronounced focus on the moral and religious conversion of convicts in the conditions of a rehabilitating imprisonment. The project of the Russian empress is distinguished by a strictly state approach, increased attention to economic issues, and the problem of the establishment of a penitentiary service. In the era of Catherine II, Russian penal policy became systematic and elaborated, with expressed intentions of correction by punishment. The Russian penitentiary apparatus began to take on the appearance of a system with a clear centralised structure.

Keywords: penitentiary reforms, eighteenth century, Catherine II, John Howard, *Penal Regulations, The State of the Prisons of England and Wales*

Рассматривается «пенитенциарный поворот» в идейном содержании уголовно-исполнительной политики Екатерины II, который выразился в переходе от карательной направленности правосудия к принципу исправления наказанием. Основными источниками являются фундаментальный труд английского филантропа и пенолога Джон Говарда «Состояние тюрем Англии и Уэльса» (1777) и собственноручный проект «Устава о тюрьмах» императрицы Екатерины II (1787). Цель работы – проанализировать полемические историографические и историко-правовые оценки законодательских инициатив императрицы и предложить корректировку дискуссионных позиций с учетом разработок метода интеллектуальной истории. Рассмотрение идейного содержания проекта «Устава о тюрьмах» в контексте передовой европейской (преимущественно английской) пенитенциарной мысли XVIII в. позволило трактовать его как попытку законодателя систематизировать и обобщить передовой опыт европейских стран в области совершенствования системы уголовных наказаний на «началах любви и милосердия». Сопоставление пенитенциарных идей Екатерины II и основных принципов организации тюремного дела, продвигавшихся Джоном Говардом, позволяет сделать вывод о сходстве базовых позиций, воплотившихся в дальнейшем в общепринятые принципы философии и практики исправительного наказания. Однако формулировка основных концептов пенитенциарной реформы в трудах Говарда несет отпечаток лично-психологического подхода, в них ярко выражены проблемы нравственного и религиозного обращения осужденных в условиях реформирующего тюремного заключения. Проект российской императрицы отличают строго государственный подход, повышенное внимание к хозяйственным вопросам и проблеме формирования нового вида государственной службы. В Екатерининскую эпоху мероприятия в сфере исполнения наказаний стали носить характер хорошо продуманной государственной политики, имеющей не столько карательный, сколько исправительный вектор, а тюремное дело начало приобретать вид системы, которой императрица стремилась придать четкую централизованную структуру.

Ключевые слова: пенитенциарные реформы, XVIII век, Екатерина II, Джон Говард, «Устав о тюрьмах»

В 1781 г. Российскую империю посетил знаменитый англичанин – врач, филантроп и реформатор тюрем Джон Говард. Биографы Говарда, опираясь на воспоминания его друзей [Aikin; *Memoirs of the Public and Private Life of John Howard*], сообщают, что англичанин был приглашен ко двору Екатерины II, но отклонил приглашение, заметив, что «had devoted himself to visit the prisons of the captive, and not the courts or the palaces of kings» («посвятил себя посещению тюрем и узников, а не дворцов и королевских особ») [The Life of John Howard, p. 303; *Memoirs of John Howard*, p. 164]. Попытки обнаружить в отечественных архивах следы дерзкого ответа именитого филантропа или хотя бы самого приглашения успехом не увенчались. Тем не менее, хотя аудиенция реформатора у императрицы не состоялась, именно в этот период отечественный правительственный курс в отношении исполнения наказаний начал меняться, а в русле карательной уголовной политики стали зарождаться исправительные тенденции.

Анализируя такой кардинальный поворот, связанный с законодательными инициативами Екатерины II, дореволюционный правовед М. Филиппов отметил, что принципы пенитенциарной политики императрицы «определили все европейские законодательства почти на целое столетие», и здесь же добавил, что «до настоящего времени не сделана надлежащая оценка тем великим началам любви и милосердия, которые внесены в наше уголовное правосудие великою преобразовательницею» [Филиппов, с. 60]. В аналитическом предисловии к публиковавшемуся на страницах «Русской старины» собственноручному «Уставу о тюрьмах» Екатерины II (1787) Филиппов назвал законопроекты императрицы («Наказ Уложенной комиссии», «Учреждение об управлении губерниями», «Устав о тюрьмах» и др.) первыми отечественными документами, в которых «на заключенных глядят с точки зрения человеколюбия» [Там же]. Среди главных новелл наказа правовед особо выделил отмену пыток и тюремного заключения для должников, введение рационального тюремного содержания в систему уголовных наказаний и практику разделения осужденных на категории.

В сфере исполнения уголовных наказаний Филиппов относит к передовым такие практические мероприятия, как организация содержания заключенных за счет государственных средств, а также учреждение смиренных и рабочих домов, в которых юрист обнаружил «правильную пенитенциарную систему» [Там же, с. 61]. Автор сетует, что все эти «лавры» современная ему наука не признала за «великой государыней», а приписала иностранцам, в частности «знаменитому Говарду». Завершая апологетику в адрес Екатерины II, он выражает надежду, что текст устава займет «по справедливости одно из самых видных мест не только в истории права, но и в пенитенциарной науке» [Там же, с. 65].

Подробный разбор интересующего нас документа предпринял один из самых известных советских историков М. Гернет в первой

части пятитомного издания «История царской тюрьмы» (1951). В советской историографии обозначился концептуальный разрыв с «буржуазной карательной системой», а идеи европейских просветителей – основоположников пенитенциарного дела были подвергнуты жесткой критике. Наказ Екатерины II признали всего лишь «литературным памятником», куда она включила в несколько приглушенном виде идеи итальянского правоведа Чезаре Беккариа (1738–1794) в области уголовного права, что впоследствии позволило отечественным криминалистам, «проповедуя взгляды Беккариа, делать по цензурным соображениям ссылки не на книгу этого просветителя, а на екатеринский наказ» [Исаев, с. 30]. В русле нового идеологического курса Гернет заклеил нормотворчество Екатерины II в области тюремного дела как «мертворожденное проектирование», «громкими, напыщенными фразами прикрывающее самую тяжелую фактическую действительность», «несбыточное фантазирование, в реальность которого, конечно, не верила и сама Екатерина» и которое «писала для своей рекламы» [Гернет, с. 68–69]. Гернет также связывает проект императрицы о тюрьмах и приезд Говарда в Россию, подчеркивая, однако, что своим показным реформаторством государыне «не удалось “обойти” Говарда с той легкостью, с какой она заручилась благорасположением Вольтера и Дидро» [Там же, с. 67].

В современном исследовательском дискурсе маятник историко-правовой оценки инициатив Екатерины II в области тюремного дела вновь качнулся к признанию «человеколюбия» и реформаторских новаций в области пенитенциарного права. «Проект тюремного устава – наказ императрицы Екатерины II, – пишет современный юрист Н. Шурухнов, – являлся обстоятельным своевременным организационно-правовым документом Российской империи», который «определил эпоху» [Шурухнов, с. 81]. Однако, отстаивая самобытность проекта и оспаривая влияние европейской пенитенциарной мысли на его идейное содержание, Шурухнов слово в слово повторяет аргументацию Филиппова полуторавековой давности и, пытаясь связать это с современными трендами, пишет, что «и здесь европейцы “преуспели”, упрекая правителей России» [Там же, с. 73].

Таким образом, историографические оценки правотворчества Екатерины II в области тюремного реформирования варьируют в широком диапазоне от позиции признания «великих начал любви и милосердия в уголовном правосудии» до стигмы «мертворожденное проектирование». Открытым остается вопрос авторства некоторых передовых пенитенциарных идей.

С идейными источниками десятой главы наказа [ПСЗ-1, т. 18, № 12949], посвященной основам уголовной политики государства, историки и правоведы, как дореволюционные и советские, так и современные, определились практически единогласно. В своих обезличенных заимствованиях из работы Ш. Монтескье «О духе законов» Екатерина сама признавалась в письме к Д'Аламберу [Собственно-

ручное черновое письмо Екатерины II, с. 31]. Искомую главу и работу итальянского просветителя Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» исследователи буквально разобрали на цитаты, чтобы обозначить оригинальный текст и вариацию в тексте наказа [Омельченко, с. 518]. Воспользовавшись экспрессивной терминологией Гернета, предположим, что Екатерина и не пыталась в данном случае «обойти» Беккариа, выдав его взгляды на природу преступления и наказания за свои собственные. Отечественный биограф Ч. Беккариа П. Левенсон так отозвался о резонансном эффекте труда молодого итальянца: «Идеи, впервые высказанные в этой небольшой книжке, нашли радостный отклик в сердцах незабвенных умственных двигателей конца XVIII столетия, были с восторгом приветствованы французскими энциклопедистами, проникли в царские чертоги и вскоре вошли в лучшие кодексы передовых народов Европы» [Левенсон, с. 5]. Заимствование передовых идей, которые взбудоражили лучшие европейские умы и серьезно повлияли на оформление теоретико-методологических основ новой уголовно-исполнительной политики, сделало честь российскому просвещенному абсолютизму. Отметим также оперативность, с которой классические принципы современного уголовного права, изложенные итальянским просветителем, были адаптированы Екатериной II и включены в наказ. Ч. Беккариа опубликовал работу в 1764 г., первый перевод книги на французский язык аббатом Мореллэ, которым руководствовалась государыня, появился в России в 1766 г., знаменитый «Наказ Уложенной комиссии» увидел свет меньше, чем через год.

Цель уголовного наказания определяется наказом достаточно четко: «воспрепятствовать наказанному снова сделаться вредным обществу»², а виновному искупить «трудами целой жизни нанесенный им обществу вред» [ПСЗ-1, т. 18, № 12949]. Так в интеллектуальном контексте российского просвещенного абсолютизма проявилось качественно новое и, без сомнения, актуальное направление уголовно-исполнительной политики государства – *исправление наказанием*, которое в современном юридическом дискурсе принято обозначать как *пенитенциарное содержание*. Данное понятие, терминологически восходящее к понятиям церковного покаяния и наказания³, появилось в рассматриваемую эпоху в европейских практиках исполнения уголовных наказаний и определило границы новой социальной структуры – исправительной тюрьмы-реформатория, целевыми назначениями которой, наряду с карательной функцией, являлись исправление осужденных (изначально трактовавшееся как *покаяние*, то есть раскаяние в совершенном преступлении) и профилактика криминального рецидива.

² У Беккариа: «Цель наказания... заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий» [Беккариа, с. 105].

³ *Poenitens* (лат.) – раскаивающийся, покаянный.

Понятие пенитенциарного содержания последовательно входит в тезаурус российского законодательства и теорию права только во второй половине XIX в., однако в эпоху Екатерины II в отечественных практиках исполнения уголовных наказаний уже появляются одноименные концепты. Современный историк Е. Марасинова, исследуя механизмы использования государственной властью *наказания покаянием* в XVIII в., отметила, что «лишь с началом правления Екатерины II все отчетливее начинает проследиваться мотив необходимости исправления преступника» [Марасинова, с. 98]. Именно в 1770–1780-х гг. по инициативе государыни наказание покаянием становится неотъемлемой частью высочайших конфирмаций по уголовным делам «за смертные вины». Практики наказания с использованием возможностей русских монастырей позволяли сочетать карательную функцию заключения, исправительную миссию духовного надзора и потенциал принудительного труда [Там же, с. 102–103].

Наказ 1767 г. с большей очевидностью обозначил эволюцию принудительного труда от карательной меры к основному средству исправления арестантов, поэтому закономерным этапом стало возникновение в России первых тюремных учреждений исправительного характера, в которых Филиппов увидел «уже правильную пенитенциарную систему», – смирительных и рабочих домов. В «Учреждении об управлении губерниями» (1775) содержатся первые указания к устройению таких домов под ведомством Приказа общественного призрения:

В рассуждение установления и надзирания Смирительных домов Приказу предписывается учреждать оные со всяким прилежанием, дабы установление совершенно соответствовало намерению, ибо доброучрежденный Смирительный дом ограждает общество от многих дерзостей, добронравие повреждающих, и, следовательно, бывает нужен для общего благочестия и спокойствия семей [ПСЗ-1, т. 20, № 14392].

В 1781 г. были учреждены и другие исправительные заведения – рабочие дома «с назначением в них работ, для пользы общей потребных», куда предполагали помещать преступников, осужденных за мелкие кражи, грабежи и мошенничество [Там же, т. 21, № 15147]. Датировка закона о появлении смирительных домов дала Филиппову, а за ним и другим исследователям-юристам основания приписать первенство учреждения «правильной пенитенциарной организации» Екатерине II, прибегнув к не вполне корректной и исторически выверенной аргументации.

Филиппов ссылается на 1777 г. – дату первой публикации знаменитой книги Дж. Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», которая получила мировую известность как первое эмпирическое исследование в области пенологии. Еще при жизни реформатора труд был переведен на некоторые европейские языки. Во время первого

путешествия по России Говард писал из Москвы своему другу пре-подобному Смиуту в Бедфорд и ссылался на обещание «первых лю-дей королевства» перевести и напечатать его труд на русском языке (“...as the first men in the kingdom assured me my publication would be translated into Russian as soon as it was in print”) [Memoirs of John Howard, p. 173]. Этому обещанию не суждено было исполниться, тем не менее, издание Говарда появилось в России во французском пере-воде в 1784 г., а в 1791 г. журнал «Театр судоведения» напечатал пере-вод первых секций книги, где содержались основные предложения по усовершенствованию тюрем. Труд Говарда принес известность Гентской тюрьме и реформатору виконту Вилену, который в 1771 г. организовал тюремное заключение на принципах исправительно-го труда и деления арестантов на категории. Филиппов утверждает, что «Учреждение об управлении губерниями» получило силу закона в 1775 г., а составлено было гораздо раньше, следовательно, Екате-рина II никак не могла знать о гентском пенитенциарном эксперименте, а значит, смирительные и рабочие дома как тюремные учреждения нового типа – плод ее «самостоятельного гения».

Искажение исторических фактов состоит в том, что подобные за-ведения, имевшие выраженную цель *нравственного исправления*, по-явились в европейской практике гораздо раньше. Аналогом смири-тельного дома стал английский Исправительный дом, или Брайдуэлл (House of correction, Bridewell), возникший еще в XVI в. В зарубежной историографии исправительные дома рассматриваются как *особый со-циальный институт*, созданный с целью борьбы с важнейшими со-циальными девиациями раннего Нового времени – бродяжничеством, мелким воровством и так называемыми преступлениями против нрав-ственности. В основе этого полублаготворительного/полукараательного учреждения была заложена чисто просветительская идея о возможно-сти *исправления* антиобщественного поведения. Аналогами англий-ского Брайдуэлла можно считать голландский «Цухтхауз», созданный в 1596 г., монастырскую тюрьму Сен-Мишель, возведенную в Риме в 1703 г. по приказу папы Климента IX [Webb S., Webb V., p. 116]. Эти заведения, изначально созданные для «борьбы с безнравственностью и пороком», впоследствии оказывали разнообразную социальную по-мощь беднякам в лечении, трудоустройстве, уходе за тяжелобольны-ми, призрении сирот. Обратим особое внимание на тот факт, что рос-сийские смирительные и рабочие дома также находились в управлении Приказа общественного призрения – губернского учреждения, ведав-шего социальной защитой и благотворительностью.

В начале XVIII в. брайдуэллы постепенно становятся частью ан-глийской пенитенциарной культуры. Актом 1706 г., который со-временники именовали «Законом о тяжком труде», исправитель-ные дома де-юре были включены в систему исполнения уголовных наказаний, а судьи получили право приговаривать к содержанию и принудительному труду в них за преступления мелкой и средней

тяжести. Современный исследователь Ф. Хардман отмечает популяризацию «домов коррекции» и практики исправительных работ в XVIII в. в ведущих европейских странах: к 1780 г. в Англии насчитывалось 172 исправительных дома, в Голландии – 19, в Германии – 44 [Hardman, p. 80]. Знаменитый отечественный правовед и коллега М. Филиппова П. Фойницкий объективно оценивал роль и значение домов коррекции и рассматривал их появление в Англии, Германии, Голландии и Италии в XVII в. в качестве зародыша будущей пенитенциарной системы. «Эти впоследствии забытые учреждения были провозвестниками тюремной реформы в Западной Европе», – пишет ученый-пенитенциарист с мировым именем [Фойницкий, с. 309–310]. К началу XVIII в. исправительный дом стал неотъемлемой частью социального пространства европейского города, поэтому приписывать Екатерине II или даже виконту Вилену честь создания этой пенитенциарной организации не совсем корректно. Однако осведомленность государыни о европейских методах борьбы с социальными девиациями эпохи раннего капитализма – бродяжничеством, мелкой преступностью, преступлениями против нравственности, а также попытка внедрения нового социального института, нацеленного на «огорождение общества от многих предрозостей, добронравие повреждающих», вполне соответствуют духу просвещенного абсолютизма, сопровождавшему начало ее царствования.

Определенное стремление следовать европейским пенитенциарным новациям можно также обнаружить в законодательном акте, впервые предусматривавшем организацию духовного попечения о заключенных. В Российской империи постановлением Сената от 17 января 1765 г. «Об увещевании и исповедании колодников и обозначении в присылаемых ведомостях, сколько в которой после исповедано» предписывалось направлять в тюрьмы священников для нравственных бесед с арестантами [ПСЗ-1, т. 17, № 12312]. Увещеватели из священнослужителей были призваны не только добиваться от преступников покаяния или раскаяния, но и выступать в качестве дознавателей, побуждая к добровольному изложению обстоятельств совершения преступления [Марасинова, с. 96]. В передовых европейских странах в течение XVIII в. тюремный капеллан постепенно стал неотъемлемой частью обязательного штата любого тюремного учреждения. Первый законодательный акт, официально регламентировавший функции капеллана как сотрудника тюрьмы, появился в Великобритании в 1773 г., однако в статистическом исследовании европейских тюрем, предпринятом Говардом в 1770-х гг., факты наличия тюремного капеллана, часовни или церкви в тюрьме или исправительном доме зафиксированы им уже практически во всех европейских странах.

Екатерина II с первых лет царствования последовательно стремилась вносить в уголовно-исполнительную политику принципы гуманизма и просвещения, и проект «Устава о тюрьмах» не стал результа-

том посещения России «самим Д. Говардом», как пишет, к примеру, И. Упоров [Упоров, с. 25]. Однако согласимся с исследователем в том, что в проекте «учтен (позаимствован) опыт организации тюрем в европейских странах» [Там же, с. 26].

Впервые собственноручный проект «Устава о тюрьмах» императрицы Екатерины II был извлечен из ее архивов и опубликован М. Филипповым в 1873 г. Комплекс предложений, регламентирующих работу тюрем, можно условно разделить на предписания по *организации тюремного пространства* (виды тюрем, внешнее и внутренне устройство зданий, хозяйственное обеспечение, больницы), *распорядку работы* (прием, содержание и охрана арестантов, хранение вещей; организация быта, питания, лечения, занятий) и *требованиям к тюремному персоналу*. Первые 20 параграфов описывают виды тюрем и их предполагаемое устройство. Губернские тюрьмы делились на уголовные и гражданские (§ 1), в свою очередь, уголовная тюрьма – на отделения для «приговорных» (приговоренных), «подстражных» (подследственных) и осужденных (§ 3–4). Каждое отделение обязательно предусматривало мужскую и женскую горницы (§ 4, 9–10) [Филиппов, с. 60–67].

В системе императрицы, предусматривавшей разные виды тюрем, Филиппов увидел главное отличие от «системы Говарда», который говорил «о разных отделениях в одной и той же тюрьме» [Там же, с. 63–64]. На наш взгляд, это не делает проекты Екатерины II и английского филантропа кардинально отличными друг от друга, поскольку в основу обоих положен принцип строгого деления арестантов на категории: отделение подследственных от осужденных, мужчин – от женщин, малолетних – от рецидивистов и т. п. Сепарацию арестантов считают краеугольным камнем предложений Говарда по управлению тюрьмами. Филантроп высоко отзывался о системе «молчания и разделения», наблюдавшейся им в тюрьме Ватикана, и для английских пенитенциарных учреждений предлагал режим одиночного содержания там, где есть возможность его обеспечить, в противном случае настаивал на том, чтобы всевозможными средствами разделять арестантов на ночь [Howard, p. 22]. Несколько параграфов проекта Екатерины также обязывают тюремщиков, «пока пустые горницы есть, то всякого приговорного сажать особо» (§ 39, 43) [Филиппов, с. 72]. Однако саму идею разобщения арестантов нельзя приписывать ни императрице, ни Говарду, так как она появилась в предложениях просветителей и интеллектуалов гораздо раньше второй половины XVIII в.

Так, доктор Томас Брей, инспектировавший главную тюрьму Лондона Ньюгейт, еще в 1701 г. предлагал по возможности содержать каждого заключенного отдельно, как это практиковалось в больнице Бедлам, выступал за первостепенное отделение осужденных мужчин от женщин, а также за то, чтобы «новоприбывших огородить от разврата со стороны старых и неисправимых заключенных» [Bray, p. 36]. За одиночное заключение в свое время высказывались англичане

Б. Мандевиль (1725), Г. Филдинг (1751), Дж. Хэнвей (1775). Таким образом, и Екатерина II, и Говард выказали приверженность данному принципу, сформированному в интеллектуальном контексте европейских пенитенциарных реформ в течение XVIII столетия. Оговорки «где есть возможность его обеспечить» и «пока пустые горницы есть» выдают практицизм реформаторов, которые отдавали себе отчет в том, что тюремное дело никогда не являлось первостепенной статьей государственного финансирования, и в провинциях скорее всего пришлось бы приспособливать имеющиеся здания, а не проектировать новые.

Примечательная особенность проекта Екатерины II – повышенное внимание к медицинской части и санитарно-гигиеническим условиям. Обращает на себя внимание количество пунктов, в которых регламентированы работа тюремной больницы и порядок лечения арестантов: из ста параграфов опубликованного проекта практически четверть (24!) посвящены вопросам медицины, санитарии и гигиены. «Вольный воздух» и «текучая вода» – обязательные условия для устройства тюремного замка (§ 7), как и «перемена воздуха открытием окон», в том числе и зимой (§ 30, 78) [цит. по: Филиппов, с. 66, 70, 81]. Интересно, что Говард тоже начинает излагать свои предложения с инструктивного изложения санитарных норм тюремного содержания: насос для поставки чистой воды, баня с котлом для подогрева и оборудованным местом для стирки, лазарет, система циркуляции воздуха [Howard, p. 23]. Профессиональные комментарии по организации тюремного быта выдают в английском реформаторе врача-эпидемиолога, который в буквальном смысле посвятил жизнь изучению механизмов распространения сыпного тифа⁴ и выработке предложений по купированию и лечению болезни. Осознавая основное условие передачи «повальных» заболеваний – массовое скопление людей в замкнутом пространстве, Говард выступал за максимально возможное их разобщение. В проекте Екатерины II один из параграфов также предусматривает «отлучение прилипчивых болезней от прочих» (§ 93) [цит. по: Филиппов, с. 84]. Активная вовлеченность врачей в дискуссии о необходимости кардинального переустройства тюремного пространства стала характерной особенностью английских пенитенциарных реформ. И здесь, на наш взгляд, усматривается попытка Екатерины II не обойти Говарда, а максимально учесть рекомендации общепризнанных профессионалов в данном вопросе.

Заслуживает отдельного внимания регламентация работы тюремного персонала. XVIII столетие можно рассматривать как рубеж между практикой «кормления» тюремщиков за счет своей должности и формированием государственной пенитенциарной службы. Основные упреки к должности смотрителя, которые неизменно встре-

⁴ Эпидемический сыпной тиф – современное название заболевания. В XVI–XVIII вв. диагностировался как «тюремная лихорадка» (англ. *jail fever*; *gaol distemper*). Именно от этой болезни после посещения казарм с больными солдатами Говард умер в Херсоне в 1790 г.

чаются в дискурсе европейских реформ начиная с XVII в., можно условно разделить на критику «кормовых взносов» в пользу надзирателей (в русскоязычном лексиконе – «влазного») и претензии к их моральному облику. Европейские тюрьмы, в особенности долговые, часто отдавались на откуп частным лицам, которые, соответственно, обеспечивали доходность своего предприятия не самыми гуманными способами. Упомянутый выше Т. Брей отметил, что за определенные финансовые подношения тюремщик мог оказать целый спектр «аморальных услуг», к которым он отнес разрешение «использовать» женщин-арестанток, продажу алкоголя, поощрение азартных игр и роскоши. Именно Брей за полстолетия до Говарда настоятельно рекомендовал отнести службу тюремщиков к государственной сфере: «Чтобы офицеры не брали никаких денег, кроме их жалованья, в оплату привилегий для заключенных» [Bray, p. 36].

По проекту Екатерины II тюремное дело впервые приобретает черты государственной службы (§ 65–88) [Филиппов, с. 77–83]. В данном случае иностранным реформаторам можно было бы поучиться у российской императрицы: ею детально регламентированы обязанности старших и младших чинов, выстроена вертикаль подчинения, должное внимание уделено строгому запрету на взятки (§ 76, 84) [Там же, с. 81, 82]. § 70 – текст уникальной присяги тюремных служащих, предложенный императрицей:

Аз ниже именованный обещаю перед всевидящим Богом чистосердечно, что хочу и должен всеми силами своими отправлять стражу над тюремными так, как мне в должность предписано, и оную преступать и упущать не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни для родства, ни для лицепрятия. Определенное тюремным пищу, житие, одежду и проч. содержание доставлять без малейшего ущерба; сурово с ними поступать не буду, но человеколюбиво, без послабления; подарков, посул и взятков ни от кого брать не буду; за подчиненными неусыпное смотрение иметь обещаю, дабы они, обще со мной, должность свою исправно и рачительно исполняли и отправляли [Там же, с. 78–79].

Здесь можно наблюдать не только становление отдельного вида государственной службы, но и подтверждение полного перехода арестантов на государственное обеспечение, которое окончательно оформилось именно при Екатерине II. Главные требования к личным качествам надзирателя, которые перечисляет в своей работе Говард, – *честность, деятельность и гуманность* [Howard, p. 25], – на наш взгляд, учтены в проекте в полной мере.

Нами не ставится цель определить, насколько труды Говарда стали первоисточником для документа Екатерины II, но авторам, всерьез обратившимся к этим вопросам, предлагаем поразмыслить над следующим. Мы обозначили общие места проекта и предложений Говарда из книги «Состояние тюрем». Но если говорить о базовых

принципах, под которые пенология XIX столетия подвела понятие «система Говарда», то основными ее столпами называют *труд* и *религию*. Знаменитое «сделайте людей трудолюбивыми, и вы сделаете их честными» выражает основной посыл предложений Говарда: если тюрьма должна стать местом исправления, то приучение к труду и соблюдение норм религии – основные его средства. Реформатор призывал к расширению компетенций тюремного священника, главный акцент считал необходимым делать не на соблюдении формальной обрядовой деятельности, а на ведении нравственных «покаянных» бесед, чтобы пробудить у арестантов голос совести и желание изменить свою жизнь. Первый биограф Говарда подчеркивал, как фанатично филантроп настаивал на приложении «всех усилий для спасения души от гибели», на поиске «надлежащих средств лечения, которые, должным образом примененные, восстановят большую долю наихудших случаев душевного повреждения» [Aikin, p. 52]. Труд в качестве «средства лечения» Говард рекомендовал в основном для брайдуэллов, так как в тюрьмах отдавал предпочтение одиночному режиму содержания. Городским властям реформатор предлагал вменить в обязанность не только обеспечение исправительных домов постоянной работой, но и заботу о реализации продукции с целью по возможности выйти на самообеспечение, а часть заработанных средств направить на улучшение питания, ремонт помещений и т. п. [Howard, p. 38].

В проекте Екатерины II этим принципам внимание практически не уделено. В двух параграфах, регламентирующих содержание ссыльных и каторжных, указано:

Смотреть, чтобы приговоренные к ссылке и к работе привыкшие люди, пока сошлют куда следует, праздны не были; но всяк по полу и состоянию своему обращался бы в сходственной ему работе (§ 48).

Смотреть накрепко, чтобы на каторге осужденные, кроме нужного человеку времени для сна и пищи, отнюдь праздно не были, но обращались бы в непрерывной работе (§ 55) [цит. по: Филиппов, с. 73, 75].

Однако разъяснений о характере труда, определения его корректирующих целей, устройства мастерских и проч. документом не было предусмотрено. В отношении религии, которой у англичанина уделено первостепенное внимание, лишь в одном параграфе отвлеченно сказано:

Содержанием да не отягчится судьба осужденного, власть на то имеющим судом по закону; но да устережется во время покаяния единственно от ухода и вреда. Покаяние же всяк учинит по обряду своей веры (§ 51) [Там же, с. 74].

Предположим, что если бы проект Екатерины II изначально был плодом несбыточных фантазий, который она создавала для своей «рекламы», то параллелей с системой Говарда могло быть намного больше. Содержание документа выдает в императрице реформатора-прагматика, государственника и хозяйственника. Не случайно на рукописи проекта Филиппов обнаружил надпись:

Отдать сей проект губернскому прокурору на прочтение с тем, чтобы он оного сообразил с локальным состоянием здешнего замка, осматривая оного все место, и сказал, чего находит или не находит удобного в действительном исполнении, и чего недостаточно и в чем лучше или хуже противу теперешнего содержания злосчастных. 10 марта 1788 года [Филиппов, с. 64].

Таким образом, предусмотрев профессиональную оценку документа, Екатерина II действовала вдумчиво и осторожно, опасаясь «мертворожденного проектирования», она обратилась к практикам.

Императрица понимала, что пока не налажена административно-хозяйственная часть, не создана настоящая государственная служба, не решены бытовые проблемы содержания, обмундирования и питания арестантов, говорить о нравственном исправлении или проектировать тюремные церкви несколько преждевременно. Такое обстоятельство подтвердила сама история уже при внучке Екатерины Александре I. В 1817 г. в Россию прибыл англичанин В. Веннинг с целью «домогаться о распространении в России принципов, господствовавших в английском тюремном обществе» [Никитин, с. 10]. В «Записке, содержащей в себе общие замечания о лучшем содержании тюрем», представленной российскому императору, молодой реформатор предложил организовать тюремную благотворительность в России на принципах лондонского общества, «великая цель» которого состояла в том,

...чтобы исправлять преступников средствами, внушаемыми человеколюбием, то есть разлучать их с прежними сообщниками, отделять ожесточенных и упорствующих от подающих надежду к исправлению, приучать их к трудам, наставлять в разных рукоделиях; преподавать им правила религии, снабжать исправившихся нужными видами и одобрением для вступления опять в общество честных людей и доставлять средства к пропитанию по истечении назначенного их заточению времени [Там же, с. 14].

Веннинг особо подчеркнул, что предлагаемая им система в целом была разработана достопочтенным его соотечественником Говардом, чьи благодетельные труды «могла прекратить едина смерть», но и при жизни его усилия были тщетны, а великое дело не имело успеха. Однако реформатор был искренне убежден, что ему довелось жить в «то счастливое время, когда Божественная теплота, согревшая

столь сильно сердце его, обратилась в великое пламя, оживотворила многих», и опыт духовного попечения о заключенных через «общества благомыслящих людей» распространится сначала в Англии, а потом и в других странах [Никитин, с. 14].

Принципы, изложенные в «Записке», послужили фундаментом к разработке «Правил для Попечительного общества о тюрьмах», которые были высочайше утверждены Александром I 19 июля 1819 г. [ПСЗ-1, т. 36, № 27895]. По первоначальному замыслу члены российского общества должны были направить основные усилия на *нравственное исправление* содержащихся под стражей. Однако, по свидетельству В. Никитина, подготовившего первый исторический обзор становления российского общества, ситуация была далека от идеала:

Вместо преследования заданной ему специальной задачи – пеших лишь о моральном исправлении заключенных с первого же приступа к ним – принялось (общество. – С. В.) улучшать материальное их положение по той, естественной, разумеется, причине, что, столкнувшись с незнакомой действительностью, общество убедилось в том, что никакое благоприятное влияние на заключенных немыслимо до тех пор, покуда они будут жить в смрадных, холодных и сырых казематах, в тесноте, впроголодь и подвергаться при том же истязаниям рогатками, цепями и стульями [Никитин, с. 29–30].

Стало очевидно, что вопросы, вставшие перед первым российским обществом, невозможно решить без активного государственного вмешательства: организация нравственных программ и духовного попечения о заключенных в условиях неререформированных российских тюрем представлялась нереальной задачей. Возможно, государственный ум Екатерины II просчитывал ситуацию наперед, и императрица предусмотрительно решила начать реформу с изменения условий содержания и создания такой тюрьмы, в которой применение вышеобозначенных средств исправления стало бы возможным.

«Устав о тюрьмах», как и большинство положений наказа, затрагивающих тюремную сферу, не получил силу закона. Скорее всего, Екатерина II к этому и не стремилась. Она лишь определила «правила игры» для ключевых звеньев управления, сформулировав много идей, которые были новыми и еще не освоенными не только в России. Зарубежные исследователи истории пенитенциарной мысли аргументированно доказали, что принципы новой парадигмы уголовной политики, базирующейся на идее исправления и ресоциализации осужденного, не принадлежали авторству Говарда, а являлись определенным интеллектуальным трендом, встречаясь в трудах многих европейских просветителей. Первому пенологу, как позиционирует английского филантропа современная пенитенциарная наука, принадлежит скорее заслуга их обобщения, систематизации и популяризации. О резонансном эффекте его труда «Состояние тюрем в Англии

и Уэльсе» можно сказать словами самой Екатерины, которыми она охарактеризовала значение работ Монтескьё в письме к Д'Аламберу: «Вот, государь мой, образчик судьбы, которой подвергаются книги гениальных людей: он служит для благосостояния человеческого рода» [Собственноручное черновое письмо Екатерины II, с. 31]. Но если Дж. Говард не был первым в своем отечестве, то императрица Екатерина II, вне всяких сомнений, вполне может считаться таковой в истории российской пенитенциарной мысли. Американский философ А. Лавджой убежден в том, что «кажущаяся новизна многих систем достигается исключительно за счет новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» [Лавджой, с. 10]. История развития европейских и отечественных пенитенциарных идей и проектов прошла долгий путь, прежде чем эти элементы сложились в национальные, а после и международные пенитенциарные реформы, растянувшиеся на весь XIX век.

Список литературы

- Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 184 с.
- Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. 2-е изд., пересмотр. М. : Госюриздат, 1951. Т. 1. 1762–1825. 328 с.
- Исаев М. М.* К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права : доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М. : Тип. Воен.-юридич. акад., 1947. 36 с.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия. История идеи. М. : Дом интеллект. книги, 2001. 376 с.
- Левенсон П. Я.* Беккариа и Бентам : Их жизнь и общественная деятельность. СПб. : Обществ. польза, 1893. 94 с.
- Марасинова Е. Н.* Наказание покаянием в России XVIII в. : церковные практики на службе у светского государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 5. С. 87–111.
- Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка : Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880. СПб. : Тип. Г. Шпарварт, 1880. 674 с.
- Омельченко О. А.* Власть и закон в России XVIII в. М. : МГИУ, 2004. 604 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 17, 18, 20, 21, 36.
- Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Д'Аламберу с похвалами сочинения Монтескьё и уверением, что сочинения Д'Аламбера послужат на благо человечеству // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1872. С. 29–31.
- Упоров И. В.* Тюремное дело в России второй половины XVIII в. : концептуальные идеи и проекты // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6–6. С. 24–28.
- Филитов М. А.* Тюрьмы в России : Собственноручный проект Екатерины II // Рус. старина. 1873. Вып. 7. С. 60–87.
- Фойницкий И. Я.* Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. М. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1889. 504 с.
- Шурухов Н. Г.* Тюрьмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 1. С. 71–82. DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71–82.

Aikin J. A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard. Philadelphia : Printed for John Ormrod, by W. W. Woodward, 1794. 196 p.

Bray T. An Essay towards the Reformation of Newgate, and the Other Prisons in and about London // John Howard and The Prison-World of Europe : From Original and Authentic Documents / publ. by H. Dixon. N. Y. : R. Carter & Brothers, 1850. P. 33–41.

Hardman Ph. J. The Origins of Late Eighteenth-Century Prison Reform in England : PhD Thesis. [Sheffield] : Univ. of Sheffield, 2007. 236 p.

Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. L. : J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell, 1792. 540 p.

Memoirs of John Howard, esq. F. R. S., the Christian Philanthropist : with a detail of his most Extraordinary Labours in the cause of Benevolence ; and a brief account of the prisons, hospitals, schools, lazarettoes, and other public institutions he visited / by T. Taylor. 2nd ed. L. : John Hatchard and Son, 1836. 504 p.

Memoirs of the Public and Private Life of John Howard, the Philanthropist: compiled from his own diary, in the possession of his family; his confidential letters; the communication of his surviving relatives and friends; and other authentic sources of information / by B. J. Brown. L. : Printed for Rest Fenner, Paternoster-row, 1818. 690 p.

The Life of John Howard; with Comments on His Character and Philanthropic Labours / by the rev. J. Field, M. A. L. : Longman, Brown, Green, Longmans, 1850. 495 p.

Webb S., Webb B. English Prisons under Local Government. L. ; N. Y. : Longmans, Green & Company, 1922. 261 p.

References

Aikin, J. (1794). A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard. Philadelphia, Printed for John Ormrod, by W.W. Woodward. 196 p.

Beccaria C. (2004). *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, INFRA-M. 184 p.

Bray, T. (1850). An Essay towards the Reformation of Newgate, and the other Prisons in and about London. In Dixon, H. (Ed.). *John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents*. N. Y.. R. Carter & Brothers, pp. 33–41.

Brown, B. J. (Ed). (1818). Memoirs of the Public and Private Life of John Howard, the Philanthropist: compiled from his own diary, in the possession of his family; his confidential letters; the communication of his surviving relatives and friends; and other authentic sources of information. L., Printed for Rest Fenner, Paternoster-row. 690 p.

Field, J. (Ed). (1850). *The Life of John Howard; with Comments on His Character and Philanthropic Labours*. L., Longman, Brown, Green, Longmans. 495 p.

Filippov, M. A. (1873). Tyur'my v Rossii. Sobstvennoruchnyi proekt Ekateriny II [Russian Prisons. The Handwritten Plan of Catherine II]. In *Russkaya starina*. Iss. 7, pp. 60–87.

Foinitskii, I. Ya. (1889). *Uchenie o nakazaniyakh v svyazi s tyur'movedeniem* [The Doctrine of Punishments in Connection with Penology]. Moscow, Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya (A. Benke). 504 p.

Gernet, M. N. (1951). *Istoriya tsarskoi tyur'my v 5 t.* [A History of the Tsar's Prison]. 2nd Ed. Moscow, Gosyurizdat. Vol. 1. 1762–1825. 328 p.

Hardman, Ph. J. (2007). *The Origins of Late Eighteenth-Century Prison Reform in England* : PhD Thesis. [Sheffield], University of Sheffield. 236 p.

Howard, J. (1792). *The State of the Prisons in England and Wales*. L., J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell. 540 p.

Isaev, M. M. (1947). *K voprosu o politicheskoi otsenke idei klassicheskoi shkoly ugolovnogo prava. Doklad, sdelannyi v Voенно-yuridicheskoi akademii v aprele 1946 g.* [On the Issue of the Political Assessment of the Ideas of the Classical School of Criminal Law. Report Made at the Military Law Academy in April 1946]. Moscow, Tipografiya Voенно-yuridicheskoi akademii. 36 p.

Levenson, P. (1893). *Bekkariya i Bentam. Ikh zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost'* [Beccaria and Bentham. Life and Social Activities]. St Petersburg, Obshchestvennaya pol'za. 94 p.

Lovejoy, A. (2001). *Velikaya tsep' bytiya. Istoriya idei* [The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. 376 p.

Marasinova, E. N. (2016). Nakazanie pokayaniem v Rossii XVIII v.: tserkovnye praktiki na sluzhbe u svetskogo gosudarstva [Punishment by Penance in Eighteenth-Century Russia: Church Practices in the Service of a Secular State]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. No. 5, pp. 87–111.

Nikitin, V. N. (1880). *Tyur'ma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoie polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobodhdennykh iz-pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my do nashikh dnei. 1560–1880* [Prison and Deportation. The Historical, Legislative, Administrative, and Domestic Situation of Prisoners, the Transit of Prisoners, Their Children and Those Released from Custody, from the Time of the Emergence of the Russian Prison to the Present Day. 1560–1880]. St Petersburg, Tip. G. Shparvart. 674 p.

Omel'chenko, O. A. (2004). *Vlast' i zakon v Rossii XVIII v.* [Power and Law in Eighteenth-Century Russia]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi industrial'nyi universitet. 604 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 17, 18, 20, 21, 36.

Shurukhnov, N. G. (2021). Tyur'my Rossii po sobstvennoruchnomu proektu imperatritsy Ekateriny II 1787 goda (kratkii retrospektivnyi obzor) [Russian Prisons according to the Handwritten Plan of Empress Catherine II from 1787 (a Brief Retrospective Review)]. In *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. Vol. 29. No. 1, pp. 71–82. DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71–82.

Sobstvennoruchnoe chernovoe pis'mo Ekateriny II k D'Alambergu s pokhvalami sochineniya Montesk'e i uvereniem, chto sochineniya D'Alamberta posluzhat na blago chelovechestvu [A Handwritten Draft Letter from Catherine II to D'Alembert with Praise of Montesquieu's Works and Assurance that D'Alembert's Works Would Serve for the Benefit of Humanity]. (1872). In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 10. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, pp. 29–31.

Taylor, T. (Ed). (1836). *Memoirs of John Howard, esq. F. R. S., the Christian Philanthropist : with a detail of his most Extraordinary Labours in the cause of Benevolence ; and a brief account of the prisons, hospitals, schools, lazarettoes, and other public institutions he visited*. L., John Hatchard and Son. 504 p.

Uporov, I. V. (2016). Tyuremnoe delo v Rossii vtoroi poloviny XVIII v.: kontseptual'nye idei i proekty [Prison Management in Russia of the Second Half of the Eighteenth Century: Conceptual Ideas and Projects]. In *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. No. 6–6, pp. 24–28.

Webb, S., Webb, B. (1922). *English Prisons under Local Government*. L., N. Y., Longmans, Green & Company. 261 p.

The article was submitted on 19.05.2021

Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России*

Иван Попп

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Volost Clerks in Judicial Bureaucracy: The Myths and Reality of Post-Reform Russia

Ivan Popp

Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

Historiography has formed polar assessments of the activity carried out by members of the system of local (*volost*) self-government in the post-reform period of the Russian Empire. Working within the paradigm of historical anthropology, the author tries to analyse the activity of volost clerks in court through the study of analytical reports made by governors about the system of peasant self-government. The study focuses on previously unpublished confidential reports of governors to the ministers of Internal Affairs P. A. Valuev in 1863–1864 and D. A. Tolstoy in 1883–1884. Most of these documents are now kept in the funds of the local administration department of the Ministry of Internal Affairs (1291) and the office of the Ministry of Internal Affairs (1282) of the Russian State Historical Archive. Governors had a rather negative idea of volost clerks, attributing most of the problems of local government to the low quality of clerk personnel, who were prone to theft, bribery, and deceit. In the early 1860s, the governors dealt with difficult issues of administrating rural areas and offered promising “recipes” of modernisation of the whole system of peasant self-government and attracting young well-educated clerks to the service. However, two decades later, questions about the reorganisation of volost clerks disappeared from the reports, and non-objective criticism dominated the secret messages of the governors, who seemed to be eager to delegate all such problems of self-government to the lower-ranking officials who worked directly in volost councils. Despite critical assessments, regional officials realised the significance of well-educated clerks who recorded

* *Citation*: Popp, I. (2022). Volost Clerks in Judicial Bureaucracy: The Myths and Reality of Post-Reform Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 185–203. DOI 10.15826/qr.2022.1.666.

Цитирование: Попп И. Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 185–203. DOI 10.15826/qr.2022.1.666 / Попп И. Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 185–203. DOI 10.15826/qr.2022.1.666.

court proceedings, which allowed peasants to appeal against sentences in a court of cassation. Volost justice, which occupied a special place in the system of the Russian jurisdiction, gradually uncovered the multifaceted world of traditional law, because it was Russian volost clerks who gradually, year after year, created one of the most important mass sources, the decisions of volost courts reflecting the course of court hearings. This fact facilitated the gradual incorporation of usual law post-reform institutions into the system of local judicial bodies, which worked in post-reform Russia based on positive law.

Keywords: history of nineteenth-century Russia, volost clerk, volost court, volost justice, peasant self-government

В историографии сформировались полярные оценки деятельности представителей системы волостного самоуправления в пореформенный период Российской империи. В рамках антропологически ориентированной истории предпринят анализ деятельности волостных писарей на суде через изучение аналитических отчетов губернаторов о системе крестьянского самоуправления. Основное внимание уделяется ранее не опубликованным конфиденциальным сообщениям начальников губерний для министров внутренних дел П. А. Валуева в 1863–1864 гг. и Д. А. Толстого в 1883–1884 гг. Основной массив этих документов в настоящий момент находится в фондах земского отдела МВД (1291) и канцелярии МВД (1282) РГИА. Начальники губерний довольно негативно относились к писарям, связывая большинство проблем местного управления с плохим качественным составом секретарей, подверженных воровству, взяточничеству и обману. Если в начале 1860-х гг. хозяева губерний касались сложных вопросов администрирования в сельской местности, предлагая перспективные «рецепты» модернизации всей системы крестьянского самоуправления и мобилизации на службу молодых и образованных писарей, то через 20 лет из отчетов вообще исчезли вопросы о возможном преобразовании института волостных делопроизводителей, а необъективная критика переполняла секретные сообщения губернаторов, которые все проблемы данного рода самоуправления хотели списать на низших должностных лиц, работавших непосредственно в волостных правлениях. В статье показано, что, несмотря на критические оценочные суждения, региональные чиновники понимали значимость грамотных секретарей, протоколировавших судебные решения, что позволяло крестьянам обжаловать приговоры судей в кассационном порядке. Волостная юстиция, занимая особое место в системе российского судопроизводства, постепенно открывала многогранный мир традиционного права, так как именно писари из российской глубинки год за годом создавали важнейший массовый источник – решения волостных судов с отражением хода судебных процессов, мотивов и определений служителей крестьянской Фемиды. Это способствовало постепенной инкорпорации обычно-правовых пореформенных институтов в систему местных судебных учреждений, действовавших в пореформенной России на основе позитивного права.

Ключевые слова: история России XIX в., волостной писарь, волостной суд, волостная юстиция, крестьянское самоуправление

Должность волостного писаря подвергалась в Российской империи постоянной критике с самого ее введения положением от 19 февраля 1861 г., которое обязывало этих канцелярских служащих вести волостные книги и все письмоводство, с надлежащей точностью излагать в бумагах решения волостного правления, схода и суда. В случае подлога писарь подвергался уголовному преследованию [ПСЗ-2, т. 36, ч. 1, № 36657, ст. 92, 113, 115, 126, с. 155–160]. В региональных архивах сохранилось много дел по обвинению бывших волостных писарей в растратах, «неправильном расходовании общественных денег», «подделке призывных списков» и др. [ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 798. Л. 2–119; Д. 602. Л. 33–33 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1661. Л. 5–47]. При этом любой волостной старшина на следствии обычно заявлял, что «ничего объяснить не может, так как он человек неграмотный, а все дело велось писарем» [Там же. Д. 851. Л. 31]. В пореформенный период давление на делопроизводителей только усиливалось. В 1874 г. в новом Положении об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам появился отдельный пункт, акцентировавший внимание на удалении «от должности неблагонадежных волостных и сельских писарей» [ПСЗ-2, т. 49, ч. 1, № 53678, ст. 11, с. 930].

В дореволюционных периодических изданиях и книгах волостной писарь – это мошенник, использующий «безграмотность и безответственность волостных начальников», забирающий «в руки всю волость», делающий «что вздумается» и заботящийся «только о том, чтобы лучше хоронить концы в воду и не попасть под уголовный суд за какую-нибудь крупную пакость» [Волостной писарь, с. 3]. Даже известные писари так характеризовали эту должность:

В глазах начальства всякого рода это раб без мысли и воли, беспрекословно обязанный выполнять всякие требования... в глазах мужиков это тонкая бестия, законник, крючкотвор, которым в случае своей нужды можно попользоваться, но вообще же лучше быть от него подальше как от души продажной, за рубль-целковый на все готовой [Астырев, с. 145].

В. Янович, будучи в 1890-х гг. земским начальником, признавал, что «взгляд на волостного писаря как на пьяницу и хапугу распространен повсеместно», однако отмечал огромную роль канцелярских служащих в волостном делопроизводстве и счетоводстве. Из-за неграмотности большинства членов крестьянского самоуправления обязанности по ведению специальных книг перекладывались на письмоводителей, а характеристика всей нагрузки по волостным правлениям привела автора к эмоциональному замечанию: «Все это работа одного человека-писаря! Разве же он не маг и волшебник?» Земский начальник не стал отрицать безнравственные качества многих делопроизводителей, «но огульное обвинение писарей, этих вольно-каторжных, больше, чем негуманно. Мы видели и видим многих очень и очень хороших людей» [Янович, с. 48, 50–51].

При этом сам Янович на первых же страницах своего повествования создал образ «коррупцированного» дельца-писаря, использовавшего свое служебное положение на волостном суде: «Что тогда происходит в писарской квартире за день или за два до суда – догадаться нетрудно, а узнать нелегко, чаще невозможно!» Тем самым он бросил подозрение на всех секретарей судов [Янович, с. 4–5].

Действительно, большинство авторов обращали внимание на взаимодействие волостных писарей и судов. Так, А. И. Языков указывал, что на практике в коллегиальных волостных судах должность председателя фактически занимает старшиной или писарем, которых «закон вовсе отстранил от суда» [Языков, с. 14]. П. Скоробогатый на основании исследования «Трудов комиссии по преобразованию волостных судов» обратил внимание, что в некоторых волостях писарь «даже руководит заседанием и указывает судьям, кого и о чем следует допросить». Если в волостные судьи избираются грамотные крестьяне, то «иногда такие судьи контролируют писаря, сами справляясь с законом и уверяя остальных, что в законе действительно так написано, как писарь сказал» [Скоробогатый, 1880, с. 67–68]. Впоследствии этот же автор признавал, что писари почти всегда являлись «противниками обычаев и ревнителями законности» [Скоробогатый, 1882, с. 92] и о законах крестьяне узнавали через делопроизводителей [По вопросу о преобразовании волостных судов, с. 86]. Не из-за того ли секретари волостных судов вставали на сторону позитивного права, что обычай всегда был «неуловим» и каждый состав судей решал дела по своим собственным субъективным неписаным законам?

Историк и политический деятель А. А. Корнилов подтверждал ведущую роль письмоводителя на суде:

Волостной писарь являлся и секретарем волостного суда, в котором при невежестве и безграмотности судей, к тому же лично не изъятых от дисциплинарной власти волостного старшины, значение его как единственного толкователя законов и формулировщика приговоров оказывалось не менее могущественным, нежели и в остальных делах волости [Корнилов, с. 739].

В дореволюционной публицистике волостные писари подвергались всесторонней критике, но авторы одновременно понимали, что без этих сравнительно грамотных людей не существовало бы волостного делопроизводства. Потребность в писарях и их неприятие проходили через все сословия российского общества в пореформенное время и отражалась на страницах печати. Однако голословная критика современников не позволяла объективно взглянуть на недостатки в системе крестьянского самоуправления, крестьянской общине, а региональные чиновники, в том числе губернаторы, при отсутствии желательных результатов на местах занимались поиском «внутреннего врага».

В советской историографии под влиянием строгих идеологических рамок деградацию крестьянского самоуправления и суда связывали в большей степени с их бюрократизацией, административным давлением громоздкой иерархической системы сословно-дворянских учреждений и силой местного чиновничьего аппарата [Дружинин, с. 44, 268]. Проблемы отдельных институтов местного управления советских исследователей интересовали в меньшей степени, нежели поиски «кризиса самодержавия», «роста революционных движений», «нарастания революционной ситуации» и «противоречий между трудом и капиталом» [Зайончковский, 1964, с. 146, 178–179, 473–477]. Идеологические штампы лишали нарратив советских авторов объективного взгляда на такую важнейшую должностную единицу волостного самоуправления, как волостной писарь, представлявшую собой связующее звено между волостной, региональной и центральной системами управления пореформенной России, являвшуюся во многом краеугольным камнем реализации основных преобразований на практике.

В современной российской исторической науке возрождается интерес к волостным писарям, которые занимали особое место в рамках системы крестьянского самоуправления. Огромную роль делопроизводителей в этой системе из-за их грамотности по сравнению с остальным населением, а также ведения всего делопроизводства в волостных правлениях отмечал В. Б. Безгин. При этом если «крестьяне устанавливали достойное жалование, то у волостных канцелярских служащих исчезало желание производить незаконные поборы» [Безгин, с. 1223].

К подобным выводам пришел и В. В. Баринов, уделив особое внимание взаимодействию волостного суда с писарями в Тамбовской и Пензенской губерниях, которые оказывали огромное влияние на безграмотных волостных судей, а нередко и полностью брали все судопроизводство в свои руки [Баринов, с. 31–32]. О. В. Шутило и Н. М. Селезнева обратили внимание на концентрацию судебной власти в руках писаря, который, «пользуясь безграмотностью крестьян, составлял приговоры и решения, противоположные вынесенным» [Шутило, Селезнева, с. 190]. Позитивными тенденциями современной историографии являются более объективный подход к исследованию должностных обязанностей волостных писарей и изучение региональных, а также функциональных особенностей их деятельности [Хайбуллин; Шишкарева; Никитина]. Одновременно некоторые современные авторы описывают только должностные обязанности письмоводителей на основании Общего положения о крестьянах 1861 г., что влияет на ценность исторического исследования [Бурлова, с. 49].

Представители современной зарубежной историографии К. Фрирсон и Дж. Бурбанк обратили внимание на большую роль волостных писарей в судопроизводстве волостных судов. С одной стороны, писари в качестве секретарей судов полностью сопровождали судебные процессы, присутствовали даже при тайном вынесении реше-

ний, записывали и зачитывали их тяжущимся; при подкупе писари могли ускорять или замедлять судопроизводство [Frierson, p. 318]. С другой – наблюдалась добросовестность писарей в регистрации судебных дел в соответствии со статьями закона, поэтому решения волостных судов всегда основывались на Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. На этом основании появился спорный вывод о судопроизводстве волостных судей на основе писаного, а не обычного права [Бурбанк, 2003, с. 193]. Наконец, Дж. Бурбанк указала на большое влияние секретарей в системе волостного управления, по влиятельности приравняла их к волостным старшинам [Бурбанк, 2004, с. 348] и отметила огромную роль волостных писарей, оформлявших книги решений, что сегодня позволяет не только изучать организацию и деятельность пореформенного судопроизводства, но и скрупулезно реконструировать повседневность волостной юстиции [Burbank, p. 49].

Современные российские и зарубежные авторы мало внимания уделяют исследованию взаимодействия грамотных представителей волостного самоуправления с губернскими администрациями, анализу образа волостных писарей у высокопоставленных региональных чиновников, которые формировали мнение политической элиты и самого монарха не только о деятельности конкретных должностных лиц крестьянского мира, но и в целом о всей пореформенной системе местного управления Российской империи.

Скрупулезное изучение деятельности волостных писарей пореформенной России в разрезе микроисторического анализа преобразований административных и судебных региональных систем позволяет приблизиться к пониманию маркеров правового сознания сельских жителей, достоверно описать конкретные процессы судопроизводства в деревне, оценить влияние власти на крестьянскую общину, представить повседневную жизнь и рассмотреть отношение большей части населения к волостной, губернской администрациям и даже столичной власти.

* * *

В апреле 1873 г. в газете «Голос» появилась заметка из Бугурусланского уезда Самарской губернии, посвященная «самовластию» местного волостного писаря. Корреспондент рисовал возмутительную картину из провинциальной жизни:

Волостные судьи решили посадить одного крестьянина под арест на двое суток. Подсудимого тут же посадили в «кутузку», находящуюся при волостном правлении. Исполнил суд приговор, и судьи разошлись по домам. Но каково же было удивление их, когда к вечеру того же дня они увидели арестованного крестьянина, спокойно пьющего в кабаке водку! Оказалось, что его освободил своею властью волостной писарь.

Автор заметки указывал на вопиющий случай присвоения секретарем суда права помилования: «Вот тут и отбивайся как знаешь от писарского произвола!» [Голос, с. 2].

О проблеме узнали в Министерстве внутренних дел, и этим делом начал заниматься М. Р. Шидловский, второй товарищ министра, который направил конфиденциальный запрос самарскому губернатору Ф. Д. Климову с просьбой «уведомить, в какой мере справедливы в той корреспонденции сведения» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 37. 1873 г. Д. 97. Л. 2]. Начальник Самарской губернии подтвердил факт случившегося, но добавил, что «приговоренные к аресту были распущены по домам», так как волостной писарь Барсуков ответил, что «кутузка за неисправностью печи холодна и что приговоренные будут арестованы после, но обещания этого не исполнил. Впоследствии один из приговоренных к наказанию крестьян, бывши в лавочке, высказал, что их отпустил писарь за деньги» [Там же. Л. 3–4]. Незамедлительный ответ из Министерства внутренних дел звучал однозначно:

Не могу не обратить внимания, что в силу конфиденциального циркуляра от 13 августа 1868 г. за № 82 от Вас, милостивый государь, зависит сделать распоряжение об удалении со службы подобных неблагонадежных волостных писарей [Там же. Л. 5].

Разбираться, брал ли действительно делопроизводитель деньги, никто не стал, хотя на письмоводителей иногда приносили доносы, полагаясь только на слухи [ГАШ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 56. Л. 167]. К сожалению, в истории с писарем Барсуковым никто не захотел задать простые вопросы: 1. Почему волостные судьи решили сразу же посадить крестьян в «кутузку», ведь на обжалование решения волостного суда предоставлялось законом 30 дней? 2. Не являлась ли услышанная кем-то и где-то фраза о взяточничестве простым изветом? 3. Брал ли действительно делопроизводитель деньги? При этом фраза Барсукова о неисправной печке осталась просто незамеченной. Кто, впрочем, в крестьянской среде мог возразить судьям по поводу размещения арестованных в холодном помещении?

Для анализа деятельности волостных писарей необходимо изучить материалы о становлении местного самоуправления, которые направляли в столицу губернаторы.

Уже в конце 1863 г., то есть через два с половиной года после отмены крепостного права, министр внутренних дел П. А. Валуев обратил внимание на введенные положениями новые начала и формы общественного крестьянского управления. Для разъяснения истинного положения в деятельности крестьянских учреждений Валуев обратился к начальникам губерний с просьбой сообщить «личные наблюдения по вышеизложенным предметам, вынесенные из объезда волостей, из доходивших до вас дел и иных официальных и частных источников» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406. Л. 1–2]. Современные

исследователи считают подобные источники незаменимыми как при изучении явлений и процессов общегосударственного масштаба, так и в локальных краеведческих исследованиях [Минаков]. 17 губернаторов вместе с объемным описанием проблем местного управления в той или иной мере затронули деятельность волостных писарей, отмечая «недостаток благонадежных, добросовестных и грамотных», их лихоимство, мздоимство и пьянство в волостных правлениях, а также негативное влияние на волостных судей [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 140б. Л. 55–55 об., 70, 74 об., 84, 88, 142 об., 147 об., 170 об., 172 об., 213 об. – 214, 225–226, 233, 245–246 об., 265, 270, 299 об., 300 об., 319 об., 322 об., 345–346, 350, 372, 380 об., 389 об., 416 об., 419, 432 об.]. В некоторых отзывах простой секретарь представлялся своеобразным Левиафаном, которого боялись не только крестьяне, но и руководители крестьянского самоуправления:

Когда же священник погоста Петра и Павла стал говорить волостному старшине о потворстве его писарю, то старшина отвечал: «Что же мне делать, я и сам боюсь, чтобы писарь не посадил меня в холодную» [Там же. Л. 145 об.].

Несмотря на это, первые лица губерний надеялись на улучшение сложившейся ситуации:

Что касается волостных писарей, то между ними попадаются люди очень хорошие, но, по несчастью, чаще встречаются дурные и безнравственные. Главная основная тому причина – всеобщая неграмотность. Положение человека, умеющего читать и писать, слишком еще в народе исключительно для того, чтоб не подавать частых поводов к злоупотреблению. Волостные писаря будут вообще плохи до тех пор, пока не выйдут из самих крестьян. Словом, настоящие писаря есть зло, но зло временное и неизбежное [Там же. Л. 175 об.].

Высокопоставленные региональные чиновники связывали светлое будущее только с постепенным внедрением образования в деревне, обучением грамотности подрастающего поколения и продвижением его по карьерной лестнице. Одновременно многие начальники губерний касались серьезных проблем крестьянского мира и даже предлагали «рецепты» реформирования института волостных писарей с выходом на модернизацию всей системы местного управления.

Во-первых, рязанский губернатор П. Д. Стремоухов назвал всех должностных лиц, занимавшихся перепиской и составлением канцелярских бумаг, «пьяницами», «взяточниками», «лицами, не способными ни на частные должности, ни на государственную службу», отметил настоящее сподвижничество волостных писарей, «посвятивших себя на служение сельских обществ... умеющих подчас при-

крыть злоупотребление оформлением всякого действия на бумаге и угождать крестьянам, выказывая себя защитниками их прав неуместными наставлениями» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406. Л. 73]. Негативное отношение высокопоставленного чиновника к волостным секретарям не влияло на признание их значимости в осуществлении взаимодействия безграмотных крестьян со сложным миром бюрократической волокиты и произвола. Вероятно, поэтому начальник Рязанской губернии предложил создавать «правильно организованные школы», где «образовывались бы писаря изучением на практике делопроизводства, требующего более навыка, чем познаний» [Там же. Л. 78 об.].

Во-вторых, губернаторы описывали важнейшую проблему развития бытового мздоимства. Крестьяне, по мнению рязанского и псковского губернаторов, баловали молодых и неопытных делопроизводителей разными «приношениями и угощениями», поэтому «лица не испорченной еще нравственности, заняв должности писарей, вскоре искушались окружающим их соблазном и превосходили самых опытных по этой части людей» [Там же. Л. 73 об.], а «писаря при всяком случае угощают первого и делают ему приношения хлебом, яйцами, холстом и чем придется, и эти приношения вошли уже в обычай, так что иные говорят: “В нашу контору (то есть в волостное правление) с пустыми руками не ходи, кто больше дал, тот и прав”» [Там же. Л. 142 об.]. К сожалению, в среде безграмотного крестьянства поговорка «не подмажешь – не поедешь» была прямым руководством к действию, но виноваты во всем, естественно, были писаря!

В-третьих, ощущался заметный недостаток в образованных делопроизводителях, поэтому в Калужской губернии «искателями мест в волостные писаря большей частью бывают отставные чиновники либо бывшие писарями в ведомстве государственных имуществ или окончившие курс в духовных семинариях, последние выходят самыми лучшими» [Там же. Л. 265 об.], а в Казанской губернии «люди эти по большей части неблагонадежные, нанимаются или из среды исключенных семинаристов, или, что еще хуже, из бывших писарей ведомства государственных имуществ, откуда они изгнаны или за пьянство, или за злоупотребления» [Там же. Л. 246]. Для исправления ситуации калужский и владимирский губернаторы предложили усилить роль мировых посредников в утверждении и отстранении писарей и сделать их «ответственными пред законом на равных с состоящими на службе коронными чиновниками» [Там же. Л. 217, 346].

Для улучшения кадрового состава волостных делопроизводителей в 1868 г. курский губернатор представил в Министерство внутренних дел проект, в котором сначала обозначил низкие зарплаты, высокую должностную нагрузку и огромную ответственность письмоводителей, а затем обосновал необходимость преобразований, заключавшихся в следующих пунктах: 1. Определять и увольнять волостных писарей по распоряжению мирового посредника.

2. Устанавливать содержание писмоводителям «по количеству населения волости». 3. Избавить писарей от денежных и натуральных повинностей. 4. Предоставить писмоводителям право на льготы и «за особое усердие к службе и добросовестность в исполнении своих обязанностей» награждать их на общем основании, «определенном для лиц, состоящих в гражданской службе» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1867. Д. 14. Л. 14 об. – 15 об.]. Последний пункт больше всего возмущал людей, разбиравшихся в проблемах крестьянского самоуправления, так как «писарь же не имеет по службе никаких льгот и преимуществ!» [Там же. Л. 13 об.], а любые представления хороших делопроизводителей к государственным наградам «за примерное усердие к службе по занимаемой им должности и отличный порядок в делопроизводстве» не поддерживались с формулировкой «служит по найму общества» [ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 166. Л. 567].

В-четвертых, из-за поголовной неграмотности сами волостные судьи обращались за толкованием законов к грамотным делопроизводителям и не могли проверить достоверность письменных решений волостных судов, ведь «у нас судят по книжке, что писарь напишет, то и будет» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406. Л. 372]. Калужский губернатор Э. В. Лерхе представил проблему более развернуто:

Волостные писаря часто искажают самый смысл решения судей, записывая в книгу не то, что было говорено судьями. Проверить же записанное писарем решение свое судьи по безграмотности своей не в состоянии. Затем во многих судах решаются дела не по обычаю и правилам, принятым в крестьянском быту, как предназначено в Положениях 19 февраля 1861 г., а на основании Сельского устава о благоустройстве казенных крестьян, что окончательно сбивает судей, так как они с законами не знакомы и чрез то еще более должны подчиниться влиянию писаря, что и было замечено при обзоре волостей [Там же. Л. 270–270 об.].

Действительно, создание после крестьянской реформы таких массовых источников, как протоколы решений волостных судов, это заслуга волостных писарей. С другой стороны, к подобным документам необходимо относиться довольно критически. Материалами региональных архивов подтверждаются факты неправильного протоколирования судебных заседаний, а некоторые волостные судьи сознавались, что решения были не совсем правильно записаны в специальные книги [ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 483 об., 673]. Иногда писари вообще не фиксировали на бумаге постановления волостных судей. Так, в еженедельной газете «Екатеринбургская неделя» признавали: «что происходит на волостном суде, не все еще записывается в книгу решений, отчасти с намерением скрыть незаконный образ действий, а отчасти по незнанию или недоразумению» [Екатеринбургская неделя, с. 807]. В начале 1880-х гг.

крестьянин Прокопий Давыдов был наказан десятью ударами розог «за неявку» на волостной суд, но «приговор об этом в книге волостного суда не значится, и явившийся к дознанию судья Швецов объяснил, что записать приговор о наказании Давыдова они приказывали писарю Нефедову, но писарь Нефедов объяснил, что приказание от судей не получал» [ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 666. Л. 2 об.].

Однако некоторые современные исследователи считают, что именно в протоколах «нашли отражение не только “нормы” обычного права и правовая культура крестьянства, но и многие стороны быта, ценности и поведенческие стереотипы основной части населения страны» [Земцов, 2002, с. 3, 64–386]. Подобные судебные решения «с отчетливой полнотой отразили поиск и народное воплощение мирских представлений о “правде” (и истине, и справедливости); в их строках при переложении на обыденные жизненные ситуации прямо говорит главный герой отечественной истории – русский крестьянин» [Земцов, 2004, с. 85]. Сегодня существует и более взвешенный взгляд на эти источники, расширяющие область познания особенностей волостной юстиции, но «степень достоверности некоторых рукописных материалов оценить сложно, так как книги решений волостных судов велись бессистемно, иногда даже небрежно, с множеством пробелов. Многое в данном случае зависело от компетентности и морального облика волостных писарей» [Соснина, с. 205–206].

Через десять лет после этих конфиденциальных отчетов губернаторов министру внутренних дел П. А. Валуеву завершила работу комиссия М. Н. Любошинского по исследованию волостных судов [Земцов, 2004, с. 158–207]. Естественно, в трудах комиссии содержались некоторые отзывы губернаторов, посвященные взаимодействию волостных писарей и судов. Хозяин Витебской губернии выражал общее мнение о письмоводителях, заключавшееся в их значительном влиянии на крестьянское самоуправление. Начальник Владимирской губернии в довольно резких тонах призывал ликвидировать волостные суды, не пользовавшиеся доверием народа, так как они «попали в руки волостных старшин и ловких их писарей, которые дали им характер канцелярского суда, со всеми его недостатками и злоупотреблениями, принося народу не пользу, а несомненный вред» [Труды комиссии по преобразованию волостных судов, с. 55, 571]. Киевский губернатор основную вину возложил на секретарей:

По своему положению в крестьянском управлении, как люди грамотные, всегда являются главными участниками в решении дел волостными судьями; от них зависит смысл и точность изложения на бумаге поставленного судьями приговора, только к ним судьи обращаются за советами и, соглашаясь всегда с мнением писарей, заставляют последних писать решение, которое потом самим писарем изменяется согласно его личным своекорыстным взглядам [Там же, с. 403].

Таким образом, в 1870-х гг. первые лица губерний продолжили традиционную критику письмоводителей, находя в них безмолвных виновников неудачных преобразований на местах. Грамотные, но бесправные волостные писари становились удобными объектами для замечаний региональных и столичных чиновников.

В начале 1880-х гг. губернаторы опять выразили мнение о развитии института волостных писарей. В проектах преобразования волостного суда 30 губернаторов отражался весь спектр мнений российской общественности по совершенствованию волостной юстиции. В рамках работы Особой комиссии для составления проектов местного управления в июне 1883 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой направил губернаторам секретный циркуляр № 529 «О доставлении соображений и заключений по вопросам, касающимся предположений об изменении в местных учреждениях». Седьмой вопрос этого документа был посвящен волостному суду [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–32]. Советские и современные историки опирались на этот важный источник при изучении преобразований в системе местного управления начала 1880-х гг. [Зайончковский, 1970, с. 8–234; Христофоров, с. 292–350], однако не всегда внимательно относились к проблемам крестьянской юстиции.

В декабре 1883 – январе 1884 г. из разных российских губерний пришли ответы министру внутренних дел, что повышает ценность этих хронологически близких исторических источников. В процессе критики волостного суда хозяева губерний не забывали о делопроизводителях. Вологодский губернатор М. Н. Кормилицын отметил, что неграмотные волостные и сельские должностные лица (в том числе и волостные судьи) попадают под «присмотр» «малограмотных», «малоподготовленных к делу, а иногда и совсем бестолковых» канцелярских служащих, и «часто судьи скрепляют своими печатями решения, постановленные скорее писарем, нежели ими» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 38 об. – 40]. Подобную характеристику письмоводителям дал и олонекский губернатор Г. Г. Григорьев:

Волостной писарь – это руководитель, импульс волости, но который при том составляет и все ее зло, и всю худшую сторону. Грамотный настолько, что может обнять весь цикл объявлений, предписаний и прочих бумаг, соприкасающихся с деревенским бытом, и сумеет отписаться на них, вывести расход общественным деньгам настолько ловко, чтоб запрятать все концы неправильно растраченных сумм, составить общественный приговор или приговор волостных судей в том духе, в том направлении, как ему нужно, соображаясь с подходящими обстоятельствами дела.

При этом под влияние писаря и других «зловредных личностей» попал «неудовлетворительный» и «несамостоятельный» волостной суд [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 22–22 об., 122].

Несмотря на такую же однозначную характеристику секретарей, в проекте преобразований хозяина Олонецкой губернии было предложено уничтожить волостные правления, передать их функции сельским обществам, но «для заведования письменной частью при каждом сельском обществе иметь писаря» с окладом не менее 120 руб. в год [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 40]. Разве губернатор не понимал, что это привело бы к росту количества делопроизводителей в геометрической прогрессии с возможным снижением их качественного состава?

По мнению саратовского губернатора А. А. Зубова, волостные писари оказывали «давление на ход дел в суде в желательном для одной из сторон смысле», так как они по своему усмотрению разъясняли «разного рода статьи закона» неграмотным волостным судьям [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 551 об.]. Через несколько листов доклада хозяин губернии опровергал свои же доводы, отмечая, что «жалоб на то, чтобы волостные писаря руководили судьями при разрешении дел, по существу, поступает вообще мало», а влияние на судей осуществлялось больше с «внешней, формальной стороны», когда делопроизводители вели установленные книги волостных судов, объявляли и приводили судебные решения в исполнение. Выход из создавшегося положения А. А. Зубов видел в «постоянном руководстве и надзоре за волостными судами». Это позволило бы поставить волостных писарей в «нормальные отношения к суду там, где влияние их действительно существует» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 555–555 об.].

Тверской, симбирский, херсонский и харьковский губернаторы большинство «злоупотреблений» в деятельности волостных судов связывали с влиянием на них писарей и старшин [Там же. Д. 14. Л. 181–181 об., 315, 386–387; Д. 15. Л. 308]. Эту «зависимость» волостной юстиции от секретарей логично выявил владимирский губернатор О. М. Судиенко, обращавший внимание на крайнюю несостоятельность личного состава волостных судов из-за отсутствия вознаграждения крестьянам за исполнение обязанностей судей, поэтому судьями становились лишь бедные и неразвитые крестьяне, не пользовавшиеся никаким авторитетом среди местного населения и не имевшие возможности отказаться или откупиться от этой должности. При таких условиях крестьяне, «отбывая должность судьи как натуральную повинность, апатично относятся к своим служебным обязанностям» и «неизбежно служат послушным оружием в руках волостного старшины, писаря и кулаков-мироедов». Начальник Владимирской губернии считал, что «нередко» волостные судьи «собираются только на бумаге, а в действительности дела решаются старшиной и писарем». Вывод звучал так:

...главная цель существования крестьянских судов – применение местного обычного права к делам крестьянским – в большинстве случаев не достигается, и в решениях судов более проявляется полуграмотная деятельность волостного писаря, чем народное правовое сознание [Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 103–103 об.].

Почему-то владимирский губернатор не обращал внимания на привилегии, полагавшиеся крестьянам за исполнение должностных обязанностей, и не учитывал общую безграмотность крестьянского населения.

В декабре 1883 г. в «демонизацию» волостных письмоводителей внес весомую лепту и известный своими консервативными взглядами пермский губернатор А. К. Анастасьев, начавший в это время борьбу с «неподконтрольными» выборными земскими и судебными учреждениями [Попп, с. 82–90]. В записке хозяина Пермской губернии на имя министра внутренних дел повсеместно присутствовал образ «всемогущего» волостного писаря, который вместе с волостным старшиной не только полностью «подчинил» своему влиянию волостных судей и «бесконтрольно» занимался «самоуправством», «злоупотреблениями», «растратами мирских сумм» в волостных правлениях [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 353 об., 368 об.], но и совместно с «кабатчиками», «винооторговцами», «кулаками», «содержателями и бывшими сидельцами питейных заведений» захватил власть в системе местного самоуправления, контролировал уездные земства и попадал в состав их исполнительных органов:

Главный контингент членов и даже председателей земских управ составляют бывшие волостные писаря, следовательно, люди – не внушающие нравственного доверия своей личностью и по своим интересам совершенно не солидарные с интересами земства. Благодаря вторжению в земство этих недостойных элементов... местное самоуправление превратилось в арену борьбы для немногих, но тесно сплоченных шаек хищников, поставивших себе целью личную наживу [Там же. Л. 345 об., 347, 348–348 об.].

По мнению А. К. Анастасьева, волостные писари «неблаговидными средствами» приобретали имущественные цензы и стали основой для формирования кадрового состава судебно-мировых учреждений [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 351; Там же. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 150. Л. 5]. Это заявление вызвало огромный общественный резонанс [Прения по реферату М. В. Красовского, с. 77; Юридическое образование наших мировых судей, с. 187], но через два года было опровергнуто членом Харьковской судебной палаты В. Ненарочкиным, ревизовавшим в 1885 г. пермскую мировую юстицию. Подробные списки мировых судей, выбранных осенью 1882 г. на четвертое трехлетие (1882–1885), показывали, что из 63 «наличных» мировых судей Пермской губернии только один мировой судья – крестьянин И. Я. Тугаринов – работал до 1873 г. волостным писарем, но и его Ирбитское уездное земское собрание избрало на должность участкового мирового судьи только 30 октября 1884 г., то есть почти через год после резонансных заявлений пермского губернатора [РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 114 об. – 115, 80–141].

Подводил итоги губернаторских донесений князь В. П. Мещерский, который назвал всю систему местного управления «рассыпанной храминой» с «непомерно возросшим» числом лиц, «которым предоставлена возможность злоупотреблений, необходимо включая сюда волостных писарей» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 408 об., 411 об.]. Из 30 губернаторских докладов о преобразовании системы местного управления ни в одном не нашлось места для объективной оценки роли волостных делопроизводителей. При этом начальники губерний уже не надеялись на возможные улучшения сложившегося положения и в будущем не видели позитивных изменений в деятельности волостных писарей. Создается впечатление, что большинство накопившихся проблем в крестьянском самоуправлении высокопоставленные чиновники пытались свалить на «всемогущих» канцелярских служащих и формально найти в них виновников неудач повседневной провинциальной жизни.

В традиционных авторитарных государствах без специальных центров изучения общественного мнения, статистических исследований, основанных на научных принципах, особое значение занимали отзывы, вопросы и отчеты региональных администраторов и заметки образованных практиков, отвечавших за конкретную деятельность на периферии. В огромной поликультурной России после освобождения крестьян власть особенно нуждалась в достоверной информации из разных регионов для адекватного реагирования на вызовы и поиска подходящих ответов.

Для сохранения статуса российской власти, ее легитимности требовались ежегодные губернаторские «всеподданнейшие отчеты», постоянные запросы начальникам губерний из министерств, наконец, сенаторские ревизии – все это представляло основу управления и быстрого реагирования на проблемы в стране. Институт волостных писарей, как и вся система волостного самоуправления, подвергался критике со стороны современников, поэтому самодержавие пыталось быстро получить объективную информацию от «своих» начальников губерний, но отчеты, доклады и служебные записки последних не могли справедливо оценить комплекс сложившихся противоречий. Несмотря на клишированность высказываний губернаторов о волостных писарях, в представленных исторических материалах открываются довольно репрезентативные данные не только делопроизводства многочисленных письмоводителей на местах, но и сложных процессов становления, развития, кризиса всей системы местного управления. Анализ института волостных писарей позволял начальникам губерний предлагать перспективные рецепты модернизации страны.

Большинство провинциальных администраторов обращали внимание на вмешательство писарей в дела местных судов, однако крестьяне не смогли бы подавать кассации и добиваться справедливости без письменных протоколов, созданных теми же писарями. В итоге именно простые письмоводители смогли закрепить волостную юсти-

цию в истории России, в отличие от устных обычно-правовых сельских судов, существовавших веками в крестьянском мире, но не оставивших достаточного количества нарративных источников для их всестороннего исследования.

Список литературы

- Астырев Н. М.* В волостных писарях : Очерки крестьянского самоуправления. 3-е изд. М. : Маг. «Книж. дело», [1904]. 351 с.
- Баринов В. В.* Система органов волостной юстиции на территории республики Мордовия в конце XIX – начале XX века (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) // Рос. науч. мир. 2013. № 1. С. 24–36.
- Безгин В. Б.* Сельская власть в обыденном восприятии крестьянства конца XIX – XX вв. // Вестн. Тамбов. гос. тех. ун-та. 2004. Т. 10, № 4-2. С. 1217–1226.
- Бурбанк Дж.* Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188–196.
- Бурбанк Дж.* Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. : сб. ст. М. : Новое изд-во, 2004. С. 320–358.
- Бурлова Г. В.* Правовые аспекты деятельности волостных и сельских должностных лиц крестьянского самоуправления во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики. 2011. № 8-3. С. 47–52.
- Волостной писарь. Для народного чтения. Иркутск : [Б. и.], 1867. 5 с.
ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16; Оп. 2. Д. 166; Ф. 142. Оп. 1. Д. 602, 666, 798, 851, 1661.
ГАШ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 56.
- Голос : газета политическая и литературная. 1873. № 95. 5 (17) апр.
Екатеринбургская неделя. 1884. № 47. 28 нояб.
- Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М. : Наука, 1978. 287 с.
- Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
- Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. 444 с.
- Земцов Л. И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 447 с.
- Земцов Л. И.* Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е – 80-е гг. XIX в.) : дис. ... докт. ист. наук. Липецк : [Б. и.], 2004. 462 с.
- Корнилов А. А.* Крестьянское самоуправление по положению 19 февраля // Великая реформа : Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем : в 2 кн. М. : Изд. дом ТОНЧУ, 2012. Кн. 2. С. 718–739.
- Минаков А. С.* Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // Отеч. архивы. 2009. № 1. С. 28–36.
- Никитина Н. П.* Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв. // Псков. науч.-практ. ист.-краеведч. журн. 2014. № 41. С. 42–49.
- По вопросу о преобразовании волостных судов // Отеч. зап. 1873. № 1. С. 85–92.
- Попп И. А. А. К. Анастасьев* // Вопр. истории. 2014. № 2. С. 82–90.
- Прения по реферату М. В. Красовского «О недостатках нынешнего устройства мировых судебных установлений в отношении уголовной юстиции» (В. И. Лихачев, Н. Б. Хвостов, М. В. Красовский) // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 5. С. 46–84.

- ПСЗ. Собр. 2. Т. 36, 49.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12–15; Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406; Оп. 36. 1867. Д. 14; Оп. 37. 1873 г. Д. 97; Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949.
Скоробогатый П. Устройство крестьянских судов. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1880. 68 с.
Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М. : Юрич. вестн., 1882. 101 с.
Соснина М. А. Протоколы волостных судов как источник изучения крестьянского правосудия второй половины XIX – начала XX века (на материалах Государственного архива Архангельской области) // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / под ред. А. Н. Дулова и М. Ф. Румянцевой. Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2017. С. 205–206.
Труды комиссии по преобразованию волостных судов : Отзывы различных мест и лиц : в 7 т. СПб. : [Б. и.], 1873. Т. 7. 656 с.
Хайбуллин А. Р. Дореформенный нотариат на местном уровне // Вестн. ВЭГУ. 2011. № 6. С. 151–155.
Христофоров И. А. Судьба реформы : Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М. : Собрание, 2011. 367 с.
Шишкарева Т. Н. Волостные писари Курской губернии в пореформенный период // Прогрессивные технологии развития. 2013. № 11. С. 85–87.
Шутило О. В., Селезнева Н. М. Волостная юстиция в России во второй половине XIX века // Вестн. Саратов. гос. юр. акад. 2017. № 4 (117). С. 188–194.
Юридическое образование наших мировых судей // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 1. С. 185–187.
Языков А. И. О преобразовании волостного суда : доклад действительного члена юридического общества при Имп. СПб. ун-те в заседании Административного отделения общества 12 января 1885 г. СПб. : [Б. и.], 1886. 40 с.
Янович В. Итоги шестилетия (заметки земского начальника). Пермь : Типолит. губерн. правления, 1902. 178 с.
Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2004. 374 p.
Frierson C. A. “I Must Always Answer to the Law...” Rules and Responses in the Reformed Volost’ Court” // The Slavonic and East Europ. Rev. 1997. Vol. 75, № 2. P. 308–334.

References

- Astyrev, N. M. (1904). *V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya* [On Volost Clerks: Essays on Peasant Self-Government]. 3rd Ed. Moscow, Magazin “Knizhnoe delo”. 351 p.
- Barinov, V. V. (2013) Sistema organov volostnoi yustitsii na territorii respubliki Mordoviya v kontse XIX – nachale XX veka (po materialam Penzenskoi i Tambovskoi gubernii) [The System of Local Judicial Bodies on the Territory of the Republic of Mordovia in the Late 19th – Early 20th Centuries (with Reference to Materials from Penza and Tambov Provinces)]. In *Rossiiskii nauchnyi mir*. No. 1, pp. 24–36.
- Bezgin, V. B. (2004). Sel'skaya vlast' v obydennom vospriyatii krest'yanstva kontsa XIX – XX vv. [Rural Power in the Everyday Perception of the Peasantry in the Late 19th – 20th Centuries]. In *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 4-2. Vol. 10, pp. 1217–1226.
- Burbank, J. (2003). Pravovaya reforma i pravovaya kul'tura: nepriznanniy uspekh volostnykh sudov v imperskoi Rossii [Legal Reform and Legal Culture: The Unrecognised Success of Volost Courts in Imperial Russia]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. No. 2 (247), pp. 188–196.
- Burbank, J. (2004). Mestnye study, imperskoe pravo i grazhdanstvo v Rossii [Local Courts, Imperial Law, and Citizenship in Russia]. In *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive*. Sbornik statei. Moscow, pp. 320–358.

Burbank, J. (2004). *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington, Indianapolis, Indiana Univ. Press. 374 p.

Burlova, G. V. (2011). Pravovye aspekty deyatelnosti volostnykh i sel'skikh dolzhnostnykh lits krest'yanskogo samoupravleniya vo vtoroi polovine XIX v. [Legal Aspects of the Activities of Township and Rural Officials of Peasant Self-Government in the Second Half of the 19th Century]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8-3, pp. 47–52.

Druzhinin, N. M. (1978). *Russkaya derevnya na perelome 1861–1880 gg.* [The Russian Village at the Turn of 1861–1880s]. Moscow, Nauka. 287 p.

Ekaterinburgskaya nedelya [Ekaterinburgskaya nedelya]. (1884). No. 47. 28 Nov.

Frierson, C. A. (1997). "I Must Always Answer to the Law..." Rules and Responses in the Reformed Volost' Court". In *The Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 75. No. 2, pp. 308–334.

GAPK [State Archives of Perm Province]. Stock 41. List 1. Dos. 16; List 2. Dos. 166; Stock 142. List 1. Dos. 602, 666, 798, 851, 1661.

GASh [State Archives of Shadrinsk]. Stock 597. List 1. Dos. 56.

Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya [Voice. Political and Literary Newspaper]. (1873). No. 95. 5 (17) April.

Khaibullin, A. R. (2011). Doreformennyi notariat na mestnom urovne [The Pre-Reform Notary at the Local Level]. In *Vestnik Vostochnoi ekonomiko-yuridicheskoi gumanitarnoi akademii*. No. 6, pp. 151–155.

Khristoforov, I. A. (2011). *Sud'ba reformy. Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Fate of the Reform. The Russian Peasantry in Government Policy before and after the Abolition of Serfdom (1830s–1890s)]. Moscow, Sobraniye. 367 p.

Kornilov, A. A. (2012). Krest'yanskoe samoupravlenie po polozeniyu 19 fevralya [Peasant Self-Government under the Regulation of February 19]. In *Velikaya reforma. Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem v 2 kn.* Moscow, Izdatel'skii dom TONChU. Book 2, pp. 718–739.

Minakov, A. S. (2009). Vsepoddanneishie otchety o sostoyanii gubernii, oblasteri i gradonachal'stv Rossiiskoi imperii: problema arkhivnoi evristiki [The Reports to the Monarch on the State of the Provinces, Regions and City Administrations of the Russian Empire: Issues of Archival Heuristics]. In *Otechestvennyye arkhivy*. No. 1, pp. 28–36.

Nikitina, N. P. (2014). Volostnye pisari v sotsial'nom prostranstve pskovskoi derevni vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Volost Clerks in the Social Space of Pskov Villages in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Pskov. Nauchno-prakticheskii istoriko-kraevedcheskii zhurnal*. No. 41, pp. 42–49.

Po voprosu o preobrazovanii volostnykh sudov [To the Question of Transformation of Volost Courts]. (1873). In *Otechestvennyye zapiski*. No 1, pp. 85–92.

Popp, I. A. (2014). A. K. Anastas'ev [A. K. Anastas'ev]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 82–90.

Preniya po referatu M. V. Krasovskogo „O nedostatkakh nyneshnego ustroystva mirovykh sudebnykh ustanovlenii v otnoshenii ugolovnoi yustitsii“ (V. I. Likhachev, N. B. Khvostov, M. V. Krasovskii) [Debate on *On the Shortcomings of the Current Structure of World Judicial Rulings in Relation to Criminal Justice*, a Review of M. V. Krasovskiy (V. I. Likhachev, N. B. Khvostov, M. V. Krasovskiy)]. (1885). In *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava*. No. 5, pp. 46–84.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 36, 49.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 1282. List 2. Dos. 12–15; Stock 1291. List 36. 1863 g. Dos. 140b; List 36. 1867 g. Dos. 14; List 37. 1873 g. Dos. 97; Stock 1405. List 86. Dos. 2949.

Shishkareva, T. N. (2013). Volostnye pisari Kurskoi gubernii v poreformennyi period [Volost Clerks of Kursk Province in the Post-Reform Period] In *Progressivnyye tekhnologii razvitiya*. No. 11, pp. 85–87.

Shutilo, O. V., Selezneva, N. M. (2017). Volostnaya yustitsiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Volost Justice in Russia in the Second Half of the 19th Century]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. No. 4 (117), pp. 188–194.

Skorobogaty, P. (1880). *Ustroistvo krest'yanskikh sudov* [The Structure of Peasant Courts]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Co. 68 p.

Skorobogaty, P. (1882). *Ocherki krest'yanskogo suda* [Essays on Peasant Courts]. Moscow, Yuridicheskii vestnik. 101 p.

Sosnina, M. A. (2017). *Protokoly volostnykh sudov kak istochnik izucheniya krest'yanskogo pravosudiya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka (na materialakh Gosudarstvennogo arkhiva Arkhangel'skoi oblasti)* [Proceedings of Volost Courts as a Source of Study of Peasant Justice of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials of the State Archive of Arkhangel'sk Region)]. In Dulov, A. N., Rumyantseva, M. F. (Eds.). *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 420-letiyu darovaniya gorodu Vitebsku magdeburgskogo prava, Vitebsk, 20–21 aprelya 2017 g.* Vitebsk, Vitebskii gosudarstvennyi universitet, pp. 205–206.

Trudy komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov. Otzyvy razlichnykh mest i lits [Reports of the Commission for the Transformation of Rural Municipal Courts. Reviews of Various Places and Persons]. (1873). St Petersburg, S. n. Vol. 7. 656 p.

Volostnoi pisar'. Dlya narodnogo chteniya [The Volost Clerk. For Public Reading]. (1867). Irkutsk, S. n. 5 p.

Yanovich, V. (1902). *Itogi shestiletiya (zametki zemskogo nachal'nika)* [Results of the Sixth Anniversary (Notes of a Zemstvo Chief)]. Perm, Tipolitografiya gubernskogo pravleniya. 178 p.

Zazykov, A. I. (1886). *O preobrazovanii volostnogo suda. Doklad deistvitel'nogo chlena yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete v zasedanii Administrativnogo otdeleniya obshchestva 12 yanvarya 1885 g.* [About the Transformation of the Volost Court. Report of a Full Member of the Legal Society at the Imperial St Petersburg University at the Meeting of the Administrative Department of the Society on 12 January 1885]. St Petersburg. 40 p.

Yuridicheskoye obrazovanie nashikh mirovykh sudei [The Legal Education of Our Magistrates]. (1887). In *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. No. 1, pp. 185–187.

Zaionchkovskii, P. A. (1964). *Krizis samodержавiya na rubezhe 1870–1880-kh godov* [The Crisis of Autocracy at the Turn of the 1880s]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 511 p.

Zaionchkovskii, P. A. (1970). *Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov)* [The Russian Autocracy at the End of the 19th Century (Political Reaction of the 1880s – Early 1890s)]. Moscow, Mysl'. 444 p.

Zemtsov, L. I. (2002). *Volostnoi sud v Rossii 60-kh – pervoi poloviny 70-kh godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [The Volost Court in Russia in the 1860s – First Half of the 1870s (Based on the Materials of the Central Black Earth Region)]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 447 p.

Zemtsov, L. I. (2004). *Pravovye osnovy i organizatsiya deyatel'nosti volostnykh sudov v poreformennoi Rossii (60-e – 80-e gg. XIX v.)* [Legal Basis and Organisation of the Activity of Volost Courts in Post-Reform Russia (1860s–1880s)]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Lipetsk, S. n. 462 p.

The article was submitted on 06.02.2021

Конфликт в карательной системе Рязани и побег политзаключенных в 1921 году*

Олег Тарасов

Академия ФСИН России,
Рязань, Россия

Confrontation in the Punitive System of Ryazan and the Escape of Political Prisoners in 1921

Oleg Tarasov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryazan, Russia

This article examines the peculiarities of provincial prisons during the formation of the Soviet corrective labour system. It is based on previously unpublished historical documents and materials from the the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of Ryazan Region. Despite the general goals of the Soviet state's corrective labour policy, the formative period was characterised by a dispersion of punitive functions among several departments and fierce competition for the monopoly over the execution of punishments. Based on historical material from Ryazan province, the author illustrates the spectrum of these interdepartmental contradictions, referring to a case connected with the detention of a group of political prisoners in Ryazan. He also gives a detailed description of the appearance of the group in Ryazan, whose background was the mass riots among prisoners that occurred in Butyrskaya prison in April 1921. One of the consequences was a sudden dispersal of political prisoners to provincial places of detention and a mass escape of anarchists from a hastily organised political prison in Ryazan. In the form of a narrative, the article provides a detailed description of the actions of various provincial authorities and officials to ensure strict isolation for political prisoners in Ryazan, presents an ordered chronology of events, and interprets the actions of the participants. As a compromise, they established the organisation of "political prison" in an unprepared building of the former corrective detention department

* *Citation*: Tarasov, O. (2022). Confrontation in the Punitive System of Ryazan and the Escape of Political Prisoners in 1921. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 204–220. DOI 10.15826/qr.2022.1.667.

Цитирование: Tarasov O. Confrontation in the Punitive System of Ryazan and the Escape of Political Prisoners in 1921 // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 204–220. DOI 10.15826/qr.2022.1.667 / Тарасов О. Конфликт в карательной системе Рязани и побег политзаключенных в 1921 году // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 204–220. DOI 10.15826/qr.2022.1.667.

with serious violations of the regime's requirements. Based on information from official documents, the author describes the requirements for maintaining political prisoners formed by the Punitive Department. The article shows the impact of the events of 1921 in the Ryazan "political prison" on the subsequent development of the system of detention in Ryazan province. It is concluded that the reason for the mass escape of a group of anarchists was the organisational unpreparedness of provincial places of detention and the interdepartmental struggle of the local structures of central departments. Finally, one of the possible consequences of this emergency was the exclusion of Ryazan from the list of provinces in which a network of political isolation prisons was established a few years later.

Keywords: political convicts, Butyrskaya prison, Ryazan Province prison, Provincial Punitive Department, Provincial Department of Punitive Forced Labour, Provincial Emergency Commission

Статья посвящена проблеме функционирования провинциальных мест лишения свободы в условиях становления советской исправительно-трудовой системы. Задействованы ранее не опубликованные архивные материалы ГАРФ и ГАРО. Несмотря на общие цели исправительно-трудовой политики Советского государства, для этого периода были характерны рассредоточение карательных функций в нескольких ведомствах и жесткая конкурентная борьба за монополию на исполнение наказаний. Автор иллюстрирует спектр данных межведомственных противоречий на примере содержания в Рязани группы политических заключенных. Подробно описываются обстоятельства появления этой группы, предысторией которого стали массовые беспорядки среди заключенных, произошедшие в Бутырской тюрьме в апреле 1921 г. Одними из их последствий стали внезапное рассредоточение политических заключенных по губернским местам заключения и массовый побег анархистов из наскоро организованной в Рязани политической тюрьмы. Подробно освещены действия различных губернских органов и должностных лиц по обеспечению режима строгой изоляции для политических заключенных в Рязани, представлена упорядоченная хронология событий, даны интерпретации поступков их участников. Компромиссным итогом этой деятельности явилась организация «политической тюрьмы» в неподготовленном здании бывшего исправительного арестантского отделения с серьезными нарушениями режимных требований. Информация из служебных документов дает возможность описать требования к содержанию политических заключенных, сформированные органами ВЧК в тот период, и показать, какое влияние события 1921 г. в рязанской «политической тюрьме» оказали на последующее развитие системы мест лишения свободы в Рязанской губернии. Делается вывод, что причинами массового побега группы анархистов из здания бывшего арестантского отделения стали организационная неподготовленность губернских мест заключения и межведомственная борьба местных структур Народного комиссариата юстиции, НКВД и ВЧК. Возможным последствием этого происшествия стало исключение Рязани из списка губерний, в которых через несколько лет была учреждена сеть политических изоляторов.

Ключевые слова: политические заключенные, Бутырская тюрьма, Рязанская губернская тюрьма, губернский карательный отдел, губернский отдел принудительных работ, губернская чрезвычайная комиссия

Весной – летом 1921 г. в отчетах и во внутренней переписке местных административных и карательных органов Рязанской губернии внезапно появляется, а затем так же внезапно исчезает упоминание о «группе политических заключенных» и о деятельности некой «рязанской политической тюрьмы». Никаких официальных решений об открытии нового места лишения свободы в Рязани не было принято ни на местном, ни на центральном уровне. Данное упоминание является одним из ранних свидетельств применения режима строгой изоляции, связанного с малоизученной еще проблемой деятельности сети политических изоляторов, созданной в нескольких губерниях советской России в 1920-х гг.

В этот период на фоне затухания активных боевых действий на фронтах Гражданской войны Советское государство, возглавлявшееся коммунистической партией, столкнувшись с проявлениями оппозиционности, вступило в борьбу со вчерашними политическими союзниками – социалистическими партиями. Результатами столкновения стали наполнение в 1920–1921 гг. советских тюрем социалистами-революционерами, социал-демократами, анархистами и быстрое превращение этого пространства несвободы в отдельную специфическую арену борьбы, принявшую форму тюремного противостояния. В этом противостоянии власти формулировали и развивали режим содержания для политических заключенных, а арестанты всеми силами стремились расшатать этот режим. И те, и другие в своих усилиях обратились к дореволюционному опыту царских тюрем. По мнению одного из современных исследователей, для властей создание режима строгой изоляции «являлось важнейшей задачей, причем задачей, без преувеличения имеющей серьезное политическое значение», а политические заключенные пытались преодолеть изоляцию, «прибегая к ухищрениям “тюремной коммуникации” и добиваясь расширения границ “политрежима” всеми доступными для себя способами – от заявлений до голодовок и самоубийств» [Морозов, с. 477].

События, произошедшие в 1921 г. в Бутырской тюрьме и в Рязани, представляются малоизученной страницей, ярко иллюстрирующей это противостояние. Опубликованный корпус источников представлен лишь брошюрой, «изданной в интересах правдивого изложения» [Ребрух, с. 2], и информацией биографически-справочного характера, фиксирующей факт пребывания представителей социалистических партий в рязанской тюрьме, но не раскрывающей подробностей [Общий список социалистов и анархистов]¹. Источниковой базой,

¹ «Мемориал» внесен Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

позволившей достоверно и обоснованно осветить вопрос о деятельности «политической тюрьмы» в Рязани, послужили ранее не публиковавшиеся архивные документы из фондов ГАРО и ГАРФ [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299; ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7, Д. 59, Д. 121].

В 1921 г. состояние мест лишения свободы в Рязанской губернии представляло собой срез общей запутанной ситуации, сложившейся в период Гражданской войны в сфере исполнения наказаний. После 1917 г. остатки царской тюремной системы – сохранившиеся губернские и уездные следственные и срочные тюрьмы, со временем переименованные в дома заключения и исправительно-трудовые дома, – находились в ведении Центрального карательного отдела Народного комиссариата юстиции РСФСР (ЦКО НКЮ). Помимо этого, с 1919 г. по инициативе Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совете народных комиссаров РСФСР начала формироваться параллельная система концентрационных лагерей принудительных работ, которые после организации поступили в ведение Главного управления принудительных работ Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. Несколько своих тюрем имела и ВЧК. Таким образом, сфера исполнения наказаний к концу 1919 г. оказалась рассредоточенной в трех ведомствах – ГУПР НКВД, ВЧК и ЦКО НКЮ [Джекобсон, Смирнов, с. 12].

Принципиальных отличий ни в категориях заключенных, ни в условиях их содержания в тюрьмах или лагерях не было. Начиная с 1920 г. между НКЮ и НКВД, поддерживавшимися ВЧК, развернулась жесткая межведомственная борьба за концентрацию всех существовавших тогда мест лишения свободы в руках одного ведомства. Данная ситуация порождала как на местах, так и в центре административное противостояние представителей различных ведомств, взаимные тяжбы, претензии и конфликты, которые приводили к организационной неразберихе, дополнительным трудностям, а зачастую и к полному параличу деятельности отдельных учреждений. Появление в Рязани тюрьмы для политических заключенных явилось прямым следствием этих процессов.

25 апреля 1921 г. председателю коллегии Губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при рязанском губернском исполнительном комитете Г. Я. Лобанову поступил звонок из Москвы. Представителя ВЧК интересовало число мест для содержания политических заключенных, имеющих в распоряжении губчека в Рязани. Г. Я. Лобанов ответил, что сможет предоставить 150 мест, сделав оговорку, что все они находятся в отдельном корпусе рязанского губернского лагеря принудительных работ, где заключение может быть организовано лишь на общих основаниях [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 103]. Предоставляя эту информацию, Лобанов не предполагал, что этот разговор может привести к каким-либо последствиям так быстро. Однако уже на следующий день ВЧК, проигнорировав его оговорку, прислала из Москвы в распоряжение

рязанских чекистов 35 политических заключенных [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 28], что явилось полной неожиданностью для принимающей стороны. Эта экстренность объяснялась серьезностью событий, которые произошли накануне в Москве в Бутырской тюрьме.

Бутырская тюрьма была одной из первых тюрем, где к 1921 г. ВЧК сосредоточила заключенных из числа политических оппонентов и противников большевиков. Наряду с уголовниками, там содержались около 180 представителей оппозиционных социалистических партий, режим содержания которых, по свидетельству эсэра В. М. Ребруха, бывшего в то время среди заключенных, заметно отличался в лучшую сторону [Ребрух, с. 6]. Недовольные таким положением дел, заключенные уголовники 22 апреля 1921 г. потребовали для себя облегчения режима и начали голодовку. К 25 апреля голодовка, получившая «моральную поддержку» политических заключенных, переросла в массовые беспорядки:

С 10 часов утра начался по всей тюрьме дикий вой [кричали так, как будто кого-то сильно истязали]... Выли по сменам, одна часть коридора выла, другая в это время отдыхала, и так во всех камерах... На улице вокруг тюрьмы начал собираться народ... всех охватила какая-то тревога, жуть за судьбу тех, над которыми, как им казалось, проделывают нечто ужасное [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 59. Л. 11].

Чтобы прекратить это, власти пошли на удовлетворение почти всех требований заключенных, которые восприняли это как свою победу. Однако последовавшие далее события показали, что в ВЧК рассматривали эти уступки лишь как вынужденное средство для восстановления порядка. Одновременно созваниваясь со своими губернскими представителями из близлежащих регионов, чекисты решали вопрос о срочном рассредоточении политических заключенных из Бутырской тюрьмы в другие места лишения свободы. Уже в ночь на 26 апреля решение было найдено. Один из очевидцев и участников этих событий, член Московского комитета РСДРП А. Н. Малкин, свидетельствовал:

Совершенно неожиданно... в ночь к нам явилось видимо-невидимо военной силы, ворвались в социалистические камеры и, не говоря зачем и для чего, отдали приказ немедленно одеваться. Двенадцатый коридор эсэров, анархистов и одна социал-демократическая камера пытались не подчиниться, но их силой вытолкали, причем наших с-д и всех поколотили [Там же. Л. 1].

Из Бутырской тюрьмы, расположенной в центре Москвы, заключенные были этапированы в Таганскую тюрьму и в близлежащие губернии – Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую. В Рязань была направлена партия из 16 социал-демократов, девяти социалистов-

революционеров и десяти анархистов, среди которых оказались деятели общероссийского и международного революционного движения: меньшевики Г. О. Биншток, И. М. Минков, члены московского Союза социал-демократической рабочей молодежи Л. С. Ланде и Г. Е. Аркин, участник московского вооруженного восстания 1905 г. эсэр В. С. Морозов, члены Конфедерации анархистов Украины А. Е. Буданов, Д. С. Коган, П. И. Хохотва. Наиболее заметной фигурой в группе анархистов была единственная женщина – Ф. А. Барон, которая с 1912 г. после вынужденной эмиграции вместе с мужем А. Д. Бароном принимала активнейшее участие в рабочем движении в США и неоднократно задерживалась американской полицией. В 1917 г., вернувшись в Россию, она вошла в число лидеров Конфедерации анархистов Украины «Набат» и принимала активное участие в событиях Гражданской войны, взаимодействуя с формированиями Н. И. Махно [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 121. Л. 1].

В результате 26 апреля перед рязанской губернской чрезвычайной комиссией внезапно встала серьезная задача в кратчайший срок организовать размещение группы беспокойных политических арестантов, которые практически сразу же по прибытии в Рязань продекларировали свою непримиримую позицию. После помещения их в одном из барачных Рязанского губернского лагеря принудительных работ политические заключенные написали коллективное письмо в «Политический Красный Крест», проинформировав эту организацию о своем местопребывании, сообщили помимо всего прочего, что «условия жизни здесь ужасны. Камеры закрыты, на прогулку не пускают. Пища отвратительная, грязная, везде грязь, клопы и прочие паразиты», и завершили послание твердым решением: «На днях думаем объявить войну за лучшие условия» [Там же. Д. 7. Л. 9]. Губернским властям отношения с этой группой бывших соратников большевиков в борьбе с царизмом и нынешних политических противников и оппонентов предстояло строить в строгом соответствии с многочисленными пунктами инструкции ВЧК о порядке содержания политических заключенных, присланной одновременно с арестантской партией [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 141–141 об.].

В инструкции, определявшей общие требования к режиму содержания, говорилось, что политические заключенные числились только за ВЧК и в любых местах лишения свободы должны были содержаться в условиях строгой изоляции, исключительно в помещениях камерного типа (одиночных или общих) и только по указаниям секретного отдела ВЧК.

Строгая изоляция заключалась также и в «безусловном запрещении» какого-либо общения между содержащимися в различных камерах как во время нахождения в них, так и во время прогулок. Свидания разрешались два раза в неделю, за исключением случаев, когда к арестованным приезжали родственники из других мест, и проходили только в присутствии надзирателя. Представители организа-

ций, осуществлявших помощь политическим заключенным, таких как «Московский политический Красный Крест» и «Всероссийский Черный Крест», могли допускаться на свидание на общих основаниях, но лишь со старостами, выбранными от групп политических заключенных. Прибывшие в Рязань выбрали в старосты меньшевика Г. О. Бинштока, анархиста В. М. Курбатова и эсэра В. С. Морозова [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7. Л. 8].

Кроме требований строгой изоляции, в инструкции подчеркивался статус политических заключенных, в обращении с которыми надзиратели, равно как и вся тюремная администрация, должны были быть «в высшей степени корректны, вежливы и предупредительны». В отличие от других категорий, политические заключенные ни под каким предлогом не должны были привлекаться на работы, лишь отдельные из них допускались на внутренние работы и только по специальному разрешению председателя губчека, утвержденному начальником секретного отдела ВЧК.

Именно такой режим необходимо было обеспечить для прибывшей партии, поэтому, по словам Г. Я. Лобанова, после ознакомления с инструкцией ему стало очевидно, что в лагере принудительных работ это сделать будет затруднительно. Поэтому практически сразу, опасаясь потерпеть фиаско в деле, порученном центральным руководством, рязанские чекисты поспешили переложить всю ответственность на смежное ведомство.

Приняв группу политических заключенных только на одну ночь в бывшем корпусе для белогвардейских офицеров лагеря принудительных работ, заведующий секретным отделом рязанской губчека Ширяев 27 апреля потребовал от заведующего рязанским губернским карательным отделом при губернском отделе юстиции В. И. Стельмака, в ведении которого находилась губернская тюрьма, «немедленно сделать распоряжение об освобождении помещения для помещения присланных из ВЧК 35 человек политических заключенных и числить за ВЧК содержанием и строгой изоляцией» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 99]. Соответствующая инструкция ВЧК одновременно была послана начальнику губернской тюрьмы М. Е. Завьялову для ознакомления и неукоснительного исполнения.

Условия содержания в рязанской тюрьме в тот момент были малопригодны для обеспечения режима политических заключенных. Тюрьма на 75 % была перегружена, и к тому же среди арестантов началась эпидемия возвратного тифа. Однако, несмотря на эти трудности, начальник тюрьмы вынужден был принять партию заключенных, числящихся за секретным отделом ВЧК. С того момента решение проблемы организации и осуществления содержания политзаключенных легло на плечи губернского карательного отдела, а представители губчека лишь контролировали этот процесс, предъявляя различные требования.

Начальник рязанской тюрьмы смог разместить политических заключенных в разных помещениях, которые наскоро удалось для них

освободить. Ф. А. Барон была направлена в женское отделение губернской тюрьмы, стоящее отдельно. Основная же масса была размещена в двух камерах нижнего, подвального этажа основного тюремного здания, которые находились в антисанитарном состоянии и, по оценкам тюремной администрации, были абсолютно непригодны для этих целей. Сами заключенные, оказавшись в суровых условиях провинциальной тюрьмы, пришли к неутешительному выводу: «жить здесь будет очень, очень тяжело, в особенности после Бутырки» [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7. Л. 9 об.].

Заместитель председателя губчека А. М. Калабухов, предварительно согласовав вопрос, предложил начальнику тюрьмы «сменить камеры политических заключенных» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 99]. После нескольких перемещений внутри тюрьмы 28 апреля в качестве временной меры арестанты были переведены в здание бывшего рязанского исправительного арестантского отделения, находившееся неподалеку от губернской тюрьмы. Впоследствии оказалось, что это здание, хоть и ненадолго, стало для политических арестантов последним местом их заключения в Рязани. И именно оно стало проходить в отчетах и сводках в качестве «тюрьмы для политических заключенных».

Идея использовать здание бывшего исправительного арестантского отделения для этих целей была не самой удачной, здание в тот момент являлось предметом жесткой борьбы сразу нескольких ведомств. Построенный в 1844 г. для размещения рязанской арестантской роты гражданского ведомства, перестроенный и значительно расширенный в 1903 г. комплекс зданий рязанского исправительного отделения являлся самым крупным и когда-то наилучшим образом оснащенным местом лишения свободы в губернии. Несмотря на это, осенью 1919 г. исправительное отделение было упразднено, а его территория, здания и материальная база были предоставлены орловским военным мастерским, эвакуированным в Рязань под угрозой наступления частей А. И. Деникина. Изменение ситуации на фронтах Гражданской войны привело к закрытию военных мастерских, но здания не были возвращены в ведение губернского карательного отдела. Комплекс зданий бывшего арестантского отделения, имевший когда-то систему центрального водопровода и электрического освещения, не используя по прямому назначению, был разграблен и полуразрушен. Формально здания находились в распоряжении губернского военного коменданта, однако руководство рязанского карательного отдела не теряло надежды на их возвращение в свое ведение. Этот вопрос неоднократно поднимался на центральном уровне, и к весне 1921 г. после долгой переписки руководство губернского отдела юстиции заговорило о том, что «в недалеком будущем этот вопрос будет решен в желательном смысле» [Отчет о деятельности Рязанского губисполкома, с. 7].

Более всех от этого перевода выиграл начальник губернской тюрьмы М. Е. Завьялов, который поспешил уже на следующий день издать распоряжение, предписывающее его помощнику Л. Г. Левенцу

...принять партию политзаключенных в количестве 34 человек, находящихся в бывшем исправительном арестантском отделении, под свое наблюдение и ответственность, руководствуясь инструкцией ВЧК о политзаключенных [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 94].

Заключенных разместили в одной из больших камер пустовавшего верхнего четвертого этажа основного корпуса бывшего исправительного арестантского отделения. Архитектура этого здания была стандартной для мест заключения. Все камеры на этаже имели выходы в длинный коридор, в середине которого находился единственный выход на лестницу, соединявшую все этажи и ведущую во внутренний двор. Перед выходом с этажа коридор разделялся на два крыла двумя железными решетками. Снаружи вся территория комплекса тюремных зданий была окружена высокой стеной с единственными воротами.

На момент появления там политических заключенных здания бывшего исправительного арестантского отделения находились в ведении начальника гарнизона Ларина и три этажа его основного корпуса использовались как гауптвахта для дезертиров и других нарушителей, там же содержались заключенные, числившиеся за Отделением районной транспортной чрезвычайной комиссии (ОРТЧК) железнодорожной станции Рязань [Там же. Л. 82].

Охрана здания также осуществлялась совместно несколькими ведомствами. На внешние посты у фасада здания, ворот и во дворе рязанская комендатура выставяла красноармейцев [Там же. Л. 84], службу на внутренних постах на трех первых этажах несли представители ОРТЧК [Там же. Л. 82]. Внутренние посты на четвертом этаже с политзаключенными выставялись начальником тюрьмы и состояли сначала из милиционера, а затем из красноармейца, дежуривших круглые сутки, и одного надзирателя, дежурившего только днем [Там же. Л. 84].

Сложившаяся ситуация не устраивала никого. На протяжении мая месяца с заселением камер бывшего арестантского исправительного отделения политическими заключенными межведомственное противостояние по поводу условий их содержания не прекратилось, более того, оно обрастало новыми очагами напряжения и начало выходить за границы губернии.

Заведующий губернским карательным отделом В. И. Стельмак 5 мая направил в рязанскую чрезвычайную комиссию отношение, в котором сообщил, что «выполнить инструкции в пункте полной изоляции не представляется возможным», пока в здании содержатся дезертиры и пока вопрос о его передаче не будет решен на уровне Центрального карательного отдела. Обратив внимание на то, что в санитарном отношении здание также непригодно и дальнейшее содержание политических заключенных там невозможно, В. И. Стельмак предложил губчека срочно разрешить вопрос о том, «не представляется ли возможным перевести их куда-либо из уездов Рязанской губернии» [Там же. Л. 100].

Не решаясь принять самостоятельное решение, 10 мая председатель губчека Г. Я. Лобанов отправил предложение карательного отдела о переводе политических арестантов в одну или в несколько уездных тюрем Рязанской губернии на согласование своему руководству в Москву. Предложенный вариант совершенно не устроил ВЧК, которая через несколько дней в ультимативной форме потребовала «немедленного перевода из губернской тюрьмы спекулянтов и уголовников в уездные тюрьмы и размещения на их места политических заключенных» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 103]. Лобанов 18 мая довел это требование до В. И. Стельмака. Тот телеграммой проинформировал о требованиях чекистов московское руководство и, сообщив, что при «настоящих условиях в переполненной заключенными тюрьме об изоляции не может быть и речи», попросил начальника Центрального карательного отдела Л. А. Саврасова срочно дать указания, как ему поступить [Там же. Л. 97].

Однако ответа из Москвы В. И. Стельмак так и не дождался, а самостоятельно предпринимать ничего не стал, за что впоследствии представители рязанской губчека обвинили его в преступной халатности. Справедливости ради необходимо добавить, что, кроме простого нежелания идти навстречу требованиям губчека, губернский карательный отдел по объективным причинам не мог освободить губернскую тюрьму для политических заключенных. Ситуация в рязанских местах лишения свободы к весне 1921 г. оставалась довольно сложной.

Рязанский отдел юстиции в специальном обращении констатировал тот факт, что «в настоящее время все места лишения свободы в губернии, и в особенности г. Рязани, переполнены заключенными», и предупреждал, что «такая скученность тюремного населения способствует развитию и распространению эпидемии заразных болезней» [ГАРО. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 106. Л. 25]. Учитывая сложность момента, губернский отдел юстиции требовал провести разгрузку тюрем и не заставлять заключенных «отсиживать по несколько месяцев в период проведения следствия и до разбора их дел» [Там же].

Упомянутая в обращении угроза распространения болезней в местах лишения свободы весной – летом 1921 г. не была пустым звуком. Уплотнение и перемещение заключенных были чреваты тяжелыми последствиями, и руководитель карательного отдела это хорошо осознавал:

В настоящее время в тюрьме содержится заключенных вдвое более положенного по кубическому содержанию воздуха количества заключенных и по словесному заключению тюремного врача, при таком размещении людей по камерам, как они находятся в настоящее время, может развиваться такая эпидемия возвратного тифа, что предотвратить это несчастье будет трудно, и поэтому теперь же требуется немедленная разгрузка тюрьмы от заключенных [ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 1021. Л. 34 об.].

Хроническим переполнением тюрем объяснялась и та упорная борьба рязанского карательного отдела, которую он вел ради возвра-

щения в свое ведомство здания бывшего исправительного арестантского отделения. Тяжба эта завершилась в пользу карательного отдела уже после организации тюрьмы для политических заключенных в этом здании. 9 мая оно было передано В. И. Стельмаку [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 82 об.], однако кризис в межведомственном взаимодействии лишь усугубился. После сдачи здания военная комендатура вывела своих арестантов и в одностороннем порядке сняла свой караул. В здании остались только заключенные, числившиеся за ОРТЧК станции Рязань, и последняя выставила свой караул [Там же. Л. 84].

К тому времени политзаключенные, продолжив начатую еще в Бутырской тюрьме тактику «тюремного противостояния», стали предъявлять требования к условиям содержания, которые местная администрация вынуждена была удовлетворять. Во-первых, через своих выбранных старост политзаключенные отказались от свиданий через решетку; во-вторых, с основной группой арестантов в «политической тюрьме» удалось вновь воссоединиться анархистке Ф. А. Барон, содержавшейся ранее в женском отделении губернской тюрьмы.

Следующее казавшееся нереальным требование заключенных – право на прогулки за пределами тюремных стен – также было удовлетворено. Поводом для этого стала очевидная невозможность организации прогулок во внутреннем двореке тюрьмы, который в последнее время был превращен в общественную уборную – двор был «переполненный испражнениями и воздух зараженный миазмами» [Там же. Л. 35]. Поэтому после двух прогулок заключенные запротестовали. Реакция представителей различных ведомств на это снова была противоположной. Представители губернского карательного отдела выступали резко против подобного послабления режима, но руководство губчека настояло на организации прогулок, еще раз обратив внимание на необходимость перевода заключенных в губернскую тюрьму.

Прогулки были организованы дважды в неделю в Никольском саду или по берегу реки Трубезж. Для этого приходилось проходить несколько городских кварталов. Причем, по словам тюремных надзирателей, сопровождавших заключенных, последним «было предоставлено право купаться в реке» [Там же. Л. 84 об.]. Эти прогулки были не единственным поводом для выхода арестованных за пределы тюрьмы. Руководство губчека санкционировало оказание заключенным необходимой медицинской помощи в учреждениях города и у частных врачей. По словам помощника начальника губернской тюрьмы Л. Г. Левенца, пользовались они этим правом в полной мере и «в гражданскую амбулаторию ходили почти ежедневно группой человек по пяти», конвой для сопровождения также предоставляла всегда губчека [Там же. Л. 84 об.].

Почувствовав несогласованность в действиях и неуверенность местных властей, политические заключенные продолжили предъявлять свои требования. Их категорически не устраивала сложившаяся практика двухчасовых прогулок два раза в неделю за пределами

тюрьмы, и «ввиду невозможности совершать прогулки по двору, переполненному испражнениями», они попросили права постоянного свободного передвижения по коридорам и камерам четвертого этажа [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 35]. Кроме того, они вышли на руководство губчека с ходатайством о размещении их отдельно по партийному принципу, сформировав меньшевистскую, эсэровскую и анархическую камеры.

Режим «политической тюрьмы со строгой изоляцией», наспех созданный для заключенных в камерах бывшего исправительного арестантского отделения, расшатывался и трещал по швам. Переговоры между губернскими структурами карательного отдела и чрезвычайной комиссией о дальнейшем месте пребывания политзаключенных к этому моменту окончательно зашли в тупик. Ситуация взаимных претензий, непонимания и несогласованности действий различных ведомств достигла своего апогея, что объясняет логику уже совершившихся и последующих событий, а заодно и реакцию на них всех действующих лиц.

Практически одновременно с межведомственной перепалкой по поводу места «политической тюрьмы» ОРТЧК убрала всех своих заключенных из камер первых трех этажей здания арестантского отделения, а вместе с тем сняла и свой караул, бывший на внутренних постах, не поставив официально никого об этом в известность. Оставшись в этом здании одни на четвертом этаже, политзаключенные оказались «охраняемы только одним надежным постом у дверей коридора, и другим постом у главного входа в тюрьму, и одним часовым, стоявшим у окон переднего фасада здания» [Там же. Л. 82 об.].

Буквально через несколько дней В. И. Стельмаку поступило отношение заведующего секретным отделом губчека Ширияева, в котором сообщалось:

Вследствие ходатайства политических заключенных в числе 35 человек, присланных из Москвы, коллегия Рязгубчека просит сделать распоряжение начальнику тюрьмы об открытии решетки на все время дня и ночи... предоставить право меньшевикам и эсэрам разместиться по камерам отдельно от анархистов, а последним предоставить отдельную камеру [Там же. Л. 97].

Впоследствии председатель губчека Г. Я. Лобанов так объяснял свое решение:

Двухкратные прогулки в неделю... не могли удовлетворять арестованных, двор места заключения, где они могли бы прогуливаться в остальные дни недели, находится в крайне антисанитарном состоянии, грязен, и воздух заражен запахом от ретирадов, ввиду этого заключенные настоятельно просили предоставить им возможность прогуливаться в течение суток хотя бы по коридорам. Поэтому и уступая их настойчивым просьбам, ГубЧК дала свое согласие на снятие решеток и на прогулки по коридорам. При этом

ГубЧК полагала, что здание места заключения охранялось снаружи караулом от 3-го батальона войск ВЧК, местного гарнизона и от ОРТЧК ст. Рязань Моск.-Каз. ж. д., причем о снятии двух последних караулов ГубЧК поставлена в известность не была [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 103 об.].

Новые требования напрямую противоречили и инструкции ВЧК, и сложившейся практике организации службы в местах лишения свободы ЦКО НКЮ, поэтому руководство губернского карательного отдела запросило соответствующих санкций свыше. После нескольких телеграмм Л. А. Саврасову с просьбой «срочно преподать разъяснения» 13 июня из Москвы был получен ответ: «Если местным условиям возможно, препятствий нет удовлетворению ходатайства» [Там же. Л. 99]. Несмотря на недовольство этим решением, сотрудникам губернского карательного отдела пришлось в очередной раз подчиниться.

Помощнику начальника тюрьмы Л. Г. Левенцу, ответственному за политических заключенных, был направлен приказ, которым на основании распоряжения губчека предписывалось «раскрыть коридорные решетки на все время дня и ночи и предоставить арестованным право размещаться свободно по камерам, которые они найдут удобными» [Там же. Л. 84]. В этой связи ему пришлось внести еще одно необходимое изменение в систему охраны «политической тюрьмы». Пост надзирателя на этаже, стоявшего между решеток, пришлось убрать, так как при раскрытых решетках он один оказывался в окружении 35 заключенных и тем самым подвергал свою жизнь риску. А, убрав этот пост, тюремная администрация, по сути, полностью лишилась возможности контролировать действия политических заключенных в течение всего дня. Эти процессы привели к тому, что к середине июня в «тюрьме для политических заключенных» в плане режима и охраны сложилась абсурдная ситуация:

Нижние три этажа совершенно пустые, т. к. ОРТЧК своих заключенных из нижних этажей убрала, в них все коридорные решетки раскрыты, т. к. запоров там никаких не было; верхний 4-й этаж – коридорные решетки открыты, у входных дверей с 4-го этажа – наружный пост из одного красноармейца, один пост – у главного входа в тюрьму, и один пост – у переднего фасада, больше постов не было нигде. Задняя дверь во внутренний двор за неимением затворов прикрывалась, но не запиралась [Там же. Л. 84 об.].

Поразительно, но все эти обстоятельства ни для кого не являлись секретом. Г. Е. Левенец, которому непосредственно было поручено дело организации охраны и содержания политических, утверждал, что «за время такого состояния тюрьмы администрация и губчека в тюрьме бывали часто» [Там же]. Не воспользоваться представившимся случаем политические заключенные, среди которых были опытные про-

фессиональные революционеры, прошедшие школу борьбы с царским режимом, просто не могли. В ночь с 18 на 19 июня 1921 г. давно назревавший кризис в «рязанской политической тюрьме» перерос в чрезвычайное происшествие – массовый побег десяти анархистов.

Срочно была назначена комиссия по выяснению обстоятельств побега. Представителю рязанской губчека Гридневу и заместителю заведующего губернским карательным отделом В. И. Смоковнину, прибывшим утром 19 июня для первичного осмотра на место происшествия, открылась следующая картина:

В ретираде 4-го этажа главного корпуса при входе в него с правой стороны, против которого в камере помещалась одна заключенная Фани Барон, сделан взлом пола и потолка в помещение 3-го этажа, взлом пола произведен посредством вынудия около печи двух коротких половиц и разбора потолочного над третьим этажом наката с отбивкой штукатурки, отбитая штукатурка во избежание стука собиралась в дождевой зонт и в нем спускалась в третий этаж вместе с другими. Для спуска же бежавших заключенных была спущена из четвертого этажа в третий почти не бывшая в употреблении веревка, привязанная к вынутому из потолка накату величиною аршин с четвертью. Спустившиеся по этой веревке бежавшие в 3-й этаж, который не был заперт и никем не окарауливался, проникли во второй и первый этажи, так же как и третий, пустовавшие, и затем вышли во двор, откуда при помощи лежавшей во дворе среди мусора железной решетки аршин 8-ми, оказавшейся подставленной к стене, перелезли через стены аршин 8-ми в высоту на соседнюю усадьбу и скрылись незаметно ни для кого [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 53].

Осмотрев территорию и камеры, члены комиссии определили, что пролом между этажами был сделан заключенными с помощью различных подручных средств, среди которых не было специальных инструментов для взлома. На месте пролома в куче осыпавшейся штукатурки были найдены только случайные предметы: четыре коротких узких конца пил, один железный костыль, один зазов от двери и одна отломленная от железной койки ножка. Все это бежавшие могли подобрать во дворе, изобиловавшем различным мусором, во время выходов на прогулки или тайно получить от посетителей. Своеобразным штабом по подготовке побега была, судя по всему, камера Ф. А. Барон, она находилась ближе всего к пролому, и в ней, кроме всего прочего, были найдены под матрацем койки различные запрещенные предметы. Оставшиеся в тюрьме политические заключенные заявили, что никто из них «не знал и не слышал от бежавших об их намерении бежать, это делалось от них скрытно» [Там же. Л. 154].

Вывод, к которому пришла комиссия после осмотра места происшествия:

Побег совершен при помощи посторонних лиц, выяснить которых при осмотре зданий и опросе заключенных не удалось, главным образом побег совершен за отсутствием полного комплекта конвойной стражи по окарауливанию помещений с политическими заключенными как внутри, так и снаружи [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 54].

Расследование обстоятельств побега вели представители губчека, к которым впоследствии присоединился уполномоченный от секретного отдела ВЧК А. Ф. Рутковский. Они сразу же сосредоточили свои действия на выяснении круга должностных лиц из числа работников губернского карательного отдела, виновных в допущении побега, а также членов политических партий, помогавших своим товарищам осуществить его.

За время нахождения политических заключенных в Рязани они постоянно поддерживали связь с однопартийцами и различными общественными организациями, ведя переписку и получая продовольственные и денежные передачи. Это делалось вполне открыто и соответствовало их статусу «политических». Так, по свидетельствам самих заключенных, за время пребывания в Рязани они получили две передачи от «Политического Красного Креста», «одну на 16-ть, другую на 19 человек, а также 65.000 руб., которые поделены поровну между всеми товарищами» [ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7. Л. 8]. Отдельные посылки передавали представители «Всероссийского Черного Креста», а также рязанские анархисты Поварихин и Топилин, последний приходил перед самым побегом. В рамках следственных действий были «прочесаны» остатки рязанской группы анархистов-коммунистов, которая, по словам губчека, на тот момент являлась «окончательно похороненной». Основываясь на полученных данных, следствие посчитало, что побег был совершен «по ранее обдуманному плану при участии анархиста-коммуниста Топилина, который скрылся неизвестно куда» [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 55].

Учитывая все обстоятельства, уполномоченный ВЧК А. Ф. Рутковский пришел к однозначному выводу: в побеге политзаключенных виновата «вся тюремная администрация гор. Рязани, начиная с заведующего карательным отделом и кончая надзирателями тюрьмы» [Там же. Л. 166]. Попытки В. И. Стельмака обратить внимание на «многочисленные послабления режима», сделанные по указанию представителей рязанской губчека, и разделить с ними ответственность ни к чему не привели. Следствием было признано:

Сваливание вины на губчека в послаблении режима заключенным носит чисто юридический подход и, в сущности, отношений к делу не имеет... Послабления режима заключенных в действительности диктовались крайней необходимостью, опять же по вине карательного отдела [Там же. Л. 35].

События весны – лета 1921 г., развернувшиеся вокруг «рязанской политической тюрьмы», имели ряд последствий и напрямую повлияли на судьбу некоторых участников. По приговору губернского революционного трибунала два надзирателя и помощник начальника губернской тюрьмы Г. Е. Левенец были приговорены к заключению в лагерь принудительных работ сроком на один год каждый с последующим освобождением от наказания в связи с амнистией в честь годовщины Октябрьской революции. Начальник рязанской тюрьмы М. Е. Завьялов и заведующий губернским карательным отделом В. И. Стельмак были по суду оправданы [ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299. Л. 233 об.], однако после этих скандальных событий они все равно лишились своих должностей.

Бежавшие анархисты перешли на нелегальное положение и разделились. Одна группа, продолжая борьбу, перебралась на Украину к Н. И. Махно, а после поражения махновского движения те, кто избежали расстрела, влились в круги политических эмигрантов. Другие присоединились к московскому анархистскому подполью, которое уже осенью 1921 г. подверглось разгрому. Несмотря на то, что «репутация Фани Барон как “идеологического” анархиста не была запятана никаким терроризмом» [Эврич, с. 245], она и И. Н. Гаврилов были обвинены в причастности к террористическим актам и 30 сентября 1921 г. расстреляны по приговору ВЧК [Политические репрессии в Рязани, с. 110].

Оставшиеся в Рязани политические заключенные в течение осени 1921 г. были переведены в тюрьмы Москвы и Смоленска, многие позже были освобождены, однако уже в следующем 1922 г. вновь арестованы в рамках организации судебных процессов над социал-демократами и социалистами-революционерами. После отправки последних политических заключенных неофициально созданная «рязанская политическая тюрьма» тихо прекратила свое недолгое существование.

Резонансный побег группы анархистов из рязанской «политической тюрьмы» встал в общий ряд с другими подобными событиями возмущавшего «тюремного противостояния», которые обостряли накал борьбы социалистических партий против советской власти, придавая ей бескомпромиссный характер. Возникшая на волне этого противостояния идея руководства ВЧК о создании собственной сети специальных тюрем для политических преступников со строгой изоляцией сохранилась и позднее была осуществлена уже органами ГПУ НКВД РСФСР. На протяжении 1920-х гг. вплоть до времени Большого террора и появления ГУЛАГа в стране действовала сеть политических изоляторов, где после серии судебных процессов отбывали наказание представители социалистических партий. В эту сеть вошли и тюрьмы в тех городах, куда в апреле 1921 г. были высланы бунтовавшие в Бутырской тюрьме. Рязань, несмотря на удобное расположение вблизи Москвы, в их число не попала, что, вероятно, стало последствием неудачного скандального опыта организации и деятельности «политической тюрьмы».

Список литературы

- ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 1021; Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 106; Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 2299.
 ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 7, 59, 121.
- Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М. : Звенья, 1998. С. 10–24.
- Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М. : РОССПЭН, 2005. 736 с.
- Общий список социалистов и анархистов – участников сопротивления большевистскому режиму (25 октября 1917 – конец 30-х годов) / отв. ред. К. Н. Морозов // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года : [сайт]. URL: <http://socialist.memo.ru/lists/slovník/index.html> (дата обращения: 01.02.2022).
- Отчет о деятельности Рязанского губисполкома за время с VIII по IX Губернский съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов : (Декабрь 1920 – июль 1921 г.). Рязань : Гос. изд-во, 1921. 414 с.
- Политические репрессии в Рязани : путеводитель / сост. А. Ю. Блинушов. Красноярск : Офсет, 2011. 232 с.
- Ребрух В. М. Правда о том, что произошло в Бутырской тюрьме в ночь под 26 апреля 1921 г. М. : Гос. изд-во, 1921. 15 с.
- Эврич П. Русские анархисты : 1905–1917 / пер. с англ. И. Е. Полоцка. М. : Центрполиграф, 2006. 272 с.

References

- Blinushov, A. Yu. (Ed.). (2011). *Politicheskie repressii v Ryazani. Putevoditel'* [Political Repression in Ryazan. A Guide]. Krasnoyarsk, Ofset. 232 p.
- Dzhekobson, M., Smirnov, M. B. (1998). Sistema mest zaklyucheniya v RSFSR i SSSR. 1917–1930 [The Penitentiary System in the RSFSR and the USSR. 1917–1930]. In Smirnov, M. B., Okhotin, N. G., Roginskii, A. B. (Eds.). *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR. Spravochnik*. Moscow, Zven'ya, pp. 10–24.
- Evrich, P. (2006). *Russkie anarkhisty. 1905–1917* [Russian Anarchists. 1905–1917] / transl. by I. E. Polotsk. Moscow, Tsentrpoligraf. 272 p.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-8419. List 1. Dos. 7, 59, 121.
- GARO [State Archive of Ryazan Region]. Stock R-49. List 1. Dos. 1021; Stock R-2434. List 1. Dos. 106; Stock R-2639. List 1. Dos. 2299.
- Morozov, K. N. (2005). *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The Trial of the Socialist Revolutionaries and Prison Confrontation (1922–1926): Ethics and Tactics of Confrontation]. Moscow, ROSSPEN. 736 p.
- Morozov, K. N. (Ed.). (N. d.). *Obshchii spisok sotsialistov i anarkhistov – uchastnikov soprotivleniya bol'shevistskomu rezhimu (25 oktyabrya 1917 – konets 30-kh godov)* [General List of Socialists and Anarchists Who Participated in the Resistance to the Bolshevik Regime (25 October 1917 – Late 1930s)]. In *Rossiiskie sotsialisty i anarkhisty posle Oktyabrya 1917 goda* [website]. URL: <http://socialist.memo.ru/lists/slovník/index.html> (accessed: 01.02.2022).
- Отчет о деятельности Рязанского губисполкома за время с VIII по IX Губернский съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов : (Декабрь 1920 – июль 1921 г.) [Report of the Ryazan Provincial Executive Committee during the Period from the VIII to the IX Provincial Congresses of Worker, Peasant, and Red Army Deputies: (December 1920 – July 1921)]. Ryazan, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 414 p.
- Rebrukh, V. M. (1921). *Pravda o tom, chto proizoshlo v Butyrskoi tyur'me v noch' pod 26 aprelya 1921 g.* [The Truth about the Events in Butyrskaya Prison on the Night of 26 April 1921]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 15 p.

The article was submitted on 13.06.2021

Охранители: коменданты спецпоселков Западной Сибири в довоенный период*

Сергей Красильников

Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

Custodians: Commandants of the Special Settlements of Western Siberia in the Inter-War Period**

Sergey Krasilnikov

Institute of History, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The latest papers on the activities of the protective bodies of the Stalin era demonstrates a gap between the scale and depth of the study of the institutional aspects of the system itself, with a major focus on objects, the target groups of repression, and the degree of development of activity (behavioural practices of the corps of specific implementers of the state's repressive policy). Thus, while the circle of initiators and the upper and middle links of the punitive system are part of scholarly research, the numerous nomenclature workers of the lower level and direct executors of directives remain outside analysis. The above is also true about the personnel of penitentiary institutions. During early Stalinism, the establishment of the largest segment of the system of isolation and forced labor (i. e., the special peasant settlements) required strict deadlines and the recruitment of commandants. Being a part of the GULAG apparatus, the commandant corps, whose basic functions were similar to those of camp workers (supervision, punishment, and organisation of industrial and everyday internal activities),

* Благодарю старшего научного сотрудника Института истории СО РАН А. Г. Теплякова, с учетом конструктивной критики которого сформировалась концепция исследования.

** *Citation:* Krasilnikov, S. (2022). Custodians: Commandants of the Special Settlements of Western Siberia in the Inter-War Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 221–237. DOI 10.15826/qr.2022.1.668.

Цитирование: Krasilnikov S. Custodians: Commandants of the Special Settlements of Western Siberia in the Inter-War Period // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 221–237. DOI 10.15826/qr.2022.1.668 / Красильников С. Охранители: коменданты спецпоселков Западной Сибири в довоенный период // *Quaestio Rossica*. 2022 Т. 10, № 1. С. 221–237. DOI 10.15826/qr.2022.1.668.

occupied lower positions in the hierarchy of protective organisations. They had limited opportunities for promotion, tighter control over their activities by the local party nomenclature, and a multitude of conflicts with the latter. Based on the available sources and literature, the author reconstructs the basic aspects of the activity, everyday life, and nomenclature of the commandant corps of special settlements in Western Siberia. In addition to specific historical methods, the work refers to concepts developed by R. K. Merton and M. Foucault (functionality, disciplinarity, deviant behaviour) and the use of a database containing brief biographies of commandant office employees. These help us to identify the conditions, incentives, and motivation of their activities, and the typology of normative and deviant behaviour. It is concluded that the commandant corps was both an embodiment and a hostage of the Stalinist management model, in which the line between norm and deviance was blurred. The functioning of the special settlements system was ensured by high mobility, personnel “dropout”, and the ability of commandants to adapt their activities in extreme conditions.

Keywords: protective system, special settlement, Western Siberia, commandants, disciplinarity, deviant behaviour

Постановка проблемы обусловлена тем, что проблемное поле новейших работ о деятельности охранительных органов сталинской эпохи формирует устойчивую диспропорциональность, разрыв между масштабностью и глубиной изучения институциональных сторон функционирования самой системы с приоритетом на объекты, целевые группы репрессий и степень разработки деятельностно-поведенческих практик корпуса конкретных реализаторов государственной репрессивной политики. И если круг инициаторов, высшего и отчасти среднего звена карательной системы находится в сфере научной разработки, то масса номенклатурных работников нижнего звена, прямых исполнителей директив остается вне аналитического исследования. Сказанное вполне применимо к кадровому составу работников мест исполнения наказаний. Создание в раннесталинское время самого масштабного сегмента системы изоляции и принудительного труда – крестьянских спецпоселений – потребовало экстремальных сроков и форм кадрового наполнения исполнителей (комендантов). Входящий в состав аппарата ГУЛАГа комендантский корпус, выполняя схожие с лагерными работниками базовые функции (надзор, наказание, организация производственной и внутренней жизнедеятельности), занимал в иерархии охранительных органов низшие статусные позиции, обладал ограниченными возможностями карьерного продвижения, ощущал более плотный контроль над своей деятельностью со стороны местной партийной номенклатуры и имел множество конфликтов с последней. В данном исследовании на основе доступных источников и литературы проводится реконструкция базовых сторон деятельностно-поведенческой повседневности и особенностей номенклатурного выживания комендантского корпуса спецпоселений Западной Сибири. Помимо конкретно-исторических методов, используются разработки Р. К. Мертон и М. Фуко (функцио-

нальность, дисциплинарность, девиантное поведение) и возможности базы данных на основе кратких биограмм работников комендатур, позволяющие выявить условия, стимулы и мотивацию их деятельности, типологию нормативного и отклоняющегося поведения. Сделан вывод о том, что комендантский корпус являлся воплощением и заложником сталинской модели управления, в которой стиралась грань между нормой и девиантностью, а функционирование спецпоселенческой системы обеспечивалось высокой мобильностью, кадровым «отсевом» и способностью комендантов к адаптации при деятельности в экстремальных условиях.

Ключевые слова: охранительная система, спецпоселение, Западная Сибирь, коменданты, дисциплинарность, девиантное поведение

Постановка проблемы

На рубеже 1980–1990-х гг. на пике общественного интереса к тематике государственных репрессий руководство страны приняло решение о включении в круг категорий, требовавших политической реабилитации, той громадной массы советских граждан, которые подвергались внесудебным репрессиям в так называемом административном порядке с помещением их в спецпоселения. Это был, по образной характеристике одного из зарубежных историков Линн Виола, «неизвестный ГУЛАГ», социальной основой которого в 1930-е гг. стало репрессированное крестьянство [Виола]. Вышедшие в постсоветский период самые разнообразные издания – от научных изысканий до публикаций эго-источников, насчитывающие сотни наименований, содержат весьма ценную информацию о «затерянном мире спецпоселений». При констатации неоспоримых достижений в профессиональной сфере изучения репрессивного раскрестьянивания применительно к 1930-м гг. [Земсков; Ивницкий] здесь образовались своего рода разрывы между громадным объемом эмпирического материала, ставшего доступным исследователям, и возможностями и методами достижения верифицируемых исторических реконструкций повседневности спецпоселений, где главными сторонами взаимодействия выступали фигуры комендантов и семьи ссыльных.

Деятельность комендантской управленческой вертикали в большинстве своем отражена в официальных источниках обезличенно, в статистических измерениях и в формате, в котором отмечались только либо позитивные, либо девиантные отклонения от нормативных установлений. Но и основной объект надзора – семья (одиночки составляли незначительную группу) – в документах отражался преимущественно таким же образом. Комендантам, имевшим массу различий в уровне образовательного, мировоззренческого, жизненного опыта, предстояло управлять крестьянскими семьями, более однородными в социокультурном, экономическом и поведенческом отношении, контроль над жизнедеятельностью которых достигался

не только прямым насилием, но и возможностями взаимной адаптации, приспособлением к условиям и нормам вынужденного режимного сосуществования.

Стабильность или дестабилизацию ситуации в комендатурах в первую очередь определяли причины, не зависевшие напрямую от повседневной деятельности комендантов, входившие в круг компетенций вышестоящих звеньев спецпоселенческой управленческой вертикали (определение места расположения поселка, направленность трудовой деятельности трудоспособной части ссыльных, ресурсное обеспечение как спецпоселков, так и самих комендантов и т. д.). Наряду с этим сама повседневная рутинная деятельность комендантов и подчиненных им работников требовала выполнения не только нормативных установлений, но и способности к принятию самостоятельных решений и действий, что находилось в прямой зависимости от их личного опыта, умения, навыков. Одним из решающих признаков, определявших успешность или провал их номенклатурного выживания, была способность выстраивания коммуникационных связей как со спецпереселенцами, так и с руководством не только своего ведомства, но и местных партийно-советских и хозяйственных органов в районах размещения спецпоселков, что можно было бы обозначить как потенциал комендантской договороспособности.

В какой мере комендантский корпус созданной в экстремальных условиях и фактически с нуля в начале 1930-х гг. сети спецпоселений мог соответствовать реализации поставленной перед ним триединой задачи (охранять, организовывать, «перевоспитывать») в отношении ссыльных крестьян? В исследовательской литературе, посвященной крестьянской ссылке, данный аспект оказался забытым: нет ни одной профильной публикации, посвященной комендантам как центральным фигурам в исполнении репрессий. В упоминавшихся выше обобщающих трудах комендантский корпус практически обезличен: приводятся некоторые статистические сведения о штатах спецпоселений [Земсков, с. 30–31] либо анализируются структурные трансформации комендатурной системы [Ивницкий, с. 105–127], но не ее кадровое наполнение. Отсюда и появление таких амбивалентных оценок, как те, что в большинстве трудпоселков взаимоотношения между ссыльными и сотрудниками комендатур «сложились, можно сказать, нормальные», а произвол комендантов «нельзя назвать безграничным» [Земсков, с. 30–31].

В нашем исследовании, базирующемся на комплексе биограмм комендантов и их помощников, служивших в спецпоселках Западной Сибири 1930-х гг., подготовленном А. Г. Тепляковым [Книга памяти, с. 505–526], а также на документальных источниках, проанализированных нами в разделе «Комендатуры и коменданты» [Красильников, с. 172–237], предпринята попытка ответа на поставленный выше вопрос путем реконструкции ряда базовых характеристик динамики их численности, состава, каналов пополнения, форм мобильности,

видов поощрений и санкций, формировавших повседневность охранителей. Этим определяется основной метод работы – просопографический, позволяющий путем формализации массива информации отдельных биографий реконструировать своего рода групповой портрет комендантов в конкретных условиях места и времени их деятельности.

Термины и методические подходы

Само слово «комендант» отражает устойчиво закрепившееся за ним функциональное назначение как работника, отвечающего за режим и порядок во вверенной ему организации. Комендант в спецпоселениях выступал наделенным полномочиями представителем государственной власти, но в особом охранительном формате, поэтому в работе в качестве синонима используется термин «охранитель». Охранительность понимается как функция обеспечения устойчивости деятельности государственных институтов и их защиты путем институционально организованного контроля, надзора и управления над группами или категориями общества, признаваемыми потенциально или реально опасными для действующего режима и требовавшими тех или иных форм изоляции. В данном случае речь идет о репрессированном крестьянстве, высылаемом во внесудебном порядке с принудительным занятием трудом и на неопределенный период в образованные для этих целей специальные поселения, как правило, дислоцированные на необжитых труднодоступных территориях страны. Поскольку по своему характеру пребывание на спецпоселении являлось разновидностью ссылки, понятия «спецпереселенец», «трудпоселенец» и «ссылный» употребляются как синонимы. Понятие «крестьянская ссылка» использовано для отграничения последней от «этнической ссылки», начавшейся со Второй мировой войны. Географически в работе представлена территория комендатур, расположенных прежде всего в северных районах современной Томской области, носивших обобщенное название Нарымский край, который был административно оформлен как Нарымский округ с центром в с. Колпашево. Хронологические рамки работы охватывают 1930-е гг., включавшие в себя три фазы функционирования комендатурной подсистемы, входившей в ГУЛАГ: создание (1930–1932), реорганизация (1933–1934) и устойчивое ее функционирование (с 1935 г.).

В анализе деятельности комендантского корпуса охранительной системы использован подход, применяемый для рассмотрения в современной управленческой практике понятия «распределенные системы», где вертикальные связи дополняются развитыми горизонтальными связями, а отдельные элементы подсистемы приобретают черты автономности. При некотором логическом допущении комендатурное управление представляло собой тип «распределенной охранительности», при которой краевые, а затем и участковые/районные структуры наделяли низовые поселковые структуры функци-

ями ответственности в применении власти (экстерриториальностью действий). При этом распределенная охранительность содержала в себе и элементы распределенного насилия: управляющие структуры, рассылая циркуляры, инструкции и приказы, требовали применения насилия в нормативных пределах, хотя низовые исполнители (коменданты) в практике управления спецпоселками сплошь и рядом прибегали к ненормативному насилию. Наличие механизмов и технологий надзора над деятельностью комендантов и принципов наказания за девиации играло в некоторой степени роль сдерживающего насилия фактора, создавая у исполнителей страх и угрозу самим быть изгнанными из системы. Однако девиантное поведение приобретало в охранительных структурах системный характер, что требовало постоянной чистки комендантского корпуса.

Спецпоселки: количество и штаты. Для 1930-го, первого года их существования, об этом можно говорить только приблизительно. Если брать за основу региона главного расселения 100 тыс. семей (примерно полмиллиона человек) ссыльных крестьян (Северный край, Урал, Сибирь), то оценка колеблется от 700 до 1 тыс. поселений. Сказывалось отсутствие опыта организации спецпоселков, были значительные изменения в их территориальном размещении и численности семей в них. Более точные сведения о дислокации комендатур и количестве поселков в них появляются во второй половине 1931 г. с переходом централизованного управления административно-хозяйственной деятельностью спецпоселений из ведения расформированного республиканского Наркомата внутренних дел РСФСР в ведение ОГПУ. В ходе второй, самой массовой депортационной кампании весны – лета 1931 г., затронувшей около 1,3 млн чел., в комендатурах аграрно-промыслового назначения в стране было создано 1 860 неуставных артелей, соответственно, эта цифра отражала и количество спецпоселков. Исходя из соотношения на тот момент между комендатурами аграрной и индустриальной специализации как 3 : 1 можно предположить, что на пике наибольшей численности спецпереселенцев к началу 1932 г. количество поселков могло насчитывать 2 400 единиц. Так, на территории Западной Сибири, где численность высланных крестьянских семей составляла почти 300 тыс. чел., количество поселков достигало 370, а через год, к концу 1932 г., с учетом процессов разукрупнения поселков их в регионе насчитывалось уже 500 [ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. Л. 84–85; Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 67. Л. 11].

В 1935 г., когда произошла стабилизация сети комендатур, ее аграрно-промысловый сегмент насчитывал 1 245 неуставных артелей в общем количестве поселков (1 797). В соответствии со штатным расписанием комендантский состав исчислялся 1 800 чел. (по одному на поселок). При некотором сокращении количества спецпоселков на начало 1938 г. (1 761) административное управление ими осуществляли 150 районных и 800 поселковых комендатур со штатом

в 2548 чел., куда, помимо работников отделов трудпоселений и так называемого периферийного звена (комендантов и их помощников), входили также 567 милиционеров [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 620. Л. 12; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 47. Л. 28–29].

Динамика региональной сети комендатур и их штатов. Выявленные в делопроизводственных источниках сведения позволяют судить, как функционировала комендантская система в Западной Сибири в экстремальных условиях ее перенагрузки в 1931–1932 гг. в связи резким возрастанием численности спецпереселенцев. Ссылные крестьяне с семьями первой массовой волны высылки 1930 г. в Сибирский регион (20 тыс.) и внутри него (80 тыс.) наполовину размещалась в комендатурах Западной и Восточной Сибири. Вторая депортационная кампания 1931 г. привела к размещению в северных районах Западной Сибири (Нарымском крае) 182 тыс. чел. В отчетном докладе начальника СибЛАГа И. М. Биксона краевому партийному руководству «Об итогах хозяйственного освоения спецпереселенцами Нарыма за период с мая 1931 по июнь 1932 г.» приведены данные, позволяющие представить масштабы, механизмы и результаты решения проблем формирования аппарата комендатур, структуру и динамику их состава, включая и причины так называемого аппаратного отсева в течение отчетного года [ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 46–50].

Создание сети новых спецпоселков, помимо имевшихся с 1930 г., потребовало некоторых организационно-структурных изменений в строении аппарата на периферии. При сохранении двухступенчатой иерархии, верхнее звено которой было представлено участковыми комендатурами, фактически располагавшимися в административных границах существовавших в крае районов, нижнее звено составляли поселковые комендатуры, осуществлявшие управление группой из нескольких поселков, расположенных в относительной близости друг от друга. Но в связи с резким увеличением численности спецпоселков для укомплектования управления им потребовалось еще 410 чел. Партийная мобилизация, проведенная крайкомом партии, дала только 50 коммунистов (20 – для работы в участковых и 30 – в поселковых комендатурах). Не получив необходимого числа комендантов через партмобилизацию, комендантское управление было вынуждено опубликовать в печати объявление о приглашении находившихся в запасе сотрудников охранительных органов на работу в комендатурах, а также на низшие должности стрелков/вахтеров. Из подавших заявления 300 чел. комиссия ОГПУ отобрала только 180 чел. Но даже такая мера не привела к ожидаемому результату.

Последующий после вселения спецпереселенцев второй депортационной волны годовой период работы комендатур сопровождался значительным отсевом управленцев обоих звеньев. По итогам постоянных проверок состава комендатур увольнению подлежали

450 чел.: среди служивших участковыми комендантами и их помощниками – 74 чел., а на уровне работников поселковых комендатур – 376 чел. Для того, чтобы восстановить кадровый отсев именно управленческого звена нарымских комендатур, в течение отчетного года продолжалась новая мобилизация через аппарат полпредства и СибЛАГа ОГПУ с привлечением также и членов партии, которая дала пополнение в 74 чел. Из числа уволенных в связи с несоответствием занимаемым должностям и по другим основаниям в отношении 70 чел. были возбуждены дела за допущенные злоупотребления и преступления, 13 работников понесли наказания в административном порядке, а остальные осуждались коллегией ОГПУ по различным статьям УК РСФСР на сроки от трех до десяти лет (один был приговорен к расстрелу). Среди осужденных преобладали поселковые коменданты и милиционеры (2/3). Начальник СибЛАГа констатировал, что даже произведенные кадровые чистки аппарата низового звена (поселковых комендантов) не достигли своей цели, и требовалась замена тех, кто «слабо подготовлен вообще, не имеет достаточной политической грамотности и не обладает необходимым хозяйственным кругозором» [ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137. Л. 49–50]. Обследовавшая ряд комендатур в феврале 1932 г. комиссия крайкома партии полагала, что до половины состава поселковых комендантов «требует немедленной замены» [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 361. Л. 41].

Очередной организационно-структурный сдвиг в функционировании комендантского корпуса в Западной Сибири произошел в 1933 г. в связи с попыткой реализации крайне масштабного по замыслу, но в реальности провалившегося плана депортации в спецпоселки Нарымского края и Северного Казахстана так называемого деклассированного, маргинального контингента из крупных городов европейской части страны и пограничных территорий, соединившего территориальные чистки с выявлением на предприятиях бежавших от коллективизации кулаков и с «разгрузкой» мест заключения от рецидивистов со сроками от трех до пяти лет. В общей сложности в каждый из названных регионов должно было поступить до миллиона человек. Предусматривалось, что труд «новых контингентов» сможет быть использован в освоении восточных территорий страны, как и потенциал ранее ссыльных крестьян.

Маргинальная депортация, в отличие от крестьянской, обернулась полным провалом замысла: в комендатуры Западной Сибири было завезено около 130 тыс. чел., распределить их пришлось как в северных (нарымских), так и в южных (кузбасских) спецпоселках. Изменилось название поселков (теперь они стали называться трудпоселениями). Реорганизации подверглась управленческая система комендатур в Нарымском крае, поскольку в подчинение ОГПУ передавалась вся хозяйственная и социокультурная инфраструктура на этой территории. Соответственно, вместе с ростом численности населения спецпоселков выросли и штаты участковых (ставших за-

тем районными) и поселковых комендатур. Так, состав работников участковых комендатур осенью 1933 г. насчитывал 219 чел., а поселковых – 272 чел. (491 чел. в совокупности). С учетом работников участковых и поселковых комендатур в южных районах Западной Сибири (266 чел.) их численность в регионе в целом достигла 757 чел. (сюда включались и милиционеры) [Спецпереселенцы, с. 243–245]. На 1937 г. при наличии в Западной Сибири 517 поселков штат отдела трудпоселений Западной Сибири, куда, помимо работников краевого аппарата, входили коменданты с их помощниками, в регионе насчитывал 687 чел., включая 193 милиционера. В общей штатной численности работников трудпоселений страны доля работавших в Западной Сибири составляла 27 % и являлась наибольшей среди других регионов [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 47. Л. 29]. Следовательно, за вычетом милиционеров можно допустить, что численность собственно комендантского состава в Западно-Сибирском регионе после 1933 г. стабилизировалась в пределах 500 чел., что в целом соответствовало количеству спецпоселков (510 на начало 1938 г.) [ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4а. Д. 16. Л. 16–32].

Историческая реконструкция комендантского состава Нарыма

Применительно к рассматриваемой социально-профессиональной группе комендантов и их помощников определен следующий набор характеристик: персонификация, возраст, социальное происхождение, характеристики, определявшие статусное положение (образование, партийность, занимаемые должности), поведенческие показатели (служебные поощрения и наказания). Ограничения в доступности гражданских исследователей к работе с кадровым делопроизводством охранительных структур позволяют рассчитывать только на информационный потенциал партийного документооборота (информация, сопровождавшая прием в партию, рассмотрение результатов деятельности, проверки в ходе чисток и т. д.). Очевидная неполнота и фрагментарность сведений и в этом случае позволяют, тем не менее, создать определенную базу данных для реконструкции жизнедеятельности указанной группы в Нарымском крае на протяжении 1930-х гг. В нее вошли данные о 195 комендантах и их помощниках, включая также сведения о нескольких руководителях регионального отдела спецпоселений.

После пережитого системой кадрового коллапса 1930–1931 гг. произошла некоторая стабилизация управленческого звена комендатур в пределах 500 чел., когда в течение года отсеб примерно десятой части компенсировался за счет приема новых работников и должностной мобильности внутри системы. Следовательно, представительность этой выборки даже с учетом такой кадровой динамики не должна была быть ниже допустимой. Биограммы были сформированы А. Г. Тепляковым

и опубликованы качестве приложения к Книге памяти жертв политических репрессий Новосибирской области [Книга памяти, с. 505–526]. На этой основе нами осуществлен анализ совокупности характеристик комендантской группы, отмеченных выше. Для каждого из признаков ввиду неполноты данных отмечались общее количество сведений и соотношение по выделенным внутри категориям.

Возрастные характеристики (161 чел., по годам рождения). Старшая группа представлена родившимися в диапазоне 1882–1890 гг. (13 чел.). Количественно преобладают группы сотрудников, родившихся в 1896–1900 (31чел.), в 1901–1905 (46 чел.) и 1906–1910 (50 чел.). Родившихся после 1911 г. оказалось 4 чел. Исходя из того, что биограммы более чем на $\frac{3}{4}$ отражают данные о работе в комендатурах за 1931–1937 гг., в изучаемой выборке на этот период основную группу представляли охранители, назначавшиеся на первые должности в комендатуре, в возрасте от 26 до 40 лет. Основной возраст работников комендатур поселкового уровня находился в диапазоне 20–35 лет, участковых – 36–40 лет. Самый старший по возрасту в выборке К. Д. Валентинок (1882 г. рожд.) до революции служил в царской армии. После Гражданской войны он работал в финансовых органах. Перед переходом в комендатуру был председателем сельсовета. Попав по партмобилизации в охранительный аппарат в возрасте 50 лет, он прослужил с 1932 по 1936 г. помощником поселкового коменданта. Позднее и до 1942 г. – поселковый комендант в Колпашевской райкомендатуре Нарымского округа. Близкий к нему по возрасту И. М. Хазов (1883) служил в царской армии, затем в РККА. Работал в Москве и Ленинграде. В 1933 г. по партмобилизации был направлен в Нарымский округ поселковым комендантом. Самым молодым по возрасту среди поселковых комендантов был А. Д. Костарев (1911), выходец из жившей в Нарымском крае крестьянской семьи, ставший комендантом в с. Нарым в 27 лет. Из данных о возрасте следует, что в составе комендантского корпуса были представлены три поколения: рожденные до 1900 г. в большинстве своем прошли через обе войны (Первую мировую и Гражданскую), родившиеся в 1901–1905 гг. частично участвовали в Гражданской войне, но их социализация и приобретенные профессиональные статусы пришлось на 1920-е гг. Третье поколение, очень немногочисленное, попадало в аппарат комендатур в конце 1930-х гг. через комсомольские призывы.

Социальное происхождение и положение. Статусно-учетные характеристики того времени не были жестко стандартизированы, хотя сами работники обязывались указывать как свое происхождение (по главе семьи), так и социальный статус. В изученной группе (данные на 125 чел.) встречался как первый вариант (из крестьян, из рабочих и т. д.), так и второй – только статус без происхождения (крестьянин, рабочий, служащий, кустарь). В случае с указанием кре-

стьянского происхождения присутствовало деление – из бедняков, середняков и богатых. Показатели социального происхождения и статуса свидетельствуют, что в стране с преимущественно крестьянским населением среди комендантов доминировали выходцы из крестьянской среды (с учетом сменивших затем свой статус по сравнению с родителями доля таковых составляла $\frac{3}{4}$). Однако если брать во внимание должностные позиции в аппарате комендатур, то более высокие посты занимали потомственные рабочие и служащие. Непрерывные проверки происхождения и статуса работников комендатур приводили, хотя и редко, к увольнению «за скрытие происхождения».

Социальный фактор, служивший пропуском при фильтрации кадров для комендатурной системы, оказывался не единственным и действовал в сочетании с характеристикой образовательного уровня, важного для функциональной работы комендантов, поскольку, помимо административно-охранительной деятельности, они отвечали за хозяйственно-бытовое состояние спецпоселков. В случае с неуставными артелями они несли прямую ответственность за результаты производственной деятельности, а также осуществляли надзор за применением труда спецпереселенцев хозяйственными организациями. В изученной группе, где был установлен уровень образования комендантов (90 чел.), оказалось, что у 72 из них имелось только начальное («низшее») образование, что отражало их социальное происхождение, (в основном это были крестьяне, а также рабочие, родившиеся до Первой русской революции). Для крестьянства ситуация не особенно изменилась и в 1920-е гг., когда уже решалась государственная задача ликвидации неграмотности. Небольшая группа работников, имевших более высокий образовательный уровень (от незаконченного среднего до профессионального образования), получала его в раннесоветский период (подготовка для командных должностей в РККА, на курсах и в школах партийных и охранительных органов). Для поселковых комендантов и их помощников низший образовательный уровень был типичным, их функционирование зависело в большей степени от практического опыта и оценок деятельности со стороны управляющих ими структур. Недостаток образования мог привести к должностным и уголовным преступлениям, однако существовали и действовали компенсаторные механизмы (более образованные штатные работники становились секретарями, бухгалтерами, выдвиженцы из числа спецпереселенцев – уполномоченными артелей и др.). Прямой корреляции между образовательным уровнем и должностью в комендантской иерархии не было. Участковыми комендантами назначались и служили лица не только с образованием выше начального. Здесь учитывался и ценился в большей мере предыдущий опыт работы в советских, хозяйственных и охранительных органах до службы в комендатурах.

Базовыми критериями и безусловными признаками политической благонадежности при назначении на должности в данной группе яв-

лялись *партийность* (член и кандидат ВКП(б), а также «сочувствующий») и членство в ВЛКСМ. Беспартийными могли быть только представители низшего состава – милиционеры. В изученной группе, где у охранителя указывался год вступления в партию (143 чел.), выделялись несколько категорий (вступившие в партию в годы революции и Гражданской войны – 30 чел., в первой половине 1920-х – 10 чел., во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. – 80 чел., и после 1932 г. – 23 чел.). Значительность группы работников, имевших партийный стаж с 1917 г., показывает стремление руководства спецпоселений обеспечить аппарат ядром «надежных» партийцев, хотя это не означало, что именно из них комплектовалось звено участковых комендантов. Таковых насчитывалось не более 10. Для участвовавших в событиях эпохи войн и революций партийность не влекла за собой служебную карьеру автоматически. Большинство из них занимали скромные должности (не выше районного звена), другие имели в 1920-е гг. партийные выговоры. С учетом возраста вступления в комендантские должности (около 40 лет и старше) для них работа в комендатурах скорее являлась каналом горизонтальной мобильности со сменой прежних сфер деятельности. Фактически кадровой опорой для комендантской системы выступили те, кто вступили в партию в годы «Великого перелома» (1929–1932), – 70 чел. Здесь присутствует корреляция между временем вступления в партию и потоком перманентных партийно-кадровых мобилизаций, в число которых входили партмобилизации для укрепления аппарата комендатур.

Членство в партии не только давало преференции, но и создавало опасность санкций по партийной линии за проступки и преступления вплоть до исключения из ВКП(б). Как правило, в менее криминальных случаях деяния оценивались выговорами и исключением из партии, но с возможным восстановлением через некоторое время. В изученной группе 34 чел. исключались из партии, но только в 14 случаях после исключения работник комендатуры впоследствии добивался восстановления в партии. Зафиксировано даже несколько фактов, когда комендант исключался из партии и затем восстанавливался с сохранением или понижением в должности, но затем вновь исключался за аналогичные деяния. Сам факт того, что достаточно типичным приемом дисциплинирования комендантов выступал механизм партийных санкций, свидетельствовал о том, что принцип «надзирать и наказывать», который выступал основой охранительности во взаимоотношениях коменданта со спецпереселенцами, имел и обратный вектор действия, и тогда объектами наказаний становились сами коменданты за свои девиантные действия.

Каналы формирования комендантского корпуса и должностная мобильность. При комплектовании кадров охранителей выделялись три главные сферы деятельности, учитывавшиеся в ходе назначения на должности управленцев в спецпоселениях, – служба в госу-

дарственных и хозяйственных органах, военная служба и служба в охранительных структурах. В долевым отношении в группе, где указывались места и должности работы до поступления в комендатуру (170 чел.), работники гражданских учреждений преобладали по сравнению с военными (43 чел.) и охранителями (60 чел.). Здесь следует учитывать то, что многие из представителей первой группы (гражданские) прошли через две войны, но в дальнейшем с военной службой уже не были связаны. Для военных, находившихся в запасе, служба в комендатуре являлась вариантом горизонтальной профессиональной мобильности. Среди имевших опыт кадровой работы в охранительных структурах (ОГПУ, милиция) выделялись две категории: 1) начинавшие службу в 1920-е гг. и работавшие в данных органах без перерыва (14 чел.), работавшие некоторое время в них, но перешедшие на другую работу (11 чел.); 2) начавшие службу в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (36 чел.); из них 16 чел. проработали в данных структурах до перехода в комендатуры более трех лет, а у 20 чел. стаж охранительной работы был менее трех лет.

С позиций статусной мобильности перемещение из гражданских сфер в охранительную несло в себе потенциал приобретения более высокого статуса скорее для тех, кто занимали должности в низовых структурах (продавец, председатель сельсовета, заведующий магазином, складом, кооперативный работник и т. д.). Позиции поселковых комендантов в зависимости от размеров и количества поселков в подчинении оказывались статусно выше, чем председателей сельсовета или колхоза. Применительно к советским и хозяйственным работникам районного звена перемещение на должности в участковых комендатурах носило горизонтальный характер, тогда как для руководителей окружного уровня переход в комендатуру означал понижение номенклатурного уровня. До перехода на комендантские должности эта категория включала в себя председателей райисполкомов и их заместителей, руководителей земельных, финансовых, торговых и др. отделов. Оставалась некоторая возможность построения карьеры при попадании из комендантов в аппарат отдела спецпоселений, но это происходило в единичных случаях.

В начальный период формирования сети спецпоселений (1930 г.) происходила мобилизация для работы в них на командных должностях аппаратных работников милиции, включая начальников и их заместителей. Тогда же шла мобилизация и работников мест заключения, но не руководящего звена. Среди сделавших карьеру следует назвать начальника Барнаульского окружного адмтдела И. И. Долгих, назначенного в 1930 г. начальником Комендантского управления, а затем вплоть до 1938 г. возглавлявшего краевой отдел спецпоселений и впоследствии продолжавшего работу в ГУЛАГе начальником ряда лагерей.

Поощрения и наказания для комендантов. Как и любая служебная деятельность, последняя включала в себя как поощрения, так

и санкции. Следует отметить, что в разряд поощрений комендантов в 1930-е гг. не входили государственные награды. Не только коменданты, но и управленцы краевого уровня их не получали. Хотя представление краевых руководителей Западной Сибири к награждению орденом Ленина начальника Отдела трудпоселений И. И. Долгих «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необжитой Нарымской тайге» 5 апреля 1937 г. было поддержано наркомом внутренних дел Ежовым [ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 91. Л. 135], оно не получило утверждения. Поэтому перечень внутриведомственных поощрений для комендантов оказывался весьма простым – объявление благодарности, награждение грамотой, денежная премия в размере оклада, путевка в южные дома отдыха, а также вещественные подарки (велосипед, патефон, фотоаппарат, ружье и т. д.). К разряду наградных можно отнести серебряные часы и именное оружие, хотя это случалось нечасто. Государственные награды комендантам начали вручаться позднее, особенно в послевоенное время по выслуге лет.

Наказания носили как должностной, так и партийный характер и были взаимосвязаны между собой, поскольку основу для них создавали должностная деятельность и бытовое поведение. В изученной группе имеющаяся информация позволяет выделить следующие виды наказания: снятие с должности (34 чел.); административное наказание (12 фактов – арест на некоторое время с исполнением обязанностей, выговор); начато следствие, но прекращено (4 факта); проведено следствие, дело отдано в суд, но решение неизвестно (11 фактов); осуждение на различные сроки (11 чел.). Здесь простое механическое сложение наказаний невозможно, поскольку снятию с должности или осуждению предшествовали сделанные комендантам выговоры и т. д. Однако очевидно, что в комендантской среде должностные наказания носили систематический характер.

Более разветвленной является шкала видов наказаний, вынесенных по партийной линии. Здесь в сгруппированном нами виде они представлены следующими формулировками из документов и расположены по убывающей: пьянство, непристойное поведение, дебош (46 фактов); развал работы, провал хозполиткампаний (уборочная, посевная и др.) (24 факта); присвоение денег, растрата, спекуляция, самоснабжение (17 фактов); сожительство со спецпереселенками (16 фактов); избиения, пытки, убийство, изнасилование и др. преступления (16 фактов); сокрытие происхождения, присвоение партстажа, связь с арестованными родственниками (12 фактов). В отдельную категорию выделены общие формулировки типа «многочисленные злоупотребления властью», «нарушение законности», «использование служебного положения», «потеря классовой бдительности» и т. д. (18 фактов).

Наиболее громким и получившим огласку вплоть до центральных партийных органов стало расследование действий работников комендатур Нарымского округа в связи с вселением в спецпоселки

региона в мае – июне 1933 г. значительной массы маргинального, деклассированного и уголовного контингента. Целая цепь непродуманных и несогласованных решений со стороны охранительных органов повлекла за собой события, вошедшие в историю спецпоселений как «Назинская трагедия». Тогда из-за преступных действий руководства Александро-Ваховской комендатуры из 6 тыс. чел., высаженных во второй половине мая на речной остров напротив дер. Назино, в течение десяти дней умерли до 2 тыс. чел. Это крайне редкий случай, когда расследование осуществлялось краевой комиссией с введением в ее состав наряду с представителями ОГПУ и СибЛАГа работников крайкома партии и прокуратуры. Репрессии и наказания комендантского состава, снабженцев, стрелков данной комендатуры носили жестко показательный характер: на начало ноября к различным наказаниям было привлечено 112 чел., в числе которых были арестованы и преданы ведомственному суду коллегии ОГПУ 26 чел., значительная часть других подлежала увольнению. Санкции коснулись и высшего звена – был снят с должности начальник СибЛАГа А. А. Горшков, получил строгий партийный выговор И. И. Долгих [ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 131; Спецпереселенцы, с. 114–118].

Неполнота информации не позволяет детализировать посткомендантскую деятельность тех, кто в силу различных обстоятельств и причин уходил из комендантской корпорации, но в 57 случаях есть возможность установить сферы их труда: продолжили работу в охранительных структурах (ОГПУ – НКВД – МВД) или в армии в годы войны 32 чел.; стали служащими в гражданском секторе (инспекторы, секретари, контролеры и т. д.) 11 чел.; занимали руководящие должности (директор завода, профсоюзный деятель, председатель колхоза и т. д.) 10 чел.; вернулись к рабочей и крестьянской жизни 4 чел. Это свидетельствует о том, что для бывших комендантов в дальнейшем действовали те же универсальные пути социально-профессиональной мобильности: восходящий (карьера), нисходящий (отсев) и горизонтальный (переход в гражданские сферы).

Коменданты: от нормы к девиантности. Рассматривая типологию комендантов-охранителей даже на ограниченном пока документальном материале, можно воспользоваться социологическим подходом (идеальные типы и типы отклонения от нормы). Близкой к нормативному типу участкового коменданта может служить биография и деятельность Г. В. Беликова. Выходец из бедной крестьянской семьи, в Гражданскую войну на ее завершающей стадии он служил в РККА, вступил в партию в 1921 г., затем три года служил в ЧК на низовых должностях; в 1924 г. перешел на службу в тюремное ведомство (начальник двух тюрем в Западной Сибири), отсюда в 1926 г. – в юридическое ведомство (народный судья, затем помощник окружного прокурора). С 1931 г. по партмобилизации был переведен в Отдел спецпоселений СибЛАГа, возглавлял последовательно четыре участ-

ковые комендатуры, в каждой из которых работал по полтора-два года. Имел, как практически все коменданты, партвыговор в 1934 г. «за срыв уборочной кампании», но и регулярно во второй половине 1930-х гг. получал благодарности и денежные премии в размере месячного оклада (700 руб.) за успешную организацию аграрного производства в неуставных артелях Нарымского округа.

Тип девиантного коменданта содержал в себе широкий набор отклонений от нормативного поведения в работе и сфере личной жизни – от дисциплинарных нарушений до бытового разложения. Так, один из комендантов, исключенный из партии и уволенный со службы, обвинялся в систематическом пьянстве, утрате оружия и издевательствах над женой. Другой – в систематическом пьянстве, в «связях с трудпоселенками», от троих из которых имел детей. Мы не берем во внимание срывы в производственной деятельности, которых не могли избежать все коменданты в своей работе, но девиантное поведение и издевательства над переселенцами, присвоение государственных ресурсов и личного имущества ссыльных имели свои причины, основанные на обладании властью и на возможности почти бесконтрольного насилия над репрессированными.

Между ними помещается тип комендантов-конформистов, которые усваивали нормы охранительной деятельности и на практике стремились их не нарушать, обеспечивая при этом необходимую режимную дисциплину и хозяйственно-бытовую деятельность в спецпоселках. Благодаря деятельности именно этой категории комендантов обеспечивался минимальный уровень жизнедеятельности поселков и находились относительные компромиссы между комендантами и спецпереселенцами. Приведем случай с И. Я. Собиным, работавшим вначале поселковым, затем участковым комендантом Парабельской комендатуры. В 1933 г. райкомом партии рассматривался вопрос о немедленном снятии его с должности за «явно примиренческую политику к вредительству со стороны спецпереселенцев» [Книга памяти, с. 522]. В вину ему ставилось непринятие мер к тому, что спецпереселенцы распределили между собой часть собранного урожая зерновых до выполнения государственного плана. Однако благодаря покровительству И. И. Долгих, который ценил хозяйственных комендантов, Собин не только не был снят с должности, но и через некоторое время переведен в аппарат Отдела спецпоселений, став помощником Долгих.

Сформированный и действовавший в 1930-е гг. комендантский корпус спецпоселений северных комендатур Западной Сибири по своим функциональным и поведенческим характеристикам представлял собой профессиональную корпоративную группу, наделенную трудно реализуемыми полномочиями в силу противоречивого соединения в работе ее представителей типично охранительно-изоляционных (надзирать и наказывать), производственно-хозяйственных (организовывать и поощрять, стимулировать) и политико-идеологических

(«перевоспитывать») функций. Эта группа не обладала в значительной своей массе необходимым для их выполнения образовательным уровнем, управленческими и другими компетенциями. Она относилась к низкой статусной категории в иерархии работников охранительных институтов и была зависима от надзора не только со стороны ведомственного управления, но и партийных, прокурорских и судебно-следственных органов. Ее можно определить как группу со слабой вертикальной восходящей мобильностью и высоким «отсевом» из нее вследствие значительной пораженности комендантов девиантным поведением, ослабляющим и без того неустойчивые ресурсы для защитной корпоративной консолидации.

Список литературы

- Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М. : РОССПЭН, 2010. 335 с.
ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 620; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 47.
ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156, 361; Ф. Р-11. Оп. 4а. Д. 16; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 137; Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 67.
Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР : 1930–1960. М. : Наука, 2003. 306 с.
Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М. : Собрание, 2004. 296 с.
Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 3 / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : [Нонпарель], 2010. 528 с.
Красильников С. А. Серп и Молох : Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2009. 344 с.
Спецпереселенцы в Западной Сибири : 1933–1938. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 310 с.
ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766; Ф. 3 Оп. 4. Д. 91.

References

- GANO [State Archive of Novosibirsk Region]. Stock P-3. List 2. Dos. 156, 361; Stock R-11. List 4a. Dos. 16; Stock R-47. List 5. Dos. 137; Stock R-1353. List 3. Dos. 67.
GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-5446. List 18a. Dos. 620; Stock R-9479. List 1. Dos. 47.
Ivnitskii, N. A. (2004). *Sud'ba raskulachennykh v SSSR* [The Fate of Dispossessed People in the USSR]. Moscow, Sobranie. 296 p.
Krasilnikov, S. A. (2009). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 344 p.
Krasilnikov, S. A. (Ed.). (2010). *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii v Novosibirskoi oblasti* [Book in Memory of the Victims of Political Repression in Novosibirsk Region]. Iss. 3. Novosibirsk, [Nonparelle]. 528 p.
Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1933–1938 [Special Settlers in Western Siberia. 1933–1938]. (1994). Novosibirsk, EKOR. 310 p.
TsA FSB RF [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Stock 2. List 11. Dos. 766; Stock 3. List 4. Dos. 91.
Viola, L. (2010). *Krest'yanskii GULAG: mir stalinskikh spetsposelenii* [Peasant GULAG: The World of Stalin's Special Settlements]. Moscow, ROSSPEN. 335 p.
Zemskov, V. N. (2003). *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Special Settlers in the USSR. 1930–1960]. Moscow, Nauka. 306 p.

**Борьба с преступными группировками
в исправительно-трудовых лагерях и колониях
послевоенного Советского Союза***

Юрий Пилявец

Роман Иваняков

Академия ФСИН, Псковский филиал,
Псков, Россия

**Fighting Criminal Groups in Corrective Labour Camps
and Penal Colonies in the Post-War USSR**

Yuri Piliavets

Roman Ivanyakov

Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Pskov, Russia

It is impossible to understand the peculiarities of the domestic penitentiary system during later Stalinism and its influence on Soviet society without considering the processes that took place in the Gulag at the time, clarifying the interests and interaction of the actors of these processes. Between the second half of the 1940s and the first half of the 1950s, the USSR's penitentiary system witnessed a confrontation between criminal groups unprecedented in terms of its scale and the number of victims: these have gone down in history as the Bitch Wars. Based on a systemic interdisciplinary approach, the authors try to recreate an objective picture of this confrontation. For this purpose, they analyse the causes and dynamics of the conflict, the composition of the participants, the activity of the penitentiary personnel supposed to resolve it, and the legal framework regulating this activity. The article emphasises that all Gulag society was involved in the confrontation, which rapidly divided into numerous criminal groups. The authors substantiate the thesis that the main cause of the conflict was the

* *Citation:* Piliavets, Yu., Ivanyakov, R. (2022). Fighting Criminal Groups in Corrective Labour Camps and Penal Colonies in the Post-War USSR. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 238–252. DOI 10.15826/qr.2022.1.669.

Цитирование: Piliavets Yu., Ivanyakov R. Fighting Criminal Groups in Corrective Labour Camps and Penal Colonies in the Post-War USSR // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 238–252. DOI 10.15826/qr.2022.1.669 / Пилявец Ю., Иваняков Р. Борьба с преступными группировками в исправительно-трудовых лагерях и колониях послевоенного Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 238–252. DOI 10.15826/qr.2022.1.669.

struggle for camp resources and the right to parasitise in the camp population. It is concluded that the attempts of the camp administration to restore order in the institutions, using some criminals against others, led to an increase in violence and destabilised the entire penal system. Additionally, the authors analyse the dynamics of crimes committed by gangsters, paying close attention to the characteristics of the activities carried out to combat banditry and the normative support of this activity. It is concluded that the administration of the Gulags did not find an effective solution to put an end to criminal terror. The conflict, along with other events that took place in the camp system, forced the country's leadership to start looking for a new concept of the corrective labor system. The confrontation between thieves under the code (Rus. *vory v zakone* literally, "thieves in law") and those who had abandoned the criminal cause (Rus. *otoshedshie*, literally, "the departed") has no clearly established chronological boundaries. Individual excesses took place during the war years and until the early 1960s. The authors limit the time frame of the work to the period between 1947 and 1954, when the most massive, active, and fierce confrontation between criminal communities took place. The work is based on the principles of historicism and objectivity. In preparing the article, the authors used specific historical, logical, legal, statistical, sociological, and other methods of scholarly research.

Keywords: Gulag, groups of prisoners, thieves' law, thieves under the code, the departed, penitentiary crime, correctional labour camps and colonies, camp society

Понимание особенностей функционирования отечественной пенитенциарной системы в период позднего сталинизма, ее влияния на трансформацию советского общества невозможно без рассмотрения процессов, происходивших в гулаговском социуме, без выяснения интересов и характера взаимодействия акторов этих процессов. Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. в уголовно-исполнительной системе СССР произошло беспрецедентное по масштабу и количеству жертв противостояние преступных группировок, вошедшее в историю как «сучья война». На основании системного междисциплинарного подхода авторы попытались воссоздать объективную картину этого противостояния. С этой целью анализируются причины, динамика конфликта, состав участников, деятельность пенитенциарного персонала по его разрешению, правовая база, ее регламентирующая. В статье подчеркивается, что в это противостояние был вовлечен весь гулаговский социум, ускоренно фрагментировавшийся на многочисленные криминальные группы. Авторы обосновывают тезис о том, что основными причинами конфликта были борьба за лагерные ресурсы, право паразитировать на лагерном населении. Делается вывод о том, что попытки лагерной администрации навести порядок в подчиненных им учреждениях, используя одних уголовников против других, привели к росту насилия, дестабилизации всей уголовно-исполнительной системы. Анализируется динамика преступлений, совершенных бандитскими группировками. Особое внимание акцентируется на характеристике проводившихся мероприятий, направленных на борьбу с бандитизмом, а также на нормативном обеспечении этой деятельности. Сделан вывод

о том, что руководством ГУЛАГа не было найдено эффективного решения по прекращению уголовного террора. Криминальный конфликт, наряду с иными событиями, происходившими в лагерной системе, вынудил руководство страны начать поиск новой концепции исправительно-трудовой системы. Противостояние «воров в законе» и «отошедших» не имеет четко установленных хронологических границ. Отдельные эксцессы имели место в годы войны и вплоть до начала 1960-х гг. Авторы ограничили временные рамки работы 1947–1954 гг. – периодом наиболее массового, активного и ожесточенного противостояния криминальных сообществ. Работа базируется на принципах системности, историзма, объективности. При подготовке статьи авторы использовали конкретно-исторический, логический, историко-правовой, статистический, конкретно-социологический и другие методы научного познания.

Ключевые слова: ГУЛАГ, группировки заключенных, «воровской закон», «отошедшие», «воры в законе», пенитенциарная преступность, исправительно-трудовые лагеря и колонии, лагерный социум

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. исправительно-трудовая система СССР по количеству заключенных и по масштабу решаемых экономических задач переживала апогей своего развития. Вместе с тем в этот период нарастали негативные тенденции, свидетельствовавшие о ее углублявшемся кризисе. Одним из проявлений деградации гулаговской системы стало беспрецедентное по размаху и количеству жертв противостояние различных криминальных группировок заключенных.

Истоки этого конфликта приходятся на 1930-е гг., когда частью криминального мира был принят «воровской закон» – свод неписаных правил поведения, закреплявший господствующее положение воровской элиты в криминальном мире. В соответствии с «законом» полноправными членами воровской общины могли быть только воры, строго соблюдавшие эти правила. В преступной среде их стали называть «воры в законе», «законники». Анализируя историографию темы, можно отметить, что вопросы, связанные с криминальной войной конца 1940-х – середины 1950-х гг., исследованы фрагментарно. Отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в работах В. М. Анисимкова, В. А. Анфиногенова, М. Г. Деткова, Г. М. Ивановой, В. А. Козлова, С. И. Кузьмина, М. Путц.

К числу наиболее тяжелых нарушений «воровского права» относилось взаимодействие с представителями правоохранительных органов. Лиц, уличенных в этом, называли «суками», «ссучившимися» и, как правило, убивали. В довоенный период таких ренегатов было немного, но в голодные военные годы их количество значительно выросло [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 4. Д. 202. Л. 42]. Часть преступников пошла на сотрудничество с лагерной администрацией, чем поставила себя вне воровского сообщества, но, будучи в меньшинстве, не посягала на воровскую власть.

Ситуация радикально изменилась после окончания Великой Отечественной войны. Начиная с конца 1947 г. конфликт перерастает в массовые столкновения преступных группировок, приобретает характер «тотальной войны» на взаимное уничтожение. Разрастание конфликта было вызвано следующими причинами.

В годы войны из лагерей и колоний в Красную армию было отправлено до 1 млн заключенных, часть из них относилась к профессиональным преступникам.

Начиная с июля 1945 г. проходила массовая демобилизация из рядов Красной (с февраля 1946 г. – Советской) армии. В числе демобилизованных было немало криминальных авторитетов. Часть из них вернулась к воровскому ремеслу и вскоре вновь оказалась в местах заключения, где попыталась занять соответствующее их криминальным заслугам положение. Однако с точки зрения ортодоксальных воров, надев погоны, эти заключенные нарушили «закон», «отошли» от него и, соответственно, перешли в разряд «сук».

К концу 1946 г. резко ухудшилось продовольственное обеспечение мест лишения свободы. Это было вызвано последствиями неурожайного 1946 г. Резкое уменьшение продовольственных ресурсов страны негативно отразилось на обеспечении мест заключения. Кроме того, в 1946 г. практически в два раза повысились пайковые цены, что привело к увеличению расходов по содержанию исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ) более чем на 80 %. В ГУЛАГе образовался значительный финансовый дефицит, компенсированный бюджетом лишь частично [История сталинского ГУЛАГа, т. 3, с. 234–235]. Следствием этого стали перебои с поставками продовольствия. Продовольственные трудности значительно усугублялись быстрым ростом количества заключенных, явившимся следствием реализации известных указов 1947 г. о борьбе с хищениями государственного, общественного и личного имущества. Помимо активизации борьбы с кражами, были значительно увеличены сроки наказания за этот вид преступления: например, максимальный срок по ст. 162 (кража) вырос с 5 до 25 лет.

С 1 января 1946 г. по 1 января 1948 г. численность заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях (далее – ИТЛ, ИТК) увеличилась почти в два раза (с 1 110 593 до 2 169 252 чел.); в 1950 г. она составила 2 561 351 чел. Численность в 2,5 млн чел. сохранялась практически до амнистии 1953 г., после проведения которой произошло резкое снижение количества заключенных до 1 325 003 чел. на 1 января 1954 г. [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 130].

Среди вновь осужденных значительную часть составляли профессиональные воры, их количество в годы послевоенной разрухи значительно выросло. Кроме того, увеличилось число осужденных за такие тяжкие преступления, как бандитизм, вооруженное ограбление и разбой. На 1 июля 1946 г. данная категория насчитывала 73 433 чел., а к 1 сентября 1947 г. – 92 931 чел. [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2563. Л. 22]. С 5,2 % в 1948 г. до 25,4 % в 1952 г. увеличилась доля лиц, имевших сроки

наказания от 10 до 25 лет. По мнению гулаговских оперативников, доля особо опасного элемента в местах заключения составляла около 40 % [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2563. Л. 22]. Таким образом, произошло «паразитическое перенаселение» ГУЛАГа, как назвал это явление исследователь социальных конфликтов в СССР В. А. Козлов [Козлов, с. 59].

Указанные факторы привели к значительному ухудшению качества питания заключенных, росту смертности среди них. В 1947 г. по сравнению с 1946 г. этот показатель увеличился более чем в два раза – с 30 715 до 66 830 чел., максимальное количество за весь послевоенный период [ГУЛАГ, с. 441–442]. В этой ситуации «отошедшие», количество которых после проведения демобилизации и массовых посадок значительно выросло, предприняли попытку оттеснить «воров в законе» от неформальной власти в борьбе за скудные лагерные ресурсы.

Эскалации конфликта способствовала отмена смертной казни в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. Принятие этого документа привело к тому, что преступники, имевшие максимальные сроки заключения, при совершении новых преступлений оставались практически безнаказанными. Новый срок прибавлялся к имеющемуся, но в итоге наказание не могло превышать установленного в Уголовном кодексе срока в 25 лет. Характерной для части бандитствующих уголовников была позиция рецидивиста Разворотного, совершившего в лагере шесть убийств. На допросе он заявил: «Резал и буду резать, и ничего вы мне сделать не можете, расстрел отменен, больше, чем я имею, мне не дадут, а прибавка к 25 годам еще одного месяца значения не имеет» [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 87].

Начало массовых столкновений между криминальными группировками пришлось на конец 1947 г., примерно через полгода после выхода указов от 4 июня 1947 г., когда «указники» (часть из них составляли уголовники-рецидивисты) стали пополнять места лишения свободы. Уже на 1 июля 1947 г. в лагерях и колониях было взято на оперативный учет 23 459 чел. из числа активного бандитствующего элемента. За 11 месяцев 1947 г. за лагерный бандитизм было осуждено 24 496 чел., в то время как за аналогичный период 1946 г. – всего 1 197 чел. [Там же. Д. 2563. Л. 2]. Однако, как показали последующие события, это была лишь малая часть преимущественно рядовых участников конфликта.

Анализируя состав основных участников противостоящих группировок, можно выделить три основные группировки: «воры в законе», «отошедшие» и «беспредел».

«Воры в законе» – довольно сплоченное, организованное и многочисленное сообщество. Среди его членов более 50 % составляла молодежь в возрасте от 18 до 30 лет. Входили в него и женщины, проходившие по оперативному учету как «воровки в законе». Формально все члены воровской общины были равны, но фактически среди них существовала своя внутренняя иерархия, во главе которой стояли наиболее авторитетные воры-рецидивисты с большим криминаль-

ным стажем («центровые воры», «паханы»), основные блюстители и толкователи «воровского закона». На нижнем уровне находились «шестерки, «молодые воры, претендующие на место в общине, основная ударная сила «воровской армии». Необходимо отметить, что в криминальной войне именно молодежь составляла наиболее массовую и активную часть криминальных группировок.

«Отошедшие» («воры вне закона») по составу и структуре были схожи с «законниками». Лидерами сообщества также являлись воры-рецидивисты, преимущественно еще с довоенным стажем. Вместе с тем это было менее монолитное и менее многочисленное объединение. От него постоянно откалывались целые группы, создававшие собственные банды.

В ходе конфликта сформировалась еще одна группировка, «беспредел» («махновцы», «анархисты») – это уголовники, враждовавшие как с «законниками», так и с «отошедшими». Большую их часть составляли преступники, недовольные главенством воров, но презиравшие «отошедших» за «измену». Кроме того, участниками «беспредела» были бывшие «законники», побывавшие в руках «отошедших», не выдержавшие издевательств и признавшие их главенство. «Махновцы» – наиболее малочисленная из трех перечисленных выше, но самая агрессивная группировка, не признававшая никаких законов и правил.

Наряду с этими имелось множество более мелких объединений. Как отмечал во время одного из своих выступлений министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов, «эти группы, как известно, имеют различные клички и наименования, свои правила поведения. Однако, как бы они ни назывались, существо их остается одним: это опасные формирования преступников» [ГУЛАГ, с. 675]. В целом, по мнению оперативников ГУЛАГа, количество активных участников группировок составляло около 10 % от всего лагерного населения [Монахов, с. 4].

Самой многочисленной социальной группой в лагерной среде являлись «мужики» («бытовики») – осужденные за совершение должностных, служебных и бытовых преступлений, мелкие расхитители, не относившиеся к профессиональным преступникам и не претендовавшие на неформальную власть. Это была основная рабочая сила лагерей и колоний, обозначенная в гулаговских документах как «положительный контингент». В конфликте преступных группировок они первоначально занимали нейтральную позицию, но так или иначе были втянуты в междоусобицу.

Основными подразделениями, призванными бороться с пенитенциарной преступностью, были следующие: военизированная охрана, отвечавшая за охрану внешнего периметра лагерей и колоний, конвоирование заключенных, поиск бежавших преступников и обеспечивавшая силовую составляющую при пресечении противоправных действий осужденных; надзирательский состав, ответственный за соблюдение требований режима; оперативный аппарат, основные задачи которого – выявление лиц, совершивших или готовящихся совер-

шить правонарушения, профилактика и раскрытие пенитенциарных преступлений.

Анализируя состав этих подразделений, необходимо отметить, что они испытывали постоянный дефицит кадров. В исследуемый период лимит воензированной охраны (далее – ВОХР), утвержденный правительством, колебался от 9 % в 1947 г. до 9,84 % в 1954 г. к общей численности заключенных и составлял на 1 августа 1947 г. 174 288 чел. по штату, 171 180 – в наличии, на 1 января 1951 г., соответственно, 241 269 и 215 335 чел., на 1 января 1954 г. – 117 485 и 116 356 чел. [ГУЛАГ, с. 319, 375–376].

Штат надзоровсостава комплектовался из расчета 1,5 % от списочного состава заключенных, в специальных лагерных подразделениях строгого режима – 12 %. На 1 сентября 1947 г. служба насчитывала 17 008 чел., некомплект составлял 7,7 % [ГАРФ. Ф. 9414. Оп 1. Д. 2532. Л. 31, 112], на 1 января 1951 г., соответственно, 32 367 чел. и 15,1 % [Там же. Оп. 3. Д. 112. Л. 19], на 1 января 1953 г. – 36 257 чел. и 8 % [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 316].

Сложной была кадровая ситуация с оперативным составом. На 1 января 1951 г. в составе первых (оперативных) отделов и отделений имелся 3 671 оперработник. Некомплект составлял 11 % [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 3. Д. 112. Л. 70]. В среднем на одного оперативного работника приходилось около 700 заключенных. Хронический недокомплект личного состава, его низкие качественные показатели стали одной из причин, способствовавших разрастанию столкновений.

Основными очагами конфликта и ареной наиболее кровавого противостояния являлись северные и северо-восточные ИТЛ, прежде всего воркутинские и колымские, в которых содержалась воровская «элита», наиболее опасные рецидивисты из числа как «законников», так и «отошедших». Кроме того, в этих лагерях была самая высокая концентрация профессиональных преступников. Условия содержания в них были значительно тяжелее, чем в других лагерях, поэтому и борьба за место под солнцем была намного ожесточеннее. В ИТУ других регионов страны противостояние уголовников обострилось в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

На начальном этапе конфликта руководство ряда лагерей и колоний, исходя из того, что «отошедшие» не отказывались работать и вступали в контакт с администрацией, сочло их вставшими на путь исправления. «Отошедшие» были поставлены в привилегированное положение. Им на откуп были отданы места в низовой лагерной администрации. Усиливая позиции этой категории осужденных, руководство попыталось использовать их для уменьшения влияния воровского сообщества на лагерный контингент. При этом до определенного времени не обращалось внимания на методы, с помощью которых решались эти задачи, а метод был один – насилие, не оставившееся ни перед чем, в том числе перед убийствами. Дальнейшие события показали глубокую ошибочность подобной политики.

«Отошедшие», поддерживаемые пенитенциарной администрацией, стали быстро утверждаться в качестве новой неформальной власти в лагерях и колониях, что привело к разрастанию их конфликта с «законниками». Началась настоящая криминальная война, сопровождавшаяся многочисленными жертвами. Так, в Ургальском ИТЛ 20 октября 1947 г. группа заключенных-рецидивистов в количестве 11 чел. напала с топорами и ножами на противостоявшую им преступную группировку. Было убито 7, ранено 2 чел. [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 656]. В ИТЛ строительства № 503 в марте 1950 г. группа бандитствующих заключенных из 7 чел. отобрала у охранявшего их самоохранника автомат и учинила расправу над заключенными из враждующей группировки, расстреляв 11 и тяжело ранив 2 чел. [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1506. Л. 65]. В первом лагерном отделении Енисейского ИТЛ в ночь с 8 на 9 мая 1950 г. в результате бандитских разборок было убито 13 чел.

В некоторых ИТУ убийства заключенных приобрели массовый характер. Так, за первый квартал 1951 г. в Печорском ИТЛ враждующими группировками было совершено 14 убийств, в Карлаге, Норильлаге и Нижамурлаге – по 10, в Краслаге – 29 [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2565. Л. 79]. Количество совершенных убийств стало мерилom авторитетности преступников, оно позволяло им повысить свой статус в криминальном мире. Появилась категория уголовников, нацеленных на совершение убийств. Например, в феврале 1952 г. такая группа была выявлена в лагерном пункте строгого режима № 504 Ангарского ИТЛ. Стремясь стать «авторитетами», в течение 13–16 января 1952 г. они убили троих и ранили двух заключенных, а всего планировали совершить не менее 20 убийств [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 242]. Об уровне насилия в ИТУ СССР свидетельствуют следующие цифры: если в 1946 г. в ИТУ был убит (ранен) 1 361 заключенный, то в 1947 г. – 1 772, в 1948 г. – 2 634. За два года рост составил почти 200 % [Уголовно-исполнительная система, с. 138].

Как отмечалось нами ранее, в начале конфликта руководство лагерной системы не предприняло мер по его купированию. Основным показателем эффективного управления конкретным ИТУ являлся процент выполнения плана. Пока план выполнялся, на многое закрывали глаза, и когда возникали противоречия между реализацией пенитенциарной и производственной функций, приоритет отдавался последней.

Первым тревогу подняло руководство оперативными подразделениями ГУЛАГа, обладавшее большой информацией о разгоравшемся конфликте и предложившее изолировать бандитствующий элемент в специально созданных в отдаленных местностях ИТЛ со строгим режимом содержания [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2563. Л. 23]. Эти предложения были частично реализованы: 31 декабря 1948 г. был подписан приказ МВД СССР № 001516 «Об организации специальных лагерных подразделений строгого режима в ИТЛ МВД

и УИТЛК (Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний. – Ю. П., И. И.) МВД – УМВД», в соответствии с которым предусматривалось открытие в течение 1949 г. таких подразделений с лимитом наполнения 75 тыс. чел. [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2565. Л. 151]. На 1 июля 1950 г. было построено спецподразделений только на 35 650 мест [Уголовно-исполнительная система, с. 138].

Разрастающийся конфликт актуализировал вопрос об отношении к «отошедшим». Эта проблема рассматривалась на совещании работников ИТУ МВД СССР, состоявшемся в конце 1949 г. В ходе обсуждения руководители ряда ИТУ признали, что было допущено много ошибок в борьбе с преступными группировками, особенно с «отошедшими», которые оказались «еще циничнее, беспощаднее воров-законников» [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 603. Л. 10]. Порядок в лагерях не только не улучшился, но и значительно ухудшился. Убийства стали обыденным явлением. Всего за 1949 г. было убито и ранено 1 748 заключенных [Уголовно-исполнительная система, с. 138].

В указании ГУЛАГа от 30 ноября / 2 декабря 1949 г. № 9/9/831 начальникам первых отделов (отделений) (по оперативной работе и охране) отмечалось, что использование уголовников для повышения дисциплины среди остальной части заключенных и увеличения производительности труда себя не оправдывает [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 207]. Примечательно, что факт использования одних преступников для борьбы с другими у руководства ГУЛАГа не вызвал особого возражения.

Внимание оперативного состава обращалось на недопустимость ослабления агентурно-оперативной работы среди «отошедших» и использования их в качестве низовой лагерной администрации. Однако в ряде лагерей и колоний на протяжении длительного времени эти указания не были выполнены. В справке первого (оперативного) отдела ГУЛАГа, датированной 26 февраля 1951 г., отмечалось, что «1-е отделы лагерей недостаточно настойчиво ставят вопрос перед руководством лагеря об освобождении с низовой лагерной работы уголовно-бандитствующего элемента, неоднократно судимого за убийства и грабежи» [Там же, т. 4, с. 301].

Криминальный террор нарастал. Наиболее сложная обстановка сложилась в ИТЛ ГУЛЛП (Главного управления лагерей лесной промышленности) и ИТЛ ГУЛЖДС (Главного управления лагерей железнодорожного строительства). В лагерях этих управлений за 1950 г. произошло, соответственно, 191 и 175 случаев бандитизма, в результате было убито 297 заключенных. Самыми неблагополучными являлись Каргопольлаг, Краслаг, Ивдельлаг, Нижнеамурлаг, Печорлаг, Ангарлаг [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2565. Л. 2, 16]. В связи с ухудшением оперативной обстановки, вызванным активизацией бандитов, приказом МВД СССР от 2 декабря 1950 г. № 00702 предписывалось дополнительно оборудовать специальные лагерные подразделения на 37 350 чел. Строительство должно было завершиться к 1 июля

1951 г. Кроме того, для особо злостных нарушителей режима Тюремным управлением в соответствии с приказом МВД № 00721–50 было выделено 14 тыс. мест [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 3. Д. 112. Л. 18].

На 1 апреля 1951 г., по неполным данным, в специальных лагерных подразделениях имеющийся лимит наполнения составил 33 300 чел., содержалось 35 852 чел. Однако в отдельных лагерях к этой работе фактически не приступали. Например, в Обском ИТЛ из установленного на 1951 г. лимита наполняемости спецподразделений в 3 500 чел. на 20 марта 1952 г. они были построены только на 360 чел. В этом лагере не было построено ни одного штрафного лагерного пункта. Штрафные изоляторы имелись не во всех лагерных подразделениях, а в шести были непригодными для эксплуатации [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1489. Л. 44]. Это при том, что данный лагерь по уровню пенитенциарной преступности находился в числе наиболее неблагополучных. В 1951 г. нем было убито 82 чел. [Там же].

13 февраля 1950 г. вышла директива МВД СССР № 113–1950, потребовавшая от руководства ГУЛАГа усиления борьбы с бандитскими проявлениями в ИТУ. К этой директиве прилагались указания «О порядке организации надзора за заключенными и мерах борьбы с нарушениями лагерного режима в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД». Определенный в этом документе перечень мероприятий, направленных на искоренение преступлений в местах лишения свободы, не отличался новизной: предлагалось исключить использование в качестве низовой лагерной администрации и в лагерной службе заключенных, осужденных за бандитизм, разбой, убийства, грабеж, и рецидивистов, ориентировать агентуру на выявление лидеров и активных членов бандитских группировок [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 289–290]. Подобные приказы и директивы выходили и в последующие годы: только за первое полугодие 1951 г. С. Н. Кругловым и его заместителями было подписано около 150 указаний, направленных на укрепление режима [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1505. Л. 125]. Однако зачастую приказы в установленный срок не исполнялись, затягивалось проведение установленных мероприятий.

Начиная с 1950 г. руководство пенитенциарной системы неоднократно обращалось к руководству страны с ходатайствами о введении смертной казни за бандитизм и убийства, совершенные в местах заключения, признавая невозможность решения конфликта доступными ему средствами. Однако руководство страны не спешило с удовлетворением этого предложения.

В 1951 г. руководство ГУЛАГа сосредоточило внимание на разведении враждующих группировок по различным лагерным подразделениям. Кроме того, на основании приказа МВД СССР от 13 февраля 1951 г. № 0065 «О бандитских проявлениях среди заключенных в Каргопольлаге и Краслаге и мерах усиления борьбы с этими преступлениями в лагерях лесной промышленности» в ИТЛ были созданы специальные лагерные пункты по типу тюрем для содержа-

ния без вывода на работу заключенных из числа особо опасного уголовно-бандитствующего элемента. Расширилась практика перевода этой категории заключенных на тюремный режим [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 658]. Так, на 1 сентября 1951 г. в тюрьмы было водворено 10 876 чел.

С целью изучения реального состояния дел и выработки конкретных мероприятий по улучшению деятельности в 1951 г. в 48 ИТЛ были отправлены инспекционные бригады МВД СССР [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 142]. Проверяющие констатировали серьезное ухудшение оперативной обстановки, падение дисциплины не только в строгорежимных, но и в обычных лагерях, невыполнение требований руководящих документов. Так, в актах проверки Усольского и Кизеловского ИТЛ указывалось на то, что приказ МВД СССР № 0190–47 г. не выполнен в части размещения заключенных с учетом статейных признаков, подбор лагерной обслуги и заключенных на низшие административно-хозяйственные должности проведен с нарушением требований МВД СССР, организация лагерных подразделений строгого режима проходит неудовлетворительно, оперативная работа организована плохо. Из многочисленного на бумаге негласного аппарата реально работало не более 30 %. Однако даже на полученную информацию руководство колоний зачастую не реагировало должным образом [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 416. Л. 8]. Подобная обстановка сложилась в ряде других лагерей.

По результатам проверок была проведена определенная работа по устранению выявленных недостатков. К концу 1951 г. около 12 тыс. заключенных были направлены в тюрьмы, в специальные подразделения строгого режима – 25 500, в подразделения усиленного режима – 470 285. Было построено 194 ШИЗО (штрафных изолятора), 37 штрафных лагерных пунктов, 191 лагпункт усиленного режима [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 142].

С начала 1950-х гг. улучшили свою работу сотрудники оперативного аппарата лагерей и колоний. В течение 1952 г. ими было вскрыто и предотвращено 9 206 случаев готовившихся бандитских проявлений и убийств. В результате проведенных мероприятий количество убитых и раненых среди заключенных в ходе бандитских проявлений в 1952 г. по сравнению с 1951 г. значительно сократилось [История сталинского ГУЛАГа, т. 4, с. 317].

Однако криминогенная ситуация в ИТЛ и ИТК продолжала оставаться очень сложной. В 1951 г. было убито 2 011 и ранено 1 180 заключенных, в 1952 г. – 1 284 и 573 [Там же, т. 6, с. 684]. Распоясавшиеся бандиты пытались диктовать свою волю администрации, для чего организовывали акции массового неповиновения, убийства пенитенциарного персонала. Только за первый квартал 1951 г. по неполным данным в ИТЛ было зарегистрировано 17 убийств и ранений сотрудников, 21 организованное выступление заключенных [Там же, с. 215].

В Красноярском ИТЛ 26 июля 1951 г. рецидивисты организовали массовые беспорядки с участием свыше 800 чел. Захватив зону, они учинили погром, в ходе которого было убито 5 вольнонаемных, включая начальника ОЛП. При подавлении беспорядков было убито 33 и ранено 76 заключенных [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 140]. Подобные факты имели место в Ивдельском и Каргопольском ИТЛ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 280. Л. 98, 99].

В результате криминальной войны значительно вырос уровень насилия в отношении «мужиков», что привело к их консолидации и оказанию ими сопротивления уголовникам. Так, 10 января 1951 г. в 108 лагпункте ИТЛ строительства № 501 в ответ на притеснения уголовников произошли массовые беспорядки, в которых участвовало до 400 заключенных. В результате погибли 4 чел. и были ранены 11 чел. [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 235]. В лагпункте № 5 Печорского ИТЛ в начале 1951 г. заключенные учинили расправу над группой «отошедших», систематически грабивших остальной контингент. Было убито 3 и ранено 3 чел. [ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1500. Л. 37].

Выступления обычно безропотных «мужиков» против бандитского беспредела – новое и очень опасное для гугаговской системы явление. Дальнейшее раскачивание ситуации могло привести к полной потере управляемости ИТУ с вытекающими из этого последствиями. В этой ситуации руководство страны пошло на крайние меры: 13 января 1953 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому дела об особо злостных бандитских нападениях, сопровождающихся убийствами, подлежали рассмотрению в военных трибуналах войск МГБ СССР и специальных судах. К виновным в этих преступлениях могла применяться смертная казнь [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 668]. Однако данный указ применялся очень осторожно, поскольку изменения, происходившие в уголовной политике государства, начавшиеся после смерти И. В. Сталина, породили у администрации ИТУ и в судебской среде некоторую растерянность. В результате эти люди заняли выжидательную позицию. Так, за девять месяцев после выхода указа было осуждено всего 52 чел., из них к смертной казни были приговорены 15 чел. [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194. Л. 171]. Такая правоприменительная практика не остановила разгул преступности. За 1953 г. было убито 636 заключенных.

Вспышка насилия в значительной степени была обусловлена амнистией, проведенной в марте – июне 1953 г. В результате на свободу вышло более 1,2 млн чел., преимущественно положительного контингента. Осужденные за совершение тяжких преступлений рецидивисты не подлежали амнистии. Это вызвало усиление террора в отношении пенитенциарного персонала. С июня по ноябрь 1953 г. было убито 11 чел., в том числе 3 надзирателя, 5 вольнонаемных, 3 офицера; ранения получили 23 чел. [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194. Л. 174].

Все более массовыми и ожесточенными становились столкновения «мужиков» с бандитствующими уголовниками. 10 ноября 1953 г.

в лагункте 4-го отделения Печорского ИТЛ в ответ на попытку грабежа со стороны «отошедших» произошло массовое выступление заключенных из числа рабочего контингента. В результате было убито 24 (в том числе 21 «отошедший») и ранено 36 заключенных [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 576–579]. Аналогичные события произошли 28 ноября 1953 г. в Унжлаге, где было убито 22 и ранено 16 заключенных [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194. Л. 173].

В ходе этого противостояния росло самосознание «мужиков», и они, защищая свои права, стали оказывать давление на лагерный персонал. С начала 1950-х гг. возросло количество массовых выступлений, спровоцированных беззакониями и издевательствами персонала лагерей и колоний. Заключенные прибегали даже к такому нехарактерному для них методу сопротивления, как голодовка. Так, в феврале 1953 г. около 500 заключенных Воркутлага объявили голодовку в связи с издевательствами над ними работников ВОХР и надзорслужбы [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 892. Л. 128–134]. Летом 1953 г. в Красноярском ИТЛ имела место массовая голодовка из-за действий надзорсостава, поместивших в карцер без достаточных оснований больше 40 чел. [ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 196. Л. 131].

1954 г. для исправительно-трудовой системы начался с чрезвычайных происшествий: в январе 1954 г. в Вятлаге группа бандитов устроила акцию массового неповиновения и под угрозой холодного оружия заставила примкнуть к ней остальных заключенных. Захватив жилую зону, они устроили погром. В ходе подавления этого выступления было убито 26 и ранено 93 заключенных, из них в течение суток умерло 26 чел. 6 февраля 1954 г. в Бодайбинском ИТЛ произошло столкновение враждующих группировок, в ходе которого было убито 20 заключенных. 14 февраля в Норильском ИТЛ в результате противостояния было убито 8 заключенных [История сталинского ГУЛАГа, т. 6, с. 644, 599]. Однако к концу 1954 г. наступил перелом в конфликте.

Прежде всего это было связано с тем, что к концу этого года удалось почти полностью развести членов противоборствующих группировок по отдельным лагерям и колониям, что привело к уменьшению количества случаев бандитизма. Так, в 1948 г. в ИТЛ и ИТК, согласно официальным данным, число таких случаев составило 2300, в 1949 г. – 1834, 1950 г. – 1392, 1951 г. – 1470, 1952 г. – 1017, 1953 г. – 474, 1954 г. – 410, 1955 г. – 250 [ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 608. Л. 35].

Кроме того, улучшилась работа оперативного аппарата по выявлению активных членов преступных сообществ. На 1 июля 1954 г. доля «воров в законе» и их окружения составляла в общей массе заключенных 4,4 %, а отошедших – 1,1 % [Уголовно-исполнительная система, с. 138, 139]. Большая часть наиболее непримиримых лидеров группировок погибла или была изолирована на тюремном режиме.

В ходе конфликта менялся «воровской закон», его требования становились менее жесткими. Значительно улучшились питание и условия содержания в местах лишения свободы. А самое главное – у «отошед-

ших» закончился административный ресурс, а без поддержки лагерной администрации они быстро потеряли свои позиции в криминальной иерархии. Таким образом, накал конфликта удалось сбить, но проблема не была решена. Полностью прекратить криминальную войну не удалось, ее отдельные инциденты продолжались вплоть до конца 1950-х гг.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что гулаговская система в конце 1940-х – начале 1950-х гг. испытала беспрецедентное давление, вызванное комплексом причин, одной из них была криминальная война, которую она отчасти спровоцировала. В организационном, правовом, методическом отношении лагерная система оказалась неспособной дать эффективный ответ на разраставшийся конфликт, купировать его на начальной стадии.

Руководство лагерной системы попыталось решить проблему традиционным способом – эскалацией насилия. Однако в изменившейся социально-политической обстановке этот способ оказался неэффективным. Пенитенциарный персонал не был готов к проведению профилактической работы с членами преступных группировок, зачастую проявляя профессиональную беспомощность и трусость. Требования об изоляции основных участников противостояния нередко саботировались на местах, поскольку это нарушало сложившуюся систему управления исправительными учреждениями, когда «социально близкие» уголовники за получение режимных послаблений использовались как инструмент поддержания порядка в ИТУ, стимулирования трудовой активности заключенных. Лишившись привычного инструментария, часть руководителей утратила контроль за ситуацией.

Не удалось минимизировать воздействие криминальной субкультуры на заключенных, поскольку гулаговская система, называвшаяся исправительно-трудовой, по факту таковой никогда не являлась, она скорее была карательно-трудовой. Антигуманная практика ГУЛАГа не только не способствовала формированию правопослушного поведения, но и продуцировала культ насилия и произвола, позволяла распространять воровскую идеологию.

Бандитский террор привел к консолидации положительного контингента, а неспособность лагерной системы обеспечить условия содержания, исключая угрозу жизни и здоровью заключенных, вынудила положительный контингент решать проблему доступными ему средствами. В результате отпор уголовникам перерос в борьбу за свои права. Выступления положительного контингента – основной рабочей силы лагерей и колоний – для гулаговской системы были значительно опаснее, чем бандитские разборки: они грозили ее разрушением, дестабилизацией обстановки в стране. Именно поэтому неудивительно, что после смерти И. В. Сталина институциональные изменения в государстве начались в пенитенциарной системе – опорной конструкции сталинской модели государственного устройства. С 1956 г. система исполнения наказаний официально перестала быть лагерной.

Список литературы

ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1489, 1500, 1503, 1505, 1506; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326, 334, 416, 603, 608, 2532, 2551, 2563, 2565; Оп. 3. Д. 112; Оп. 4. Д. 202; Ф. 9492. Оп. 5. Д. 194, 196.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей : 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : Материк : Междунар. фонд «Демократия», 2002. 885 с.

История сталинского ГУЛАГа : Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 3. Экономика ГУЛАГА. 623 с. Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. 621 с. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. 734 с.

Козлов В. А. Неизвестный СССР : Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М. : ОЛМА-Пресс, 2006. 446 с.

Монахов В. И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М. : Изд-во Политотдела Гос. упр. исправит.-труд. колониями МВД СССР, 1957. 79 с.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 280; Ф. 82. Оп. 2. Д. 892.

Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. М. : Новости, 2004. 288 с.

References

Chaika, Yu. Ya. (Ed.). (2004). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema, 125 let* [The Penal System, 125th Anniversary]. Moscow, Novosti. 288 p.

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 9407. List 1. Dos. 1489, 1500, 1503, 1505, 1506; Stock 9414. List 1. Dos. 326, 334, 416, 603, 608, 2532, 2551, 2563, 2565; List 3. Dos. 112; List 4. Dos. 202; Stock 9492. List 5. Dos. 194, 196.

Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov v 7 t. [The History of the Stalinist Gulag. Late 1920s – First Half of the 1950s. Collection of Documents. 7 Vols.]. (2004). Moscow, ROSSPEN. Vol. 3. Ekonomika GULAGA. 623 p. Vol. 4. Naselenie GULAGA: chislennost' i usloviya sodержaniya. 621 p. Vol. 6. Vosstaniya, bunty i zabastovki zaklyuchennykh. 734 p.

Kozlov, V. A. (2006). *Neizvestnyi SSSR. Protivostoyaniye naroda i vlasti 1953–1985 gg.* [The Unknown USSR. The Confrontation between the People and the Authorities 1953–1985]. Moscow, OLMA-Press. 446 p.

Monakhov, V. I. (1957). *Gruppirovki vorov-retsdivistov i nekotorye voprosy bor'by s nimi* [Groupings of Recidivist Thieves and Some Issues of Dealing with Them]. Moscow, Izdatel'stvo Politotдела Gosudarstvennogo upravleniya ispravitel'no-trudovymi koloniyami Ministerstva vnutrennikh del SSSR. 79 p.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 136. Dos. 280; Stock 82. List 2. Dos. 892.

Yakovlev, A. N., Kokurin, A. I., Petrov, N. V. (Eds.). (2002). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960* [The Gulag: the Main Administration of Camps. 1918–1960]. Moscow, Materik, Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”. 885 p.

The article was submitted on 25.05.2021

Origines

Origines

***Certain Observaunt Touching the City and the Empire
of Muscovia: неизвестное англоязычное описание России
и проблема авторства****

Олег Русаковский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

***Certain Observaunt Touching the City and the Empire
of Muscovia: An Unknown English Description of Russia
and Its Author*****

Oleg Rusakovsky

HSE University,
Moscow, Russia

This article publishes and analyses *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia* (ca. 1634), a previously unknown anonymous English description of Russia, and two letters from the National Archives, London, related to it. The *Observaunt* includes eight paragraphs dedicated to printing and education in Russia, the activities of Greek monks in Moscow, the country's geography, the organisation of the Ambassadorial Chancery, foreigners' re-baptising into the Orthodox faith, and Europeans' trade and church activities. The anonymous author of the text appears to have been an intellectual concerned with the preservation and dissemination of bookish learning and a critic of the low morals of the inhabitants of the city's foreign quarters. Along with the *Observaunt*, two letters are held in the same archival file. These were sent by a George Reade, an Englishman, to his brother Robert from Moscow in June 1634. Reade informs

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075–15–2020–928). Приношу искреннюю благодарность Т. А. Опариной, С. П. Орленко и В. А. Тауберу за их ценные замечания и советы.

** Citation: Rusakovsky, O. (2022). *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia: An Unknown English Description of Russia and Its Author*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 255–272. DOI 10.15826/qr.2022.1.670.

Цитирование: Rusakovsky O. *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia: An Unknown English Description of Russia and Its Author* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 255–272. DOI 10.15826/qr.2022.1.670 / Русаковский О. *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia: неизвестное англоязычное описание России и проблема авторства* // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 255–272. DOI 10.15826/qr.2022.1.670.

his correspondent about his life in Moscow and his unsuccessful attempts to import pearls into Russia: he briefly mentions the Smolensk War, which ended in 1634, and a great fire in Moscow the same year. Using the findings of Russian and international scholars, the article identifies most of the foreigners mentioned by Reade, both Englishmen and Germans. Based on Reade's letters and studies of British and American historians, the author reconstructs Reade's biography. In conclusion, the article discusses the hypothesis about Reade's authorship of the *Observaunt*. The article contains the original English text of the *Observaunt* and Reade's letters with a Russian translation.

Keywords: foreign descriptions of Russia, George Reade, Muscovy Company, German Quarter, Smolensk War, English colonies in North America

Статья содержит публикацию и анализ неизвестного ранее анонимного описания России на английском языке – *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia*, созданного около 1634 г. – и двух связанных с ним писем, хранящихся в Национальном архиве в Лондоне. *Observaunt* состоит из восьми пунктов и затрагивает состояние книгопечатания и образования в России, приезд в Москву греческих монахов, географию России, деятельность Посольского приказа, переход живущих в России иноземцев в православие, их торговые и церковные дела. Неизвестный автор этого текста предстает интеллектуалом, заинтересованным в сохранении и распространении книжной учености, и критиком нравов жителей иноземных слобод. В одном архивном хранении с представленным документом находятся два письма, отправленных из Москвы англичанином Джорджем Ридом своему брату Роберту в июне 1634 г. В них Рид сообщал некоторые подробности о своей жизни в Москве и о своем неудавшемся предприятии по импорту драгоценностей в Россию, а также коротко упоминал Смоленскую войну, закончившуюся в 1634 г., и большой пожар в Москве в апреле того же года. В статье на основе работ российских и зарубежных исследователей идентифицированы большинство иноземцев, немцев и англичан, упомянутых Ридом в его письмах. На основе писем, а также исследований британских и американских историков реконструирована биография Рида. Приводятся аргументы за и против того, что *Observaunt* могло принадлежать перу Рида или автора, каким-либо образом связанного с ним. В приложении к статье представлены тексты *Observaunt* и писем Рида на английском языке с русским переводом.

Ключевые слова: иностранные описания России, Джордж Рид, Московская компания, Немецкая слобода, Смоленская война, английские колонии в Северной Америке

Известия иноземцев о России допетровского времени неизменно вызывают интерес у историков, а архивные исследования последних лет регулярно открывают неизвестные или неизученные памятники такого рода [см. библиографию: Рое, 2008; Малыгин].

В настоящей статье вниманию читателей предлагаются исследование и публикация небольшого англоязычного текста, озаглавленного *Certain Observaunt Touching the City and the Empire of Muscovia* и датированного временем около 1634 г. Единственный известный список этого текста отложился среди государственных бумаг (State Papers) в Национальном архиве в Лондоне [TNA. SP 46/127. Fo. 279]. В отличие от многих других документов, касающихся переписки между русскими и английскими монархами и пребывания англичан в России, *Observaunt* не было при архивной разборке включено в раздел, посвященный истории России, а оказалось в «смеси» (*Miscellaneous Letters and Papers*) и, видимо, по этой причине не привлекло внимания исследователей. Вместе с *Observaunt* публикуются два кратких письма некоего Джорджа Рида (George Reade) его брату Роберту из Москвы в Лондон, датированных концом июня 1634 г. [TNA. SP 46/127. Fo. 278, 280]. Они соседствуют с *Observaunt* в архивном хранении. Вероятно, Рид имел отношение к возникновению интересующего нас текста, хотя его авторство не может быть однозначно доказано. Наконец, эти письма представляют интерес не только как любопытное свидетельство о военных и торговых делах англичан в России в конце Смоленской войны, но и как материал для биографии самого Рида, которому суждено было позднее сыграть значительную роль в истории совсем иного региона – английских колоний в Новом Свете.

Observaunt представляет собой краткий (около полутора рукописных страниц *in folio* на лицевой стороне листа и на его обороте) рукописный текст, разделенный на восемь нумерованных абзацев. Большая часть текста написана одной рукой, по всей видимости, профессиональным писцом XVII в. Единственное исключение составляет приписка *as I can instance by name*, сделанная в конце заключительного восьмого пункта другой рукой и более светлыми чернилами. Она относится к сообщению о развратном поведении живущих в Москве англичан и шотландцев, которых автор считает возможным при необходимости перечислить поименно. Имя автора в тексте не названо. Вероятно, речь идет о современном автографу списке, а приписка могла быть сделана рукой автора.

Observaunt в большей степени характеризует своего автора, нежели сообщает уникальные сведения. Тематическая выборка, положенная в основу этого текста, весьма примечательна. Автор первым делом сообщает о книгопечатании в России, отмечая его исключительно церковный характер, а также констатирует необразованность русской элиты равно в светских науках и в теологии и незнание русскими языков, кроме своего собственного. Вместе с тем он отмечает постоянное присутствие в Москве греческих монахов (очевидно преувеличивая, впрочем, их реальное число) и сожалеет о том, что греческие книги и рукописи, которыми они владеют, не могут сослужить службу образованным европейцам. Возможно, автор смешивает собственно

греческие и кириллические книги, что может указывать на пробелы в его знаниях о России и ее языке.

Лишь после экскурсов в область книжной учености автор переходит к более насущным вопросам. Он касается проблемы перехода иноземцев, находившихся на царской службе, в православную веру и кратко описывает известный обряд отказа от прежней конфессии, который они должны были при этом совершить [об этом обряде см., например: Опарина, 2007, с. 39–40; Цветаев, с. 344–355]. Затем следует очень общая и неполная характеристика географического положения и границ русского государства. Основное внимание автор уделяет северному пути в Россию, что естественно для англичанина, а также положению на Каспийском море и торговому пути в Персию. Ни словом не упоминается закончившаяся в 1634 г. Смоленская война с Речью Посполитой. Внешнюю политику автор сообщения затрагивает вообще лишь в контексте запрета русской знати выезжать за границу кроме как с дипломатической миссией по поручению царя или канцлера (*Chancellor*), то есть, по всей видимости, главы Посольского приказа. Вполне естественно, что из всех государственных органов Русского государства упоминается лишь Посольский приказ, с которым так или иначе имело дело большинство европейцев, посещавших Москву.

Наконец, *Observaunt* сообщает и некоторые сведения о жизни иноземцев в Москве. Автор гневно обрушивается на живущих в городе англичан и шотландцев за то, что они предаются всевозможным порокам, позоря «нашу» нацию и религию, однако его собственные конфессиональные предпочтения определить едва ли возможно. Он отмечает, что англичане пользуются многочисленными торговыми привилегиями, но, в отличие от голландцев, не имеют собственной церкви и кладбища и вынуждены хоронить своих покойников в месте, называемом *Bulvan*, в самых простых гробах. Довольно точно переданный фонетически топоним «Болван» в сочетании с упоминанием о расположении к востоку от Москвы, вероятно, указывает на местность Болвановка в Заяузье в районе нынешней Таганской площади, где действительно в последней четверти XVI – первой половине XVII в. существовала слобода, населенная выходцами из Западной Европы, с кладбищем [Беляев, Векслер, с. 127; Шокарев, с. 146; Дрбоглав, с. 9, 27].

Все сведения, которые анонимный автор *Observaunt* сообщает о России, достаточно хорошо известны из других источников и в большинстве своем не представляли тайны для интересующихся предметом английских современников. Показательны, однако, структура текста и расставленные в нем акценты. Автор представляется прежде всего человеком книжной культуры, для которого классические языки и гуманистическая ученость играли, очевидно, не последнюю роль. Упреки русским в невежестве, незнании иностранных языков и подозрительном отношении к иноземцам были общим местом в европейских, в том числе английских сочинениях о России XVI–XVII вв. С другой стороны, наш автор с некоторой завистью обращает внимание на сокровища

греческой книжности, якобы доступные в Москве, при этом, вероятно, значительно преувеличивая их масштабы.

Автор *Observaunt* совершенно умалчивает о военных и почти не касается государственных дел. Традиционные для россики раннего Нового времени рассуждения о тираническом образе правления московского царя и рабском состоянии его подданных [см., например: Рое, 2000] занимают в тексте мало места. Даже смена веры иноземцами, находившимися на русской службе, приписывается прежде всего корыстным побуждениям самих европейцев, а не давлению московского правительства, которое часто использовало материальные стимулы, чтобы склонить иноземцев к переходу в православие. Вместе с тем, выступая обличителем пороков своих соотечественников, автор не сообщает ничего, что могло бы выдать его собственную позицию в религиозных спорах эпохи – или полагая, что она хорошо известна предполагаемым читателям его сообщения, или же намеренно отказываясь от деклараций такого рода.

Как уже упоминалось, на соседних с *Observaunt* листах в существующем архивном деле помещаются два коротких (в одну рукописную страницу *in folio* каждое) письма Джорджа Рида своему брату Роберту, отправленные из Москвы в Лондон соответственно 27 и 29 июня 1634 г. Почерк, которым они написаны, очевидно отличается как от основного почерка *Observaunt*, так и от приписки в его последней строке. Можно допустить, что речь идет об автографе Рида, хотя материал для сравнения почерков недоступен. Текст на обороте обоих листов отсутствует, причем автор письма от 27 июня стремился уместить его на одной стороне и был вынужден записать его окончание в левом поле. Оба листа были согнуты втрое по ширине, в одном случае вчетверо, в другом – впятеро по длине. Можно предполагать, что их продолжительное время держали в конвертах, которые сегодня утрачены.

Биография Джорджа Рида (1608 (1610)–1671), восстановленная прежде всего усилиями американских генеалогов и краеведов начала прошлого века, одновременно и весьма неординарна, и в чем-то типична для той бурной эпохи [см.: Encyclopedia, vol. 2, p. 123–124; Crozier, p. 95; Reade Family, p. 117–119]. Также существенный материал предоставляют онлайн-ресурсы [см.: Ancestry; Find a Grave; WikiTree]. Джордж Рид родился в поместье Линкенхолт в Гемпшире в 1608 или, что несколько более вероятно, в 1610 г. Его отец, джентльмен Роберт Рид (1567–1626), происходил из боковой ветви старинного, хотя и небогатого рода, восходящего к одному из баронов, подписавших в 1216 г. Великую хартию вольностей, а мать Милдред, урожденная Уиндебэнк (ок. 1580 – между 1630 и 1634), приходилась родной сестрой сэру Фрэнсису Уиндебэнку (1582–1646), государственному секретарю в 1632–1641 гг. [о нем см.: Pollard]. Брат Джорджа Роберт (ум. после 1669), адресат интересующих нас писем, в 1630-х – начале 1640-х гг. был личным секретарем Уиндебэнка. Сведения о том, посещал ли Джордж Рид какие-либо учебные заведения, не сохранились,

и мы можем осторожно предполагать, что его образование было домашним, хотя один из его братьев, Томас (1606–1669), получил докторскую степень в Оксфорде и оставался при университете до начала гражданской войны в качестве провоста одного из колледжей. Также нет никаких свидетельств в пользу того, что Джордж до своего отправления в Россию в 1632/33 гг. успел поступить на государственную или военную службу. Все это вкупе с данными писем и деталями дальнейшей биографии рисует нам вероятный портрет молодого искателя приключений из хорошей семьи, ничем не проявившего себя на родине, но рассчитывавшего за счет семейных и личных связей преуспеть на торговом или военном поприще на чужбине или в колониях.

О последовавшем затем русском эпизоде жизни Рида, не замеченном его биографами, известно исключительно из двух публикуемых писем. Они позволяют восстановить канву событий (во всяком случае, в том виде, в котором Рид хотел представить ее своим родственникам), но почти не содержат точных хронологических привязок. Мы можем быть уверены, что их автор был в Москве в конце июня 1634 г., которым датированы оба сохранившихся письма. Кроме того, Рид, по его собственным словам, как минимум дважды посылал письма из России, не дошедшие до нас, равно как, видимо, и до адресатов, – сразу по своем прибытии из Архангельска брату Роберту, а затем из Москвы сэру Фрэнсису Уиндебэнку. Рид воспользовался как минимум тремя различными навигациями для отправления и получения писем, и поскольку, по его собственным словам, корабли из Архангельска в Англию отправлялись не чаще двух раз в год, он должен был провести вдали от родины не менее года и прибыть в Россию, вероятнее всего, весной или летом 1633 г.

Эти хронологические расчеты, а также признание самого Рида, что он *from England to Muscovia... ledd the life of a souldier*, свидетельствуют, вероятно, о его желании принять участие в Смоленской войне, которую Россия в это время вела с Речью Посполитой. Действительно, в 1631–1632 гг. в Европе шотландским полковником Александром Лесли и его эмиссарами были набраны для царской службы четыре наемных полка, в том числе английский полк под командованием Томаса Сандерсона [Шташевский, с. 66–108; Поршневу, с. 242–245; Опарина, 2006, 144–146; Dukes]. Вербовка солдат и офицеров завершилась в Англии летом 1632 г. Осенью 1632 г. англичане добрались до Архангельска и Москвы, а затем в феврале 1633 г. отправились под Смоленск, где уже находилась русская осадная армия под командованием боярина Михаила Борисовича Шеина. Отдельные офицеры и небольшие группы солдат продолжали прибывать в Россию и после этого, большей частью через Новгород [см.: Селин], но большинство из них не присоединились к наемным полкам, а были определены командирами и инструкторами в набиравшиеся тогда же русские полки нового строя [см.: Малов]. Отсутствие упоминаний Рида в росписях полка Сандерсона [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 63. Л. 112–196] и иных документах Иноземского и Раз-

рядного приказов заставляет предположить, что на войну он опоздал или сам принял решение не поступать на русскую службу, поскольку осада Смоленска уже двигалась к бесславному для русской армии концу. В своих письмах Рид упоминает о войне лишь в самых общих словах. Как очевидец он пишет лишь о московском пожаре 25 апреля 1634 г., значительные разрушения вследствие которого отмечали и другие иностранные авторы, в том числе Адам Олеарий [Олеарий, с. 45–46; см. также: Русско-шведские экономические отношения, с. 98–99].

Ничто не указывает и на то, что Рид обладал полномочиями торгового агента и преуспел на коммерческом поприще. Лишь оказавшись в Москве, он начал излагать в письмах к брату планы по закупке в Англии драгоценностей для перепродажи в России с многократной прибылью. Рид советовал брату, а через него и Уиндебэнку заинтересовать этим предприятием королевского вышивальщика Эдмунда Харрисона (1590–1667) [о нем см.: Wardle]. Действительно, жемчуг и драгоценные камни, основным покупателем которых выступал царский двор, составляли в конце XVI – начале XVII в. одну из основных статей импорта в Россию европейских товаров, в том числе ввозившихся английской Московской компанией [Arel, p. 83, 89, 112; Kotilaine p. 272; Флоря, с. 146]. Едва ли, однако, у Рида, даже если учесть отнюдь не гарантированную протекцию Уиндебэнка, были бы серьезные шансы преуспеть на этом рынке, незнакомом ему и, вероятно, уже освоенном английскими купцами. Кроме того, как ясно из дальнейшего, пребывание Рида в России оказалось слишком кратковременным, чтобы рассчитывать на успех подобного предприятия.

Связи с родными Рид пытался поддерживать при помощи купцов и торговых агентов, курсировавших между Москвой и Лондоном. Первое из его писем брату Роберту, по всей видимости, не дошедшее до адресата и потерянное для нас, было отправлено через Филиппа Колли (Colly), члена компании, который вел дела в Москве с 1620-х гг. [о нем, см.: Arel, p. 134, 138, 178; Appleby, p. 36]. Уже из Москвы Рид отослал письмо Фрэнсису Уиндебэнку при посредничестве Джона Роули (Rowley), английского купца, который с 1629 г. торговал с Россией через Нарву, получив для этого привилегию от шведской короны [о нем см.: Kotilaine, p. 153; Troebst, S. 149; Шаскольский, с. 142–146]. Два последних письма, которые, видимо, и дошли до нас, в Англию доставили не названный по имени купец и некие «агенты Кук» (Cook). Под этим последним именем имеются в виду, вероятно, Кристофер и Роберт Кокс (Cocks или Cox), представители компании в России в 1620–1630-х гг. [о них см.: Arel, p. 48, 55, 100; Kotilaine, p. 101, 108; Phipps, p. 198; Lubimenko, p. 7]. Все это свидетельствует об определенных связях, которые Рид сумел за свое недолгое пребывание в России завязать среди англичан, временно или постоянно проживавших в Москве, хотя, возможно, эти связи и не были столь прочными, как хотелось бы самому Риду.

В этой связи определенную загадку представляет упоминание некоего «мистера Дака» или «Дука» (Duck), который, по словам Рида, сыграл важную роль в его жизни, отговорив его от дальнейшей военной карьеры. В письмах этот человек назван «царским вышивальщиком» (*Emperours embroderer*). Известно, однако, что вышиванием при царском, а точнее, при царицыном дворе традиционно были заняты преимущественно женщины, русские по происхождению [Perrie]. Среди иноземных мастеров финифтяного дела и ювелиров, работавших в Москве в первой половине XVII в. и занимавшихся в том числе нашивками металлических элементов на изделия из ткани, похожее имя также обнаружить не удалось [Забелин, с. 10–11]. Вероятно, Рид мог иметь в виду кого-либо из иноземных купцов, связанных с поставками тканей или драгоценных камней для нужд царского двора. Подходящими кандидатами на эту роль, учитывая сходство в написании фамилии, кажутся представители семьи фон Дюкер – потомки ливонских немцев, взятых в плен и вывезенных в Россию Иваном IV, но впоследствии разбогатевших и вошедших в круг московских торговых иноземцев [Опарина, 2007, с. 35–36; Опарина, 2009, с. 290–291]. Вероятно, речь может идти об Андрее Ульянове сыне Дюкере (Heinrich von Dücker, также Дюкерев, Дикир или Дикирев) или о его сыне Иване. Тот факт, что Дюкеры поддерживали тесные и весьма дружественные контакты не только в немецкоязычной лютеранской среде, но и среди англичан, подтверждается замужеством Анны, дочери Андрея Дюкера, с англичанином Джоном (Иваном) Барнсли, выехавшим в Россию в 1610-х гг.

Потерпев неудачу в России, Рид вскоре решил попытаться счастья по другую сторону Атлантики. В этом ему помогли связи его брата Роберта и, по всей видимости, покровительство дяди Фрэнсиса Уиндебэнка. Судя по письмам, полученным Робертом Ридом от губернатора колонии Виргиния сэра Джона Харви и секретаря Ричарда Кемпа, уже в декабре 1636 г. Джордж Рид должен был возглавлять небольшой отряд, отправленный для основания новой плантации и ее защиты от индейцев. Рид пользовался расположением губернатора Харви, прожив некоторое время в его доме, а в августе 1640 г. получил от короля разрешение замещать в должности секретаря колонии Кемпа, отбывшего в Англию. Некоторое время он даже исполнял обязанности губернатора после того, как Харви рассорился с колонистами и был отстранен от должности. В 1641 г. Рид укрепил свое положение выгодной женитьбой на Элизабет (ок. 1625 – ок. 1687), дочери выходца из Ла-Рошели инженера Николая Марсьо (1591–1657).

Вскоре, однако, взлет Рида был остановлен грозными политическими переменами в метрополии. В декабре 1640 г. парламент попытался привлечь Фрэнсиса Уиндебэнка, которого и прежде небезосновательно обвиняли в прокатолической позиции, к ответственности за то, что тот ходатайствовал о прощении для упорствующих в неприятии англиканской церкви католиков-рекузантов. Уиндебэнк был вынужден оставить пост государственного секретаря и с дозволения короля бежать

в Париж, где и скончался в 1646 г., перед смертью открыто обратившись в католицизм. Роберт Рид последовал в изгнание за своим дядей и покровителем в 1641 г. Несколько лет спустя к нему присоединился и Томас Рид, который сражался на полях гражданской войны в рядах роялистов, а во Франции перешел в католичество и даже стал священником, опубликовав в последние годы жизни полемические сочинения по политическим и религиозным вопросам. Вернуться в Англию обоим братьям, по всей видимости, удалось лишь после Реставрации 1660 г.

Лишившись покровителей, Джордж Рид сумел, тем не менее, укрепить свое положение в виргинской элите, причем, видимо, уже за счет приобретенного в Новом Свете политического и военного опыта. С 1649 г. он регулярно избирался в представительные органы Виргинии, а в 1652 г., обосновавшись в Йорктауне, впервые занял пост судьи в графстве Йорк. С 1658 г. Рид уже в чине полковника заседал в совете при губернаторе колонии, сохранив это место вплоть до своей смерти, последовавшей, по всей вероятности, в октябре 1671 г. Могилы Джорджа Рида и его жены Элизабет были обнаружены при строительных работах в Йорктауне в 1931 г. и вновь открыты на местном кладбище. Семья Рида продолжала играть заметную роль в политической жизни колонии XVII–XVIII вв. Самый знаменитый уроженец Виргинии, первый президент Соединенных Штатов Америки Джордж Вашингтон, приходился Риду праправнуком по женской линии.

Можем ли мы с уверенностью считать Джорджа Рида автором *Observaunt*, или же он лишь сыграл не до конца понятную роль в доведении этого текста до сведения Уиндебэнка, как осторожно предполагают авторы описи Национального архива [The National Archives]? Можно привести некоторые, хотя и преимущественно косвенные аргументы за авторство Рида. Как и Рид, составитель *Observaunt* пробыв в России весьма недолгое время и почти наверняка не владел русским языком. *Observaunt* не обнаруживает большой заботы о нуждах Московской компании – напротив, его автор весьма критичен по отношению к проживающим в Москве англичанам. Подобную же двойственность мы можем подразумевать в поведении и симпатиях Рида. Во время своих приключений в Москве он искал поддержки не только у агентов компании, но и у действовавшего со шведской привилегией Джона Роули и – если наши предположения верны – немцев Дюкеров.

С другой стороны, существуют веские основания, не позволяющие считать самого Джорджа Рида непосредственным автором интересующего нас документа. Ничто в биографии Рида, особенно в годы его юности, не указывает на него как на книжного человека, первым предметом внимания которого могли бы стать русские печатные молитвенники и греческие рукописи. Из собственного признания Рида мы знаем, что он «вел жизнь солдата», но предлагаемый текст не обнаруживает интереса его автора ни к войне, ни к политике. Даже торговля, в занятии которой Рид также пытался преуспеть, по всей видимости, безуспешно, достаивается в *Observaunt* лишь краткого упоминания о привилегиях,

полученных английскими купцами. Страстные обличения образа жизни английских и шотландских обитателей иноземских слобод едва ли вяжутся с тем образом неудачливого солдата и почти авантюриста, который возникает при чтении писем Рида. Против возможного авторства Рида косвенно говорит и лингвистический аргумент. Рид, очевидно, использовал слово *Muscovia* только как название города Москвы, в то время как в тексте *Observaunt* русская столица названа *Musko*. Саму же страну автор *Observaunt* именовал *Russia*, в то время как Рид использовал германизм – *Russland*. Наконец, в сохранившихся письмах Рид упомянул послания, отправленные им в Англию прежде и, по всей видимости, утраченные, но ни словом не обмолвился об *Observaunt* или о желании составить для своих корреспондентов подобный отчет.

Таким образом, вопрос об авторстве *Observaunt* не поддается однозначному решению. Возможно, подлинным его создателем был некий английский знакомый Рида, решивший использовать его как посредника и донести таким образом свое сообщение до сэра Фрэнсиса Уиндебэнка. Нельзя исключать и того, что анонимный автор обработал сведения, полученные от Рида, уделив особое внимание культурной ситуации в России и нравам живущих там соотечественников. Остается надеяться, что дальнейшие исследования помогут точнее проследить связи Рида в Москве и выявить таким образом круг лиц, которые могли быть причастны к появлению *Observaunt*.

Observaunt и два письма Джорджа Рида воспроизводятся в соответствии с принципами, принятыми для публикации английских рукописных текстов раннего Нового времени [см., например: Stevens, Burg, p. 88–89]. Орфография подлинника в целом сохранена, за исключением некоторых частных случаев. Различия между *u* и *v*, а также *i* и *j* регуляризированы в соответствии с современной орфографией; *vv* воспроизводится как *w*. Лигатура *ß* раскрывается как *ss*, *ff* в начале слов как *F*. Сокращение *p* раскрывается в соответствии со смыслом как *pa-*, *pro*, *per-* и т. д. Знак *&* воспроизводится в соответствии с подлинником, лигатура *&* в сокращении *etc.* раскрывается согласно современному употреблению. Знак *£* воспроизводится в соответствии с подлинником. Назальные согласные под знаком пропуска (прямой чертой) удваиваются без пояснений. Выносные буквы воспроизводятся в строке без пояснений за исключением окончаний порядковых числительных, написание которых следует современной орфографии. Сокращения *Mr.* (*Mister*) и *Sr.* (*Sir*) воспроизводятся без пояснений, смысл иных сокращений раскрывается в квадратных скобках. Написание строчных и прописных букв по возможности следует подлиннику, если же их уверенное различение затруднено, применяются современные правила. В начале имен собственных и первых слов в предложениях везде используются прописные буквы. Пунктуация подлинника по возможности сохранена с добавлением точек там, где это необходимо в конце абзацев или параграфов. Разделение текста на абзацы следует подлиннику. Зачеркнутые фрагменты, если их возможно прочесть, воспроизводятся с пометами об этом в квадратных скобках.

Certain Observaunt Touching the Citie, & Empire of Muskovia

(279r) Certain observaunt touching the Citie, & Empire of Muskovia.

1. No bookes printed throughout the whole dominion of Russia, except the Bible, Psalter, Lives of their Saintes and Emperours.

2. No Language spoken or understood by the inhabitants of that Countre but one vid [videlicet] the Slavonic, neither have they any schooles of Learning, unless it be to write or read or the use or exercise of any Liberrall Science wherby it commeth to passe that not onlie their Clergie, & their Patriarch Archebisho bishops, Metropolitns etc. but also their princes & nobles ar in matters theologicall, & devine services ridiculousslie ignorant & superstitious.

3. Ther ar above 1000 old Greekes in & about the Citie of Musko who have in their houses & Custodie many old greek bookes & manuscripts which might be more usefull in these parts of Europe and obtained for a small value.

4. The English having Libertie of Conscience to use what relligion they like best. Many of them, for hope of the Emperours favour and better means have forsaken their owne religion, & ar by the Emperour & Patriarchs order rebaptised & in comtempt & descance of their first baptisme spitt over their left shoulder with many wordes of contempt & exacration.

5. The Emperour of Russia hath much good lande & ground not inhabited as much as I conceive as all England Scotland & Ireland and that not onelie in the north & norwest parth neare the Ocean & toward Norway & Lhapland, & Nova Zemle & upon the River of Dvina etc., but also 2 or 3000 myles further toward the east & southeast, upon the River of Volga toward Nisne & Astracan, upon & neare the borders of Tartaria, & neare the Mare Caspium [слово с предложом или союзом впереди вымарано] toward Persia.

(279v) 6. Although the English merts [merchants] have by the Enperours favour manie immunities & priveledges in point of trade & commerce even above the natives, yet doth not his Matie [Majesty] permitt them to have a Church which he hath latelie granted to the Hollandes, nor have they any Churchyard nor place to burie their dead have a vast open field a myle at the east from the citie, which they dishamfullie call the Bulvan or a blockish defiled ground, wherby it commeth to pass that often times our dead ar taken rep [repeatedly?] for their Coffins & rinding sheets & exposed to the open air.

7. They suffer none of their Nobilitie or gentrie to depart their owne Countree into any other, nor to have any intelligence with any stranger or forreiner unless the Emperour or Channceller be acquainted with it [зачеркнуто: which] and give way which is never but in case of Message or Embassage.

8. In the Congregatie of English & Scots [зачеркнуто: thew] ther is no discipline settled ther for reffering of mens [?] Lives & manners, wherby it commeth, that some of the English & Scots Live most licentiouslie, in drunckenes & [зачеркнуто: unclean] adultere fornication & all sort of uncleanness without contreulement to the great discredit of our Nation & Scandall of our religion as I can instance by name.

Джордж Рид – Роберту Риду, Москва, 27 июня 1634 г.

Kinde brother Robert

in these my lines I doe represent my best love unto you. Having obteyned an opportunity I could not omitt it but migt wright unto you. I sent a letter to you from the Arcangell att my first cominge into the country, & find that I sent a letter from Muscovia to my uncle Windebanke by one Mr. John Rowly, a mercator, nether of wich I have received answeere. There is passage twice a yeare out of England into Russland & cheafly to Muscovia for it is the greatest city in Russland. In the last letter that I wrott to my uncle Windebank I desired him to sent mee forty pounds worth of purl by the next shipping, & with it I wrought that Mr. Harrison the Kings Embroderer would help him in it or any man that he shall please to employ in it. If it bee not bought allready good brother put him in mind of it that by the next shippinge for Musco I may receive it. The purl I would have of all sorts & a matter of 20 ounces of oes [ounces] of 2 & 3 size oes & som 4th size for it is very deare in this country & there is none to bee had but what the merchants beinge out of England which they hold att 16s an oz [ounce]. Heere is noe good newes stirringe but a great spalie of bloud spilt. The Emperour warrs agt [against] the kinge of Poland & the Emperour hath none to win the towne of Smolensca or other Loose his crowne with towne the kinge of Poland hath heretofore detayned from the Emperour. This towne of Muscovia is very subyet to fire in regard it is built all with wood, & this sommer in a moneth heere I thinke the one half of the citty is burnt, & I thinke I may swears truly it is not 30000 houses that hath excused it. You brother remember my Duty to my uncle and my Aunt Windebanke & to all my Cosins, to my uncle Gerry and his wife & to my Cosin Mathew & to his wife & to all the rest of my friends in generalle, my Cosin Francis Read not forgotten, & good brother when you doe wright doe not forgett to send mee word whether you heere from by brother Frank or not. Soe ceasinge any more to trouble you, I committ you to protection of the Allmighty & rest Your dear lovinge brother

George Reade.

From Moscovia, 27th June 1634.

TNA. SP 46/127. Fo. 278r.

Джордж Рид – Роберту Риду, Москва, 29 июня 1634 г.

Kinde Brother

my true love remembred unto you. I sent you one letter by one Mr. Phillipe Colly wherin I desired you to send you mee 40 £ worth of purl & oes [ounces] of all sorts & I make noe Doubt but Mr. Harrison, the Kings Embrotherer would help you in it,

for stuff is very deere in this Country. I sent you a letter when I was att the Archangell by the Carpenter of our shipp wich I hope you have received & I sent my Uncle Sr. Francis Windebank another letter by one Mr. Rowley a merchant comminge this busines wich I hope hee hath received, & now by this shippinge I have sent you two letters the one by a Merchant & the other by the Agents Cook. If one fail I hope the other will not. In the letter that I writ to my uncle I told him that from England to Muscovia I ledd the life of a souldier and att Muscovia I mett with one of my acquaintance one Mr. Duck who is the Emperours Embroderer and hee hath gett me of from beinge any longer a souldat. Thus with my love to you & to all the rest of our friends desiringe you not to faile me of this courtesie for I am in election myself to bee the Emperours embroderer, & I know it will be much for my good. I rest

Your lovinge Brother George Reade.
From Muscovia, 29th June 1634.

TNA. SP 46/127. Fo. 281r.

Перевод

Верное наблюдение, касающееся города и империи Московия

1. Во всем Русском государстве не печатают книг, исключая Библию, Псалтырь, жития их святых и императоров.

2. Жители этой страны не говорят и не понимают никакого языка, кроме лишь славянского. Они также не имеют никаких школ для учения, не считая предназначенных для письма и чтения, и никакого употребления или использования свободных наук. Вследствие этого не только их духовенство, их патриарх, архиепископ, епископы, митрополиты и т. д., но и их князья и дворяне до нелепости несведущи и суеверны в том, что касается богословия и Божественных служб.

3. В городе Москве и в округе проживают более тысячи греческих старцев. В своих домах они хранят много старинных греческих книг и рукописей, которые могли бы быть полезнее в этих частях Европы, будучи куплены за небольшую цену.

4. Англичане пользуются свободой совести в исповедании той религии, которую предпочитают. Многие из них, надеясь на императорскую милость и выгоду, оставили собственную веру, будучи перекрещены по приказу императора и патриарха, и в знак презрения и отречения от своего первого крещения плюют через левое плечо со многими презрительными словами и проклятьями.

5. Русский император обладает многими незаселенными добрыми землями и угодьями величиной, как я полагаю, со всю Англию, Шотландию и Ирландию. [Они располагаются] не только на севере и северо-западе в частях, примыкающих к океану и обращенных к Норвегии, Лапландии и Новой Земле, и на берегах реки Двины и т. д., но и на две или три тысячи миль к югу и юго-востоку, по берегам реки Волги до Нижнего и Астрахани, на границе с Татарией, и вблизи нее, и близ Каспийского моря в направлении Персии.

6. Хотя английские купцы даже в сравнении с местными пользуются по милости императора многими преимуществами и привилегиями в отношении торговли и коммерции, его величество, тем не менее, не позволяет им иметь церковь, каковое право он недавно даровал голландцам. У них (англичан. – *O. P.*) также нет ни кладбища, ни места для погребения своих покойников. Они пользуются лишь открытым пустым полем в миле к востоку от города, которое они презрительно называют Болван, или негодной оскверненной землей, так что наших покойников часто вынимают из их гробов и погребальных пелен, выставляя под открытым небом.

7. Они не дозволяют никому из своей знати или дворянства ни выезжать из их собственной страны куда-либо, ни водить знакомство с каким-либо иноземцем или чужаком без ведома и позволения императора или канцлера, то есть никогда, кроме как для посольства или почты.

8. В английской и шотландской общине нет послушания, устроенного для исправления человеческой жизни и нравов, так что некоторые из англичан и шотландцев ведут совершенно распущенную жизнь в пьянстве, прелюбодеянии, блуде и всевозможных пороках без надзора и к великому позору нашей нации и стыду нашей религии, каковых я могу назвать по именам.

Джордж Рид – Роберту Риду, Москва, 27 июня 1634 г.

Любезный брат Роберт,

в этих моих строках я выражаю тебе свою глубокую любовь. Получив возможность, я не мог упустить ее, но должен был написать тебе. Я послал тебе письмо из Архангельска по своем прибытии в эту страну и сообщая тебе, что я послал письмо из Москвы моему дяде Уиндебэнку с неким купцом, мистером Джоном Роули. Ни на одно из них я не получил ответа. Сообщение между Англией и Россией, главным образом с Москвой, поскольку это крупнейший город России, бывает дважды в год. В последнем письме, которое я написал моему дяде Уиндебэнку, я побуждал его послать мне в следующую навигацию жемчуга на сорок фунтов. С этим же [письмом] я писал, что в этом ему мог бы помочь мистер Харрисон, королевский вышивальщик, или любой, кому он соблаговолит поручить это. Если [жемчуг] еще не куплен, дорогой брат, посоветуй ему, чтобы я мог получить его в Москве со следующей навигацией. [Так] я получу жемчуг всех сортов по 20 унций в зернах, зерна второй, третьей и некоторые четвертой величины, поскольку в этой стране жемчуг очень дорог, и никто не располагает им, кроме кушцов из Англии, держащих 16 зерен за унцию. Здесь нет хороших новостей, но лишь великое кровопролитие. Император ведет войну против короля Польши, но не может вернуть город Смоленск и другие потери своего государства с городами, которые король Польши прежде отобрал у императора. Этот город, Москва, весьма подвержен пожарам, будучи весь построен из дерева. Этим летом, как я полагаю, около месяца назад, сгорела половина города. Я полагаю также и могу, наверное, поклясться, что не осталось и тридцати тысяч домов, избежавших этой участи. Брат, напомни о моей преданности моему дяде и моей тете Уиндебэнкам и всем моим кузенам, моему дяде Джерри и его жене, и моему кузену Мэтью, и его жене, и вообще всем остальным моим друзьям, не забывая моего кузена Фрэнсиса Рида. Дорогой брат, если станешь писать, не забудь послать мне весточку, есть ли у тебя сведе-

ния о моем брате Фрэнке или нет. Не смею более докучать тебе, поручаю тебя покровительству Всевышнего и остаюсь твоим дорогим любящим братом,

Джордж Рид.
Из Москвы 27 июня 1634 г.

Джордж Рид – Роберту Риду, Москва, 29 июня 1634 г.

Любезный брат,

да пребудет с тобой моя неизменная любовь. Я послал тебе письмо с неким мистером Филиппом Колли. В нем я побуждал тебя выслать мне жемчуга в зернах всех сортов стоимостью сорок фунтов. Я не сомневаюсь, что мистер Харрисон, королевский вышивальщик, поможет тебе в этом, поскольку этот предмет весьма дорог в этой стране. Будучи в Архангельске, я послал тебе письмо с нашим судовым плотником, каковое, надеюсь, ты получил. Я также послал с неким купцом, мистером Роули, моему дяде сэру Фрэнсису Уиндебэнку другое касающееся этого дела письмо, каковое, я надеюсь, он получил. Ныне же с этой навигацией я послал тебе два письма, одно – с неким купцом, и второе – с агентами Кук. Если один потерпит неудачу, то другой, я надеюсь, нет. В письме, написанном моему дяде, я сообщил ему, что вел жизнь солдата от Англии до Москвы, а в Москве свел знакомство с неким мистером Даком, императорским вышивальщиком, каковой отвратил меня от того, чтобы и далее быть солдатом. Итак, с любовью к тебе и ко всем прочим моим друзьям я желаю, чтобы ты не отказал мне в этой милости, поскольку я сам намерен стать императорским вышивальщиком, и я знаю, что это будет мне весьма полезно. Остаюсь

вашим любящим братом. Джордж Рид.
Из Москвы 29 июня 1634 г.

Список литературы

- Беляев Л. А., Векслер А. Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980-х – 1990-х годов) // Рос. археология. 1996. № 3. С. 106–133.
- Дрбоглав Д. А. Камни рассказывают... : Эпиграфические латинские памятники XV – первой половины XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М. : Изд-во МГУ, 1988. 80 с.
- Забелин И. Е. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России. СПб. : Тип. Экспед. заготовления гос. бумаг, 1853. 101 с.
- Малов А. В. Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // Археогр. ежег. 2009–2010 годы / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 2013. С. 126–143.
- Малыгин П. Д. Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России : материалы к биобиблиогр. словарю. М. : Ин-т археологии РАН, 2018. 192 с.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск : Русич, 2003. 480 с.
- Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII веках / отв. ред. А. К. Левыкин. М. : Древлехранилище, 2006. С. 141–166.
- Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. : Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
- Опарина Т. А. Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. Вып. 70. 2009. № 1–2. С. 273–302.

Поринев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. : Наука, 1976. 436 с.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 63.

Русско-шведские экономические отношения в XVII в. : сб. док. / сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 654 с.

Селин А. А. Из истории Великого Новгорода времен Смоленской войны : Наем «воинских людей» и закупка вооружений // Новгородский исторический сборник. 2014. Вып. 14 (24). С. 193–216.

Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. : Организация и состояние московской армии. Киев : [Б. и.], 1919. 328 с.

Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в.) // Средние века. Вып. 36. 1973. С. 129–151.

Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи Преподобных. М. : Университ. тип., 1890. 782, II с.

Шаскольский И. П. Установление прямых торговых сношений России со Швецией после Столбовского мира 1617 // Средние века. Вып. 29. 1966. С. 139–158.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь : Обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти : сб. науч. ст. / сост. Э. А. Шулепова, А. В. Святославский. М. : Древлехранилище, 2003. С. 141–187.

Ancestry : [website]. URL: www.ancestry.com (accessed: 06.10.2021).

Appleby J. H. Dr. Arthur Dee : Merchant and Litigant // Slavonic and East Europ. Rev. 1979. Vol. 57. № 1. P. 32–55. DOI 10.2307/4207757.

Arel M. S. English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era : The Muscovy Company, 1603–1649. Lanham, Maryland : Lexington Books, 2019. 362 p.

Crozier W. A. Virginia Heraldica Being a Registry of Virginia Gentry Entitled to Coat Armor, with Genealogical Notes of the Families. Vol. 5. N. Y. : The Genealogical Ass., 1908. 106 p.

Dukes P. New Perspectives : Alexander Leslie and the Smolensk War // Scotland and the Thirty Years' War, 1618–1648 / ed. by S. Murdoch. Leiden ; Boston, MA : Brill, 2001. P. 173–190.

Encyclopedia of Virginia Biography / under the ed. supervision of L. G. Tyler : 5 Vols. N. Y. : Lewis Historical Publ. Co., 1915.

Find a Grave : [website]. URL: www.findagrave.com (accessed: 06.10.2021).

Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century : Windows on the World. Leiden ; Boston, MS : Brill, 2005. 611 p.

Lubimenko I. Les marchands anglaise en Russie au XVIIIe siècle // Rev. Historique. 1922. Vol. 141. № 1. P. 1–39.

Perrie M. The Tsaritsa, the Needlewomen and the Witches : Magic in Moscow in the 1630s // Russian History. 2013. Vol. 40. № 3/4. P. 297–314. DOI 10.1163/18763316-04004003.

Phipps G. M. Britons in Seventeenth-Century Russia : A Study in the Origins of Modernization. Dissertation in History. Univ. of Pennsylvania, 1971. 462 p.

Poe M. T. "A People Born to Slavery" : Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 2000. 293 p.

Poe M. T. Foreign Descriptions of Muscovy : An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources // Iowa Research Online. The University of Iowa's Institutional Repository [official website]. 2008. 173 p. DOI 10.17077/pp.005157. URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/acceptedManuscript/Foreign-Descriptions-of-Muscovy-An-Analytic/9983557595402771> (accessed: 06.10.2021).

Pollard A. F. Windebank, Francis // Dictionary of National Biography : [63 Vols.] / ed. by S. Lee. L. : Smith, Elder & Co., 1900. Vol. 62. P. 162–166.

Reade Family // The William and Mary Quarterly. 1905. Vol. 14. № 2. P. 117–125. DOI 10.2307/1916351.

Stevens M. E., Burg S. B. Editing Historical Documents : A Handbook of Practice. Walnut-Creek, CA : AltaMira Press, 1997. 264 p.

The National Archives : [official website]. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/browse/r/h/C7699965> (accessed: 06.10.2021).

TNA. State Papers 46/127.

Troebst S. Handelskontrolle, „Derivation“, Eindämmung : Schwedische Moskaupolitik, 1617–1661. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1997. 649 S.

Wardle P. The King's Embroiderer: Edmund Harrison (1590–1667) : I. The Man and His Milieu // *Textile History*. 1994. Vol. 25. № 1. P. 29–59. DOI 10.1179/004049694793712050. WikiTree : [website]. URL: www.wikitree.com (accessed: 06.10.2021).

References

Ancestry [website]. URL: www.ancestry.com (accessed: 06.10.2021).

Appleby, J. H. (1979). Dr. Arthur Dee: Merchant and Litigant. In *Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 57. No. 1, pp. 32–55. DOI 10.2307/4207757.

Arel, M. S. (2019). *English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era: The Muscovy Company, 1603–1649*. Lanham, Maryland, Lexington Books. 362 p.

Belyaev, L. A., Veksler, A. G. (1996). Arkheologiya srednevekovoi Moskvy (itogi issledovaniy 1980-kh – 1990-kh godov) [Mediaeval Moscow's Archaeology: Research Summary of the 1980s and 1990s]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. No. 3, pp. 106–133.

Crozier, W. A. (1908). *Virginia Heraldica Being a Registry of Virginia Gentry Entitled to Coat Armor, with Genealogical Notes of the Families*. Vol. 5. N. Y., The Genealogical Ass. 106 p.

Davydova, M. B., Shaskol'skii, I. P., Yukht, A. I. (Eds.). (1960). *Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII v. Sbornik dokumentov* [Russo-Swedish Economic Relations in the 17th Century: A Document Collection]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 654 p.

Drboglav, D. A. (1988). *Kamni rasskazyvayut... Epigraficheskie latinskie pamyatniki XV – pervoi poloviny XVII v. (Moskva, Serpukhov, Astrakhan')* [Stones Tell... Epigraphic Latin Inscriptions from the 15th to the First Half of the 17th Centuries (Moscow, Serpukhov, Astrakhan)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 80 p.

Dukes, P. (2001). New Perspectives: Alexander Leslie and the Smolensk War. In Murdoch, S. (Ed.). *Scotland and the Thirty Years' War, 1618–1648*. Leiden, Boston, MA, Brill, pp. 173–190.

Find a Grave [website]. URL: www.findagrave.com (accessed: 06.10.2021).

Florya, B. N. (1973). Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoi Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI – nachalo XVII v.) [Russia's Trade with Western European Countries in Arkhangel'sk. The Late 16th and Early 17th Centuries]. In *Srednie veka*. Iss. 36, pp. 129–151.

Kotilaine, J. T. (2005). *Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century: Windows on the World*. Leiden, Boston, MS, Brill. 611 p.

Lubimenko, I. (1922). Les marchands anglais en Russie au XVIIe siècle. In *Rev. Historique*. Vol. 141. No. 1, pp. 1–39.

Malov, A. V. (2013) Komandiry chastei novogo stroya v 1628–1636 gg. (ot podgotovki k Smolenskoj vojne do rospuska chastei novogo stroya posle ee okonchaniya) [The Officers of the New Style Units in 1628 to 1636. From the Preparation to the Smolensk War to the Dismissal of the New Style Units after Its End]. In Shmidt, S. O. (Ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik. 2009–2010 gody*. Moscow, Nauka, pp. 126–143.

Malygin, P. D. (2018). *Zapadnoevropeiskie avtory XV–XVII vv. o Rossii. Materialy k biobibliograficheskomu slovarju* [Western European Authors from the 15th to 17th Centuries about Russia. Materials for a Biobibliographical Dictionary]. Moscow, Institut arkheologii RAN. 192 p.

Olearius, A. (2003). *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Travels to Muscovy and through Muscovy to Persia and Back] / transl. by A. M. Lovyagin. Smolensk, Rusich. 480 p.

Oparina, T. A. (2006). Polkovnik Aleksandr Lesli i pravoslavie [Colonel Alexander Leslie and the Orthodox Faith]. In Levykin, A. K. (Ed.). *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 141–166.

Oparina, T. A. (2007). *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia between the 16th and 17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow, Progress-Traditsiya. 384 p.

Oparina, T. A. (2009). Livonskie plenniki v politicheskoi igre Borisa Godunova [Livonian Captives in Boris Godunov's Political Game]. In *Srednie veka*. Iss. 70. No. 1–2, pp. 273–302.

Perrie, M. (2013). The Tsaritsa, the Needlewomen and the Witches: Magic in Moscow in the 1630s. In *Russian History*. Vol. 40. No. 3/4, pp. 297–314. DOI 10.1163/18763316-04004003.

Phipps, G. M. (1971). *Britons in Seventeenth-Century Russia: A Study in the Origins of Modernization*. Dissertation in History. Univ. of Pennsylvania. 462 p.

Poe, M. T. (2008). *“A People Born to Slavery”: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, L., Cornell Univ. Press, 2000. 293 p.

Poe, M. T. (2008). Foreign Descriptions of Muscovy : An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. In *Iowa Research Online. The University of Iowa’s Institutional Repository* [official website]. 173 p. DOI 10.17077/pp.005157. URL: <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/acceptedManuscript/Foreign-Descriptions-of-Muscovy-An-Analytic/9983557595402771> (accessed: 06.10.2021).

Pollard, A. F. (1900). Windebank, Francis. In Lee, S. (Ed.). *Dictionary of National Biography*. 63 Vols. L., Smith, Elder & Co. Vol. 62, pp. 162–166.

Porshnev, B. F. (1976). *Tridtsatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years’ War and the Entry of Sweden and the State of Muscovy]. Moscow, Nauka. 436 p.

Reade Family. (1905). In *The William and Mary Quarterly*. Vol. 14. No. 2, pp. 117–125. DOI 10.2307/1916351.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 210. List 13. Item 63.

Selin, A. A. (2014). Iz istorii Velikogo Novgoroda vremen Smolenskoi voyny. Naem “voinskikh lyudei” i zakupka vooruzhenii [From Veliky Novgorod’s History at the Time of the Smolensk War. The Recruitment of ‘Military Men’ and Purchase of Weapons]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Iss. 14 (24), pp. 193–216.

Shaskol’skii, I. P. (1966). Ustanovlenie pryamykh torgovykh snoshenii Rossii so Shvetsiei posle Stolbovskogo mira 1617 [The Establishment of Direct Trade Connections between Russia and Sweden after the Peace of Stolbovo 1617]. In *Srednie veka*. Iss. 29, pp. 139–158.

Shokarev, S. Yu. (2003). Russkii srednevekovi nekropol’. Obryady, predstavleniya, povsednevnost’ (na materialakh Moskvy XIV–XVII vv.) [The Russian Medieval Necropolis. Rites, Ideas, Everyday Life (with Reference to Moscow Materials from the 14th–17th Centuries)]. In Shulepova, E. A., Svyatoslavskii, A. V. (Eds.). *Kul’tura pamyati. Sbornik nauchnykh statei*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 141–187.

Stashevskii, E. D. (1919). *Smolenskaya voina 1632–1634 gg. Organizatsiya i sostoyanie moskovskoi armii* [The Smolensk War. The Organisation and State of the Russian Army]. Kiev, S. n. 328 p.

Stevens, M. E., Burg, S. B. (1997). *Editing Historical Documents: A Handbook of Practice*. Walnut-Creek, CA, AltaMira Press. 264 p.

The National Archives [official website]. URL <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/browse/r/h/C7699965> (accessed: 06.10.2021).

TNA. State Papers 46/127.

Troebst, S. (1997). *Handelskontrolle, „Derivation“, Eindämmung: Schwedische Moskaupolitik, 1617–1661*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. 649 S.

Tsvetaev, D. V. (1890) *Protestantstvo i protestanty v Rossii do epokhi Preobrazovaniia* [Protestantism and Protestants in Russia before the Age of Reform]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 782, II p.

Tyler, L. G. (Ed.). (1915). *Encyclopedia of Virginia Biography*. 5 Vols. N. Y., Lewis Historical Publ. Co.

Wardle, P. (1994). The King’s Embroiderer: Edmund Harrison (1590–1667). I. The Man and His Milieu. In *Textile History*. Vol. 25. No. 1, pp. 29–59. DOI 10.1179/004049694793712050.

WikiTree [website]. URL: www.wikitree.com (accessed: 06.10.2021).

Zabelin, I. E. (1853). *Istoricheskoe obozrenie finifitanogo i tseninnogo dela v Rossii* [A Historical Overview of Enamel and Ceramic Craft in Russia]. St Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. 101 p.

The article was submitted on 25.10.2021

Disputatio

1. Неизвестный художник. Портрет Ваньки-Каина. Ил. из кн.: История славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина... М., 1782

Unknown artist. Portrait of Vanka Kain in: *Istoriya slavnogo vora, razboinika i byvshego Moskovskogo syshchika Van'ki Kaina...* Moscow, 1782

2. Неизвестный художник. Портрет Картуша. XVIII в.

Unknown artist. Portrait of Cartouche. 18th century

Disputatio

Ванька Каин в культурном пространстве России: семиотика поведения*

Елена Приказчикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Vanka Kain in Russia's Cultural Space: The Semiotics of Behaviour

Elena Prikazchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the main interpretations of the image of Vanka Kain (Ivan Osipov), the famous “thief and swindler” from the 1730s, based on documents of the Investigative Prikaz, decrees of the Senate, and the affairs of the Police Chancellery, as well as two works of art from the eighteenth century in which Vanka Cain acts as the main character. The article considers Ivan Osipov’s “autobiography”, allegedly written by himself and known as *The Life and Adventures of the Russian Cartouche Called Kain* (1777), and *The Story of Vanka Kain the Swindler*, a book by M. Komarov (1779). While the analysis of historical documents makes it possible to recreate the historical appearance of Vanka Kain, literary texts help us see the main interpretations of his image in accordance with the traditions of eighteenth-century folk culture and fiction, as well as the traditions of the emerging robbery novel, which created the conditions for the romanticisation of the image of the outlaw. As a result, the author singles out images of the “Russian Cartouche”, “daring good fellow”, “unfortunate”, and “fraud and thief” as personifying elements of the buffooning nature of folk culture through the system of robbery-related jokes. A special place in the characterisation of Vanka is occupied by the image of the “detective” and “Kain” (the image of the latter is visualised to a lesser extent in literary texts, but is well reflected in documents from the eighteenth century). The author

* Citation: Prikazchikova, E. (2022). Vanka Kain in Russia's Cultural Space: The Semiotics of Behaviour. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 275–289. DOI 10.15826/qr.2022.1.671.

Цитирование: Prikazchikova E. Vanka Kain in Russia's Cultural Space: The Semiotics of Behaviour // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 275–289. DOI 10.15826/qr.2022.1.671 / Приказчикова Е. Ванька Каин в культурном пространстве России: семиотика поведения // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 275–289. DOI 10.15826/qr.2022.1.671.

of the article suggests supplementing the existing characteristics of the image of Vanka Kain with the image of the adventurer of the era of “palace coups”. The semiotics of his behaviour are inextricably linked with the historical and cultural situation of the 1730s–1740s, which allowed a former serf to temporarily become the actual “master” of Moscow in accordance with the instructions of the Senate, which were based on the decree of Empress Elizabeth.

Keywords: eighteenth-century Russian literature, Vanka Kain, semiotics of behavior, adventurer, noble thief, M. Komarov

Исследуются основные репрезентации образа известного «вора и мошенника» 1730-х гг. Ваньки Каина (Ивана Осипова), основанные на документах Сысского приказа, указах Сената и делах полицейской канцелярии, а также на двух художественных произведениях XVIII столетия, в которых он выступал главным героем. Речь идет об «автобиографии» Ивана Осипова «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина...» (1777), якобы написанной им самим, и книге М. Комарова «История мошенника Ваньки Каина» (1779). Анализ исторических документов дает возможность воссоздать исторический облик Ваньки Каина, художественные же тексты позволяют увидеть основные характеристики его образа в традициях беллетристической литературы XVIII в., а также зарождавшегося разбойничьего романа, в которых впервые романтизировался образ «внезаконника», *outlaw*. Выделяются образы «русского Картуша», «удалого добра молодца», «несчастенького», «мошенника и вора», олицетворяющего собой через систему воровских прибауток скоморошеское начало. Особое место при характеристике героя занимает образ «сыщика» и собственно «Каина» (образ последнего в меньшей степени визуализируется в художественных текстах, но хорошо отражен в документах XVIII в.). Автор предлагает дополнить существующие характеристики образом авантюриста эпохи дворцовых переворотов. Его семиотика поведения оказывается неразрывно связана с исторической и культурной ситуацией 30–40 х гг. XVIII в., позволившей бывшему крепостному на короткое время стать фактическим «хозяином» Москвы в соответствии с инструкцией Сената, основанной на указе императрицы Елизаветы Петровны.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., семиотика поведения, авантюрист, благородный разбойник, М. Комаров

Ванька Каин в документах XVIII в.

Ванька Каин с полным основанием может называться знаковой фигурой конца 1730-х – начала 1750-х гг. Писатель XIX в. Д. Мордовцев, находя в Каине тип народного героя, манифестирующего себя и как «удалого доброго молодца», и как «несчастенького», одновременно с этим видел в нем «микрокосм деморализованного историей русского общества» [Мордовцев, с. 17–18]. По его мнению, это

происходило потому, что «служить, грабить, воровать, доносить и дослуживаться до высоких степеней – это были синонимы в каиновское время» [Там же, с. 79]¹. История взлета и падения Ваньки Каина олицетворяет собой эпоху «слова и дела», когда удачный донос на хозяина мог даровать крепостному свободу. Ванька Каин в 1735 г. в возрасте 17 лет закричал «слово и дело» на своего хозяина купца Филатьева, в московском доме которого он к тому времени служил около четырех лет, обвинил его в убийстве и сокрытии тела солдата ландмилиции. Одновременно это время начавшейся «русской ябеды» (ее символом станет комедия В. Капниста «Ябеда»), повсеместно распространившегося взяточничества и неправосудия.

Биография Ваньки Каина (Ивана Осипова) восстанавливается по историческим документам XVIII в. Сыскного приказа, указам Сената, делам полицейской канцелярии. Подобная работа впервые была предпринята Г. В. Есиповым, который обратил внимание на то, что в художественных текстах, посвященных Каину, в качестве даты его рождения неизменно называется 1714 г., в то время как на самом деле он родился в 1718 г. Воровал и разбойничал Ванька Каин во второй половине 1730-х гг. Когда писатель М. Комаров выпускал свою книгу о Каине в 1779 г., он не случайно назвал его «московским сыщиком», но при этом «российским мошенником, вором, разбойником», так как противоправная деятельность героя не была связана исключительно с первопрестольной. Он четыре раза «отметился» на Макарьевской ярмарке, пять раз «посетил» Троице-Сергиеву лавру, воровал и мошенничал в Дмитрове, Кашине, Устюжне, Гороховце, Вязниках, Нижнем Новгороде, Владимире. Эта беспокойная и опасная жизнь закончилась 27 декабря 1741 г. В этот день Ванька пришел в Сыскной приказ, находящийся в Китай-городе, возле церкви Василия Блаженного, и предложил себя в сыщики, представив членам приказа реестр, в котором содержались имена 32 мошенников, которых можно было немедленно арестовать. В этот же день при помощи 14 солдат и подьячего Петра Донского аресты были произведены, и Ванька Осипов стал официально называться в бумагах Сыскного приказа «доноситель Иван Каин». По справке Сыскного приказа, только «с 28 декабря 1741 г. по ноябрь 1743 г. Ванька Каин поймал: мошенников 109 человек, воров 37 человек, становщиков (содержателей воровских притонов) 50 человек, покупателей 60 человек, разных беглых солдат 42 человека» [цит. по: Есипов, с. 308].

Но настоящий «звездный час» Ваньки Каина наступил в 1744 г. 24 сентября он обратился к сенаторам с просьбой не верить доносам на него и не давать им хода, так как для поимки злодеев вынужден «иметь знакомство» со многими ворами. Сенат вошел в положение

¹ Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина была проанализирована Е. В. Акельевым [Акельев, 2012].

доносителя, послав 3 октября в Сыскной приказ указ, запрещающий принимать во внимание показания на Каина, сделанные «колодниками» приказа или вновь пойманными злодеями. Уже в ноябре 1744 г. Ванька Каин обращается в Сенат с просьбой о специальной инструкции, предписывающей как московской полиции, так и другим командам, «чтобы в сыске и поимке воров ему препятствия не чинили» [Указ Сената Сыскному приказу, с. 312]. Эта инструкция была получена им 9 декабря того же года. По мнению Г. В. Есипова, это распоряжение Сената «поставило его выше всех полицейских властей и предоставило ему страшную возможность брать под арест всякого, кого ему вздумается» [Есипов, с. 313].

Конец эпохи Ваньки Каина наступил в январе 1749 г., когда он был арестован по личному приказу генерал-полицмейстера А. Д. Татищева, подчинявшегося с 1746 г. непосредственно императрице. Следствие продолжалось в общей сложности семь лет, вначале в специально созданной по такому случаю комиссии, а затем в 1753–1755 гг. в Сыском приказе. По его завершении в июне 1755 г. Ванька Каин был приговорен к смертной казни. Сенат заменил ему смертную казнь через колесование на пожизненную каторгу, которой предшествовали вырывание ноздрей, наказание кнутом и клеймение.

Ванька Каин неоднократно совершал поступки, которые совсем не вписываются в образ «благородного разбойника». Он сдал в Сыскной приказ своего друга и учителя Петра Камчатку (Романова), который привел Ваньку под Каменный мост к московским ворами и поручился за него. При «сдаче» 1741 г. Камчатке удалось залечь на дно и избежать ареста, но после второго ареста в 1748 г. он был отправлен в ссылку в Оренбург, «в работы навечно». Этот арест укрепил авторитет Ваньки в Сыском приказе.

Очень специфической была женитьба Каина. Полюбив солдатскую вдову Арину Ивановну и получив от нее решительный отказ еще в пору своей «мошеннической» жизни, Ванька затаил обиду и уже на второй день пребывания в статусе официального доносителя оклеветал красавицу, обвинив ее в помощи вору и в сбыте краденого. Арина Ивановна попала в тюрьму, ее били плетьюми, заставляя сознаться в несуществующих преступлениях, в то время как Ванька снова и снова передавал ей предложения о браке. Женщина дала согласие после того, как к ней обещали применить серьезные пытки.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения генерал-полицмейстера А. Д. Татищева и заставившей его всерьез взяться за Каина, стало похищение им в 1749 г. 15-летней дочери солдата Федора Тарасова, которую до этого на вечеринках в доме солдатки Федосьи Савельевой он неоднократно пытался подкупить лакомствами и угостить вином и пивом. Каин увез девушку в село Павилено и надругался над ней.

При этом Ванька Каин стал героем двух произведений, пользовавшихся большой популярностью в России второй половины XVIII в., –

«автобиографии» (1777)² и книги М. Комарова под названием «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов...» (1779), явившихся самыми распространёнными русскими повествованиями о плуте [Штридтер]. До 1800 г. в различных редакциях вышло в общей сложности 16 изданий его походов, превзошедших по известности все произведения русской беллетристической прозы того времени. Даже самые популярные переводные романы, «Телемак» Ф. Фенелона или «Жиль Блас» А.-Р. Лесажа, имели в России лишь восемь и девять изданий соответственно.

Ванька-Каин в историографии XIX–XXI вв.

В изучении личности и деяний Ваньки Каина выделяются три основных направления. Первое ставило целью выявить историческую составляющую, отражённую в его «автобиографии», путем соотнесения «литературных» фактов жизни героя с историческими документами. Подобная работа была предпринята Г. В. Есиповым, которому удалось установить подлинный год рождения мошенника, а также обнаружить, что он был неграмотен. Именно Есипов первым стал рассматривать Ваньку Каина не как абстрактного «русского Картуша», но как человека, являющегося плотью от плоти и кровью от крови жизни первопрестольной 1730–1740-х гг.

Традиция, начатая Г. В. Есиповым, была продолжена Д. Л. Мордовцевым, который склонен был называть Ваньку «героем своего времени» в постыдном значении этого слова [Мордовцев, с. 19]. Идея абсолютной типичности Ваньки Каина для московской жизни первой половины XVIII в. была воспринята и историком С. Соловьевым, утверждавшим, что «по природе и воспитанию Каин не был отважным волжским разбойником, был столичный мошенник» [Соловьев, с. 526]. В XXI в. Е. В. Акельев использует архивные материалы следственного дела о Ваньке Каине для изучения формирования в Москве XVIII в. «сообщества профессиональных преступников» [Акельев, 2014, с. 299]³. Второе направление, литературоведческое, касается отражения в текстах о Ваньке Каине различных литературных и фольклорных традиций, связанных с развитием отечественной

² Полное название: «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу; но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году» (1777). Выходу данного текста предшествовала брошюра 1775 г. «О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть», в которой, кстати, уже была отмечена двойственность образа героя: «Наконец и Каин, производивший *то злые, то добрые дела* (выделено мной. – Е. П.); однако превосходно упражняяся в первых, так что многое время употребить надобно на описание всех его мошенничеств, из которых многие за краткость сея повести пропущены, подвергнувшись правосудию и получил достойное возмездие» [О Ваньке Каине, с. 14].

³ Первоисточник: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1535. Л. 6–6 об.

прозы. В. Шкловский в книге «Матвей Комаров житель города Москвы» (1929), признавая, что «и в анонимном тексте, и у Комарова образ Ваньки Каина снижен, дан мельче, чем был исторический Каин» [Шкловский, с. 56], проводит подробное сопоставление анонимной «автобиографии» Каина с романом М. Комарова.

Характеризуя процесс формирования индивидуально-личностного сознания в России XVIII в., М. Б. Плюханова отмечает три системы представлений, в которых обычно получает интерпретацию образ Ваньки Каина: плутовской роман, уголовная хроника и русский исторический фольклор. Все три системы представлений, расходясь в оценке героя, «оказываются равноправными, мирно сосуществуют и даже пересекаются» [Плюханова, с. 6]. Кроме того, путь формирования персонажа происходит в сюжетно-стилевой системе фольклорного театра, при этом «ориентация Ваньки на театр открыто осознана им самим» [Там же, с. 9], когда он в середине 1740-х гг. в Москве на Масляной неделе ставит на вершине снежной горы пьесу «Соломоново действо», в которой принимают участие 30 комедиантов и два шута. Исследовательница отмечает также связь «автобиографии» Ваньки Каина с традицией скоморошества, что объясняется ситуацией близости этих «отреченных профессий» и тем, что «ко времени запрета на скоморошество они почти сливаются по положению в социальной структуре» [Там же, с. 12].

Третье направление связано с выявлением жанровых черт плутовского романа. Данная проблема поднимается в монографии Ю. Штридтера 1961 г., в ней автор анализирует проявления форм плутовского романа в указанных текстах. В «автобиографии» исследователь видит «пограничное явление между плутовской литературой, криминальной журналистикой и настоящим фольклором» [Штридтер, с. 124]. Большое значение для дальнейшего изучения темы Ваньки Каина сыграло появление в 2019 г. академического издания произведений М. Комарова «Ванька Каин» и «Милорд Георг», подготовленного В. Д. Раком в серии «Литературные памятники».

Среди зарубежной славистики хочется отметить вклад Е. Рэ-Гонно, осуществившей в 2008 г. научное издание «Истории Ваньки Каина» и «Жизни и походов российского Картуша, именуемого Каина» [Rai-Gonneau].

Семиотика образа Ивана Осипова

За пределами внимания оказалась семиотика поведения Ваньки Каина как исторического персонажа и «мошенника»⁴. Герой относит-

⁴ И. Я. Фойницкий в книге «Мошенничество по русскому праву» отмечает, что до указа Екатерины II 1781 г. «прежнее общее законодательство (например, эпохи Ваньки Каина. – Е. П.) знало лишь два вида корыстных имущественных преступлений: татьбу и разбой; мошенничество составляло лишь один из частных видов татьбы. Указ 1781 г. устанавливает три их вида: воровство-кражу, воровство-мошенничество и воровство-грабеж. Воровство-мошенничество, став самостоятельным видом, заняло место посреди кражи и грабежа» [Фойницкий, с. 46].

ся к тем персонажам, которые с полным основанием могут называться знаковыми фигурами, обладающими высоким уровнем семиотического поведения на уровне «амплуа» и «сюжета»⁵.

В эпоху, когда идеальный герой должен был демонстрировать стиль поведения «сына Отечества», жизнь Ваньки Каина явила собой пример маргинального бытия многочисленных «авантюристов Просвещения». Характеризуя образ европейского «рыцаря удачи», А. Ф. Строев выделил несколько основополагающих черт человека, «поправляющего фортуна» [Строев, с. 19]: он любит хорошо одеваться и подчеркивать свое богатство, он непредсказуем в своем поведении и обладает даром импровизации, склонен к актерской игре; он всегда на людях, часто провоцирует окружающих на скандал, любит риск за карточным столом, «ставит на кон жизнь и состояние» [Там же, с. 22]. В ряду маргинальных фигур XVIII столетия, шарлатанов, обманщиков, профессиональных игроков и плутов, явно не хватает фигуры профессионального мошенника, вора и разбойника, являющегося представителем низкого сословия и стремящегося при помощи своего ремесла и своих талантов «поправить» несправедливость своего рождения.

Во Франции подобной знаковой фигурой оказался Картуш (Луи Доминик Бургильон). Сын бочара, он стал одним из самых знаменитых разбойников Франции, окончив свою жизнь на Гревской площади в 1721 г. в возрасте 28 лет. Перевод книги «Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша...» появился в России в 1771 г., став одним из вариантов плутовского романа, в котором герой выламывался из рамок своего сословия. В русском издании читаем: «Он одарен был свойствами, которые бы его преизрядным человеком сделать могли. Имел великий разум, живость, память и хитрость, был рассудителен и бодр... был он крепок и весьма здоров и имел силу не в пример обыкновенным силам человеческим» [Подлинное описание жизни, с. 98].

Картуш представлял собой классический тип авантюриста. Воспитанник иезуитского колледжа, в котором он учился вместе с Вольтером, он успел побывать бродячим артистом и солдатом. Став профессиональным грабителем, юноша атлетического телосложения с веселым открытым лицом внес в свою профессию элементы юмора и театральной культуры. Он обожал переодевания, появляясь на публике в образе знатного дворянина, аббата, иностранного путешественника или жалкого оборванца, мистифицируя свои будущие жертвы. Многочисленные анекдоты о Картуше прославляют его склонность к шуткам, розыгрышам и чисто французскую галантность. В отличие от других «благородных разбойников», Картуш не делился с бедняками.

Успеху Картуша способствовало то, что путем подкупа ему удалось создать в Париже сеть осведомителей, среди которых были и полицейские, и жандармы. Эта черта роднит его с Ванькой Каином. Картуш ненавидел и жестоко карал предателей, что не спасло от предательства

⁵ Подробнее о бытовом поведении см.: [Лотман].

его самого. Причиной стало огромное вознаграждение, обещанное начальником городской полиции. Арестованный Картуш после пыток был казнен на Гревской площади 28 ноября 1721 г. Последним звеном мифа стало признание отца разбойника в том, что Картуш якобы был бастардом, принесенным ему неизвестным знатным дворянином, который платил крупные суммы за воспитание ребенка⁶.

Как видно из сравнения героев, между ними больше различий, нежели сходства. С одной стороны – галантный француз, даже не эшафоте не сдавший ни одну из своих любовниц, с другой – русский мужик, кнутом принуждающий к замужеству женщину, которую он полюбил. С одной стороны – Картуш, считающий предательство товарищей по ремеслу самым страшным преступлением, с другой – Ванька Осипов, по праву заслуживший свое прозвище Каин за неоднократную сдачу в руки правосудия самых близких друзей. Наконец, с одной стороны – незаконнорожденный сын французского аристократа, всеми силами стремящийся обратить на себя внимание королевской власти дерзкими преступлениями, с другой – бывший крепостной, стремящийся к максимальному обогащению и не заинтересованный в том, чтобы его имя гремело по Москве, вызывая страх людей различных сословий.

Но анонимный автор «автобиографии» Ваньки Каина 1777 г. имел полное право поставить эти имена рядом. Данные псевдомемуары представляли Ваньку в особом свете, фиксировали самый важный семиотический сюжет его бытия «веселого вора», искусного на всяческие проделки и неизменно добивавшегося успеха. Это тот аспект, который сближает Ваньку с Картушем и почти заставляет забыть его прозвище, роднящее его с однозначно отрицательным персонажем Библии братоубийцей Каином. Практика подобного изображения героя уходит своими корнями как в бытовую и сатирическую повесть XVII в., так и в традиции скоморошества и народного театра, что было отмечено исследователями этого образа. Д. Мордовцев полагал, что «автобиография» представляет Ваньку в образе «удалого добра молодца» [Мордовцев, с. 17]. В. Шкловский отмечал зависимость текста от фацеции и рассказов про плутов [Шкловский, с. 64]. Дает о себе знать и традиция скоморошества, которую выявил А. А. Белкин, рассмотрев большую группу документов XVI–XVII вв. Исследователь пришел к выводу, что с позиций не только административно-официальных, но и демократических скоморошья команда могла отождествляться с воровской шайкой [Белкин, с. 53–109].

Специфика образа Ваньки Каина в «автобиографии» проанализирована В. Д. Раком: «Герой “автобиографии” предстает в фольклоризированном облике “веселого вора”, “удалого добра молодца”, балагура, выставляющего свою ловкость, находчивость, хитрость, ар-

⁶ Е. В. Акельев обращает внимание на активную мифологизацию образа Картуша уже в «Истории жизни и процесса Картуша» (1722) начиная с года его рождения и кончая оценкой размеров его банды [Акельев, 2015].

тистическую в своем роде дерзость, неистощимую изобретательность и остроумие» [Рак, с. 358]. Можно сказать, что именно этот каскад проделок и шалостей, наложенный на обильное употребление поговорок, воровского жаргона, рифмованных прибауток, и позволил автору «автобиографии» провести параллель между Ванькой Каином и Картушем. Данная параллель не только была с благосклонностью воспринята читателем, но и заставила впоследствии М. Комарова объединить историю Ваньки Каина и Картуша под одной обложкой.

Книга «Жизнь и похождения российского Картуша...» композиционно делится на две части: это собственно «воровские» приключения, в которых большую роль играет яркий воровской жаргон, органично сочетающийся с многочисленными пословицами, поговорками и приговорками, и более деловая, написанная с использованием канцеляризмов часть, повествующая о деяниях сыщика Каина. Третья часть, рассказывающая об аресте Ваньки Каина, расследовании его дела, приговоре и наказании, практически отсутствует.

Отличительной особенностью первой части является неизменный перевод автором Ванькой Каином воровских речений на обычный язык для удобства понимания их неискушенным в подобной лексике читателем: «На одной неделе четверга четыре, а деревенский месяц с неделей десять, т. е. везде погоня, нас ищут» [Жизнь и похождения, с. 324]; «спасибо Петру, что сберег сестру, т. е. ушел» [Там же, с. 325]; «овин горит, а молотильщики обедать просят, т. е. чтоб подарить секретаря и повытчика» [Там же, с. 326]; «у Ивана в лавке по два гроша лапти, т. е. нельзя ли из-под караула уйти» [Там же, с. 326]. В мире «Жизни и походов...» вино в кабаке называется товаром из безумного ряда, Тайная канцелярия – Стукаловым монастырем, застенки – немшоной баней, где «людей весют, сколько кто потянет» [Там же, с. 317], куль – «персидским ковром, что соль весют» [Там же, с. 318], «сушить» означает «пытать огнем», а кафтан с камзол – это «муки фунта два с походом» [Там же, с. 324]⁷.

Языковой портрет Ваньки Каина в первой части состоит из различных поговорок и острот, что, по мнению анонимного автора, должно было сделать героя любимцем читателей и образцом народного героя. Убегая от своего хозяина купца Петра Дмитриевича Филатьева, Ванька пишет на воротах: «Пей воду как гусь, ешь хлеб как свинья, а работай черт, а не я» [Там же, с. 316]. При общении с людьми самого различного ранга и социального статуса, начиная от графа С. А. Салтыкова до девки, служанки купца Филатьева, Ванька неизменно использует этот язык: «какой на господине мундир, такой и на холопе один. Сидор да Карп в Коломне живет, а грех да беда на кого не живет, вода чего не поймет? А огонь и попа сожжет» [Там же, с. 318].

⁷ Начатая историей Ваньки Каина, традиция использования «воровского жаргона» найдет впоследствии яркое отражение в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина при воспроизведении разговора Е. Пугачева с хозяином постоялого двора.

Во второй части «автобиографии» преобладает документально-канцелярский стиль [Плюханова, с. 11]. В соответствии с ним Ванька на языке канцелярского отчета рассказывает, сколько он взял с командой мошенников мужского и женского пола, подробно перечисляет атаманов и простых воров, называет их имена и клички.

Однако первую и вторую части «автобиографии» Каина объединяет амплуа героя – роль «удалого добра молодца». В этом качестве Каин не имел права на низкие и подлые поступки, которые роняли бы его престиж в глазах читателей. Поэтому здесь затушеваны или совсем отсутствуют деяния Ваньки, не соответствующие ни христианской, ни воровской этике. В тексте не приводятся преступное похищение девушки-раскольницы с целью выкупа и ее истязания, аресты детей раскольников с целью выкупа и др. Если история с девушкой-раскольницей, раскольничьими детьми и арестом Петра Камчатки отсутствует вовсе, то вместо невинной солдатской дочери, всячески противящейся поползновениям Ваньки, фигурирует увезенная жена полицмейстерской канцелярии подьячего Николая Буданова, которая, судя по тону рассказа, была совсем не против подобного похищения. А насильственное замужество приобретает характер своеобразного поединка со «злой женой» и победы над ее строптивым характером.

Автор настойчиво подчеркивает наличие «добрых» дел, совершенных героем на службе в Сыском приказе, что должно было искупить «каиновскую печать» судьбы героя. Ванька несколько раз повторяет, что никогда не был замешан в смертоубийствах, в отличие от других воров и разбойников, подробно рассказывает случаи, когда он ловил людей, действительно виновных в жестоких преступлениях. Повод для гордости сыщика давали дела «политического» характера, например, поимка банды сукновальщиков, выдававших себя за людей из Тайной канцелярии и грабивших купцов.

С особым удовольствием Каин повествует об историях, в которых он выступает в столь любимой им роли затейника, реализуя характерную для амплуа авантюриста страсть к игре и молодецким забавам. К подобным эпизодам можно отнести освобождение из монастыря обвенчанной старицы Ксенофонтовой, для чего Каин переодевается в офицерский мундир, «освобождение» бочки с вином у таможенных сторожей, борьбу с фальшивомонетчиками из Немецкой слободы и т. п. И хотя Каин не забывает брать за свои услуги деньги, некоторые его деяния претендуют на то, чтобы быть «добрыми».

Романизация истории Ваньки-Каина М. Комаровым

Впервые описание жизни российского вора, мошенника и разбойника Ваньки Каина было предпринято в 1779 г., и в этом же году, видя неподдельный интерес читателей к своему сочинению, Комаров выпустил новую книгу, которая включала в себя также и историю Картуша.

В предуведомлении писатель объяснял это желанием доказать, что Картуш не является исключительно французским мошенником, поскольку в России, как и во Франции, люди такого типа встречаются. Это происходит потому, что характеры россиян ничем не отличаются от характеров французов и других европейцев, так как «натура всех людей равным образом на свет производит» [Комаров, с. 8]. В подобном контексте история Ваньки Каина обретает некоторым образом патриотический потенциал, несмотря на всю противоречивость данной фигуры.

Каковы же пути романизации М. Комаровым «автобиографии» Ваньки Каина? В. Д. Рак признавал, что М. Комаров, без сомнения, опирался на «автобиографию» Каина, «следуя в некоторых местах фраза за фразой» [Рак, с. 359], но ориентировался и на приемы романной техники XVIII в. К ним можно отнести появление связей между эпизодами, многочисленных нравоучительных рассуждений и замечаний, развитие сюжетных линий, лишь мимоходом намеченных в «автобиографии».

В. Шкловский видит проявление романности в том, что Комаров вводит в текст вполне серьезные размышления о крепостном праве, пытается представить психологию действующих лиц, показать мотивацию их действий. В духе традиции демократической литературы XVII в. он усиливает антиклерикальный характер своего текста. Главным героем венчания Каина у Комарова становится «пьяный поп», которому после окончания церемонии вешают на шею две бутылки с вином, а за пазуху кладут живую курицу. В «автобиографии» Каина этот эпизод отсутствует. Ю. Штридтер видит литературную целеустановку М. Комарова в желании дать моральный пример того, что «одаренные люди, не воспитанные ради добродетели и обращающиеся ко злу, должны прийти к гибели» [Штридтер, с. 120].

Важным моментом, объясняющим, почему семиотика поведения героя оказалась такой привлекательной для русского читателя второй половины XVIII в., стала поэтизация его образа. М. Комаров дополнил его историю песнями, якобы петыми Ванькой в заключении, что поставило его в один ряд с фольклорными образами Кудеяра и Стеньки Разина.

М. Комаров приложил к своему изданию 45 из 47 песен из песенника М. Чулкова («Собрание разных песен» 1770–1774 гг.). При переиздании книги число песен возросло до 64. Известный исследователь романной формы В. В. Сиповский не сомневался, что песни, изданные М. Комаровым под названием «любимых Каиновых», действительно пелись героем в тюрьме «с особенной охотой» [Сиповский, с. 886]. Сопоставление последовательности, в которой напечатал песни М. Комаров, с их расположением у М. Чулкова «позволило реконструировать весь процесс работы компилятора над этим разделом своей книжки» [Рак, с. 362]. Имея на руках два тома песен М. Чулкова, изданных в 1770 г., Комаров не взял ни одной из исторических песен

эпох Ивана Грозного и Петра Великого и стал переписывать песни начиная со второго тома.

Так или иначе, песни Ваньки Каина, в которых передавалась вся гамма чувств «добра молодца» от любовной тоски до думы перед казнью, способствовали появлению в комаровском тексте очень важного амплуа героя – «несчастенького» (в терминологии Д. Мордовцева), и данная характеристика была очень важной для сентиментального читателя, которого не удовлетворял «прибауточный» герой-победитель, не показывавший своих чувств и страданий.

К 1770-м гг., времени первой литературной славы Ваньки Каина в России, фигура вора и разбойника еще не была окружена романтическим ореолом. Это произойдет в европейской литературной традиции рубежа XVIII – начала XIX в. начиная с образа Карла Моора («Разбойники» Ф. Шиллера). Подробно проанализировав важнейшие черты поэтики «разбойничьего романа», В. Э. Вацуро выделил произведение немецкого писателя К. А. Вульпиуса (русский перевод 1802–1803 гг.) и его героя Ринальдо Ринальдини, в котором воплотился в глазах русского читателя тип «благородного разбойника» [Вацуро, с. 331].

Ринальдо, в отличие от Ваньки Каина, живет и действует в соответствии с разбойничьей этикой эпох сентиментализма и романтизма: он отнимает имущество только у богатых, никогда не поднимает руку на женщин, детей и стариков, в случае необходимости делится награбленным богатством с бедными. Имя Ринальдо Ринальдини неоднократно появляется в литературном контексте XIX в.⁸ А. А. Бестужев-Марлинский, по воспоминаниям его брата Михаила, буквально зачитывался в детстве романами вроде «Ринальдо Ринальдини» [Воспомяная Бестужевых, с. 205]. Поведение а ля Ринальдо Ринальдини или Карл Моор сыграло злую шутку в судьбе юного Е. Боратынского, для которого «разбойничья жизнь казалась...завиднейшею в свете» [Е. А. Боратынский, с. 130], лишив его на долгие годы возможности служить, как было положено по статусу российскому дворянину.

В подобном историко-литературном контексте фигура Ваньки Каина не могла не померкнуть. Однако в качестве мошенника-авантюриста эпохи дворцовых переворотов он неожиданно отразил важнейшую черту любого смутного времени – сращение криминала и правоохранительных органов. Попытки же «мелкотравчатых» авторов второй половины XVIII в. представить Ваньку Каина героем своего времени, апеллируя к традициям скоморошества и воровского братства, используя возможности театрального дискурса и поэтики плутовского романа, моделируя семиотику его поведения обращением к жанру прибауток и разбойничьих песен, позволяют увидеть в нем представителя субкультуры авантюристов. И если авантюрист-

⁸ Ср. повесть А. С. Пушкина «Дубровский», где князь Верейский сравнивает с Ринальдо Владимира Дубровского [Пушкин]. В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя Чичиков в представлении обывателей города Н* «является вооруженный с ног до головы вроде Ринальда-Ринальдини» [Гоголь, с. 172].

дворянин чаще всего выступал в роли ученого-мистика или светского щеголя-соблазнителя, то представителю третьего сословия чаще всего доставалась карьера мошенника, что подтверждают судьбы как французского Картуша, так и русского Ваньки Каина.

Список литературы

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012. 416 с.

Акельев Е. В. Архивные материалы следственного дела о Ваньке Каине // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского : [сб. ст.]. М. : Древлехранилище, 2014. С. 298–471.

Акельев Е. В. Картуш и Ванька Каин: к характеристике исторических прототипов литературных героев // Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России : сб. науч. тр. М. : Ин-т мировой лит. РАН, 2015. С. 186–205.

Белкин А. А. Русские скоморохи. М. : Наука, 1975. 192 с.

Вацуро В. Э. Готический роман в России. М. : Новое лит. обозрение, 2002. 544 с. Воспомятия Бестужевых. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 892 с.

Гоголь Н. В. Мертвые души : поэма. М. : Худ. лит., 1985. 368 с.

Е. А. Боратынский : Летопись жизни и творчества. 1800–1844. М. : Новое лит. обозрение, 1998. 496 с.

Еситов Г. Ванька Каин // Оснадцатый век : Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем «Русского архива») : [в 4 кн.]. М. : Тип. Т. Рис, 1868–1869. Кн. 3. С. 280–342.

Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу; но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 315–345.

Комаров М. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 7–144.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры : в 5 т. М. : Языки рус. культуры, 1996. Т. 4. XVIII – начало XIX века. С. 537–575.

Мордовцев Д. Л. Ванька Каин : ист. очерк. СПб. : Хромотит. и тип. В. Грацианского, 1876. 193 с.

О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 305–314.

Плюханова М. Б. Литературные и культурные традиции в формировании литературно-исторического персонажа (Ванька Каин) // Типология литературных взаимодействий : Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту : Тартус. гос. ун-т, 1983. С. 3–17.

Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищей, собранное из производимых над ним процессных пунктов и других вероятных уведомлений / с нем. яз. пер. капитан М. Неёлов. СПб. : [Тип. Акад. наук], 1771. 98 с.

Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1987. Т. 3. Проза. 528 с.

Рак В. Д. Две повести Матвея Комарова, «жителя города Москвы» // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг / изд. подг. В. Д. Рак. М. : Ладомир : Наука, 2019. С. 349–368.

Ситовский В. В. Из истории русского романа : [в 2 т.]. СПб. : Тип. т-ва «Труд», 1909. Т. 1. 951 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : [в 6 кн.]. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1851–1879. Кн. 5. Т. 21–25. 782 с.

Строев А. Ф. «Те, кто исправляет Фортуну» : Авантюристы Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 1998. 398 с.

Указ Сената Сыскному приказу от 3 октября 1744 г. за № 11.491 // Есипов Г. Ванька Каин // Оснадцатый век : Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем «Русского архива») : [в 4 кн.]. М. : Тип. Т. Рис, 1868–1869. Кн. 3. С. 312.

Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1871. 289 с.

Шкловский В. Матвей Комаров житель города Москвы. Л. : Прибой, 1929. 295 с.

Штрюдтер Ю. Плутувской роман в России : К истории русского романа до Гоголя / пер. с нем. В. Брун-Цеховского, Д. Бордюгова. М. : АИРО–XXI ; СПб. : Алетей, 2015. 416 с.

Rai-Gonneau E. Vie de Kain, bandit russe et mouchard de la tsarine. Paris : Inst. d'études slaves, 2008. 383 p.

References

Akel'yev, E. V. (2012). *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Daily Life of the Thieves' World in Moscow at the Time of Vanka Kain]. Moscow, Molodaya gvardiya. 416 p.

Akel'yev, E. V. (2014). Arkhivnye materialy sledstvennogo dela o Van'ke Kaine [Archival Materials of the Investigative Case about Vanka Lain]. In *Gishtorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo. Sbornik statei*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 298–471.

Akel'yev, E. V. (2015). Kartush i Van'ka Kain: k kharakteristike istoricheskikh prototipov literaturnykh geroev [Cartouche and Vanka Kain: On the Characterisation of Historical Prototypes of Literary Characters]. In *Genezis zarubezhnoi massovoi literatury i ee sud'ba v Rossii. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, pp. 186–205.

Belkin, A. A. (1975). *Russkie skomorokhi* [Russian Buffoons]. Moscow, Nauka. 192 p.

E. A. Boratynskii. *Letopis' zhizni i tvorchestva. 1800–1844* [A Chronicle of Life and Creative Work. 1800–1844]. (1998). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p.

Esipov, G. (1868–1869). Van'ka Kain [Vanka Kain]. In *Osmnadsatyi vek. Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym (izdatelem "Russkogo arkhiva") v 4 kn.* Moscow, Tipografiya T. Ris. Book 3, pp. 280–342.

Foinitskii, I. Ya. (1871). *Moshennichestvo po russkomu pravu* [Fraud under Russian Law]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 289 p.

Gogol, N. V. (1985). *Mertvye dushi. Poema* [Dead Souls. Poem]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 368 p.

Komarov, M. (2019). Obstoypatel'noe i verное opisanie dobrykh i zlykh del rossiiskogo moshennika, vora, razboinika i byvshego moskovskogo syshchika Van'ki kaina, vsei ego zhizni i strannykh pokhozhenii [A Thorough and Correct Description of the Good and Evil Deeds of the Russian Swindler, Thief, Robber, and Former Moscow Detective Vanka Kain, His Whole Life and Strange Adventures]. In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Ladimir, Nauka, pp. 7–144.

Lotman, Yu. M. (1996). *Poetika bytovogo povedeniya v russkoi kul'ture XVIII veka* [Poetics of Everyday Behaviour in the Russian Culture of the 18th Century]. In *Iz istorii russkoi kul'tury v 5 t.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 4. XVIII – nachalo XIX veka, pp. 537–575.

Mordovtsev, D. L. (1876). *Van'ka Kain. Istoricheskii ocherk* [Vanka Kain. A Historical Sketch]. St Petersburg, Khromolitografiya i tipografiya V. Gratsianskogo. 193 p.

O Van'ke Kaine, slavnom vore i moshennike, kratkaya povest' [About Vanka Kain, a Glorious Thief and Swindler, a Short Story]. (2019). In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Ladimir, Nauka, pp. 305–314.

Plyukhanova, M. B. (1983). Literaturnye i kul'turnye traditsii v formirovanii literaturno-istoricheskogo personazha (Van'ka Kain) [Literary and Cultural Traditions in the Formation of a Literary-Historical Character (Vanka Kain)]. In *Tipologiya literaturnykh vzaimodeistvii. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie*. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3–17.

Podlinnoe opisanie zhizni frantsuzskogo moshennika Kartusha i ego soto-varishchei, sobrannoe iz proizvodimykh nad nim protsessnykh punktov i drugikh veroyatnykh uvedomleniev [An Authentic Description of the Life of the French Fraudster Cartouche and His Comrades Compiled from the Procedural Points Carried out on Him and Other Probable Notifications] / transl. by Captain Matfiy Neelov. St Petersburg, [Tipografiya Akademii nauk]. 98 p.

Pushkin, A. S. (1987). *Sochineniya v 3 t.* [Works. 3 Vols.] Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3. Proza. 528 p.

Rai-Gonneau, E. (2008). *Vie de Kain, bandit russe et mouchard de la tsarine*. Paris, Institut d'études slaves. 383 p.

Rak, V. D. (2019). Dve povesti Matveya Komarova, “zhitelya goroda Moskvy” [Two Stories of Matvey Komarov, “a Resident of the City of Moscow”]. In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Lodomir, Nauka, pp. 349–368.

Shklovskii, V. (1929). *Matvei Komarov zhitel' goroda Moskvy* [Matvey Komarov, a Resident of the City of Moscow]. Leningrad, Priboi. 295 p.

Striedter, Ju. (2015). *Plutovskoi roman v Rossii. K istorii russkogo romana do Gogolya* [Picaresque Novel in Russia. On the History of the Russian Novel before Gogol] / transl. by V. Brun-Tsekhovskii, D. Bordyugov. Moscow, AIRO–XXI, St Petersburg, Aleteiya. 416 p.

Sipovskii, V. V. (1909). *Iz istorii russkogo romana v 2 t.* [From the History of the Russian Novel. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Trud”. Vol. 1. 951 p.

Solovyov, S. M. (1851–1879). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 6 kn.* [History of Russia since Ancient Times. 6 Books]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. Book 5. Vol. 21–25. 782 p.

Stroeve, A. F. (1998). “*Te, kto ispravlyaet Fortunu*”. *Avanturyisty Prosveshcheniya* [“Those Who Correct Fortune”. Adventurers of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 398 p.

Ukaz Senata Sysknomu prikazu ot 3 oktyabrya 1744 g. za № 11.491 [Decree of the Senate to the Investigative Prikaz as of 3 October 1744. No. 11.491]. (1869). In Esipov, G. *Van'ka Kain*. In *Osmnadsyati vek. Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym (izdatelem “Russkogo arkhiva”)* v 4 kn. Moscow, Tipografiya T. Ris. Book 3, p. 312.

Vatsuro, V. E. (2002). *Goticheskii roman v Rossii* [The Gothic Novel in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 544 p.

Vospominaya Bestuzhevskikh [Remembering the Bestuzhevs]. (1951). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 892 p.

Zhizn' i pokhozheniya rossiiskogo Kartusha, imenuemogo Kaina, izvestnogo moshennika i togo remesla lyudei syshchika. Za raskayanie v zlodeistve poluchivshogo ot kazni svobodu; no za obrashchenie v prezhnii promysel soslannogo vechno na katorzhnuyu rabotu, prezhde v Rogervik, a potom v Sibir'. Pisannaya im samim pri Baltiiskom porte v 1764 godu [The Life and Adventures of the Russian Cartouche, Called Kain, a Well-Known Swindler and Detective Persecuting Frauds. For Repentance of the Villainy of the One Who Received Freedom from Execution; but for the Conversion to the Former Craft of the Exiled Forever to Hard Labour, First to Rogervik and then to Siberia. Written by Himself in the Baltic Port in 1764]. (2019). In Komarov, M. *Van'ka Kain. Milord Georg* / ed. by V. D. Rak. Moscow, Lodomir, Nauka, pp. 315–345.

**Комендант северной столицы Яков Хрисанфович Бахмеотов:
исполнение служебного долга в петровское время***

Марина Накишова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Yakov Khrisanfovich Bakhmeotov, Commandant of the
Northern Capital: Performance of Duty under Peter the Great****

Marina Nakishova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Based on the analysis of office and private correspondence, this article examines the activity of Ya. Kh. Bakhmeotov, the St Petersburg commandant between 1717 and 1725. It is established that the commandant was aware of all aspects of the functioning of the St Petersburg fortress as a special military-administrative community. He commanded the garrison regiments (overseeing recruitment and staffing, providing necessary supplies, ammunition, and salaries, and taking care of education), carried out legal proceedings, supervised day-to-day operations, construction, and repair works. Bakhmeotov's actions were aimed at maintaining the St Petersburg fortress and garrison in operational condition. Additionally, the author characterises the activities carried out by the commandant in the territory of St Petersburg. It is noted that Bakhmeotov performed duties related to the implementation of construction projects, providing security, organising ceremonies and celebrations, and representing the authorities in the city administration system. Consequently, the author makes a conclusion about the multifunctional nature of the city's commandant as a state institution, who held a strong position in the management system of St Petersburg. Finally,

* Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

** *Citation*: Nakishova, M. (2022). Yakov Khrisanfovich Bakhmeotov, Commandant of the Northern Capital: Performance of Duty under Peter the Great. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 290–305. DOI 10.15826/qr.2022.1.672.

Цитирование: Nakishova M. Yakov Khrisanfovich Bakhmeotov, Commandant of the Northern Capital: Performance of Duty under Peter the Great // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 290–305. DOI 10.15826/qr.2022.1.672 / Накишова М. Комендант северной столицы Яков Хрисанфович Бахмеотов: исполнение служебного долга в петровское время // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 290–305. DOI 10.15826/qr.2022.1.672.

the article raises the question about the peculiar character of ties that brought together Bakhmeotov and other institutions. The study of these ties seems to be a promising line for further research.

Keywords: commandant, garrison chancellery, control system, St Petersburg, Ya. Kh. Bakhmeotov, A. D. Menshikov

Деятельность петербургского коменданта Я. Х. Бахмеотова рассматривается на основе материалов делопроизводства и частной переписки 1717–1725 гг. Комендант ведал всеми сторонами функционирования Санкт-Петербургской крепости как особого военно-административного социума: руководил гарнизонными полками (формирование штата, обеспечение их необходимыми припасами, амуницией и жалованием, забота об образовании), организовывал судопроизводство, проводил строительные и ремонтные работы и т. д. Действия Бахмеотова были нацелены на поддержание Санкт-Петербургской крепости и гарнизона в боеспособном состоянии. На основе архивных документов характеризуются мероприятия, проводившиеся комендантом на территории города. В системе городского управления Бахмеотов выполнял функции, связанные с осуществлением строительных проектов, поддержанием безопасности, организацией церемоний и празднеств, репрезентацией власти. Делается вывод о многофункциональности петербургского коменданта как государственного института, занимавшего прочное место в системе управления Санкт-Петербургом. Ставится вопрос о специфике связей, сложившихся между Бахмеотовым и другими органами власти, подробное изучение которых представляется перспективным вектором дальнейших исследований.

Ключевые слова: комендант, гарнизонная канцелярия, система управления, Санкт-Петербург, Я. Х. Бахмеотов, А. Д. Меншиков

Жизнь и деятельность петербургского коменданта Якова Хрисанфовича Бахмеотова¹ (1660-е – 1725), на протяжении восьми лет занимавшего одну из ключевых должностей в системе управления Санкт-Петербургом, не имеет в исторической науке какого-либо целостного биографического очерка и характеристики. Имя Бахмеотова упоминается мимоходом в текстах, касающихся петербургской жизни начала XVIII в., или указывается в кратких словарных статьях и именных указателях [Анисимов, с. 126; Бахметев, Яков Хрисанфович, 1830; Бахметев, Яков Хрисанфович, 1836; Бахмиотов, Яков Хрисанфович; Богданов, с. 50; Павленко, с. 184; Труды и дни, с. 609; Биохроника Петра Великого и др.]. Наиболее полный послужной список коменданта представлен в каталоге «Петербург в эпоху Петра I»: «солдат

¹ В историографии существует несколько вариантов написания фамилии коменданта – Бахметев, Бахметьев, Бахмеотов, Бахмиотов, Бахниотов и т. д. В данной работе используется начертание, которое встречается в источниках и написано рукой Якова Хрисанфовича. Также имеются два варианта отчества – Хрисанфович и Христофорович.

Потешной роты (с 1683), затем гвардейского Преображенского полка (с 1692), участник Азовских походов (1695–1696), капитан (в 1714), гвардии капитан, армейский полковник (с 1717), бригадир, обер-комендант² Петербургской крепости (1717–1725), согласно указам Петра I организовал при Петербургском гарнизоне школу солдатских детей (с 1719³)» [Петербург в эпоху Петра I, с. 679]. Вдобавок в других исследованиях указывается, что Бахмеотов в первые годы основания Санкт-Петербурга выстроил дом на «теперешней Большой Посадской улице» и пользовался большим расположением государя, который бывал у него запросто⁴ [Бахмиотов, Яков Хрисанфович].

Подобная невнимательность исследователей к личности Бахмеотова вызвана двумя взаимосвязанными причинами. Первейшая из них – крайне ограниченная источниковая база, используемая исследователями для характеристики деятельности коменданта. Отрывочные упоминания о Бахмеотове находятся в «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова», походных журналах Петра, корреспонденции Меншикова и т. д. [Письма и выписки из писем, с. 260–261; Походный журнал, с. 5; Труды и дни, с. 189, 196, 200, 203–205 и т. д.]. При этом уникальный источник – записная книга Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии за конец 1717–1718 гг., изданная еще в XIX в. историком Н. Г. Устряловым в приложении к шестому тому «Истории царствования Петра Великого», – для восстановления жизненного пути коменданта не используется [Устрялов, с. 595–617]. Отсутствие системных биографических исследований о Бахмеотове, должно быть, связано с представлением о весьма незначительном политическом влиянии последнего. Он не был близок к государю, не обладал широкими социальными связями, не вмешивался в борьбу за власть различных политических группировок. Бахмеотов скорее являлся среднестатистическим должностным лицом и усердно выполнял свои служебные обязанности.

Однако при внимательном взгляде на архивные фонды и существующие историографические дискуссии личность Бахмеотова как объект изучения демонстрирует известные преимущества. Отсутствие самостоятельных фондов, в которых сохранялось бы дело-производство Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии, восполняется материалами личной канцелярии князя А. Д. Меншикова, непосредственного руководителя коменданта. Среди них компактно

² Ошибочно, в источниках – комендант.

³ В проанализированных в настоящем исследовании источниках называется 1722 г.

⁴ Автор словарной статьи заимствует факт посещения государем дома Бахмеотова из работы П. Н. Петрова. При этом Петров, передавая обстоятельства, не говорит о близости коменданта к Петру. Данная оценка появляется только в словаре [Петров, с. 99, 202]. Петров ссылается на сведения «Походного журнала 1720 года», в котором написано: «в 31-й день (января. – М. Н.). Его Величество был на освящении церкви Апостола Матфея и кушал у Коменданта Бахмеотова и Чернышева» [Походный журнал, с. 5].

отложились значительные по объему комплексы писем и доношений, посланные Бахмеотовым в течение 1717–1725 гг. и отразившие направления его деятельности. В меньшем количестве находятся ответные письма и ордера, отправленные от Меншикова к Бахмеотову, поскольку в архивном фонде обнаруживаются по преимуществу их отпуски и черновики.

Хотя Бахмеотова трудно назвать выдающейся личностью, системный анализ его деятельности позволяет определить специфику должности коменданта в петровское время, дискутируемую в историографии. Во-первых, это касается многообразия функций: были ли коменданты исключительно военными управленцами или же имели гражданские задачи. Магистральную линию споров заложили в конце XIX – начале XX в. П. Н. Мрочек-Дроздовский и М. М. Богословский. Мрочек-Дроздовский отмечал, что коменданты, выполнявшие на практике функции начальника крепости, являлись в большей степени военными администраторами, а коменданты, игравшие роль «уездного правителя», могли расцениваться как администраторы и судьи вверенного им уезда [Мрочек-Дроздовский, с. 47–48]. Согласно мнению Богословского, военные обязанности комендантов уходили на второй план, тогда как в ядре функционала данной должности лежали финансовые, судебные и полицейские функции [Богословский, с. 58–59]. Учитывая наработки предшественников, современные исследователи говорят о многофункциональности и комендантов, и подчиненных им гарнизонных формирований [Агеева, с. 136–137; Андреева, 2005; Андреева, 2003; Редин; Славнитский].

Актуален вопрос о соотношении должности коменданта и других государственных институтов управления. В системе органов власти Санкт-Петербурга коменданту отводится скромное место: его функции сводятся к военным и хозяйственным заботам о подчиненной ему крепости, поддержанию безопасности и обеспечению строительных проектов рабочей силой. Дискуссионной является проблема соотношения должностей коменданта и обер-коменданта. До настоящего времени преобладала позиция, устанавливавшая прямую подчиненность комендантов обер-комендантам [Богословский, с. 58; Мрочек-Дроздовский, с. 47]. Однако обратившиеся к особенностям функционирования данных должностей на территории Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии исследователи пришли к выводу, что на практике иерархия выстраивалась сложнее. В специальном исследовании Н. Р. Славнитский указывает, что коменданты во время Северной войны являлись начальниками гарнизонов крепостей, а обер-коменданты – военачальниками и администраторами, имевшими в подчинении и гарнизонные, и армейские полки [Славнитский, с. 556]. Д. А. Редин вовсе говорит о существовании разных по иерархическому положению обер-комендантских и комендантских должностей – ингерманландского обер-коменданта, который имел власть над всей территорией губернии (до 1720 г. этот пост зани-

мал Р. В. Брюс), обер-комендантов, то есть руководителей «обер-комендантских провинций», комендантов – глав городов и крепостей, подчинявшихся либо обер-комендантам, если управляемые ими города и крепости входили в «обер-комендантскую провинцию», либо губернскому обер-коменданту [Редин, с. 147–148].

Обратимся к характеристике деятельности Бахмеотова, учитывая существующие в историографии дискуссии и архивные данные.

В декабре 1717 г. капитан от гвардии Бахмеотов получил ордер генерал-губернатора Меншикова, по которому он был пожалован в полковники⁵ и должен был немедленно приступить к выполнению обязанностей коменданта Санкт-Петербургской крепости⁶. 20 декабря Яков Хрисанфович прибыл в столицу. 23 декабря Меншиков по указу государя представил его гарнизонным полкам – бывшему Чемезову (комендантскому), Белозерскому, Колтовскому и Зезевитову. На следующий день Бахмеотов осматривал территорию фортификации и остальное «городовое» строение. 25–27 декабря он принял под личное командование бывший Чемезов полк, вместе с которым получил деревню, ранее принадлежавшую коменданту М. О. Чемезову [Устрялов, с. 595–596]. Упоминаний о существовании какой-либо специальной инструкции, направленной к Бахмеотову от государя или Меншикова при его вступлении в должность, в источниках найти не удалось.

Став петербургским комендантом, Бахмеотов получил широкий круг полномочий. Он осуществлял хозяйственное руководство Санкт-Петербургской крепостью, важной фортификацией, призванной защитить столицу от вражеского нападения. В рамках мероприятий по поддержанию крепости в боеспособном состоянии Бахмеотов руководил строительными и ремонтными работами на принадлежащей к ней территории⁷. Так, в июне 1723 г. комендант занимался починкой шпиля на кронверке, сломанного сильным ветром [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 183–183 об.]. В сферу обязанностей Бахмеотова входило благоустройство внутрифортификационной территории, на которой жили гарнизонные служащие [Там же. Д. 378. Л. 29, 37]. Комендант контролировал приход и расход денежных средств, строительных материалов, продовольствия, оружия, инструментов и т. д. [Там же. Д. 379. Л. 118, 147, 156–156 об.]. Для пополнения хозяйственных ресурсов Бахмеотов через посредничество генерал-губернатора Меншикова обращался в другие государственные институты,

⁵ Полковник – воинский чин, которым обычно обладали коменданты ингерманландских крепостей. В некоторых случаях они могли рассчитывать на повышение до бригадира. В 1722 г. Бахмеотов просил о повышении «за службы и показанные в делах труды»). Его требования были полностью удовлетворены летом 1723 г.: 26 июня комендант именовал себя полковником, а 10 июня уже в соответствии с новым рангом бригадира. См.: [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 622 об.; Д. 379. Л. 192–193].

⁶ Она же Петропавловская, Петербургская. Относительно истории формирования названия крепости см.: [Анисимов, с. 36].

⁷ В том числе и на территории кронверков, построенных на самых опасных для обороны крепости направлениях. О крепости см.: [Анисимов, с. 46–47].

в первую очередь в Адмиралтейство и Канцелярию городских дел (с 1723 г. – Канцелярия от строений)⁸. Денежные средства на хозяйственную деятельность выделялись из Кригскомиссариата, Военной коллегии или самим генерал-губернатором⁹.

Одной из наиболее опасных повседневных проблем для Санкт-Петербурга являлись пожары, способные полностью уничтожить городские и крепостные постройки [Базарова, с. 133–156; Кошелева, с. 118–123; Луппов, с. 145–149]. До появления в 1718 г. Полицмейстерской канцелярии на территории столицы борьба с пожарами и организация противопожарных мер относились к ведомству либо специализированных команд, либо органов власти, контролировавших территорию. Борьба с пожарами в Санкт-Петербургской крепости находилась в руках коменданта, который следил за соблюдением противопожарных мер и заботился об обновлении противопожарного инвентаря (деревянных и медных заливательных труб) [Устрялов, с. 599].

Помещения Санкт-Петербургской крепости, самого безопасного и хорошо охраняемого места в Санкт-Петербурге, использовались под хранение денежных средств, материалов и товаров, за учет и сохранность которых отвечал комендант [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 130. Л. 237; Д. 131. Л. 7; Д. 162. Л. 187; Д. 180. Л. 125 об., 381]. Например, в 1722–1723 гг. Бахмеотов пытался выяснить условия хранения в крепости купеческих товаров. Камнем преткновения являлась цена, за которую следовало сдавать казармы в аренду купцам [Там же. Д. 379. Л. 180–181, 192–192 об., 224–226 об.; Д. 518. Л. 172]. Также за крепостными стенами содержались различные арестанты (от мелких нарушителей до важных государственных преступников), находившиеся под следствием или приговоренные к тюремному заключению [Там же. Д. 378. Л. 204–220; Д. 379. Л. 79–106]. Для особо важных арестантов прописывались специальные нормы содержания (качество пищи, количество рюмок вина), соблюдение которых комендант должен был контролировать [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 129].

Коменданту вверялось общее руководство четырьмя гарнизонными полками. Он вел запись кадрового (количественного и качественного) состава гарнизонных сил, заботился об обеспечении подчиненных денежным и хлебным жалованием, амуницией и мундирами [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 92]. Бахмеотов контролировал любые передвижения подчиненных ему людей: через него проходили указы о повышении в чине, переводе в другой гарнизон, отставке от службы по болезни или по какой иной причине, отпуске домой для

⁸ Отдельные инструменты и детали производились внутри крепости благодаря наличию обученных мастеров.

⁹ Как правило, все финансовые вопросы Бахмеотов согласовывал с Меншиковым. Например, в июле 1722 г. Бахмеотов по указу Меншикова должен был подать доношение в Военную коллегию для получения 1000 р. на гарнизонные расходы [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 276 об.]. О подобном случае см.: [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 100].

«нужных дел»¹⁰. Под руководством коменданта проводились рекрутские приемы, требовавшие выполнения целого комплекса управленческих задач: новобранцев следовало принять, оценить на пригодность, определить в полки, записать в книги, назначить жалование, обеспечить всем необходимым и обучить военному делу [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 6]. К сфере компетенции Якова Хрисанфовича относился поиск беглых солдат и рекрутов, уклонявшихся от службы [Там же. Л. 32–33].

Бахмеотов распределял подчиненные ему военные формирования к различным службам, проводившимся как внутри крепости, так и в самом Санкт-Петербурге. Он договаривался об условиях отправки работников, определяя место и срок службы, сумму жалования, вид выполняемых работ и пр. [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 27, 394]. Как правило, солдаты и офицеры гарнизона использовались для строительства, поддержания безопасности, выполнения подсобных работ и различных посылок [Там же. Д. 109. Л. 46, 111; Д. 130. Л. 135, 194; Д. 148. Л. 135; Д. 162. Л. 78, 279 об.; Д. 180. Л. 284 об.]. На территории города труд гарнизонных подразделений активно привлекали Канцелярия городских дел, Полицмейстерская канцелярия и Адмиралтейство¹¹. Иногда гарнизонные солдаты отправлялись под ответственность конкретных государственных деятелей для выполнения работ в частных домах [Там же. Д. 109. Л. 107, 122; Д. 378. Л. 22–22 об., 194, 246–246 об.].

Среди прочего Бахмеотов получил судебные полномочия по отношению к должностным лицам гарнизона¹² – он держал под контролем криксрехты, которые вершились по делам подчиненных ему солдат или офицеров [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 15, 17, 21–21 об., 151–151 об., 166]. В Санкт-Петербургской крепости нередко исполнялись наказания, вынесенные арестантам, содержащимся там. Например, 18 января 1718 г. были освобождены из-под караула трое обвиняемых – комиссар князь А. Елецкий, сенатской роты капрал И. Ерепев, адмиралтейской крепости отставной канатного дела подмастерье П. Кречетов. Последнего по выпуску следовало «бить батогами не-

¹⁰ О подобных изменениях он отчитывался перед Меншиковым, который, в свою очередь, мог выступать инициатором каких-либо кадровых перестановок [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 110. Л. 2–2 об., 248; Д. 130. Л. 184; Д. 148. Л. 59, 142; Д. 162. Л. 13, 79; Д. 378. Л. 14, 184, 302; Д. 379. Л. 22, 373; Д. 380. Л. 69].

¹¹ Например, из служащих петербургского гарнизона формировался штат Полицмейстерской канцелярии [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 94–94 об., 150–151 об., 200; Д. 379. Л. 47–47 об., 157–157 об.].

¹² В целом система военного судопроизводства была реформирована Петром I в 1700-е гг. Новые органы военного суда – криксрехты – представляли собой коллегияльные судебные присутствия, создаваемые на время командирами воинских формирований [Серов, с. 131–134]. Дела рассматривали презус (председатель) и несколько ассессоров, которые назначались из числа военнотружущих той же части, что и обвиняемые, и вели разбирательства на основе предварительного следствия (фергера) без дальнейшей возможности обжалования. Вынесенный на судебном заседании приговор в обязательном порядке отправлялся для утверждения командиру части или любому иному вышестоящему воинскому лицу, а после 1717 г. – в Военную коллегия [Серов, с. 284–287].

щадно» за произнесенные им непристойные речи [Устрялов, с. 599]. Осенью 1723 г. указом, направленным из Военной коллегии, при Санкт-Петербургской крепости приказывалось создать специальную военно-судную комиссию под руководством Бахмеотова. Комиссия, помимо того, что проводила фергеры и кригсрехты, должна была отправлять рекрутские приемы с провинций Санкт-Петербургской губернии. Те дела, которые члены комиссии по каким-то причинам не могли решить, подлежали передаче в Военную коллегию [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 238–238 об.].

Внутри Санкт-Петербургской крепости Бахмеотов занимался организацией социальной сферы. Под его контролем происходило освидетельствование физического и душевного здоровья служилого и неслужилого населения гарнизона [Там же. Д. 378. Л. 44–44 об., 226]. Из гарнизонных расходов комендант финансировал деятельность лазаретов. Так, 12 января 1723 г. Бахмеотов сообщал Меншикову, что 1 400 руб., собранные в церкви Святой Троицы, переданы капитану Кобылину для содержания гарнизонных лазаретов [Там же. Д. 379. Л. 1–1 об., 3–3 об.]. Имя Якова Хрисанфовича известно в истории благодаря его инициативе – учреждению в Санкт-Петербургской крепости школы для обучения солдатских детей грамоте, музыке и арифметике¹³. В 1722 г. комендант получил из Военной коллегии указ, который повелевал

...солдатских детей малолетних обучать при полках грамоте, читать и писать, чего ради от Государственной военной коллегии в здешней гварнизон для обучения оных солдатских детей и азбуки печатные присланы, а для содержания их как денежным, так и хлебным жалованием велено в каждом полку иметь по пятидесят солдатских вакансий [Там же. Л. 45].

Бахмеотов, взявшись за дело, собрал 20 человек солдатских детей-сирот и планировал их обучить вначале чтению и письму, а затем пению по нотам и игре на гобое, поскольку в полках наблюдалась сильная нужда в гобоистах. Когда школы начали свою работу, комендант фиксировал успехи учеников, отмечая, умеют ли они читать, писать и считать, и посылал отчеты Меншикову [Там же. Л. 369].

Деятельность Бахмеотова по управлению Санкт-Петербургской крепостью была неразрывно связана с функционированием гарнизонной канцелярии¹⁴. При коменданте постоянно находились различного ранга канцеляристы¹⁵, которые занимались сбором статистиче-

¹³ Впоследствии школа для солдатских детей появилась не только в Санкт-Петербурге, но и в Нарвском гарнизоне [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 396].

¹⁴ Каждый полк гарнизона также имел свою полковую канцелярию.

¹⁵ Бахмеотов заботился о пополнении штата канцелярских работников, старался обеспечить их жалованием и обмундированием [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 12, 95–96 об., 163–163 об., 225; Д. 379. Л. 2–2 об., 10–11 об., 75–75 об., 317–317 об.].

ской информации о численности и составе гарнизонных полков, вели учет провианта и хозяйственного обеспечения, составляли расходные и приходные ведомости. Через гарнизонную канцелярию проходила вся официальная и неофициальная переписка Бахмеотова – документы от его имени написаны канцелярским подчерком¹⁶. В канцелярию поступали указы государя, ордера генерал-губернатора, постановления Сената, Военной коллегии и других органов власти, касающиеся функционирования Санкт-Петербургской крепости, а в отсутствие Меншикова в столице – и документация, предназначенная для него [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 240]. С середины 1724 г. делопроизводство гарнизонной канцелярии усложнилось тем, что комендантам нарвского, кронштадтского, шлиссельбургского, московского Орлова, рижского вице-губернаторского, Выборгского и Смоленского гарнизонов указывалось посылать туда свои отчеты о численности и хозяйственном обеспечении подведомственных им крепостей [Там же. Д. 380. Л. 102–103 об., 109–111, 126–200, 239–307, 342 об.].

Создание Санкт-Петербурга, регулярного города-парадиза на берегах Невы, строительство и благоустройство новой имперской столицы по праву могут считаться делом государственной важности, поскольку объединили в себе усилия различных властных институтов общегосударственного и местного значения. С первых лет существования Санкт-Петербург стал плацдармом для нововведений, реализация которых требовала больших материальных и нематериальных ресурсов. Поэтому неудивительно, что комендант Санкт-Петербургской крепости, имевший в своем распоряжении силы гарнизона, привлекался к решению некоторых общегородских задач.

Наравне с генерал-полицмейстером А. М. Девиером (с 1718 г.) и М. М. Голицыным, назначенным в 1722–1723 гг. военным руководителем Санкт-Петербурга, комендант трудился над поддержанием безопасности в городе. Петербургский гарнизон использовался для конвоирования и расстановки караулов около царских дворцов, домов государственных деятелей и иностранных посланников, городских объектов, «рогаток» (шлагбаумов)¹⁷ и т. д. [Там же. Д. 378. Л. 151–151 об., 194, 200, 379]. Гарнизонные формирования вместе с гвардией обеспечивали порядок на светских церемониях, празднованиях и ассамблеях [Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, с. 496; РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20. Л. 3]. Главной проблемой, с которой сталкивались местные власти, являлась потребность наиболее эффективно распределить караульные команды и военные формирования по городу, не обременяя их лишними обязанностями. 30 марта 1723 г. Бахмеотов получил от Голицына ордер, в котором провозглашалось:

¹⁶ Он ставил лишь свои имя и фамилию (иногда должность) в конце документа.

¹⁷ Для караулов у «рогаток» создавались специальные команды, которые состояли из военных и выборных из местного населения [Агеева, с. 147; РГАДА. Ф. 248. Оп. 18. Д. 1206. Л. 342–373; РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–3].

Караулы содержать, как Его императорского величества собственною рукою на росписи прошлаго 719 году ноября 3 дня розмечено и содержать велено, также и приговор Военной коллегии апреля 30 дня прошлаго 722 году определено. А лишних с караулов, где есть, свести, которые поставлены сверх оной росписи, также и указ Военной коллегии, и которые де даны куды на караулы и к афицерам по писмам его сиятельства или по приказом всех взять же, и чтоб об оном учинить нам, как оные роспись по розметке Его величества собственной руки и указ повелевает [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 163–163 об.].

Гарнизон Санкт-Петербургской крепости играл не последнюю роль в проводившихся в столице торжественных церемониях и праздничных гуляниях¹⁸. Во время прибытия в город или отъезда из него важных государственных персон со стен Санкт-Петербургской крепости устраивали стрельбу из пушек. Бахмеотову следовало заранее определить число пушек и количество залпов из них, варьировавшихся в зависимости от политической значимости того, в чью честь устраивали пальбу [Там же. Л. 143–144, 286–286 об.]. В октябре 1723 г., когда Петр собирался отправиться в путь из Санкт-Петербурга в Москву, Бахмеотов уточнял детали процессии у Меншикова:

...когда Его императорское величество нынешним зимним путем изволит путь свой восприять из Санкт-Питербурха в Москву, тогда для отшествия Его величества с Санкт-Питербургской крепости пушечной стрелбе быть ли, и ежели быть, ис коликого числа пушек. Буде ж Его императорское величество изволит суть восприять напред, а Ее величество государыня императрица после, то для отшествия Ее величества, тако ж и государынь цесаревен пушечной стрелбе быть ли ж и ежели быть, ис коликого числа пушек [Там же. Л. 269].

Под руководством Бахмеотова на территории города осуществлялось несколько строительных проектов. В 1722–1723 гг. он занимался строительством комплексов казенных постоянных дворов (домов) на Санкт-Петербургской и Московской сторонах. Комендант руководил всеми этапами строительства и благоустройства: разведывал место под строительство, искал денежные средства, материалы и работников, планировал инфраструктуру, контролировал ход работ, проверял качество, закупал сено, дрова и прочие необходимые для

¹⁸ Крепость с гордостью демонстрировали иностранным гостям. «На другом берегу реки напротив царских дворцов, – делился участник посольства мазовецкого воеводы С. Хоментовского, посетившего столицу в 1720 г., – возводят в камне большую оборонительную крепость. Посреди нее строят церковь с башней, часы на которой играют французскую музыку. Здесь вообще на дворцах и коллегиях много таких часов, играющих псалмы. В упомянутой крепости много пушек, а со стороны моря всегда висит красно-белый флаг» [Беспярых, с. 141]. О Санкт-Петербургской крепости также можно найти отзывы П. Г. Брюса, Ф.-Х. Вебера, О. де ла Монтрэ, члена свиты Я.-К. Сапеги [Беспярых, с. 103–106, 163–165, 195, 212–214].

жизни в домах вещи, сдавал их внаем или находил откупщиков, собирал с них плату [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 454, 509–509 об., 584; Д. 379. Л. 52, 54, 56, 57, 113, 188–188 об., 279, 320, 349, 395; Павленко, с. 184]. По ходу строительства Бахмеотов взаимодействовал с городскими органами власти. Его деятельность находилась под постоянным контролем генерал-губернатора Меншикова, от которого он получал многочисленные инструкции и на чью помощь мог рассчитывать при решении возникавших в ходе строительства проблем. Отчеты о промежуточных результатах работы комендант посылал Голицыну, которого как военного руководителя столицы также следовало информировать¹⁹ [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 142, 146, 152, 155, 161, 181 об.]. Вместе с тем Бахмеотов сталкивался с генерал-полицмейстером Девиером, державшим под контролем распределение территории и следившим за соблюдением регламентаций, и обер-комиссаром Канцелярии городских дел У. А. Синявным, имевшим в распоряжении материальные и людские ресурсы, необходимые для строительства²⁰.

После успешно проведенного строительства постоянных дворов Бахмеотов возглавил мероприятия по созданию ветряных мельниц. В июне 1723 г. началось возведение ветряных мельниц на реках Малиновка, Охта и на территории Санкт-Петербургской крепости²¹. Возглавить работы поручалось мельничному мастеру В. Ковеновену, который должен был найти лучшее место для строительства²², обозначить необходимые материалы и количество работников [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379. Л. 185–187, 189]. Бахмеотов не всегда находил с Ковеновеном общий язык, поскольку последний, как утверждал Яков Хрисанфович в своих отчетах Меншикову, не предоставлял ему вовремя достоверные сведения о необходимых затратах на строительство [Там же. Л. 197]. Генерал-губернатор снова держал весь процесс под личным контролем и постоянно поторапливал коменданта, указывая строить мельницы «с поспешанием» [Там же. Д. 191. Л. 186 об., 194]. Он также оказывал Бахмеотову помощь в разрешении трудностей с обеспечением строительных работ необходимыми материалами и денежными средствами [Там же. Л. 182–183 об.;

¹⁹ Меншиков указал Бахмеотову обо всем рапортовать Голицыну [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 518. Л. 435 об.].

²⁰ Бахмеотов должен был учитывать мнение генерал-полицмейстера при выборе места под строительство бань около постоянных дворов на Московской стороне [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 487 об., 532; Д. 379. Л. 77–77 об., 109]. В том же году между ними возник конфликт, потребовавший вмешательства Меншикова, относительно фашин, одолженных генерал-полицмейстером, и земли, отданной Синявину вместо Бахмеотова [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 483–483 об., 487–487 об.; Д. 379. Л. 67 об. –68; Д. 577. Л. 169–169 об.].

²¹ О мельницах на территории Санкт-Петербургской крепости см.: [Анисимов, с. 150–151].

²² Для осмотра места с Ковеновеном комендант посылал комиссара, а также ездил самостоятельно.

Д. 379. Л. 188–188 об., 190–191 об., 193–193 об., 197]. Когда к лету 1724 г. ветряные мельницы были возведены, коменданту следовало организовать компанию по их сдаче внаем, а затем собирать плату с арендаторов [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380. Л. 309, 320, 349, 376].

В марте-июле 1724 г. Бахмеотову поручались ремонтные и очистительные работы на Лиговском канале. Комендант весьма успешно проводил необходимые мероприятия, однако вновь не мог добиться своевременного получения необходимых материалов. В данном случае обер-комиссар Канцелярии от строений Синявин не спешил отдавать коменданту свои запасы без указаний государя или Сената и подтверждения Меншикова [Там же. Л. 98 об., 100–101, 102–106 об., 108–109, 112–118 об.]. 24 июля 1724 г. Бахмеотов от работ на Лиговском канале был отставлен и передал их А. И. Ушакову [Там же. Л. 120].

Подводя итог характеристике деятельности Бахмеотова на должности петербургского коменданта, отметим, что она дает возможность не только осветить неизвестные факты его биографии, но и уточнить дискуссионные проблемы историографии. Находит документальное подтверждение многофункциональность полномочий коменданта, ранее обозначившаяся исследователями в связи с деятельностью его предшественников. Согласно приведенному материалу, комендант являлся единицей как военного, так и гражданского управления, поскольку Санкт-Петербургская крепость соединяла в себе черты военного объекта, служившего для защиты города от вражеских атак, и одной из управленческих доминант Санкт-Петербурга. Ядро функционала Бахмеотова составляли заботы о повседневной жизни гарнизона как своеобразного военно-административного социума, предполагавшие решение различного рода управленческих задач (и военных, и гражданских)²³. Деятельность Бахмеотова выходила за рамки Санкт-Петербургской крепости. Наибольший вклад коменданта в столичное управление относится к сфере городского строительства, организации караульного дела, то есть к поддержанию безопасности, выполнению репрезентативных и церемониальных функций.

Занимая прочное место в единой городской управленческой системе, Бахмеотову приходилось взаимодействовать с множеством других государственных институтов. Наиболее тесные связи отмечены с генерал-губернатором Меншиковым, его непосредственным начальником. Практически не прослеживаются контакты Бахмеотова с обер-комендантом Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии Брюсом, упоминания о котором в проанализированных выше источниковых комплексах практически не обнаруживаются.

²³ Его деятельность хотя и находилась под контролем других государственных институтов (прежде всего генерал-губернатора и Военной коллегии), характеризовалась высокой степенью самостоятельности в реализации указов и ордеров, поступавших от вышестоящих инстанций.

«Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова» показывают, что Бахмеотов и Брюс лишь единожды за 1717–1720 гг. вместе навещали генерал-губернатора для обсуждения деловых вопросов в компании с вице-губернатором С. Т. Клокочовым, генерал-аудитором И. В. Кикиным и «прочих довольным числом особ» [Труды и дни, с. 190]. В письме от 19 июня 1719 г. Меншиков указывал коменданту:

...понеже в небытность нашу надлежит вашей милости о всем репортовать господина генерала-лейтнанта и обер-каменданта Санкт-петербургского Брюса, того ради предлагаем вашей милости, дабы по получении сего изволили вы ево о том репортовать, тако ж и по предложению его милости во всем исполнять немедленно [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 130. Л. 276].

Соответственно, в обычных условиях, когда генерал-губернатор был полностью погружен в дела подведомственной ему территории, комендант отчитывался ему напрямую, а подчиненность обер-коменданту носила ситуативный характер [Там же. Д. 131. Л. 49–49 об., 73; Д. 424. Л. 8–10 об.]. Аналогично в 1722–1723 гг. по указанию Меншикова, регулярно отлучавшегося из столицы, о выполнявшихся на территории города миссиях Бахмеотов должен был рапортовать М. М. Голицыну, назначенному Петром I на время Персидского похода военным руководителем Санкт-Петербурга²⁴.

По мере осуществления должностных обязанностей Бахмеотов плотно контактировал с генерал-полицмейстером Девиером, руководившим Полицмейстерской канцелярией, и обер-комиссаром Канцелярии городских дел Синявиным. Взаимодействие с главами Полицмейстерской канцелярии и Канцелярии городских дел происходило в связи с наличием у них взаимно необходимых ресурсов: Городовая канцелярия располагала материалами и мастерами для осуществления строительной деятельности; под ведомством Полицмейстерской канцелярии находились регламентация городской жизни, распределение территорий и контроль за нормами строительства; коменданту подчинялись гарнизонные солдаты и офицеры, активно привлекавшиеся к строительным проектам в качестве рабочей силы. Сюжетно прослеживаются контакты Бахмеотова с центральными органами власти: ситуативные – с Адмиралтейством и Кабинетом; регулярные – с Сенатом, Военной коллегией и Кригскомиссариатом²⁵.

Таким образом, петербургский комендант и подчиненная ему гарнизонная канцелярия органично вписывались в общую систему управления Санкт-Петербургом, имея свою собственную сферу компетенции, и с большой степенью самостоятельности осуществляли возложенные на них управленческие задачи.

²⁴ Однако это не снимало с Бахмеотова обязанностей подробно уведомлять Меншикова.

²⁵ Можно предположить, что обозначенными органами власти список деловых контактов коменданта не ограничивался.

Список литературы

Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра : Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб. : Блиц, 1999. 341 с.

Андреева Е. А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 10–14.

Андреева Е. А. А. Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах – 2005. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 15–31.

Анисимов Е. В. Юный град : Петербург времен Петра Великого. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 366 с.

Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого : очерки. СПб. : Гйоль, 2014. 212 с.

Бахметев, Яков Хрисанфович // Военный энциклопедический лексикон : в 14 т. СПб. : Тип. штаба воен.-учебн. заведений, 1830. Т. 2. С. 197.

Бахметев, Яков Хрисанфович // Энциклопедический лексикон : в 17 т. СПб. : Тип. А. Плюшара, 1836. Т. 5. С. 117.

Бахмиотов, Яков Хрисанфович // Русский биографический словарь А. А. Половцова : в 25 т. СПб. : Тип. Гл. управления уделов, 1900. Т. 2. С. 604–605.

Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. : Наука, 1991. 284 с.

Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) : [сайт]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246484807> (дата обращения: 09.09.2021).

Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга : От начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб. : Тип. Воен. коллегии, 1779. 528 с.

Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журн. М-ва нар. просвещения. 1903. Ч. 139. С. 45–144.

Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца : 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина ; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. М. : Кучково поле : Ретроспектива, 2018. 864 с.

Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М. : ОГИ, 2004. 486 с.

Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 190 с.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.) : ист.-юридич. исслед. М. : Тип. Моск. ун-та, 1876. 350 с.

Павленко Н. И. Меншиков: Полудержавный властелин. 3-е изд. М. : Молодая гвардия, 2016. 399 с.

Петербург в эпоху Петра I : Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории : каталог. Ч. 1. СПб. : Наука, 2003. 790 с.

Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб. : Тип. Глазунова, 1884. 1110 с.

Письма и выписки из писем с.-петербургского генерал-полицеймейстера Девиера к князю А. Д. Меншикову. 1719–1727 // Рус. архив. 1865. Вып. 10–11. С. 244–265.

Походный журнал 1720 года. СПб. : [Б. и.], 1885. 65 с.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56; Ф. 198. Оп. 1. Д. 109, 110, 130, 131, 148, 162, 180, 181, 191, 378–380, 424, 518, 557; Ф. 248. Оп. 18. Д. 1206; Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20.

РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 52.

Редин Д. А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 139–160.

Серов Д. О. Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. М. : Зерцало-М, 2009. 488 с.

Славинский Н. П. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петерб. ист. журн. 2018. № 2. С. 50–59.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова : Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М. : Рос. фонд культуры, 2004. 646 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 6 т. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1859. Т. 6. 660 с.

References

Ageeva, O. G. (1999). “*Velichaishii i slavneishii bolee vsekh gradov v svete*” – grad svyatogo Petra. Peterburg v russkom obshchestvennom soznanii nachala XVIII v. [Petersburg in the Russian Public Consciousness of the Early 18th Century]. St Petersburg, Blits. 341 p.

Andreeva, E. A. (2003). Deyatel’nost’ pervogo peterburgskogo komendanta [State Activity of the First St Petersburg Commandant]. In *Petrovskoe vremya v litsakh – 2003*. St Petersburg, Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 10–14.

Andreeva, E. A. (2005). A. D. Menshikov i obrazovanie Ingermanlandskoi gubernii: territoriya i administrativnoe ustroistvo [Menshikov and the Formation of Ingermanland Province: Territory and Administrative Structure]. In *Petrovskoe vremya v litsakh – 2005*. St Petersburg, Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 15–31.

Anisimov, E. V. (2003). *Yunyi grad. Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young City. Petersburg of the Time of Peter the Great]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 366 p.

Bahmiotov, Yakov Khrisanfovich [Bahmiotov, Yakov Khrisanfovich]. (1900). In *Russkii biograficheskii slovar’ A. A. Polovtsova v 25 t.* St Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Vol. 2, pp. 604–605.

Bakhmetev, Yakov Khrisanfovich [Bakhmetev, Yakov Khrisanfovich]. (1830). In *Voennii entsiklopedicheskii leksikon v 14 t.* St Petersburg, Tipografiya shtaba voenno-uchebnykh zavedenii. Vol. 2, p. 197.

Bakhmetev, Yakov Khrisanfovich [Bakhmetev, Yakov Khrisanfovich]. (1836). In *Entsiklopedicheskii leksikon v 17 t.* St Petersburg, Tipografiya A. Plyushara. Vol. 5, p. 117.

Bazarova, T. A. (2014). *Sozdanie “Paradiza”: Sankt-Peterburg i Ingermanlandiya v epokhu Petra Velikogo. Ocherki* [The Creation of “Paradise”: St Petersburg and Ingermanland in the Era of Peter the Great. Essays]. St Petersburg, Giol’. 212 p.

Bespyatykh, Yu. N. (1991). *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh* [The Petersburg of Peter I in Foreign Descriptions]. Leningrad, Nauka. 284 p.

Biokhronika Petra Velikogo (1672–1725 gg.) [A Bio-chronicle of Peter the Great (1672–1725)]. (N. d.). [website]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246484807> (accessed: 09.09.2021).

Bogdanov, A. I. (1779). *Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga. Ot nachala zavedeniya ego, s 1703 po 1751 god.* [A Historical, Geographical, and Topographic Description of St Petersburg: From the Beginning of Its Foundation, from 1703 to 1751]. St Petersburg, Tipografiya VoЕННОй kollegii. 528 p.

Bogoslovskii, M. M. (1903). Issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya pri Petre Velikom [Research on the History of Local Government under Peter the Great]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 139, pp. 45–144.

Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha Vil’gel’ma Berkholz’a. 1721–1726 [Diary of Chamber Junker Friedrich Wilhelm Berchholz] / introd. by I. V. Kurukin, comment by K. A. Zaleskii, V. E. Klimanov, I. V. Kurukin. (2018). Moscow, Kuchkovo pole, Retrospektiva. 864 p.

Kosheleva, O. E. (2004). *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of the St Petersburg Island at the Time of Peter I]. Moscow, OGI. 486 p.

Lupov, S. P. (1957). *Istoriya stroitel’stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka* [The History of the Construction of St Petersburg in the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 190 p.

Mrochek-Drozdovskii, P. N. (1876). *Oblastnoe upravlenie Rossii XVIII v. do uchrezhdeniya o guberniyakh 7 noyabrya 1775 g. Ch. 1. Oblastnoe upravlenie epokhi pervogo uchrezhdeniya gubernii (1708–1719 g.): istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [Regional Administration in 18th-Century Russia before the Establishment of Provinces on 7 November 1775. Part 1. Regional Administration of the Era of the First Establishment of Provinces (1708–1719): Historical and Legal Research]. Moscow, Tipografiya Moskovskogo universiteta. 350 p.

Pavlenko, N. I. (2016). *Menshikov. Poludnerzhavnyi vlastelin* [Menshikov. Semi-Powerful Ruler]. 3rd Ed. Moscow, Molodaya gvardiya. 399 p.

Peterburg v epokhu Petra I. Dokumenty v fondakh i kollektsiyakh Nauchno-istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburgskogo instituta istorii. Katalog [Peterburg in the Era of Peter I. Documents in the Funds and Collections of the Scientific and Historical Archive of the St Petersburg Institute of History. Catalogue]. (2003). St Petersburg, Nauka. Part 1. 790 p.

Petrov, P. N. (1884). *Istoriya Sankt-Peterburga s osnovaniya goroda* [A History of St Petersburg from the Foundation of the City]. St Petersburg, Tipografiya Glazunova. 1110 p.

Pis'ma i vypiski iz pisem s.-peterburgskogo general-politseimeistera Deviera k knyazyu A. D. Menshikovu. 1719–1727 [Letters and Extracts from Letters of St Petersburg Police General Devier to Prince A. D. Menshikov. 1719–1727]. (1865). In *Russkii arkhiv*. Iss. 10–11, pp. 244–265.

Pokhodnyi zhurnal 1720 goda [Campaign Journal of 1720]. (1885). St Petersburg, S. n. 65 p.

Redin, D. A. (2020). *Ingermanlandskii eksperiment: k predystorii gubernskoi reformy Petra Velikogo* [The Ingermanland Experiment: Against the Background of the Government Reform of Peter the Great]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 22. No. 4 (202), pp. 139–160.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. List 4. Part II. Dos. 56; Stock 198. List 1. Dos. 109, 110, 130, 131, 148, 162, 180, 181, 191, 378–380, 424, 518, 557; Stock 248. List 18. Dos. 1206; Stock 1451. List 1. Dos. 20.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 467. List 4. Dos. 52.

Serov, D. O. (2009). *Sudebnaya reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie* [The Judicial Reform of Peter I: Historical and Legal Research]. Moscow, Zertsalo-M. 488 p.

Slavnitskii, N. R. (2018). *Funktsii komendantov i ober-komendantov krepostei v gody Severnoi voiny* [Functions of Commandants and Chief Commandants of Fortresses during the Northern War]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2, pp. 50–59.

Trudy i dni Aleksandra Danilovicha Menshikova. Povsednevnye zapiski delam knyazyu A. D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg. [The Works and Days of Alexander Danilovich Menshikov. Everyday Notes on the Affairs of Prince A. D. Menshikov 1716–1720, 1726–1727]. (2004). Moscow, Rossiiskii fond kul'tury. 646 p.

Ustryalov, N. G. (1859). *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo v 6 t.* [The History of the Reign of Peter the Great. 6 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 6. 660 p.

The article was submitted on 14.10.2021

Казенная торговля табаком в России петровского времени: Курск и Вязьма*

Алексей Раздорский

Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Россия

The State Tobacco Trade in Russia during the Petrine Era: Kursk and Vyazma

Aleksey Razdorsky

National Library of Russia,
St Petersburg, Russia

Referring to two tobacco books stored in the Russian State Archive of Ancient Acts for Kursk (1720) and Vyazma (1725), the author examines the legal trade in tobacco in these cities. The article provides general information about the total legislative ban on tobacco trade in the seventeenth century and the measures taken in the 1690s to legalise the spread and use of tobacco. The history of the tobacco trade in Russia at the initial stage of its existence remains very poorly studied. The author emphasises the importance of tobacco books of the eighteenth century in the study of domestic tobacco trade. The article presents data on the quantitative and geographical composition of documents found in various funds of the Russian State Archive of Ancient Acts, providing a detailed source characterisation of the Kursk and Vyazma tobacco books (including their volume, structure, and forms of individual articles). The author analyses the volume and turnover of the state-owned tobacco trade in Kursk and Vyazma, determines the assortment of tobacco products sold, traces seasonal fluctuations in the sale of tobacco, and makes conclusions about the amount of income received by the treasury. Additionally, the author carries out a comparative analysis of retail prices for tobacco sold in Kursk and Vyazma, demonstrating the dependence of this indicator on the distance from the main areas of wholesale purchases. Furthermore, he considers the manufacture of snuff, providing information on the ratio of smoking and snuff tobacco in the Russian tobacco market in different historical periods. Based on information about

* *Citation:* Razdorsky, A. (2022). The State Tobacco Trade in Russia during the Petrine Era: Kursk and Vyazma. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 306–318. DOI 10.15826/qr.2022.1.673

Цитирование: Razdorsky A. The State Tobacco Trade in Russia during the Petrine Era: Kursk and Vyazma // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 306–318. DOI 10.15826/qr.2022.1.673 / Раздорский А. Казенная торговля табаком в России петровского времени: Курск и Вязьма // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 306–318. DOI 10.15826/qr.2022.1.673.

the number of the townspeople of Kursk and Vyazma according to the first revision of 1719 and data on the volume of state tobacco trade in these cities, an attempt is made to determine the level of tobacco consumption among the local population. The article provides information on the structure of state expenditures made over the year to ensure the tobacco trade in Vyazma and demonstrates the share of state tobacco profits in the general structure of state revenues (customs, liquor, etc.) in Kursk. Finally, the article provides information on the personnel and social status of the officials responsible for the receipt of state tobacco revenues in Kursk and Vyazma in the indicated years.

Keywords: 18th-century economic history, tobacco trade, tobacco books, Kursk, Vyazma

В статье по материалам двух табачных книг – Курска (за 1720 г.) и Вязьмы (за 1725 г.), хранящихся в РГАДА, предпринята попытка рассмотреть ход легальной торговли табаком в этих городах в указанные годы. Приведены общие сведения о тотальном законодательном запрете табачной торговли в Московском государстве в XVII в. и о мерах, направленных на легализацию распространения и употребления табака, предпринятых в 1690-е гг. Констатируется, что история табачной торговли в России на начальном этапе ее существования остается весьма слабо изученной. Отмечено значение в изучении отечественной табачной торговли табачных книг XVIII в., сообщаются данные о количественном и географическом составе этих документов, выявленных в различных фондах РГАДА, дана подробная источниковедческая характеристика исследованных курской и вяземской табачных книг (объем, структура, формуляры отдельных статей). Проанализированы объемы и обороты казенной табачной торговли в Курске и Вязьме, определен ассортимент продававшейся табачной продукции, прослежены сезонные колебания в сбыте табака, установлены размеры доходов, полученных казной от его реализации. Выполнен сравнительный анализ отпускных цен на табак, продававшийся в Курске и Вязьме, и продемонстрирована зависимость этого показателя от удаленности от основных районов оптовых закупок данного товара. Приведены сведения о рецептуре изготовления нюхательного табака, о соотношении курительного и нюхательного табака на российском табачном рынке в различные исторические периоды. На основании сведений о численности посадского населения Курска и Вязьмы по данным первой ревизии 1719 г. и данных об объемах казенной табачной торговли в этих городах предпринята попытка определить уровень потребления табака среди местного населения. Приведены сведения о структуре казенных расходов, произведенных в течение года для обеспечения табачной торговли в Вязьме, показана доля табачной прибыли в общей структуре казенных доходов (таможенного, питейного и других) в Курске. Сообщаются сведения о персональном составе и социальном положении начальствующих должностных лиц, отвечавших за поступление казенных табачных доходов в Курске и Вязьме в указанные годы.

Ключевые слова: экономическая история XVIII в., табачная торговля, табачные книги, Курск, Вязьма

Легальная торговля табаком, официально считавшимся русскими светскими и церковными властями «бесовским и богомерзким зельем», как и его употребление, находились в Московском государстве под тотальным законодательным запретом вплоть до самого конца XVII столетия. Согласно указу царя Михаила Федоровича, принятому в 1632 г., «на Москве и в городех о табаке заказ учинен крепкой под смертною казнию, чтобы нигде русские люди и иноземцы всякия табаку у себя не держали, и не пили, и табаком не торговали». Помимо смертной казни, нарушителям грозила и конфискация всего имущества. Категорический запрет на сбыт и употребление табака был подтвержден Соборным уложением 1649 г. [Тихомиров, Епифанов, с. 298–300]. Тем не менее, даже такие жесткие меры не могли полностью пресечь контрабандные поставки табака и его тайное употребление населением¹, особенно на окраинах страны (на юге, севере и северо-западе Европейской части, а также в Сибири) [Седов, с. 85], хотя о массовом и повсеместном распространении табака в Московском государстве на протяжении XVII в. говорить все же не приходится.

Первые шаги к легализации табачной торговли относятся к середине 1690-х гг. Сначала разрешение на поставку табака в Россию получил царский сподвижник Яков Брюс, а в 1695 г. исключительное право на сбыт табака в Архангельске и московской Немецкой слободе было передано «торговому иноземцу» Томасу фон де Брахту. 1 февраля 1697 г. был издан именной указ, предписывавший «на Москве, и в городах, и в Сибири продавать табак и торговать явно». Принятие указа мотивировалось, в частности, тем, что табак, потребляемый «во многих домах у всяких чинов людей» в изрядном количестве, привозится из «черкасских городов» (то есть из Малороссии) и «из-за моря» в Архангельск и продается нелегальным образом мимо таможен без уплаты пошлин. Продавать табак было велено свободно подле кабаков, для чего следовало выстроить особые «светлицы». В том же указе были установлены размеры таможенных сборов с табачной продукции², взимание которых возлагалось на выборных голов и целовальников, отвечавших за поступление таможенных и питейных доходов [ПСЗ-1, т. 3, № 1570, с. 276–278]. Именным указом от 4 апреля 1705 г. в стране учреждалась «казенная табачная продажа по примеру питейной» [Там же, т. 4, № 2045, С. 302–304]. Реализацию табака потребителям (как и сбыт алкогольной продукции) могли осуществлять только выборные бурмистры и подведомственные им должностные лица; за незаконную («корчемную») реализацию табака грозили конфискация имущества и ссылка, а в особых случаях –

¹ Табак не только курили и нюхали, но и применяли для изготовления настоек.

² С виргинского и кнастера (сорта табака) – по 15 коп. с фунта, с табака, ввозимого из-за «Свейского рубежа», – по 10 коп. с фунта, с черкасского (листового и свитого) табака – по 5 коп. с фунта.

каторга. Тем же указом были установлены фиксированные отпускные цены на табак³.

Казенная торговля табаком на начальном этапе своего существования до сих пор остается почти не изученной. Между тем в различных фондах РГАДА сохранилось свыше трех десятков табачных книг, в которых имеются данные о сбыте этого товара с указанием объемов продажи, цен и размеров полученной прибыли. Источники указанного типа выявлены по Валуйкам, Великому Устюгу, Вязьме, Енисейску, Илимску, Мангазее, Москве, Мценску, Нерчинску, Путивлю, Севску, Сольвычегодску, Трубчевску, Хлынову (подробнее см.: [Оглоблин, с. 74–75; Раздорский, 2007b, с. 402–462]). Наиболее ранний документ такого рода (десятичная табачная книга по Нерчинску) относится к 1697/98 г. На самом деле круг городов, по которым имеются материалы о казенной табачной торговле, шире, поскольку нередко записи о реализации табака собраны не в отдельной книге, образующей самостоятельную единицу хранения, а представлены в особых разделах книг комплексного содержания, в которых отражены различные виды торговых доходов. В некоторых документах записи о табачной торговле объединены с данными о продаже курительных трубок и игральные карт⁴.

При подготовке настоящей публикации к изучению были привлечены две табачные книги, относящиеся к городам, расположенным в разных регионах страны, – Курску и Вязьме. В курской книге приведены сведения за 1720 г., в вяземской – за 1725-й. Следует отметить, что в обоих городах сбор табачных доходов в указанные годы находился под контролем выборных бурмистров, а не откупщиков. Данный факт не подтверждает распространенное в литературе утверждение, что казенная табачная продажа в России с 1716 по 1727 г. находилась исключительно на откупе [Богданов, с. 41].

* * *

Курская табачная книга представляет собой особый раздел общей приходо-расходной книги, включающей сведения о поступлении таможенных, питейных, табачных и явочных денег, а также канцелярского сбора по Курску и Курскому уезду. Она хранится в РГАДА в фонде № 273 («Камер-коллегия») [РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32772. Л. 616–620 об.]. Табачная книга, насчитывающая пять листов форматом в 2°, имеет следующее заглавие: «Книги записные о продаже табака нынешнего 720-го году курские таможни и кружеч-

³ «И велеть табак продавать кабацким бурмистрам и целовальникам, фунтовой по 8 алтын по 2 деньги фунт, витой по 2 деньги аршин; а тертой готовить: класть на фунт золы по фунту по 38 золотников, воды по 82 золотника, бумаги по 56 золотников; итого тех припасов на цельной один фунт привесу по 2 фунта по 80 золотников; а вертеть тот спускной тертой табак в бумаге, в 6 алтын фунт» [ПСЗ-1, т. 4, № 2045, С. 303].

⁴ По Великому Устюгу за 1726 г. имеется, например, «табачная, картяная и трубочная книга».

ного двора бурмистра Тита Нифонова с товарищи». Открывается она сводкой о количестве табака и оберточной бумаги, принятой от предыдущей администрации таможи и кружечного двора (бурмистра Ивана Даньшина со товарищи). Затем приведены записи о продаже табака «врознь» (в розницу) по месяцам. В них указаны сорт табака, его количество, стоимость, общий размер прибыли. Например:

Да в феврале месяце продано приемного черкасского листового табака врознь дватцать фунтов, ценою по дватцати по четыре алтына пуд, итого за оной табак взято двенатцать алтын [РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32772. Л. 617 об.].

Отдельно зафиксированы случаи продажи сравнительно крупных партий табака в одни руки (от 15 до 20 фунтов). В подобных ситуациях отмечены дата покупки и покупатель табака с указанием их места жительства, социального статуса, имени и фамилии (прозвища). Например:

Марта в 3 день продано приемного черкасского листового табака Московского уезду села Молодей Алексею Иевлеву дватцать фунтов, ценою по дватцати по четыре алтына пуд, итого взято за оной табак двенатцать алтын [Там же].

После помесячных показателей подведены итоги табачной торговли за год. Завершается книга сводкой о количестве табака и оберточной бумаги, оставшихся к концу года нереализованными и переданными новой администрации таможи и кружечного двора («бурмистру Антипу Попову со товарищи»)⁵.

К началу 1720 г. в распоряжении администрации курской таможи и кружечного двора имелось в запасе 2 пуда 4 фунта тертого табака⁶, 15 пудов 6 руль «витого красного табака»⁷, 221 пуд 37,5 фунта «черкасского листового табака» (в том числе «топлого и слеглого») 81 пуд 32 фунта), а также 2 стопы 3 дести оберточной бумаги для упаковки тертого табака.

В табачной книге отмечено, что весь тертый табак был прислан в Курск из Московской ратуши. Большая часть черкасского листового

⁵ Все три бурмистра 1719–1721 гг. (Даньшин, Нифонов, Попов) являлись, согласно переписной книге Курска 1723 г., местными посадскими людьми [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1666. Л. 65, 67 об., 75, 87 об. –88].

⁶ В записи об имеющемся в запасе тертом табаке отмечено, что его объем составлял «два пуда четыре фунта, а в пуде по тридцати фунтов». В пуде, как известно, насчитывалось 40 фунтов. По-видимому, здесь имеется в виду объем чистого табака в составе табачной смеси, включавшей, помимо табака, и другие ингредиенты (подробнее об этом сказано далее при рассмотрении табачной торговли в Вязьме). Черкасский же листовой табак продавался в чистом виде, поэтому его вес показан в соответствии с традиционной системой деления пуда (например, в январе за 1 пуд 20 фунтов табака было выручено 1 руб. 8 коп., то есть объем проданного табака в данном случае составил 1,5 пуда или 60 фунтов).

⁷ Пуд витого табака насчитывал 34 рули, то есть в руле в среднем было 470,6 г табака.

табака была закуплена казной еще в 1712 г. в количестве 132 пуда 5,5 фунта, а также получена в качестве конфиската – «пенного табака» (от слова «пени») из канцелярии Курской провинции Киевской губернии в 1717 и 1718 гг. Происхождение витого красного табака в документе не указано. В июле 1720 г. запасы черкасского листового табака возросли еще на 12 пудов 15,75 фунта за счет табака, полученного в качестве компенсации от курянина Родиона Ветчинкина, в бытность которого бурмистром в 1717 г. часть табачных запасов была уничтожена пожаром.

В течение 1720 г. в Курске производилась продажа только черкасского листового табака. Связано ли это с отсутствием спроса на другие виды табака или с какими-либо иными причинами, сказать затруднительно. Торговля табаком осуществлялась как в розницу, так и мелким оптом. В обоих случаях отпускная цена товара составляла 72 коп. за пуд. Наиболее оживленно табачная торговля велась в ноябре и особенно в декабре (в течение последнего месяца 1720 г. было реализовано 40,2 % всего объема годовой продажи) (табл. 1).

Таблица 1

Табачная торговля в Курске в 1720 г. по месяцам

Месяц	Розница		Мелкий опт	
	объем (пуды)	выручка (руб.)	объем (пуды)	выручка (руб.)
Январь	1,5	1,08	—	—
Февраль	0,5	0,36	1,5	1,08
Март	—	—	0,5	0,36
Апрель	0,5	0,36	—	—
Май	1,5	1,08	—	—
Июнь	1,25	0,9	—	—
Июль	1,5	1,08	—	—
Август	1,75	1,26	—	—
Сентябрь	1,25	0,9	—	—
Октябрь	1,5	1,08	—	—
Ноябрь	4,25	3,06	—	—
Декабрь	11,375	8,19	0,375	0,27
<i>Итого</i>	<i>26,875</i>	<i>19,35</i>	<i>2,375</i>	<i>1,71</i>

Среди покупателей мелкооптовых партий табака отмечено шесть человек. Трое из них являлись помещичьими крестьянами из деревни Вазжихиной Дудинского стана Можайского уезда, двое – вотчинными крестьянами из деревни Владычной Костромского уезда, и один – жителем села Молоди Московского уезда (его социальный статус в документе не обозначен, возможно, он являлся торговым крестьянином).

Общий объем проданного в Курске за год табака составил 29,25 пуда, а оборот табачной торговли – 21 руб. 6 коп.⁸ Основное количество табака было реализовано через розничную продажу (91,9 %). Объем проданного черкасского листового табака составил 12,1 % от имевшегося в запасе к началу 1720 г.

* * *

Вяземская табачная книга является самостоятельным документом. Она также находится в 273-м фонде РГАДА [РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32760]. Надо полагать, что эта книга была составной частью общего годового комплекса приходо-расходной документации вяземской таможни и кружечного двора за 1725 г., остальные части которого до нас не дошли.

Книга, насчитывающая 44 листа форматом в 2°, начинается следующей преамбулой:

Лета 1725-го генваря в день⁹ по указу его императорского величества книги записныя збору его императорского величества денежные казны вяземской табачной продажи прибыли выборных верных зборщиков сего 725-го году вязмич посацких людей Дементья Сибекина, Андрея Кувалдина, Никиты Бочарова, что принято остаточного табаку от прошлого 724-го году у вяземских же верных табачных зборщиков, у Моисея Засыпкина с товарищи на продажу в нынешней 725-й год [РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32760. Л. 1].

Затем следуют записи о приемке оставшегося запаса табака у предыдущей администрации вяземской таможни и кружечного двора и о закупке новой партии табака для его последующей реализации в Вязьме.

Основной объем книги составляют помесячные разделы, содержащие приходо-расходные записи о ходе табачной торговли в городе и уезде. В начале каждого такого раздела приведены сведения об имеющейся в наличии денежной сумме, вырученной от продажи табака, и об объеме табака, находящегося в запасе. Далее следуют итоговые показатели реализации табака в течение месяца с указанием объема проданного табака, его отпускной стоимости и общей суммы выручки. Например:

Июля с первого числа августа по первое число продано в Вязме и в Вяземском уезде. Покупного попушного черкасского табаку целного тертого восем фунтов в складке с припасы тритцать адин фунт дватцать четыре золотника по шести алтын фунт, а дватцать четыре золотника адин алтын

⁸ Для сравнения: в Енисейске с 15 января по 1 июля 1701 г. было продано 2 пуда 10 фунтов привезенного из Тобольска «листового немецкого» табака по указной цене 75 коп. за фунт (то есть по 30 руб. за пуд) [Оглоблин, с. 75].

⁹ Число не указано.

полторы копейки. Итого пять рублей шездесят две копейки две четверти копейки. Свито табаку пуд восемь фунтов. И с того числа витого пятьсот осмнатцать аршин по две деньги аршин. Итого пять рублей осмнатцать копейк. Всего в продаже табаку пуд шеснатцать фунтов ценою на десять рублей на восемьдесят копейк с полукопейкою [РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32760. Л. 22–23].

Затем указана общая начальная стоимость проданного табака («истинна») и размер полученной прибыли. В расположенных следом расходных записях отмечены произведенные из прибыльных сумм денежные отчисления на обеспечение деятельности табачной избы «без чего пробыть невозможно», например:

Куплено к табачной избе дров на четырнатцать копейк, свечь сальных на одиннатцать копейк, бумаги на вертку табака на две копейки, бумаги пищей для письма репортов на три копейки, да за наем избы, в которой табачная продажа имелась и збиралась денежная казна дано два рубли пятьдесят копейк, от тирки и от витья табака работнику дано рубль пять копейк, за относ в Смоленск¹⁰ месячной ведомости дано пятнатцать копейк [Там же. Л. 38 об. –39].

В конце каждого помесячного раздела подведен баланс оставшейся казенной денежной сумме и табачному запасу.

В конце вяземской табачной книги помещены итоговые сводки об объемах продажи табака, полученных от его реализации доходах и произведенных расходах за год в целом, а также о передаче казенных денежных сумм и запасов табака вновь выбранным на 1726 г. табачным сборщикам.

Вяземские верные табачные сборщики 1724 г. передали 1 января 1725 г. своим сменщикам 2 пуда 4 фунта «попушного черкасского» табаку стоимостью 1 руб. 20 коп. за пуд («папуши» – связки сухих табачных листьев; «папушным» назывался некрошенный табак [Даль, с. 17]¹¹). Кроме того, в конце марта 1725 г. в Стародубе (Киевская губерния) казенными посыльными было куплено и доставлено в Вязьму еще 24 пуда такого же табака, обошедшегося «с провозом и с хорчами» по той же цене.

В Вязьме, в отличие от Курска, в 1725 г. сбывался не только листовой табак, но и тертый, поступавший в продажу в виде смеси с добавлением золы и воды. Эта смесь расфасовывалась в бумажные обертки (в течение года за бумагу «на вертку табаку» было израсходовано 20,25 коп. казенных денег). В январской записи вяземской табачной книги отмечено, что на фунт цельного тертого табаку «припасов положено золы по фунту по сороку по пяти золотников, воды по осмидесяти по два золотника, бумаги по пятидесят по шести золотников» [РГАДА. Ф. 273. Оп. 1.

¹⁰ Вязьма в 1725 г. входила в состав Смоленской провинции Рижской губернии.

¹¹ В словаре Даля отмечено также, что «папушным зовут второй сорт на Украине; первый махорка» [Даль, с. 17].

Ч. 8. Д. 32760. Л. 4–4 об.]¹², то есть на фунт табака (409 г) добавлялось 601 г золы и 347 г воды¹³. Надо полагать, что под «тертым» табаком, смешанным с золой и водой, в источнике подразумевается не курительный, а готовый к употреблению нюхательный табак, для выработки которого как раз и применялись указанные ингредиенты¹⁴. Так, в очерке В. А. Гиляровского «На трубе», вошедшем в сборник «Москва и москвичи», приводится старинный рецепт нюхательного табака, процесс приготовления которого отчасти напоминает зафиксированный в вяземской табачной книге¹⁵. Всего в течение 1725 г. в Вязьме было реализовано 39 фунтов чистого тертого табака (или 3 пуда 32 1/3 фунта смеси с учетом золы, воды и бумаги) на общую сумму 27 руб. 45,75 коп.¹⁶, то есть фунт готовой к употреблению расфасованной нюхательной табачной смеси стоил в продаже 18 коп. (или 7 руб. 20 коп. за пуд).

Листовой табак сбывался в Вязьме свитым в рули по 1 коп. за аршин (71,1 см). Всего в течение 1725 г. его было продано 21 пуд 6 фунтов (8543 аршина) на 85 руб. 43 коп.¹⁷ Таким образом, из фунта листового табака выходило в среднем 10 аршин «витого», а стоимость фунта такого табака в продаже составляла 10 коп. (или 4 руб. за пуд). Отпускные цены на тертый и «витой» табак, как видим, находились в Вязьме на уровне, установленном указом от 4 апреля 1705 г.

Всего за 1725 г. через вяземскую табачную избу было реализовано 22 пуда 5 фунтов табака на 112 руб. 88,75 коп. Общая закупочная стоимость табака составила 26 руб. 55 коп., а прибыльных денег от его продажи было получено 86 руб. 33,75 коп., то есть норма прибыли оказалась равной 325,2 % (табл. 2).

¹² В остальных помесечных записях подобная подробная раскладка не приводится.

¹³ Объем добавленных воды и бумаги точно соответствовал нормам, приведенным в указе от 4 апреля 1705 г., золы же на фунт табака добавлялось на 7 золотников (30 г) больше, чем было предписано в данном указе.

¹⁴ При смешивании табака с золой происходило изменение кислотности нюхательной табачной смеси в щелочную сторону, а при ее употреблении достигалось увеличение всасывания никотина в кровь через слизистую носа.

¹⁵ «Купить полсажени осинового дров и сжечь их, просеять эту золу через сито в особую посуду. Взять листового табаку махорки десять фунтов, немного его подсушить (взять простой горшок, так называемый коломенский, и ступку деревянную) и этот табак класть в горшок и тереть, до тех пор тереть, когда останется не больше четверти стакана корешков, которые очень трудно трутся: когда весь табак перетрется, просеять его сквозь самое частое сито. Затем весь табак сызнова просеять и высевики опять протереть и просеять. Зола также второй раз просеять. Соединить золу с табаком так: два стакана табаку и один стакан золы, сыпать это в горшок, смачивая водой стакан с осью, смачивать не сразу, а понемногу, и в это время опять тереть, и так тереть весь табак до конца, выкладывая в одно место (далее идет речь об ароматизации табака сосновым и розовым маслом и розовой водой. – А. Р.). <...> Затем насыпать в бутылки; насыпав в бутылки табак, закурить его пробкой и завязать пузырем, поставить их на печь дней на пять или на шесть, а на ночь в печку ставить, класть их надо в лежачем положении. И табак готов» [Гиляровский, с. 153–154].

¹⁶ Согласно итоговой сводке за год; по суммированию помесечных итогов – 27 руб. 45,5 коп.

¹⁷ Согласно итоговой сводке за год; по суммированию помесечных итогов – 85 руб. 37 коп.

Таблица 2

Табачная торговля в Вязьме в 1725 г. по месяцам

Месяц	Тертый табак		Витой листовой табак		Всего			
	объем (пуды)	выручка (руб.)	объем (пуды)	выручка (руб.)	объем (пуды)	выручка (руб.)	начальная стоимость (руб.)	прибыль (руб.)
Январь	0,125	3,5175	0,8	3,12	0,925	6,6375	1,11	5,5275
Февраль	0,025	0,705	0,8	3,12	0,825	3,825	0,99	2,835
Март	0,075	2,115	0,275	1,095	0,35	3,21	0,42	2,79
Апрель	0,025	0,705	0,8	3,12	0,825	3,825	0,99	2,835
Май	0,125	3,5175	1,025	4,285	1,15	7,8025	1,38	6,4225
Июнь	0,075	2,115	2,9	12,055	2,975	14,17	3,57	10,6
Июль	0,2	5,625	1,2	5,18	1,4	10,805	1,68	9,125
Август	0,125	3,5175	0,8375	3,17	0,9625	6,6875	1,155	5,5325
Сентябрь	0,025	0,705	1,8875	7,525	1,9125	8,23	2,295	5,935
Октябрь	0,05	1,40875	3,2	12,45	3,25	13,85875	3,90	9,95875
Ноябрь	0,075	2,115	3,6	15,05	3,675	17,165	4,41	12,755
Декабрь	0,05	1,40875	3,825	15,2	3,875	16,60875	4,65	11,95875
<i>Итого</i>	<i>0,975</i>	<i>27,455</i>	<i>21,15</i>	<i>85,37</i>	<i>22,125</i>	<i>112,825</i>	<i>26,55</i>	<i>86,275</i>

Как и в Курске в 1720 г., наиболее интенсивно табачная торговля в Вязьме в 1725 г. протекала в конце года. Пик продаж табака (хотя и не столь явно выраженный, как в Курске) здесь также пришелся на декабрь, а всего за последние три месяца 1725 г. в Вязьме была реализована почти половина (48 %) годового объема этого товара.

* * *

Сравнивая отпускные цены на табак в двух городах, видим, что в Вязьме они были существенно выше: если в Курске пуд черкасского листового табака сбывался в 1720 г. по 72 коп., то в Вязьме такой же табак, свитый в рули, пятью годами позже стоил уже 4 руб. за пуд, то есть в 5,5 раза дороже. Здесь решающим фактором была, судя по всему, географическая близость Курска к Малороссии, где осуществлялись основные оптовые закупки табака для казенной продажи¹⁸.

Насколько распространено было потребление табака в 1720-е гг.? Зная объемы казенной табачной торговли в Курске в 1720 г. и в Вязьме в 1725 г., можно попытаться сравнить данные показатели с чис-

¹⁸ В XVIII в. Россия экспортировала от 17 до 40 тыс. пудов табачного сырья по цене от 60 до 90 коп. за пуд. При этом пуд импортного табака, которого ввозилось от 8 до 16 тыс. пудов, стоил от 8 до 12 руб. Необработанный табак на внутрисосийском рынке в 1840-е гг. продавался по 40–80 коп. за пуд [Конотопов, Сметанин, с. 135].

ленностью населения этих городов. Известно, что первая ревизия 1719 г. зафиксировала в Курске 2 554 души посадских людей мужского пола, в Вязьме – 2 334 души [Кизеветтер, с. 90]. При весьма близких по численности посадских общинах объемы казенной продажи табака в Курске в 1720 г. оказались в 1,3 раза больше, чем в Вязьме пятью годами позднее. В Курске при пересчете объема проданного легальным образом табака на одного посадского человека мужского пола (независимо от возраста) приходилось по 187 г табака в год, в Вязьме – по 155 г. При этом надо, конечно же, учитывать, что, помимо посадских людей, табак покупали представители и иных социальных групп местного населения, а также приезжие.

Сведениями о среднедушевом потреблении табака в первой половине XVIII в. мы не располагаем. Имеющиеся на этот счет данные относятся к более поздним временам. Например, в конце 1850-х гг. в Российской империи на душу населения в год потреблялось 800 г табака [Конотопов, Сметанин, с. 136]. В годы Великой Отечественной войны по первой норме довольствия, то есть на передовой, бойцам РККА в сутки выдавалось по 20 г махорки [Богданов, с. 220]. В наши дни, согласно информации, имеющейся в Интернете на профильных форумах, трубочуры потребляют ежемесячно в среднем порядка 400–500 г трубочного табака.

При этом необходимо иметь в виду, что вплоть до начала XIX в. в России преобладало потребление не курительного, а нюхательного табака [Богданов, с. 52]. Так, в 1804 г. нюхательного табака было произведено в 29 раз больше, чем курительного (к концу 1810-х гг. их доли сравнялись, а в 1861 г. нюхательного табака было выпущено уже в семь раз меньше, чем курительного) [Конотопов, Сметанин, с. 138]. К сожалению, сколько-нибудь точной информации о среднедушевом потреблении нюхательного табака по сравнению с курительным нам обнаружить не удалось.

Разумеется, помимо легальной табачной торговли, существовала и нелегальная, однако оценить ее масштабы в Курске и Вязьме в рассматриваемые годы исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных затруднительно. Из курской табачной книги известно лишь, что в 1717 г. из канцелярии Курской провинции местному бурмистру в запас было прислано 81 пуд 32 фунта «топлого и слеглого» черкасского листового «пенного» табака, а в 1718 г. – еще 8 пудов табака-конфиската.

В целом материалы изученных табачных книг позволяют предположить, что объемы потребления табака в Курске и Вязьме в 20-е гг. XVIII в. находились еще на сравнительно невысоком уровне. Табакокурение, а также использование нюхательного табака еще только начинали пускать корни в широких слоях русского провинциального общества. В структуре казенных доходов, собиравшихся выборными бурмистрами в рассматриваемый период, табачные деньги, по-видимому, еще не играли сколько-нибудь значимой роли. Во всяком случае, в Курске прибыль от продажи табака составила в 1720 г.

всего 0,3 % от общей суммы казенных поступлений (таможенных пошлин, питейного дохода и др.) [Раздорский, 2007а, с. 74–75].

История табачной торговли в России в XVIII в. требует дальнейшего изучения. Для этого необходимо привлечение к исследованию как табачных книг по другим городам, так и других видов исторических источников.

Список литературы

Богданов И. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 273 с.

Гиляровский В. А. Москва и москвичи : Очерки старомосковского быта. М. : Сов. писатель, 1935. 391 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 3. 555 с.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М. : Университет. тип., 1903. VI, 810 с.

Конотопов М. В., Сметанин С. И. Развитие экономики России в XVI–XX веках : избр. тр. : к 65-летию М. В. Конотопова : в 4 т. СПб. : Алетейя, 2018. Т. 2. Развитие промышленности в крепостной России. 394 с.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) : [в 4 ч.]. М. : Университет. тип., 1897. Ч. 2. Документы таможенного управления. 162 с. ПСЗ. Собр. 1. Т. 3, 4.

Раздорский А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. : Исследование. Текст. Комментарии. СПб. : Дмитрий Буланин, 2007а. 623 с.

Раздорский А. И. Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // Археогр. ежег. за 2005 год. М. : Наука, 2007б. С. 394–462.

РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32760, 32772; Ф. 350. Оп. 2. Д. 1666.

Седов П. В. Контрабандная торговля табаком в порубежных территориях Новгородской земли во второй половине XVII в. // Тр. Карел. науч. центра РАН. 2012. № 4. С. 85–92.

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

References

Bogdanov, I. (2007). *Dym otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokurenija* [Smoke of the Fatherland, or A Brief History of Tobacco Smoking]. Moscow, Novoe literaturnoe obozreniye. 273 p.

Dahl, V. I. (1955). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [An Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. Vol. 3. 555 p.

Giylarovskii, V. A. (1935). *Moskva i moskvichi. Ocherki staromoskovskogo byta* [Moscow and Muscovites. Essays on Old Moscow Everyday Life]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 391 p.

Kizevetter, A. A. (1903). *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII stoletiya* [The Posad Community in 18th-Century Russia]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. VI, 810 p.

Konotopov, M. V., Smetanin, S. I. (2018). *Razvitie ekonomiki Rossii v XVI–XX vekakh. Izbrannyye trudy. K 65-letiyu M. V. Konotopova v 4 t.* [The Development of the Russian Economy in the 16th–20th Centuries. Selected Works. For M. V. Konotopov's 65th Birthday. 4 Vols.]. St Petersburg, Aleteiya. Vol. 2. Razvitie promyshlennosti v krepostnoi Rossii. 394 p.

Ogloblin, N. N. (1897). *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) v 4 ch.* [Review of Columns and Books of the Siberian Order (1592–1768). 4 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 2. Dokumenty tamozhennogo upravleniya. 162 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 3, 4.

Razdorsky, A. I. (2007a). *Kniga tamozhennogo i piteinogo sbora Kurska i Kurskogo uyezda 1720 g. Issledovanie. Tekst. Kommentarii* [The Book of Customs and Liquor Tax in Kursk and Kursk District in 1720. Research. Text. Comments]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 623 p.

Razdorsky, A. I. (2007b). Tamozhennye knigi Evropeiskoi Rossii XVIII v. v fondakh RGADA (kolichestvennaya, khronologicheskaya i geograficheskaya kharakteristika) [Customs Books of European Russia in the 18th Century in the Funds of the RGADA (Quantitative, Chronological, and Geographical Characteristics)]. In Shmidt, S. O. (Ed.) *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2005 god.* Moscow, Nauka, pp. 394–462.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 273. List 1. Part 8. Dos. 32760, 32772; Stock 350. List 2. Dos. 1666.

Sedov, P. V. (2012). Kontrabandnaya trgovlya tabakom v porubezhnykh territoriyakh Novgorodskoi zemli vo vtoroi polovine XVII v. [Trade in Smuggled Tobacco on the Border Territories of the Lands of Novgorod in the Second Half of the 17th Century]. In *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN.* No. 4, pp. 85–92.

Tikhomirov, M. N., Epifanov, P. P. (1961). *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [*Sobornoe Ulozhenie* of 1649]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 444 p.

The article was submitted on 21.07.2021

Время и причины ухода Федора Колычева в Соловецкий монастырь*

Андрей Усачев

¹Московский государственный институт международных отношений;

²Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

The Time and Reasons for Fyodor Kolychev's Retreat to the Solovetsky Monastery

Andrey Usachev

¹Moscow State Institute of International Relations;

²Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia

This article considers the first stage of the life of Metropolitan Filipp (lay name Fyodor Stepanovich Kolychev, 1566–1568). The author focuses on the motives and circumstances of his retreat to the Solovetsky monastery. The work calls into question the widespread hypothesis according to which his joining the monastery was closely connected with the repression against the Kolychevs after the suppression of the Staritsky mutiny in 1537. The author demonstrates that, firstly, Stepan Kolychev's family was not persecuted and, secondly, that Fyodor had gone to the Solovetsky Islands before the Staritsky mutiny took place, i. e. in the first half of 1534. By that time, he was a mature twenty-seven-year-old (by the standards of the time). The author comes to conclusion that Fyodor decided to enter the monastery consciously and voluntarily. The reasons for his decision should not be sought in the political sphere but only in the sphere of religious consciousness. By the moment of taking his monastic vows, he had no unrealised political ambitions left. This fact distinguishes him from Vassian (Patrikeev) and Filaret (Romanov), who were forced to take monastic vows and regarded the Church as the sphere where they could realise their ambitions. Fyodor's social skills may have played a very important role in him being elected abbot of the Solovetsky monastery. The monks needed a young and active abbot who would have the skills and experience to manage a large household. At 37–

* *Citation*: Usachev, A. (2022). The Time and Reasons for Fyodor Kolychev's Retreat to the Solovetsky Monastery. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 319–334. DOI 10.15826/qr.2022.1.674.

Цитирование: Usachev A. The Time and Reasons for Fyodor Kolychev's Retreat to the Solovetsky Monastery // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 319–334. DOI 10.15826/qr.2022.1.674 / Усачев А. Время и причины ухода Федора Колычева в Соловецкий монастырь // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 319–334. DOI 10.15826/qr.2022.1.674.

38 years of age, Filipp had business acumen, and not so many monks came from the service class. The election of Filipp contributed to the flourishing of the Solovetsky monastery's patrimony in the 1540s–1560s. The research refers to chronicles, acts, colophons, and the *Life of Metropolitan Filipp*. These historical sources are analysed with the help of source study methods, which make it possible to reconstruct the past from contradictory and fragmentary evidence. The author pays much attention to the analysis of Filipp's *Life* and tries to distinguish valuable facts of his biography from typical hagiographic motifs.

Keywords: monasticism, Russian Church, Metropolitan Filipp, Kolychevs, Staritsky mutiny, Solovetsky monastery, 16th century, service class

Рассматривается первый этап жизни митрополита Филиппа (в миру – Федора Степановича Колычева, 1566–1568). Автор сосредотачивается на изучении мотивов и обстоятельств его ухода в Соловецкий монастырь. В работе оспаривается распространенная в литературе гипотеза о том, что уход Филиппа был напрямую связан с репрессиями против Колычевых после подавления Старицкого мятежа в 1537 г. Показано, что, во-первых, непосредственно семья Степана Колычева репрессиям не подверглась, во-вторых, уход Федора на Соловки состоялся до Старицкого мятежа – в первой половине 1534 г. К этому времени он уже был зрелым по меркам Средневековья 27-летним человеком. Автор приходит к выводу о добровольности и осознанности решения Федора об уходе в монастырь. Устанавливается, что причины этого шага следует искать не в политической сфере, а исключительно в сфере религиозного сознания. К моменту пострига нереализованных политических амбиций у Филиппа не осталось. Это отличало его от Вассиана (Патрикеева) и Филарета (Романова), вынужденно принявших постриг и порой рассматривавших церковную сферу как поле для удовлетворения своего честолюбия. «Социальный капитал», которым располагал Филипп к моменту пострига, мог сыграть важную роль в его избрании в игумены Соловецкого монастыря. Его иноки нуждались в относительно молодом и энергичном настоятеле, который располагал навыками и опытом управления крупным хозяйством. 37–38-летнего Филиппа отличала приобретенная в миру хозяйственная хватка, а иных иноков из среды служилых людей в этой обители в этот период было немного. Избрание Филиппа в игумены во многом предопределило расцвет вотчины Соловецкого монастыря в 1540–1560-е гг. В основу исследования положены летописные и акты источники, записи на книгах, а также Житие митрополита Филиппа. Их изучение ведется с применением методов источниковедческого анализа, позволяющих из отрывочных и порой разноречивых показаний источников воссоздать картину прошлого. Особое внимание уделено анализу текста жития Филиппа, давшего возможность отделить представленные в нем ценные сведения о биографии митрополита от основного текста, написанного с обильным использованием агиографической топики.

Ключевые слова: монашество, Русская церковь, митрополит Филипп, Колычевы, Старицкий мятеж, Соловецкий монастырь, XVI в., служилые люди

Деятельность митрополита Филиппа (Колычева) представляет одну из самых трагических страниц в истории Русской церкви XVI в. В ходе его конфликта с Иваном IV под давлением самодержца Освященный собор осудил и сместил первосвященника с кафедры. Для анализа позиции Филиппа в его споре с царем об опричнине большое значение имеет вопрос о мотивах и времени прихода в церковь выходца из знатного служилого рода, целый ряд представителей которого был казнен русским царем. Поиски ответа на этот, на первый взгляд, частный вопрос существенно расширяют возможности исследователей при изучении важнейшей проблемы в истории церкви – связи между «социальным капиталом», которым располагали ее руководители в миру, и их деятельностью после ухода от него.

Колычевы и русская знать в XVI в.

Происхождение соловецкого игумена, в 1566–1568 гг. занимавшего всероссийскую кафедру, Филиппа (в миру – Федора Степановича Колычева), специально изучил А. А. Зимин, рассмотрев основных представителей рода старомосковской знати, происходившего от боярина XIV в. Андрея Кобылы [Зимин, 1964]. Весьма многочисленные в рассматриваемый период Колычевы располагали владениями в Московском, Переяславском, Дмитровском, Коломенском и других уездах, а также на территории Бежецкой, Вотской, Деревской и Шелонской пятин Новгородской земли.

Измельчавшие к XVI в. Колычевы тем не менее играли заметную роль на военной и административной службе. Ряд Колычевых фиксируется в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради середины XVI в. Правда, из многих десятков представителей рода до думного чина дослужились единицы. Окольничими стали Иван Иванович Рудак (вероятно, в 1540 г.), Иван Иванович Умной (1549 г.), Михаил Иванович (1565 г.), Василий Иванович Умной (вскоре после начала опричнины). Лишь Федор Иванович Умной получил боярство (1562 г.; окольничий – с 1557 г.) [Зимин, 1964, с. 66–68].

Служебный статус прочих Колычевых (в том числе отца митрополита Степана) был существенно ниже. Итоги анализа персонального состава Старицкого двора (в нем служил ряд Колычевых, в том числе дядя Федора (Филиппа) Иван Иванович Умной) показали, что «со служебной точки зрения на старицкой службе, кроме князя Ф. Д. Пронского и отчасти князей Волконских, были представлены второстепенные лица, не имевшие опыта разрядных назначений» [Бенцианов, 2012, с. 72]. Если Иван Иванович Умной существенно повысил свой статус за счет перехода на службу в Старицкий удел, то служебное положение оставшихся на государевой службе по Новгороду его старших братьев (в том числе отца будущего иерарха Степана) было заметно ниже. Согласно оценке М. М. Бенцианова, специально занимавшегося персональным составом новгородской служилой корпорации, они «прозябали» «без перспектив карьерного продвижения» [Бенцианов, 2013, с. 24].

Так или иначе Федор происходил из рода, который представлял, по определению А. А. Зимина, «верхний слой класса феодалов» [Зимин, 1964, с. 69]. Соглашаясь с историком, уточним: речь шла о низшей ступени этого слоя. С точки зрения знатности, влияния и имущественного положения Колычевы значительно уступали представителям иных старомосковских родов (Челядниным, Романовым, Шереметевым, Морозовым, Сабуровым и др.), не говоря уже о титулованной знати (кн. Бельских, Мстиславских, Воротыньских, Шуйских, Оболенских, Сицких, Курбских и некоторых других). Большинство их взрослых представителей входило в Думу. Среди достаточно многочисленных Колычевых такой чести удостоились лишь единицы.

Место рождения и проживания до пострига

Отец будущего митрополита Степан, как и его братья, а позднее и сыновья, располагал владениями на территории Новгородской земли (отдельные владения братьев и племянников Степана фиксируются также под Старицей и Торжком) [Зимин, 1964, с. 68–69]. Рассматривая вопрос о наиболее вероятном месте рождения и проживания Федора до пострига, обратим внимание на два обстоятельства.

1. Житие Филиппа (Тулуповская и Колычевская редакции) прямо именует Степана новгородцем [Лобакова, с. 166, 206]. Уже не позднее 1496 г. он располагал владениями на территории Деревской пятины, центром которых являлась деревня Бурмачкино [Лихачев, с. 3]. Именно по Новгороду позднее служили сыновья Степана, младшие братья митрополита – Прокопий, Яков и Борис [Зимин, 1964, с. 68–69].

2. Согласно тексту жития Филиппа, Федор в 1507 г. родился в Москве [Лобакова, с. 149]. Если это действительно так, то Степан с семьей должен был более или менее длительное время проживать в столице – вдалеке от того региона, по которому он служил. Рассматривая такую возможность, обратим внимание на то, что житие сообщает Степану статус, явно несоизмеримый с реальным. В Краткой редакции он, провинциальный помещик средней руки, о службе которого в столице ничего не известно, представлен «препоситом» (то есть «начальником, главой» [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 19, с. 25]) при Василии III [Лобакова, с. 149], – лицом, занимающим значимый пост при великом князе. В более поздних редакциях статус Степана существенно повышен. В Тулуповской редакции он «высотой сановною радостнотворно непоколеблемо всюду сияше», «председает в полате царевой» (то есть является членом Боярской думы), в Колычевской – является «сигклитом» [Лобакова, с. 166, 206] (то есть «царским советником, сановником» [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 24, с. 152]), по сути, речь также идет о членстве в Боярской думе). Сообщая о службе самого Федора, житие упоминает об особом расположении к нему Ивана IV [Лобакова, с. 149, 168, 208]. Очевидно, что агиограф, желающий прославить подвиг святого, ради служения Богу отказавшегося от весьма высокого статуса в миру, далек от изо-

бражения реального служебного и социального положения отца будущего первосвященника, а также его самого (об этом см. ниже). Также нельзя исключить и того, что книжник, создавая на рубеже XVI–XVII вв. первоначальную редакцию жития, реалии 40–60-х гг. XVI в., когда несколько Колычевых действительно, входя в Думу, проживали в Москве, спроецировал на 1507 г. Это могло быть связано с тем, что агиограф мог опираться на свидетельства очевидцев событий середины – второй половины XVI в., но никак не первой трети этого столетия. Принимая во внимание очевидные новгородские корни Степана, В. А. Колобков счел вероятным рождение Федора на территории Новгородской земли [Колобков, с. 57]. Такой вариант нам кажется более предпочтительным, нежели версия жития.

Независимо от места рождения – это могла быть как Москва, так и, что нам кажется более вероятным, территория Новгородской земли – основную часть первых десятилетий своей жизни, судя по всему, будущий первосвященник провел на территории владений отца. Косвенно на это указывают некоторые особенности новгородской служилой корпорации, к которой точно принадлежали Степан и его младшие сыновья, а также, скорее всего, его старший сын Федор. Ее отличала определенная замкнутость как с точки зрения состава, так и с точки зрения географии службы. Новгородских помещиков, которые в источниках четко отделялись от служилых людей «Московской земли», в этот период (по крайней мере до 1538–1540 гг.) привлекали лишь к боевым действиям, ведущимся на территории Северо-Запада, то есть к войнам против Великого княжества Литовского, Ливонии и Швеции [Бенцианов, 2000, с. 260–266, 269, 271–273]. Для участия в русско-литовской войне 1512–1522 гг. родившийся в 1507 г. Федор был слишком юн. В войне 1534–1537 гг. он, по-видимому, участия не принимал (об этом ниже). Скорее всего, в этот период он вместе с младшими братьями проживал в поместье отца, вероятно, помогая ему в управлении его владениями (возможно, со временем у Федора появилось и свое поместье). Косвенно на это указывает продемонстрированная Федором уже в бытность соловецким игуменом хозяйственная хватка, которая обеспечила расцвет монастырской вотчины именно в годы его правления. Трудно сомневаться в том, что соответствующие навыки он приобрел в миру. Возможность более или менее длительного пребывания в столице или по меньшей мере отдельных визитов в нее возмужавшего Федора также полностью исключать нельзя: согласно тексту жития, на Соловки Федор отправился «от царствующего града Москвы» [Лобакова, с. 149].

Федор Колычев и Старицкий мятеж 1537 г.

Для определения возможных мотивов, побудивших Федора к уходу от мира, принципиальное значение имеют время и обстоятельства его появления на Соловках. Согласно распространенному в литературе мнению, уход Федора в отдаленную обитель Поморья был свя-

зан со сложной внутривосполитической ситуацией в России периода правления Елены Глинской при малолетнем Иване IV. В ходе мятежа удельного князя Старицкого Андрея Ивановича (1537 г.), с которым был связан ряд Колычевых, они подверглись репрессиям. По крайней мере два представителя рода (дальние родственники Степана и его сыновей) – перешедшие на сторону удельного князя новгородские помещики Гаврила Иванов сын Пупков-Колычев и Андрей Владимиров сын Колычев (они состояли на службе великому князю) – были казнены. Находившийся на службе старицкого князя Иван Иванович Умноной Колычев (брат Степана, дядя Федора) был подвергнут торговой казни¹. В этой ситуации уход в монастырь 30-летнего Федора, стремившегося избежать опалы, а, возможно, и казни, кажется вполне логичным². Однако обратим внимание на два обстоятельства.

Первое связано с тем, что прямая связь непосредственно новгородского помещика Степана, а также его сыновей со старицким князем не просматривается. Они явно не вошли в число служилых людей, перешедших на сторону мятежного удельного князя. В противном случае они были бы казнены в числе тех 30 новгородских помещиков, которые пошли на этот шаг. Важно отметить, что в ходе Старицкого мятежа крупных боевых столкновений, которые привели бы к военным потерям сторон, не было³. Все погибшие в 1537 г. стали жертвами репрессий властей после подавления мятежа. Для нас исключительно важно отметить, что с новгородцами поступили намного жестче, нежели со служилыми людьми кн. Андрея Старицкого. Первые изменили великому князю (они служили непосредственно ему), последние выступили против него в составе двора своего сюзерена (за их действия ответственность нес он). Иными словами, первые нарушили клятву верности великому князю, вторые – нет. Именно поэтому за первых даже не пытались просить высшее духовенство – неизменный заступник осужденных в эпоху русского Средневековья.

А вот от казни действовавших по указанию своего государя служилых людей старицкого двора митрополит Даниил «отпросил» власти [Кром, 2010, с. 218]. В итоге 30 новгородцев были казнены, а наиболее заметные члены старицкого двора были подвергнуты

¹ Подробнее об участии Колычевых в Старицком мятеже 1537 г. и его последствиях для ряда представителей данного рода см.: [Веселовский, с. 144–145; Зимин, 1964, с. 60, 65, 67; Зимин, 2001, с. 148; Скрынников, с. 323–324; Кром, 2010, с. 206, 211, 218; Бенцианов, 2012, с. 73, 76].

² О связи ухода Федора на Соловки со Старицким мятежом 1537 г. см.: [Зимин, 2001, с. 148; Скрынников, с. 324; Колобков, с. 101–103; Бенцианов, 2000, с. 267].

³ Как отмечает М. М. Кром, кн. Андрей Старицкий «собственно боевых действий не вел, опасаясь, видимо, перейти последнюю черту, за которой начиналась уже «междоусобная брань»» [Кром, 2010, с. 210]. Единственное крупное военное столкновение, произошедшее при встрече войск удельного князя и московского правительства в окрестностях Новгорода, обошлось без жертв. Новгородский летописец с удовлетворением отметил, что «была ссравка людемъ с обе половины, а падения людемъ смертнаго не было Божию милостию» [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 616].

лишь торговой казни. Уже в 1538 г. они были отпущены на свободу и спустя несколько лет получили значимые служебные назначения. Видный член Думы старицкого князя, на протяжении ряда лет являвшийся дворецким, Иван Иванович Умной в 1542 г. принимал участие в приеме литовских послов, а в 1549 г. получил думный чин окольничего [Зимин, 1964, с. 67]. В 1537 г. командовавший сторожевым полком кн. Андрея Старицкого И. Б. Хлызнев-Колычев уже в 1541 г. фиксируется в роли воеводы крупного пограничного города Чернигова [Усачев, 2018, т. 1, с. 85–86]. Были восстановлены на службе и некоторые другие лица [Бенцианов, 2013, с. 18].

В свете сказанного выше трудно сомневаться в том, что, если бы состоявшие на службе у великого князя Степан и его сыновья примкнули к кн. Андрею Старицкому, они оказались бы в числе 30 казенных новгородских помещиков. Более мягко лиц, изменивших непосредственно великому князю, в 1537 г. не наказывали. Косвенно на то, что в этот период Степан и его ближайшие родственники (за исключением, конечно, служившего старицкому князю Ивану Ивановичу Умному) продемонстрировали как минимум лояльность по отношению к великому князю, указывает карьерный взлет Ивана Рудака (брата Степана). Как уже отмечалось выше, он стал окольничим, по-видимому, уже в 1540 г., то есть через три года после подавления Старицкого мятежа.

Вторым – безусловно, главным – обстоятельством, которое следует иметь в виду, определяя время и вероятные причины ухода Филиппа в Соловецкий монастырь, является время его поставления в игумены. Не сообщая точной даты, житие отмечает, что до пострига он провел на Соловках полтора года, затем принял постриг и, уже имея за плечами 9-летний иноческий «стаж», по просьбе прежнего игумена Алексея (Юренева) и братии возглавил монастырь (позднее он на некоторое время покинул игуменство, и игуменом вновь стал Алексей). Это произошло при новгородском архиепископе Феодосии (1542–1551) [Лобакова, с. 149–150]. Как видим, к моменту поставления в игумены на Соловках он проживал примерно десять с половиной лет. Когда именно он стал игуменом?

Обратимся к выходной записи на Псалтири, работа над которой была закончена на Соловках в сентябре 1545 г. Данный источник известен исследователям, занимающимся Соловецким монастырем [Юренив, с. 26; Кукушкина, с. 83; Крушельницкая, Тутова, с. 19; Шевченко, с. 281–282], но игнорировался специалистами по политической истории. Запись сообщает о том, что «игумен Филипп Колычев игуменство оставил, а Алексеи Юренив на игуменьство» вернулся [Усачев, 2018, т. 2, № 323]. Согласно записям на двух иконах, в 1544/45 г. Филипп еще был игуменом [Макарий (Веретенников), с. 42]. Алексей (Юренив) первый раз являлся соловецким игуменом со времени не позднее 1534 г. Последнее упоминание Алексея в роли настоятеля (в первый период руководства монастырем) относится к 15 февраля 1543 г. [Акты, с. 40, № 52]. Как прямо следует из данного источника,

не позднее сентября 1545 г. Алексей вновь возглавил обитель; вторично ее игуменом Филипп стал между 4 и 13 июля 1546 г.⁴

Согласно Тулуповской редакции жития Филиппа, вторичное игуменство Алексея продлилось полтора года [Лобакова, с. 175]. Если это действительно так, то первый период руководства обителью у Филиппа закончился примерно в первой половине января 1545 г. Начался он между 15 февраля 1543 г.⁵ и, соответственно, первой половиной января 1545 г. Значит, учитывая то, что до игуменства на Соловках Филипп прожил десять с половиной лет, прибыл он между августом 1532 и июлем 1535 г. Принимая во внимание то, что все редакции жития относят уход Филиппа на Соловки ко времени после кончины Василия III (ум. 4 декабря 1533 г.) [Там же, с. 149], временной интервал можно сузить: уход на Соловки имел место между концом 1533 и июлем 1535 г. Впрочем, житие сообщает о том, что Федор некоторое время – после ухода из Москвы до прихода на Соловки – проживал в окрестностях Онежского озера, где пас овец одного из местных крестьян [Там же, с. 149]. Учитывая время пути и некоторого проживания в окрестностях Онежского озера, допустимо думать, что уход состоялся несколько ранее – на несколько недель или даже месяцев. Нельзя исключить и того, что задержка в пути на Соловки могла быть связана с ожиданием наступления времени года (как правило, начала лета – начала осени), когда навигация по Белому морю становилась возможной. Если это действительно так, то Федор мог отправиться на Соловки зимой-весной 1534 или 1535 г. Если допустить историчность рассказа жития о том, что Федор в окрестностях Онежского озера пас овец (ожидая наступления периода навигации по Белому морю?), то его приход в Поморье можно отнести ко второй половине весны. В каком году это произошло – в 1534 или в 1535?

Зима – весна 1534 г. как время ухода Федора на Соловки нам представляется более предпочтительным вариантом по двум причинам. Первая – начало в августе 1534 г. очередной русско-литовской (так называемой Стародубской) войны, которая продлилась до февраля 1537 г. Трудно поверить в то, что потомственный служилый человек покинул бы службу в самый разгар войны, в которую были активно вовлечены его служебная корпорация и непосредственно его многочисленные родственники. Так, известно, что уже осенью 1534 г. русская армия, основу которой составляла «новгородская сила и псковская», совершила поход на Полоцк и Витебск. Новгородское войско приняло участие и в походах на Литву декабря 1534 – февраля 1535 г. и лета 1535 г. [Кром, 2008, с. 48–49, 51–56, 65–66]. Колычевы (в том числе новгородские помещики) в боевых действиях против Великого княжества

⁴ Под 4 июля в качестве соловецкого игумена фигурирует Алексей, под 13 июля – уже Филипп [Акты, с. 73–74, № 118–119]. О смене игуменов в Соловецком монастыре в этот период см.: [Шевченко, с. 280–282].

⁵ Об ошибке в дате грамоты, упоминающей Филиппа в роли соловецкого игумена под 1537 г., см.: [Акты, с. 74–75, № 120; Шевченко, с. 282].

Литовского в первой трети XVI в. принимали самое активное участие. Пятеро из них – Андрей Семенович, Иван Семенович Пупок, Владимир (по-видимому, Семенович)⁶, а также братья Петр и Григорий Григорьевичи (вероятно, Лошаковы [Зимин, 1964, с. 62, табл. 3]) – в ходе этих войн оказалось в литовском плену (первые трое – в ходе битвы на Орше 1514 г., последние двое – во время Стародубской войны) [Кром, 2008, с. 116–117]. Часть из них – Андрей и Иван Семеновичи и, возможно, Владимир Семенович (двоюродные братья Степана) – представляли новгородскую служилую корпорацию [Зимин, 1964, с. 57–58].

Вторым обстоятельством, которое указывает, пусть и косвенно, на 1534 г., могла стать кончина Василия III. Ему скорее всего в свое время присягал и служил Федор. На момент его смерти будущий первосвященник (р. 11 февраля 1507 г.) находился уже в весьма зрелом по меркам Средневековья возрасте. В конце 1533 г. ему было без малого 27 лет. К этому времени отец Федора Степан, служивший по крайней мере с 1496 г., находился в очень преклонном возрасте. Ему было не менее 52 лет (поместье он не получил бы ранее 15 лет), и русским государям он служил уже не менее 37 лет⁷. Учитывая возраст Степана, а также Федора, можно полагать, что к 1533 г. младшие братья будущего митрополита уже выросли и, соответственно, не нуждались в опеке старшего брата. Кончина великого князя существенно облегчила формально-юридическую сторону его ухода в монастырь: государь, которому он служил, скончался. Служба Федора сыну Василия III, о которой сообщает житие, более чем сомнительна. Итоги анализа соответствующего рассказа, мало связанного с реалиями 1530-х гг., демонстрируют желание агиографа, следующего житийному канону, подчеркнуть достоинства святого. Согласно житию, Иван IV «возлюбил» Федора задолго до возведения на митрополию, что подчеркивало закономерность поставления на нее Филиппа многие годы спустя⁸. Учитывая отсутствие упоминаний о семье непосредственно у 27-летнего Федора (явный признак тяготения к церков-

⁶ Согласно А. А. Зимину, у Семена Андреевича мог быть сын Владимир [Зимин, 1964, с. 58, прим. 21].

⁷ О времени наступления старости и связанной с ней «немощи» у представителей церковной и политической элиты в России в эпоху Средневековья см.: [Усачев, 2014].

⁸ Упоминание жития об особой «любви» 3-летнего Ивана IV по отношению к 27-летнему служилому человеку [Лобакова, с. 149] стоит рассматривать в контексте следования его автором агиографической традиции, ориентирующей писателя на возвышение прославляемого святого. Во всяком случае, ничем иным, кроме, конечно, пристрастия книжника к литературному канону, нельзя объяснить определение 27-летнего (!) мужчины эпохи Средневековья Федора как «отрока» применительно к самому началу правления Ивана IV (Краткая редакция; в Тулуповской редакции Федор в это время «юноша»). Стремление следовать канону ощущается и во фрагменте относительно поздних Тулуповской и Колычевской редакций, повествующем о принятии решения об уходе от мира ровно в 30-летнем (!) возрасте [Лобакова, с. 168, 208]. Трудно сомневаться в том, что в тексте источника указан прописанный канонами возраст духовной зрелости. Игнорирование особенностей агиографической манеры повествования порой приводит к буквальному следованию тексту источника. Например, В. А. Колобков, определяя время ухода Федора на Соловки, исходил из указанного поздними редакциями жития 30-летнего возраста Филиппа [Колобков, с. 101–102].

ной карьеры), можно думать, что после смерти Василия III иных социальных обязательств перед «миром» у него не было. Место пострижения Федора – отдаленный монастырь Русского Севера, с которым Колычевы, судя по актам и вкладной книге Соловецкого монастыря, ранее никогда не были связаны, – свидетельствует о том, что будущий первосвятитель действительно стремился к уходу от «мира». Находящаяся на глухой окраине страны обитель, основную часть года оторванная от внешнего мира⁹, для этого подходила в гораздо большей степени, нежели многие десятки обителей Новгорода и его окружи.

«Социальный капитал» и церковная карьера

Судя по всему, внутри монастырских стен Филипп прошел вполне обычный путь от монастырского трудника и инока до настоятеля, занявший у него около десяти с половиной лет. Игуменом Филипп стал примерно в 37–38-летнем возрасте. Существенно меньший иноческий «стаж» и возраст игумена противоречат едва ли не всему, что нам известно об истории управления Русской церковью рассматриваемого периода¹⁰. Конечно, отдельные исключения из этого правила были (самое известное – Даниил, относительно рано ставший игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря, а спустя несколько лет и митрополитом), но для них требовались особые условия (в случае с Даниилом – воля великого князя Василия III). Ничего подобного мы не наблюдаем у Филиппа: очевидно, что в этот период связями при дворе он не располагал, экономические возможности семьи были ограничены, а о покровительстве значимых иерархов церкви источники ничего не сообщают.

Если что-то и выделяло Филиппа среди подавляющего большинства прочих соловецких иноков, так это обусловленная происхождением и жизнью в миру его хозяйственная хватка. В рассматриваемый период именно выходцы из среды служилых людей «по отчеству» (как правило, мелких и средних), в миру имевшие опыт – порой немалый – управления земельными владениями, составляли основу монастырской администрации. Они чаще лиц иного статуса становились соборными старцами, келарями, казначеями, строителями, и заметно реже – настоятелями, играя важную (возможно, определяющую) роль в хозяйственной жизни обителей¹¹. Полученный ими в миру «админи-

⁹ На оторванность Соловецкого монастыря от внешнего мира, в частности, указывает то, что в период отсутствия навигации – с сентября по май – даже известия о важнейших событиях на Соловки поступали далеко не всегда. Так, например, работавший на Соловках в феврале 1587 г. писец, упоминающий в выходной записи митрополита Дионисия, не знает ни о его смещении с всероссийской кафедры в октябре 1586 г., ни о поставлении на нее в декабре того же года Иова [Усачев, 2018, т. 2, № 599].

¹⁰ О продолжительности иноческого «стажа», а также о возрасте, в котором, как правило, в XV–XVI вв. становились игуменами и архиереями, см.: [Усачев, 2017, с. 106–109].

¹¹ Например, из среды служилых землевладельцев происходило около 36 % от общего числа соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря (в отдельные периоды их доля доходила почти до 80 %) [Dykstra, p. 133–134].

стративный» опыт в монастырях, порой располагавших крупными земельными владениями, был востребован¹². Скорее всего, именно «деловые» качества стали весомым или даже определяющим аргументом в пользу избрания в преемники Алексею (Юрневу) – кстати, выходцу из той же социальной среды¹³ – именно Филиппа¹⁴. Во всяком случае, о каких-либо его иных выдающихся качествах (кроме, конечно, благочестия) источники ничего не сообщают¹⁵. Лица, располагавшие в миру таким статусом и обусловленными им социальным опытом и связями¹⁶, как Филипп, на Соловках в эти годы были редкостью. Это объяснялось спецификой состава братии Соловецкого монастыря¹⁷. В первой трети XVI в. эта далеко не самая значимая обитель еще не притягивала к себе заметного числа лиц соответствующего статуса в миру¹⁸. Социальным «магнитом» для служилых людей «по отечеству» различного статуса являлись иные обители (Владимирский Рождественский, Троице-Сергиев, Симонов, Новоспасский, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский и другие монастыри). Судя по прозвищам соловецких старцев (Корелянин, Сумлянин, Палеостровский, Двиня-

¹² К числу выходцев из соответствующего социального слоя, игравших важную роль в управлении монастырями, можно отнести троицких келарей Симона (Шубина), Дорофея (Курцева), Адриана (Ангелова) и Евстафия (Головкина), келаря Иосифо-Волоколамского монастыря Филофея (Полева), старцев той же обители Кассиана Босого, Герасима и Тихона (Ленковых), Мисаила (Безнина), старцев Кирилло-Белозерского монастыря Иону (Мотякина), Зиновия (Булгакова) и Елевферия (Братцова), строителя костромского Ипатьева монастыря Гурия (Ступишина) и многих других.

¹³ Алексей, судя по всему, принадлежал к служилому роду Юрневых [Юрнев, с. 16–28]. Возможно, не являлись простой случайностью служебные назначения отдельных Юрневых на Соловки. Так, в 1591 г. монастырь описывал Семен Юрнев [Описание грамот, № 8447/6].

¹⁴ Отметим, что с точки зрения монастырской практики эпохи русского Средневековья выбор Филиппа в настоятели был неочевиден. Хотя его возраст на момент поставления в игумены – 37–38 лет – не являлся слишком ранним, иноческий «стаж» был не так велик. Он составлял девять лет. С одной стороны, это не так мало. С другой, руководителями церкви в рассматриваемый период чаще всего становились лица, за плечами которых было полтора-два десятилетия жизни в обителях и более [Усачев, 2017, с. 106–109].

¹⁵ Краткая редакция жития, сообщая о жизни Филиппа на Соловках, внимание читателя сосредоточивает на его деятельности, направленной на обустройство монастыря и строительство каменных храмов [Лобакова, с. 149–150]. О причастности Филиппа – автора нескольких посланий по преимуществу хозяйственного содержания – к истории книжной культуры ничего не известно.

¹⁶ Они также могли приниматься во внимание. Выходец из достаточно многочисленного рода служилых людей средней руки, длительное время сам принадлежавший к этой страте, мог гораздо лучше, нежели выходцы из иных социальных слоев, находить общий язык с представителями светской администрации Новгородской земли (со многими он мог быть знаком лично до пострига), решая важные для монастыря вопросы. Подробнее о знатном происхождении игуменов (как правило, основателей) монастырей XIV–XVI вв. как факторе, способствовавшем их хозяйственному процветанию, см.: [Романенко, с. 29–33].

¹⁷ О персональном составе иноков и вкладчиков Соловецкого монастыря в XVI в. см.: [Крушельницкая, Тутова; Spock].

¹⁸ О незначительности числа и размера вкладов представителей знати в Соловецкий монастырь в первой половине XVI в. см., например: [Spock, S. 540, 546].

нин, «Важенин», Турчасовец, Устюжанин и др.), среди них преобладали лица более низкого статуса, проживавшие по преимуществу в ближней и дальней округе соловецкой обители¹⁹. Если выбор соловецких иноков действительно обуславливался деловыми качествами Филиппа, то они не ошиблись: именно на время его игуменства приходится наиболее интенсивный рост монастырского хозяйства [Савич].

Как видим, уход Федора на Соловки был добровольным. Судя по всему, речь шла о вполне осознанном выборе, причины которого следует усматривать не в политической ситуации 1530-х гг., а в сфере религиозного сознания. Социальные и политические амбиции у Федора либо отсутствовали, либо к моменту пострига были уже удовлетворены. Это и отличает его от некоторых иных, правда, не слишком многочисленных деятелей Русской церкви эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени знатного происхождения. В отличие от Филиппа, некоторые из них постриг приняли вынужденно, под давлением исключительно неблагоприятно сложившихся для них обстоятельств, стремясь сохранить себе жизнь. Их политические амбиции к моменту ухода от мира еще не были реализованы в полной мере, и в силу этого ареной их удовлетворения неизбежно стала церковная сфера. Спасая свою жизнь, в 1499 г. вынужденно принял постриг один из первых бояр в Думе Ивана III кн. Василий Иванович Патрикеев (в иночестве – Вассиан). Даже будучи духовным лицом, «великий временный человек» Василия III (Вассиан его знал с детства) продолжал презрительно относиться к стоящим на иной ступени социальной лестницы «сельским мужикам», возглавлявшим значимые русские обители. Как минимум не скрывал своего происхождения ростовский архиепископ Иоасаф (в миру – кн. Оболенский), упоминаемый в источниках как «князь (!) Асаф». Явно несовместимо с духовным саном вел себя Филарет (в миру – Федор Никитич Романов). В ходе опалы на Романовых при Борисе Годунове в 1601 г. он вынужденно принял постриг, а затем, умело используя приобретенный в миру политический опыт, за короткое время сделал блестящую церковную карьеру, возглавив сначала ростовскую, а затем и всероссийскую кафедру. Однако и этого честолюбивому потомку Андрея Кобылы оказалось мало: он фактически возглавил русское правительство в период царствования своего сына Михаила (в источниках официального происхождения наряду со своим сыном Филарет именовался «великим государем»!).

Однако так вели себя далеко не все иерархи знатного происхождения. Самого знатного архиерея XVI в. – тверского епископа Вассиана (в миру – кн. Василия Ивановича Стригина-Оболенского, сына лучшего полководца эпохи Феодалной войны боярина Ивана Стриги) – не отличало поведение, несовместимое с его саном. Еще один

¹⁹ Согласно подсчетам Дж. Спок, они составляли около 75 % от общего числа иноков [Spock, S. 535].

Рюрикович на кафедре – суздальский, затем полоцкий владыка Афанасий (в миру – кн. Палецкий) – своим поведением также не демонстрировал свою связь с политической элитой. Судя по всему, в этом ряду иерархов церкви стоял и Филипп, амбиции которого лежали исключительно в церковной сфере. Именно этим, а не защитой своих «классовых» интересов, по-видимому, и определялась его позиция по отношению к репрессиям Ивана IV эпохи опричнины.

* * *

Итак, судя по всему, Федор удалился на Соловки в 27-летнем возрасте в первой половине 1534 г. Спустя десять с половиной лет в возрасте 37–38 лет в первый раз он возглавил обитель. Во второй раз игуменом Филипп стал полтора года спустя, когда ему было 39 лет (первая половина июля 1546 г.). Какая-либо связь его ухода от мира с реальными или ожидаемыми репрессиями против Колычевых не просматривается. Старший сын служилого человека средней руки, происходящий из древнего рода старомосковской знати, имел все основания надеяться на вполне успешную карьеру на службе русскому государю и – при особой благосклонности Фортуны – со временем даже на получение думного чина (это удалось отдельным родичам Федора в 1540–1560-е гг.). Он избрал иной путь. Речь шла об осознанном выборе зрелого человека, причины которого следует искать не в социально-политической области, а в сфере религиозного сознания.

Список литературы

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVII в. : Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571. Л. : Наука, 1988. 273 с.

Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики» : Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2000. С. 241–277.

Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. (начало) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76.

Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. (окончание) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 17–26.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. : Наука, 1969. 582 с.

Зимин А. А. Колычевы и русское боярство в XIV–XVI вв. // Археогр. еж. за 1963 г. М. : Наука, 1964. С. 55–71.

Зимин А. А. Опричнина. М. : Территория, 2001. 447 с.

Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб. : Алетей, 2004. 639 с.

Кром М. М. Стародубская война. 1534–1537: из истории русско-литовских отношений. М. : Рубежи XXI, 2008. 139 с.

Кром М. М. «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 887 с.

Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам // Книжные центры Древней Руси : Соловецкий монастырь. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 3–145.

- Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера XVI–XVII вв. : Очерки по истории книжной культуры. Л. : Наука, 1977. 223 с.
- Лихачев Н. П. Родство Кольчевых с новгородцами. СПб. : Рус. генеал. о-во, 1900. 4 с.
- Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа : исслед. и тексты. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 306 с.
- Макарий (Веретенников). Иконы святителя Филиппа // Искусство христианского мира. М. : Изд-во Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-та, 1998. Вып. 2. С. 42–48.
- Описание грамот Коллегии экономии : [в 3 т.] / подг. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2018. Т. 2. 1394 с.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1929. 686 с.
- Романенко Е. В. Основатели монастырей на Руси: их социальный и образовательный статус (XIV–XVII вв.) // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М. : РОССПЭН, 2020. С. 26–41.
- Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII веков : Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь : Изд. О-ва ист., филос. и соц. наук при Перм. гос. ун-те, 1927. 280 с.
- Скрынников П. Г. Царство террора. СПб. : Наука, 1992. 571 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–. Вып. 19. 272 с. Вып. 24. 254 с.
- Усачев А. С. «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–68.
- Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Рос. история. 2017. № 5. С. 97–113.
- Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей : [в 2 т.]. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2018. Т. 1. 472 с. Т. 2. 528 с.
- Шевченко Е. Э. Из истории книжных связей Белозерья и Соловков (Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри, Нило-Сорский и Анзерский скиты) // Очерки феодальной России. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2007. Вып. 11. С. 274–290.
- Юрнев Г. Н. Род Юрневых: генеалогическая роспись с XIV по XX столетие : историко-биографические сведения по архивным документам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 454 с.
- Dykstra T. E. Russian Monastic Culture: “Josephism” and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. München : Verlag Otto Sagner, 2006. 264 p.
- Spock J. B. Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55. H. 4. S. 534–565.

References

- Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severa Rossii kontsa XV – XVII v. Akty Solovetskogo monastyrya. 1479–1571* [Acts of the Socio-Economic History of the North of Russia in the Late 15th–16th Centuries. Acts of the Solovetsky Monastery. 1479–1571]. (1988). Leningrad, Nauka. 273 p.
- Antonov, A. V. (Ed.). (2018). *Opisanie gramot Kollegii ekonomii v 3 t.* [A Description of Charters of the Department of Economy. 3 Vols.]. Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 2. 1394 p.
- Bentsianov, M. M. (2000). Deti boyarskie “naugorodskie pomeschchiki”. Novgorodskaya sluzhilaya korporatsiya v kontse XV – seredine XVI v. [Boyar Children, “Landowners of Novgorod”. The Novgorod Service Corporation in the Late 15th – Mid-16th Centuries]. In *Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 241–277.
- Bentsianov, M. M. (2012). Dvor knyazya Andrey Staritskogo i problema “Staritskogo myatezha” 1537 g. (nachalo) [The Court of Prince Andrey Staritsky and the Problem of the Staritsky Mutiny of 1537 (the Beginning)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 4 (50), pp. 64–76.

Bentsianov, M. M. (2013). Dvor knyazyya Andreyta Staritskogo i problema “Staritskogo myatezha” 1537 g. (okonchanie) [The Court of Prince Andrey Staritsky and the Problem of the Staritsky Mutiny of 1537 (the Ending)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (51), pp. 17–26.

Dykstra, T. E. (2006). *Russian Monastic Culture: “Josephism” and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607*. München, Verlag Otto Sagner. 264 p.

Kolobkov, V. A. (2004). *Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержaviya. Oprichnina Ivana Groznogo* [Metropolitan Filipp and the Formation of Moscow Autocracy. The Oprichnina of Ivan the Terrible]. St Petersburg, Aleteiya. 639 p.

Krom, M. M. (2008). *Starodubskaya voina. 1534–1537: iz istorii rusko-litovskikh otnoshenii* [The Starodub War. 1534–1537: From the History of Russo-Lithuanian Relations]. Moscow, Rubezhi XXI. 139 p.

Krom, M. M. (2010). “Vdovstvuyushchee tsarstvo”. *Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“A Widow Tsardom”. Political Crisis in the Russia of the 1530s–1540s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 887 p.

Krushel'nitskaya, E. V., Tutova, T. A. (2001). Startsy Solovetskogo monastyrya XVI v. po upominaniyam v gramotakh raznichnoi kollektzii i drugim dokumentam [Monks of the Solovetsky Monastery of the 16th Century According to References in the Charters of the Sacristy Collection and Other Documents]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Solovetskii monastyr'*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 3–145.

Kukushkina, M. V. (1977). *Monastyrskie biblioteki Russkogo Severa XVI–XVII vv. Ocherki po istorii knizhnoi kul'tury* [Monastic Libraries of the Russian North of the 16th–17th Centuries. Essays on the History of Book Culture]. Leningrad, Nauka. 223 p.

Likhachev, N. P. (1900). *Rodstvo Kolychevykh s novgorodtsami* [The Kinship of the Kolychevs with the Novgorodians]. St Petersburg, Russkoe genealogicheskoe obshchestvo. 4 p.

Lobakova, I. A. (2006). *Zhitie mitropolita Filippa. Issledovanie i teksty* [The Life of Metropolitan Filipp. Research and Texts]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 306 p.

Makar'ii (Veretennikov). (1998). Ikony svyatitelya Filippa [Icons of Metropolitan Filipp]. In *Iskusstvo khristianskogo mira*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. Iss. 2, pp. 42–48.

PSRL [The Complete Collection of Russian Chronicles]. (1929). Vol. 4. Part 1. Iss. 3. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 686 p.

Romanenko, E. V. (2020). Osnovateli monastyrei na Rusi: ikh sotsial'nyi i obrazovatel'nyi status (XIV–XVII vv.) [The Founders of Monasteries in Russia: Their Social and Educational Status (14th–17th Centuries)]. In *Monastyrskaya kul'tura kak transkonfessional'nyi fenomen*. Moscow, ROSSPEN, pp. 26–41.

Savich, A. A. (1927). *Solovetskaya votchina XV–XVII vekov. Opyt izucheniya khozyaistva i sotsial'nykh otnoshenii na krainem Russkom Severe v Drevnei Rusi* [The Solovetsky Patrimony of the 15th–17th Centuries. Experience of Studying the Economy and Social Relations in the Far Russian North in Old Russia]. Perm, Izdanie Obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i sotsial'nykh nauk pri Permskom gosudarstvennom universitete. 280 p.

Shevchenko, E. E. (2007). Iz istorii knizhnykh svyazei Belozer'ya i Solovkov (Kirillo-Belozerskii i Solovetskii monastyri, Nilo-Sorskii i Anzerskii skity) [From the History of Book Relations between Belozerye and the Solovetsky Islands (Kirillo-Belozersky and Solovetsky Monasteries, Nilo-Sorsky, and Anzer Skeets)]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Iss. 11, pp. 274–290.

Skrynnikov, R. G. (1992). *Tsarstvo terrora* [The Reign of Terror]. St Petersburg, Nauka. 571 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. (1975–). Moscow, Nauka. Iss. 19. 272 p. Iss. 24. 254 p.

Spock, J. B. (2007). Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 55. H. 4, S. 534–565.

Usachev, A. S. (2014). “Starost' glubokaya” v XIV–XVI vv.: demograficheskie realii i ikh vospriyatие sovremennikami (na materiale pis'mennykh istochnikov) [“Extreme Old

Age” in the 14th–16th Centuries: Contemporary Perception of Demographics (Based on the Written Sources)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (55), pp. 58–68.

Usachev, A. S. (2017). Pochemu zakonchilas' "volokolamskaya gegemoniya" v Russkoi tserkvi XVI v.? [Why Did the “Volokolam Hegemony” End in the Russian Church of the 16th Century?]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 97–113.

Usachev, A. S. (2018). *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei v 2 t.* [Writing Books in Russia in the 16th Century: With Reference to Dated Colophons]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Vol. 1. 472 p. Vol. 2. 528 p.

Veselovskii, S. B. (1969). *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Research on the History of the Class of Service Landowners]. Moscow, Nauka. 582 p.

Yurenev, G. N. (1903). *Rod Yurenevyykh: genealogicheskaya rospis's XIV po XX stoletie: istoriko-biograficheskie svedeniya po arkhivnym dokumentam* [The Yurenev Family: Genealogical List from the 14th to the 20th Century: Historical and Biographical Information on Archival Documents]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 454 p.

Zimin, A. A. (1964). Kolychevy i russkoe boyarstvo v XIV–XVI vv. [The Kolychevs and the Russian Boyars in the 15th–16th Centuries]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 g.* Moscow, Nauka, pp. 55–71.

Zimin, A. A. (2001). *Oprichnina* [The Oprichnina]. Moscow, Territoriya. 447 p.

The article was submitted on 09.02.2021

**Своеобразие Уральского старопромышленного региона:
социально-топологический аспект***

Сергей Азаренко

Андрей Келлер

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**The Regional Peculiarities of the Ural Old Industrial District:
Socio-Topological Aspects**

Sergey Azarenko

Andrey Keller

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Starting with the large-scale transformations of Peter the Great in the first quarter of the eighteenth century, the mining industry of the Urals was subjected to increased state and legal regulation. Based on theoretical aspects of social topology, an attempt is made to describe the influence of the regional peculiarities and identity of the Ural old industrial region on the forms of management and social practices of the region's mining economy. The work's purpose is to identify the difference in the organisation of factory production, depending on the form of ownership of the enterprise: state, possessional, or allodial. It is necessary to identify the role of administrative and economic practices and constraining and developing factors: the vast territory and the

* Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в соответствии с исследовательским проектом № ФЕУЗ-2020-0056 «Региональная идентичность России: сравнительно-исторические и филологические исследования».

** *Citation*: Azarenko, S., Keller, A. (2022). The Regional Peculiarities and Identity of the Ural Old Industrial District: Socio-Topological Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 335–352. DOI 10.15826/qr.2022.1.675.

Цитирование: Azarenko S., Keller A. The Regional Peculiarities and Identity of the Ural Old Industrial District: Socio-Topological Aspects // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 335–352. DOI 10.15826/qr.2022.1.675 / Азаренко С., Келлер А. Своеобразие и идентичность Уральского старопромышленного региона: социально-топологический аспект // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 335–352. DOI 10.15826/qr.2022.1.675.

predominance of traditional management and everyday practices, on which private and state entrepreneurship had been based on for a long time. The dual system of mining and civil administrations led to the emergence of complex phenomena like the *district system* (V. V. Adamov) and *polymorphism* (I. V. Poberezhnikov). The authors try to substantiate one of the main reasons for increased social turbulence in the early twentieth century. On the basis of this study, it can be assumed that in the conditions of a balanced development of industry at the micro-, meso-, and macro- levels, the need to resort to the levers of mobilisation and forced modernisation decreased due to the sufficient availability of financial, industrial, natural, and human resources.

Keywords: regional peculiarities, regional identity, old industrial districts, management practices, mining districts, handicrafts and crafts, social topology

Начиная с широкомасштабных петровских преобразований первой четверти XVIII в. горнозаводская промышленность Урала подвергалась усиленному государственно-правовому регулированию. В статье сделана попытка описать влияние регионального своеобразия и идентичности уральского старопромышленного района на его формы управления и социальные практики горнозаводского хозяйства исходя из теоретических аспектов социальной топологии. Цель работы – выявить степень различия в организации заводского производства в зависимости от формы владения предприятием (казенной, посессионной и вотчинной). Обозначена роль административных и экономических практик, сдерживающих и развивающих факторов: огромной территории, доминирующих традиционалистских властных и повседневных практик, от которых долгое время отстраивались частное и государственное предпринимательство и управление. Дуальная система горнозаводской и гражданской администрации, по наблюдениям авторов, привела к возникновению таких сложных явлений, как *окружная система* (В. В. Адамов) и *полиморфизм* (И. В. Побережников). Сделана попытка обосновать одну из основных причин повышенной социальной турбулентности начала XX в. – нерешенность главного социального вопроса, вставшего особенно остро со второй половины XIX в. Авторы высказывают мнение о том, что в условиях уравновешенного развития промышленности на микро-, мезо- и макроуровнях вероятность необходимости прибегать к рычагам мобилизационной экономики и форсированных модернизаций снижалась ввиду достаточного наличия финансовых, производственных, природных и человеческих ресурсов. Исследование основывается на теоретических основаниях социальной топологии.

Ключевые слова: региональное своеобразие, региональная идентичность, старопромышленные районы, управленческие практики, горнозаводские округа, кустарные промыслы и ремесла, социальная топология

История горнозаводского Урала в аспекте социальной топологии

Историю горнозаводского Урала мы рассматриваем с позиций социальной топологии, определяющей такие центральные понятия исторической науки, как время и пространство, обозначаемые в социальной топологии как неотделимые друг от друга время-пространство: «У каждой вещи свое время, т. е. бытие и время имеют место. <...> Это Место складывания и вычитания, задающее основу для первичного жеста коммуникации в бытии, поскольку ставит человека в отвечающее положение по отношению к нему. <...> Такое Место и есть время, время, которое мыслится необходимо в пространстве бытия, пребывающего для селения и оседлости людской. И потому здесь время нельзя рассматривать исключительно через единство прошлого, настоящего и будущего, оно вмещает в себя большие измерения» [Азаренко, 2016, с. 414]. Время здесь – единый феномен, не делящийся механически на три части, существующие лишь как инструмент для формализаций на шкале времени. Место историка – это не «место» вообще, а обнаружение и осмысление себя в каком-то конкретном пространстве и времени исторической событийности. Социальная топология видит человека как социального актора, понимаемого не как лишь физическое тело (нем. *der Körper*), но как телесность (нем. *der Leib*), включающую всего человека с его телом, чувствами, ощущениями, мыслями, навыками и соответствующими практиками: «Телесное взаимодействие представляет собой социальную коммуникацию, которую необходимо рассматривать в качестве сложного многомерного явления, через посредство которого реализует себя исторический процесс в целом. Необходимо понимать социальную коммуникацию как такую изначальную социальную силу, которая предвывает и социальные институции, и различные практики, способствуя формированию всего социального бытия в целом» [Азаренко, 2016, с. 415]. Здесь социальная коммуникация, будучи событием, а не просто передачей информации, является величиной онтологической, где происходит взаимодействие людей в онтологическом плане. Ж.-Л. Нанси в рамках социальной онтологии толкует язык «не в качестве орудия коммуникации, и коммуникацию не в качестве орудия для бытия, но коммуникация для него и есть бытие. Выражения “жить-с”, “говорить-с” или “выходить-с” вводятся в оборот, чтобы выразить само бытие как коммуникацию. Такое бытие мы называем бытие-в-коммуникации» [Азаренко, 2020, с. 51–52]. В аспекте социальной топологии «бытие-в-коммуникации (С. А. Азаренко) является определяющим процессом в развитии тех или иных социальных и культурных форм в истории мировых сообществ» [Азаренко, 2016, с. 416]. Дуализм «исторического времени» социальная топология разрешает с помощью понятия *настоящего* во временной и каче-

ственной плоскостях: «Быть по-настоящему в настоящем – это значит размещать прошлое в настоящем в качестве осуществленного... размещать будущее в настоящем в качестве наступающего. В этом размещении время формирует отдельного человека и связывает людей в исторические сообщества» [Азаренко, 2018, с. 27–28].

Близок к социальной топологии по своему образному строю и терминологической логике В. В. Адамов в «решени[и] такой ключевой проблемы, как взаимодействие различных социально-экономических укладов» в контексте полиморфности [Гуськова, 2004, с. 34]. Чтобы изучить этот феномен комплексно, В. В. Адамов разработал концепцию *окружной системы*, введя аналогичный термин. Впервые термин «заводско-окружной» или «оригинальный» строй уральской промышленности прозвучал у В. Д. Белова [см. подробнее: Адамов; Гуськова, 1972]. Переосмыслить эту историю могут помочь отчасти модифицированные выводы ученого о социально-экономической неоднородности промышленного производства на Урале или его многоукладности с упором на механизмы взаимодействия этих укладов в горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности [Адамов, с. 225–226]. Предложенная И. В. Побережниковым реконцептуализация понятия многоукладности как *полиморфной* социально-экономической среды в рамках теории парциальной (или частичной) модернизации помогает сделать шаг в направлении разработки концепции *полиморфной окружной системы* (А. В. Келлер) [Побережников, 2004, с. 128, 131]. Позиционированное по-новому понятие «оригинального строя» объединило и особенности технического уровня, и специфику социальных и правовых отношений во всей их совокупности, переплетение феодальных и капиталистических практик и форм экономической деятельности, сосуществование элементов протоиндустриальной (ремесленно-кустарные промыслы), мануфактурной (мануфактуры) и индустриальной (крупные заводы) промышленности: «В рамках окружной системы организации горнозаводской промышленности, по мнению В. В. Адамова, и проходило “взаимодействие укладов”, о котором писали К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин и другие историки “нового направления”» [Гуськова, 2004, с. 34–35]. Со временем феодально-крепостнический уклад, согласно его концепции, начинает вытесняться новым капиталистическим, но продолжит существовать вплоть до революции 1917 г. Следовательно, «реформа 1861 г. не поколебала окружную систему, сумевшую приспособиться к изменившимся условиям. Однако она все больше теряла свою “самодостаточность”, становясь экономически невыгодной. Новый этап в развитии уральской горнозаводской промышленности связан с техническим прогрессом конца XIX – начала XX в. и проникновением монополистического капитала в экономику Урала. Он ознаменовался массовым акционированием горнозаводских округов, а также технической и финансовой “реорганизацией” заводского производства» [Там же, с. 35].

Казенные, вотчинные и посессионные заводы

Социально-топологический аспект истории горнозаводского Урала позволяет описать историческую со-бытийность, которая есть бытие-в-коммуникации. Социальные коммуникации как взаимодействие людей, опирающихся на определенные практики, приводят к опространствливанью-овременению (Ж. Деррида). Казенные горные и вотчинные заводы опространствливаются и овременяются в окружной системе. В рамках окружной системы оформлялось региональное производственное пространство заводов, заводских цехов и ремесленно-кустарных мастерских, рождая в их взаимодействии специфические практики. Уральское время-пространство создавало специфические конфигурации пространственно-временных практик. Телесные управленческие и производственные практики, оформляясь во время взаимодействия людей, опространствливаются в округ, рождая новые заводские, ремесленные, промысловые и административные практики и структуры.

История уральского старопромышленного района разносторонне и глубоко разработана благодаря трудам поколений многих уральских историков. Поэтому обратим наше внимание лишь на один из аспектов соотношения казенного, крупного и мелкого частного предпринимательства в контексте экономической политики государства при условии сдерживающих факторов доминирующих традиционалистских властных и повседневных практик: феодально-сословной гетерогенности, неготовности большинства владельцев горных заводов поступиться своими привилегиями и монополиями, большого неосвоенного пространства, отсутствия развитой судебной и банковской сферы, дефицита кадров вследствие крепостной зависимости значительной части горнозаводского населения, устранение которой после реформы 1861 г. осложнилось решением вопроса о землевладении и занятии ремесленно-кустарными промыслами горнозаводского населения.

Говоря о своеобразии и идентичности Уральского региона, современные историки отмечают две основные особенности его горнозаводской промышленности: жесткий регламентационный характер «горных законов» и наличие «трех «правовых форм» – казенной, посессионной и вотчинной (владельческой), которые различались по степени участия государства в организации заводского хозяйства и зависящему от этого уровню правовой регламентации промышленной деятельности» [Неклюдов, 2021, с. 3]. В. В. Адамов поставил на обсуждение те же вопросы развития капитализма, что и его коллеги по цеху, но с ударением на особенное, традиционное – многоукладную экономику, которая, если продолжить ход его мысли, очищенная от атавизмов феодализма и крайностей капитализма, имела потенциал стать фундаментом послевоенного развития России, когда могли быть решены вопросы технического и социального характера [см.: Адамов], но самодержавие не пошло на решитель-

ные реформы, упустив шанс глубинной модернизации социальной и экономической сфер.

В 1702 г. известный в свое время представитель учения камерализма Генрих фон Бодде в своей книге «Княжеских сил хитрость, или Неисчерпаемый златый кладезь, чрез который государь сильным себя учинить и подданных своих обогатить может», переведенной на русский язык по указу Петра Великого для его личной библиотеки, высказал крайне актуальное мнение: «Увеличение недвижимого имущества за счет расширения границ и захвата новых территорий порой опасней и приносит стране более вреда, чем пользы; в случае, если у монарха земли больше, чем он способен защитить или сделать ее богатой, – от того ему не будет никакой пользы вследствие оскудения страны, которое сопровождается порой недостаточной ее защитой. <...> Следовательно, тот монарх намного более счастлив, что владеет небольшой, но богатой страной, в отличие от владеющего большой запущенной страной или отдаленными землями» [Bode, p. 162]. Данное рассуждение как нельзя лучше отражает одну из определяющих парадигм истории России как страны постоянно колонизирующейся, то есть расширяющейся и колонизирующей все новые земли – не в смысле завоевания, но, как предполагается, посредством мирной инфильтрации, что не делает задачу освоения новых земель проще [Уффельман, с. 61].

Следуя этой мысли Бодде о роли пространства в экономическом развитии страны, можно сделать гипотетический вывод, что чем больше Россия прирастала новыми территориями и богатствами, увеличивая тем самым свой потенциал пространства-времени, тем больше она подвергала себя опасности потеряться в нем из-за недостатка материальных и человеческих ресурсов для защиты протяженных границ и освоения территории. Отсюда постоянная или мнимая угроза внешней интервенции и мобилизация всех ресурсов для защиты с одновременной тенденцией к экономическому упадку большей части населения и доминирующей ролью государства во всех областях жизни общества. Петр I, взойдя на престол, унаследовал от своих предшественников традиционную пространственную парадигму, которую он многократно усилил и передал в наследие будущим поколениям.

В поисках ответа о природе петровской модернизации существует определенная тенденция связывать ее с войнами, провоцирующими модернизационные рывки. В рамках концепта войны для верификации феномена модернизации привлекаются, к примеру, Великая Северная война (реформы Петра I), Наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г. (строительство оружейных заводов на Урале), Крымская война (реформы Александра II) и Первая мировая война (реформы и антиреформы Николая I) [см.: Kiselev]. В этом есть зерно истины, но оно пропадает, если начинает работать другая логика в форме непреложной максимы русской истории «модернизироваться или умереть», почему все средства должны были быть брошены «на достижение победы». В результате социальные и экономические

реформы откладывались, а с ними – и решение социального вопроса, разрешить который в экстремально вязком российском социуме было крайне сложно.

Руководствуясь идеей камерализма о промышленности как о главном богатстве страны, Петр Алексеевич указом от 2 ноября 1700 г. и введением Берг-привилегии в 1719 г. устанавливает в России по примеру европейских государств «горную свободу», введя горную и лесную регалии. «Горная свобода» предполагала отделение владения недрами земли от владения ее поверхностью, позволяя представителям любого сословия заниматься горнорудным промыслом на частных и казенных землях. «Горная регалия» и «лесная регалия» регулировали отвод заводам казенных земель и «лесных дач» [Неклюдов, 2011, с. 14]. С самого начала создания казенных мануфактур правительство, следуя максиме камерализма, столкнулось с вопросом финансирования и рентабельности казенных предприятий «на фоне успехов частного предпринимательства, в том числе и в выпуске военной продукции. <...> Следствием этого стали колебания высшей власти в выборе казенного и частного путей развития горнозаводской промышленности» [Там же, с. 191].

Будучи сторонником поощрения частной промышленности, Петр I в 1724 г. повелел В. Н. Татищеву «для размножения медных заводов в Сибири обретенные медных руд места на речке Полевой и Гумешках отдать охочим людям в компанию», что не без оснований по причине отрицательного мнения В. Н. Татищева и В. И. Геннина не было приведено в исполнение. Последовавшая затем «номенклатурная приватизация» казенных заводов Урала в царствование Анны Иоанновны в 1739 г. и Елизаветы Петровны в 1750-е гг. показала, что приватизация сама по себе не является универсальным средством для достижения желаемого результата при неспособных исполнителях [Неклюдов, 2021, с. 191; Неклюдов, 2018, с. 188]. Несмотря на неудачные попытки приватизации казенных заводов, «курс на приватизацию, провозглашенный Берг-регламентом, не был отменен. Не пропало и желание “партикулярных людей” приобрести казенные заводы» [Неклюдов, 2021, с. 196]. Ведь, кроме государственных заказов, они могли производить продукцию для местного потребления: «“развозили” его (железо) “на вольную продажу в городах”... и отправляли на экспорт через агентов иностранных фирм, т. е. были реальными конкурентами частным заводам» [Там же, с. 190–191].

Отмена горной свободы и горной регалии, согласно манифесту Екатерины II от 28 июня 1782 г., и введение принципа акцессии, дополненного 22 сентября того же года «возвращением права собственности землевладельцев на леса, “в дачах их растущие”, создавало повод для обособления тех заводчиков, которые основали свои заводы на собственных землях без помощи казны» [Там же, с. 17, 19], а значит, и усилению обозначенной тенденции обособления интересов государства и заводчиков за счет снижения социальных стандартов

и благосостояния низших страт населения. Проект Горного положения 1806 г. и его реализация привели к возникновению системы горных округов – «окружной системы».

К началу XIX в. одним из главных правил существования казенных заводов, кроме принесения прибыли государству и снабжения армии предметами вооружения и металлом, оставалось содействие развитию частной промышленности, что к середине XIX в. оказалось проблематичным ввиду ограниченности средств казенных заводов, переставших «быть проводниками передовых технологий» [Шумкин, с. 38].

Установленная взаимосвязь между аргументацией замкнутого круга и ретроспективной логикой в анализе исторической событийности показывает, что это может приводить к противоположным идеям развития выводов, а именно – что у государства и предпринимателей не хватало ресурсов, поэтому государство «замораживало» социальный статус заводчиков, крестьян и мастеровых для «успешного развития промышленности» в ущерб социальному прогрессу: «”вещественные пособия”, передававшиеся заводчикам от казны в виде земель, лесов, рудников и, особенно, рабочих... невозможно было отнять, не разрушив всего заводского хозяйства» [Неклюдов, 2011, с. 7]. Мнение, основывающееся на учении камерализма о том, что «от рудокопных заводов и прилежного устройства оных земля обогащается и процветает; также пустыя и бесплодные места многочисленностью населения, якоже и искусство в различных землях довольно показывает» [Там же, с. 17], оказалось недостаточным, что справедливо как для XVIII в., так и для последующих десятилетий, так как перенимать технологии без социальных институтов независимого (коммерческого) суда, гражданских прав и обязанностей оказалось делом затратным и бесперспективным. Важное место среди принципов камерализма занимали развитие судебной ветви власти, а значит, неподкупных судов и равенства перед законом, что должно было обеспечить, по мысли Генриха фон Боде, процветание промышленности и торговли, повысить благосостояние населения, но низшие его страты остались в большинстве своем бесправными и бедными, а заводчики и казна обогатились. Иными словами, камералисты рассматривали государственную казну и уровень доходов населения как два сообщающихся сосуда, где чем богаче население, тем богаче казна, и наоборот. Вышеприведенный взгляд оборачивался охранительно-консервативной политикой, в ходе которой правительство «вынуждено» было прибегать к практике закрепощения и привилегий, чтобы «развивать» горную промышленность, так и оставшуюся, несмотря на все модернизации, производителем по большей части полуфабрикатов (чугуна и железа) без глубокой их переработки вплоть до начала последнего промышленного подъема в 1910–1913 гг.; когда «Урал перестал быть только горно-металлургическим регионом, он становится крупным центром металлообработки» [Алексеев, Гаврилов, с. 499], а обогащение населения страны опять отодвинулось в неопределенное будущее.

Особый статус на Урале имели посессионные заводы, проходившие схожий путь развития с казенными и владельческими производствами от мануфактуры к заводу, где существенными отличительными признаками были усиленная государственная регламентация и контроль со стороны горных властей. На примере кейсов Андрея Кнауфа и Александра Эверсмана видна не только важная роль иностранцев на Урале в формировании его идентичности как открытого миру региона, где нашли свое применение производственные и технико-технологические практики из самых разных уголков Европы, но и проблематика двух принципов организации производства – смешанного формата рассеянной мануфактуры с центральным производством (производственные и социальные практики мастеров в своих мастерских и на заводе), превращенного в крупный казенный централизованный завод (преимущественно практики, характерные для большого заводского пространства со специализированными производственными цехами).

Приведем хорошо известные слова ученого и экономиста-практика И. Х. Озерова: «На Урале давно должны были быть свои Павлов и Ворсма и свои Шеффилд и Бирмингем, и между тем, как и в Петровскую эпоху двести лет тому назад, мы производим до сих пор только главным образом чугун и железо» [Озеров, с. 13; см., также: Алексеев, Гаврилов, с. 499]. Данное сравнение символично и говорит о том, чего так не хватало Уралу, о той структурной проблеме, с которой советская власть, как казалось, покончила раз и навсегда, уничтожив «мелкотоварное капиталистическое производство». Формат же организованного Кнауфом производства совмещал принципы рассеянной мануфактуры и крупного металлургического завода – *полиморфного горнозаводского района*.

Характерной особенностью названных промышленных центров Англии было то, что металл для многочисленных мастерских мелких производителей варился в печах металлургических заводов Шеффилда, Бирмингема и Уэльса, как это было в Лотарингии, Льеже, Антверпене и Рурской области. А. Кнауф, купивший Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод (вместе со всеми заводами будущего с 1811 г. Златоустовского горного округа), согласно высочайшему указу от 30 сентября 1800 г. на посессионных началах существенно его модернизировал, начал налаживать «немецкую фабрикацию» различных металлоизделий, в том числе качественного стального инструмента (вторая попытка после неудавшегося опыта А. Ф. Дерябина на Ижевском оружейном заводе в 1807 г.), для надобностей заводского и сельского хозяйства. Для этих целей он пригласил на должность директора Златоустовского завода А. Эверсмана, состоявшего ранее на прусской службе генерал-инспектором в Великом герцогстве Бергском (округ Золинген, Германия).

Капитальная модернизация и перевооружение А. Кнауфом Златоустовского завода, на базе которых была создана Златоустовская ору-

жейная фабрика, основанная в 1813 г. и пущенная 16 декабря 1815 г., стали возможны благодаря большим финансовым вливаниям иностранных капиталов со стороны Кнауфа и привлечению иностранных мастеров в 1809–1810 гг., в том числе с Ижевского оружейного завода, приехавших по приглашению начальника Гороблагодатских, Камских и Богословских заводов А. Ф. Дерябина и при посредничестве Д. Гильгера и А. Эверсмана из Германии, Дании и Швеции [см.: Ермакова]. Среди них были литейщики, якорщики, шлифовщики и др., поселившиеся отчасти по принципу рассеянной мануфактуры. Мастера охватывали широкий спектр производств: рафинированной стали, изготовления слесарных и лесопильных пил, лопат, выделки «зубил, каминных щипцов, долот, гвоздей, топоров, рессор, кофейных машин», «шалнерных петель из зеленой меди», седел [Окунцов, с. 8–9].

После перехода в 1811 г. Златоустовского завода в казну А. Эверсман продолжил теперь уже по заданию русского правительства вербовку мастеров в Германии (Рурская область) и Франции (Эльзас), необходимых для постройки Златоустовой оружейной фабрики и настоявших на том, что они готовы работать только под руководством Эверсмана, придерживавшегося правила организации производственного пространства в виде рассеянной мануфактуры, характерного для старопромышленных районов Европы. Расхождение данного принципа с видами правительства на расширение производства и массовую продукцию могло стать возможной причиной увольнения А. Эверсмана со службы. Но, вероятно, решающим фактором стало назначение российских специалистов из корпуса горных инженеров, лучше знакомых с российскими социальными практиками. Главнo-управляющим Златоустовских горных заводов горным инженерам М. И. Клейнеру (1811–1815) и А. Ф. Фурману (1815–1820) была поставлена задача наладить массовое производство белого (холодного) оружия для всей русской армии, что было возможно с организацией крупного централизованного производства в заводских цехах. Хотя горный офицер А. Ф. Фурман был блестяще образован и прекрасно знаком с европейскими практиками производства оружия на базе рассеянной мануфактуры, он должен был подчиняться военной дисциплине и выполнять указания правительства, а не руководствоваться экономическими выгодами и вопросами прибыльности. В данном контексте Ю. П. Окунцов отмечает с укоризной, что Эверсман и «не помышлял... о четкой структуре предприятия, централизации производства и технологии» [Окунцов, с. 20]. Безусловно, его представления о качестве продукции также не находили отклика. С увольнением Эверсмана в 1817 г. златоустовское производство оказалось максимально централизовано и организовано по принципам крупного производства, на нем было введено жесткое регулирование цен, объемов продукции и ассортимента при одновременной спорадичности заказов, что неизбежно приводило к конфликту разных технологических укладов. Немецкие златоустовские мастера со своими

подворьями и мастерскими при них с трудом вписывались в новый порядок. Закупка «лучших фабрик» и технологий в Европе привела к противоречивому результату.

Ремесленно-кустарные промыслы

Перейдем к оценке последнего важного аспекта промышленного развития – ремесленно-кустарной промышленности. Логика исследования казенных предприятий горнозаводского Урала приводит ученых различных исторических направлений к обоснованному выводу о том, что противоречивость их «приватизаций» может объясняться «оригинальным строем» с «пережитками феодализма» или особым характером горнозаводской промышленности Урала, носившей специфические черты «заводов-поместий» или «округов-латифундий» [Адамов; Неклюдов, 2011; Неклюдов, 2018; Неклюдов, 2021]¹.

Л. В. Ольховая, исследовавшая промыслы Уральского региона, отмечала, с одной стороны, «более быстрый рост числа кустарных промыслов в начале XX в... не в крупных центрах Урала, а в отдаленных районах края» с постепенной концентрацией мелкого промышленного производства, с другой, тяготение кустарного производства во многих районах к заводам и к торговым путям [Ольховая, 1964, с. 9], хотя это сосуществование не всегда было гармоничным. Особое обследование металлических кустарных промыслов Екатеринбургского уезда, произведенное в 1906 г. уездным земством, установило, что в отношении приобретения необходимого угля положение местных кузнецов почти нисколько не изменилось к лучшему. Так, например, кыштымские кузнецы все еще получали уголь на заводе по 3 руб. за кубометр, и притом в количестве не свыше четырех коробов на месяц. Там же отмечается, что чугунолитейная мастерская в Кыштымском заводе, где занято пять рабочих, из них двое наемных, редко работает из-за недостатка угля [Там же, с. 83–87].

Реформа горнозаводских округов на Урале во второй половине XIX в., и особенно в годы Первой мировой войны, сделала это взаимодействие отчасти возможным. Заводы возникали и исчезали, равно как и ремесленные мастерские в зависимости от спроса, условий рынка сырья и рабочей силы. Вследствие этого кустарные промыслы

¹ Тезис В. В. Адамова о живучести некоторых особенностей окружной системы косвенно подтвержден в монографии В. В. Алексеева и Д. В. Гаврилова. По их мнению, «уральская окружная система горнозаводского хозяйства [как] большое натуральное хозяйство... пережила отмену крепостного права и революцию 1917 г., а затем в новой форме проявила себя в советский период, когда большинство крупных предприятий старались иметь в своем распоряжении все необходимые основные и подсобные производства» [Алексеев, Гаврилов, с. 499]. Данный пример иллюстрирует один из возможных вариантов наследования негативных практик изначально убыточного производства, не учитывающего отраслевое разделение труда (избавление от непрофильных активов) и сосредоточение на ключевых компетенциях. Напротив, положительной практикой можно назвать создание в городах-заводах социальной инфраструктуры в виде школ, церквей, больниц, в советское время – детских летних лагерей отдыха.

могли размещаться чрезвычайно неравномерно даже в рамках одного уезда. Шадринские пимокаты, портные Юговского завода, артели кунгурских сапожников и многие другие ремесленники Пермской губернии поставили сотни тысяч единиц продукции в рамках военного заказа после 1914 г., а металлисты изготавливали «детали для снарядов, что значительно повышало производительность больших заводов, выпускавших снаряды» [Ольховая, 1972, с. 337]. Это стало возможным именно потому, что крестьяне-промысловики и ремесленники Урала были в значительной степени интегрированы в горно-металлургическое и металлообрабатывающее производство [Горнозаводские центры, с. 75]. В крупных заводских поселениях были сосредоточены ведущие кустарные производства, связанные «с обработкой металла – кузнечно-клепального, чугунно-литейного, экипажного, деревообрабатывающего, гранильного, изготовления сельскохозяйственной техники и др.» [Алеврас, Фомичева, с. 53].

Ю. А. Кашаева показала вслед за М. И. Туган-Барановским, что «источниками формирования группы кустарей в Пермской губернии являлись крестьяне-земледельцы и мастеровые закрывшихся или сокративших работу заводов. <...> Широкое распространение кустарных промыслов в Пермской губернии в конце 1880-х – 1914 гг. свидетельствовало о начале включения уральской деревни в процесс форсированной модернизации, являясь одним из главных элементов “низовой” модернизации. Обращение крестьян к кустарному производству способствовало ускорению процесса разрушения традиционных устоев и втягиванию их в индустриальное развитие» [Кашаева, 2007, с. 228]. Но если с трансформацией заводского хозяйства дела шли неплохо, то у промысловиков и ремесленников, за исключением художественных промыслов, поддержанных в ряде случаев самими заводчиками, дела обстояли плохо. Последние всячески подавляли самостоятельных мастеров, затрудняя им доступ к углю, дровам, металлу, древесине, другим производственным материалам [Ольховая, 1964, с. 85].

Н. Н. Алеврас и Т. С. Фомичева показали, что позиция признанного знатока уральской промышленности В. Д. Белова, внесшего значительный вклад в интеллектуальное освоение проблемы кустарных промыслов на горнозаводском Урале на рубеже XIX–XX вв., находила поддержку среди «сторонников развития кустарных промыслов в среде горнозаводского населения... которые бы смягчили трансформационные процессы и содействовали органичному вживанию в новую систему прежних социокультурных стереотипов населения, содействуя этим самым формированию социума, внутренняя конфликтность которого была бы сведена к минимуму» [Алеврас, Фомичева, с. 28–29]. Для этого имелись все основания: «В конце XIX – начале XX в. из 18,8 тыс. пудов железной продукции заводов 25 % реализовывалась на местном рынке» [Там же, с. 30]. Летом 1899 г. к выводу о необходимости поддержки ремесленно-кустарной промышленности пришли члены специальной экспеди-

ции на Урале под руководством Д. И. Менделеева. Во время Первой мировой войны, «несмотря даже на условия военного времени, вызвавшие упадок многих традиционных для горнозаводского Урала видов промыслов, уральский кустарь не утратил способности развивать коммерческую деятельность. Проявляя предпринимательскую гибкость и изобретательность, он сумел приспособиться к новым запросам времени. <...> Неотъемлемой чертой образа уральского мастерового являлись не только заводской труд и хорошо известная его тяга к землепользованию, но и кустарно-промысловые занятия» [Там же, с. 54].

Как нам видится, ключ к пониманию вопроса о роли взаимодействия крупной и мелкой промышленности лежит не в отдании приоритета той или иной форме промышленности, принижении или преувеличении их роли. Недостаточно сказать об очень медленных темпах модернизации, которая «углублялась и расширялась», если это происходило на фоне экстенсивного замедленного роста: к 1770–1790-м гг. уральская горнозаводская промышленность расширилась территориально до своих естественных пределов, но вопрос качественного роста оставался на втором плане ввиду приоритета решения «стратегических задач» развития промышленности «на феодально-крепостнической основе» [см.: Алексеев, Гаврилов, с. 52, 138, 145, 193, 280, 363, 365–367]. В этой связи нужно сказать, что отличительной особенностью большинства уральских горнозаводских рабочих являлась их связь с землей и домашним хозяйством, поэтому они сохраняли потенциал развития в мелких собственников – так же, как в XVIII в., когда кадры для строительства металлургических заводов, а позже и завода, по большей части формировались из местного старожильского населения (из крестьян-рудознатцев, литейщиков и кузнецов), и в XIX–XX вв., когда безработные и полубезработные мастеровые начинали снова заниматься ремесленно-кустарным производством [Там же, с. 289, 438]. Так же, как меняли свой фактический социальный статус крестьянские ремесленники-кустари Павлова и Ворсмы, оставившие земледелие и занимавшиеся исключительно производством металлоизделий на рынок, показывая устойчивость к кризисам, в отличие от уязвимых крупных казенных заводов, зависевших от государственных заказов.

К 1912 г. среди ученых-экономистов и хозяйственников-практиков появилось понимание того, «что успешность мероприятий земства по развитию кустарных промыслов зависит от единства трех направлений: улучшение техники производства, увеличение размеров кредита и организация постоянного сбыта» [Кашаева, 2010, с. 104]. Вследствие этого «пореформенный период был отмечен бурным ростом протоиндустриальной промышленности – кустарных промыслов», не столько составлявших конкуренцию, сколько готовивших кадры для городских ремесленников [Побережников, 2015, с. 33]. При этом одновременно тормозом и благом для кустарных

промыслов было существование горнозаводских администраций. Тормозом, так как последние совместно с горнозаводчиками стремились, за некоторыми исключениями, ограничить размеры кустарного производства [Ольховая, 1964, с. 85–86]. Благом, так как после освобождения крестьян и проведения горной реформы многие заводские мастера открыли свои кузницы. Мануфактура ушла в прошлое, а ремесленные предприятия продолжали с переменным успехом существовать: «Заводы исчезли, а знание ремесла осталось» [Туган-Барановский, с. 268, 461]. Более того, в ряде отраслей мелкая промышленность в начале XX в. по сумме производства превосходила крупную, а годовое производство кустарной промышленности Пермского края составило в 1894–1895 г. «1/6 часть производства фабричной и заводской промышленности края» [Кашаева, 2007, с. 33].

* * *

Заявленный концепт *полиморфной окружной системы* в аспекте теории социальной топологии не может претендовать на исчерпывающее описание всей исторической проблематики уральского старопромышленного района в силу своей методологической специфики. Тем не менее, его можно использовать при разработке перспективных направлений в междисциплинарных исследованиях. В контексте мнения Генриха фон Боде Россия до сих пор не может преодолеть структурное наследие Российской империи в виде огромной невозделанной территории и невозможности привести ее в цветущее состояние из-за невключенности в экономический оборот большей части населения и ввиду недостатка ресурсов. Развитие региональных моделей экономического управления в режиме ограниченной свободы и «неограниченной монархии» предполагало наличие как их сходства, так и различий в зависимости от региональной специфики промышленных районов. По сути, речь идет не о победе того или иного модуса экономических практик, но об оптимальном режиме сосуществования различных социальных акторов и развития практик новой экономики в полиморфной среде времени-пространства. Иными словами, выстроить промышленность, основанную на последних современных технологиях, недостаточно без адаптации полезных практик (*good practices*) инновативной экономики с массой мобильных и гибких конкурирующих концептов и форм производства, в силу своего многообразия двигающих развитие экономики. Такую среду рождает время-пространство инновационной экономики. Исторический опыт показывает, что не всякое региональное своеобразие и идентичность полезны для успешности сообществ. Цена достижения «стабильности» окружной системы, основывавшейся на несвободном труде и социальном неравенстве и просуществовавшей в виде

гибрида феодально-крепостнического уклада с капиталистическим вплоть до 1917 г. (или они никуда не уходили?), была слишком высока. Урегулирование правового положения зависимого горнозаводского населения могло благоприятно сказаться на улучшении качества и уровня его жизни, развитии мелких и средних производителей в металлообрабатывающей отрасли промышленности.

Список литературы

- Адамов В. В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России : Проблема многоукладности. Свердловск : [Б. и.], 1972. С. 225–256.
- Азаренко С. А.* Топологическое философствование и социальная коммуникация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, № 4. С. 412–417.
- Азаренко С. А.* Социальное воспроизводство и топология предела // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер 3: Общественные науки. 2018. Т. 13, № 3 (179). С. 27–37.
- Азаренко С. А.* К вопросу о языке воспроизводства инженерного мышления // Инженерное мышление: социальные перспективы : материалы междунар. междисциплинар. конф. (Екатеринбург, 12–13 февраля 2020 г.). Екатеринбург : Деловая книга, 2020. С. 51–55.
- Алеврас Н. Н., Фомичева Т. С.* Кустарные промыслы и горнозаводское население Урала на рубеже XIX–XX вв.: оценки и споры современников // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век : к 60-летию со дня рождения Н. Н. Попова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 24–58.
- Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 2008. 886 с.
- Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века) / С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. М. : Наука, 2000. 264 с.
- Гуськова Т. К.* Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Нижне-Тагильского округа) // Вопросы истории капиталистической России : Проблема многоукладности. Свердловск : [Б. и.], 1972. С. 257–267.
- Гуськова Т. К.* Востребовано временем // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 34–46.
- Ермакова О. К.* Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 242–252.
- Кашаева Ю. А.* Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880-х – 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь : [Б. и.], 2007. 283 с.
- Кашаева Ю. А.* Пермское земство и развитие кустарных промыслов 1880-х – 1914 годах // Вестн. Перм. нац. иссл. политех. ун-та. 2010. № 3. С. 94–104.
- Неклюдов Е. Г.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 274 с.
- Неклюдов Е. Г.* Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX века: от замысла к реализации. СПб. : Нестор-История, 2018. 576 с.
- Неклюдов Е. Г.* Казенные горные заводы в России и «приватизационные кампании» XVIII – начала XX в. // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения : сб. науч. ст. и материалов памяти Е. Ю. Рукосуева. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2021. С. 187–218.
- Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 255 с.
- Окунцов Ю. П.* Златоустовская оружейная фабрика. М. : Вече, 2011. 256 с.

Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск : [Б. и.], 1964. 327 с.

Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны // Вопросы истории капиталистической России : Проблема многоукладности. Свердловск : [Б. и.], 1972. С. 333–345.

Побережников И. В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. : К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 126–136.

Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс и стадия модернизации: теоретические проблемы // Экономическое развитие и практика реформ : сб. ст. М. : Ин-т экономики РАН, 2015. С. 14–34.

Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М. : Наука, 1997. 735 с.

Уффельман Д. Подводные камни внутренней (де)колонизации России // Политическая концептология : журн. метадисциплинар. исслед. 2013. № 2. С. 57–84.

Шумкин Г. Н. Казенные горные заводы Урала в политике правительства на рубеже XIX–XX вв. // Урал. ист. вестн. 2007. № 16. С. 38–44.

Bode H. v. Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, Wodurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen. Wien : Johann Baptist Schönwetter, 1702. 262 S.

Kiselev M. A. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50 : Paths to State Building in Early Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Winter. Vol. 1 (16). P. 7–36.

References

Adamov, V. V. (1972). Ob original'nom stroe i nekotorykh osobennostyakh razvitiya gornozavodskoi promyshlennosti Urala [On the Original System and Some Features of the Development of the Mining Industry in the Urals]. In *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii: Problema mnogoukladnosti*. Sverdlovsk, S. n., pp. 225–256.

Alekseev, V. V., Gavrilov, D. V. (2008). *Metallurgiya Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Metallurgy in the Urals from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Nauka. 886 p.

Aletras, N. N., Fomicheva, T. S. (2006). Kustarnye promysly i gornozavodskoe naselenie Urala na rubezhe XIX–XX vv.: ocherki i spory sovremennikov [Handicrafts and the Mining Population of the Urals at the Turn of the 20th Century: Assessments and Disputes of Contemporaries]. In *Rossiya i Ural v gody voyny i mira. XX vek. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya N. N. Popova*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 24–58.

Azarenko, S. A. (2016). Topologicheskoe filosofstvovanie i sotsial'naya kommunikatsiya [Topological Philosophising and Social Communication]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta Novaya seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. Vol. 16. Iss. 4, pp. 412–417.

Azarenko, S. A. (2018). Sotsial'noe vosproizvodstvo i topologiya predela [Social Reproduction and Topology of the Limit]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. Vol. 13. No. 3 (179), pp. 27–37.

Azarenko, S. A. (2020). K voprosu o yazyke vosproizvodstva inzhenerenogo myshleniya [On the Question of the Language of Reproduction of Engineering Thinking]. In *Inzhenernoe myshlenie: sotsial'nye perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (Ekaterinburg, 12–13 fevralya 2020 g.)*. Yekaterinburg, Delovaya kniga, pp. 51–55.

Bode, H. v. (1702). *Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, Wodurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen*. Wien, Johann Baptist Schönwetter. 262 S.

Ermakova, O. K. (2014). Gosudarstvennaya politika privilecheniya inostrannykh spetsialistov na ural'skie zavody (pervaya polovina XIX v.) [State Policy in the Recruitment

of Foreign Specialists in Ural Factories (the 1st Half of the 19th Century)]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 242–252.

Golikova, S. V., Minenko, N. A., Poberezhnikov, I. V. (2000). *Gornozavodskie tsentry i agrarnaya sreda v Rossii: vzaimodeistviya i protivorechiya (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Mining Centers and Agrarian Environment in Russia: Interactions and Contradictions (18th – First Half of the 19th Century)]. Moscow, Nauka, 264 p.

Gus'kova, T. K. (1972). Evolyutsiya gornozavodskogo khozyaistva Urala vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Nizhne-Tagil'skogo okruga) [Evolution of the Mining Economy of the Urals in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on the Materials of Nizhny Tagil District)]. In *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii. Problema mnogoukladnosti*. Sverdlovsk, S. n., pp. 257–267.

Gus'kova, T. K. (2004). Vostrebavano vremenem [Demanded by Time]. In *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Urala v XIX–XX vv.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 34–46.

Kashaeva, Yu. A. (2007). *Kustarnye promysly Permskoi gubernii (konets 1880-kh – 1914 g.)* [Handicrafts of Perm Province (Late 1880s–1914)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Perm, S. n. 283 p.

Kashaeva, Yu. A. (2010). Permskoe zemstvo i razvitie kustarnykh promyslov 1880-kh – 1914 godakh [Perm Zemstvo and the Development of Handicrafts in the 1880s–1914]. In *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*. No. 3, pp. 94–104.

Kiselev, M. A. (2015). State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50: Paths to State Building in Early Modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Winter. Vol. 1 (16), pp. 7–36.

Neklyudov, E. G. (2011). *Posessionnoe pravo v istorii ural'skoi gornozavodskoi promyshlennosti XIX – nachala XX veka* [Possessional Law in the History of the Ural Mining Industry in the 19th – Early 20th Centuries]. Yekaterinburg, Ural'skoe otdelenie RAN. 274 p.

Neklyudov, E. G. (2018). *Gornaya reforma v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: ot zamysla k realizatsii* [Mining Reform in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: From Concept to Implementation]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 576 p.

Neklyudov, E. G. (2021). Kazennyye gornyye zavody v Rossii i “privatizatsionnye kampanii” XVIII – nachala XX v. [State-Owned Mining Plants in Russia and “Privatization Campaigns” of the 18th – Early 20th Centuries]. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Urala XVIII–XX vv.: problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh statei i materialov pamyati E. Yu. Rukosueva*. Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 187–218.

Okunsov, Yu. P. (2011). *Zlatoustovskaya oruzheinaya fabrika* [Zlatoust Arms Factory]. Moscow, Veche. 256 p.

Ol'khovaya, L. V. (1964). *Melkaya promyshlennost' Urala v nachale XX veka (1905–1913 gg.)* [Small-Scale Industry of the Urals in the Early 20th Century (1905–1913)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Sverdlovsk, S. n. 327 p.

Ol'khovaya, L. V. (1972). Melkaya promyshlennost' Urala v gody Pervoi mirovoi voyny [Small-Scale Industry of the Urals during the First World War]. In *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii. Problema mnogoukladnosti*. Sverdlovsk, S. n., pp. 333–345.

Ozerov, I. Kh. (1910). *Gornyye zavody Urala* [Mining Plants of the Urals]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina. 255 p.

Poberezhnikov, I. V. (2004). Problema polimorfizma v sovremennykh teoriyakh sotsial'nogo razvitiya [The Problem of Polymorphism in Modern Theories of Social Development]. In *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Urala v XIX–XX vv. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Adamova. Sbornik nauchnykh statei*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 126–136.

Poberezhnikov, I. V. (2015). Protoindustrializatsiya kak subprotsess i stadiya modernizatsii: teoreticheskie problemy [Proto-Industrialisation as a Sub-Process and

a Stage of Modernisation: Theoretical Issues]. In *Ekonomicheskoe razvitie i praktika reform. Sbornik statei*. Moscow, Institut ekonomiki RAN, pp. 14–34.

Shumkin, G. N. (2007). Kazennye gornye zavody Urala v politike pravitel'stva na rubezhe XIX–XX vv. [State-Owned Mining Plants of the Urals in Government Policy at the Turn of the 20th Century]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 16, pp. 38–44.

Tugan-Baranovskii, M. I. (1997). *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem* [Russian Factory in the Past and Present]. Moscow, Nauka. 735 p.

Uffel'man, D. (2013). Podvodnye kamni vnutrennei (de)kolonizatsii Rossii [Pitfalls of Internal (De)Colonisation of Russia]. In *Politicheskaya kontseptologiya. Zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*. No. 2, pp. 57–84.

The article was submitted on 09.12.2021

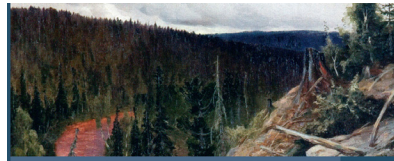

Controversiae
et recensiones

ИСТОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА
XIX век

Книга
1

ИСТОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА
XIX век

Книга
2

Controversiae
et recensiones

Русская графическая среда в изложении британского ученого*

Рец. на: Франклин С. Русская графосфера, 1450–1850 / пер. с англ.
Т. В. Ковалевской. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. – 568 с.

Дмитрий Буланин

¹Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия;

²Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

The Russian Graphosphere: The Perspective of a British Scholar**

Rev. of: Franklin, S. (2020). *Russkaya grafosfera, 1450–1850*
[The Russian Graphosphere, 1450–1850] / transl. by T. V. Kovalevskaya.
St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 568 p.

Dmitrii Bulanin

¹Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;

²V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This review examines *The Russian Graphosphere, 1450–1850* (2020) by Simon Franklin, a well-known British specialist in Byzantine and mediaeval Russian history. The book is an authorised Russian translation; the original was published in English a year before. The book contains a reference guide to different types of Russian writing over a period of four hundred years, starting from the mid-fifteenth century. In the book, an overview is followed by a series of case studies on controversial issues dealing with the writing technology that was applied in a particular case. The author focuses his attention on the visual aspect of the writings, their functions, and their interaction as a set of visible words.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00171.

** Citation: Bulanin, D. (2022). The Russian Graphosphere: The Perspective of a British Scholar. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 355–364. DOI 10.15826/qr.2022.1.676.

Цитирование: Bulanin D. The Russian Graphosphere: The Perspective of a British Scholar // *Quaestio Rossica*. Vol. 10. 2022. № 1. P. 355–364. DOI 10.15826/qr.2022.1.676 / Буланин Д. Русская графическая среда в изложении британского ученого // *Quaestio Rossica*. Т. 10. 2022. № 1. С. 355–364. DOI 10.15826/qr.2022.1.676.

Franklin considers the written sources a system of visually distinguishable signals and calls the system a *graphosphere*. The *graphosphere* is described in its dynamics and correlated with the development of society and culture. The reviewer regards the monograph as an outstanding academic work that opens new paths for future historical research. However, he also expresses regret that the history of the *Russian graphosphere*, which can be seen as a special phenomenon, is partly lost in the book against the background of identical processes that took place around Europe.

Keywords: history of the Russian system of writing, Russian graphosphere, writing technologies, visual aspect

В рецензии рассматривается монография «Русская графосфера, 1450–1850» (2020) известного британского ученого С. Франклина, специалиста по византийской и русской средневековой истории. Монография представляет собой переработанный для русского читателя авторизованный перевод исследования, вышедшего на английском языке годом раньше. Книга содержит систематический обзор различных памятников русского письма за 400 лет начиная с середины XV в. За обзором следуют несколько проблемных очерков, касающихся технологии письма, примененной в каждом отдельном случае. Внимание ученого сосредоточено на визуальном аспекте памятников письма, на их функциях и взаимодействии как совокупности видимых слов. Автор представляет себе письменные источники в виде системы зрительно воспринимаемых сигналов. Эту систему ученый предложил называть графосферой. Графосфера описывается в ее динамике, соотносится с развитием общества и культуры. Рецензент признает монографию выдающимся научным трудом, открывающим новые горизонты для будущих исторических разысканий. Одновременно рецензент выражает сожаление по поводу того, что история именно русской графосферы как особого феномена отчасти теряется в книге на фоне типологически сходных процессов, которые разворачивались по всей Европе.

Ключевые слова: история русской письменности, русская графосфера, технологии письма, визуальный аспект

Саймон Франклин как тонкий знаток русской старины, старейшего ее периода, первых шагов русской культуры, в особенности письменной культуры, не нуждается в развернутом представлении для владеющей предметом публики. К его трудам, где высказаны оригинальные, порой парадоксальные мысли по всему спектру тем, связанных с изучением Древней Руси в пределах до XIII в., и где, в частности, предложены поистине революционные методы для комплексной оценки древнерусской письменной культуры, – к этим трудам то и дело обращаются специалисты. В одной из монографий ученого, написанной в соавторстве с Д. Шепардом, пересмотрены обстоятельства возникновения и недолгого процветания первого государства на землях восточных славян, включая те проблемы, которые до недавнего времени решались прямолинейно через пересказ соответ-

ствующих статей Начальной летописи [Франклин, Шепард]. Другая монография Франклина посвящена социально-культурной динамике письма у восточных славян в IX–XIII вв. Дорожной картой исследователю служит внешняя и внутренняя трансформация средневекового общества, шедшая нога в ногу с распространением письменности, включая сюда как книжные памятники, так и множество других средств, использовавшихся, чтобы транслировать письменную информацию. Социум и письмо неотделимы друг от друга: социум формирует запрос на технологические новации, а технологии, в свою очередь, провоцируют изменения в социуме [Франклин, 2010]. Стоит заметить, что предложенная в монографии классификация письменных источников по трем разрядам признана классической и уже взята на вооружение историками, лингвистами, искусствоведами, археологами, эпиграфистами. Следить за ходом мысли Франклина непросто, потому что он обладает редким талантом ставить неудобные вопросы, обнажать противоречия в общепринятой аксиоматике и парировать возможные контраргументы, приводить в замешательство читателя чередой провокационных предложений – все для того, чтобы в конце показать неожиданное и, как выясняется, лежавшее на поверхности решение головоломки. Внутренний диалог, каскад дилемм, амплификации, хиазмы и другие риторические приемы дополняют яркое впечатление от антиномической манеры Франклина оживлять сухие академические материи. Участие автора этих строк в переводе на русский язык двух предыдущих капитальных трудов Франклина, быть может, позволит чуть более объективно судить о последней книге ученого, русский перевод которой только что вышел в свет [Франклин, 2020]. Перевод авторизованный, в него специально для русского издания внесены немаловажные изменения и дополнения (с. 6–8)¹.

Автор книги решил сам испробовать, как работает на практике изобретенный им подход к русской письменности в историческом ее развитии. Письменность есть одно из величайших изобретений человечества, позволяющее генерировать, консервировать и передавать информацию. Она представляет собой систему условных знаков, средство коммуникации, дающее возможность владеющим кодами адресанту и адресату обмениваться сообщениями, преодолевая разделяющее их пространство и время. Но в письменном обществе комбинация условных знаков всегда несет дополнительную нагрузку. Помимо внутреннего своего содержания, любой письменный источник имеет набор зрительно воспринимаемых сигналов, создающих в некотором роде вторичную систему с собственной функцией, порой производной от транслируемых с помощью этих сигналов слов и сообщений, а порой вполне автономную. Письмо со времени его изобретения так глубоко вживлено в окружающую человека реальность,

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

что символическая его значимость не исчерпывается языковой коммуникацией, которая требует от участников определенных навыков. Письмо властно вторгается в жизнь даже не владеющего этими навыками человека. Вещи, носители письма, и сами письма оказывают воздействие друг на друга, письменность меняется со временем, стремится к экспансии, для чего неуклонно совершенствуются ее технологические характеристики. В свою очередь, технологический прогресс влияет на культурную эволюцию, а они вместе образуют динамическую модель, где баланс между технологией и культурой есть величина переменная, устанавливающаяся сообразно запросам каждой из исторических эпох. Для наименования множества «видимых слов», из которого состоит такая динамическая модель, Франклин предлагает терминологический неологизм «графосфера», хотя автор рецензии предпочел бы, пожалуй, менее ранящее слух словосочетание, скажем, «графическая среда» (гл. 1).

В пределах установленных им хронологических границ автор последовательно рассматривает многообразные и множасьщиеся с каждым столетием феномены, которые прибегают к разным технологиям письма для разных надобностей, в том числе эксплуатируют заложенный в технологиях потенциал, позволяющий, помимо передачи словесной информации, модулировать зрительные образы. Включенные в обзор явления сначала описываются, потом объясняются, потом сравниваются с родственными фактами в русской и европейской культурной среде (с. 32). Рассказ о судьбе каждого из явлений по возможности ведется в порядке исторической хронологии. Диапазон привлекаемого материала широк – от рукописного кодекса до водяных знаков и театральные билеты (гл. 2–3). Для сортировки и описания всего этого богатства полезной оказывается трехчастная классификация памятников письменности, предложенная самим Франклином в его предыдущей книге. Классификация отличает первичное письмо – письмо на материалах, специально предназначенных для хранения и передачи языковой информации (книги, грамоты, визитные карточки, и др.), вторичное письмо, отыскиваемое на предметах, имеющих собственное назначение, но включающих письменное сообщение как органический элемент целого (подписи к картинам, мемориальные доски, легенды на монетах и др.), третичное письмо, которое окказионально возникает на предметах, для такого их использования не предназначенных (граффити, инскрипты, разметки и др.). Провести строгую границу между разрядами не всегда легко.

Как считает Франклин, понятие графосферы открывает в истории новые направления, связанные с изучением технологий письма. Немыслимо раскрыть все эти направления и включить полученные результаты в одну монографию. Читателя предупреждают, что ему демонстрируют неосвоенную целину для будущих работ, а не передают во владение распаханное дотошными предшественниками поле. Все-таки, помимо обзора самих феноменов, образующих графосфе-

ру, обзора, который по определению не может быть исчерпывающим, Франклин предлагает в монографии несколько проблемных очерков. Там, оперируя понятиями из изобретенного им инструментария, специально подобранного для оценки визуальных аспектов в пестром наборе памятников письма («графосфера»), он показывает, каких конкретных результатов позволяет достигнуть «графосферный» подход к источникам. В частности, в главе 4 раскрыта диалектика, регулирующая взаимоотношения языков, престиж и популярность которых менялись от эпохи к эпохе, с одной стороны, и применявшихся этими языками алфавитов и шрифтов, с другой.

Предпосылкой для разысканий послужило то, что алфавит как явление, воспринимаемое глазами, доступен всем, в то время как для манипуляций с языком, используемым в данном образце письменности, требуются знания этого языка. Исходя из того, что графосфера является пространственной категорией, в главе 5 Франклин рассматривает различия в процессе освоения «видимым словом» двух территорий – публичной и домашней. Интересны замечания о сравнительной интенсивности этого процесса в разные исторические эпохи: если в античном городе надписи и тексты активно участвовали в формировании ландшафта, окружающего человека, то в Средние века, когда жизнь города была обращена вовнутрь, визуальные знаки перестали выноситься на всеобщее обозрение. Они сосредоточивались преимущественно в церкви. Обратная тенденция наметилась и стала набирать силы начиная с эпохи Возрождения.

Еще один очерк автор посвящает тому, что он называет «экологией» графосферы, то есть взаимодействию между собой разных форм «видимого слова» (гл. 6). Раскрыт механизм «обратного переноса технологий», когда во времена торжества типографского производства его продукция распространяется с помощью технологий, стадильно предшествующих печатному станку, будь то рукописные копии или иные материальные носители. Здесь же приведены примеры гибридизации технологий. Классическим примером являются печатные, гравированные, размноженные иной техникой формуляры и бланки со специально зарезервированными в них пробелами. Туда пользователь вписывает от руки недостающие в шаблоне конкретные данные, которые в совокупности с печатным формуляром превращают заготовку в полноценный документ.

В последней из проблемных глав (гл. 7) Франклин присматривается к ситуациям, когда в действие вступает репутация, которую приобретают в определенной исторической обстановке те или иные технологии письменного сообщения. Достаточно в этой связи вспомнить имитирующие буквенное письмо писания неграмотного Пугачева, служившие в его глазах средством доказать свое царское происхождение. Укреплению авторитета власти обыкновенно поспешествовало печатное слово, повышенный статус которого нередко укреплялся и административным аппаратом (например, если признавались дей-

ствительными одни только печатные паспорта). Со временем сам факт производства текста с помощью печатного станка мог восприниматься как гарантия официального происхождения этого текста («власть технологий», как выражается Франклин). Преимущество технологии иной раз оборачивалось ее неудобством, в случае, например, если, прибегая к множительной технике, злоумышленники изготавливали подделки или оппозиционные документы. Завершающую монографию главу 8 ученый многозначительно назвал «В (не)завершение», подчеркивая таким образом скромность своих поползновений как первооткрывателя тех атрибутов исторических источников, которые прежде не привлекали внимания специалистов. Конечной целью его разысканий, настаивает автор, является не закрытие темы для будущих историков, а, напротив, приглашение возможных преемников к дальнейшим разработкам материала по предложенному рецепту.

Петь дифирамбы очередному масштабному исследованию выдающегося ученого – занятие не очень плодотворное. Достаточно будет сказать, что рецензируемая книга Франклина, как и прошлые его труды, имеет безупречно выстроенный план, каждая глава открывает новые перспективы в исследовании графосферы, работа богата неожиданными открытиями целых пластов культуры и мастерской интерпретацией отдельных ее сегментов. Подкупающим читателя свойством монографии является всегдашняя готовность автора признать, что для сложного явления он не в силах пока предложить однозначное, иногда вообще какое бы то ни было толкование. Малоинтересно не только восхвалять подобную книгу, то также выискивать в ней ошибки и огрехи частного характера. Понятно, что при столь широкой исторической панораме, какой отличается монография, Франклину приходилось черпать сведения о привлекаемых источниках из вторых рук. Руки эти не всегда оказывались надежными, а о тех руках, что покрепче, автор не всегда был осведомлен. Попытаться дополнить тот перечень носителей «видимых слов», каким оперирует Франклин, новыми выразительными примерами – затея тоже не самая счастливая. Книга написана о взаимодействии технологий письма с обществом и его культурой, о законах, регламентирующих это взаимодействие. Автор не брался составить полный каталог элементов графосферы. Конкретные факты используются в необходимом и достаточном количестве только для подтверждения или опровержения обсуждаемых тезисов. Нагромождение дополнительных фактов скорее помешало бы проникнуть в суть охваченных исследованием вопросов. Гораздо интереснее поразмышлять об общей концепции Франклина. Даже самые рьяные поклонники его научного таланта едва ли будут спорить, что обсуждаемая книга не так завораживает читателя, как две предыдущие, оказывается отчасти в тени, какую отбрасывает предшествующая монография – блистательный анализ древнерусской письменной культуры IX–XIII вв. В том ли только дело, что автор иногда повторяет самого себя, или имеют значение и другие нюансы?

Просмотрев еще раз труд Франклина, с некоторым удивлением видим, что он меньше всего сообщает нам о... русской графосфере. То есть основное место там, конечно, отведено русским по происхождению музейным и бытовым предметам с «видимым словом», однако ни в формах письма, ни в наборе носителей, ни в их взаимодействии, ни в их движении во времени, за исключением нескольких второстепенных эпизодов из культуры повседневности (ср. на с. 408–409 о пальме первенства, принадлежащей России в использовании печати для фискальных целей), не обнаруживается никаких оригинальных черт. Русская «технология письма» неизменно следует за европейской, естественно, отставая от нее когда на десятилетия, а когда и на несколько столетий. Закономерно, что большинство примеров взято в книге из русской повседневности XVIII в., когда имитация Европы предписывалась начальством как единственный правильный *modus operandi*.

Любопытно, что Франклин, будучи весьма проницательным аналитиком, и сам не исключал, что его труд кто-то будет воспринимать как бинарное противопоставление русского и иностранного (с. 177; ср. с. 390–391). Предусматривал автор такое впечатление или нет, но книга прочитывается именно в этом ключе, и нетрудно указать причину получившегося эффекта. В заключительных словах перечислены четыре фактора, признаваемые автором важнейшими для развития графосферы: «технологии; политические решения; институциональные требования; хозяйственная деятельность» (с. 461). Набор довольно типичный для работающих в русле исторической антропологии, в котором примечательным образом пропущен такой фактор, как духовная культура. То, что она более решительно и последовательно выключена из уравнения, нежели это было в предыдущей книге Франклина [Буланин], ретушировало своеобразные черты русской культуры вообще и создало крен в сторону «технологического детерминизма» при описании большинства явлений русской графосферы в частности (ср. с. 21, где ученый сам рассуждает о нежелательности подобного дисбаланса).

Обозначая временные рамки своего исследования как 1450–1850-е гг., автор прямо примеряет к истории России хронологическую сетку, основанную на фактах европейской истории, что дополнительно подчеркнуто определением данного периода как «долгого Нового времени» (ср. *longue durée* Ф. Броделя). Равнение на Европу задается, и задается сознательно, уже на уровне хронологии. История графосферы, какой она предстает на страницах рассматриваемой работы, сводится к процессу безостановочного технологического прогресса в формах письменности и в функциональном обогащении окружающей человека письменной среды. Почему же тогда в России наблюдается другая, отличная от Европы динамика? Если мы рассчитываем понять эту динамику, к факторам, определяющим «русское ответвление» графосферы, придется добавить ту самую духовную, а лучше сразу сказать – религиозную составляющую, которой предлагает пренебречь Франклин.

Симптоматично, что религиозный фактор заявил о себе в полный голос в те именно годы, которые выпали из поля зрения Франклина, оказавшись в хронологическом «зазоре» между столетиями, охваченными в двух его книгах (IX–XIII вв. и 1450–1850-е гг.). Речь идет о подлинном культурном перевороте, начавшемся не в 1450 г., а на полстолетия раньше – на рубеже XIV и XV вв. и проявившем себя в монастырском возрождении. Такой источник духовной энергии надолго определил перипетии русской истории, специфику местной культуры и всех технологий, эту культуру обслуживавших, включая технологии письма. Изобретение Гутенберга, столь значимое в концепции Франклина, прошло в России незамеченным, потому что в течение XV в. окончательно обозначилась дивергенция в развитии ренессансной культуры Запада, с одной стороны, и монастырской культуры России, с другой. Их дивергенцию не может объяснить ни один из четырех факторов, выделенных в книге о графосфере, хотя сделанный тогда культурный выбор наложил отпечаток на всю дальнейшую историю «видимого слова» в России.

Эта история, как и все прочие аспекты русской культуры, может быть адекватно описана только в конфессиональных терминах. Нужно понимать, что монастырский устав *mutatis mutandi* понимался как норма жизни и регламент духовной культуры не в одних только иноческих обителях, но и по всей вертикали московского общества от царя до последнего холопа. Сложившаяся модель объясняет, почему в московской духовной культуре вплоть до Петровской эпохи по большому счету отсутствовала социальная дифференциация. Значительную часть своей жизни царь проводил в церкви, как и вся аристократия, он лицезрел вокруг себя то же, что видели и насельники монастыря, читал книги из репертуара монастырской библиотеки и т. д. Монастырский устав обеспечил и максимальную инертность «русского ответвления» графосферы. Тот, кто будет смотреть на Россию после петровских преобразований со стороны Европы, а при описании начавшегося тогда интенсивного развития графосферы придерживаться «технологического детерминизма», неминуемо ограничит свой кругозор «культурой повседневности», свойственной тончайшему верхнему слою в русском обществе. Ибо с этого времени в России существовало две культуры, из которых культура низших сословий сравнительно со старомосковской почти не претерпела изменений.

Верхняя хронологическая граница, проведенная Франклином (1850 г.), иррелевантна для истории графосферы в социальных низах, где еще во второй половине XX в. охотно переписывали и читали душеспасительные тексты тысячелетней давности. Духовным идеалом, охватывающим, естественно, и феномены, которые составляют содержание графосферы, оставался для этой части общества тот же монастырь, каким он сложился в результате культурного переворота много столетий тому назад. Но и здесь мы не вправе поставить точку, потому что поверх всех социальных барьеров две социально обособ-

ленные культуры XVIII–XX вв. все-таки не могли не взаимодействовать. И они взаимодействовали. При этом по многим пунктам верх одерживала традиция с религиозным ригоризмом в анамнезе. Если вспомнить о Паисии Величковском, о Дивеевском монастыре и Серафиме Саровском, о фиаско протестантского Библейского общества, об оптинских старцах и К. Н. Леонтьеве, об имяславцах и религиозных философах XX в., понятно будет, что и применительно к привилегированным сословиям России хронологические маркеры, взятые из европейской истории графосферы, имеют относительную ценность. Добавим к перечню классическую литературу с ее профетическим пафосом, объясняя который, один из умнейших в России людей писал: «Мы ищем в писателе, смешно сказать... святого... Чудовищное явление: но оно-то и объясняет, почему у нас литература стала центральным национальным явлением» [Розанов, с. 37; ср.: Панченко]. Последовавшие атеистические баталии внесли свои коррективы, но не отменили прежнюю тенденцию. Вспомнив, что русский перевод Библии вышел лишь в 2011 г. (язык предшествующего опыта трудно назвать русским), и позволив себе в некотором роде *reductio ad absurdum*, рискнем утверждать, что России вообще не коснулся гуттенберговский переворот.

Высказав несколько суждений о константах русской культуры, которые не могли пройти бесследно для сопровождавшей ее эволюцию графосферы, автор рецензии отнюдь не пытался найти просчеты в концепции Франклина. Заключение, сделанные исследователем по результатам проведенного им анализа русской графосферы, являются закономерными и логически безупречными в русле той методологии, которой он придерживается и которая нацелена на поиск сходных усредненных (если воспользоваться любимым словечком Леонтьева) черт в культурах прошлого. Не подлежит сомнению, что читатели, которые не разделяют методологических посылок Франклина, тем не менее, тоже с большой пользой для себя прочтут его выдающийся труд. И все-таки даже самые блестящие страницы в книге о русских «видимых словах» не отменяют банальную, казалось бы, истину, а именно: использование европейских стандартов, игнорирующих религиозные основания русской культуры, никогда ею до конца не изжитые, будет неизменно служить препонами на пути к пониманию оригинальных черт этой культуры. Как тут не вспомнить слова Пушкина о том, что история России «требует другой мысли, другой формулы»?

Список литературы

Буланин Д. М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков : Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.)». СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 72 с.

Панченко А. М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб. : Азбука, 2000. С. 303–318.

Розанов В. В. А. С. Пушкин // Розанов В. В. Собр. соч. : в 30 т. М. : Республика, 1994–2010. Т. 4. О писательстве и писателях. С. 36–47.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси, 750–1200. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 624 с.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 552 с.

Франклин С. Русская графосфера, 1450–1850 / пер. с англ. Т. В. Ковалевской. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 568 с.

References

Bulanin, D. M. (2010). *Traditsii i novatsii v interpretatsii russkoi pis'mennoi kul'tury pervykh vekov: Zametki k perevodu knigi S. Franklina "Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.)"* [Traditions and Innovations in the Interpretation of the Russian Written Culture of the First Centuries: Notes to the Translation of S. Franklin's *Writing, Society and Culture in Ancient Russia (c. 950–1300)*]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 72 p.

Franklin, S. (2020). *Russkaya grafosfera, 1450–1850* [The Russian Graphosphere, 1450–1850] / transl. by T. V. Kovalevskaya. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 568 p.

Franklin, S. (2010). *Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.)* [Writing, Society and Culture in Early Rus', c. 950–1300]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 552 p.

Franklin, S., Shepard, D. (2000). *Nachalo Rusi, 750–1200* [The Emergence of Russia, 750–1200]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 624 p.

Panchenko, A. M. (2000). *Russkii poet, ili Mirskaya svyatost' kak religiozno-kul'turnaya problema* [The Russian Poet, or Worldly Saintliness as a Religious and Cultural Problem]. In Panchenko, A. M. *O russkoi istorii i kul'ture*. St Petersburg, Azbuka, pp. 303–318.

Rozanov, V. V. (1995). A. S. Pushkin [A. S. Pushkin]. In Rozanov, V. V. *Sobranie sochinenii v 30 t.* Moscow, Respublika. Vol. 4. O pisatel'stve i pisatelyakh, pp. 36–47.

The article was submitted on 12.01.2022

Regional Literary History: The Case of the Urals*

Rev. of: Sozina, E. K. (Ed.). (2020). *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.*
[A History of Urals Literature. The Nineteenth Century. 2 Books].
Moscow, Izdatel'skii dom YASK. 1439 p.

Oleg Larionov

HSE University,
St Petersburg, Russia

The review considers the two-volume collective monograph *A History of Urals Literature. The Nineteenth Century*, edited by Professor E. K. Sozina and published in 2020. This work aims to present a regional literary history that transcends the boundaries of a single national tradition and seeks to reconstruct the complex multicultural phenomenon of literary life in the nineteenth-century Urals. The volume's chapters are dedicated to the life and works of authors who lived in the region or visited it, the ways the Urals has been represented in travel writings, the literary traditions of the Bashkirs, the Komi, and the Udmurts, and the institutional infrastructure of Urals literary life (theatres, libraries, publishing businesses, periodicals, and literary societies). The reviewer seeks to determine the main trends in the literary developments behind the multitude of facts gathered by the authors and to articulate these trends in terms of relevant theoretical approaches. A series of biographies spanning the whole century makes it possible to detect the gradual autonomization of the literary field (Pierre Bourdieu). Travelogues and representations of the imaginary geography of the Urals appear to have been connected to the colonization and symbolic appropriation of this region by the Russian Empire. The development of literary institutions is regarded as a part of the history of the Russian public sphere (Jürgen Habermas). The complex interactions between the literary traditions of colonized peoples and Russian colonizers are seen through the postcolonial concept of hybridity (Homi Bhabha). Despite certain drawbacks, the work under review makes it possible to see literary life of the nineteenth-century Russian Empire as a multinational, multiconfessional, and multilingual network of actors and texts beyond the boundaries of the Russian national canon.

Keywords: literary history, regional literature, the Urals, nineteenth-century Russian literature, postcolonialism

* *Citation:* Larionov, O. (2022). Regional Literary History: The Case of the Urals. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 365–371. DOI 10.15826/qr.2022.1.677.

Цитирование: Larionov O. Regional Literary History: The Case of the Urals // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 365–371. DOI 10.15826/qr.2022.1.677.

В рецензии рассматривается двухтомная коллективная монография под редакцией Е. К. Созиной «История литературы Урала. XIX век», опубликованная в 2020 г. Целями работы являются представление региональной истории литературы, выходящей за пределы одной национальной литературной традиции, и реконструкция сложного мультикультурного феномена литературной жизни на Урале в XIX в. Главы посвящены биографиям и сочинениям авторов, живших в этом регионе или посещавших его; способам изображения Урала в сочинениях путешественников; литературным традициям башкир, коми и удмуртов; инфраструктуре уральской литературной жизни (театры, библиотеки, издательское дело и т. п.). Задача представленной рецензии – вычленив из множества фактов, собранных авторами, главные тренды литературного развития и артикулировать их в терминах релевантных теоретических подходов. Ряд биографий уральских писателей обнаруживает с их помощью процесс постепенной автономизации литературного поля (Пьер Бурдьё). Путевая проза и репрезентации воображаемой географии Урала оказываются связаны с колонизацией и символическим присвоением этого региона Российской империей. Развитие литературных институций рассматривается как часть истории российской публичной сферы (Юрген Хабермас). Сложные взаимоотношения между литературными традициями колонизированных народов и русскими колонизаторами рассматриваются через постколониальное понятие гибридности (Хоми Баба). Несмотря на некоторые недостатки, рецензируемая работа дает возможность увидеть литературную жизнь Российской империи XIX в. как многонациональную, многоконфессиональную и многоязычную сеть акторов и текстов за пределами русского национального литературного канона.

Ключевые слова: история литературы, региональная литература, Урал, русская литература XIX в., постколониализм

Since its inception, literary history as conceived by its theorists and practitioners has been intrinsically connected to the idea of the nation. As a result of what Pascale Casanova has termed ‘the Herderian revolution,’ literature became to be seen as the purest emanation of the national spirit and the carrier of cultural identity [Casanova, p. 75–77]. However, according to Hans Robert Jauss, by the second half of the twentieth century, literary history, as a discipline whose aim is ‘to represent in the history of literary works the idea of national individuality on its way to itself,’ ‘has increasingly fallen into disrepute’ [Jauss, p. 3]. In the following decades, various approaches to writing literary history have been proposed, with some of them paying much more attention to questions of geography. Thus, in his reflections on European literatures, the highly influential Franco Moretti has sketched ‘the spatial model’ of literary history, in which ‘geography is no longer the speechless onlooker of the —historical— deeds of the “European spirit”. The European space is not a landscape, not a backdrop of history, but a *component* of it’ [Moretti, p. 13]. A similar shift

of focus from masterpieces of the national literary canon to a huge number of divergent texts produced in and partly determined by a specific physical and social environment can be found in the ambitious work under review. Published under the aegis of the Institute of History and Archeology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences and edited by Professor Elena K. Sozina, the two vast volumes of *Istoriia literatury Urala. XIX vek* include contributions from dozens of scholars with various institutional affiliations and research interests [История литературы Урала. XIX век]. Their cumulative efforts have culminated in a work of astonishing breadth that aims to present a history of the multifaceted literary activities that took place in the huge multicultural Urals region of imperial Russia throughout the nineteenth century. The main premises, theories, and assumptions governing the whole work are outlined in the introduction; the authors are open to a multitude of approaches, including cultural geography, semiotics, postcolonial studies, geopoetics, and others. All these methods and concepts form the backdrop for the subsequent exposition of the facts of literary history. Drawing copiously on a wide range of sources, the authors bring to light the complex networks of writers, genres, media, and institutions that together constituted Urals literature in the period. First of all, this multilayered phenomenon consisted of all the people who lived in, or visited, this territory and wrote, translated, and published literary works. Secondly, the volumes take into account the variety of the ways the physical and cultural geography of the Urals region was studied, represented, imagined, and appropriated in scientific works, travelogues, and fictional writings. Last but not least, the work is not confined within the boundaries of the Russian language and literature; three chapters focus on the literary traditions and innovations of the Bashkirs, the Komi, and the Udmurts, and this attention to the texts of colonized peoples marks a decisive break with the tradition of national literary history discussed above.

Still, the majority of chapters are dedicated to the Russian literature of the Urals region, and the outline of its history forms an overarching structure. The reader becomes acquainted with the lives and works of a multitude of canonical writers (such as A. S. Pushkin and L. N. Tolstoy), as well as minor or outright marginal ones, whose appearance in the volumes depends solely on their physical presence in the space of the Urals, whether lifelong or short-term, voluntary or involuntary (the fifth chapter addresses the fates of exiled authors, from the Decembrists to the Poles to T. G. Shevchenko to revolutionary democrats). Approaching this collection of biographies, mostly concentrated in the first and tenth chapters and spanning the whole century, with the theoretical framework of Pierre Bourdieu, it is possible to determine a general trend here, namely, the gradual formation and autonomization of the literary field [Bourdieu]. Indeed, in the first half of the century in towns like Orenburg and Perm, literary activities were predominantly absorbed by the cultural practices of the elite or performed by teachers in educational institutions as part of or in addition to their duties; fictional texts were read and written in the frameworks of the conspicuous

consumption of cultural products, amateurish leisure practices, social confrontations via communication (the case of the satirist V. T. Feonov), patron-client relationships, state service, and so on (in all cases literature being more or less subjugated to the heteronomous principle). By the end of the century, however, the literary field was constituted as an autonomous sphere of social life: internally differentiated, governed by its own rules, and offering professional opportunities to its actors.

The interpenetration of fictional literature with other discourses, forms of knowledge, and social practices is one of the major themes in the reviewed work. The Urals was a colonized region whose appropriation by the Russian Empire was conducted both practically and symbolically through the complex networks of power and knowledge. Citing the works of Michel Foucault and Edward Said, the authors of the volumes consider literature as an integral part in this process. The sixth chapter focuses on travel writings in which the Urals region was described. Oscillating between the poles of scrupulous scientific exploration and vivid literary imagination sometimes dependent on the commonplaces of Orientalist discourses, these texts significantly contributed to the creation of the region's imaginary geography. The Urals were transformed from a physical space unknown to the Russians to a cultural space measured, mapped, and invested with meanings; in particular, it became a subject for literature. Visions of the Urals in fictional and non-fictional writings evolved from images of exotic nature to those of something familiar, domesticated yet at the same time locally rooted and specific, a simultaneous expression of both all of Russia and a distinct regional part. According to the authors, this mode of representation was both practiced by and mirrored the position in the literary field of D. N. Mamin-Sibiriak, the Urals author who made it into the Russian literary canon precisely *because* he wrote on local subjects. His life and works are treated extensively in the closing eleventh chapter, which is dedicated exclusively to him and makes him into a symbol of the Urals' successful integration into Russia.

Along with the chapters structured around individual biographies or genres, the volumes also contain three successive chapters focused on institutions and the social history of literature. The seventh chapter follows the development of theatre in the Urals, starting with the amateur serf theaters created at the factories and leading to the emergence of professional companies (at first travelling) and city theatres. In the eighth chapter, the social conditions, practices, and institutional infrastructure of reading and book selling in the second half of the century are reconstructed; its second section, one of the finest achievements of the whole work, contributes to the history of reading by carefully studying individual readers' responses to different texts and authors, thus shifting for a moment the focus from the production to the reception of literature. The history of media is the subject of the ninth chapter, in which the periodicals of the Urals are described. The press here began with state-run 'provincial gazettes' (*gubernskiie vedomosti*) in which initially no fictional literature was allowed; they were

followed by church periodicals and, finally, by the private local media, the state being replaced by civil society. The evidence gathered in these chapters corroborates the trend described above — during the nineteenth century, the Urals witnessed the creation of a large-scale literary field with professional writers and journalists, unofficial media and independent theaters, diversified reading public and a system of libraries, developed publishing business and a variety of literary associations. These developments could be interpreted through Jürgen Habermas' concept of the public sphere, recently applied to the institutional history of nineteenth-century Russian literature by Alina Bodrova [Бодрова]; the governmental origins of periodicals, the role of educational institutions in literary life, the flourishing of the literary societies, and other forms of voluntary association all point to complex interplays and interdependencies between the state and society and their ultimate separation in the course of Russia's modernization. What is especially interesting in this process is the fact that state-run institutions and media not only give way to the power of public opinion but also make the latter possible, creating the very communicative structures and models of social interaction by which emancipation from the state takes place.

In nineteenth-century imperial Russia, the literatures of the colonized peoples of the Urals were also rapidly changing. As the second chapter demonstrates, the Bashkirs combined a written literary tradition that was reproduced through a network of Muslim schools stretching beyond the boundaries of the Russian Empire with oral folklore and new secular modes of writing practiced by those who served in educational institutions as a kind of mediators between their own culture and that of the colonizers. As for the Komi, who were baptized and provided with writing by the Russians, their written literary tradition had, since the beginning, been informed by a colonizing impulse that worked through the translations of religious and educational texts. According to the remarkably lucid and informative third chapter, Russian attempts to assimilate the Komi people through the inculcation of Orthodoxy in the Komi language contributed to the emergence of an educated stratum of Komi society and a new secular literature. Somewhat similar processes took place in Udmurtia, as described in the fourth chapter. Here the literary language was also formed through the translations of Christian texts: the institutional foundation of modernization was the school system in which the lessons were held in the native language of the students. All these examples of cross-cultural interactions bring to mind the works of the postcolonial theorist Homi Bhabha (unlike Said, he is never mentioned in the reviewed volumes), who argued that 'hierarchical claims to the inherent originality or 'purity' of cultures are untenable' [Bhabha, p. 37]; instead of self-enclosed entities isolated one from another, there exists a fundamental hybridity and interpenetration between the colonizers and the colonized.

Arguably the most striking example of the hybrid identity generated by the Urals was the writer T. S. Beliaev, who authored the tale *Kuz-Kurpiach* published in 1812. Written in Russian, this text is based on a Bashkir heroic

epic; employing an 'Oriental' style, it also has fragments modeled after Russian folklore. 'Appropriation' of the 'popular culture' by the privileged print culture, to use the terms of Roger Chartier [Chartier, p. 89–90], or an exercise of colonial power, it was actually written by a serf and published by his master N. I. Timashev, whose ancestors were Tatars and who followed some traditions of the Bashkirs. In this case, all the stable categories (orality and literacy, elitist and popular, national and colonial, domination and appropriation, etc.) come into a complex interplay with each other, giving a picture far more nuanced than those of traditional literary histories. What is more, it becomes obvious that it is simply impossible to write a 'pure' history of national literature, because in literary history there are no strict boundaries and everything is hybrid.

Of course, the work under review also has certain drawbacks. While there are several theoretically-charged chapters, generally there is a lack of conceptualization. One can reasonably object to the tendency to downplay the coercive nature of the Russian colonialism and to outmoded Soviet language in the description of Bashkir literature in terms of 'enlightenment' and 'progress' (*peredovoi avtor*, etc.). Finally, the methodological pluralism of the introduction is not far away from an eclecticism in which conflicting methods are seamlessly mixed. Nevertheless, the overall significance of this thought-provoking and unconventional work is beyond question. By shifting away from the narrow realms of the national literary canon and by introducing regional geography as an active component in literary history, the authors have brought into being quite a unique work, one in which there is a place for the social history of literature, the history of reading, and postcolonial optics; for serfs, women writers, and a queer person (N. A. Durova/Aleksandrov); for people of many confessions, nationalities, and social classes; and for printed, written, and orally transmitted texts in many languages. One hopes that this vision of the nineteenth-century Russian Empire will provide directions for a lot of future studies of that period's literature.

Список литературы

Бодрова А. С. Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Рус. лит. 2021. № 1. С. 5–18. DOI 10.31860/0131-6095-2021-1-5-18.

История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. М. : Изд. дом ЯСК, 2020. 1439 с.

Bhabha H. K. The Location of Culture. L. ; N. Y. : Routledge, 1994. XIII, 285 p.

Bourdieu P. The Rules of Art : Genesis and Structure of the Literary Field / transl. by S. Emanuel. Stanford : Stanford Univ. Press, 1996. XX, 408 p.

Casanova P. The World Republic of Letters / transl. by M. D. DeBevoise. Cambridge ; L. : Harvard Univ. Press, 2004. XIII, 420 p.

Chartier R. Forms and Meanings : Texts, Performances, and Audiences from Codex to Computer. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 1995. VII, 128 p.

Jauss H. R. Toward an Aesthetic of Reception / transl. by T. Bahti. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1982. XXIX, 231 p.

Moretti F. Distant Reading. L. ; N. Y. : Verso, 2013. 244 p.

References

- Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. L., N. Y., Routledge. XIII, 285 p.
- Bodrova, A. S. (2021). Literaturnye obshchestva v Rossii pervoi poloviny XIX veka: problemy mezhdistiplinarnogo opisaniya [Literary Societies in Russia of the First Half of the 19th Century: Issues of Interdisciplinary Description]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 5–18. DOI 10.31860/0131-6095-2021-1-5-18.
- Bourdieu, P. (1996). *The Rules of Art : Genesis and Structure of the Literary Field* / transl. by S. Emanuel. Stanford, Stanford Univ. Press. XX, 408 p.
- Casanova, P. (2004). *The World Republic of Letters* / transl. by M. D. DeBevoise. Cambridge, L., Harvard Univ. Press. XIII, 420 p.
- Chartier, R. (1995). *Forms and Meanings : Texts, Performances, and Audiences from Codex to Computer*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press. VII, 128 p.
- Jauss, H. R. (1982). *Toward an Aesthetic of Reception* / transl. by T. Bahti. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press. XXIX, 231 p.
- Moretti, F. (2013). *Distant Reading*. L., N. Y., Verso. 244 p.
- Sozina, E. K. (Ed.). (2020). *Istoriya literatury Urala. XIX vek v 2 kn.* [A History of Urals Literature. The Nineteenth Century. 2 Books]. Moscow, Izdatel'skii dom YASK. 1439 p.

The article was submitted on 14.11.2021

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Азаренко Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-6658-5177

sergey_azarenko@mail.ru

Брагоне Мария Кристина, кандидат филологических наук, профессор, Университет Павии.

27100, Италия, Павия, Corso Strada Nuova, 65.

ORCID 0000-0002-9966-8689

mariacristina.bragone@unipv.it

Буланин Дмитрий Михайлович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН.

199034, Россия, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2.

ORCID 0000-0002-5480-7964

dmitriibulanin@yandex.ru

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры философии и истории, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

390000, Россия, Рязань, ул. Сенная, 1.

ORCID 0000-0002-3030-262X

vasi-svetlana@yandex.ru

Вендитти Микела, доктор филологических наук, профессор, Университет Неаполя Л'Ориентале.

80121, Италия, Неаполь, Via Chiatamone, 61/62.

ORCID 0000-0003-4072-4604

mvenditti@unior.it

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-2230-1985

irina_vepreva@mail.ru

Войтак Мария, доктор филологических наук, профессор, Университет Марии Кюри-Скловодской.

20-031, Польша, Люблин, ул. Марии Кюри-Скловодской, 5.

ORCID 0000-0003-4537-2732

em.wojtak@gmail.com

Дьячкова Наталия Александровна, доктор филологических наук, ректор, Миссионерский институт.

620026, Екатеринбург, ул. Карла Маркса, 12.

ORCID 0000-0002-5417-9611

trudovyeresursy@yandex.ru

Иваняков Роман Игоревич, кандидат исторических наук, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Псковский филиал).

180014, Россия, Псков, Зональное шоссе, 28.

ORCID 0000-0001-5303-5838

skspui@gmail.com

Келлер Андрей Викторович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-9086-1079

a.v.keller@urfu.ru

Костромин Константин Александрович, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, проректор по научно-богословской работе, Санкт-Петербургская духовная академия.

191167, Россия, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, 17.

ORCID 0000-0001-8511-3431

k.a.kostromin@mail.ru

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

ORCID 0000-0001-8366-6083

krass49@gmail.com

Ларионов Олег Алексеевич, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.

ORCID 0000-0002-9263-8516

larionov98@yandex.ru

Накишова Марина Тазабаевна, ассистент, младший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-2115-1663

m-nakishova@mail.ru

Нефедова Лилия Амирянвна, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет.

454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

ORCID 0000-0003-3105-766X

lan2@mail.ru

Петрикова Анна, кандидат филологических наук, доцент, Прешовский университет.

080 01, Словакия, Прешов, ул. 17 ноября, 15.

ORCID 0000-0003-1709-419X

anna.petrikova@unipo.sk

Пилявец Юрий Григорьевич, кандидат исторических наук, декан факультета подготовки государственных и муниципальных служащих, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Псковский филиал).

180014, Россия, Псков, Зональное шоссе, 28.

ORCID 0000-0001-5407-9525

ypilyavec@mail.ru

Попп Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент, начальник управления научно-образовательной и проектной деятельности, Уральский государственный педагогический университет.

620091, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

ORCID 0000-0002-5257-1126

popp82@mail.ru

Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-9018-6213

miegata-logos@yandex.ru

Раздорский Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии, Российская национальная библиотека.

191069, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18.

ORCID 0000-0003-2506-7714

razdor@nlr.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Русаковский Олег Владимирович, PhD, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0001-7065-2993

ruso0504@gmail.com

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Сотникова Елизавета Сергеевна, старший преподаватель, Челябинский государственный университет.
454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
ORCID 0000-0003-2541-9679
esstnv@gmail.com

Тарасов Олег Александрович, кандидат исторических наук, начальник кафедры философии и истории, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
390000, Россия, Рязань, ул. Сенная, 1.
ORCID 0000-0002-5806-6542
socratia@yandex.ru

Усачев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет); профессор, Российский государственный гуманитарный университет.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.
ORCID 0000-0003-4436-6269
asuuas1@mail.ru

Шруба Манфред, доктор филологических наук, профессор, Миланский университет.
20122, Италия, Милан, Via Festa del Perdono, 7.
ORCID 0000-0001-9174-2998
manfred.schruba@unimi.it

Azarenko Sergey, Dr. Hab. (Philosophy), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-6658-5177
sergey_azarenko@mail.ru

Bragone Maria Cristina, PhD (Philology), Professor, Pavia State University.
65, Corso Strada Nuova, 27100, Pavia, Italy.
ORCID 0000-0002-9966-8689
mariacristina.bragone@unipv.it

Bulanin Dmitrii, Dr. Hab. (Philology), Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
4, Makarov Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
18/2, Volkhonka Str., 119019, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-5480-7964
dmitriibulanin@yandex.ru

Dyachkova Natalia, Dr. Hab. (Philology), Rector, Missionary Institute.
12, Karl Marx Str., Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-5417-9611
trudovyeresursy@yandex.ru

Ivanyakov Roman, PhD (History), Head of the Department of State and Legal Disciplines, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Pskov Branch).
28, Zonal'noe Highway, Pskov, Russia.
ORCID 0000-0001-5303-5838
skspui@gmail.com

Keller Andrey, Dr. Hab. (History), Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9086-1079
a.v.keller@urfu.ru

Kostromin Konstantin, PhD (History), PhD (Theology), Associate Professor, Vice-Rector for Research, St Petersburg Theological Academy.
17, Obvodny kanal Embankment, 191167, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-8511-3431
k.a.kostromin@mail.ru

Krasilnikov Sergey, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0001-8366-6083
krass49@gmail.com

Larionov Oleg, Graduate Student, HSE University.
16, Soyuzna Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9263-8516
larionov98@yandex.ru

Nakishova Marina, Assistant, Junior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2115-1663
m-nakishova@mail.ru

Nefedova Liliya, Dr. Hab. (Philology), Professor, Chelyabinsk State University.
129, Bratiev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.
ORCID 0000-0003-3105-766X
lan2@mail.ru

Petrikova Anna, PhD (Philology), Associate Professor, University of Prešov.
15, November 17 Str., 080 01, Prešov, Slovakia.
ORCID 0000-0003-1709-419X
anna.petrikova@unipo.sk

Piliavets Yuri, PhD (History), Dean of the Faculty of Training State and Municipal Employees, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Pskov Branch).

28, Zonal'noe Highway, Pskov, Russia.

ORCID 0000-0001-5407-9525

ypilyavec@mail.ru

Popp Ivan, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of Scientific, Educational and Design Activities, Ural State Pedagogical University.

26, Kosmonavtov Ave., 620091, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5257-1126

popp82@mail.ru

Prikazchikova Elena, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-9018-6213

miegata-logos@yandex.ru

Razdorsky Aleksey, PhD (History), Head of Group of the Historical Bibliography, National Library of Russia.

18, Sadovaya Str., 191069, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-2506-7714

razdor@nlr.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Rusakovsky Oleg, PhD, Research Fellow, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-7065-2993

ruso0504@gmail.com

Schruba Manfred, Dr. Hab. (Philology), Professor, University of Milan.

7, Via Festa del Perdono, 20122, Milan, Italy.

ORCID 0000-0001-9174-2998

manfred.schruba@unimi.it

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Sotnikova Elizaveta, Senior Lecturer, Chelyabinsk State University.
129, Bratiev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.
ORCID 0000-0003-2541-9679
esstnv@gmail.com

Tarasov Oleg, PhD (History), Head of the Department of Philosophy and History, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service
1, Sennaya Str., 390000, Ryazan, Russia.
ORCID 0000-0002-5806-6542
socratia@yandex.ru

Usachev Andrey, Dr. Hab. (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Professor, Russian State University for the Humanities.
76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.
6, Miuskaya Sq., 125993, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-4436-6269
asuuas1@mail.ru

Vasilieva Svetlana, PhD (History), Deputy Head of the Department of Philosophy and History, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.
1, Sennaya Str., 390000, Ryazan, Russia.
ORCID 0000-0002-3030-262X
vasi-svetlana@yandex.ru

Venditti Michela, Dr. Hab. (Philology), University of Naples L'Orientale.
61/62, Via Chiatamone, 80121, Naples, Italy.
ORCID 0000-0003-4072-4604
mwenditti@unior.it

Vepreva Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2230-1985
irina_vepreva@mail.ru

Wojtak Maria, Dr. Hab. (Philology), Professor, Maria Curie Skłodowska University.
5, Plac Marie Curie-Skłodowskiej, 20-031, Lublin, Poland.
ORCID 0000-0003-4537-2732
em.wojtak@gmail.com

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

ГАПК – Государственный архив Пермского края
GAPK – Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАРО – Государственный архив Рязанской области
GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti

ГАШ – Государственный архив г. Шадринска
GASh – Gosudarstvennyi arkhiv g. Shadrinska

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyi istoricheskii muzei

ММК – Музеи Московского Кремля
MMK – Muzei Moskovskogo Kremlya

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

TNA – The National Archives

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 10, 2022, № 1

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 08.04.2022. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 32,7. Усл. печ. л. 35,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 85.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru